Лицевой летописный свод XVI века

Иосиф Флавий

Иудейская война

Книга 1

Москва

в лѣто 2021 ѿ Въплъщенiа Гда нашего Iса Ха,
а ѿ Адама въ лѣто 7521

КНИГА ІОСИФА МАТТАФІЯ ЕВРЕЯ

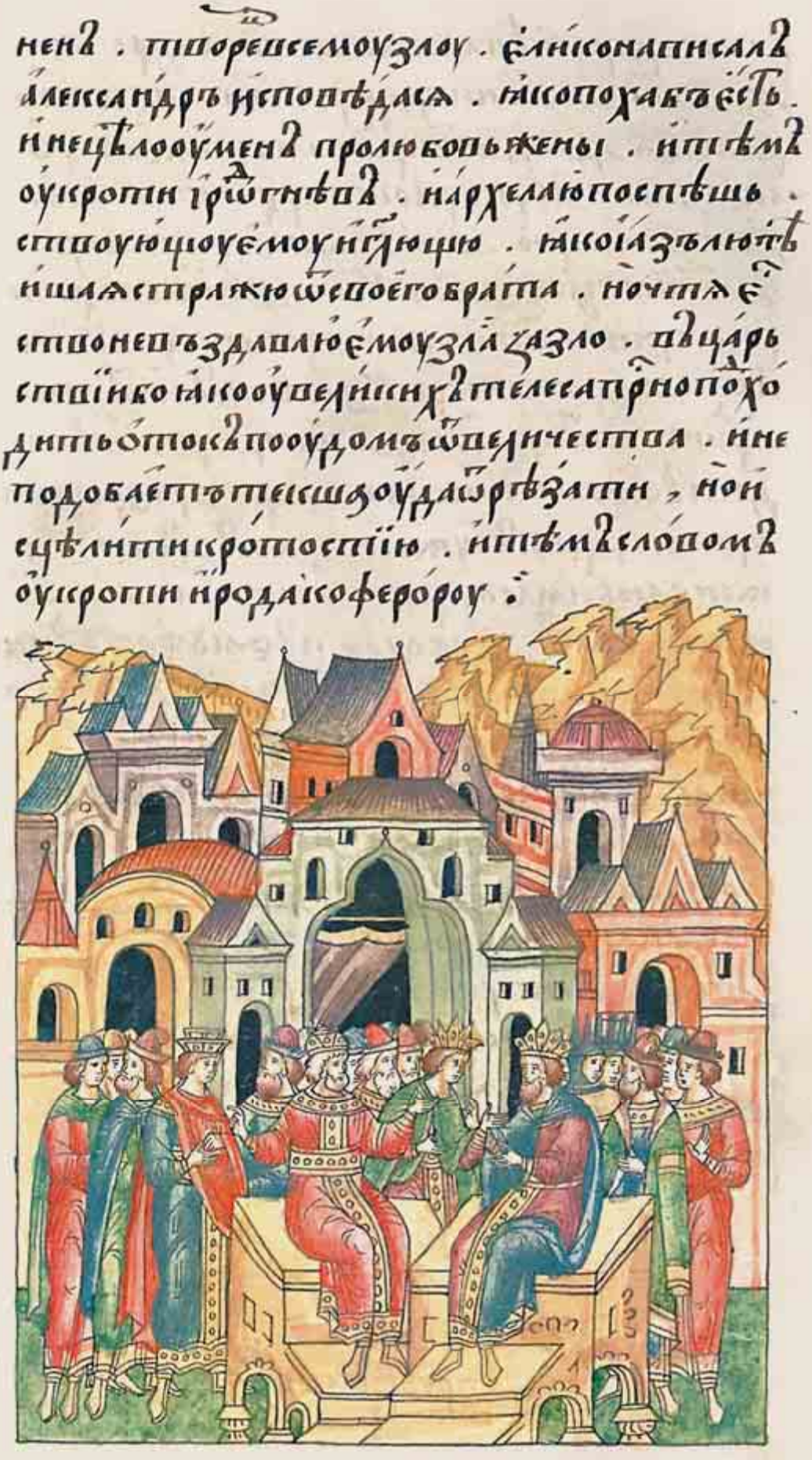
ПРЕЛЕЖИТ ЖЕ ПОВѢСТОШАНІЕ ШНРОДѢХЪ ИСТО
РІА ИЗВѢСТНОЕ . ИЖЕ СОУЦЛА ПОСИХЪ
МЕНЬШИХЪ ЧИНОПЕСОЕГО ЯДОКНЗА И ПЛА
СТЕЛА . ПОНЕЖЕ МНОГА ПОСРЕДИ НИХЪ ЕСТЬ
ЛАА ИРОДА АНТИПАТРА И АЛЕКСАНДРА
ЗЯТА АРХЕЛАЄВА И ФЕРОРЫ И САЛАМІИ
И ПРОЧИ . ПРОСТРАННѢОУДРЪЖЕПАШЕ
ШАТАНІЕСОУЕТНОЕ . ДРЪЗАЮЩЕСА ПРО
ТИПОИТИСА ДЕЛИЧЕСТШУПРАЩДЪ И СОУ
ПРОТИВНОЕ ПОСТАЩАТИ . И БОЛШИ
ТАКОШІИСПОИМНЕСТИМИ ПОТАЗАЕМИ
БЫПАХОУ . И ІСОЖЕНАПРЄХОПАЩАА РЕ
ЧЕНАБОУДОУ . И ДЪЖЕЧИНЪСПОНЕСТОПНО

КНИГА ИОСИФА МАТТАФИЯ ЕВРЕЯ

Переходим к рассказу о царях Иродах, о том, что из истории нам о них известно. Расскажем и о тех, кто были при Иродах в меньших чинах, о князьях и властителях. Много же у них — у Архелая, и Ирода, и Антипатра, и Александра, зятя Архелая, и Ферора, и Саломеи, и прочих — было пустой гордыни. Дерзали они идти против справедливости и противное правде делали, и часто своими кознями себе же вред причиняли, как дальше рассказано будет.
В свое время

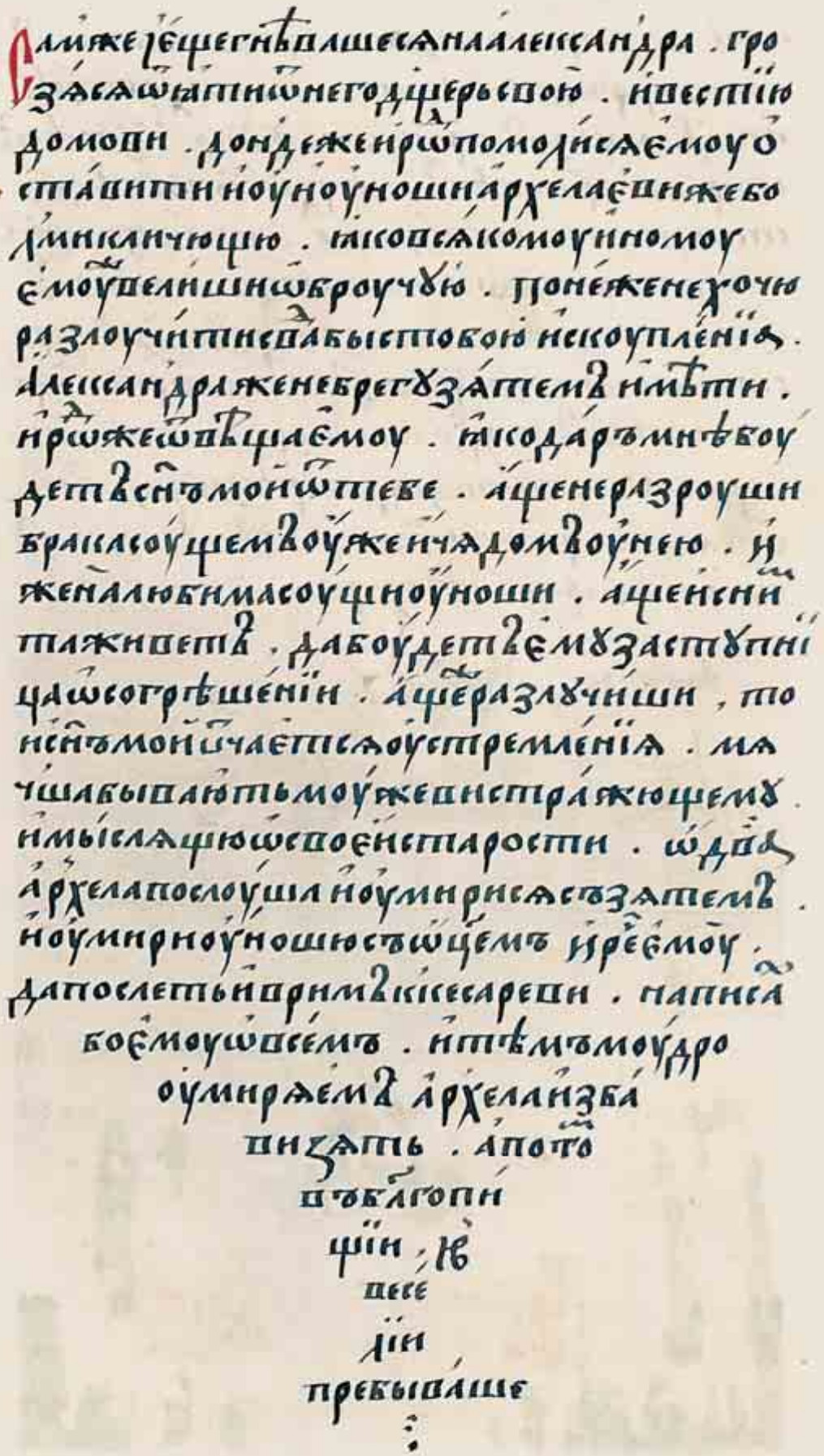
обнаруживается коварство злоумышленника, как он возводил клевету и произносил слова, исполненные смертельного яда. Из-за такой-то пустой гордыни Архелай, царь Каппадокии, на Александра, зятя своего, сына Ирода, в гневе был. Также и Ирод, царь Иудеи, на Ферора, брата своего, и Саломею, сестру свою, за множество их злодеяний гневался.

Тогда обличил царь Ирод Ферора, брата своего, в преступлении его. Ферор же надел темную одежду, чтобы показать свою скорбь, и с плачем припал к ногам Ирода, и просил прощения, и преступником себя назвал,



и окаянным. И признал себя Ферор творцом всего злого, что написал про него сын Ирода Александр; признал Ферор свое безумие и объяснял это любовью к женщине. И отвел Ферор от себя гнев Ирода. И Архелай, царь Каппадокии, бывший при этом, помогая Ферору, обратился к Ироду: «И я страдаю от своего брата, и еще большее зло от него терплю, но признаю наше природное родство и не воздаю зла за зло. В царствах, как в больших телах, постоянно возникают опухоли в разных членах, из-за их величины, и надо не отсекать отекший член, а лечить его кротостью». И такими словами Архелай отвел гнев Ирода от Ферора.

Сам же Архелай еще гневался на Александра, зятя своего, сына Ирода, и грозился отнять у него дочь свою и увезти ее домой. Тогда Ирод стал упрашивать Архелая, чтобы он простил юношу. Архелай же еще сильнее восклицал: «С любым другим мужчиной из рода твоего, о, Ирод, с которым ты повелишь, обручу ее, поскольку не хочу порвать родственную связь с тобой, Александра же не желаю зятем иметь». Ирод же отвечал ему: «Подарком мне будет сын мой от тебя, если ты не расторгнешь этот брак, ведь есть уже и дети у них, и жену свою любит юноша; и если с ним она будет жить, то убережет его от согрешений, а если разлучишь ты их, то сын мой отчается. Метания молодости утихают у человека, когда он трудится и думает о своей старости». Не сразу Архелай послушался Ирода и помирился со своим зятем Александром. Так Архелай достиг своей настоящей цели — помирил юношу с отцом, Александра с Иродом. И сказал Архелай Ироду, чтобы тот послал Александра в Рим к Цезарю для объяснения, поскольку Ирод уже написал Цезарю обо всем, что произошло. Вот так мудро добился умиротворения Архелай и спас своего зятя. А затем пировать и веселиться они стали.



Нд҃ѡщюужеѥмоуѵ҃ѣшоеи҃земли . почѣсти
его иродъделикимидарыдо . ѳ҃ . тала
нтъ . дѣспьжеѥмоуистолъзлаѣшъсѧ
драгимъкамениемъоустроенъ . исѣсоп
цы . иналѡжницусвоюимаеѣшесѵ҃но
чнаѧ . идрѹжиныегоѡчьстникогожѡ
постоанію . тѣицрвѣрѡшесѣиѡчьсти
ша , архелаюѡтцыимдамиѡпелѣнѣе
цра . ипропотыѣрѡшесѣмоѧкадоантѡи
охіа .

Когда Архелай пошел в свою землю, в Каппадокию, Ирод почтил его большими дарами: дал 70 талантов золота, дал ему и престол золотой, дорогими камнями украшенный, и слуг-скопцов дал, и наложницу свою подарил, имя ей было Всеночная. И приближенных Архелая почтил Ирод подарками, каждого по его достоинству. Также и все родственники царя Ирода почтили Архелая ценными подарками, по повелению Ирода. И проводил Архелая Ирод с вельможами до Антиохии.

Прошло немного времени, и пришел человек, искусный в хитрости, звали его Эврикл, из Лаконии. Этот Эврикл достигнутое Архелаем примирение царя Ирода с сыном его Александром разрушил и Александра погубил. Сделал же это Эврикл, чтобы получить много золота. Пришел же он к Ироду и принес ему дары богатые и разнообразные; этим хотел он заслужить себе почет у Ирода и получить от него ответные богатые подарки; и как задумал Эврикл, так и было. И отнял Эврикл у царя разум, действуя лестью, и силой своего красноречия, и обманной похвалой; делал и говорил все, что любил Ирод, и вошел в число его приближенных.

Этот Эврикл разведал о разладе в семье Ирода, о вражде между братьями и о том, как отец кого любит.

Н тогда Эврикл пошел к Антипатру, старшему сыну Ирода, и доверился ему полностью. Также Эврикл делал вид, что дружит со вторым сыном Ирода, Александром, солгав ему, что Архелай, тесть и заступник Александра, царь Каппадокии, является другом Эвриклу. И Александр скоро стал считать Эврикла верным себе человеком и с Аристобулом, братом своим, третьим сыном Ирода, подружил его. И был Эврикл наемником Антипатра и предателем Александра.

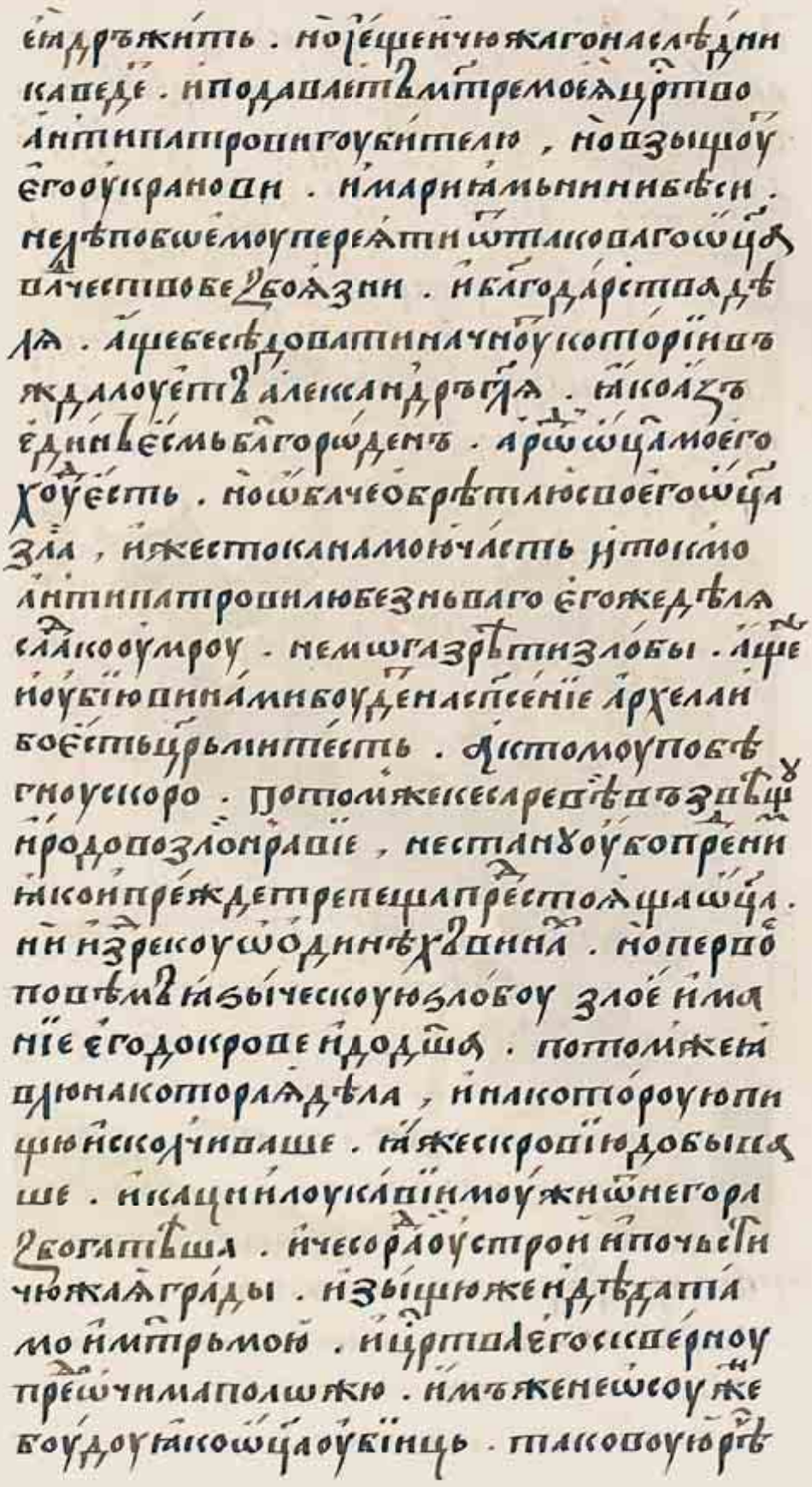
Антипатра Эврикл укорял в том, что он, старший сын, не замечает тех, кто желает навредить ему и помешать взойти на престол. Александру же говорил так Эврикл: «Почему ты уступаешь царство Антипатру? Ведь его родила женщина незнатная, а тебя родила женщина из царского рода, и жена у тебя — царевна, и тесть твой — царь Архелай». И доверял юный Александр Эвриклу, поскольку тот назвался другом Архелая, а потому ничего не скрывал Александр от Эврикла и жаловался ему со слезами на Антипатра, брата своего, и на Ирода, отца своего, и так говорил: «Ирод убил нашу с Аристобулом мать. Потому не будет удивительным, если он и у нас отнимет

полученное от нее право на царствование». Эврикл же притворялся, что жалеет братьев Александра и Аристобула, и проливал слезы с ними. Добившись же от братьев этих откровенных укоров отцу,

Эврикл пошел к Антипатру и передал ему эту тайну, а также солгал, что братья ищут удобного случая, чтобы убить Антипатра. И получил Эврикл от Антипатра богатства много в награду за эту ложь. Затем он стал расхваливать Антипатра и клеветать на Аристобула и Александра перед отцом их Иродом. Так Эврикл стал соучастником смерти Александра и Аристобула.

Ѝпристо́упи ѓаконо́д оу гла́аше . ѓако а́ѕ
тиднедлю́жнио́тъ замно́гоую кла́сть
ю́же е́сидалѓасомнѣ . не ѣ́дѣтиподаи́л
пъ́странноюбїа́тиюе́гомѣ́сто . дре́
щебѣ́на́тао́стрен ѓме́чь . ѓалеѯандро
ѓадесни́цлоу́крепилася . ѓевъ́знглася
на́па . ноѓзѣ́шѣ ѓзбранисскоростне́го .
тѣ́ворасѧпостѣ́шникѣ́моу . ѓалеѯа
ндръѣ́шѣ́гѣ́ ѓаконетѣ́е́моуѣ́бысть до
сыти . ѓакоцр́тѣ́оуе́тѣ́ѓачюѓе́мъ
цр́тѣ́въ . нѣ́оу́бїе́нїѧмтѣ́ре́моеѧцр́тѣ́

И пришел Эврикл к Ироду и сказал: «Я тебе сегодня дарю жизнь за все те милости, что ты оказал мне, и открою тебе глаза в ответ на твое гостеприимство. Ведь давно против тебя изготовлен острый меч, и рука Александра крепко держит его и уже занесла его над тобой. Но я уговорил Александра не спешить, притворившись сообщником его. Александр же говорит: "Не хватило Ироду того, что царствует в чужом царстве, и что после убийства матери моей царством



ее обладает, так он еще и чужого наследника привел и отдает царство, принадлежавшее моей матери, Антипатру губителю. Взывают ко мне о мести духи прадеда моего царя Гиркана и матери моей Мариамны, и нельзя мне принять от такого отца владычество без страшного деяния". Такие речи, о, царь Ирод, — продолжал Эврикл, — говорит про тебя твой сын Александр. А если о благородном происхождении кто-нибудь обмолвится, то с охотой Александр говорит: "Я один благородного происхождения, а род отца моего незнатен. Несмотря на это, отец ко мне плохо и жестоко относится, лишь к Антипатру он любовь проявляет. Поэтому с радостью умру я, если мой заговор раскроется, потому что не могу видеть этой несправедливости. Если же удастся мне убить отца, то эта вина будет мне во спасение. Ведь Архелай царь приходится мне тестем, к нему и побегу сразу, а потом и к Цезарю. И расскажу Цезарю о злодействе Ирода, и не буду стоять перед императором, как раньше, боясь находящегося здесь же отца, и не буду говорить только о том, в чем я провинился. Сначала я поведаю Цезарю о народной беде, о жестоких поборах, стоивших людям крови и самой жизни. Затем расскажу и о том, на какие злодеяния и на какую роскошь растрачивал Ирод то, что с кровью добывал; и какие коварные люди у Ирода разбогатели; и с какой целью он строил и оказывал почтение чужим городам. Скажу еще, что мстил я за прадеда моего и за мать мою, и покажу Цезарю всю мерзость царствования Ирода, и тогда не буду осужден за убийство отца моего"». Такую речь

сочинил Эврикл и передал ее Ироду, как будто слышал ее от Александра. Далее Эврикл стал хвалить Антипатра за то, что он-де один любит отца и ограждает его от злоумышленников. Тогда царь, у которого прежний гнев на Александра еще не прошел, новой неукротимой ярости исполнился. И сразу, выигрывая время, Антипатр многих клеветников подослал. Говорили они, что к Александру и Аристобулу тайно приходят Юкунд и Тиранн, два сотника, замышляя недоброе.

Тогда Ирод разгневался весьма, и схватил этих двух сотников, и пытал их, но они ничего не признали из этой клеветы.

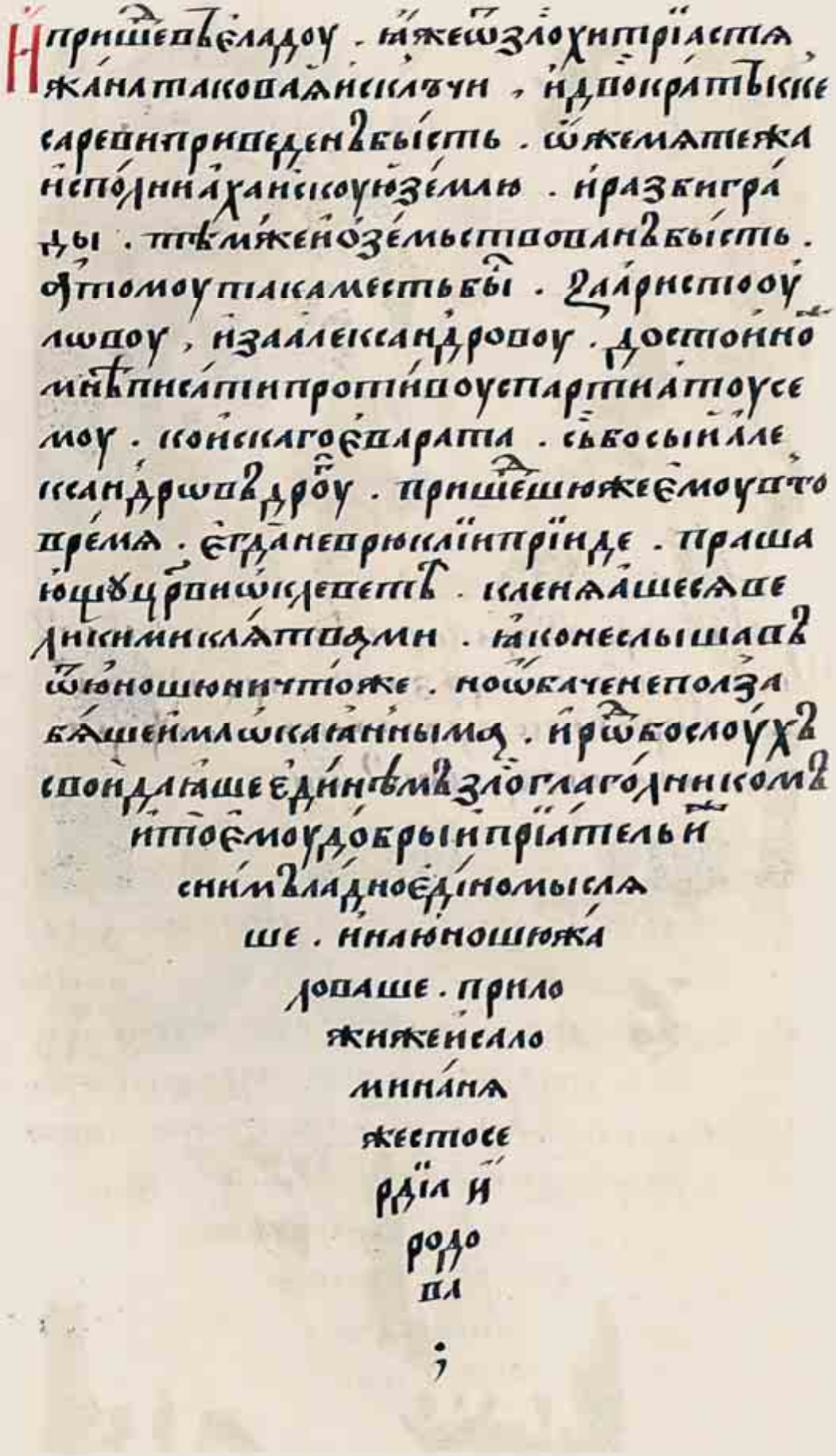
Принесе́на же бы́сть е́пистоли́а ѡ̑ Алекса́ндрѣ
къ Ироду повоу власте́линоу . моля́щоуся
да прїи́метъ и̑ въ гра́дъ съ Аристоо́улѡ̑ .
и̑ мже оубїе́нъ бы́сть . и подаѧ́нымъ о́роу
жїе́йскоѥ . и̑ и̑мѣ́нїе . сїе́ е́пистоли́а
погроу́зи Алекса́ндра . глаше́ прелще́нїе
е́сть дїѡ́фа́нтово . и̑ же бы́ грамо́тни
цр҃ъ хи́тръ моу́жь и̑ моу́дръ . и̑ мнѡгѧ
съ тѡ́ писа́ нїѧ свое́ю грамѡ́тою . и̑ подо́
бноу и̑ нѣ́мъ грамо́тамъ . и̑ мнѡ́гѧ пре
о́бразѝ . и̑ тою́ ѡ̑ и̑ною́ ѡ̑ и̑ зако́не погѹ́бле
бы́ .

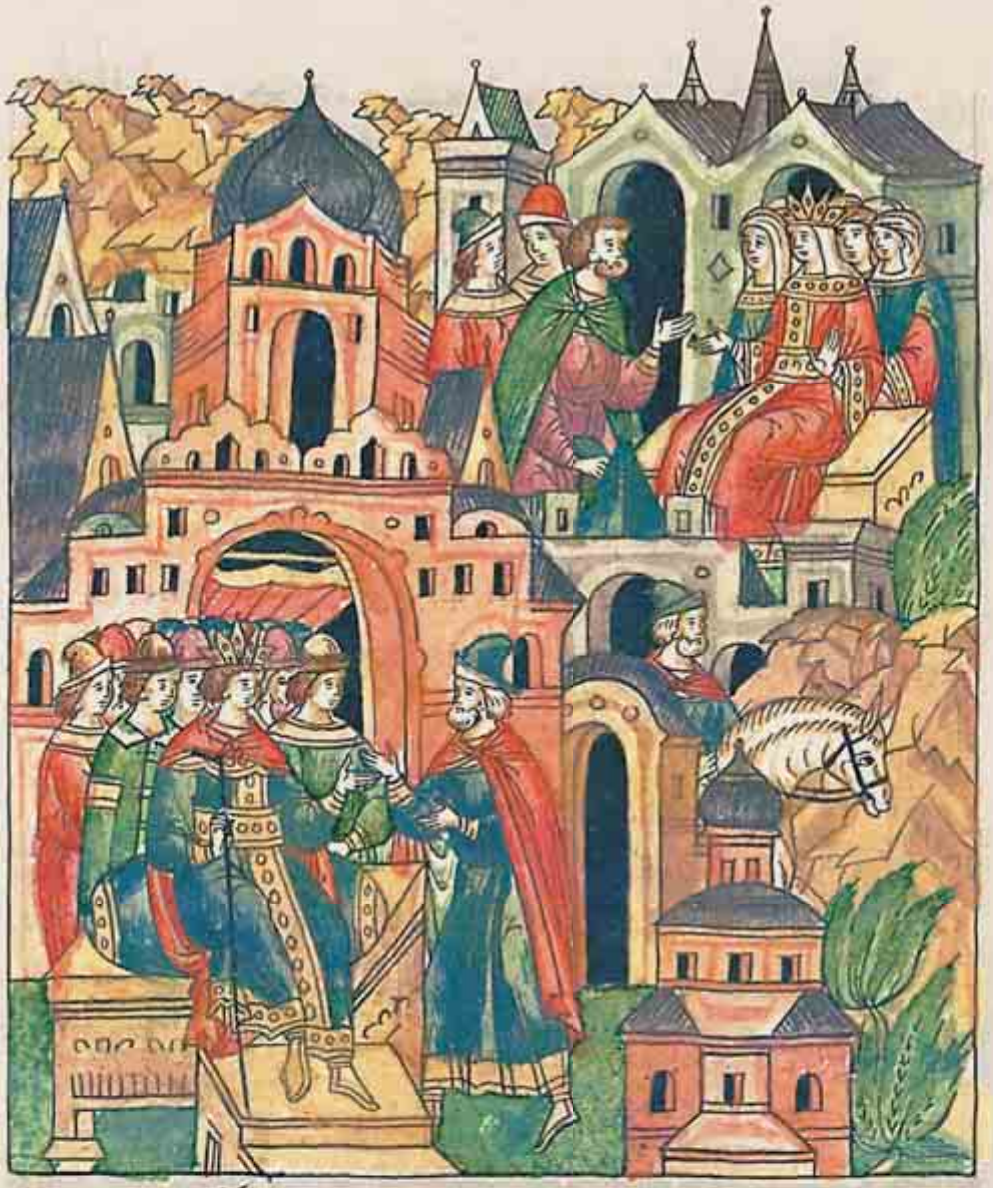
Тогда же принесли письмо Александра к одному из градоначальников Ирода с просьбой принять их с Аристобулом в город после того, как они убьют отца, и передать им находящееся в городе вооружение и имущество. Это письмо, грозившее Александру гибелью, он отнес к проделкам Диофанта. Был же этот Диофант писцом царским, хитрым человеком и умным, умел он подделывать почерки, и множество их подделал, и за это, в конце концов, убит был.

Ирод же пытал градоначальника, к которому было написано письмо, но тот ничего не признал из этой клеветы. И бессильны были обвинители. Тем не менее, Ирод повелел обоих братьев, Александра и Аристобула, заключить в тюрьму, но пока не заковывать. Губителя же своей семьи и злодея, устроившего всю эту мерзость, Эврикла, Ирод как своего спасителя и благодетеля похвалил и дал ему 50 талантов золота.

Тогда Эврикл, опережая правдивое известие о происходящем в Иудее, бежал в Каппадокию и осмелился сказать царю Архелаю, что примирил Александра, зятя Архелая, с Иродом. За эту ложь Эврикл получил много даров от Архелая и пошел дальше.

И пришел Эврикл в Грецию, и то, что обманом приобрел, на такие же хитрости и потратил. И дважды к Цезарю на суд приводили его за то, что он мятежом наполнил Ахайскую землю и грабил казну в городах. За это Эврикл на изгнание осужден был. Такая ему месть была за Аристобула и Александра. Противоположностью спартанцу Эвриклу был коянин Эварат, о котором должно написать. Был же он другом Александра и пришел одновременно с Эвриклом. Когда царь спрашивал о возводимой на Аристобула и Александра клевете, Эварат клялся великими клятвами, что не слышал от юношей ничего из того, в чем их обвиняли. Однако это свидетельство не принесло пользы несчастным братьям. Ибо Ирод внимал одним клеветникам, и тот ему добрым приятелем становился, кто с ним в ладу и единомыслии пребывал и юношей осуждал. Присоединилась же и Саломея, сестра Ирода, к его жестокости.





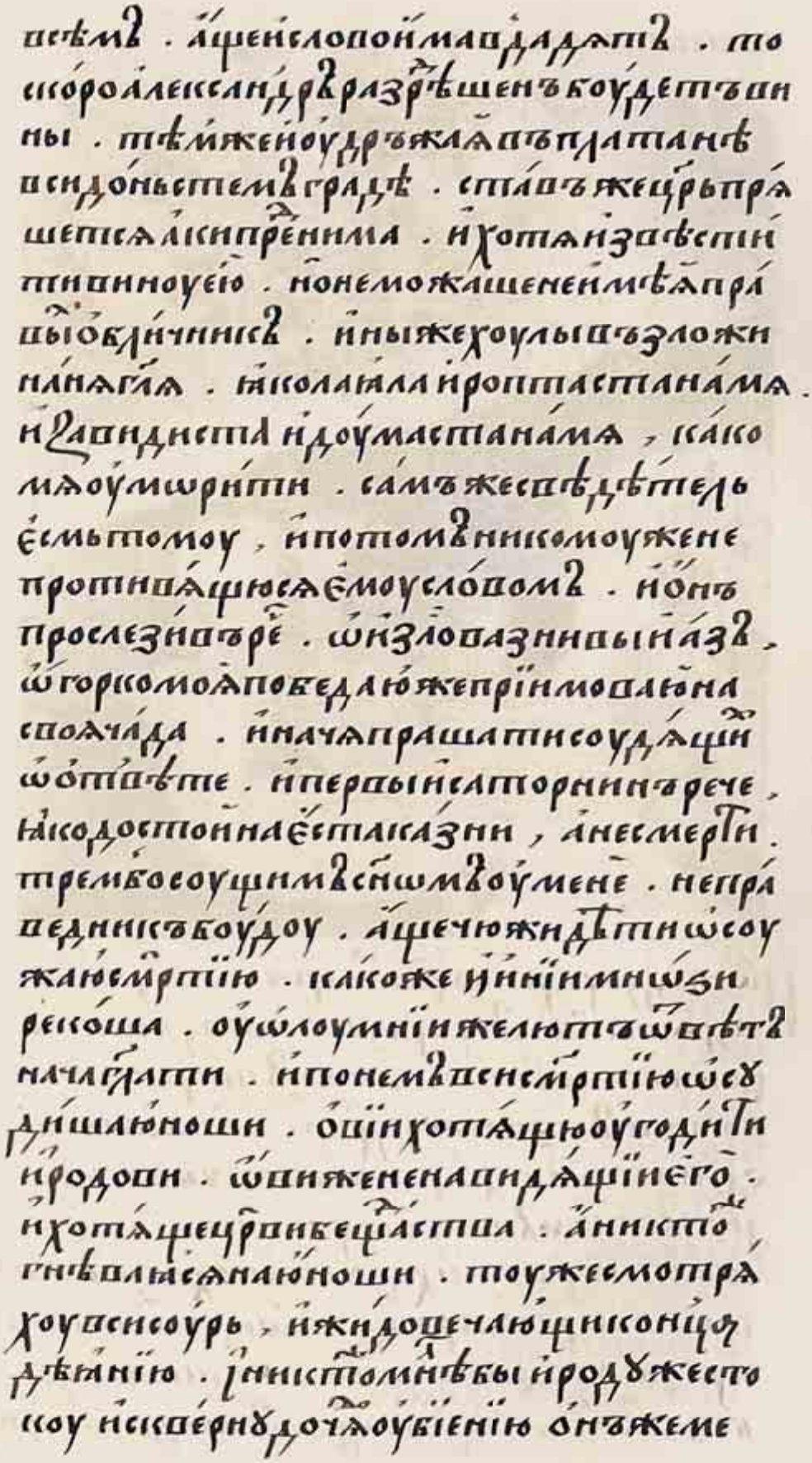
Аристовулъ бо хотя приложити бѣдоу
на нею. имяше бо цѣлѣго баше, послаіснѣ
вѣлѣ люстиса цѣра, доумаѣтьѣшоу
бити ю. понѣже вѣсть ѣмоу быстьіиісо
хощеши ити Дасоулѣ Аллрапскаго. іиісо
и прѣжѣ тлаіноуцѣ дахіаца
ѣшиснемѣ, драгоуемѣ
соущоу. Сѣсло цо
іиісобоурапо
рѣзиюно
шносѣ.

Аристобул, желая привлечь к своему несчастью Саломею, тещу свою, передал ей, чтобы она опасалась царя, ибо он замышляет убить ее, поскольку известие царь получил, что Саломея хочет выйти замуж за араба Силлая, врага Ирода, и прежде тайны царские передавала Силлаю. Это предупреждение Аристобула вызвало бурю, которая обрушилась на него с братом.

Ибо Саломея пришла к царю и сообщила ему о предупреждении Аристобула. Тогда Ирод не вытерпел и заковал обоих сыновей, и разлучил их, и послал к Цезарю Волумния военачальника и своего приятеля Олимпа с письмом об этих событиях.

Посланники Ирода приплыли в Рим и передали Цезарю письмо. И тяжело опечалился Цезарь о юношах, но посчитал, что неправильно отнимать у отца власть над его детьми, и написал Ироду в ответ: «Утверждаю твое право быть господином над твоими детьми, но хорошо ты сделаешь, если представишь обвиняемых общему суду из своих родственников и моих вельмож, и те вместе разберут дело и примут решение. Если окажется, что юноши виновны и действительно устраивали заговор против тебя, то следует их убить. Если же они только о побеге помышляли, то они заслуживают более мягкого наказания».

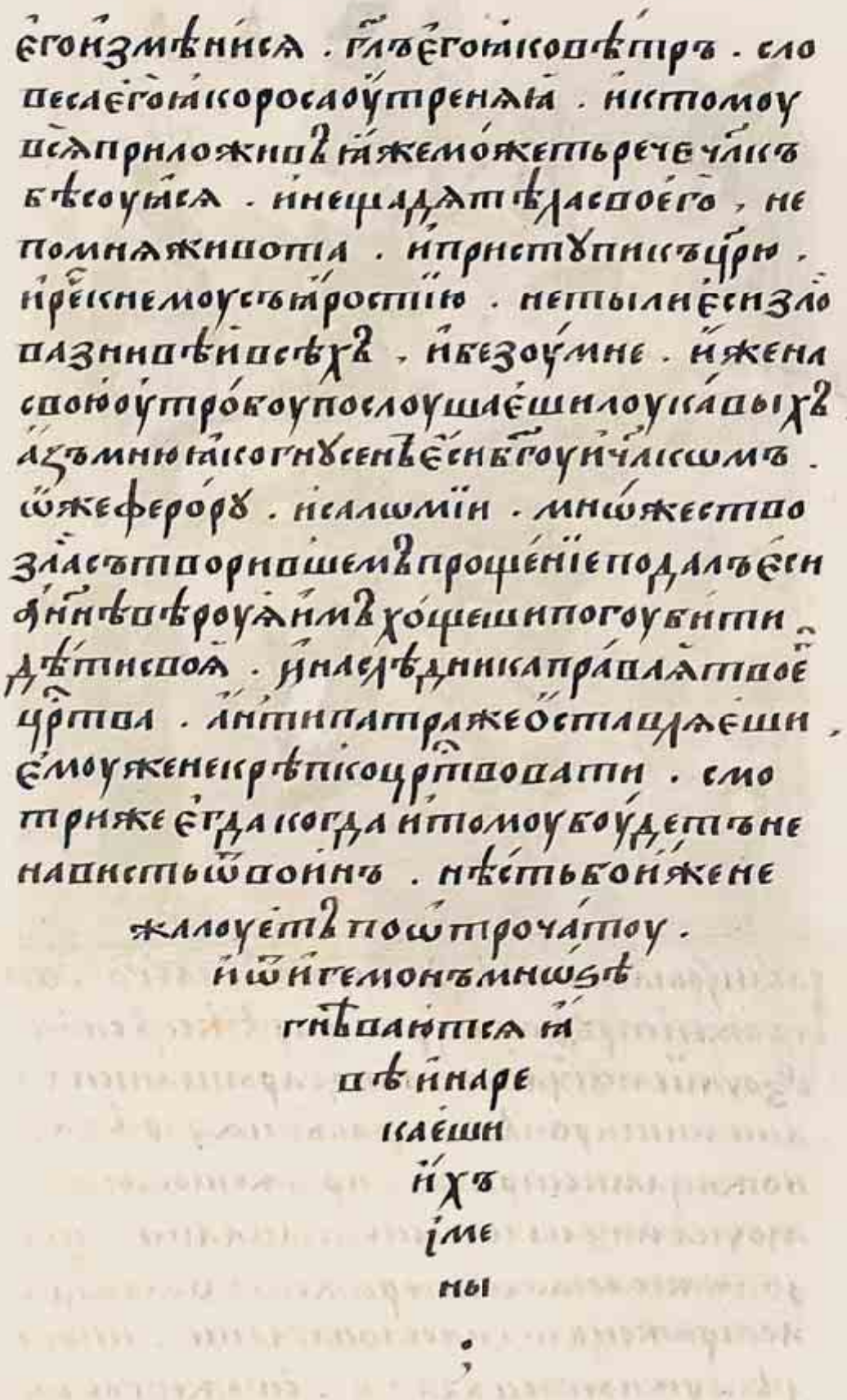
Ирод послушался этого совета и пришел в город Берит, указанный Цезарем, и собрал там общий суд. Председателем суда был по повелению Цезаря Сатурнин, далее сидели Педаний, Волумний, затем родственники царя и все властители Сирийской земли, кроме Архелая царя. Ибо Архелай был тестем Александра, и опасался его Ирод. Самих же сыновей своих Ирод не привел на суд, ибо хорошо осознавал, что один их вид вызовет жалость



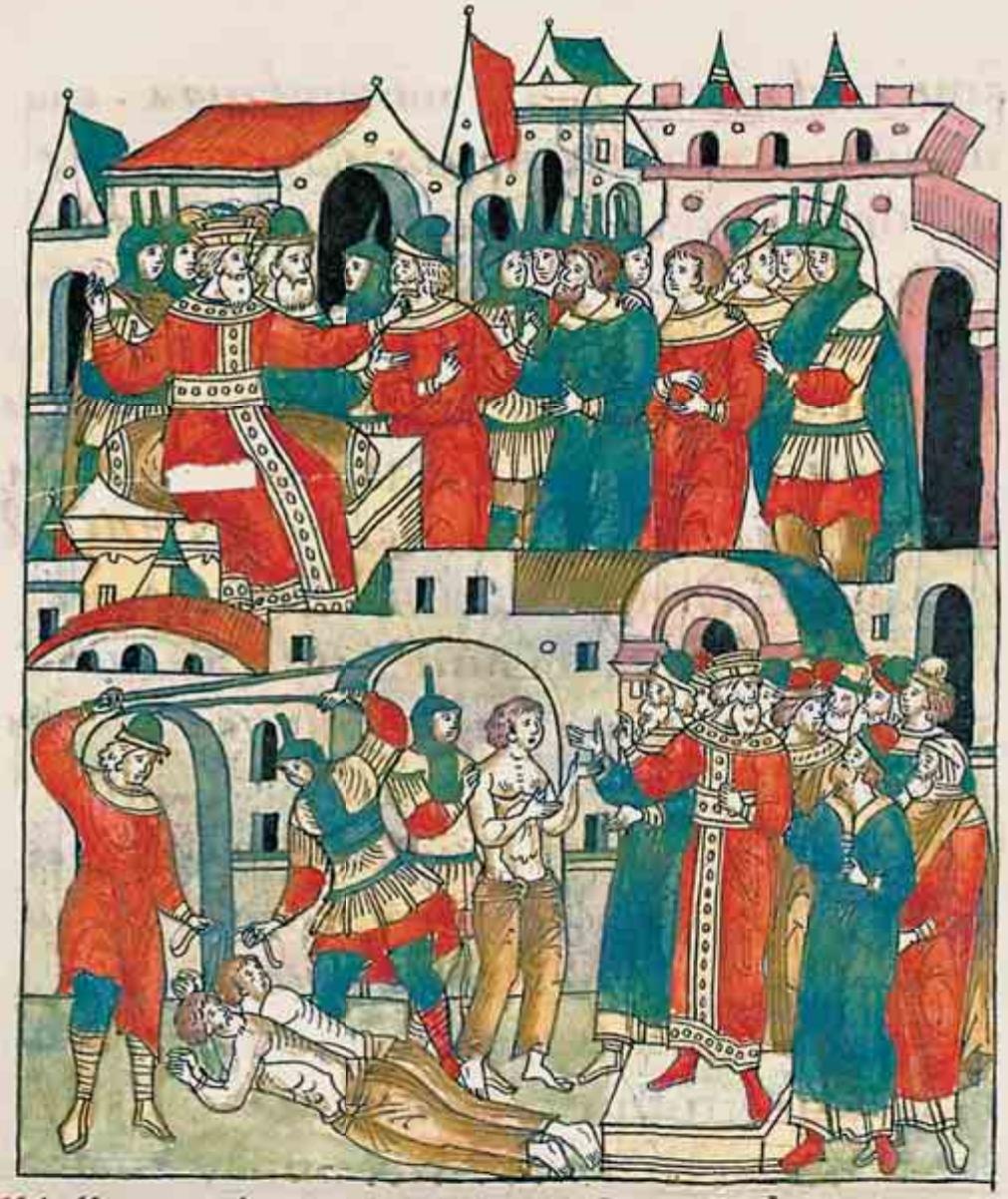
у всех, а если и слово им дадут, то скоро Александр будет прощен. Поэтому он держал их в Платане, в сидонском селении. Поднялся же царь и стал обвинять своих сыновей, как будто они находились перед ним. И хотел подтвердить Ирод то, в чем обвинял сыновей своих, что они устраивали заговор против него, но не мог этого сделать, поскольку не было у него достоверных свидетелей. Тогда Ирод в другом стал обвинять сыновей своих, и сказал, что они ругались над ним, высказывали недовольство, завидовали, желали его смерти. Об этом сам Ирод свидетельствовал. Затем, поскольку никто ему не возражал, прослезился Ирод и сказал: «О, несчастный я! О, горькая моя победа, которую я одерживаю над своими же детьми!» И обратился Ирод к судьям с просьбой принять решение. И первый Сатурнин сказал: «Юноши должны быть наказаны, но не убиты. Ибо у меня самого трое сыновей, и не прав я буду, если чужих детей осужу на смерть». И другие многие высказались также — братьев следует наказать, но не убить. Волумний же первым страшный приговор произнес. И за ним все на смерть осудили юношей: одни — из-за того, что желали угодить Ироду, другие — потому что ненавидели его и хотели, чтоб он остался бездетным, но никто из осудивших юношей на смерть на них не гневался. И смотрели вся Сирия и Иудея, и ждали, чем все кончится. И никто не допускал мысли, что Ирод будет настолько жесток и низок, что убьет детей своих. Он же перевел

своих сыновей в город Тир.

И оттуда Ирод поплыл в Цезарею, и там обдумывал, каким способом казнить сыновей. Воин же один, по имени Терон, который с сыном своим были в близкой дружбе с царем и сыновьями его, узнал, что хочет царь их казнить, и ужасно опечалился, так что заболел душой, и ходил, как безумный, и кричал: «Растоптана правда, нет больше истины, извращено естество, жизнь полна беззакония! Души в царе нет, ум



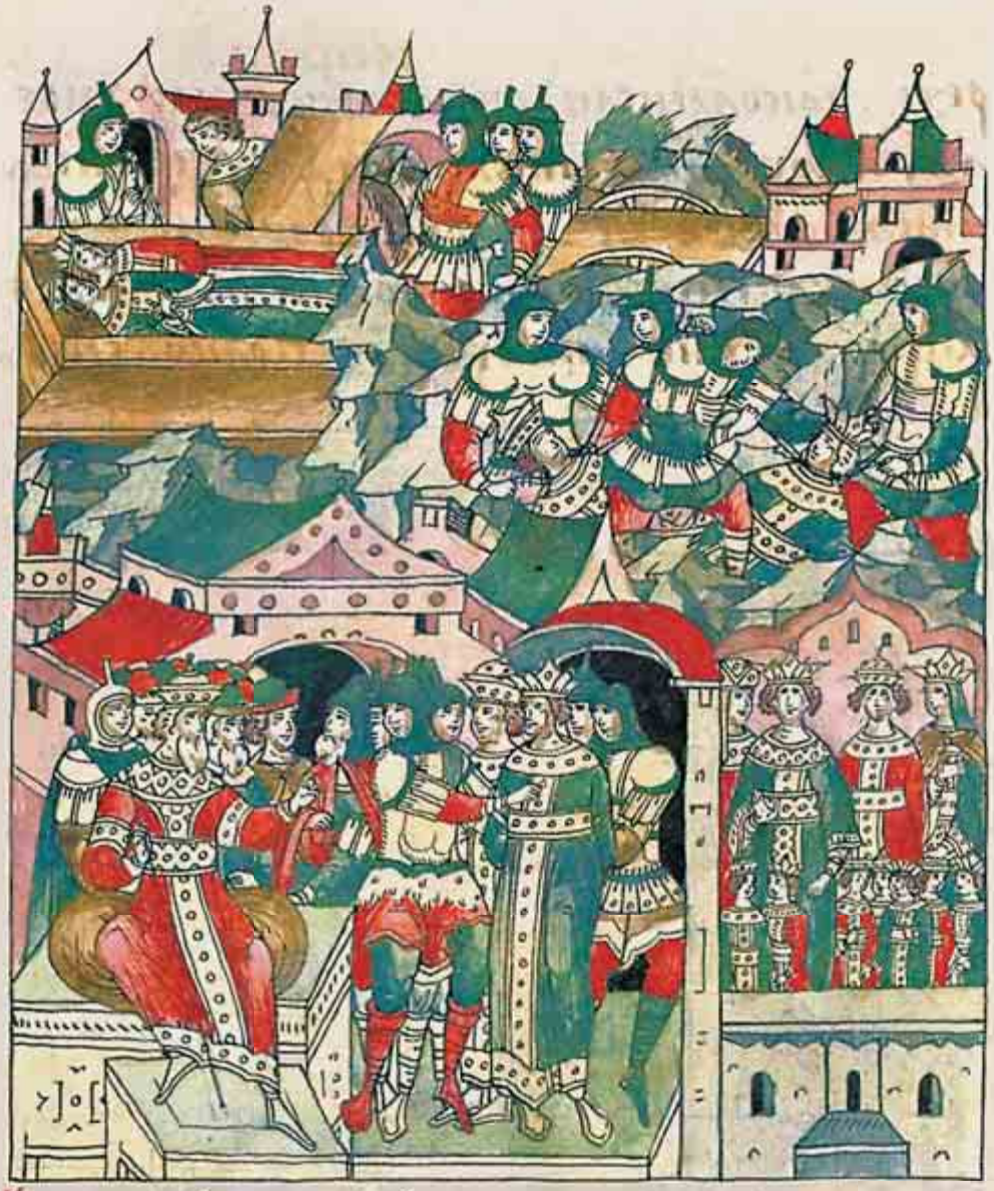
его повредился, слово его как ветер, речи его как роса утренняя!» И к этому многое другое прибавил, что может сказать человек в безумии. И не щадя тела своего, не думая о своей жизни, подошел Терон к царю и сказал с гневом: «Не ты ли несчастнее всех, о, безумный! Слушаешь клевету на своих сыновей, плоть от плоти твоей. Я же думаю, что мерзок ты перед Богом и людьми. Ферору и Саломее, много зла сделавшим, прощение ты даровал, а теперь, веря их словам, губишь детей своих, наследников истинных твоего царства. Антипатра же оставляешь ты, но не сможет он грозно царствовать. Подумай о том, какая к нему будет ненависть у воинов — ведь нет среди них таких, которые бы не сожалели о юношах, и из военачальников многие гневаются и не скрывают этого». Тут Терон назвал их имена.



И сразу царь схватил этих военачальников, вместе с Тероном и сыном его. Тогда же и Трифон, который стриг царя, по своему неразумию, сказал: «Подарки большие давал мне Терон, чтобы я тебя зарезал ножницами во время стрижки». Ирод, узнав об этом, жестокие пытки применил. Терон же с сыном терпели их молча, а стригший царя то же самое говорил. И повелел Ирод еще сильнее Терона мучить. Сын же Терона пожалел отца и сказал Ироду: «Все тебе расскажу, если простишь отца моего». Царь отпустил Терона.

Тогда сын Терона сказал Ироду: «Александр, твой сын, послал ночью к моему отцу и просил его убить тебя, и он согласился на убийство». Эти слова сына Терона одни считали ложью, которую сын придумал, чтобы спасти отца, другие же считали их правдой.

Народ же собрал простой люд и велел отдать им обвиненных военачальников, и Терона, и сына его, и человека, который его стриг, и сразу убили их камнями и палками.

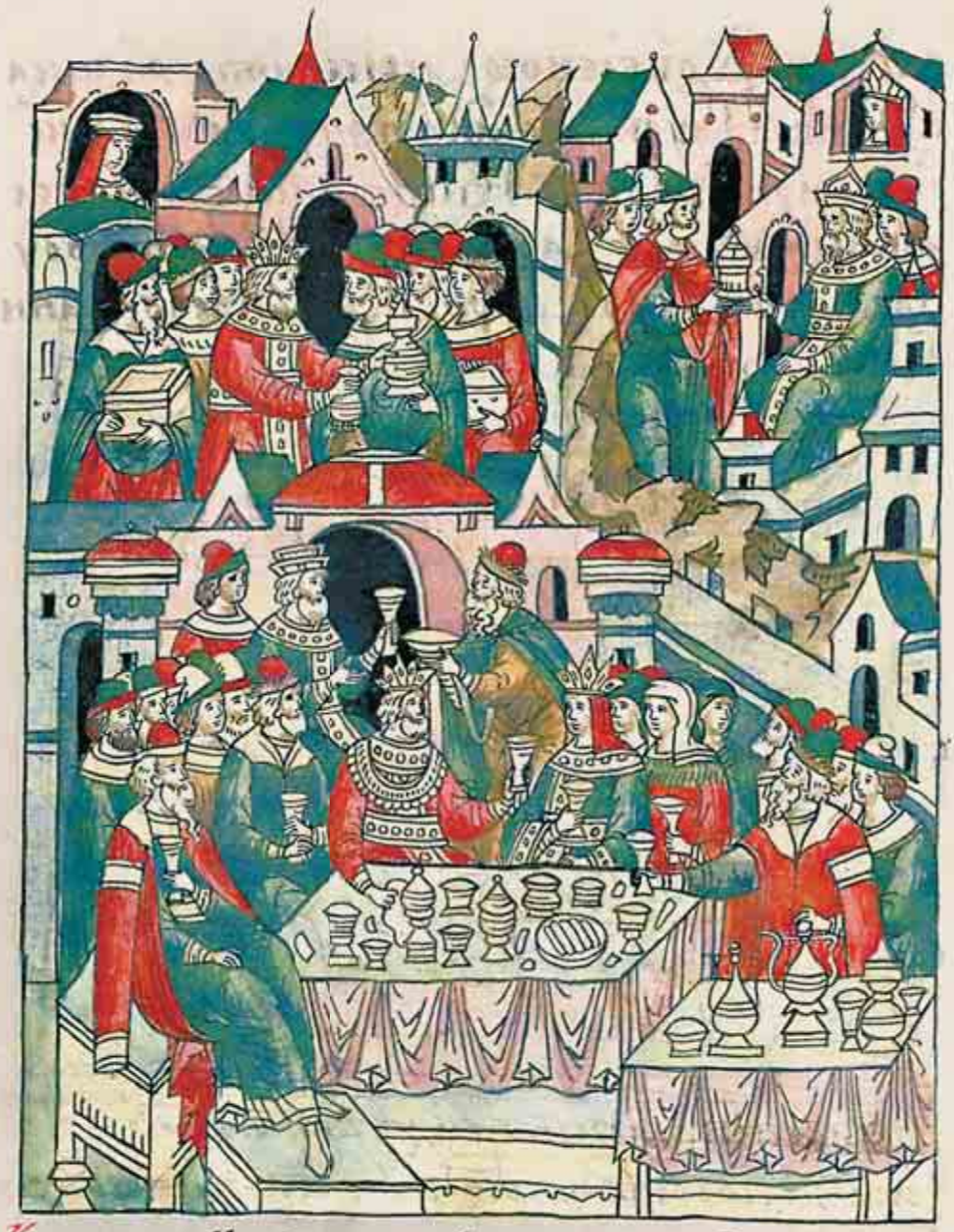


Ѝпослаша́ Ѝро́д сво́ихъ сыно́вей Алекса́ндра и Аристо́була въ Себасти́ю, ря́домъ съ Цеза́реей, и повелѣ́ ихъ задуши́ть вере́вкой, а тѣла́ ихъ повелѣ́ переве́сти въ го́родъ Алекса́ндрію и похорони́ть у гро́ба Алекса́ндра, ихъ де́да по матери́нской ли́нии. Таковъ́ былъ коне́цъ Алекса́ндра и Аристо́була. У Антипа́тра же бы́ли тепе́рь все права́ на насле́дованіе престо́ла. И ста́лъ ненави́дѣть его́ іуде́йскій наро́дъ, и́бо все зна́ли, что э́то онъ и устро́илъ сме́рть бра́тьевъ.
И овладѣ́лъ Антипа́тромъ стра́хъ сильны́й, и́бо ви́дѣлъ онъ расту́щихъ

Ѝпослаша́ Ѝро́д сво́ихъ сыно́вей Алекса́ндра и Аристо́була въ Себасти́ю, ря́домъ съ Цеза́реей, и повелѣ́ ихъ задуши́ть вере́вкой, а тѣла́ ихъ повелѣ́ переве́сти въ го́родъ Алекса́ндрію и похорони́ть у гро́ба Алекса́ндра, ихъ де́да по матери́нской ли́нии. Таковъ́ былъ коне́цъ Алекса́ндра и Аристо́була. У Антипа́тра же бы́ли тепе́рь все права́ на насле́дованіе престо́ла. И ста́лъ ненави́дѣть его́ іуде́йскій наро́дъ, и́бо все зна́ли, что э́то онъ и устро́илъ сме́рть бра́тьевъ.
И овладѣ́лъ Антипа́тромъ стра́хъ сильны́й, и́бо ви́дѣлъ онъ расту́щихъ

детей убитых братьев. У Александра и Глафиры, дочери царя Каппадокии Архелая, было два сына, Тигран и Александр, у Аристобула же от Береники, дочери сестры Ирода Саломеи было три сына: Ирод, Агриппа и Аристобул, и две дочери: Иродиада и Мариамна.

Ирод же отослал Глафиру в отечество ее, в Каппадокию, с ее имуществом, после того, как убил мужа ее Александра, сына своего.



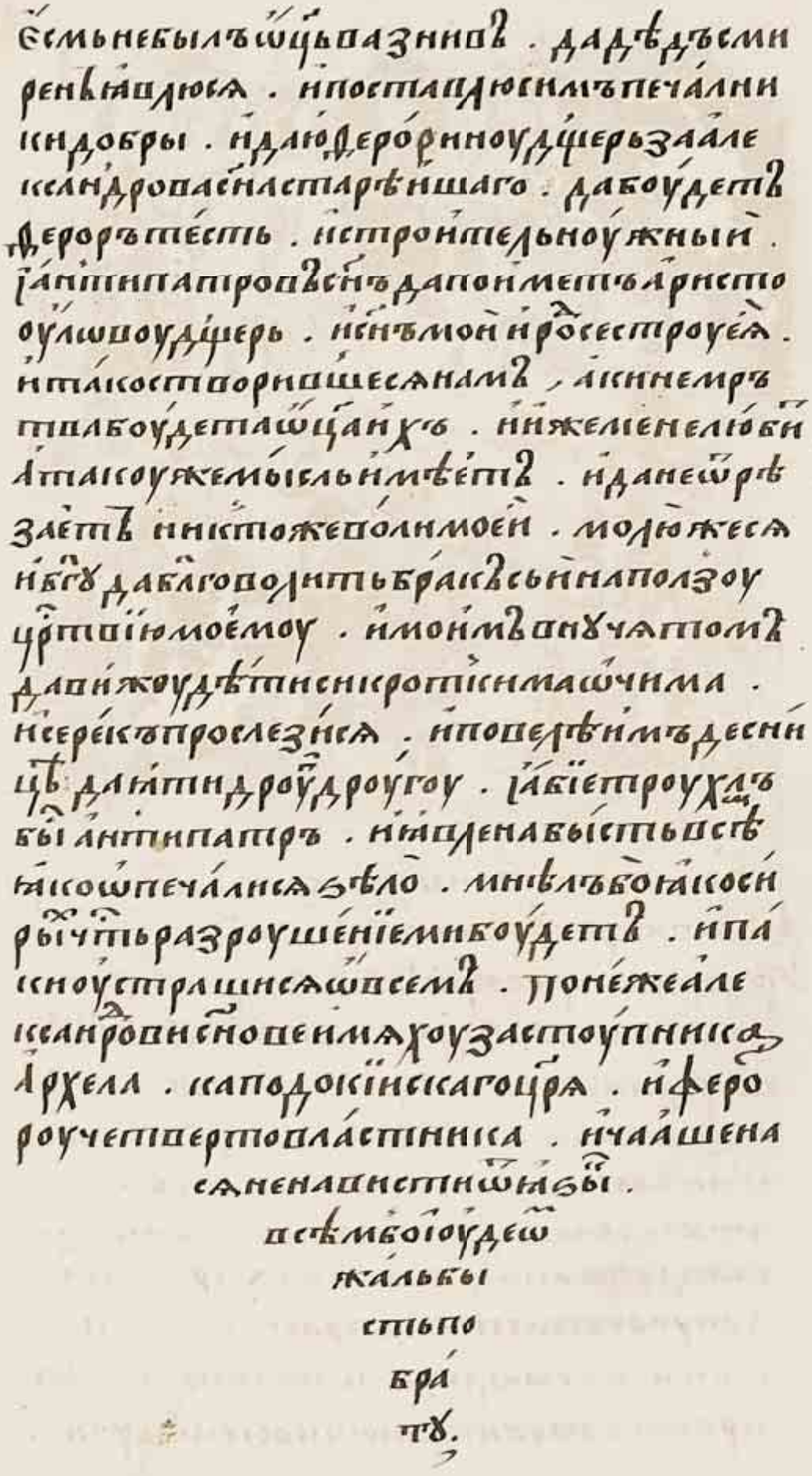
Нерниссию Александро поуженоу пда за Антипатра спо его стрыа . ѡноль ко браса изполи Антипатр сынъ Ирѡдо ва дабыоукротилъ салламиипражду ющи наню . ѡбиходащеже Ферору дарми . Ипосьмъ оугоді емъ:

Беренику, жену Аристобула, Ирод выдал замуж за дядю Антипатра. Этот брак нужен был Антипатру, сыну Ирода, чтобы примириться с Саломеей, которая враждовала с ним. Антипатр также одаривал Ферора и всячески ему угождал.

Нѣсарецѣпластинѣйѣтъбезчисленоесѣ
жаніепосылаѧпримѣть . нонижеоуги
тторникасѧцѣсарїи , испо́лненнбыша
ѧдроманїенѣго . нопачелцѣйбо́ледаѧш
бо́мнѣненашидаѧхоутьѣго . понежене
шѣледшїѧдлаше . нобоѧсѧшествѣ
страхаради нѣслѣчипаше . якыжке
прїимахоударѣнешесегосрцапрїахоу
ємоу . нонижелцедаѧше ,
тнѣжеразн
бышемѣ

Властителям и военачальникам Цезаря Антипатр несметные богатства посылал в Рим, и все приближенные Сатурнина в Сирии получали от него подарки. Но чем больше Антипатр дарил, тем больше его ненавидели. Поскольку он не из-за щедрости своей дарил, но боялся всех, и из-за этого страха и тратился. Так что принимавшие от Антипатра дары не становились преданными ему всем сердцем, а некоторые из тех, кого он одаривал, даже врагами ему оставались.

Все более дорогими с каждым днем делались подарки Антипатра, поскольку он видел настроение царя. Царь же проявлял любовь к сиротам, оставшимся после убитых им сыновей. Раскаивался Ирод в убийстве сыновей, а потому и заботился об их потомстве. И собрал Ирод родственников своих, и вельмож своих, и поставил детей перед ними, и наполнились слезами глаза его, и сказал он: «Род мой и вельможи мои, отцов этих детей отнял у меня дух немилостивый, приносящий несчастье, и сиротам этим понуждает меня природа оказать милость. И если уж



я не стал отцом счастливым, то попытаюсь хотя бы дедом любящим быть и предоставлю этим моим внукам покровителей хороших. Отдаю дочь Ферора замуж за старшего сына Александра, и пусть будет Ферор ему тестем и опекуном могущественным. А сын Антипатра пусть возьмет в жены дочь Аристобула, а сын мой Ирод — сестру ее. И если так все устроим, то как будто немертвые будут отцы их. И тот, кто меня любит, пусть также рассуждает, и пусть не противится никто воле моей. Молю же я Бога, чтобы Он благословил союзы эти и сделал их полезными царству моему и моим внукам, и да взирает Он на детей этих милостиво». И сказав это, Ирод заплакал и повелел тем, кого он соединил в брачные союзы, руки подать друг другу. Тогда помрачнел Антипатр, и все ясно видели, что он огорчен весьма. Ибо считал он, что честь, оказанная сиротам, губительна для него, и снова он стал бояться всего, поскольку у сыновей Александра заступником был Архелай, царь Каппадокии, а также Ферор четвертовластник. Также Антипатр ощущал ненависть к себе народа, ибо всем иудеям жаль было братьев.

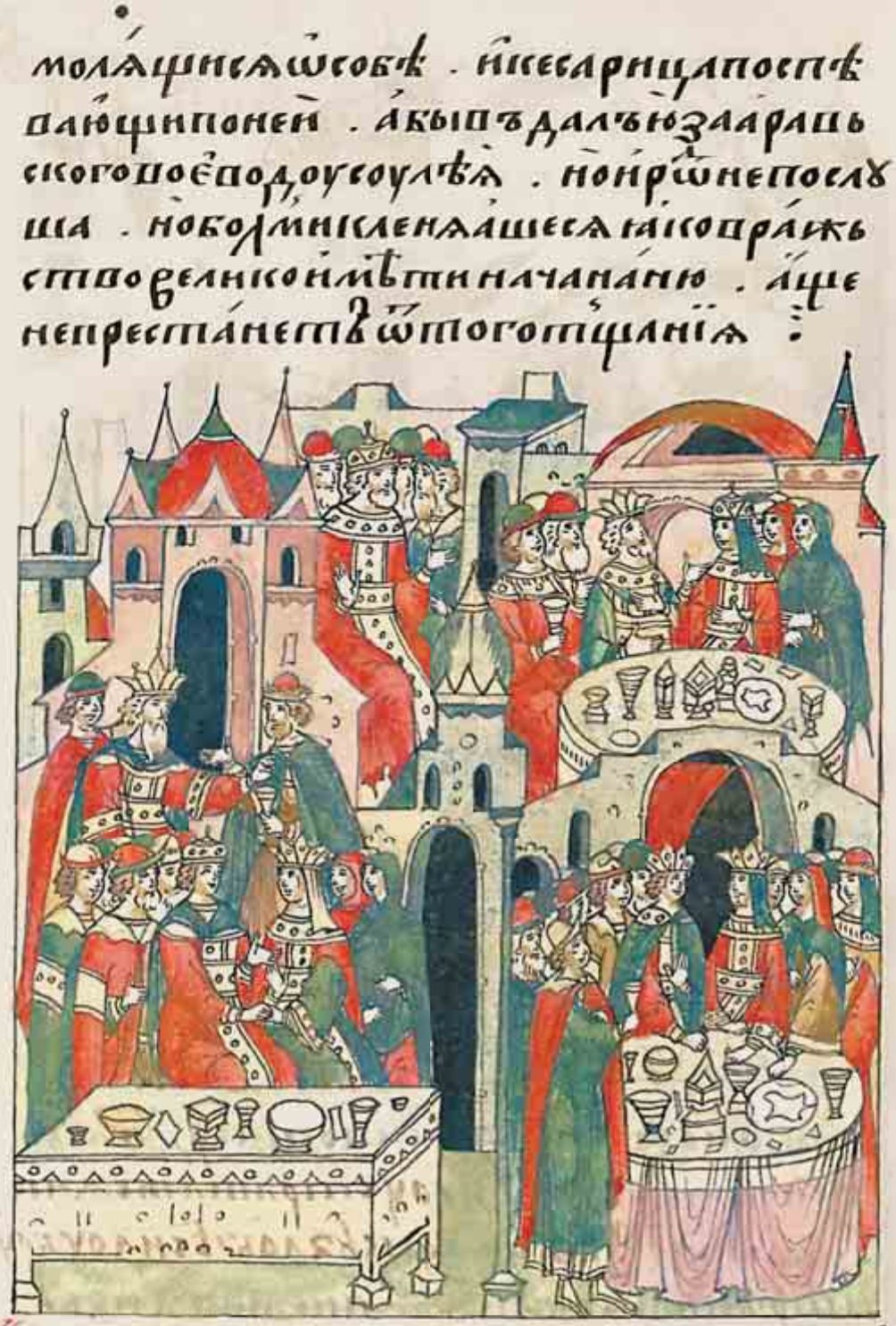
Поэтому Антипатр старался расторгнуть эти брачные союзы. Однако он боялся отца, жестокого и умного. И подошел Антипатр к Ироду, и просил его о том, чтобы он не лишил его той чести, которой удостоил, и сказал Антипатр: «Зачем дал мне именоваться царем, а власть другим отдал. Как смогу я царствовать, когда сын Александра, у которого дед Архелай, а тестем будет Ферор, вырастет и возмужает? Но если хочешь, укрепи мои права на царствование и губительные для меня союзы разлучи,

и пусть женятся на других». Было же у царя 9 жен: Дорида родила Антипатра; Мариамна, дочь первосвященника, родила Ирода; Мальфака из Самарии родила двух сыновей: Антипу и Архелая, и дочь Олимпиаду; Клеопатра из Иерусалима родила Ирода и Филиппа; Паллада родила Фазаила; Федра родила Роксану; Эльпида родила Саломею; две жены были бездетны.

Просил же Антипатр Ирода, чтобы тот изменил брачные союзы. И сильно разгневался царь, видя жестокость Антипатра и немилосердное отношение

к сиротам. И подумал Ирод об убитых им сыновьях, что и они, вероятно, стали жертвами клеветы и злого умысла. И тогда с яростью отклонил Ирод просьбу Антипатра и прогнал его с глаз долой.

Но вскоре Ирод принял Антипатра обратно и поддался на его лесть, и послушал его уговоры. Каждый может понять, какая сила была в льстивых речах Антипатра, из того, что даже Саломея, сестра Ирода, много раз просила его за себя, но всякий раз получала отказ.



Просила же Саломея, — и императрица поддерживала ее в этой просьбе, — чтобы Ирод отдал ее замуж за арабского военачальника Силлая. Но Ирод не слушал ее и, более того, поклялся, что злейшим врагом будет она ему, если не откажется от этого намерения.

Вскоре обручил Ирод Саломею с Алексой, и первую дочь Саломеи он отдал замуж за сына Алексы, а вторую — за своего дядю. Антипатр же разрушил надежды сирот на царствование и устроил брачные союзы с пользой для себя.

И потомъ хожа́ше паки по тверды́мъ
осно́ванїемъ . неоу́страшаемыи
ѿ сего́же . прїимя́ кесь зло́бъ всилоу бо́у
и тръпимъ бы́сть . и немога́ избе
жати ю́ сего́ гнѹше́нїа . гордостїю
и грозою промыша́ше себе оу тверже
ніе . и ферора́ ѣмоу поспѣ́шаше . ни
да́же сотоѣ́сть цр҃ь
и́стинны
;

После этого Антипатр снова стал чувствовать себя уверенно и не боялся никого. Прибавилась же к его злобе теперь наглость, и невыносимым он стал. Не имея возможности избежать людского презрения, он гордостью и угрозами добывал себе их поддержку. И Ферор помогал Антипатру, видя в нем будущего царя.

Ѝ потомъ вы́стьбо́ жены́ же ма́тежь не
ви́данну ѝдомоу́цра́ть . фе́ро́ринакоже
на́ссвоёюма́терью ѝсестрою . при́ѝ
ма́шаантипа́тропоу́мтрь . бѣ́ло́беза
ко́нно́пла́ша . ѝдръзно́у́шлоу́ко́ри́тѝ
до́тьдще́ри́цро́ѝ . ѐю́же́дѣ́ла́ѝпри́ста
ви́насъблюде́ѝе . ѝни́ѝстоже́смъпро
тѝвѝнтѝсѧ́ѝмъ . потомосла́шлѝ .”

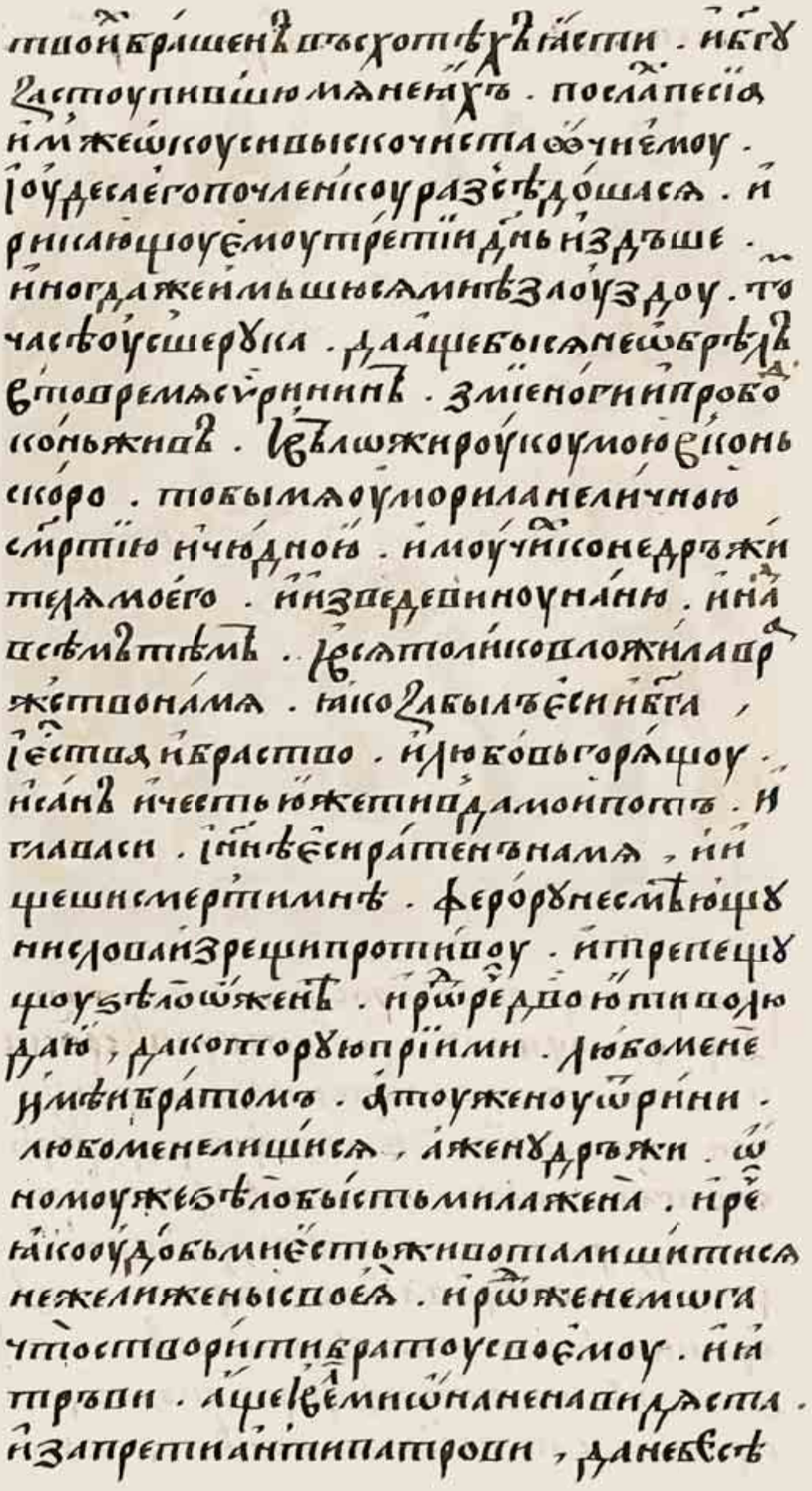
Потом же устроили женщины смуту невиданную при дворе царском. Жена Ферора со своей матерью и сестрой объединились с матерью Антипатра. Много беззакония они делали и дерзнули нанести обиду двум дочерям царским, из-за чего царь приставил к дочерям охрану. И никто не мог противостоять этим женщинам. Одна Саломея

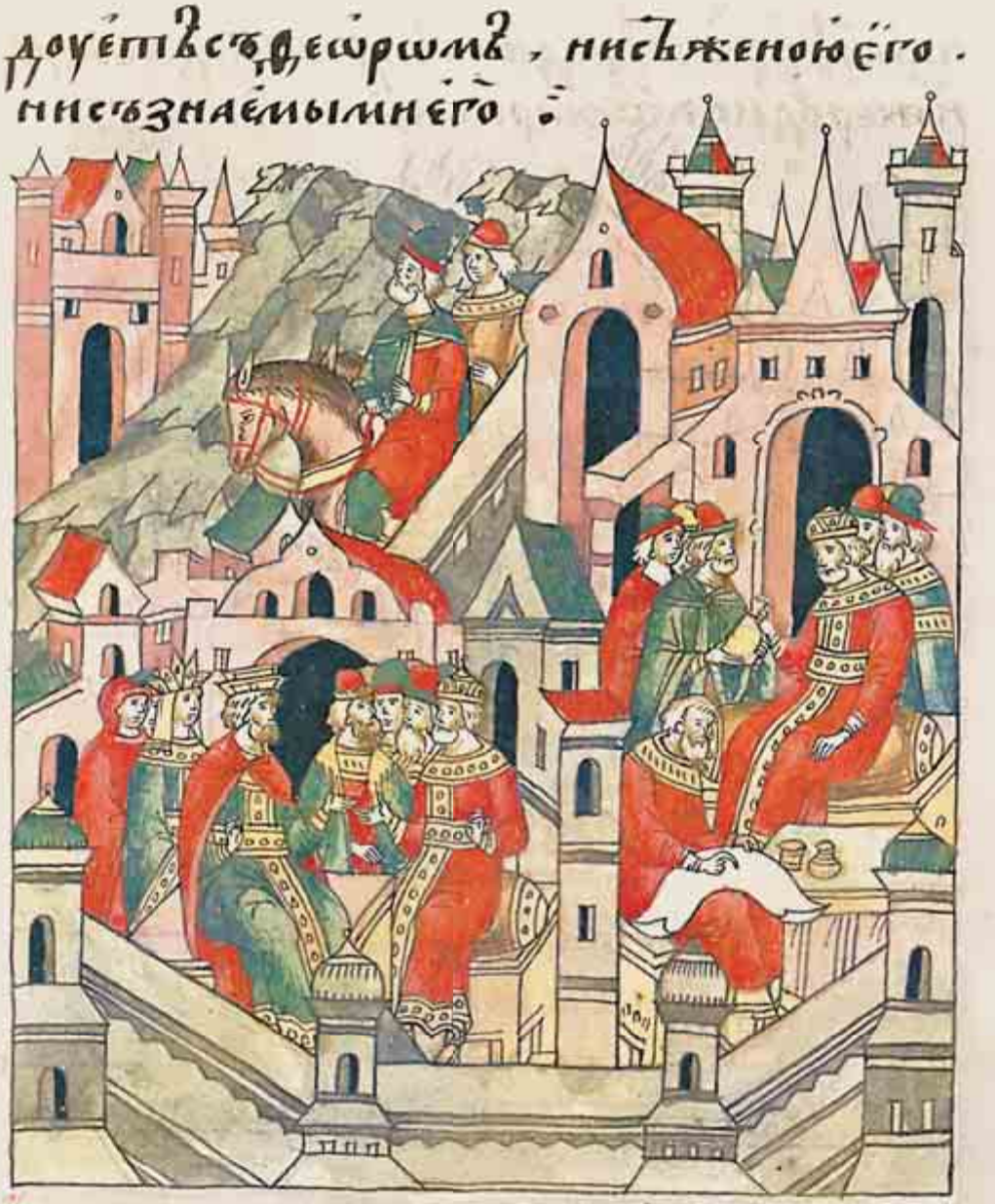
Пришла к царю и сообщила ему, что не на пользу ему и не с благой целью собираются эти женщины. Они же, узнав о наговоре и гневе на них Ирода, перестали открыто собираться и, более того, притворялись, что враждуют между собой, когда представали перед царем. Также и Антипатр на глазах отца стал ссориться с Ферором. Собираться же они стали тайно по ночам и под охраной, и продолжали быть в единомыслии. Саломея же

узнала обо всем, что они делают, и сообщила Ироду.

Ирод же разгорелся гневом своим, и больше всех на жену Ферора, и собрал тогда родственников и вельмож своих, и поставил на суд эту женщину. И обвинил Ирод жену Ферора в том, что она нанесла обиду дочерям его, и сказал, что она дала подарки большие фарисеям, настраивая тех против Ирода, и слуг Ирода подговаривала, и всяким колдовством занималась, и над едой, и над одеждой, и над обувью, и над ездой. И сказал Ирод: «Вспомни, о, Ферор, какая смерть была Песию военачальнику. Когда я

твою еду хотел есть, и Бог спас меня, и я не ел, и послал за Песием, и когда он попробовал, вылезли у него глаза, и суставы его по частям распались, и рычал он, и на третий день умер. В другой же раз, когда я взялся за узду, в тот же миг онемела моя рука. И если бы не оказался рядом тогда сириец один, который проколол коня живого, и вложил руку мою в коня скоро, то умертвила бы меня твоя жена, о, Ферор, смертью невиданной. И пытал я конюха своего, и он обвинил ее. И всякое подобное колдовство употребляла она против меня. И ты, Ферор, забыл и Бога, и родство, и братство, и любовь горячую, и чин, и честь, которая тебе досталась моим потом, и сам себе ты был хозяином, а теперь ты ополчился на меня и желаешь смерти моей». Ферор не смел и слова произнести в ответ и боялся весьма за жену. Ирод же сказал: «Даю тебе возможность выбрать: либо будь мне братом и от жены откажись, либо с женой оставайся, тогда меня потеряешь». Ферор же очень любил жену свою и сказал: «Легче мне жизни лишиться, чем жены своей». Ирод же не мог ничего поделать с братом своим и с женой его, хотя и очень их ненавидел. И запретил Ирод Антипатру общаться

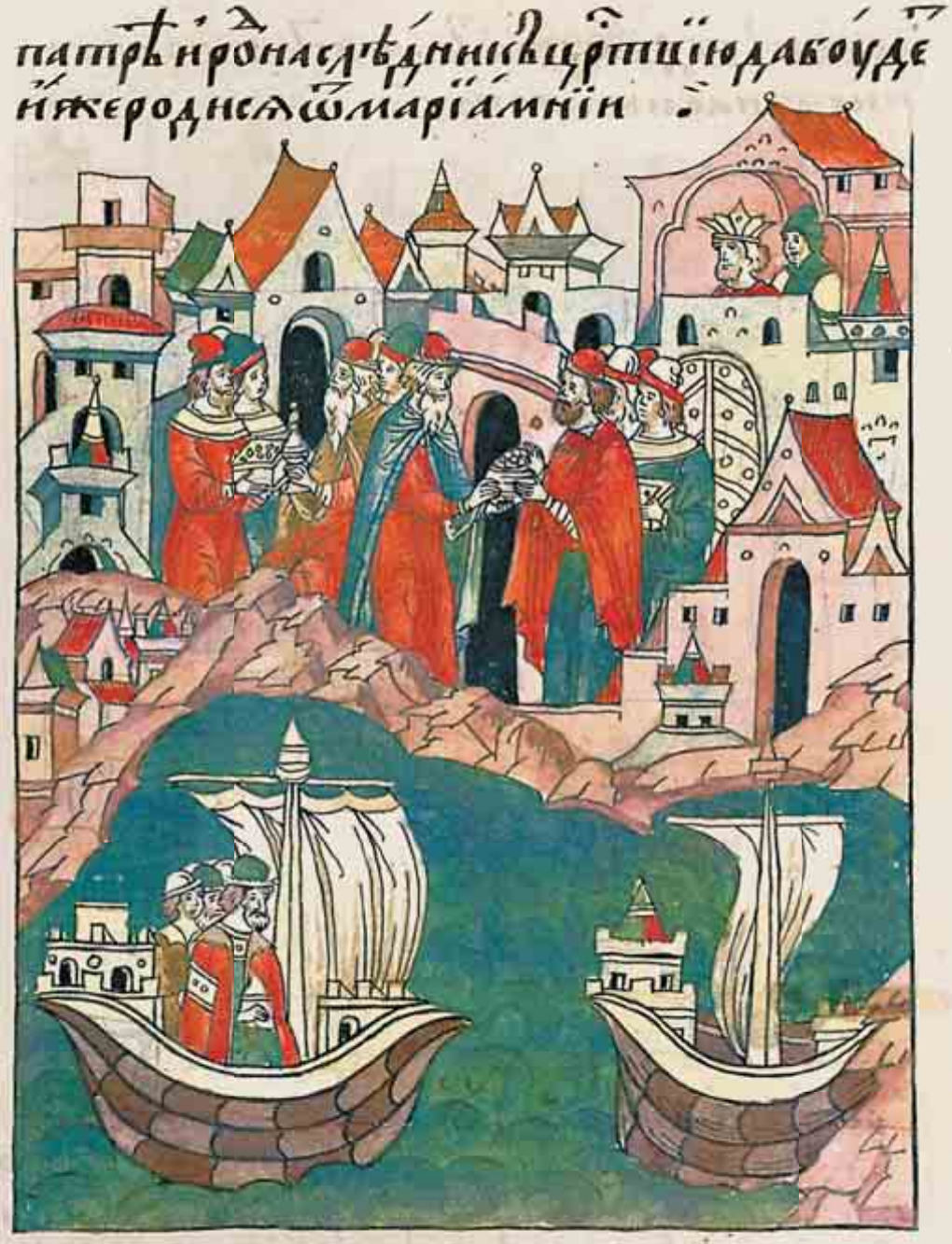




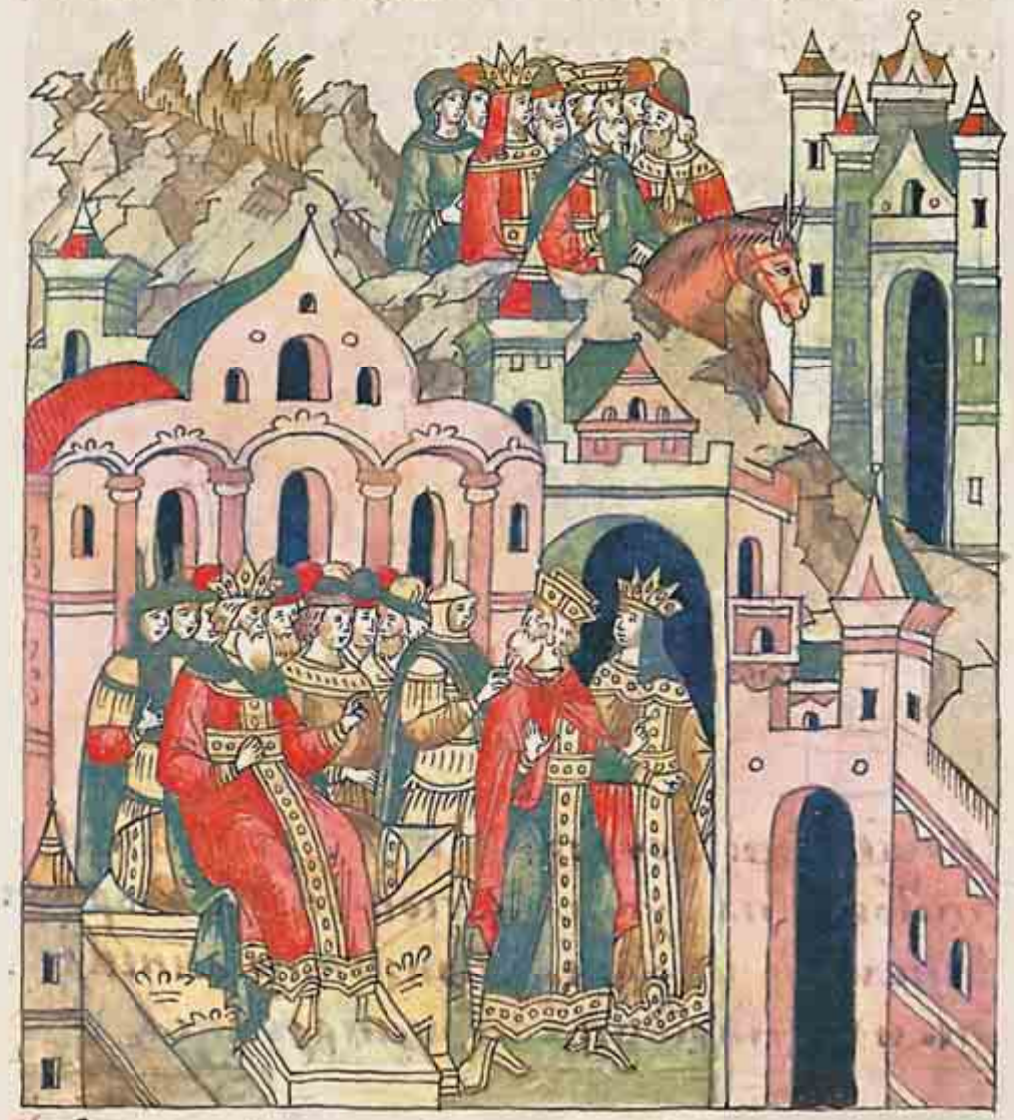
с Ферором, и с женой его, и с близкими его.

Антипатр же подчинился повелению отца, но тайно всякую ночь проводил с ними. И боялся Антипатр, что узнает Саломея, и послал к римским вельможам письмо, чтобы они написали отцу и вызвали Антипатра к Цезарю в Рим. Те так и сделали. Ирод же немедленно послал Антипатра в Рим, и служителей великолепных дал ему, и все необходимое, и большое богатство, и завещание, в котором назначен был Антипатр царем, а наследником его —

брат Антипатра Ирод, сын Мариамны, дочери первосвященника.



Одновременно с Антипатром и араб Силлай приплыл в Италию к Цезарю, и выступил против Ирода, и дал много золота Фабату, управителю римскому, и приобрел в нем себе помощника. Антипатр же больше дал и привлек Фабата на свою сторону, и тогда Силлай проиграл.



Ирод же не отступал и принуждал Ферора отказаться от своей жены, и придумывал, как бы ему погубить ее, ибо много обвинений против нее было у Ирода. Наконец, разгневавшись сверх меры, он прогнал брата с его женой. И ушел Ферор в свою область, которой правил, и поклялся, что только тогда он возвратится в Иерусалим, когда известие ему придет, что Ирод умер.

Ѝ потомъ болѣ усоуѣ ѝродъ. ѝ послатѝ
по братà . хотѧ запоѣвныѣ ѝ поручи
тѣмъ ѝ молѧѣмъ придѣжно . ѝ не иде
ѣмъ . ѝ ѝрѡпатьоустрабѝѣ .

Потом заболел Ирод, и послал за братом, желая дать ему некоторые поручения, и упрашивал его усердно прийти, но Ферор не пришел. Ирод же опять выздоровел.

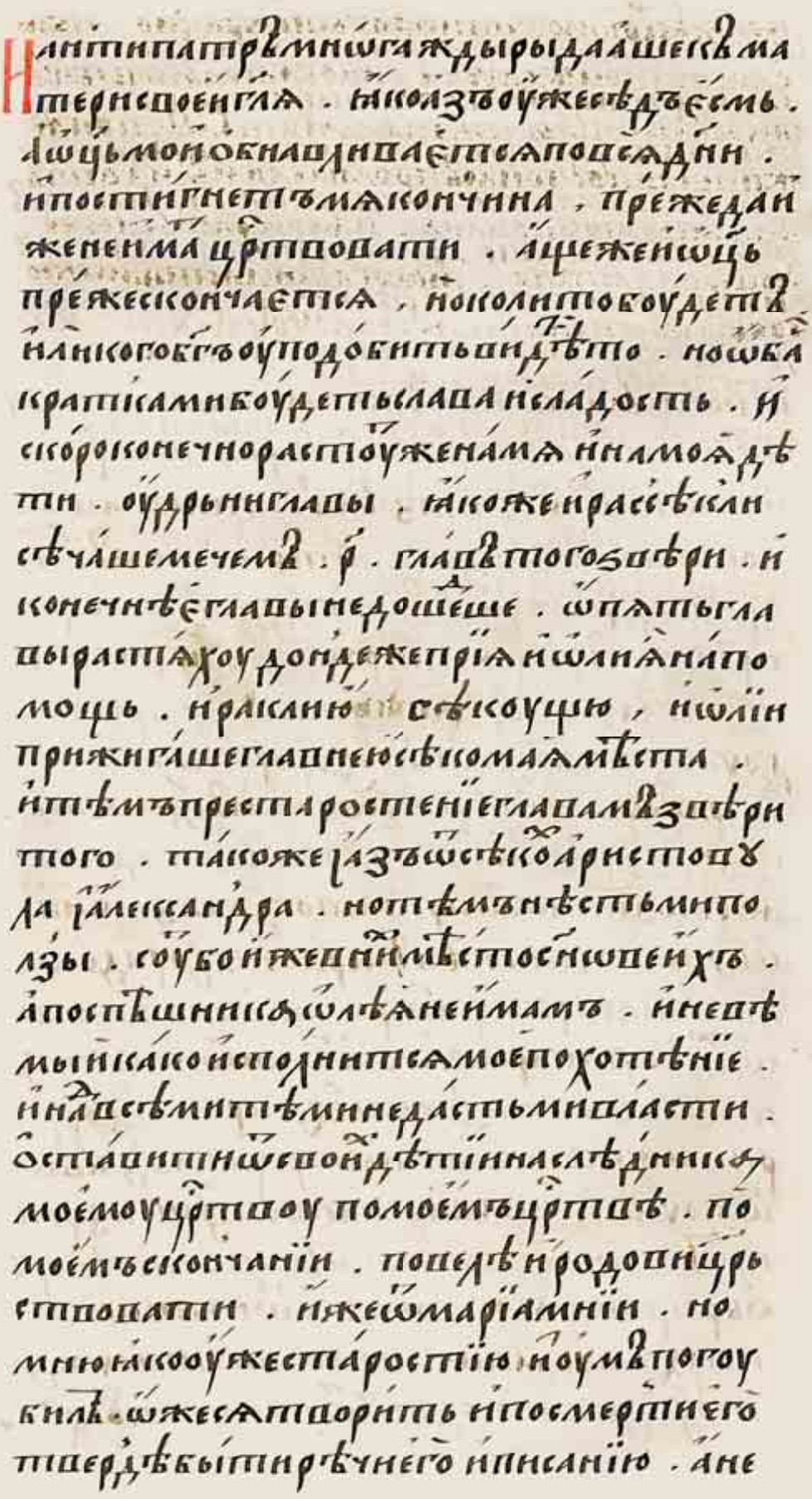
Затем к Ферору пришла болезнь, и оказался Ирод менее гордым, чем брат его, и приехал навестить его, и с сокрушенным сердцем искал, чем помочь брату в страдании его. Ферор же не смог перенести тяжелую болезнь

И вскоре умер. И хотя Ирод всей душой любил брата и оплакивал его, но люди все равно говорили, что это Ирод отравил Ферора. И погребли его в Иерусалиме с большим почетом. И повелел Ирод всем людям оплакивать его. И стала кончина Ферора началом бедствий Антипатра.

Некоторые из отпущенных царем на волю рабов пришли опечаленные к нему и сказали, что действительно отравлен был Ферор, ибо принесла ему жена его пищу, в которой был яд, и едва он вложил ее в рот свой, как сразу стал мучиться и болеть. Теща же его за два дня до этого пригласила одну женщину из Аравии, колдунью, сведущую в травах, для того, чтобы она приготовила любовное зелье и дала Ферору. Колдунья же имела тайное указание от Силлая и вместо любовного

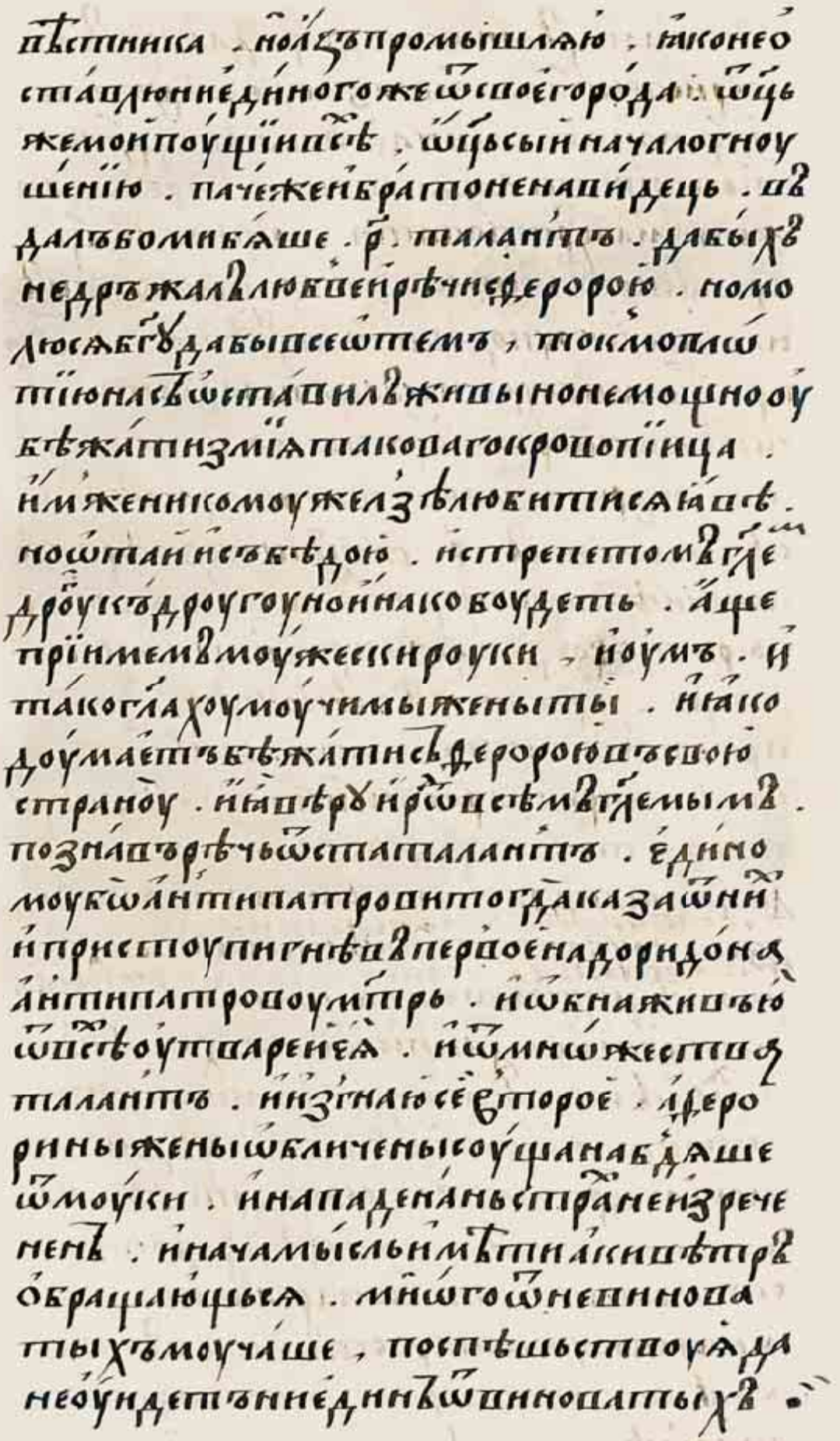
смертное зелье дала. Этими словами как будто заколот был царь, и стал он пытать всех служанок, бывших в дому его, и одна из них под пытками закричала: «Боже, Царь Неба и земли, покарай мать Антипатра, всем нам начальницу и всех бед виновницу!» Царь ухватился за эти слова и стал пытать дальше, и истину хотел найти. Женщина же эта открыла ему, что мать Антипатра любила Ферора, и блуд имела с ним, и тайно собирались Антипатр, и Ферор, и служанки, и когда они приходили от царя, то пировали вместе всю ночь, не пуская к себе ни раба, ни свободного, ни мужчину, ни женщину. Так говорила эта служанка.

Тогда повелел царь пытать служанок каждую по отдельности, и избиваемые все в один голос сообщали то же, что говорила эта женщина. Также выяснилось, что отъезд Антипатра в Рим и Ферора в его область задумали они сами, ибо много раз говорили они между собой: «После смерти Александра и Аристобула на нас обрушится Ирод и на жен наших. Тот, который не пощадил Мариамны и детей, рожденных ею, помилует ли кого-нибудь? Лучше уж нам подальше держаться от лютого этого зверя».



Выяснилось также от служанок Ферора под пытками, что Антипатр много раз со слезами жаловался матери своей, и говорил: «Я уже сед, а отец мой все моложе с каждым днем, и придет мой конец, прежде чем я стану царствовать. Если же отец раньше меня умрет, — о, когда же это произойдет, и кого сподобит Господь увидеть это! — то все равно короткой будет моя слава и наслаждение, и скоро это закончится. Растут ведь на погибель мне и моим детям головы гидры — потомство Аристобула и Александра. А гидра — такой зверь, что хоть и отрубил Геракл мечом 100 голов ее, но последняя голова осталась, а на месте отрубленных выросли новые. Наконец, пришел Иолай Гераклу на помощь. Тогда Геракл стал отрубать головы гидры, а Иолай сразу прижигал головней те места, на которых головы находились; так они остановили рост голов зверя этого. Так и я отрубил Аристобула и Александра, но в этом нет мне пользы, ибо вместо них теперь сыновья их, а помощника Иолая нет у меня.
И не знаю, как мне исполнить мое желание. Из-за всех этих потомков Ирода нет у меня возможности передать власть в моем царстве, после моего царствования, наследнику из моих детей. После моей смерти Ирод повелел царствовать сыну своему и Мариамны, Ироду. Но думаю, что уже на старости лет он ума лишился, если надеется, что и после его смерти в силе будут слова его.

Думается мне, что скоро не останется никого из рода Ирода, ибо такой ненависти к детям, как у моего отца, еще не бывало. Еще больше брата своего он ненавидел. Дал он мне 100 талантов золота, дабы я не дружил и не разговаривал с Ферором. Молюсь Богу, чтобы, все отняв, хотя бы в живых нас оставил Ирод. Но невозможно убежать от такого змея, от такого кровопийцы, при котором никому нельзя открыто любить друг друга, но со страхом все разговаривают между собой. Но будет все подругому, если укрепится мужеством рука наша и ум». Так говорили под пытками эти женщины, также и то, что Антипатр намеревался бежать с Ферором в его область. И поверил Ирод всему сказанному, когда упомянули о ста талантах, поскольку наедине с Антипатром он говорил о них. И обрушился гнев Ирода в первую очередь на Дориду, мать Антипатра: он отнял у нее все имущество и много денег и прогнал ее во второй раз. А служанок Ферора, рассказавших обо всем, он избавил от мук. И напал на Ирода страх несказанный, и мысли его как на ветру вертелись, и множество невиновных он пытал, дабы не ушел ни один из виноватых.



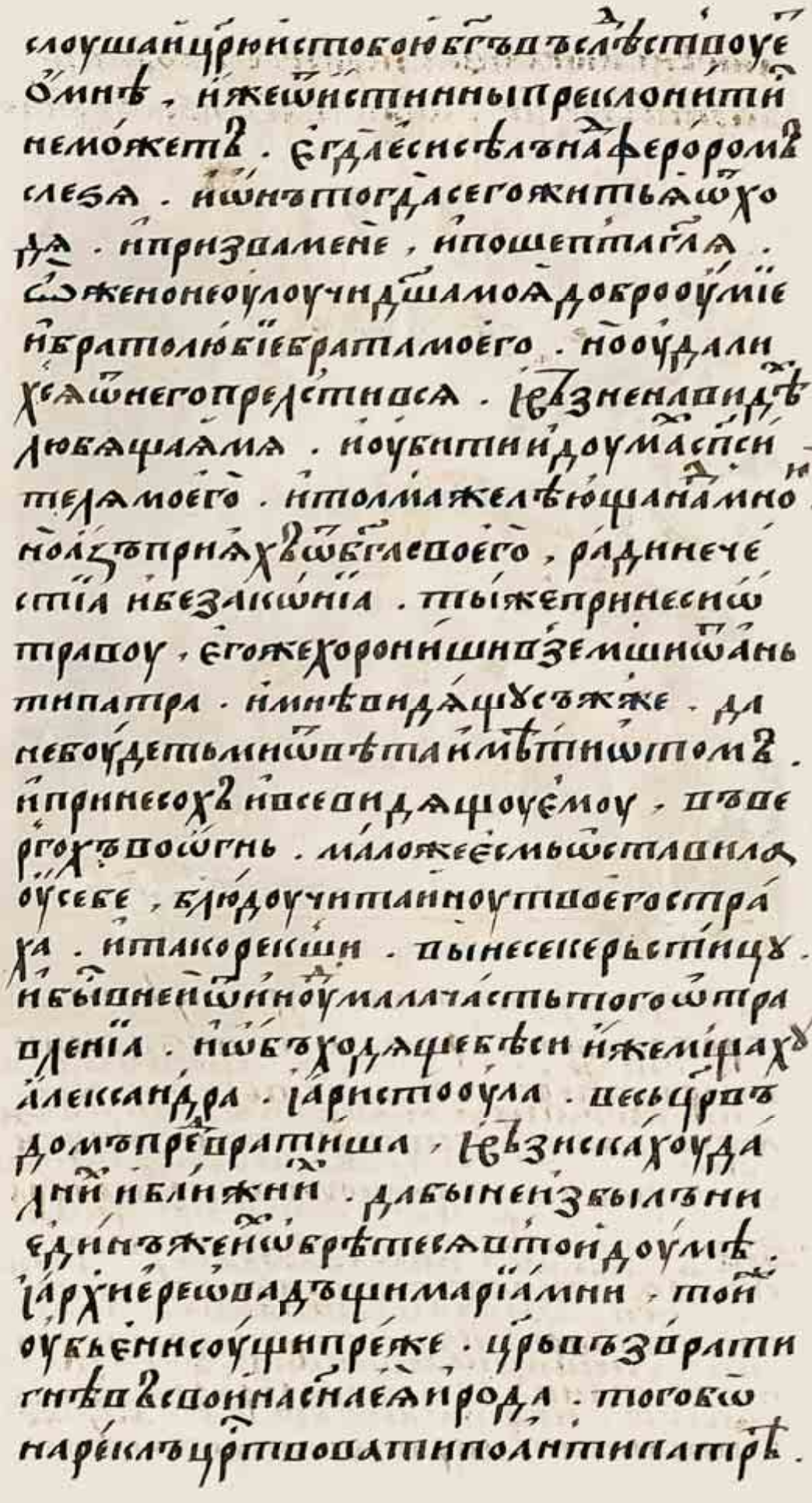
Сватил Ирод и управляющего Антипатра и пытал его, и тот сообщил, что Антипатр посылал в Египет за отравным зельем, которое привез Антифил и передал Феодиону, дяде Антипатра по матери, и Ферору. Им Антипатр сказал отравить Ирода в то время, пока сам он будет в Риме. Ферор же отдал жене своей это зелье.

Послаць рыпонь, упоселвейпринестизе
лиепто. итаиншешитпорящисазе
лиепринестипержесасвысоты. да
ряющшбличеніеимѧніе. пролы
сломъбожіимъхотящоунастести
местьнаантипатра.
неглавоу
дарижена
ноибе
др. и
избысмрти:

Послал же царь за женой Ферора и повелел ей принести зелье это. Она же притворилась, что пошла за зельем, а сама бросилась вниз с высоты, чтобы избежать обвинений и пытки. Но Промыслом Божьим все делалось так, чтобы настигла Антипатра месть, и не головой ударилась женщина, но бедрами, и избежала смерти.

Принесли ее, и царь привел ее в чувство благовониями, и спросил ее, из-за чего она бросилась с высоты. И поклялся Ирод, что если она скажет правду, то он не будет ее пытать, а если она утаит, то раздробит он тело ее и не даст похоронить ее. Женщина же подумала про себя и со стоном сказала: «Зачем мне продолжать хранить тайну, когда Ферор уже умер? Зачем мне спасать Антипатра, который всех нас погубил?

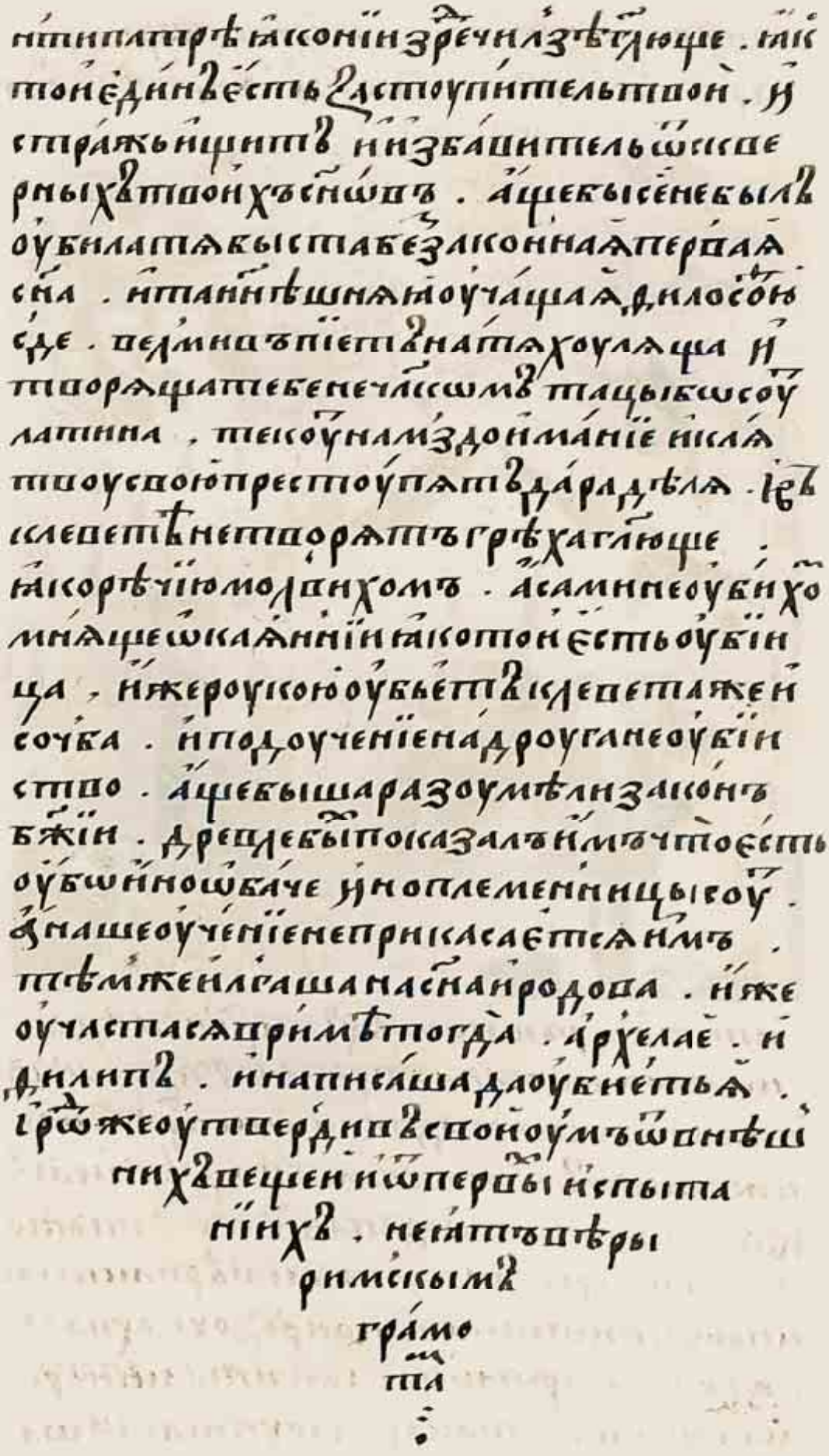
Слушай же, царь, и пусть Бог будет мне свидетелем, что я от истины не отклоняюсь. Когда ты сидел возле умирающего Ферора в слезах, он тогда призвал меня к себе и сказал шепотом: "О, жена, нет в душе моей того благоразумия и братской любви, которые есть у брата моего. Отдалился я от него, и обманулся, и ненавидел любящего меня, и убить помышлял спасителя моего, который так горюет обо мне. Мстит мне Бог мой за нечестие и беззаконие мое. Ты же принеси отраву, которую хранишь и которую приняла от Антипатра, и на моих глазах сожги, чтобы мне не отвечать за это на том свете". И я принесла отраву и на его глазах вылила в огонь; немного же оставила у себя и хранила в тайне из-за страха перед тобой».
С этими словами она отдала емкость, в которой было совсем немного той отравы. И носились духи Александра и Аристобула, и мстили, и весь дворец царский перевернули, и обличали дальних и ближних, чтобы не спасся ни один из участников того заговора. Оказалась в нем замешана и одна из жен Ирода, дочь первосвященника, Мариамна. Поскольку она убита была еще раньше, то царь обратил гнев свой на сына ее Ирода, которого он назначил царствовать после Антипатра.



Теперь же, поскольку не мог ничем матери его навредить, ибо она мертва была, отнял Ирод у ее сына право на царствование.

Антипатр же об этих событиях не знал ничего и веселился в Риме. И проводил время и жил, как подобает царскому сыну — в окружении слуг, в богатых одеждах, раздавая щедрые подарки. Много же давал даров вельможам римским и подговаривал их писать Ироду похвалы о себе. И получая дары, итальянцы, то есть латиняне, такие похвалы писали

об Антипатре, что и не высказать. Писали они Ироду: «Один Антипатр — твой заступник, и охрана твоя, и защита, и спаситель от коварных твоих сыновей. Если бы не он, то убили бы тебя остальные твои сыновья беззаконники, которые теперь учатся философии здесь в Риме, и хулят тебя часто, и изображают тебя чудовищем». Таковы латиняне — взятки берут, и от клятвы своей откажутся из-за подарков, и в клевете не видят греха, и говорят: «Мы только речи произносим, а сами не убиваем». Думают окаянные, что только тот убийца, кто оружием убивает, а оклеветать, донести, натравить — это не убийство. Если бы они понимали закон Божий! Уже было рассказано им раньше о законе, но поскольку они были иноплеменниками, то это учение не привилось у них. А потому и клеветали они на сыновей Ирода, которые тогда учились в Риме, на Архелая и Филиппа, и писали, чтобы он убил их. Ирод же был уверен в тех сведениях, которые ему удалось узнать об Антипатре, и не доверял письмам из Рима.



Многие же люди приходили в Рим из Иудеи, но никто не сообщал ничего Антипатру о том, что произошло. Не нашлось никого, кто бы ему сообщил о беде его. Из-за беззакония Антипатра и нечестивости, и промыслом Божьим, закрыты были уста всех, и никто не сказал ему о том, что ему грозит. И прошло семь месяцев между открытием его заговора и возвращением его. Антипатр из Рима писал

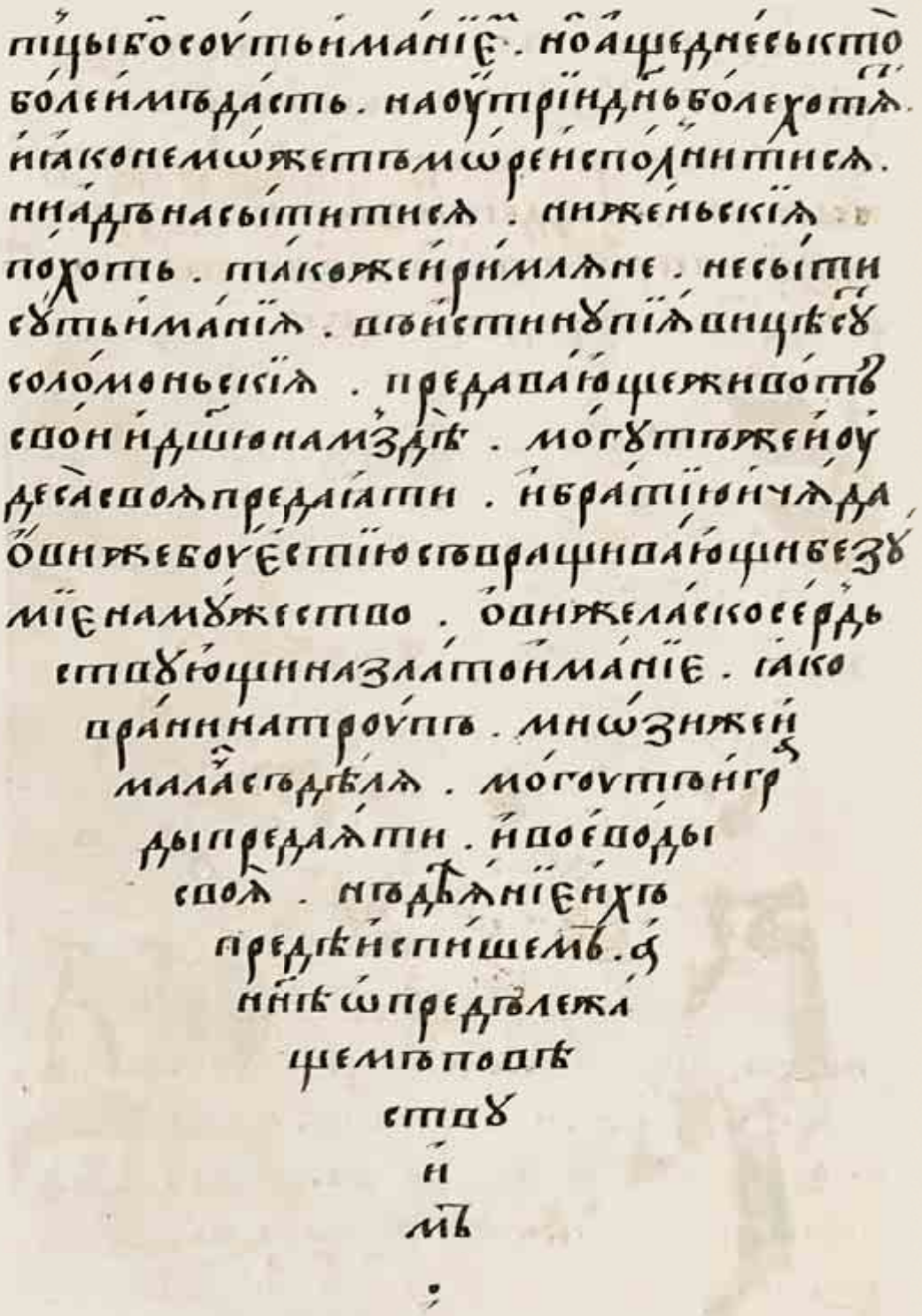
отцу, с радостью сообщая о скором своем возвращении и о том, что Цезарь с большим почетом принимал его. Ирод же ждал с нетерпением, когда он сможет схватить врага своего в свои руки и боялся, как бы Антипатр не узнал о случившемся и не ушел куда-нибудь. И послал Ирод к Антипатру письмо, в котором просил и учтиво повелевал ему, чтобы тот постарался вернуться поскорее.

Сначала же Антипатру доставили письмо о смерти Ферора, и Антипатр весьма большой траур устроил по нему. И считали люди, что он так сделал из-за любви к Ферору, потому что тот дядей ему был. Но все

было не так. Ибо Антипатр не горевал о Фероре, и не оплакивал его смерть. Горевал же Антипатр, что потерял того, кто должен был отравить Ирода ядом. И страх напал на него, как бы не узнал Ирод о яде. И когда в Киликии был Антипатр и получил от Ирода письмо, о котором мы говорили, то обрадовался весьма.

На славный пир устроил Антипатр тем, кто его сопровождал, и римлянам. И взяли римляне у него 300 талантов золота, ибо они

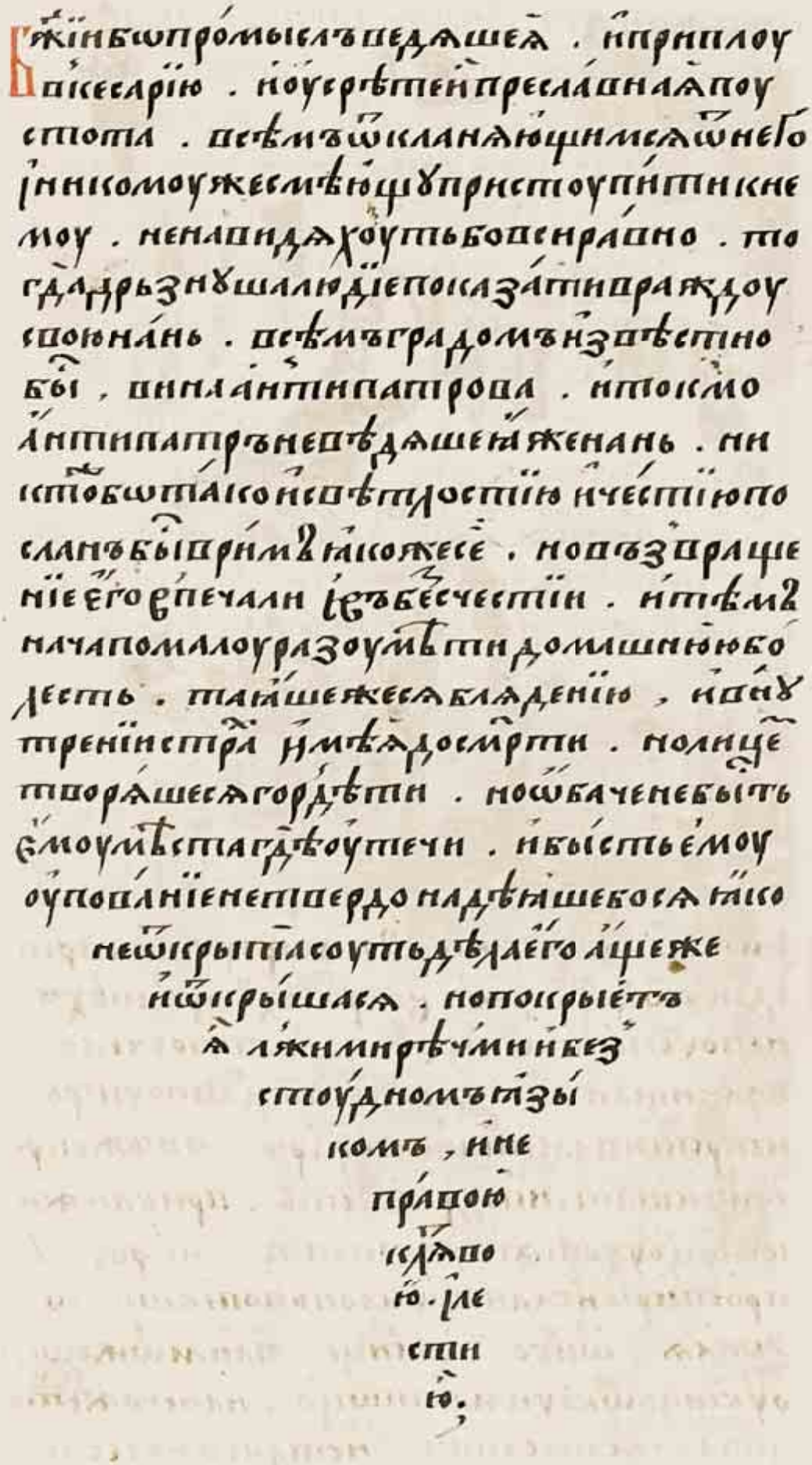
очень жадны и ненасытны к богатству. Если же римлянам сегодня много дашь, то на следующий день еще больше запросят. И так же, как не может море наполниться, ни ад насытиться, ни женская похоть, также и римляне ненасытны к богатству. Воистину пиявки они, о которых говорит Соломон, отдающие жизнь свою и душу за вознаграждение, и могут и члены своего тела отдать, и братьев, и детей. Одни из них в умопомрачении считают безумием мужество. Другие вожделеют к богатству, как вороны к падали. Многие же из-за богатства могут и города предать, и военачальников своих. Но о делах римлян впереди напишем, а сейчас к нашему рассказу вернемся.



Ѝкоже прїиде въ келендерь · Антипатръ
первое слышаше изгнанїи матери · и
трепетаахуть · душа бо его разумѣ
хотѧщаа быти · дх҃ъ бо есть бжтвен
ный · и скорочютитъ ѧже бо гла
дѣтъ , ѧкоже безсловесное · ѡтерїи
надхаимѣющие · пречистъ разумѣю
щее · ѧже ѡтера бываема ѧже бышасмы
слены ѡтроцы его · дела хоуемоу
не вдасти прочь ѡтыти , прежде ѧже
неуслышить · ихже ради

Когда Антипатр прибыл в Келендерий, то прежде всего он узнал об изгнании матери, и охватил его страх сильный, ибо душа его почувствовала приближение беды. «Дух бо есть Божественный и скоро очутит, яже от Бога будет, якоже и безсловесное. А от ерина духа имеюще, прежде человек разумеюще, яже от ера бываема». Наиболее разумные из приближенных Антипатра не советовали ему попадать отцу в руки, пока Антипатр не узнает о причине

изгнания матери его. Другие же, менее разумные, желая отечество свое поскорее увидеть и о пользе Антипатра не задумываясь, советовали ему поскорее явиться к отцу. И говорили они Антипатру: «Если ты будешь медлить, то подумает отец, что ты виноват, и у клеветников будет время очернить тебя. Если сейчас и наговорили на тебя, то только из-за твоего отъезда, а если увидят твое лицо, то не посмеют на тебя наговаривать. Неразумно из-за неявной причины от явного блага отказываться. Потому поспеши к отцу и прими царство, которое он тебе обещал». И послушался Антипатр этих советников.



Божий же Промысел вел Антипатра. И приплыл он в Цезарею, и встретила его преславная пустота: все уклонялись от него, и никто не решался подойти к нему. Ненавидели его и раньше, но теперь люди дерзали показывать ненависть свою к нему. Всему городу известно было о вине Антипатра, и только Антипатр не знал, что его ждет. Никто не отправлялся в Рим с большей пышностью и почетом, чем этот Антипатр, и никто не возвращался более уныло и бесславно. Уже он стал понемногу понимать, что в доме несчастье, но не выдал себя словом. И был он внутренне смертельно напуган, но лицо сделал гордое. Некуда ему было бежать, и не было у него твердой уверенности ни в чем. Надеялся же он, что не открыты дела его, а если же и открыты, то он скроет их обманными речами, бессовестным языком, ложной клятвой и лестью.

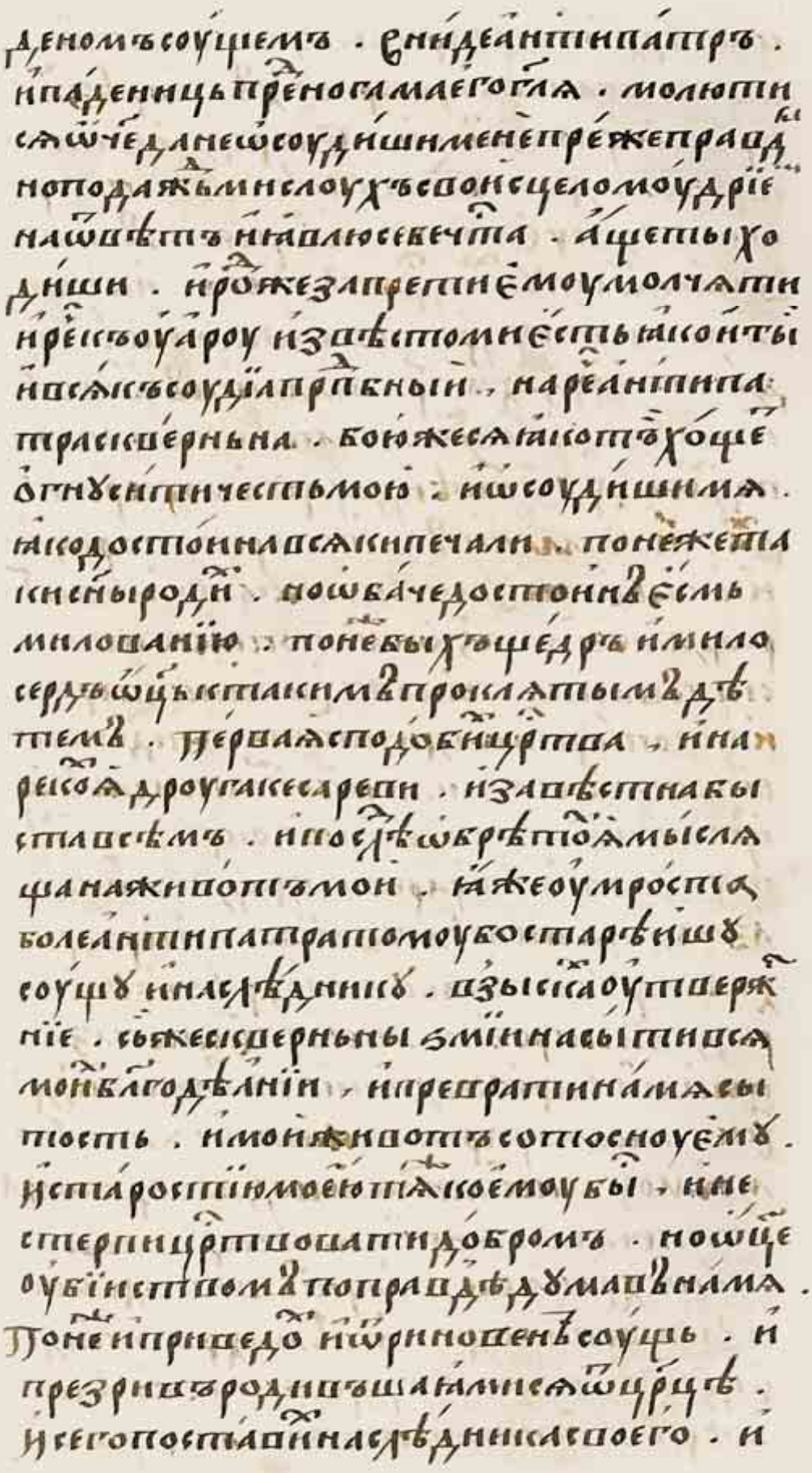
Всем этим Антипатр как оружием вооружился и пришел к отцу. В первых же воротах не пустили сопровождавших его и не дозволили им пройти. Был же тогда в покоях царя сирийский наместник Вар. Антипатр, прибавив к своей гордости еще и дерзость, приблизился к отцу и хотел его приветствовать. Но тот вскинул руки, и отклонил голову, и воскликнул: «О, земля! О, небо! О, солнце! Разве может отцеубийца обнимать отца, на которого столько зла задумал! Умри, нечестивая

голова! Пади, беззаконник! Не прикасайся ко мне, пока не оправдаешься в том, в чем тебя обвиняют! Я устраиваю суд над тобой, и вот тебе судья — Вар, который прибыл как раз вовремя. Иди и ищи оправдание до завтра; даю же тебе время для твоих выдумок». Антипатр же от ужаса слова не мог сказать и ушел.

Пришли к Антипатру мать и жена, и рассказали ему все, что произошло, и сообщили ему о пытках и о раскрытии заговора. Антипатр же тогда стал думать крепко, как отвечать ему на суде, чтобы спастись.

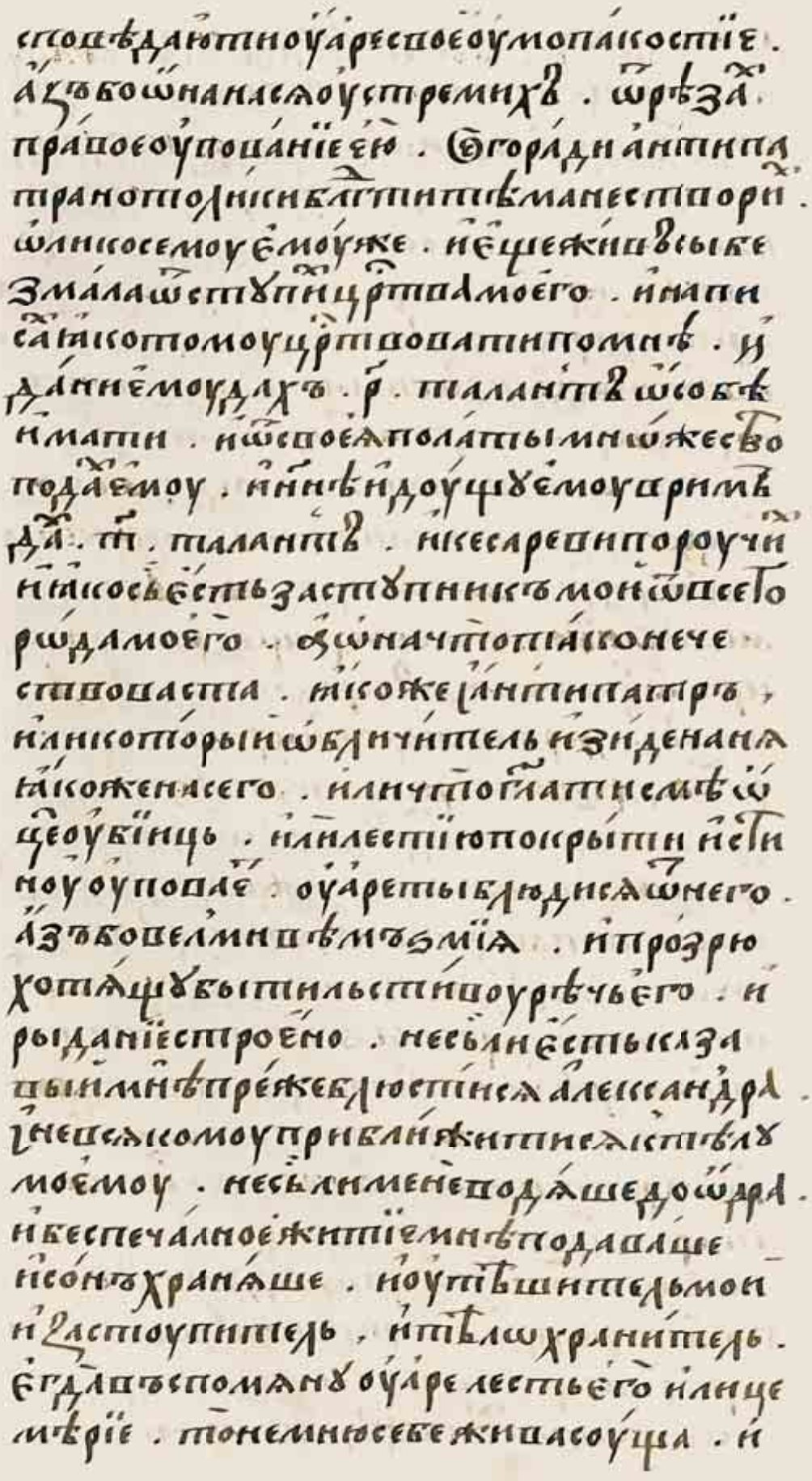
Утроуже бы́вшюсѧ бы́соупи́цꙑ вла́сте
ле́вородни́кисвоѧ . і҆а́нтипа́тровыпри
а҆зни . са́мжесѣдѧнаво́ы́сокѣстолѣ .
хо́уа́рѣсторонѣ́егонани́шьши и҆поѣлѣ
ни́емъ́ѣгопри́шедѣ́ни́бы́шасѧ́ сѡбли́чени
цы . сни́ми́жебы́шаи҆ты́а҆жены и҆ма
тиѣ́госьграмота́ми . ѡ҆ни́жена́писа
нобы́стьта́ѥсѧсотворена́ѧ . та́цде
наслоу́ша́ѥтоутвое́моу . да́неприи́деши
ксемоупре́жеда́жене́прии́мешисилоу
ни́высоующи́сесара́ѧ . тако́мьсѣмьтопри́де

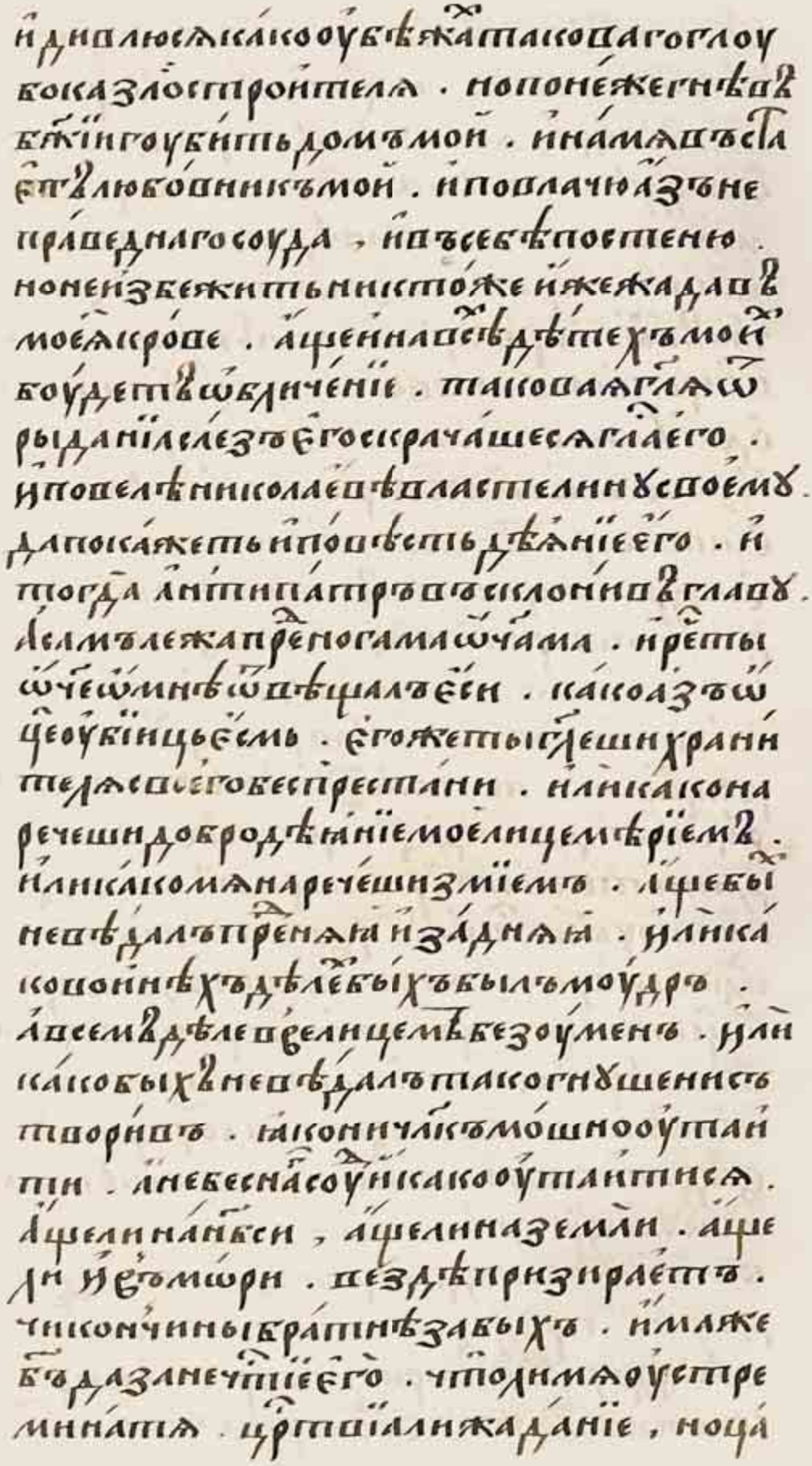
На следующий день собрал царь властителей своих, и родственников своих, и друзей Антипатра, сам же сел на возвышении, и Вар возле него пониже. И по приказу царя были приведены все свидетели. Среди них были и служанки, о которых было сказано выше, и мать Антипатра с письмом, в котором было написано: «Все, нами сделанное, раскрыто отцом твоим. Не приходи к нему, пока не получишь защиту некую от Цезаря». Когда всех привели,



вошел и Антипатр. И упал он к ногам отца, и сказал: «Умоляю тебя, отец, не осуди меня прежде, чем узнаешь правду, а выслушай мое оправдание с мудростью, и я докажу свою невиновность, если ты этого хочешь». Ирод же приказал ему молчать и сказал Вару: «Я знаю, что и ты, Вар, и всякий судья праведный признает Антипатра бесчестным. Боюсь же, что он захочет очернить меня, и ты осудишь также и меня, и признаешь достойным всякого горя, раз я таких сыновей вырастил. Однако я достоин и милости, поскольку даже таким проклятым детям я все же был щедрым и милосердным отцом. Первых своих сыновей я удостоил царского звания и сделал их друзьями Цезаря, и завидовали им. А после этого я обнаружил, что они помышляют убить меня. И я их предал смерти, больше для Антипатра, который был старшим сыном и наследником; его я желал обезопасить. Этот же отвратительный змей насытился моими благодеяниями, а затем и на меня обратил свою жадность. Тем, что я живу, досадил я ему, и старость моя в тягость ему была. И не мог он потерпеть, чтобы получить царство законным образом, но убить меня, отца своего, действительно замышлял. Привел я его, отвергнутого, и пренебрег сыновьями, рожденными мне царицей, и этого назначил наследником своим.

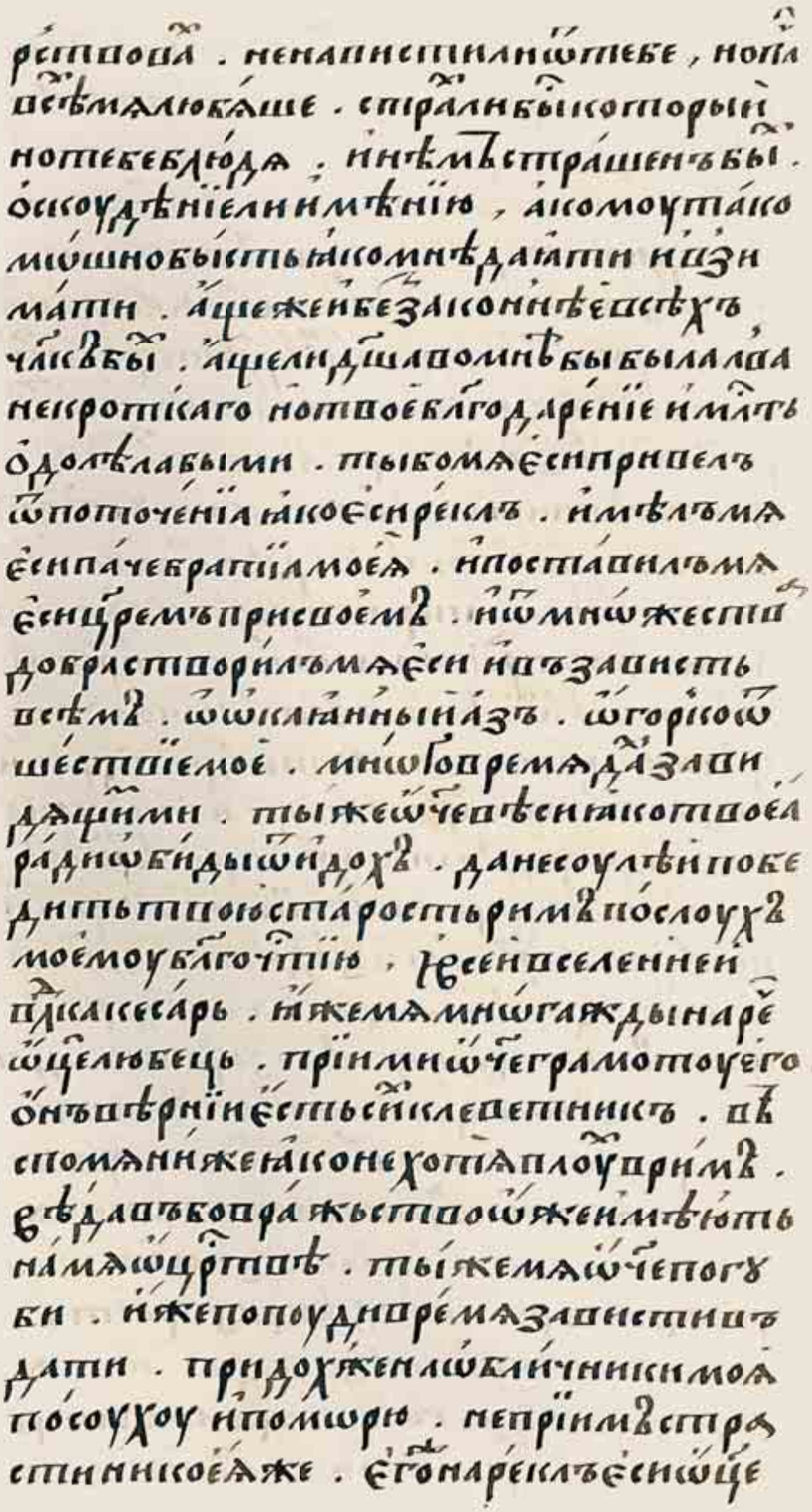
Признаю перед тобой, Вар, свое слабоумие, ибо я сам тех сыновей против себя обратил, когда я отнял у них законные надежды, и все для этого Антипатра. И столько благодеяний им я не оказывал, сколько этому же Антипатру. Еще при жизни своей я почти уступил ему царство свое и написал в завещании, что он будет царствовать после меня, и из собираемых мной податей выделил я ему 100 талантов золота, и из своего дворца многим его одаривал. Когда поехал он в Рим дал ему 300 талантов золота, и поручился за него перед Цезарем, и назвал его своим спасителем, и выделил его среди всего рода моего. А те мои сыновья какое такое бесчестье сделали, сравнимое с тем, что сделал Антипатр? И какие свидетели были против них, сравнимые с теми, что обвиняют Антипатра? И что говорить смеет отцеубийца? Разве покрыть правду ложью надеется? Ты, Вар, опасайся его. Я же хорошо знаю этого змея и предвижу всю льстивую речь его и слезы притворные. Это он говорил мне прежде беречься от Александра и советовал, чтобы не всякий приближался к телу моему. Это он меня провожал до ложа, и беспечальную жизнь мне подавал, и сон мой оберегал, утешитель мой, и заступник, и телохранитель. Когда я думаю, о, Вар, о его лжи и лицемерии, то не понимаю, как я жив еще,

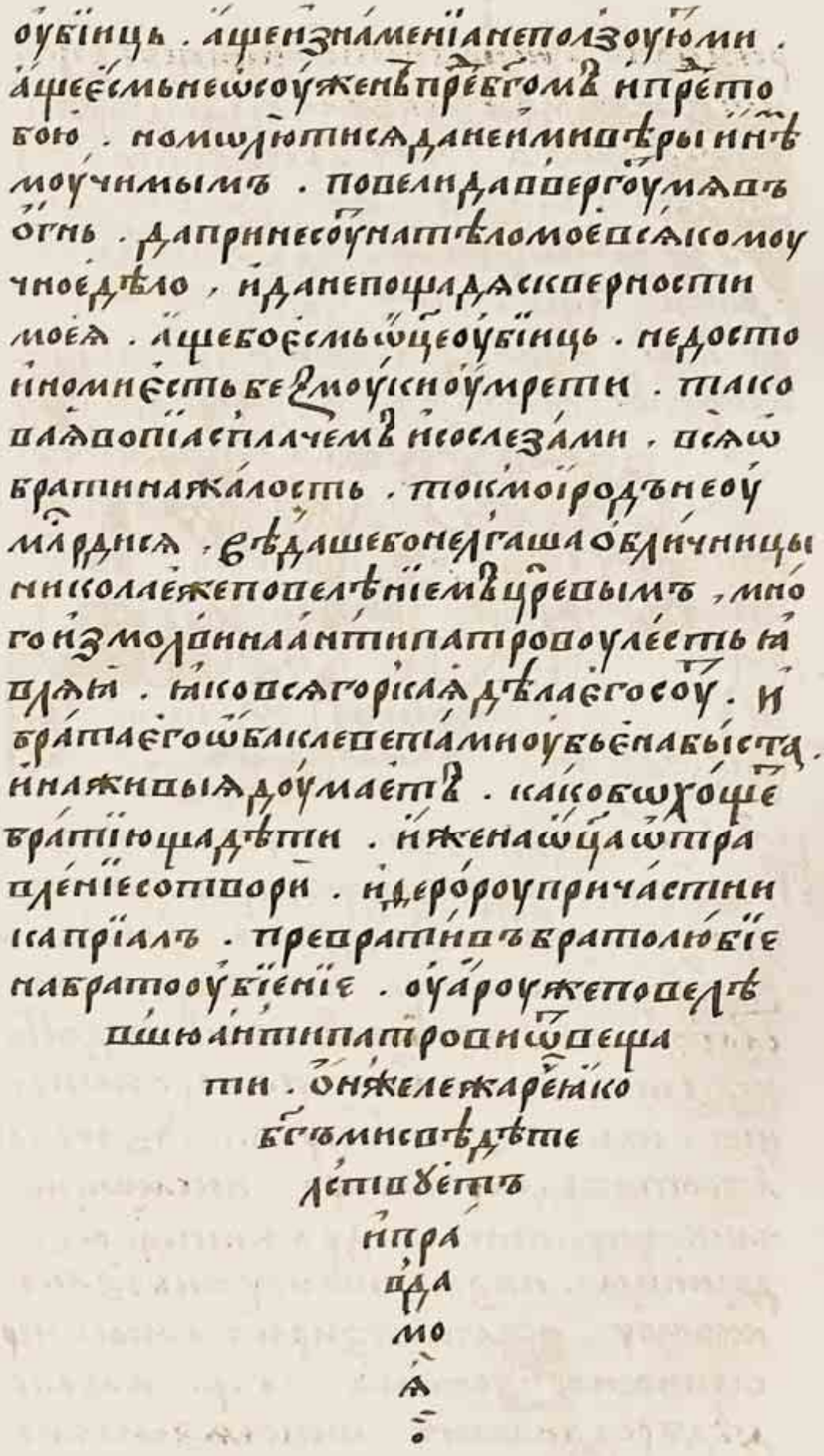




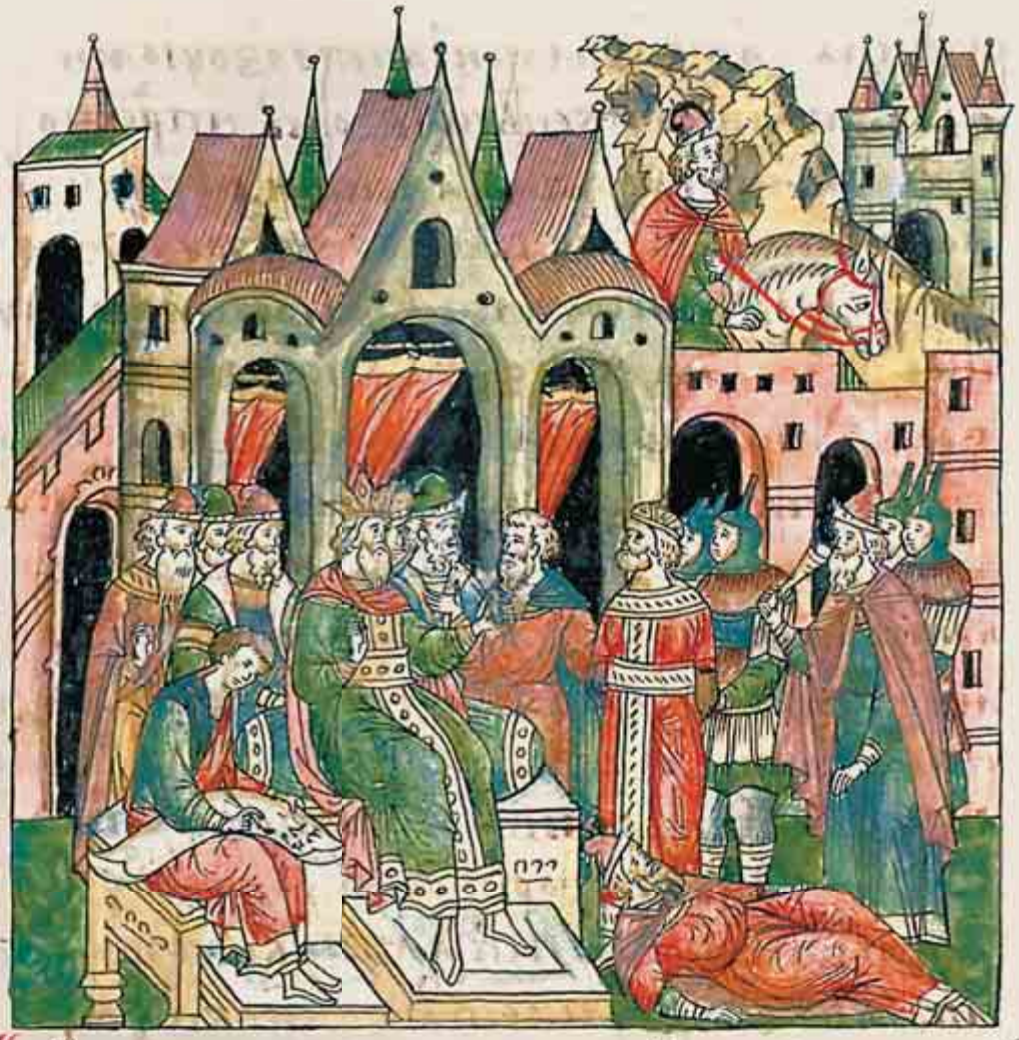
и удивляюсь, как я избежал козней такого страшного злодея. Раз уж так гневом Своим Бог губит мой дом, и на меня восстает любимец мой, то со стоном ставлю я неправедного на суд. И не избежит никто наказания, кто желает моей крови, если даже и все дети мои окажутся виновными». Сказав это, от рыданий и слез царь не мог говорить и приказал Николаю, вельможе своему, чтобы он привел доказательства и сообщил о злодеяниях Антипатра. Тогда Антипатр поднял голову, а сам оставался лежать у ног отца, и сказал: «Ты сам, отец, оправдал меня. Как я могу быть отцеубийцей, когда ты сам говоришь, что я всегда был хранителем твоим? Как можно назвать добрые дела мои лицемерием? Как можно назвать меня хитрым змеем, если я не разбираюсь ни в прошлом, ни в будущем? Или как я в других делах был таким умным, а в этом большом деле оказался таким безрассудным? Или как я, с моим умом, не додумался, что, такую подлость сотворив, ни от людей мне не скрыться, ни, тем более, от Небесного Суда, ведь Бог и на Небе, и на земле, и на море, везде все видит. Или я кончину братьев забыл, которую им Бог послал за преступление их? И зачем мне было восставать на тебя? Из-за желания ли царствовать? Но ведь я и так

царствовал. Из-за ненависти ли твоей ко мне? Но ведь ты больше всех меня любил. Из-за боязни ли кого-то? Но, напротив, все другие меня боялись, ведь я был твоим охранником. Или из-за умаления моего богатства должен был я восстать на тебя? Но никто не имел таких возможностей давать и брать, как я. И если бы я и самым беззаконным из всех людей был, и если бы во мне была душа льва свирепого, то твои, отец, благодеяния и милости как могли не победить и не расположить меня к тебе? Ты ведь приблизил меня к себе, отвергнутого, как сам говоришь, и выделил меня среди всех братьев моих, и сделал меня царем еще при своей жизни, и из-за множества добра, которое ты мне сделал, все мне завидовали. О, несчастный я! О, проклятый мой отъезд! Много времени дал я завистникам. Ты же, отец, знай, что ради тебя я отъезжал в Рим, для того, чтобы Силлай не нанес тебе обиду и не победил тебя в старости твоей. Свидетели моего благочестия — Рим и всей вселенной владыка, Цезарь, который меня много раз хвалил за то, что я люблю отца. Возьми же это письмо от него, отец, ведь Цезарь заслуживает большего доверия, чем все эти клеветники. Вспомни, как неохотно я отплывал в Рим, ибо знал вражду ко мне из-за царствования моего. Ты же меня, отец, погубил, тем, что время завистникам дал, отправив меня в Рим. Шел же я к обвинителям моим по суше и по воде, и не постигло меня несчастье никакое — того, кого называешь ты отцеубийцей.

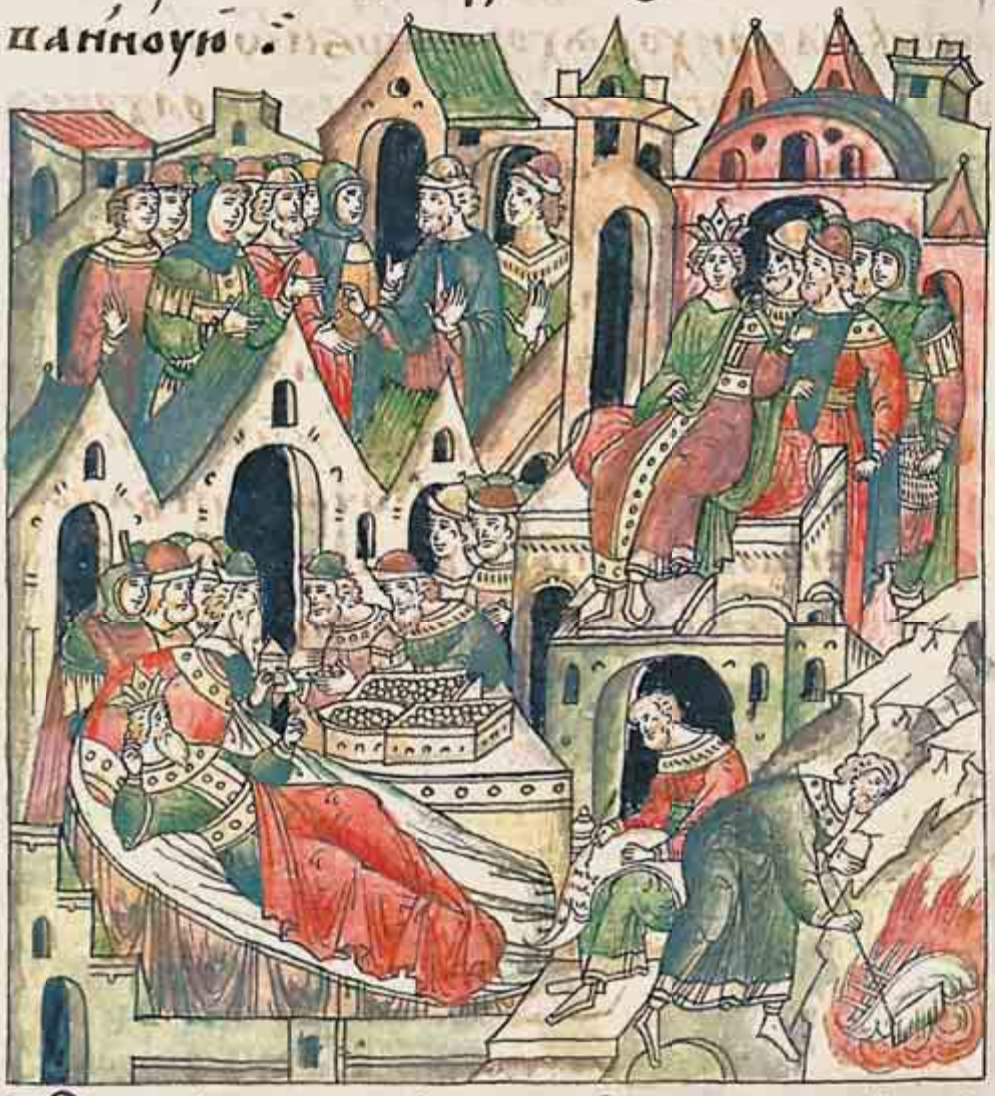




Неужели и это знамение не поможет мне! Неужели не видно, что я невиновен перед Богом и перед тобой, отец! Но прошу тебя, не верь тому, что показали другие под пытками. Повели лучше, чтобы меня бросили в огонь, и принесли всякие орудия пыток, и мучили меня, не щадя мерзости моей. Если я отцеубийца, то не должен я без муки умереть!» Так восклицал, с плачем и со слезами, Антипатр, и всех заставил себя жалеть. Только Ирод не стал более милостивым к нему, ибо знал, что не лгут свидетели. Николай же, по повелению царя, много сказал такого, что уличало Антипатра в обмане. Было явлено обо всех злодеяниях его, и что оба его брата из-за его клеветы убиты были, и что против живых братьев он зло замышляет, ибо не пощадит и братьев тот, кто отца отравить хотел. Доказывал Николай, что и Ферора Антипатр вовлек в это дело, братскую любовь обратил в братоубийство. Вар же повелел Антипатру дать ответ на эти обвинения. Но Антипатр, лежа у ног Ирода, сказал только: «Бог — мой свидетель, и правда на моей стороне».



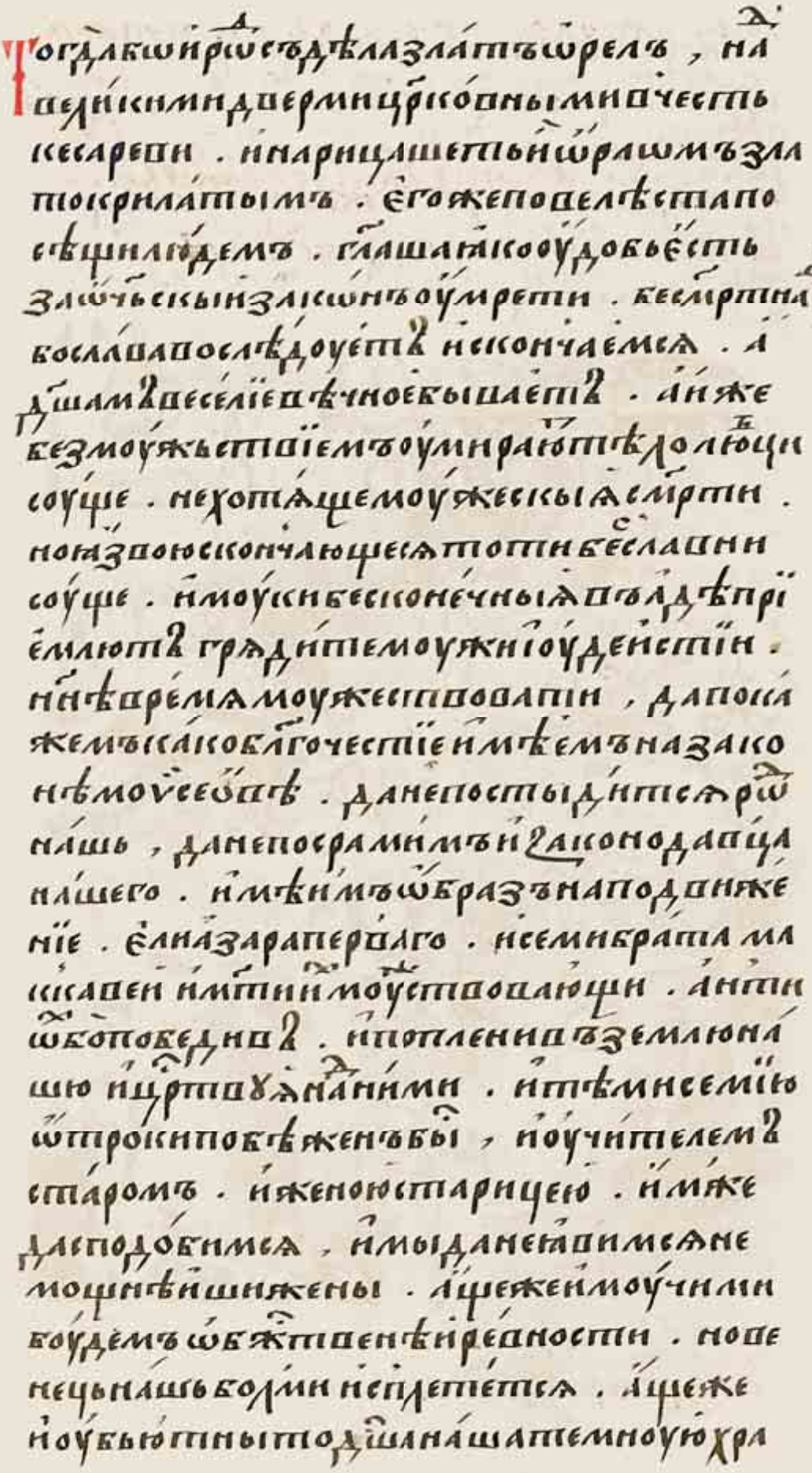
Ирод же приказал привести человека, осужденного на смерть, и дал ему отраву эту выпить, и пил осужденный, и умер. Тогда заковал царь Антипатра и послал Цезарю письмо обо всем. Можно только подивиться Божественному Промыслу, как за зло воздается злом, а за добро — добром. И невозможно человеку, — ни тому, кто исполняет закон, ни тому, кто его нарушает, — укрыться от руки Божьей, которая всеми обладает. Больше же всего обращен взор Божества на тех, кто исполняет закон Его. И Авраам, праотец рода нашего, из своей земли



изведен был, так как обидел брата своего при разделе земель своих: в чем согрешил, в том и наказан был. Затем же — за послушание Авраама — дал ему Бог Землю Обетованную.

Народ же заболел. И вместо предыдущего завещания другое написал. И назвал царем Антипу, сына своего от Мальфаки. Цезарю он завещал 1000 талантов золота, а жене Цезаря и детям — 500. И другим раздал богатства много. И стал болеть Ирод все сильнее, так как недуг застиг его в старости и в горе. Тогда же мятеж был в народе против него.

Было два законоучителя в городе Иерусалиме, они изучали законы отеческие и за это славились по всей Иудее — Иуда, сын Сепфора, и Матфей, сын Маргала. К ним приходило много молодежи, и спрашивали о законе отцов, и собирались каждый день, как войско. Когда стало известно, что царь подавлен горем и болезнями, то эти законоучители послали ко всем, почитающим отеческий закон, и сказали, что настало теперь время удобное, чтобы послужить Богу и разрушить то, что было сделано против отеческого закона. Закон же запрещал, чтобы в храме было изображение человека или другого живого существа.



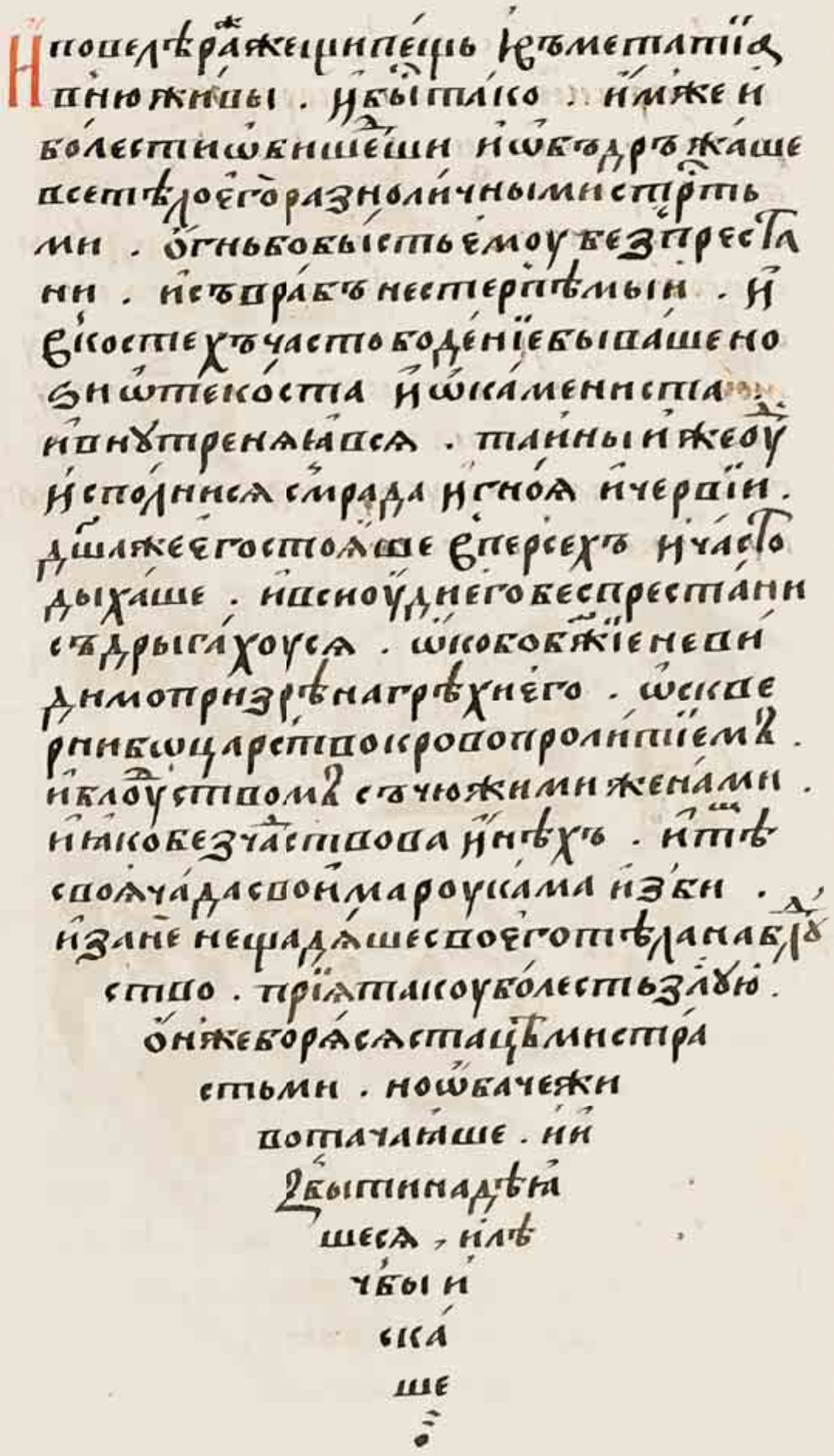
В то же время Ирод сделал изображение золотого орла над главными воротами храма в честь Цезаря, которого он называл орлом златокрылым. Это изображение орла законоучители повелели изрубить народу. И говорили так: «Можно за отеческий закон и умереть, ибо бессмертную славу унаследуют те, кто так умрет, и после смерти душам их радость вечная будет. А тот, кто труслив, и любит свое тело, кто вместо подвижнической смерти предпочитает смерть от болезней, тот и славы не получит, и муки бесконечные в аду примет. Идите, люди иудейские! Ныне время подвигу. Покажем, как мы ревнуем о законе Моисеевом. Да не опозорим род наш, да не постыдим того, кто дал нам закон. Есть у нас примеры подвижников — первый Елеазар, и семь братьев Маккавеев, и мать их, столь мужественная. Антиох же победил, и захватил землю нашу, и царствовал над ней, а эти семь отроков, и законоучитель старый, и женщина-старица его победили. Будем же и мы подражать им и не окажемся более немощными, чем женщина. Если же будут мучать нас за Божественную ревность, то этим еще более славный венец нам сплетут, а если и убьют нас, то души наши, темницу

тела покинув, к праотцам отойдут, к Аврааму и его потомкам». Эти речи удивительное движение вызвали в народе, и в полдень опоясались люди веревками толстыми, и забрались на ворота, и срубили золотого орла.

Когда царь узнал об этом, то послал он воинов и схватил 80 человек. И спросил Ирод тех, кого схватил: «По чьему повелению дерзнули вы сделать это?» Они же

ответили: «Так велел нам отеческий закон». И еще спросил их Ирод: «Что вы так радуетесь перед смертью?» Они же ответили: «Блаженство получим после смерти». Царь как будто и не болел, в ярости он повелел собрать народ и стал обвинять схваченных в осквернении храма, и говорил, что их следует предать мукам как богохульников. Люди же боялись, что на всех на них обрушится царский гнев, и просили, чтобы царь казнил только схваченных, а всех остальных простил.

Повелел Ирод растопить печь и бросить в нее тех, кто был схвачен, живьем. Так и было сделано. Болезни же охватили Ирода, и завладели всем телом его разные недуги. Жар у него был нескончаемый, и зуд нестерпимый, и кости часто ломило у него, и ноги отекли и окаменели, и внутри было жжение, а срамное место исполнилось вони, гноя и червей, дыхание же его перехватывало в груди, и часто дышал, и все члены его постоянно дергались. Око Божье невидимое обратилось на грехи Ирода, ибо он осквернил царствование свое кровопролитием и блудом с чужими женами. И поскольку без детей оставлял других, то и своих детей не жалел и своими руками убил. И так как не жалел тела своего для блуда, то и получил такую болезнь жестокую. И боролся Ирод с таким множеством болезней, и еще жить помышлял, и излечиться надеялся, и лечение себе искал.



Наришеі ѡрдань ѹ҃ыкалиройскеи тєлни
цымыи҃шеса . ѥкоготеплѣцѣ҃ѡлѣа
флѣѡтиты҃скагоѡберанисходатѣ .
сѣлисиѧсоуи҃пїємы . иврачемъпомаза
ѡшемѣмаслѡмѣтєплыимътѣлоєго
ипрекратиханлѡтокъѿглавыдоного
ипривєдѡшаіѧкимѓтцєсасмѧшемѣ
всѣмъѡ҃чюгти . иподастьдоиномѣ
н҃ драгмъѧиѓємоно
полнѡгѹ
҃

Перешел Ирод за Иордан, и в Каллиройской теплой купальнице мылся, теплые воды которой идут из Асфальтового озера, вода же эта вкусная и пригодная для питья. И врачи обмазали мазью теплой тело Ирода. Но тогда он отек весь с головы до ног и стал как мертвый. Когда же все пришли в смятение, то Ирод очнулся. И раздал Ирод воинам своим по 50 драхм каждому, и военачальников наградил щедро.

Самъ же Иродъ
двинулся в об-
ратный путь,
в Иерихоне же как
будто обезумел, и без-
законное дело замыс-
лил. И собрал знатных
людей со всей Иудеи,
и запер их в здании
для конских скачек,
и дал такой наказ
сестре своей Саломее
и мужу ее Алексе:
«Знаю, что моя смерть
праздником будет для
иудеев, и потешаться
они будут надо мной,
но если вы исполните
мой наказ, то будут
мне пышные и слав-
ные похороны. При-
ведите сюда воинов,
чтобы, когда

Самъ же Иродъ возвратисѧ въ Ерихонъ мнѣ собѣ
зоумѣньбышь . и безаконна дѣла по
мышлиѭ . и собравъ нарочиты шдсѣ
людеѧ . изатворіѧ в коньнеристанїи .
и запов҃дасестрѣ салѡмїи , и моужке
ейѣ алексѣ сказа . а вѣмъ таковомоей
смрти . праздноватисѧ имоу людеѧ .
веселѧщесѧ надомною . но ѡлщеныхо
щетепослоушатимоеѧ запов҃ди то
боудѣмисѧ тлоу и славнопогребенїе .
пристоупитемоужидовѣны . а имѧже

я умру, они скоро приступили к содержащимся под стражей людям из знатных родов и убили бы их. Тогда весь народ Израильский оплакивать будет меня против своей воли».

Тогда принесли Ироду письмо послы от Цезаря с повелением убить Антипатра, так что, даже если и отец пощадит его, Цезарь осуждает Антипатра на смерть. Ирод же, услышав то, чего он желал, обрадовался и хотел встать на казнь сына, но не дали ему болезнь и изнеможение, ибо еды

он не мог принимать, и к прежней болезни его прибавился еще и кашель мучительный. И так стало невыносимо ему жить, что попытался он опередить судьбу. И взял он яблоко и попросил нож, как будто хотел, как обычно, отрезать и есть, а сам осмотрелся по сторонам, чтобы ему никто не помешал, и занес руку свою для удара в сердце. Но подбежал Ахиав, племянник его, и схватил его за руку.

И был крик большой во дворце, как будто умер царь. И услышал Антипатр, и обрадовался, и велел стражникам

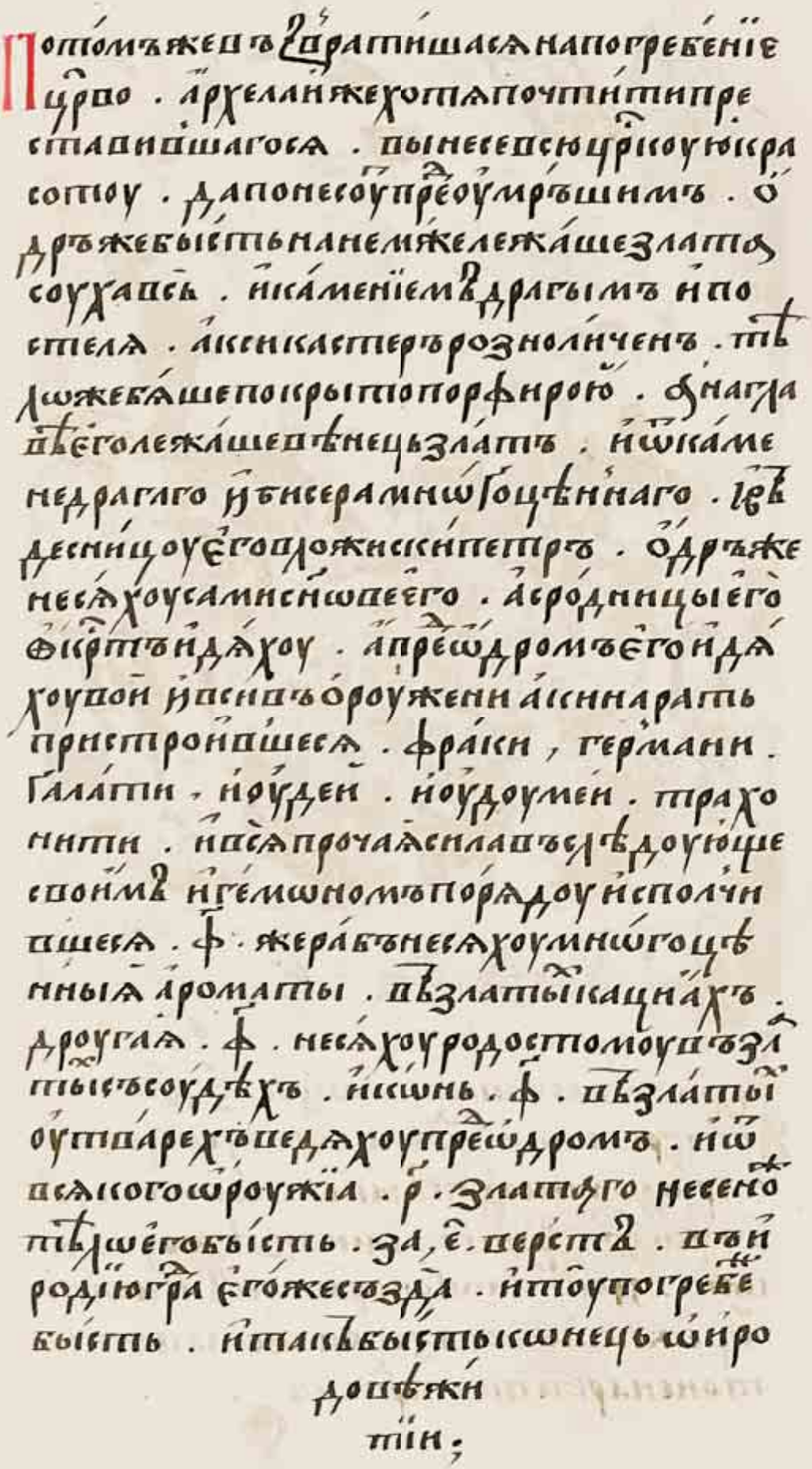
расковать его, то угрожая, то дары предлагая. Стражники же пришли к царю и рассказали ему об этом. И заговорил Ирод через силу, но громко,

Немедленно послал убить Антипатра, что было исполнено. И погребли Антипатра в Гирканнии. Ирод же написал в завещании, чтобы Архелай, его старший сын, царствовал после него.

Антипу же, другого сына, сделал Ирод четвертовластником. После же убийства Антипатра Ирод жил пять дней и умер. Царствовал же он по повелению Цезаря тридцать семь лет. Благоприятствовала Ироду судьба больше, чем кому бы то ни было: не благородного он был происхождения, но своей смелостью приобрел царство, и расширил его, и своим детям оставил.

Саломѣ же прежде чем известно стало людям о смерти царя, призвала заключенных Иродом знатных людей, которых царь приказал убить, и дала им золото, и отпустила их в земли их. Потом же созвала Саломея властителей и воинов. И встал посреди них Птолемей, вельможа царский, которому свой перстень с печатью вручил царь, и ублажил царя Птолемей, и восхвалил, и воспел, и народ утешил речью скорбной и прекрасной, и развязал царское завещание и прочел.

В завещании было написано: Филиппу владеть Трахонитской землей, Антипе быть четвертовластником, Архелаю же — царствовать. Архелай и перстень получил, и право принести завещание к Цезарю, ибо Цезарь оставался правителем и господином Иудеи. И тут раздался крик радостный всех друзей Архелая.



Затем обратились к погребению царя. Архелай желал почтить отца и велел, чтобы взяли все царское великолепие и несли перед умершим. Ложе, на котором лежал Ирод, было все из чистого золота и украшено было камнями дорогими, постель была из богатых тканей различных, тело же было покрыто багряницей царской, а на голове лежал венец золотой, украшенный камнями дорогими и жемчугом многоценным, а в правую руку Ирода вложили царский посох. Ложе несли сами сыновья Ирода, а родственники его вокруг шли. А перед ложем шли воины, вооруженные и как на войну построенные: фракийцы, германцы, галаты, иудеи, идумеи, трахониты; и все остальное войско шло за своими военачальниками, в строгом порядке, и в полном вооружении. 500 же рабов несли многоценные благовония в золотых кадильницах. А другие 500 рабов несли ценную розовую воду в золотых сосудах. И коней 500 в золотой упряжи вели перед ложем. И всякого оружия золотого по 100 предметов несли. И несли тело Ирода 5 верст в крепость Иродион, которую он сам построил, и там погребли его. Таков был конец жизни Ирода.

Книга вторая Иосифа. О завоевании Иерусалима.

Архелай оплакивал отца семь дней и устроил богатый поминальный обед для народа, по обычаю еврейскому. От этого обычая многие бедными становятся, поскольку многих надо накормить, даже если не хочешь этого. А если кто этот закон не исполнит, то не считают такого добродетельным.

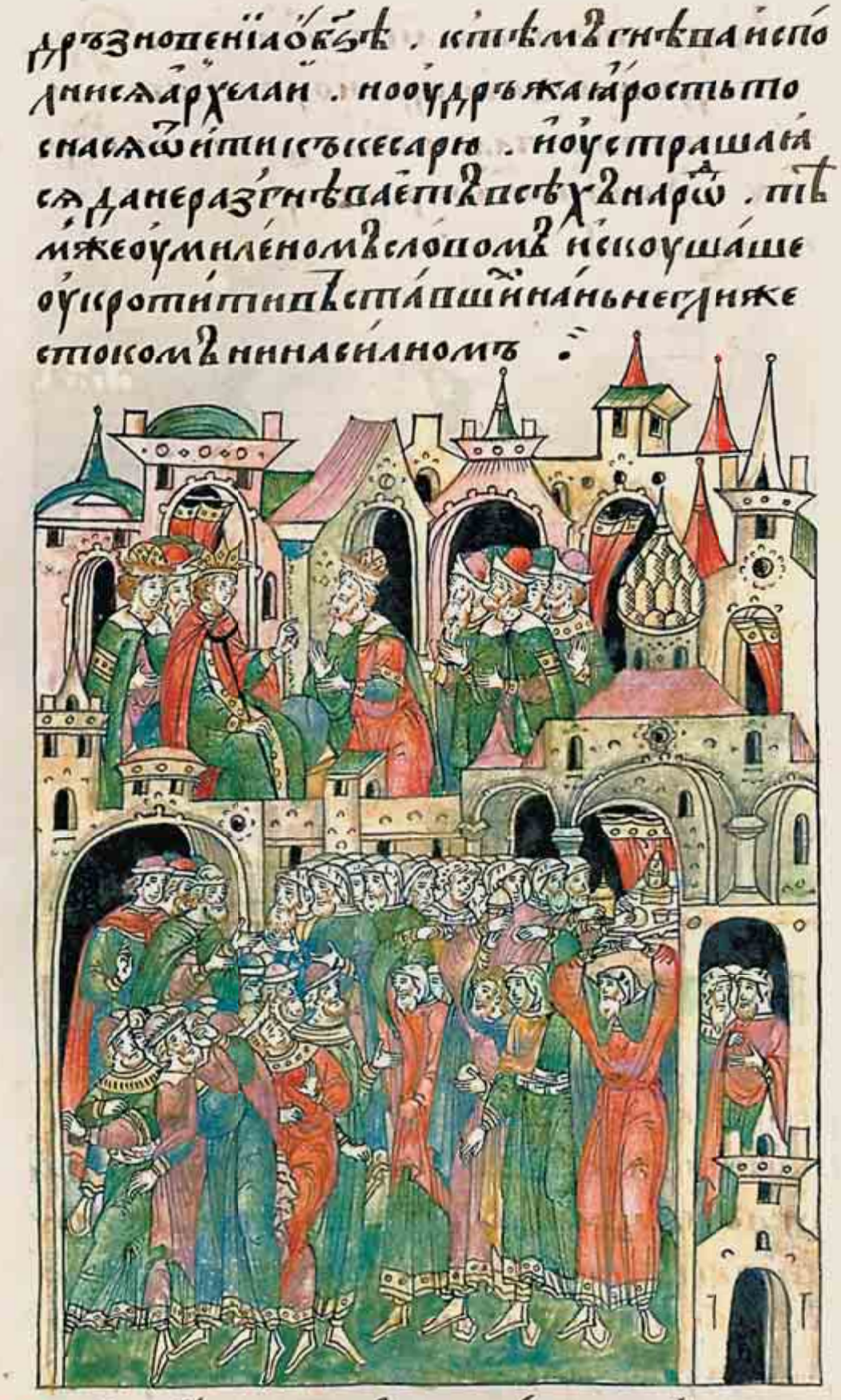
Тогда снял Архелай поминальные одежды и одел царские. И вошел он в собрание, и там всячески расхваливали и прославляли его. И Архелай поприветствовал народ, сидя на золотом престоле, на возвышении, и поблагодарил людей за усердие, которое они проявили на похоронах отца его, а также за то, что они ублажали Архелая и обращались с ним, как будто он уже стал царем. И сказал Архелай: «Не дерзну сказать, что я царь, пока не утвердит мое воцарение Цезарь, который является владыкой

над всеми. За преданность же и за любовь вашу дам вам то, что вы попросите. Когда же Цезарь назовет меня царем, то буду ко всем относиться лучше, чем мой отец». Этим словам радовались люди и хотели испытать, насколько Архелай великодушен, и еще больше просили, и кричали, чтобы облегчил подати, другие просили прибавки к жалованию, третьи — отпустить осужденных. И Архелай, желая угодить людям, говорил то, что им хотелось, зная, что Давид и Соломон льготами получили царство Израилево, а сын Соломона Роводам потерял царство, поскольку не шел на уступки. После этого Архелай жертву принес Богу.

И обратился Архелай к веселью со своими вельможами. И тогда многие из иудеев напились и стали причитать и плакать по законоучителям и по казненным Иродом за срубленного орла золотого.

Было же это сетование неприкрытым, и рыдания были громкими, и кричать людям велели, и плач оглушающий был во всем городе, поскольку замученных почитали как павших за отеческий закон и за церковь. И люди кричали: «Пусть мучаются властители Ирода за тех мучеников! И пусть будет устранен первосвященник, которого Ирод назначил, поскольку нечестивый он и порочный, и нет у него

ревности к Богу». На это разгневался очень Архелай, но сдержал ярость, ибо торопился он отправиться к Цезарю, а также боялся взволновать весь народ. Поэтому Архелай пытался усмирить восставших на него добрыми словами, а не жестокостью и силой.



Послал Архелай военачальника своего и просил восставших, чтобы они прекратили беспорядки.

Когда этот военачальник пришел в храм, то не смог сказать ни слова, так как был побит камнями. Люди были готовы воевать. И настал праздник Опресноков, также называемый Пасхой, когда много жертв приносится Богу, и пришло народу бесчисленное множество со всей земли на богослужение. Зачинщики восстания стояли в храме тайно, и вдруг вскочили и встревожились все.

Н послал Архелай воинов, чтобы схватили главных зачинщиков. Тогда все люди устремились на воинов и многих посланных

убили палками, а военачальник едва убежал окровавленный. После этого, как будто не сделали ничего плохого, люди пошли приносить жертву.

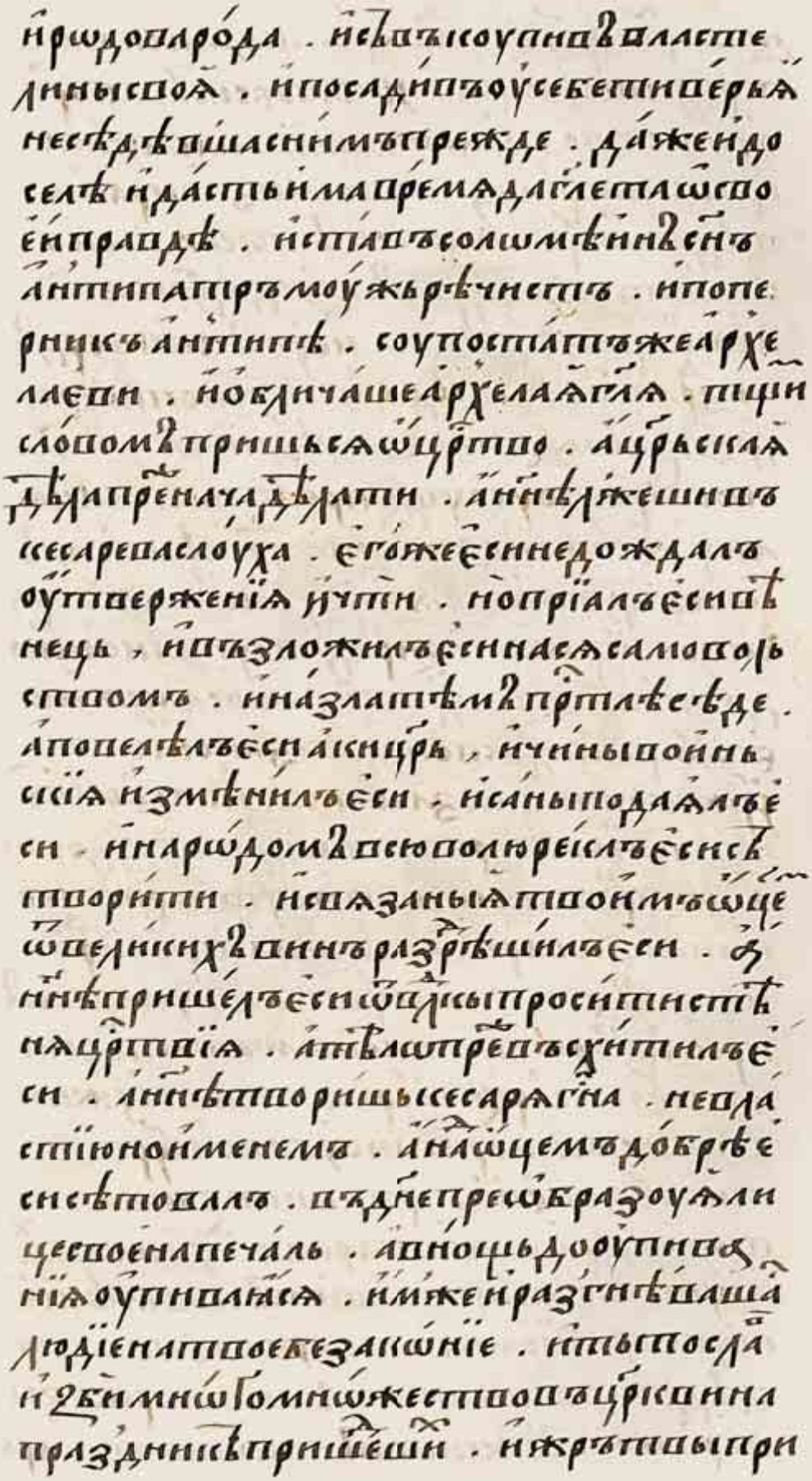
Архелай же, видя, что без кровопролития люди не утихнут, послал против них воинов своих: пеших по городу, а конных по полю; воины напали на приносивших жертву и убили из них 1000 человек. «Обратися

празднество их на печаль», как сказано. Прочие же люди убежали в горы и в леса. Затем появились вестники Архелая и сообщили, чтобы все люди разошлись по своим землям и перестали праздновать.

Архелай же взял с собой мать и вельмож своих и отправился в Рим. А за ним двинулся Антипа, который оспаривал право Архелая на царствование и говорил, что первому завещанию надо верить, а не последнему. Антипу поддерживала Саломея и все родственники. Архелая же все ненавидели.

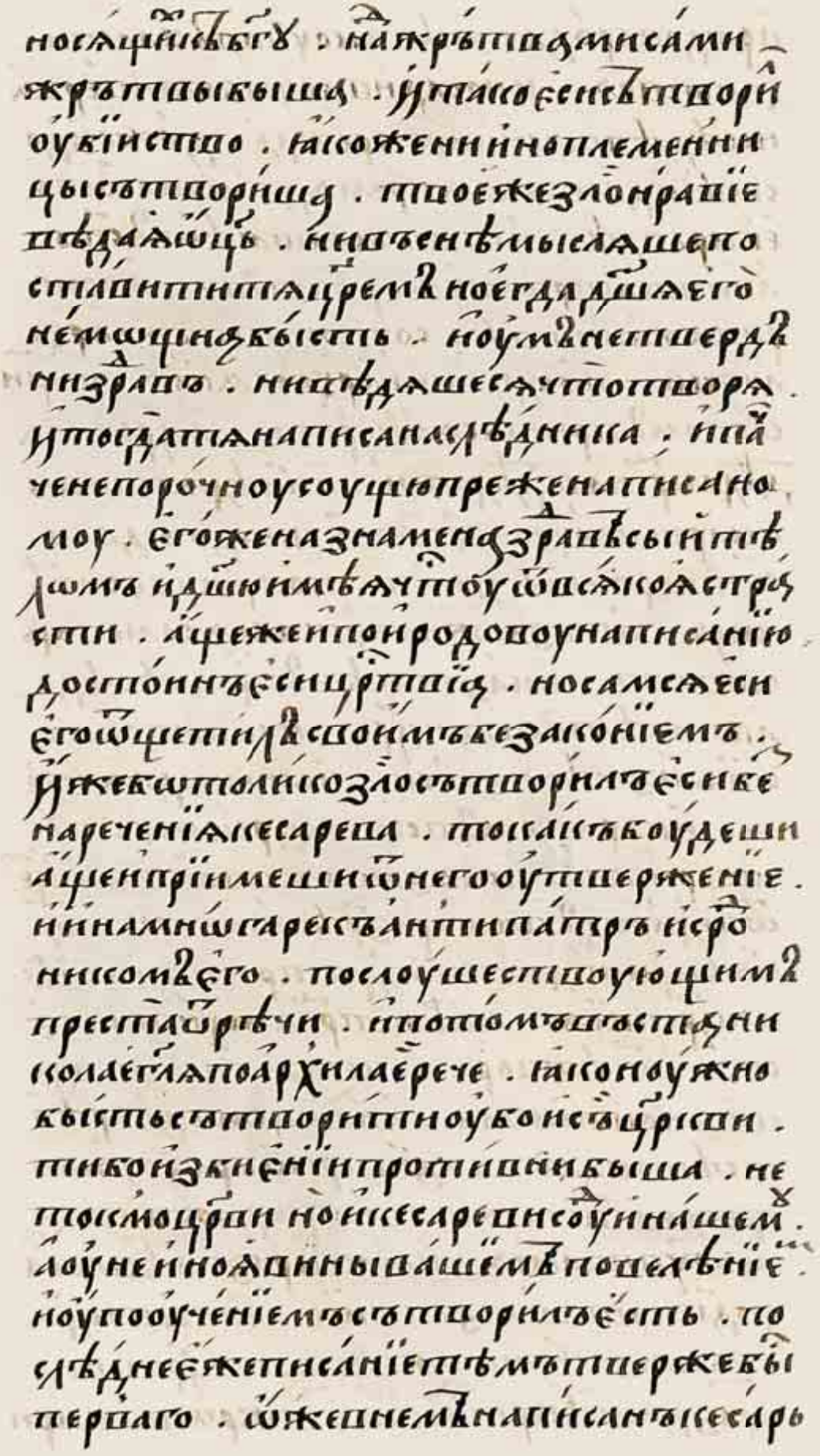
Родственники Ирода хотели либо править самостоятельно и подчиняться напрямую римской власти, либо иметь Антипу своим царем.

Написали обвинение против Архелая сторонники Антипы и передали письмо Цезарю. Также и Архелай передал Цезарю послание, приложив завещание отца, и перстень, и венец. Цезарь рассмотрел оба сообщения, подумал и о величине царства, и о размерах собираемых податей, и о числе



родственников Ирода. И собрал Цезарь властителей своих, и допустил к этому собранию и Тиберия, который не допускался прежде вплоть до этого случая. Цезарь дал время сторонам, чтобы они рассказали о своих правах на престол. И поднялся сын Саломеи Антипатр, человек красноречивый, защитник Антипы и противник и обвинитель Архелая, и сказал: «Просишь ты, Архелай, у Цезаря разрешения царствовать. Но это пустые слова, ибо царствовать и деяния царские совершать ты уже начал. Обманываешь ты сейчас Цезаря, потому что не дождался ты чести, чтобы он утвердил тебя, но взял царский венец и возложил на себя самовольно. И на золотом престоле ты сидел, и повелевал, как царь, и порядки в войске изменил, и чиновников назначил, и народу обещал сделать все, что тот пожелает, и отпустил тех, кого заковал твой отец за большие провинности. Теперь же ты пришел просить у властителя твоего только тень царствования, а само тело царствования ты уже захватил. Из-за тебя, Архелай, у Цезаря оказывается лишь имя господина, и нет у него действительной власти господина. А отца хорошо ты оплакивал: днем изображал на лице своем печаль, а ночью веселился и напивался пьяным. Потому и разгневались люди на тебя за твое беззаконие. И ты послал воинов и убил в храме великое множество народа. Люди пришли на праздник и жертвы

принесли Богу, и над жертвами своими сами жертвами стали. Такое ты устроил побоище, какого даже иноплеменники не делали. Зная твой злой нрав, отец и во сне не помышлял назначить тебя царем. Но потом, когда душой он измучен был, и разумом ослабел, и здравомыслие оставило его, и не сознавал, что делает, он написал завещание, в котором назначил тебя наследником. Однако большее доверие внушает первое завещание, которое Ирод написал, когда был здоров телом, и душа его была свободна от всяких мучений. Но если даже по завещанию Ирода тебе, Архелай, и полагается царствовать, то сам себя ты лишил этого права своим беззаконием. Цезарь еще не утвердил тебя, а ты уже столько зла сотворил. Сколько же ты зла сотворишь, когда будешь им утвержден?» И другое многое сказал Антипатр, а родственники Архелая подтверждали эти слова. И закончил Антипатр свою речь. И после него поднялся Николай, защитник Архелая, и сказал: «Сделанное в храме необходимо было сделать. Убитые противились не только Архелаю, но и Цезарю, судье нашему. Действия, в которых вы обвиняете Архелая, делал он по вашим же настояниям и советам. Последнему же завещанию Ирода нужно доверять больше, чем первому, поскольку именно в нем написано, что Цезарь



является господином, и только он может утвердить наследника. Отсюда мы понимаем, что не без ума был Ирод тогда, но, напротив, мудро, поскольку Цезарю уступил всю власть». После этой речи подошел Архелай к Цезарю и безмолвно упал к его ногам. Тот же с ласковым словом поднял его и назвал его достойным отеческого престола. И распустил Цезарь всех в тот день,

Асам раздумывал, одного ли Архелая назначить царем или между всем родом царским власть

разделить. Когда Цезарь размышлял об этом, принесли письмо от Вара, сирийского управителя, в котором сообщалось о том, что иудеи на арабов восстают и не хотят быть под властью Рима. Подумав, Цезарь поручил разобраться с этим делом Вару.

Вар с войском пошел на подданных Цезаря, устроивших войну, и с многими сражался, и многие римляне и иудеи погибли.

Нпотомъ покорѝшасѧ іюдеи . и ѧша ѧ
пыдатиницинобѣницы . ипослаⷭ ъпри
дедѣ . истареишаѧ ихъ посади темни
цоу ашѧ ихъ распѧ . и . попѣдаша
емоуштандоумент моуразбоинникъ . и
доущоуже емоупанѧ . тѣмжеⷭ ъвѣсть
бысть . ипосла ахїа ѧ лнемоу . ипоко
рѝшасѧемоу . оуаръ женаршдомъ шда
етьпины . онгемоныжеповелѧ ѧ бысеса

Потом покорились иудеи Вару и согласились выдать зачинщиков. И послал Вар за ними, и привели их. Старейшин он посадил в темницу, а из младших распял 2000 человек. Сообщили же ему, что в Идумее находится десять тысяч разбойников, и пошел на них Вар. Те, узнав об этом, послали Ахиаба, двоюродного брата Архелая, к Вару, и покорились ему. Вар же людей простил, а главарей послал к Цезарю

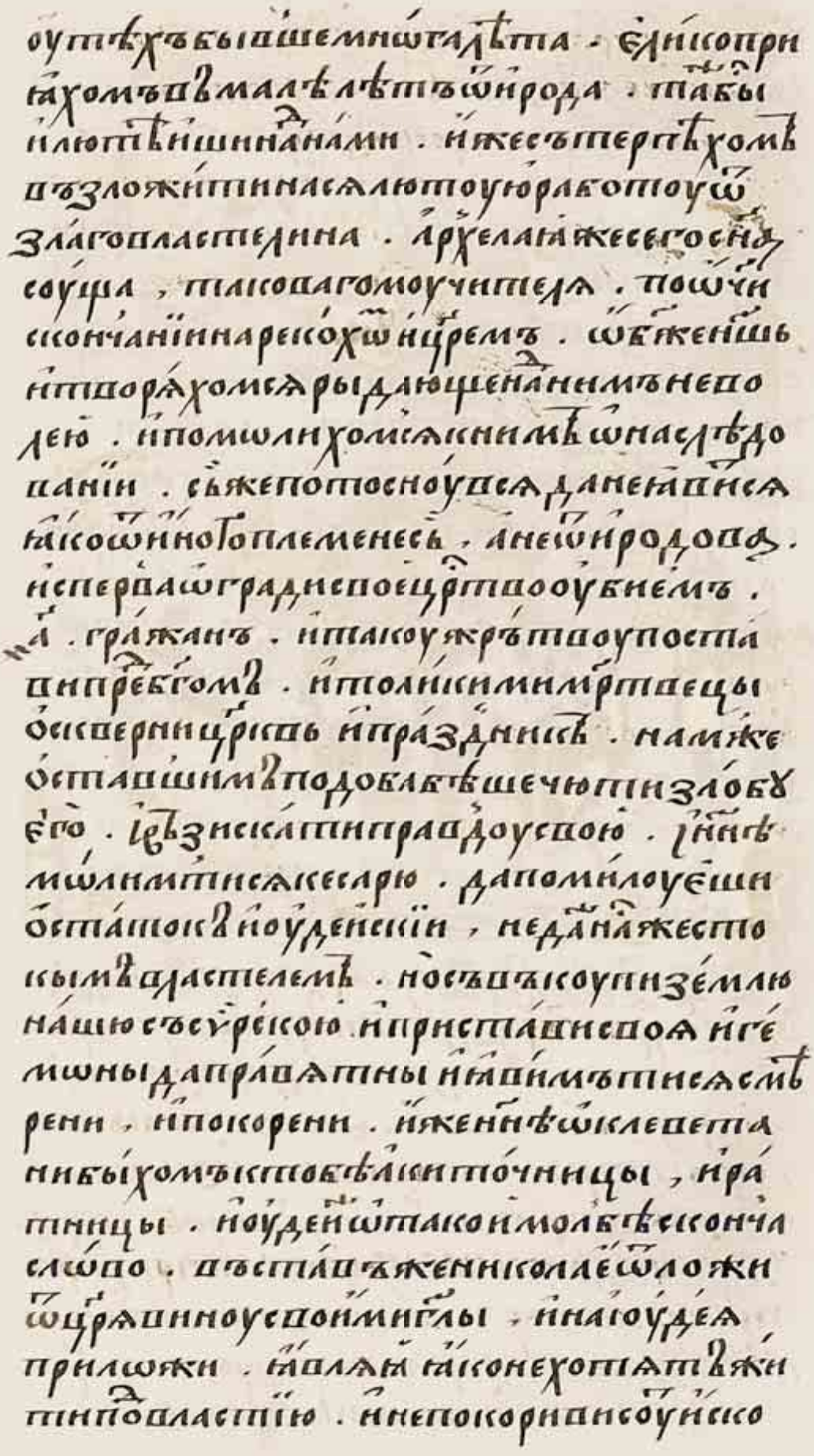
для определения вины. Были среди главарей и родственники Архелая,

И повелел Цезарь мучить их, поскольку воевали против царя, который был им родственником. Вар же своими силами успокоил Иерусалим и оставил охрану в нем, которая и раньше там была, сам же возвратился в Антиохию.

На архелая же ему мятежь быть ѡ томъ
деяримъ . пріидошлакѡ , и . силнъ
ишихъ вѣсе сарепи , и молѧцеемдаи
мъ дастьсвоегѡ пластелина . и наспо
егѡ цр ахоулоуглахоу . помагахоужен
иариме жиноуценжидопе . и хжебѣ
ше . и . ѥ пъ ѥ соупишоужеесеарюсъ
бор ъ . ѡ сенлныхъ римлянъ , и шедъ
поплас тіюнхъ пъцрісри апполоновъ .
и жьбѣшевѣполлатьего , южебѣшеса
ѥ здалъ . и чюдныимъ строеніемъ оукр

Против Архелая
еще и другой
мятеж был;
восстали на него
иудеи в Риме. Пришли из Иудеи 50 самых
влиятельных людей
к Цезарю и просили,
чтобы дал он им другого властителя, а своего
царя хулили. И поддержали их живущие
в Риме евреи, которых
было 8000. Собрал же
Цезарь влиятельных
римлян и представителей всех, кто был под
его властью, в храме
Аполлона, который был
во дворце его; сам он
создал этот храм и чудесно все там устроил
и украсил.

Тогда с одной стороны встали влиятельные иудеи с народом, а напротив них встал Архелай со своими единомышленниками. Родственники же Архелая презирали его и завидовали, и не встали на его сторону; но и к противникам Архелая они не присоединились, так как уважали Цезаря и боялись его; а потому встали они особо. Был же и Филипп там, брат Архелая, который преследовал двойную цель. С одной стороны, он приехал Архелая поддержать и почет от него получить, с другой же, в том случае, если Цезарь будет делить царство Ирода между всеми его родственниками, Филипп хотел получить свою долю. Велел же Цезарь противникам Ирода рассказать то, в чем они Ирода обвиняют. И сказали они: «Не царем нам был этот Ирод, а мучителем, каких еще не было. Многих он убил, а мы, живые, такое зло от него терпели, что завидовали тем, кто умер. Не только же тела он мучил подданных своих, но и города, ему подвластные, разорял. А города иноплеменников украшал, и еврейскую кровь отдавал посторонним людям. Были мы благополучны и соблюдали отеческий закон, а вместо этого, при Ироде, охватила народ наш нищета крайняя и беззаконие. Воистину, даже когда возвратились предки наши из Вавилона, в царствование Ксеркса, такой беды не было.



За долгие годы вавилонского плена не принял наш народ столько горя, сколько за короткий срок царствования Ирода. Так мы привыкли к жестокости при Ироде, что потерпели жестокое рабство и от другого злого властителя. После смерти Ирода назвали мы царем Архелая, сына того мучителя. О, Боже наш, плакали мы по Ироду притворно и против воли, а сами молили Тебя о благополучном царствовании наследника его! Архелай же не замедлил показать, что не из другого он рода, но из рода Ирода, и сразу ознаменовал свое воцарение убийством. 1000 горожан — вот какую жертву он принес Богу, осквернив мертвецами храм и праздник. Нам же, оставшимся в живых, пришлось терпеть злость его и искать правду. И теперь просим мы тебя, Цезарь: помилуй остаток иудейского народа, не отдай нас жестоким властителям, но объедини землю нашу с землей Сирийской, и назначь своих властителей, чтобы правили нами, и покажем мы себя мирными и послушными, а не противниками и мятежниками, как теперь нас выставляют». Иудеи этой просьбой закончили речь свою. Тогда поднялся Николай и в своей речи снял с царя обвинение и на иудеев всю вину возложил, и сказал: «Народ этот непокорный, с давних времен он сопротивляется власти и не желает подчиняться

ни кротким, ни злым властителям; так продолжается от Моисея и до сего дня». Цезарь выслушал обе стороны и распустил всех.

Через несколько дней Цезарь дал Архелаю половину царства. Другую половину он разделил на две четверти и дал одну Филиппу, а другую Антипе. Антипа получил власть над Переей и Галилеей, с которых собиралось податей 200 талантов. Филиппу Цезарь дал Батанею, Трахон, Авран и часть селений Зенона, с которых со всех собиралось податей 100 талантов.

Архелаю же дал Цезарь всю Иудею, и Идумею, и Самарию, с которых собиралось податей 400 талантов. Греческие же города — Газа, Гадара, Иппон — Цезарь отнял у Архелая и присоединил к Сирийской области. А Саломее Цезарь дал Амнию, Азот, Фазаилиду и дворец в Аскалоне, с которых со всех собиралось податей 60 талантов.

Остальные родственники Ирода получили каждый то, что завещал им Ирод. Двум незамужним дочерям царя Цезарь дал своего серебра 50 0000 монет. Затем Цезарь разделил между наследниками Ирода те 1000 талантов золота, которые царь передал ему перед смертью. Из вещей ценных небольшую часть Цезарь себе оставил, чтобы почтить умершего.

Ѝ тогда́ юноша́ нѣкто́ родо́мъ . и́ уде́и . и́менита́нъ сѣ́ндонѣ подо́бе сы́нъ ѡ́бразомъ и́ коллеѯа́ндроу и́ро до поу́сѣ поу́ лжа́гла́ше а́зъ е́смь а́леѯа́ндръ . и́ бы́сть же́ е́моу по сто́ ѧ́ ѡ́ни́хъ бы́вшихъ . и́ сто . и́ѿда́ ѡ́немъ бы́вшюю вѣ́щь . и́ люде́ прлша́ющи́мъ ѡ́ра́ сто́ оу́лъ . ре́ѧ́ше и́ѿъ жи́ва́ е́сть оу́ кра́доша́ кѡны . То гда́ жа́лощами ноу́бѣ́ша́ и́ны́ пна́ю́мъ сто . и́ прелѣ́стиѧ́ мно́го ѡ́ иудей жи ноу́щи́хъ ѡ́ро́ѧ́ ;

В то время юноша один, родом иудей, воспитанный в Сидоне, похожий на Александра, сына Ирода, стал лгать и говорить, что он и есть Александр. Был у него кто-то в сообщниках, кто знал тогдашнее положение дел. И люди спрашивали этого юношу об Аристобуле, а он сказал, что и Аристобул жив, поскольку их выкрали перед казнью из жалости, и других убили вместо них. И многие верили этой лжи из иудеев, живущих на Крите.

Получив много даров, этот лживый Александр приплыл в город Милы, где также все поверили ему, и провожали его до Рима все люди, с почетом и с дарами, как царя. И те, кто видел настоящего Александра живым, клялись, что это действительно он. И все иудеи Рима собрались, чтобы увидеть его, а иудеи из Мил носили его, подняв вместе с престолом, пели перед ним песни радостные и тратились много, чтобы угодить ему.

Кесарь же цѣлми знаяше Ѡлександрова ѡ
бразъ . судяше бо ся с Иродомъ пре
нимъ . и расмотри ѡбразноую лесть .
тѣло бо его скуднѣе Александрова тѣ
лбяше . и рабодни видимо . и разгнѣ
вася зѣло и поимъ . и кромѣ рече . даръ
ти даю животу твоему . иже повѣ
си и научивши тебе тако да твори
ти . и показа ему иудеянина поноу
дивша и натоуцѣщь образъ подобия
ради . толико бо даровъ взяхомъ по градо

Цезарь же хорошо знал, как выглядит Александр, поскольку тот предстоял перед ним, когда судился с Иродом. И понял Цезарь обман: и лицо было другим, и тело было грубее, чем у Александра, что обличало в самозванце раба. И разгневался Цезарь весьма, и схватил юношу, и сказал: «Подарю тебе жизнь, если сообщишь, кто научил тебя это делать». Тогда схваченный выдал того иудея, который подтолкнул его к этому обману, указав на сходство его с Александром. И сказал юноша: «Столько мы даров получили по городам,

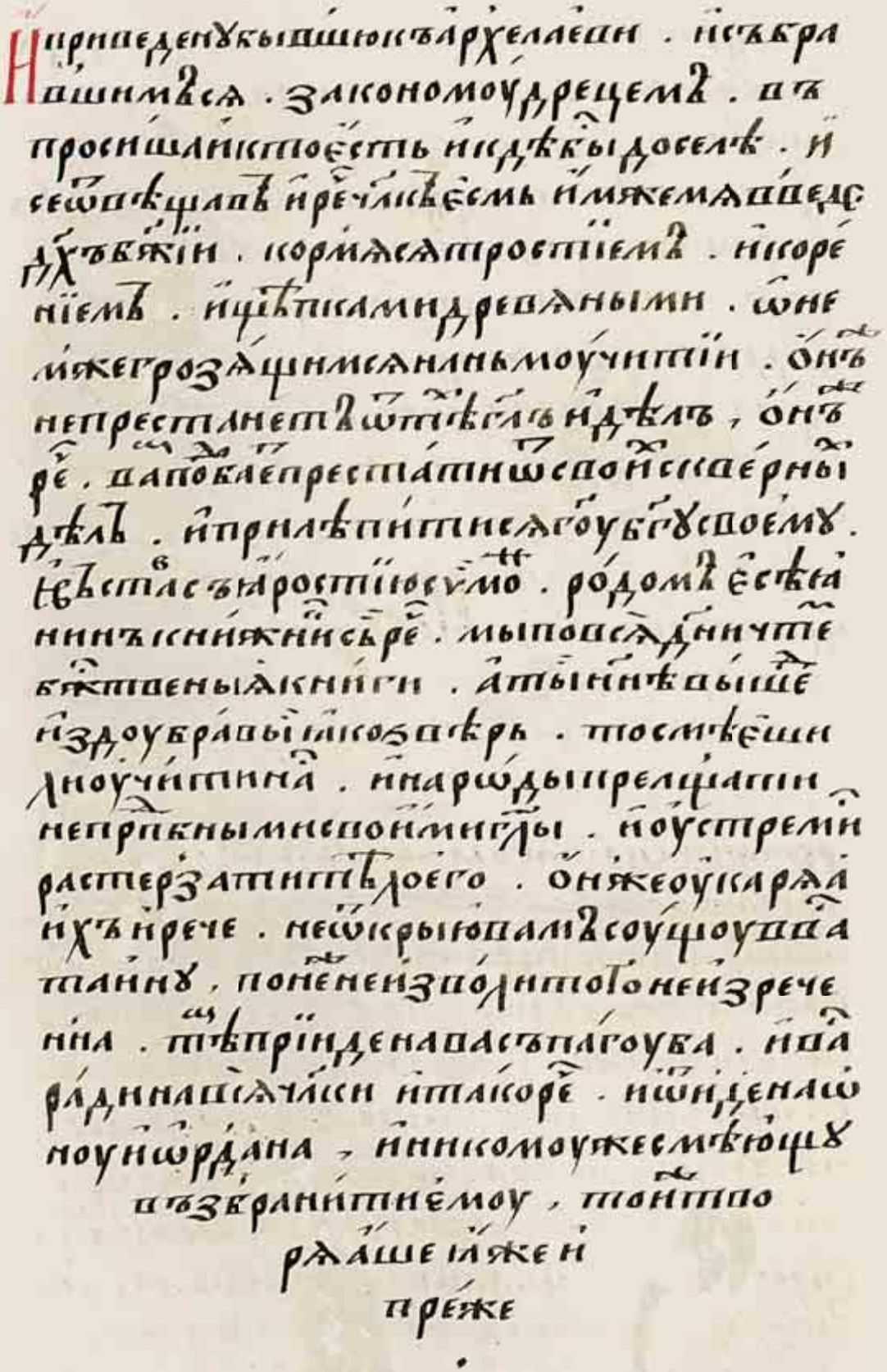
сколько не не получил и сам Александр, когда был жив». Цезарь с улыбкой выслушал его и определил его в гребцы свои. А иудеи из Мил, поскольку носили его на руках и царский почет оказывали, убиты были.

Об Иоанне Предтече

Тогда же один человек из иудеев ходил в странной одежде, приделав шкуры животных к телу своему на местах, не покрытых волосами его, а лицом был как дикий. И этот человек пришел

к иудеям, и призывал их к свободе, и говорил: «Бог мя посла, да покажу вам путь законный, имже избудете от мног властелин, и не будет над вами владея смертный, разве Вышняго, пославшаго мя». И это слышали люди, и радовались. И шли к нему со всей Иудеи и из окрестностей Иерусалима люди. И ничего другого не делал им, кроме того, что в воды реки Иордан погружал их и отпускал, наставляя, чтобы перестали делать зло, и тогда дан будет им Царь, который спасет их и покорит всех непокорных. Сам же не покорится никому. Над этими словами одни смеялись, другие же верили им.

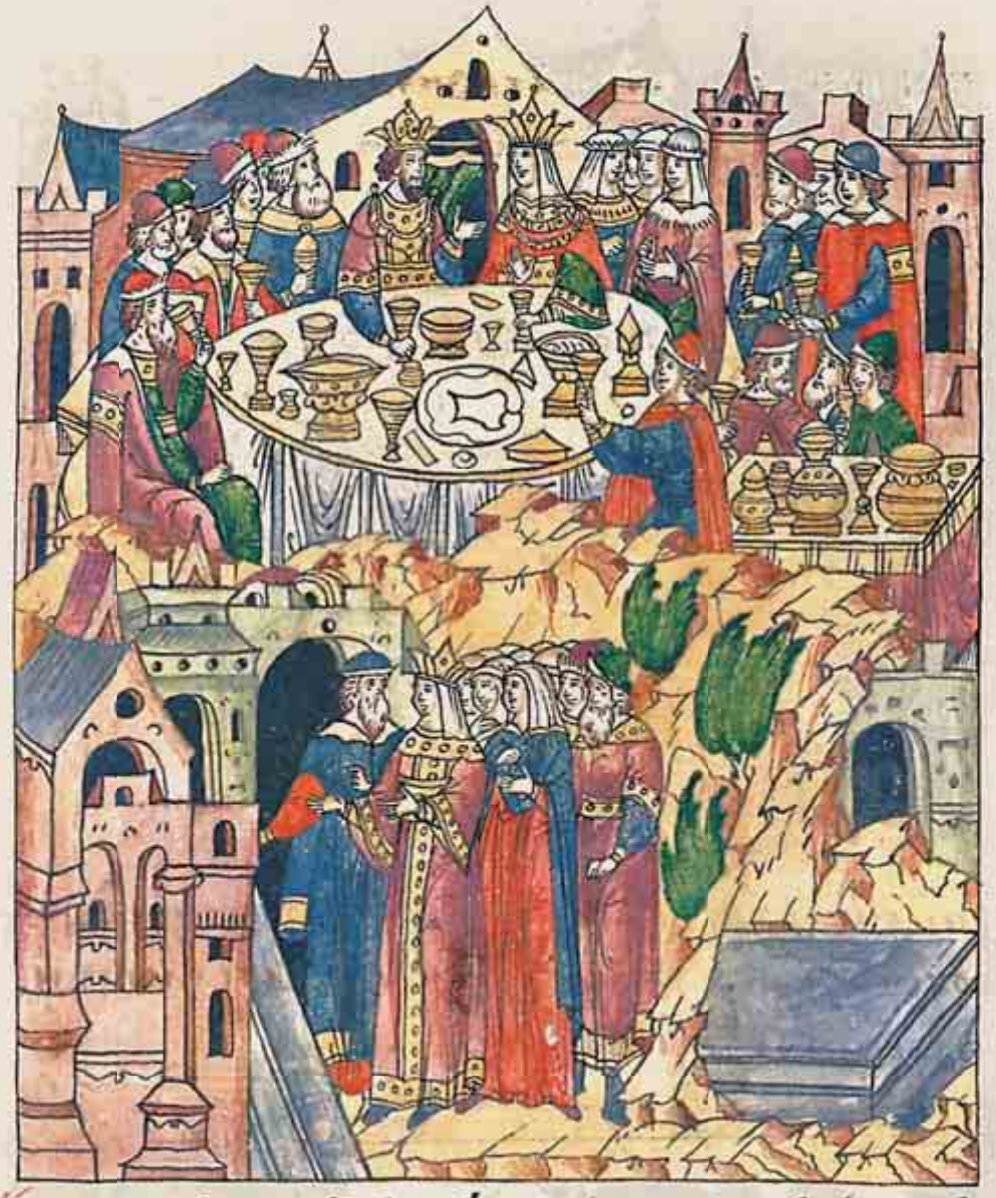
Привели этого человека к правителю Архелаю, и собрались законоучители, и спросили у него, кто он и где был до этого времени. Он же отвечал им: «Человек я, которого привел Дух Божий в пустыню, и питался я стеблями, и корнями, и отростками деревьев». Они же угрожали ему муками, если он не откажется от этих слов и дел. Он же сказал: «Вам подобает престати от своих скверных дел и прилепитися Господу Богу своему». И вскочил разгневанный Симон, книжник из рода Иессея, и сказал тому человеку: «Мы каждый день читаем Божественное Писание, а ты сегодня вышел из леса, как зверь, и осмеливаешься учить нас и народ обманывать неправедными словами своими». И бросился Симон на него, желая растерзать тело его. Он же укорил их, и сказал: «Не открыю вам сущую в вас тайну, понеже не изволи того. Неизреченна тем приде на вас пагуба, и вас ради на вся человеки». И, сказав это, ушел он на другую сторону Иордана, и никто не смел запретить ему, и делал он там то же, что и прежде.



Архелай же, приняв власть, припомнил иудеям их вражду к нему и обрушил на них нестерпимые тяготы, также и на самарян. В 9-й год своего царствования видел он сон, будто было 9 колосьев на поле, больших и полных, и пришли волы, и съели, и разрыли их. И призвал царь гадателей и толкователей снов и спросил их о значении своего сна, и по-разному те толковали. И человек один из саддукеев, по имени Симон, сказал: «Колосья означают года, а волы — изменчивость всего. И будешь ты править столько лет, сколько колосьев в твоем сне. А затем различные изменения тебя

ждут, и горе, и смерть.

Через пять дней после этого сна вызвал Цезарь Архелая на суд. Ибо послали до этого иудеи и самаряне к Цезарю письмо, в котором жаловались на притеснения со стороны Архелая. Цезарь изучил дело и изгнал Архелая в Виенну, город в Галлии. Имущество же Архелая во дворец Цезаря привезено было.



И потомъ жена его Глафоуръ дщи Архелаѣ
па . каподокiйскаго цра . и прежевы
пши Алексан дропажена Продонича . его
оубiенiць на жеписахомъ , и поадю йш
ливцрь ливiйскiй . и то
оумершю пъзира
тисанъдо ш
цасто
е
го
:

У Архелая, царя Иудеи, была жена Глафира, дочь Архелая, царя Каппадокии; прежде она была женой Александра, сына Ирода, которого убил его отец, как мы писали. После смерти Александра взял Глафиру в жены Юба, царь ливийский, а когда и тот умер, вернулась Глафира в Каппадокию, в дом отца своего.

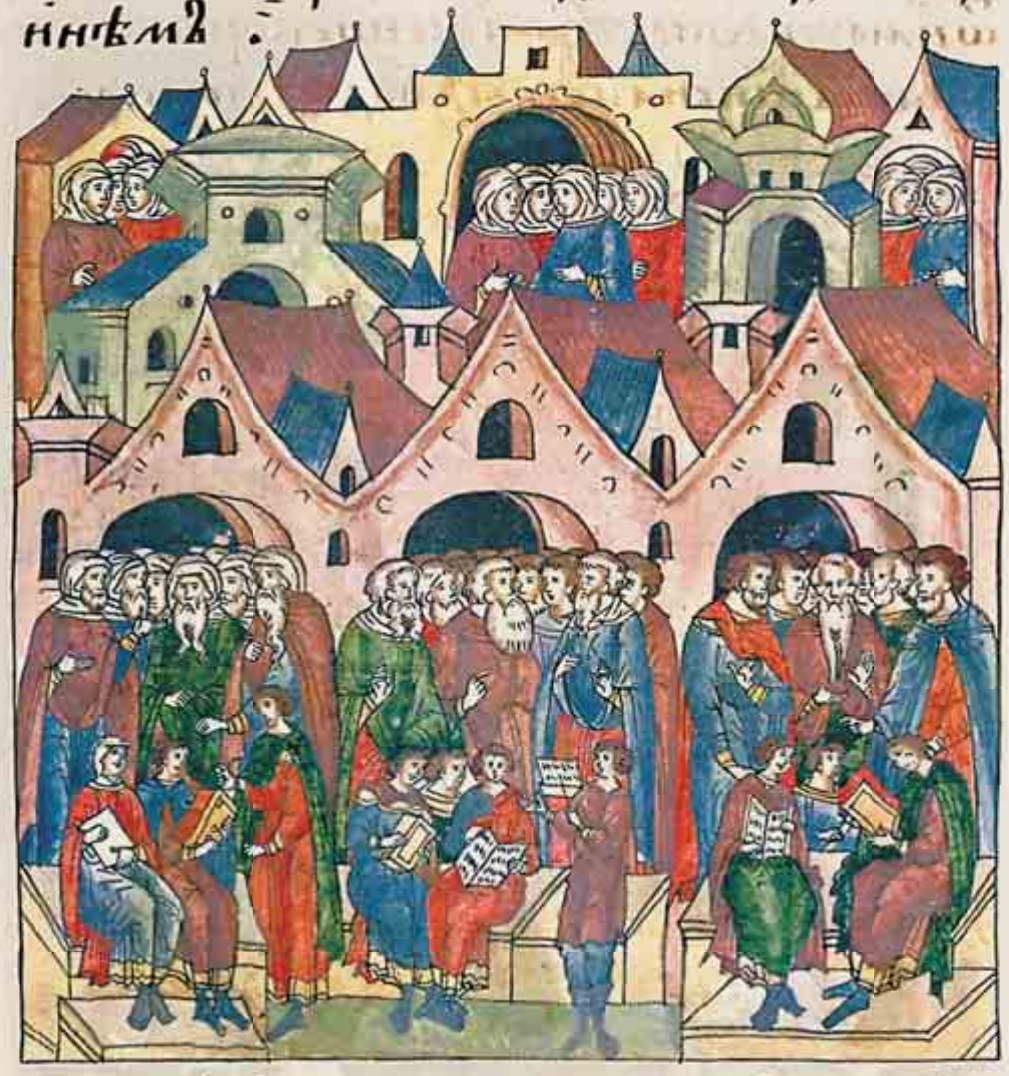
И увидел Глафиру Архелай, царь Иудеи, и такое желание к ней ощутил, что жену свою Мариамну отпустил, а Глафиру взял себе в жены.

Тогда увидела во сне Глафира, будто Александр, ее первый муж, пришел, и угрожал ей, и говорил: «Стерпел я твою мерзость, когда пошла ты после моей смерти за ливийского царя. Теперь же, поскольку вернулась ты в мой дом, бесстыжая, и вышла за третьего мужа, за брата моего, не потерплю я такой обиды, но возьму тебя к себе, даже если ты не хочешь этого». После увиденного сна Глафира прожила два дня и умерла.

Управление же областью Архелая поручил Цезарь своему военачальнику по имени Копоний. И дал он ему власть казнить и миловать любого, кого он пожелает. При нем был человек

из Галилеи, который ругал иудеев. Говорил он, что они, дети Авраама, являются свободными. Теперь же они находятся в рабстве у римлян, платят подати владыкам смертным, поскольку отступили от Безсмертного Бога. Имя же человеку этому было Иуда. Он призывал жить обособленно и не так, как жили другие.

галилеанинъ, иже хоулаше іоудеа. по
неже ствмасоуще свободно шапрлама.
аниврлкопаютьрима нем длинн
тиче. иликсмртны имоуща. по
неже лишишесакесмртнаго имаже
моужеписемоуиюда. иже обрете
жити шекромѣшних ъ инеподобноу
ивмъ.



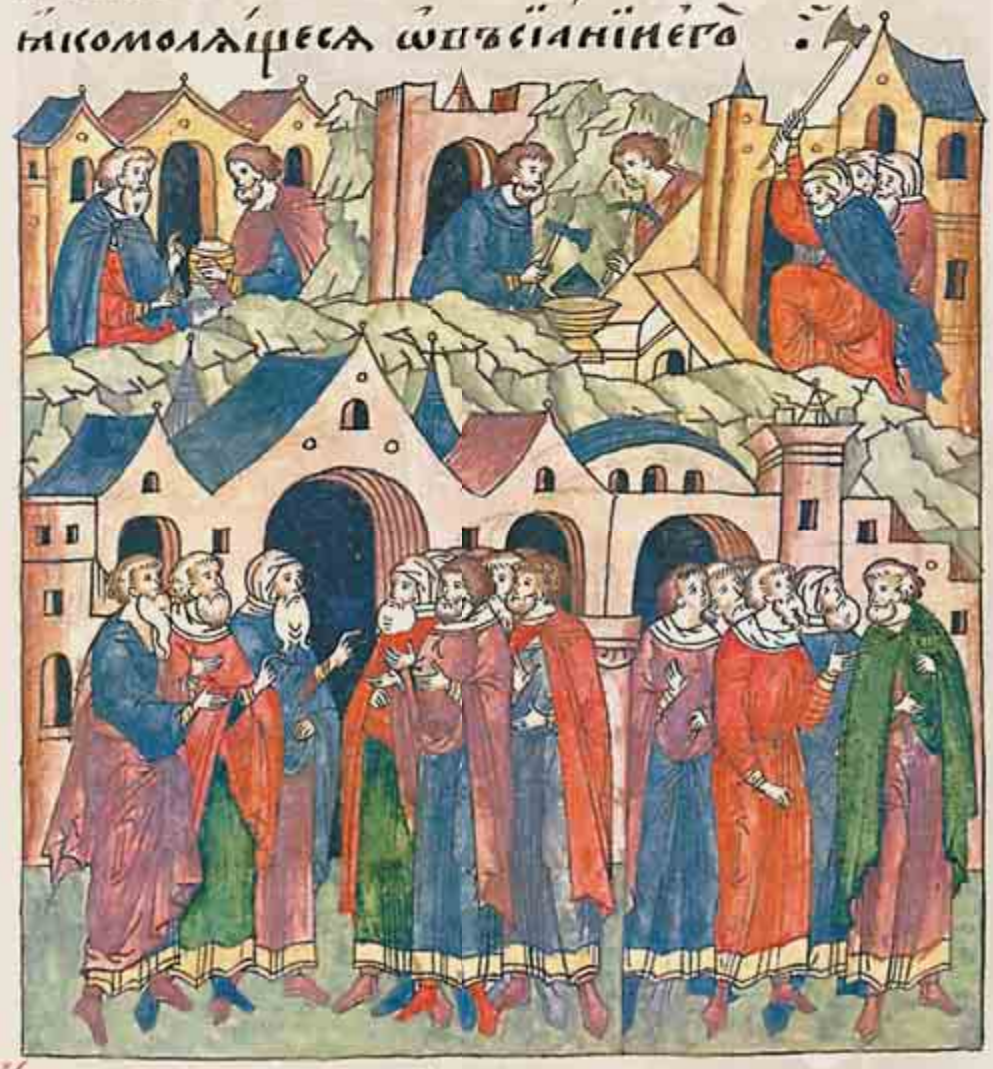
Троицкий законный чтіоудей. едино
моуима фарисеи. авторомоусадоукеи
атрѣемоуесеи. иже естьчистеишбою
тою сибопасаслаждоспитаноушаютса
аш ъздержаніе иже стристрастноеяки

Есть три направления законоучителей в Иудее: первых называют фарисеями, вторых — саддукеями, а третьих — ессеями. Ессеи хранят закон в большей чистоте, чем фарисеи и саддукеи. Всякие наслаждения ессеи отвергают, а воздержание и жизнь без страстей

одобряют. Брака и сношений с женщинами ессеи избегают, а чужих детей принимают к себе в раннем детстве, воспитывают их в своем учении, заботятся о них, считают своими родственниками, учат по своим книгам. Брака же и деторождения не отвергают, но сами от общения с женщинами воздерживаются, и говорят, что ни одна женщина не может сохранить ложе мужа своего в чистоте. Богатства же не желают, и нет у них имущества никакого, но все у них общее, и одежды, и жилища. Масло они считают скверной. Одежды же у них только белые. Управителями своими назначают тех, кого хорошо знают как лучших и мудрейших.

Ессеи не в одном городе живут, но во всех городах. Кто где хочет, общину создает, и дом обустраивает, и живет. Если же из других городов приходят чужие и незнакомые, которые при этом живут также и те же правила соблюдают, то принимают их как своих, и поят, и кормят. Поэтому они еду не берут в дорогу. Берут одно оружие для защиты от разбойников. Молчанием же, и смирением, и внешним видом подобны они детям, которые боятся учителя. Одежду же и обувь не меняют, пока те полностью не износятся.

Коупли же между ними вести никакоя же.
ни коего же каждо их требует. и
взимает коего хощет. никто же
ни кого же гонит. но и странноприимцы
велицы. ни коего же мимо идуща
ни молящегося. ни трапезы
вкушающа. ничто же не глаголют. но только
молитвы отеческия солнцу воссылают,
как бы молящеся о восхождении его.



Торговли между
ессеями нет ни-
какой, но каж-
дый то, что ему нуж-
но, берет как свое,
и никто ему не запре-
щает. В предстоянии
перед Божеством
и в благочестии они
превосходят всех. Не-
много же спят. Ночью
встают на богослу-
жение, и славят Бога,
и молятся Ему. До вос-
хода солнца они ничего
не говорят, лишь мо-
литвы отеческие солнцу
воссылают, как бы мо-
лясь о восходе его.

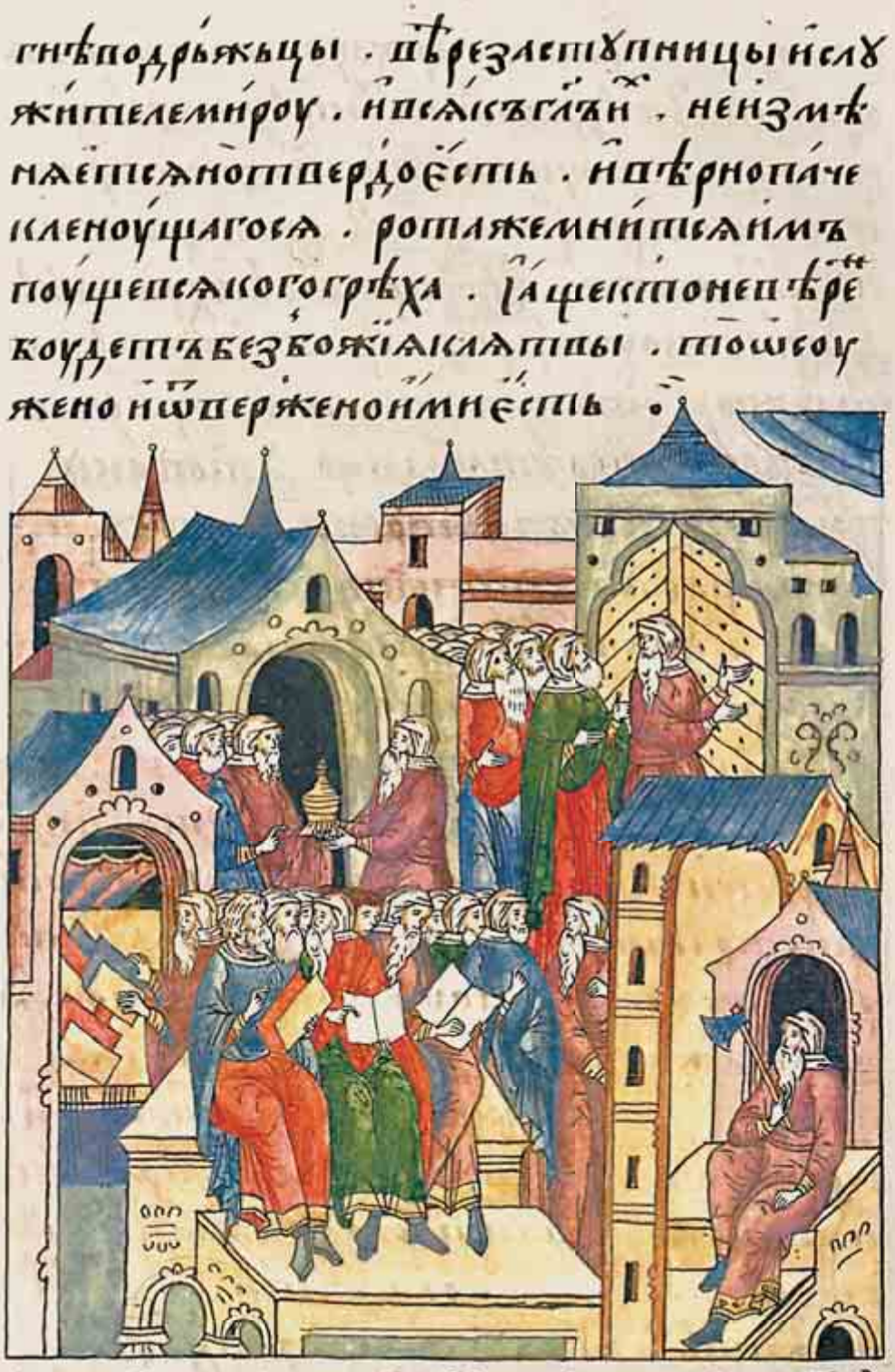
После этого от-
пускают их
управители,
чтобы занимался
каждый тем ремеслом,
которому научился.
И до пятого часа рабо-
тают в полную силу.

Снова собираются в одно место, опоясываются набедренными полотенцами и омывают тела свои холодной водой. Очистившись, они собираются в другой постройке, куда никто из неверных не допускается.

Нѣ́ламичистиивоущеи́сиисостѧ́цѣрко́вніи́сѣ
трапезницы́ исходатъ . нѣ́кдѣ́ѧщесѣ
молчаніе́мъ . и҃ хлѣ́бодѣ́и хлѣ́бы́посла
дыплетъ ѣ́мъ порѧ́доу . и҃ крашенныи҃ѧ
стѧ́соудыстѣдинѣ́мъ бра́шномъ . а҃ нѣ́
реи҃мѧ́тиюутворитьнѧ́бра́шномъ . ѡ҃
лоученобшѐстьѧ́исоуситичтопрѣ́жемо
лѧ́тцы . и҃ пѧ́ти ѡ҃ трапезыи҃ъ
спѧшеслѧ́шатѧ́бга .
ѧ́сиподѧ́
тела
ни
ци :

Чистые, они, как в святой храм, в столовую входят и садятся там молча, а пекарь раздает им хлеб по порядку, и повар разносит посуду с одним каким-то блюдом. Священник молится над пищей, ибо запрещено есть без молитвы. Также и после еды встают и славят Бога как подателя пищи.

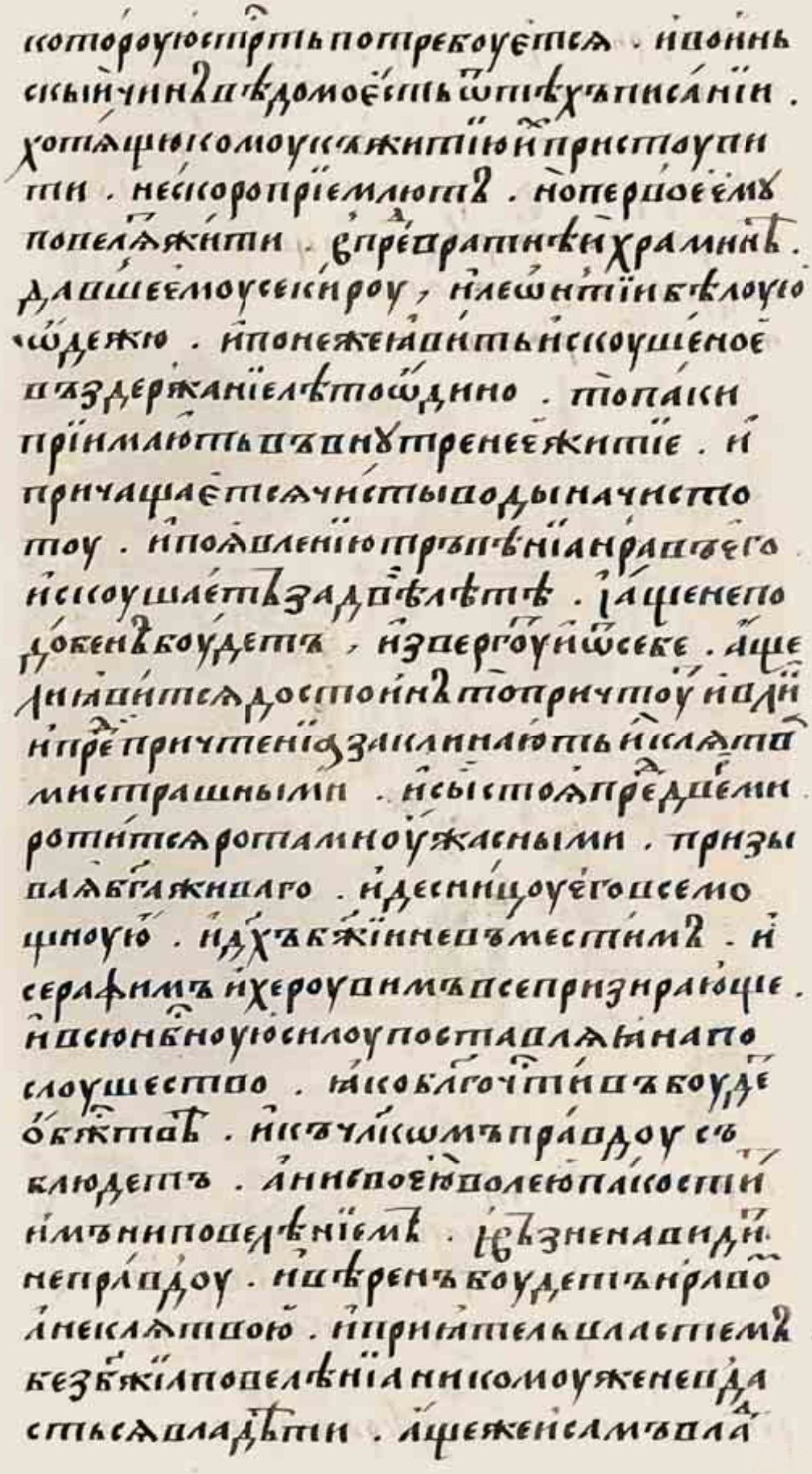
Снова, сняв с себя белые одежды, идут заниматься делами, и работают до вечера. И опять возвращаются в столовую. Ни криком же, ни смехом не оскверняют места этого. Говорят ессеи по очереди, не перебивая друг друга. Безмолвие внутренней жизни общины для внешних наблюдателей представляется страшной тайной. Ничего они не делают без повеления управителей. Только в двух случаях могут они делать что-то без повеления: если требуется оказать милосердие и помощь. Родственникам же своим они не могут ничего давать без повеления управителей. Праведные они, не дают проявляться ярости,



и гнев сдерживают. Ессеи — веры защитники и миротворцы. Слову своему они не изменяют. Всему, что они говорят, можно верить больше, чем сказанному с клятвой. Сама же клятва считается у них хуже всякого греха. Если человеку можно верить, только если он клянется Богом, то это осуждается ими и отвергается.

Ищут они самые древние книги, и читают их, и изучают, что происходит в чужих землях, и мудрость извлекают из этого, обращая внимание на то, что полезно душе и телу. Известны им травы, коренья, камни: что где добывается

и при каком недуге требуется. И как воевать, знают ессеи из этих писаний. Если кто-то желает присоединиться к ним, то нескоро принимают, но сначала велят жить в строении за воротами, дают топор, набедренное полотенце и белую одежду, и испытывают один год. Если человек покажет свое воздержание, то его допускают к внутренней жизни общины, и он участвует в очищении водой. После того, как человек показал свое терпение, нрав его испытывают еще два года, и если недостойным окажется, его изгоняют, а если достойным — его принимают в число братьев. А перед принятием заклинают его клятвами страшными, и он, стоя перед дверями, дает ужасные обеты, призывая Бога Живого, и десницу Его всемогущую, и Дух Божий невместимый, и серафимов и херувимов всевидящих, и все Небесные силы призывает в свидетели того, что он исполнит все, в чем клянется. А клянется тот, кто желает присоединиться к ессеям, в следующем: уважать и чтить Божество; быть справедливым к людям; ни по своей воле, ни по приказу не делать людям зла; ненавидеть неправду; быть правдивым всегда, а не только тогда, когда клянется; подчиняться властям, ибо без Божьего повеления никому власть не дается; если самому доведется властвовать,



делать это достойно; не одеваться и не украшать себя слишком роскошно; истину любить всей душой; лжецов обличать; беречь руки от воровства и неправедной наживы, а душу от подкупа; не утаивать ничего от своих братьев; иноверцам не открывать тайны, сли и до смерти будут мучить; в разбое не участвовать; хранить книги и ангельские имена. После принесения таких обетов приходящего к ессеям утверждают.

Если потом брат в какой-нибудь грех впадет, то изгоняют его из общины, и изгнанный жестокой

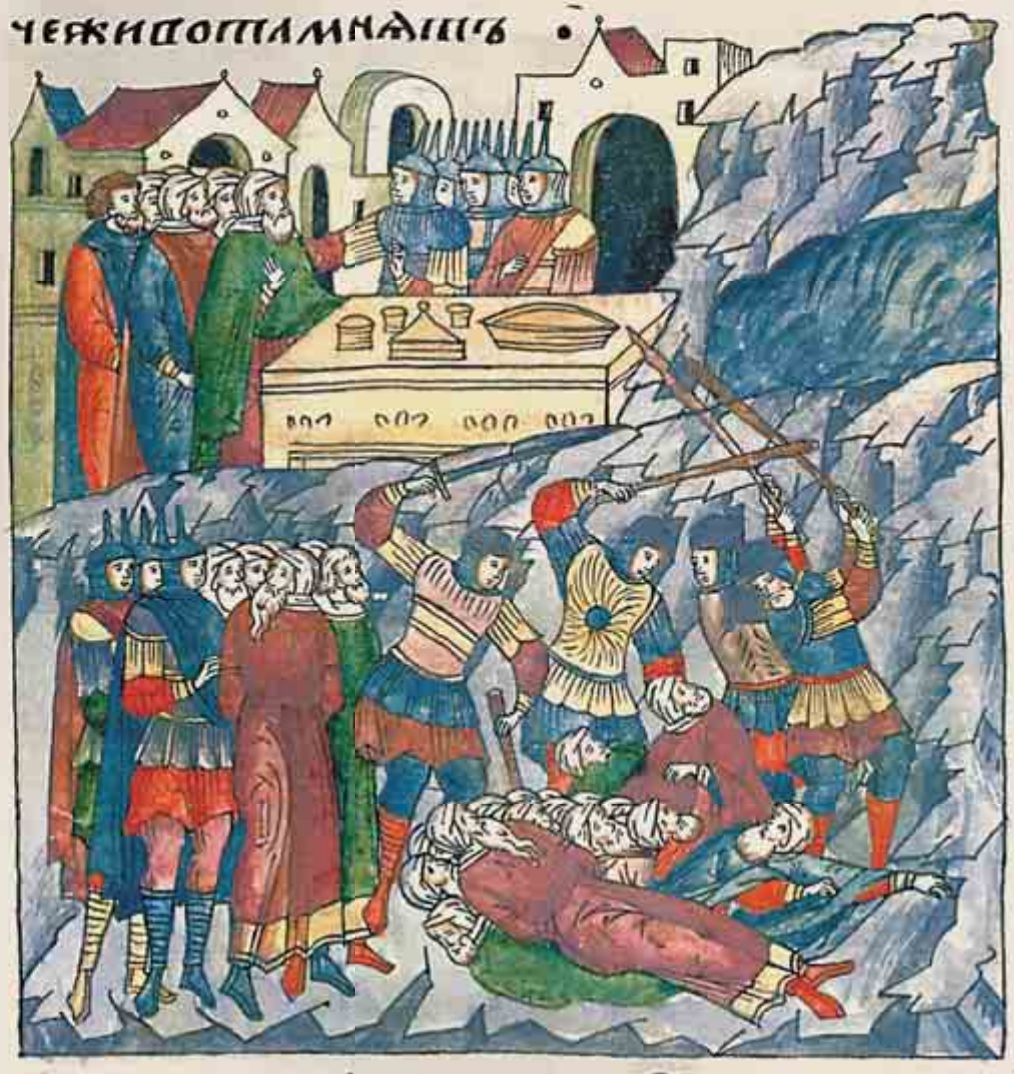
смертью умирает, поскольку связан клятвой и не дерзнет принять пищу ни от кого, и ест траву, и сохнет, и умирает от голода. Поэтому некоторых согрешивших милостиво принимают обратно, когда они уже близки к смерти.

Судят ессеи основательно и справедливо. Если хотят судить, то выбирают 100 братьев, приговор которых уже не отменить. Чтут они имя давшего закон; если кто-то похулит его,

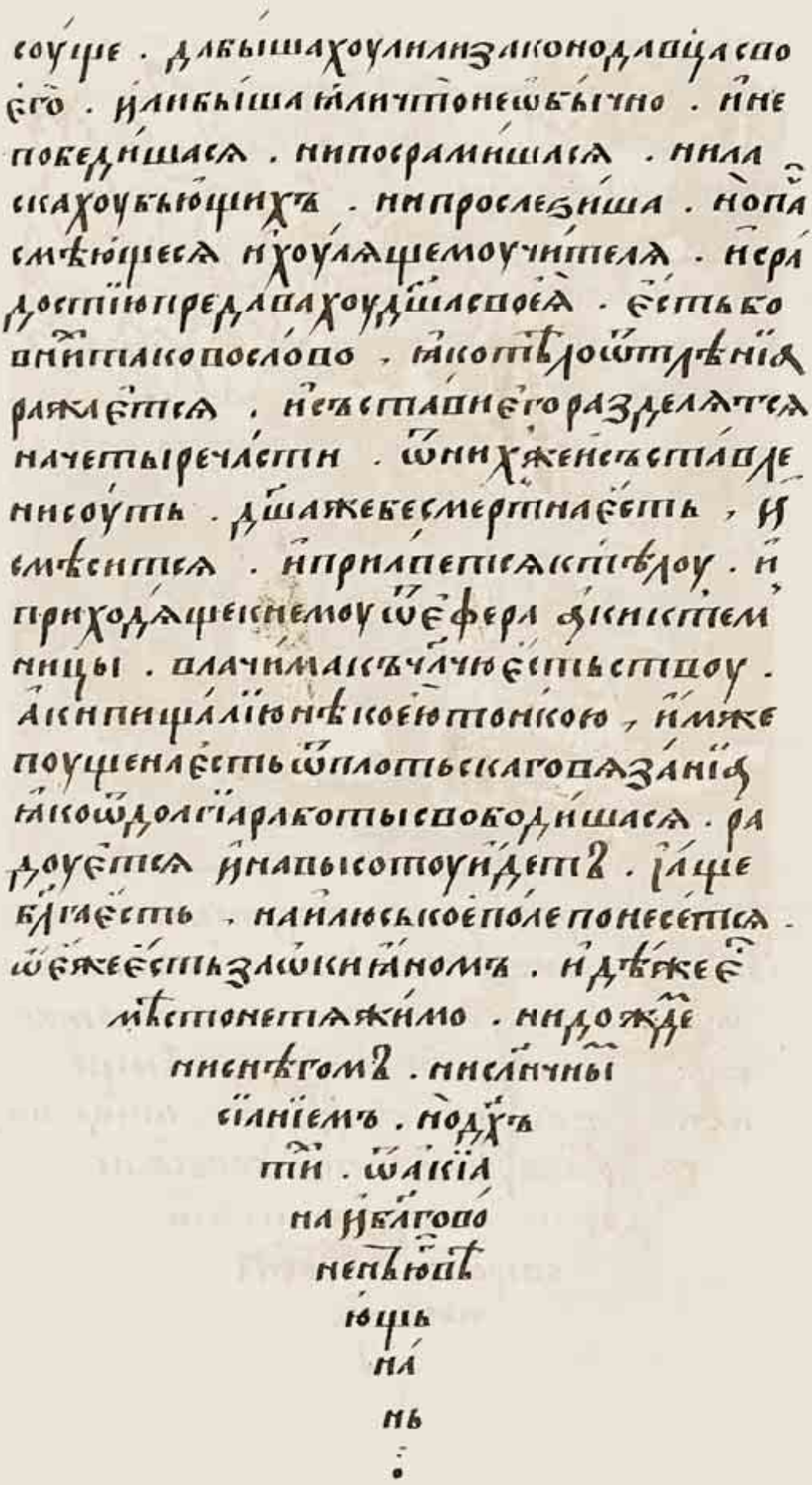
того осуждают на смерть. Старейшин ессеи слушаются. Если десять их сядет вместе, то один не смеет говорить, если этого не захотят остальные девять. Не плюют в своей среде, и в правую сторону не плюют. И седьмой день, и седьмую неделю, и седьмой месяц, и седьмой год строго соблюдают. В субботу не готовят пищу, не разводят огонь, не двигают посуду, не справляют нужду.

В другие же дни ямы копают в локоть глубиной, в них справляют нужду, и опять закапывают; для этого есть у них

топор — ямы выкапывать и закапывать, чтобы не осквернить солнца, ни луча божественного; после этого моются. Делятся же ессеи по времени вступления в братство на четыре части; если старшие к младшим прикасаются, то после этого моются, как если бы они к иноплеменнику прикоснулись. Живут же более ста лет из-за простой пищи. Несчастий и всего плохого не помнят. Полагают, что славная смерть лучше жизни.



Проявилась же крепость душ их при войне с римлянами, когда их пытали, били, жгли, всевозможным мучениям



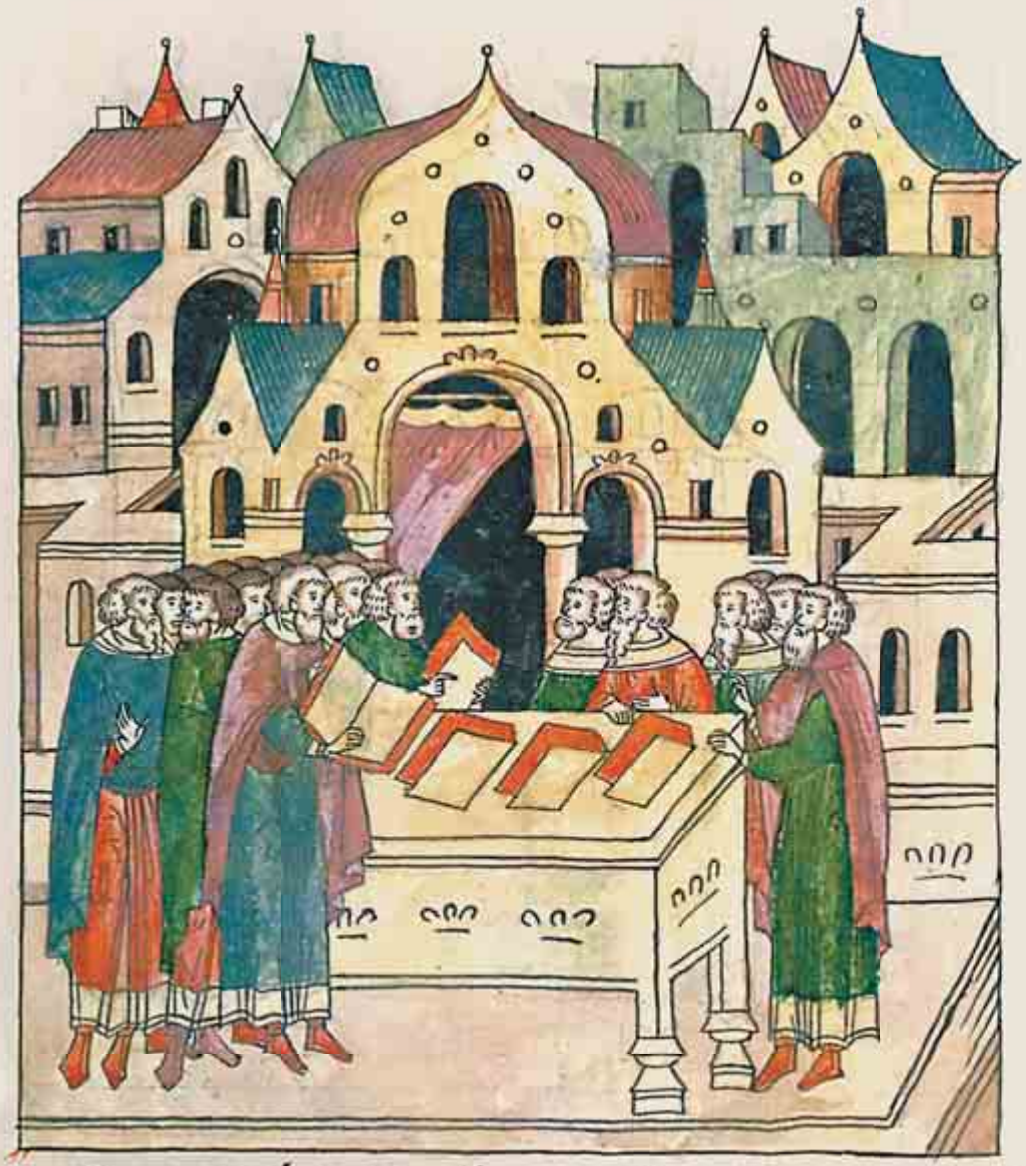
предавали, чтобы заставить ессеев хулить того, кто дал им закон, или съесть то, что не позволял обычай. Но они оставались непобежденными, непоруганными; и не упрашивали они убийц своих, не плакали, но только осмеивали мучителей своих, и хулили, и с радостью отдавали души свои. Ибо есть у них такое учение, что тело из тлена возникает, и после смерти разделяется оно на четыре части, из которых и составлено было. А душа бессмертна, и присоединяется к телу, и попадает в тело из эфира, как в темницу, и как зачарованная принуждается к человеческому естеству. А когда отпущена бывает душа из оков плоти, то как из долгого рабства освобождается, радуется и на высоту идет. И если хорошая душа была, то на райское поле несется, расположенное за океаном, где нет ни дождя, ни снега, ни жара солнечного, но дух спокойный от океана, и там благовонное теплое дуновение овевает душу праведного.

Я целизлодѣицѣ́стьшедеписа́истемно
моу́ и́зимнемоумѣ́стоу́ испо́лнено
моуки . непрестаемы . линѣ́жеѥ́ако
е́ллиниесоу́тьпоу́мы́сль и́мѣ́ющіе .
напи́слаша́сѧпоихъ́тлюще , ꙗ́коѡ́ба
хра́брыѧнарекше . полокоꙗ́ѧше
доутьѧ , наблѧ́кенныѧ́ѡ́
стропы , а́лоука
пыѧ́шѧ
а́дъ

Душа злодея ведется в темное и холодное место, полное муки бесконечной. Думаю, что греки то же представление высказывали, когда писали, что их храбрецов полубоги ведут на острова блаженных, а лукавые попадают в ад.

Ѝдѣжесоусисоуфи . ѝтантдлли . ѝиисси
ѡнни . ѝтитоуи . тѣмкослодомъкоу
дать иноудлюдиндобрлтворити .
лзлалишитіса . блжіинбоблженінше
кыпаютть . чающечьстіи ѫкѣсмертны
жизни . ѝпоскончлніи , лоустремленіа
злыкбранитіасястрлхомъ . лѣдоущемъ
имъ . ыколіщетъжиѫотъктантіса
злобан . ѝнопоразроушеніикѣсмертиѫ
моукоупріимоу
тлкоплл .

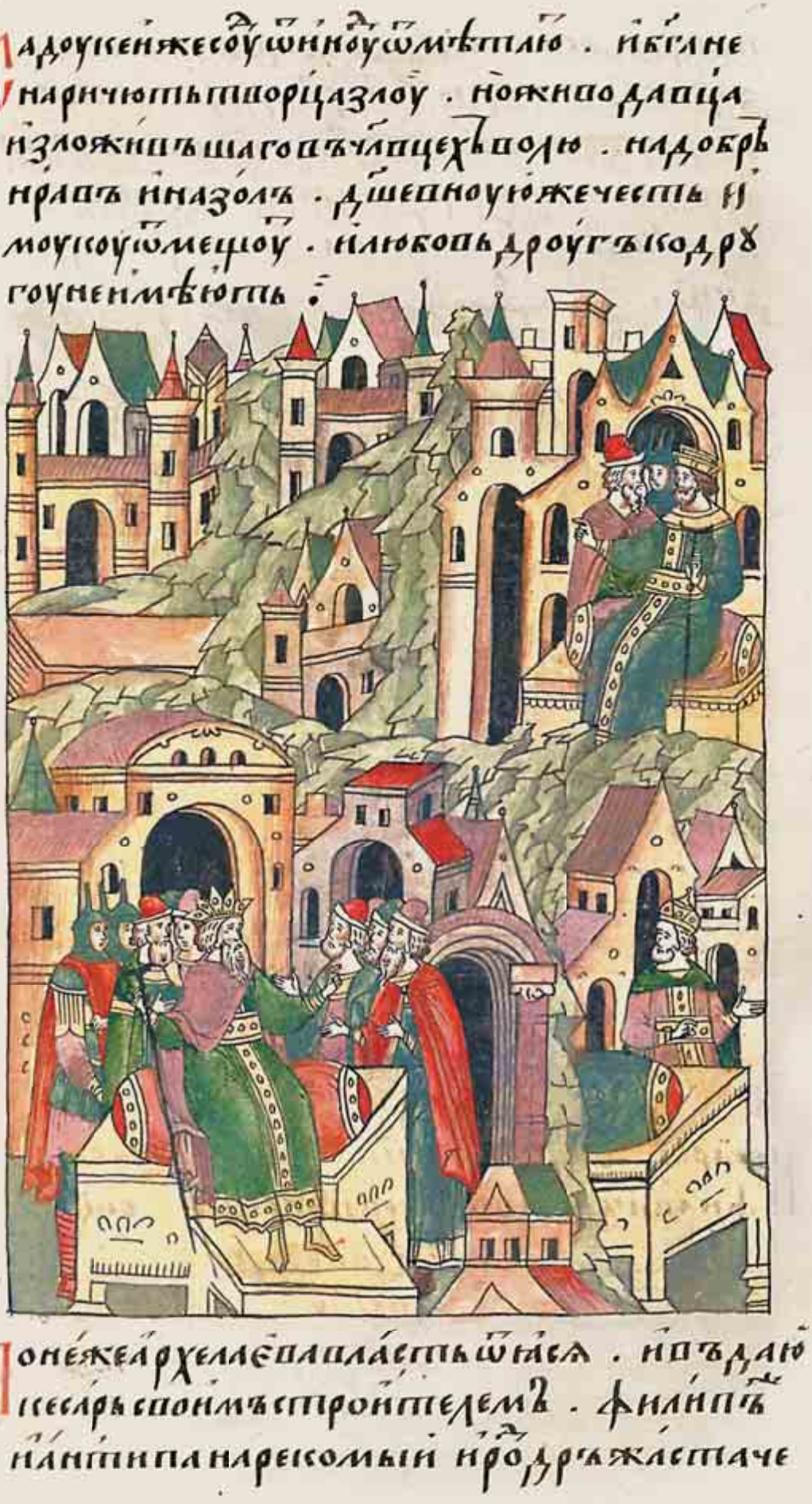
Аду, согласно грекам, находятся Сизиф, и Тантал, и Иксион, и Титий. Этим учением ессеи побуждают и заставляют людей делать добро, а зла избегать. Добрые еще добрее становятся, надеясь на славу и бессмертную жизнь после смерти. А порывы злых сдерживаются страхом, ибо они знают, что если при жизни и скроют злобу свою, то после смерти бессмертную муку примут.



Ессеи этим учением о душе невыразимую радость доставляют тем, кто внимают их мудрости. Есть же среди них некоторые, которые будущее предсказывают, поскольку прочли священные книги и изречения пророков, и разными очищениями очистились. И их предсказания всегда сбываются, и редко случается, чтобы не сбылось какое-то предсказание.

Есть же и другое направление ессеев, которые и образом жизни, и обычаем, и законом находятся в единомыслии со всеми остальными, но расходятся в отношении к браку. Говорят же они, что важную часть жизни отсекают те, кто не женятся. Если все люди единодушно будут избегать жен, то скоро прекратится человеческий род. Они же невест испытывают три года и ожидают, пока те от скверны

женской очистятся три раза и будут готовы рожать, и тогда женятся на них. Когда же зачнут, то больше не спят с женой, этим показывая, что не для наслаждения соединялись. Фарисеи же так называемые, законоучители, во всем на Бога уповают и на Суд, и говорят, что воздаяние будет за праведность и за неправедность. О душе учат, что всякая душа бессметна, но если добрая душа будет, то переходит из предыдущего тела в более чистое, а злая душа ведется на мучение.



Саддукеи же Суд совсем не признают, и «Бога не наричут творца злу, но Живодавца, изложившаго в человецех волю на добр нрав и на зол». Того, что душа после смерти получает награду или муку, они не признают, и любви между ними нет.

Когда у Архелая область была отнята, передал ее Цезарь своим управителям. Филипп же и Антипа, которого звали также Ирод, владели

своими областями, и городов много построили: Цезарею, Юлиаду, Тиберияду, в честь Тиберия. И умер Август, властитель мира; властвовал он 57 лет и 6 месяцев и 2 дня.

Кесарь Тиберий. Наул[ия]нъ сѣтъ Филипъ сынъ въ своей области, сонъ

Настал царствовать Тиберий, сын Юлии. А Филипп был в своей области и сон увидел, что орел выклевал оба глаза его.

Исказалъ всамоудрецыспой , имъмяже
инаго разрѣшающимъсонъ . моужьшь
его же писахомъ . въвѣрьсиполлесѣхъ
ходяща . ихорданьскыстроуялюдиочи
щающа . пріиделнемоупезалоунево
домъ . всейрѣчеслышислопогнѣ . сонъ
ижеснипидѣлъ . орелъестьтвоемздо
лиание . такокотаптицанасилна . имъ
сѣхитницаестьиотъизъшометьтвои
очи . иже естапластьтвоа , иже
напцоа . итакоемоурекшоу :

И созвал Филипп всех мудрецов своих, и они каждый по-своему толковали сон. А человек тот, о котором прежде писали, что ходит в звериных шкурах и в иорданских водах людей очищает, пришел к Филиппу вдруг, и не звали его, и сказал: «Узнай слово Господа о сне, который ты видел: орел — это твоя жадность, ибо эта птица притесняет и расхищает; и из-за этого греха лишишься ты своих глаз, то есть власти своей и жены своей». И после этих слов

Вот же день умер Филипп, а власть его перешла Агриппе.

Жену Филиппа, Иродиаду, взял себе в жены Ирод Антипа, брат его. Из-за этого все законники избегали Ирода и не смели его обличить;

Только этот человек, которого называли диким, Иоанн, пришел к Ироду Антипе с гневом и сказал: «Поскольку ты жену брата взял, беззаконник, а твой брат умер мучительной смертью, то и ты заколот будешь Серпом Небесным, ибо не умолчит Божий Промысел, но умрешь в печали жестокой в чужих странах, поскольку ты не семя восставливаешь брату своему, но похоти плотской служишь

и прелюбодеяние делаешь, ибо четверо детей у брата твоего родилось». Ирод же, это услышав, разгневался и повелел бить и прогнать человека этого; он же не переставал, где ни встретит Ирода, обличать его перед всеми, и доставлял беспокойство всем.

Повелел Ирод отрубить ему голову. Было же поведение этого человека странным, и образ жизни не как у остальных людей. Как дух бесплотный, так он пребывал. Уста его хлеба не знали, даже на Пасху не вкусил он пресного хлеба, говоря: «на воспоминание Богу, избавльшему люди от работ, вдана суть ясти и на

утечение яко скорбе путь». Вина же и другого хмельного Иоанн даже близко к себе не допускал. И всякую животную пищу не принимал. Всякую же неправду обличал. И питался отростками деревьев.

Вскоре пошел Ирод к Тиберию, и просил у него, чтобы почтил он его царским именем. И разгневался Тиберий жадности его, и отнял область у него, и присоединил ее к владениям Агриппы, а Ирода изгнал в ссылку, и с Иродиадой, и там умерли оба в больших скорбях.

И потомъ посланъ бысть въ Іудею Ѡ
тиверій строитель . иже тайно
ночь въ Ерусалим принесе кесареву ѡбра.
наречемыйся
меѳ . ипо
стаси
. ина
гра
дъ;

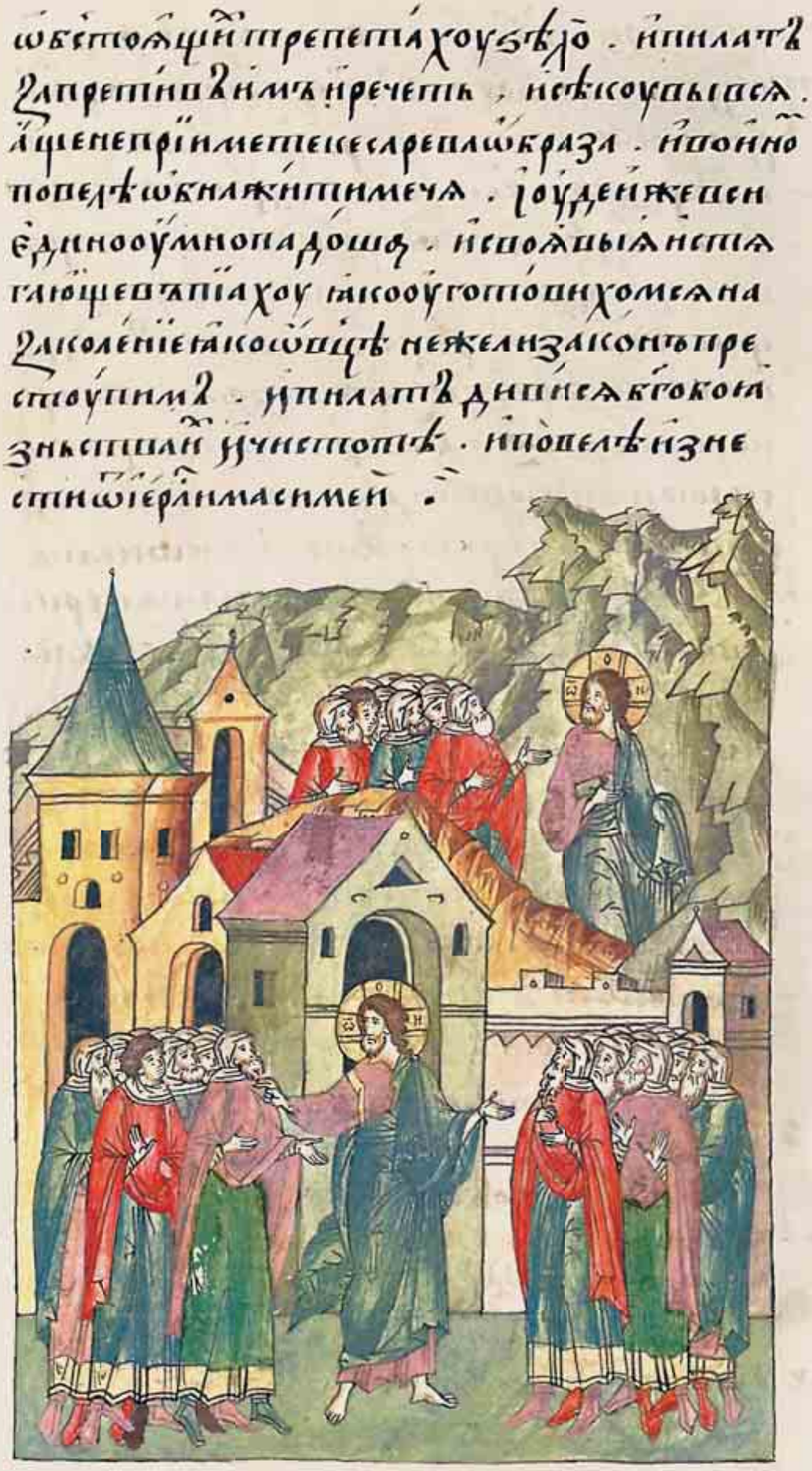
И потом послан бысть в Иудею Тиберий управителя. Этот управитель тайно ночью в Иерусалим принес изображение Тиберия, так называемую «симею», и установил его в городе.

Ноутроубывшю, ноудеиндѣшедѣи
матежьпріаша ноужасошасѧшндѣ
нінѣкопопрлнѵсоуцюзаконоунхъ. не
делитьконникакомоужеобразоупѫгра
дѣбыти. ноокрестнінілюдіеслыша
ашебывшееесипритекошасѣтцілніе
ноустремишласякѣкесарїи. ѵмолахоу
сапилатоудаынестьсимеюизѣіе
рлима. ѵпоставитьѵмъѡчашбыча

Когда же наступило утро, и иудеи увидели изображение, то в сильное волнение они пришли, и ужаснулись от того, что увидели, поскольку нарушен был закон их, который повелевает, чтобы в городе не было никаких изображений. Люди из окрестностей Иерусалима узнали о случившемся и все пришли, ревнуя о законе, и устремились к Цезарее, и умоляли Пилата, чтобы вынес симею из Иерусалима и позволил им соблюдать отеческий закон.

Пилат же отказал их мольбам. Тогда они упали на землю и 5 дней и 5 ночей не двигались и терпеливо ждали.

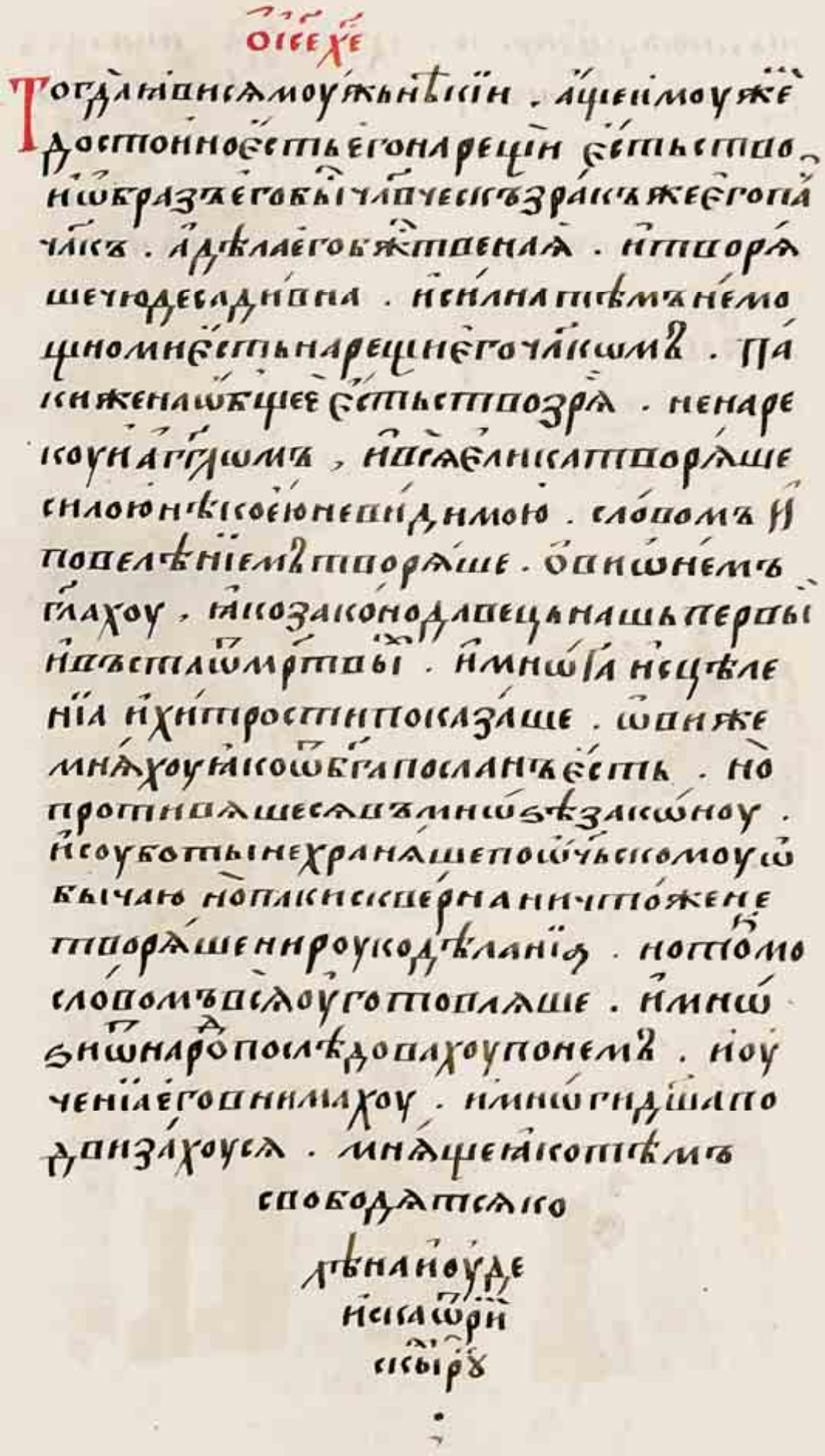
Потом же Пилат сел на престоле в большом здании для конских скачек и призвал к себе народ как будто для того, чтобы отвечать им, а сам повелел вооруженным воинам внезапно окружить евреев. Евреи смотрели на войско, неожиданно в три ряда окружившее их,

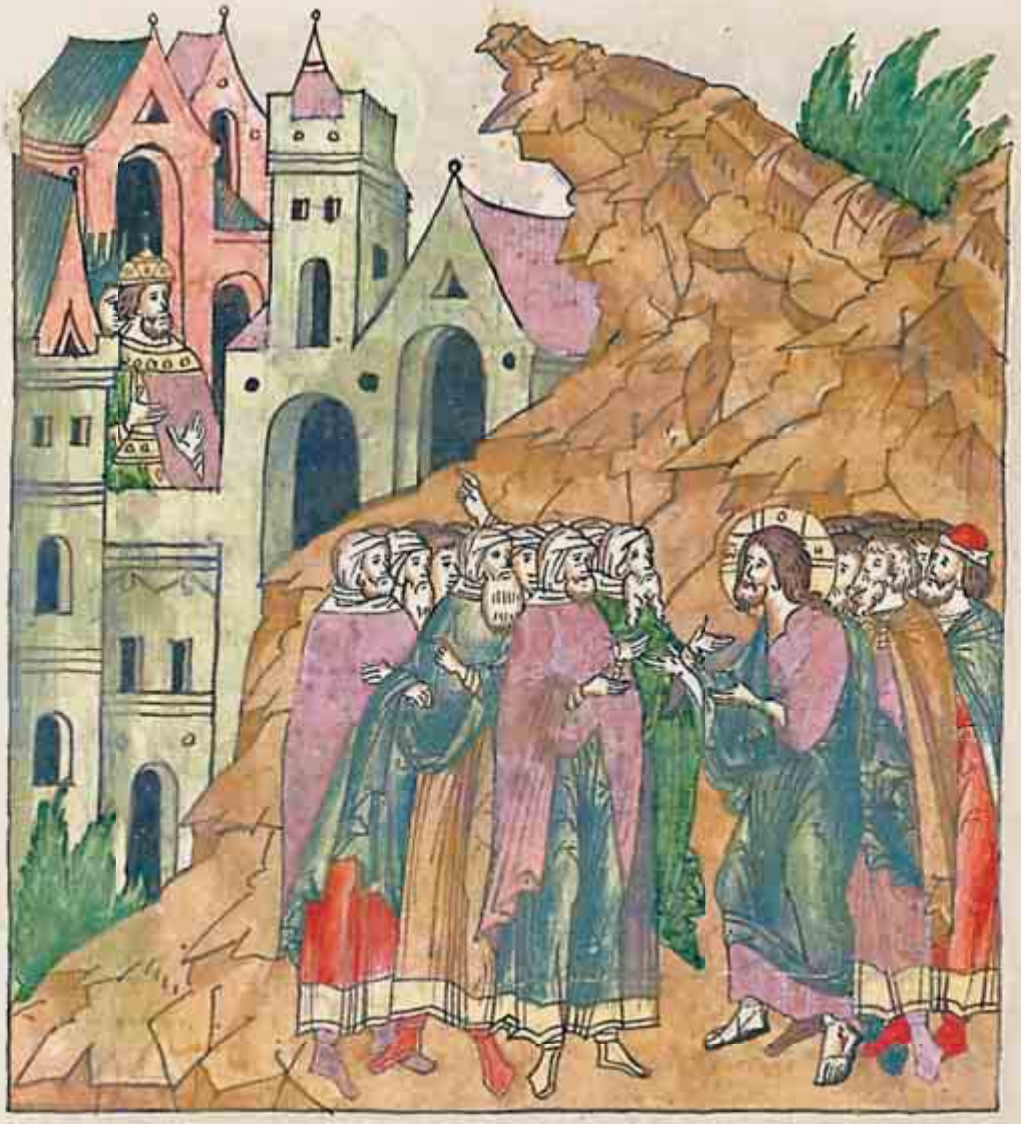


в сильном страхе.
И Пилат, угрожая им, сказал: «Изрублю вас всех, если не примете изображение императора», и воинам повелел обнажить мечи. Иудеи же все единодушно упали на землю, и свои шеи вытянули, и громко воскликнули: «Готовы к закланию! Лучше как овцы будем заколоты, чем от закона отступим». И Пилат удивился тому, как они боялись Бога и хранили в чистоте закон, и повелел вынести из Иерусалима симею.

Об Исусе Христе

Тогда явился Человек некий, если только человеком можно его назвать. Природа Его и облик были человеческими, а дела Его были Божественными. Совершал Он чудеса дивные, из-за чего и не могу я назвать Его человеком. Но на видимую природу смотря, не назову Его и ангелом. И все, что Он делал, силой некой невидимой, словом и повелением делал. Одни о Нем говорили, что тот, кто первым дал нам закон, восстал из мертвых. И много исцелений и мудрости показал Он. Другие же думали, что Бог послал Его. Но Он делал многое, что противоречило закону, и субботу не соблюдал по отеческому обычаю, однако нечистого ничего не делал Он в субботу, ни трудился, но только словом все совершал. И многие люди следовали за Ним и Учению Его внимали. И многие души искали подвига, думая, что этим освободятся роды иудейские от римского владычества.





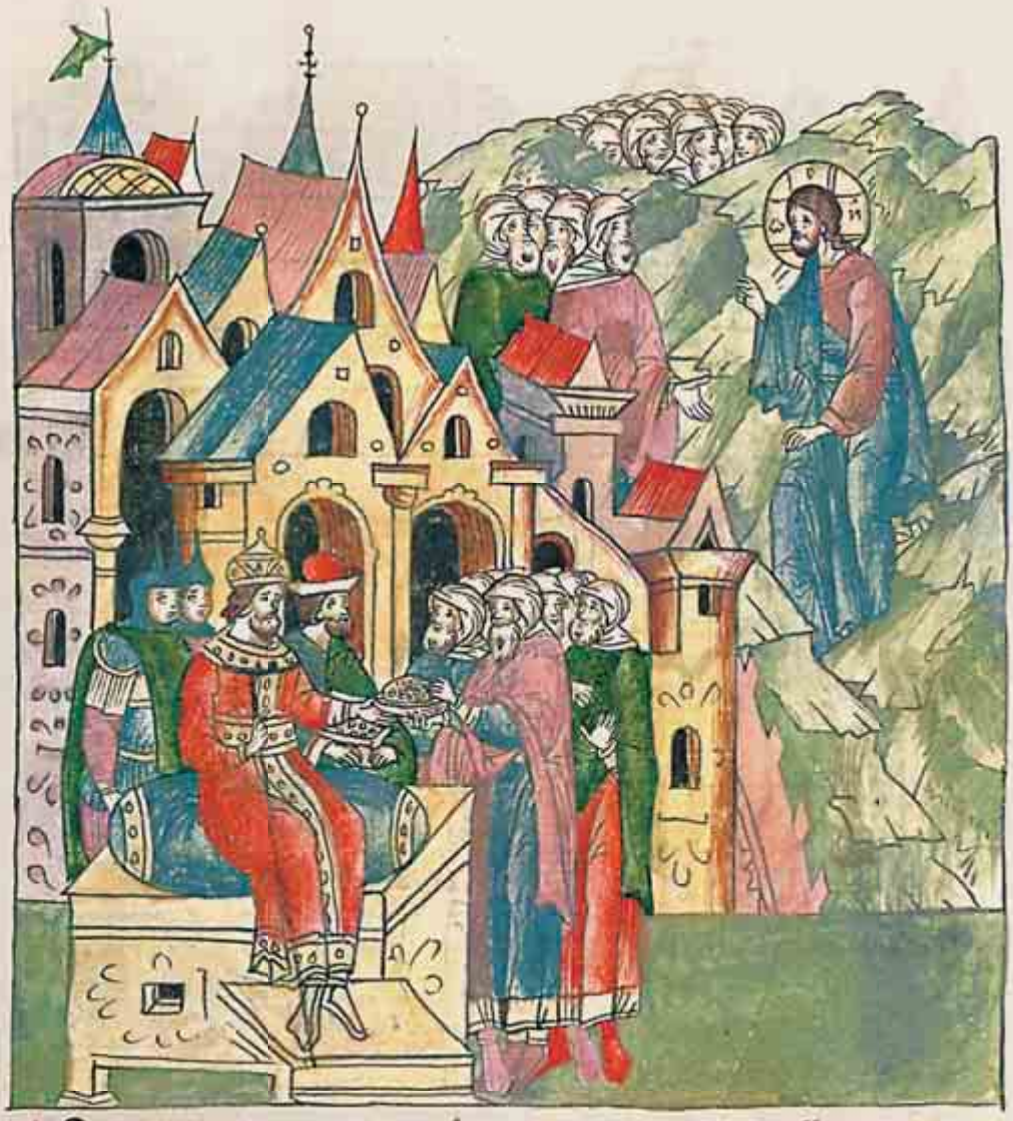
Ѡбычай же ємоу бысть прѣгради ѹмъ
Єлеѡньстѣи горѣ пачє пребыѹати .
тоуже ищѣлкы да ропашєлюдємъ . И
съѣхъсѧ коупи шасѧ кнємоу слоугъ . р҃ . и
и҃ . а҃ шѧ люди имнѡжєство . ѡнѣдѧщи
силоуєго наѣсѣдѣлникохощєтъ тво
рити слопомъ . и҃ пѣлахоуємоу да шє
въгра . низкіѣтъ ѹоумримсіѧ или
ла҃та . ищртвоуєтъ
наними исѣне
брежѧше .

Обычно Он перед городом на горе Елеонской пребывал. Там же Он и исцеления подавал людям. И собралось к Нему служителей 150 и людей много. Видели же они силу Его, что Он все, что захочет, делает словом, и сказали Ему, чтобы Он пошел в город и убил воинов римских и Пилата, и царствовал над ними. Он же не послушал их.

Затем узнали о Нем властители еврейские. И собрались первосвященники и сказали: «Мы немощны и слабы, чтобы сопротивляться римлянам. Уже и лук натянут против нас. Пойдем и сообщим Пилату о том, что услышали, и горя не будем знать. А если узнает он от других, то имущества нас лишит и отрубит головы, и детей наших ждет изгнание».

Ишедше къзпестѣишлапилатоу иѣкпосла
мнѡги изкѣнародл . ишногочюдодѣ
йцоуприведе . ипопытавшенемъ . ирл
зоумѣ иходобродѣтицлесть . лнезло
дѣицьниматежникъ . ницѣь
жадець . ипоустиженх
бесго оумирлю
цю ищѣ
лѣ

Пошли первосвященники и сообщили Пилату, и он послал воинов своих, и многих убил из народа, и этого Чудотворца привел, и расспросил о Нем, и понял, что он праведник, а не злодей и мятежник, и царской власти не желает, и отпустил его, ибо жену Пилата умирающую исцелил Он.

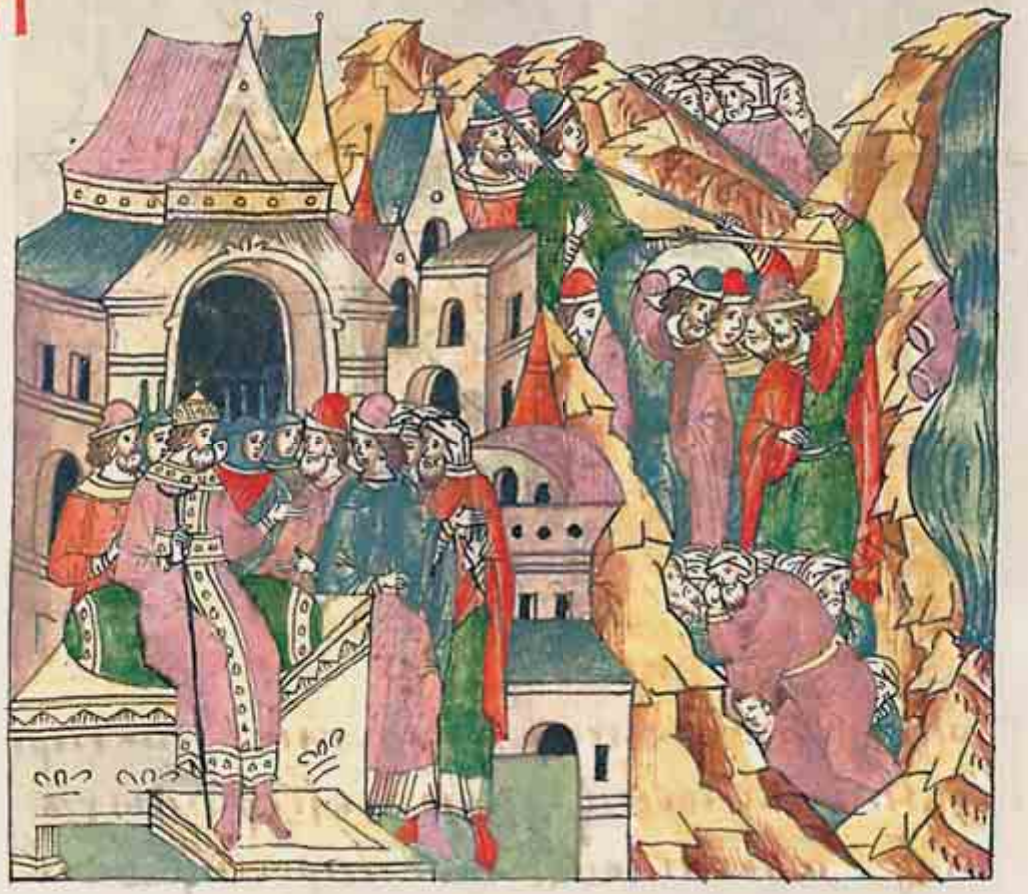


Ѝшѣнлѡбычноемѣсто ѡбычнаждѣла
ждѣлаше · ѹпа́кикол҃шнимлюдемъ
сѣпѣсоуплаю́щемсяѡ́мр҃тѣего · нел҃
плашесѧпоймѣтпоре́нїемѣпа́чепсѣ
дрѣвнстїю оу҃ѧзо́нишлсѧзлконнцы ·
йда́ша, л҃ · талантъ пилатоуджлоу
бнѣтъй · йтъшѣземъда
стыимъполю · да
сѧмнепоехо
тѧнїє
йспо
лнѧ.

Ни пошел Он на обычное свое место и свои обычные дела делал. И снова много народа собралось вокруг Него, и славился Он своими делами больше всех. И завистью стали терзаться законники, и дали 30 талантов золота Пилату, чтобы тот убил Его. Пилат же взял золото, и позволил им самим их желание исполнить.

О распятии Христа

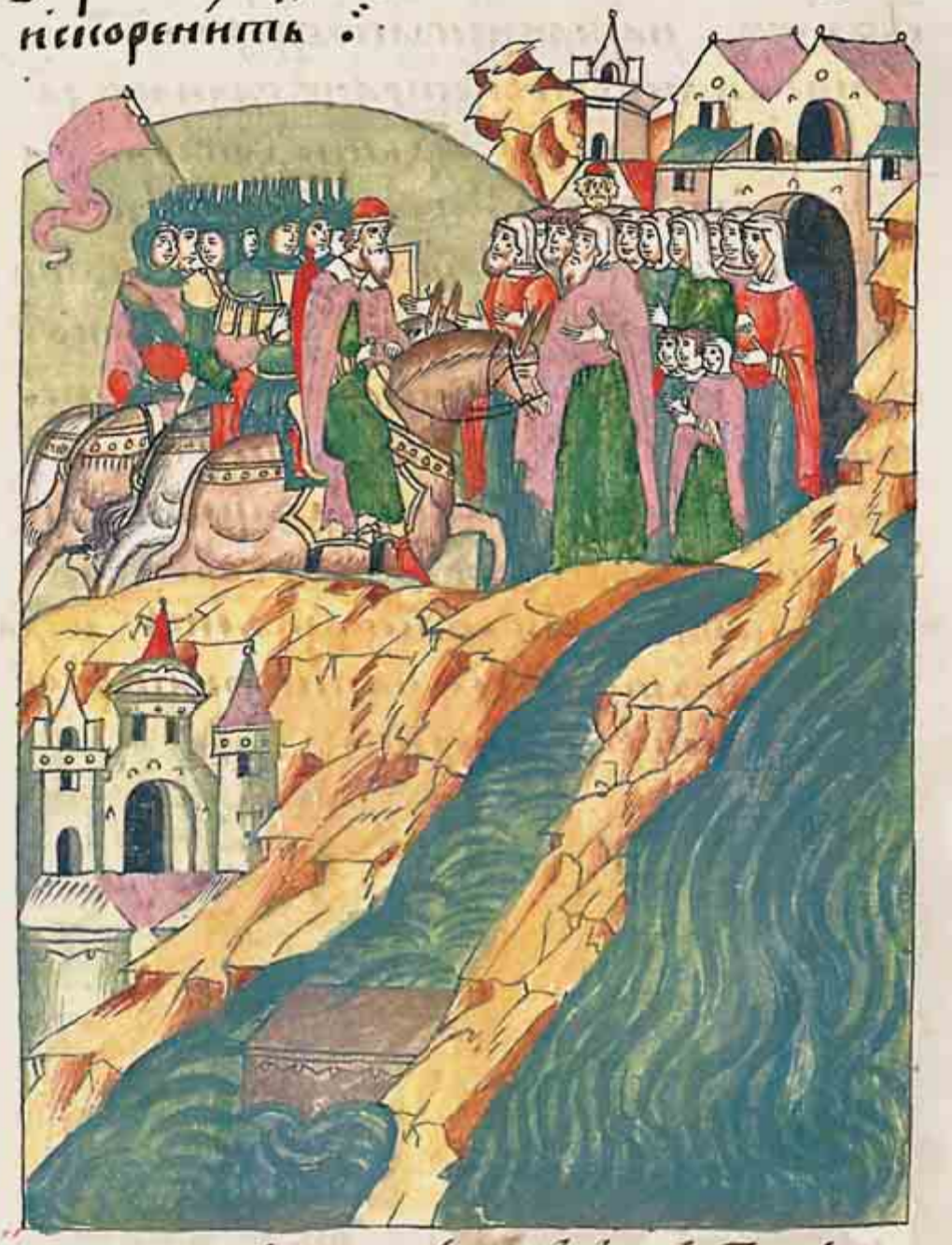
И законники взяли и распяли Его по отеческому закону.



Потом же другой мятеж подняли люди. Священное сокровище, которое называлось Корбан, взял Пилат и потратил на устройство водопровода, по которому вода шла из Иордана на 400 верст. И люди кричали на Пилата, он же послал воинов бить их палками, люди побежали, и было затоптано 3 тысячи человек, а остальные утихли.

О Гае императоре

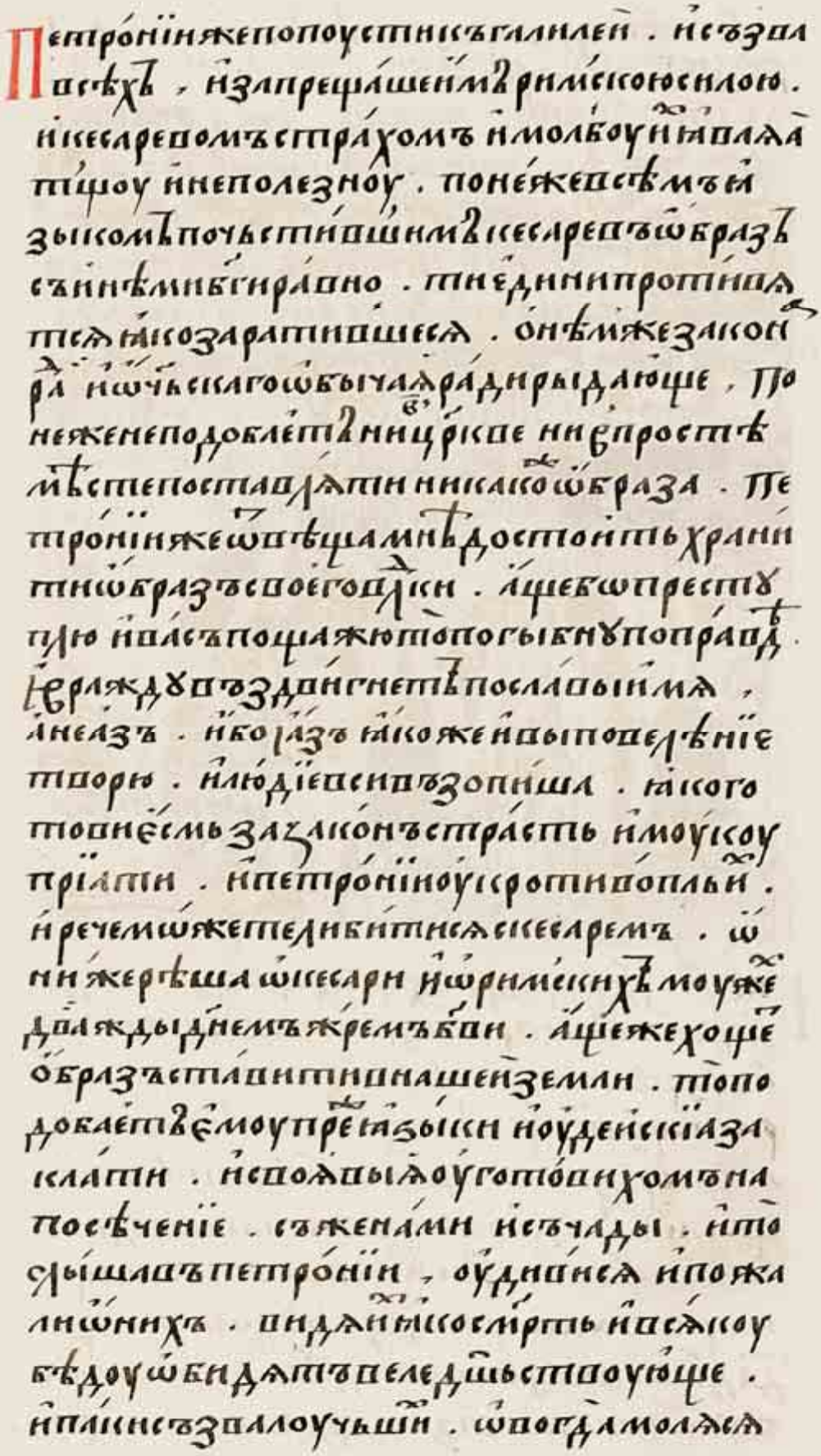
После Тиберия стал императором Гай. Ему было мало своего счастья. Благородных людей в своем отечестве он извел и устремился,



нечестивый, на Иудею. Он послал Петрония с войском в Иерусалим, чтобы он поставил мерзкое изображение Гая в храме, а если иудеи будут ему препятствовать, то убил бы их и весь народ искоренил.

Недвинулся Петроний, и узнали об этом иудеи: одни поверили и устрашились, другие же не поверили. И пришел Петроний к Птолемаиде, иудеи же встретили его в поле

с женами и детьми и умоляли его не нарушать их отеческий закон и пощадить их. Петроний же внял их мольбам и оставил там изображение императора. Птолемаида — город галилейский, на берегу моря построен, на большой равнине, окруженной горами: с восточной стороны — Галилейские горы, за 60 верст, а с юга — гора Кармил, за 100 верст. Около града есть река, называемая Вилей. Там находится гробница Мемнона. Там же есть море округлое и глубокое, и дует ветер, и приносит песок, который становится стеклом. И много кораблей приходит, и берут это стекло, и не кончается, поскольку ветер постоянно приносит песок и восполняет то, что забрали. Когда же переполняются и возвращают стекло на прежнее место, то снова песком оно становится.



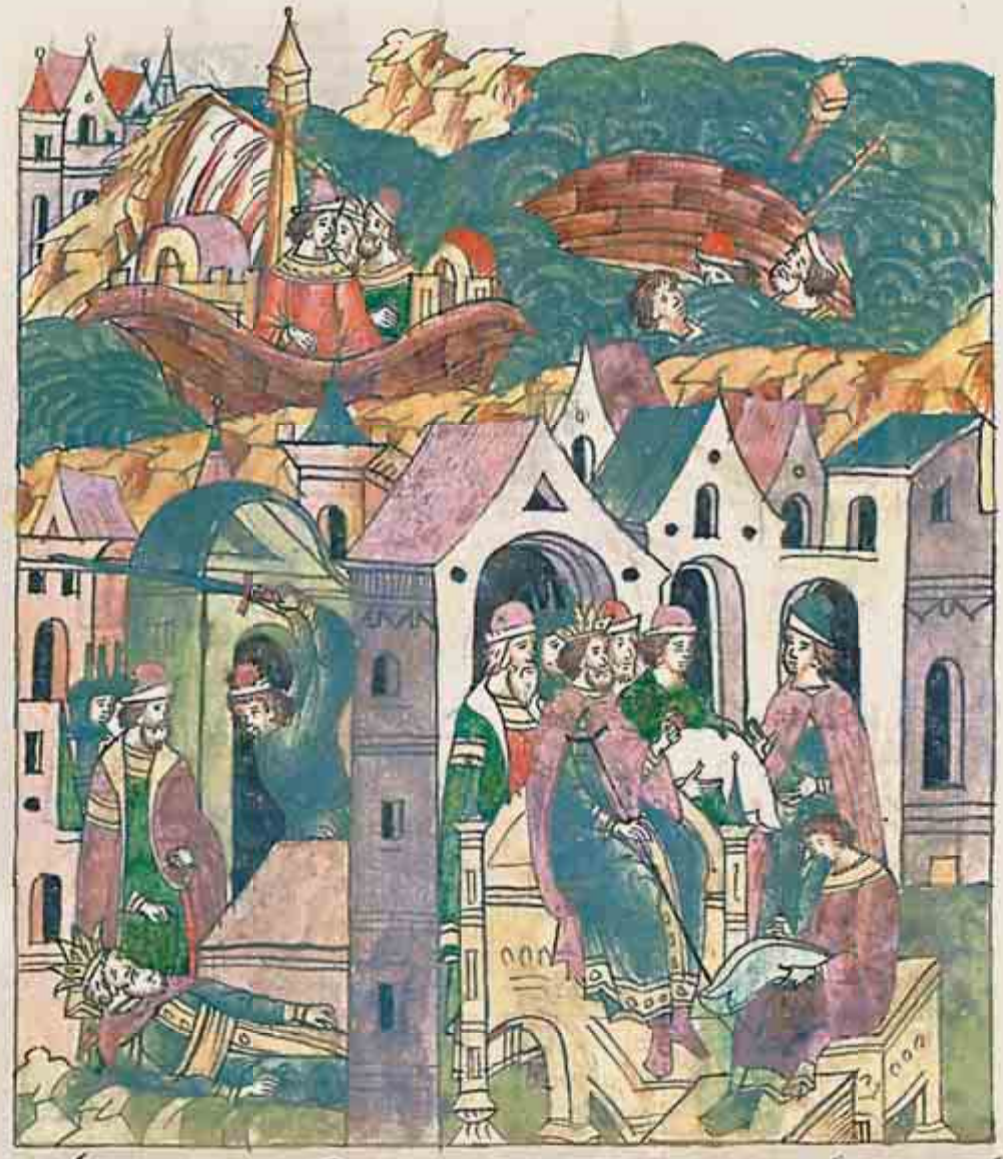
Петроний же позволил людям отойти к Галилее и созвал всех, и побуждал их отступить перед могуществом Рима и угрозами императора, показывал им, насколько напрасны и бесполезны их просьбы, ведь все народы почитают образ императора наравне с другими богами, лишь одни иудеи сопротивляются, что можно понять как объявление войны Риму. Иудеи же рыдали, и указывали, что закон и отеческий обычай запрещает им и в храме, и в любом другом месте ставить чье-либо изображение. Петроний же отвечал: «Мне надлежит защищать изображение моего повелителя. Если же отступлю и вас пощажу, то сам погибну справедливо, а враждовать с вами буду уже не я, но тот, кто послал меня. Ведь я, как и вы, повелениям его подчиняюсь». И люди закричали: «Готовы мы ради закона страдание и муку принять». Петроний успокоил их крик и сказал: «Можете ли воевать с императором?» Иудеи же сказали: «Об императоре и римском народе дважды в день приносим жертвы Богу. Если же император хочет изображение поставить на нашей земле, то надо ему прежде народ иудейский принести в жертву. Шеи наши мы приготовили для заклания, и с женами, и с детьми». Услышав эти слова, Петроний удивился и сжалился над иудеями, видя, что они и на смерть и на всякую муку пойдут и будут терпеть до конца. Тогда он собрал лучших людей и стал то упрашивать их,

то указывать на гнев Гая и на то, что он, Петроний, находится у него в подчинении.

И 50 дней не работали люди, ибо не позволял им спор с Петронием возделывать землю и сеять. И увидел Петроний терпение их непобедимое, и распустил со словами: «Придется мне с вами пострадать. Или Бог мне поможет и склонит Гая исполнить вашу волю, и тогда с радостью приму спасение вместе с вами. Или же разгневается император, и тогда с радостью же отдам я душу свою за такое множество людей». И с войском своим Петроний из Птолемаиды пошел в Антиохию.

Нѧбїе́ѡтоу́доупослаѩсѣсарепѡшедшемъ
пришествїи . ѩкоюудеискомолѧтъ .
ѩщехо́щетъдръжа́тимолво́ю зе́млюю
имоу́жьнепогоубити топодо
бле́тьемоудаѩтиимъ
полюнасохране
нїезако
на

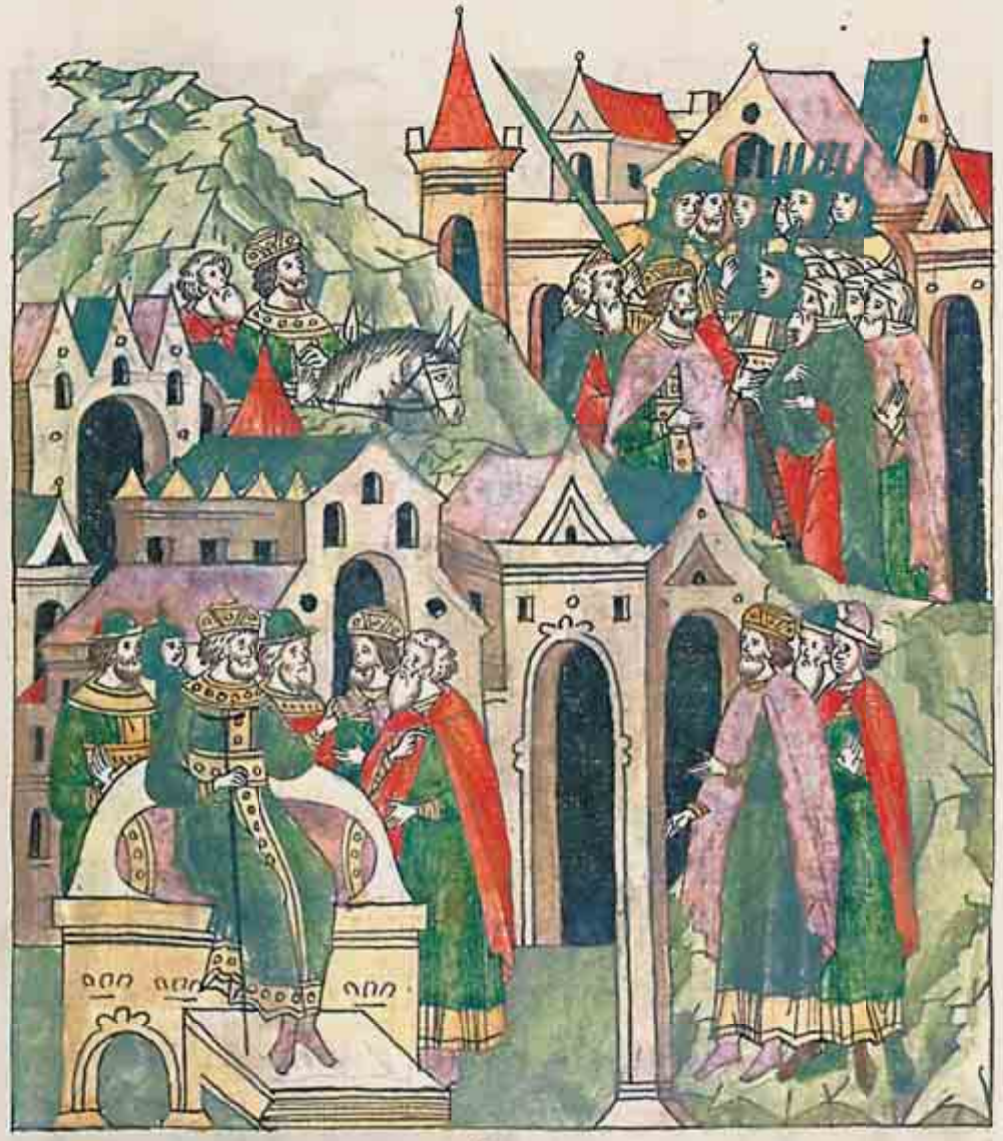
Немедленно оттуда Петроний послал императору письмо о том, как он пришел, и как умоляли его иудеи, и что, если хочет император владеть землей иудейской и людей не погубить, то надо ему внять мольбе иудеев и позволить им соблюдать отеческий закон.



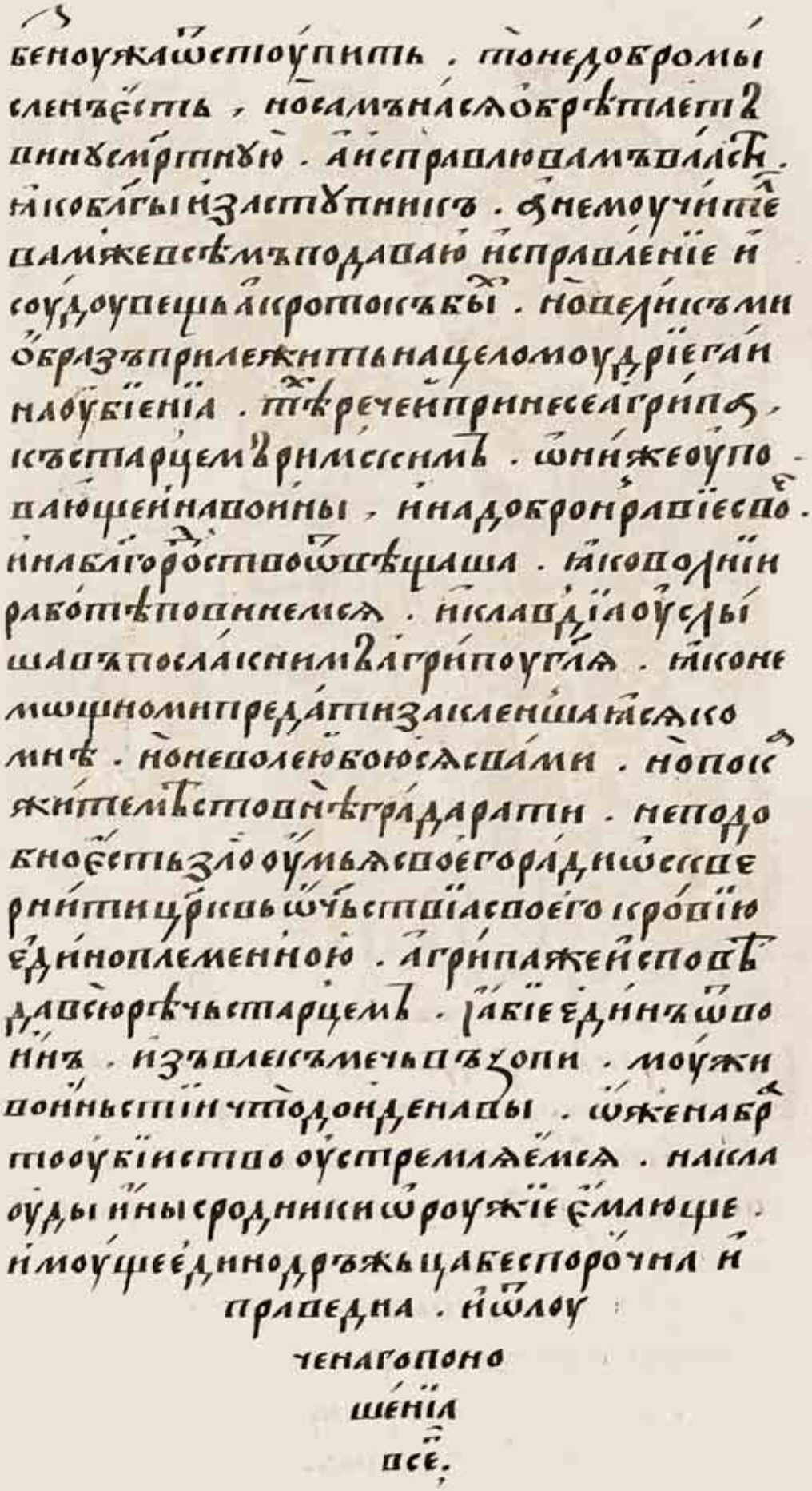
Гай получил письмо Петрония, и разгневался, и ответное письмо послал ему, в котором присудил отрубить голову Петронию, поскольку был он нерадивым исполнителем повеления императора. Но посланники, которые везли это письмо, утонули в море, и раньше их другие приплыли, которые сообщили о смерти Гая. Гай пробыл императором три года и восемь месяцев, и убит был.

Въсѣхъ тѣхъ вонницы поидѣша на кесаря. Старѣйшины же градстіи оупатіи поймъ шеніе бѣ подъ сергіемъ саторнина. и помпонія. сѣ секоундасъ тремиспіралии. и повелѣша имъ блюсти градъ. сами же сѣ собрашася въ капетоліи. и нечестіа ради гаіина ради. доумаху оубити сѣ кесаремъ. и власть дати. і. судіи мі сожен прежде бы:

Н выдвинули воины в императоры Клавдия. Старейшины же городские, а также наместники Сентий Сатурнин и Помпоний Секунд повелели военачальникам с тремя отрядами охранять город, а сами собрались в Капитолии и за бесчинства Гая думали воевать с Клавдием и власть передать десяти судьям, как раньше было.



Тогда же довелось и Агриппе быть в Риме. И видя, что на деле Клавдий стал императором, Агриппа пошел к нему, чтобы помогать ему во всем необходимом. И послал его император своим представителем к старейшинам, чтобы изложить им намерения свои. И передал Агриппа такую речь императора: «Против моей воли меня выдвинули воины, и нехорошо мне отвергнуть старания их, да и для моей жизни неполезно это будет. Ведь получение царства — страшная вещь: если кто назовется властителем, а потом,



не сопротивляясь, отступит, то сам себя по неразумию обречет на смерть. Буду же властвовать вами как благой защитник, а не как мучитель. Вам же всем предоставляю управлять и судить. И кроток я буду, поскольку пример Гая имею перед собой, убийство которого учит всех правителей править мудро». Такую речь императора передал Агриппа старейшинам римским. Они же, надеясь на войско, и на добродетельность свою, и на знатность рода, отвечали: «Добровольно рабству не подчинимся». Клавдий, услышав этот ответ, послал к ним Агриппу с такими словами: «Нельзя мне предать тех, кто присягнул мне. Вынужден я биться с вами. Покажите место вне города для битвы. Нехорошо из-за нашего неблагоразумия осквернить наши отеческие храмы кровью соплеменников». Агриппа передал все эти слова старейшинам. Тогда один из воинов обнажил меч и воскликнул: «Воины! Что нашло на нас? На братоубийство поднимаемся; на Клавдия и на родственников своих оружие направляем. Между тем, у нас есть самодержец, который непорочен и справедлив, которого не в чем обвинить».

Сими словами этот воин вышел из собрания старейшин и увел всех воинов за собой. Горожане, оставшись без войска, сильно перепугались и, поскольку не к кому им было обратиться за спасением, устремились они к Клавдию, опережая воинов.

Н прїáхъ сърáдостїюклáдей . и почти́въ цѣлова́йхъ . гáвїепрїндесни́ли́шо́дáтъ бо́йякрътпáхрáдостнýюбласти . áгри плжеоумири́шъсаподáстьемоуѿтнеца рéтшоисе . иприложи́снемоу трахони́тъ сúкоую гáвранитьскоуюзéмлю . громъ пѣхъпрїдáстьемоуи́ноцрство . éжé съдръжалоусíл . и повелѣвлáстителемъ своúмъ данапи́шютьнамѣдны́хъ щи́тéхъ . и положи́тинакапетолíю . дляпаметибоудетъ и послѣдни́мъ ро́домъ .

Н принял горожан с радостью Клавдий, и с почетом приветствовал их. Затем он пошел с ними принести жертву радостную за принятие власти. Агриппе же, за участие в примирении, Клавдий дал все царство отца Агриппы, прибавив к нему Трахонитскую и Авранитскую земли. Кроме того, Клавдий передал Агриппе и другое царство, которым до этого владел Лизаний. И повелел Клавдий властителям своим вырезать на медных щитах запись об этом и положить щиты на Капитолий, чтобы узнали последующие поколения о том,

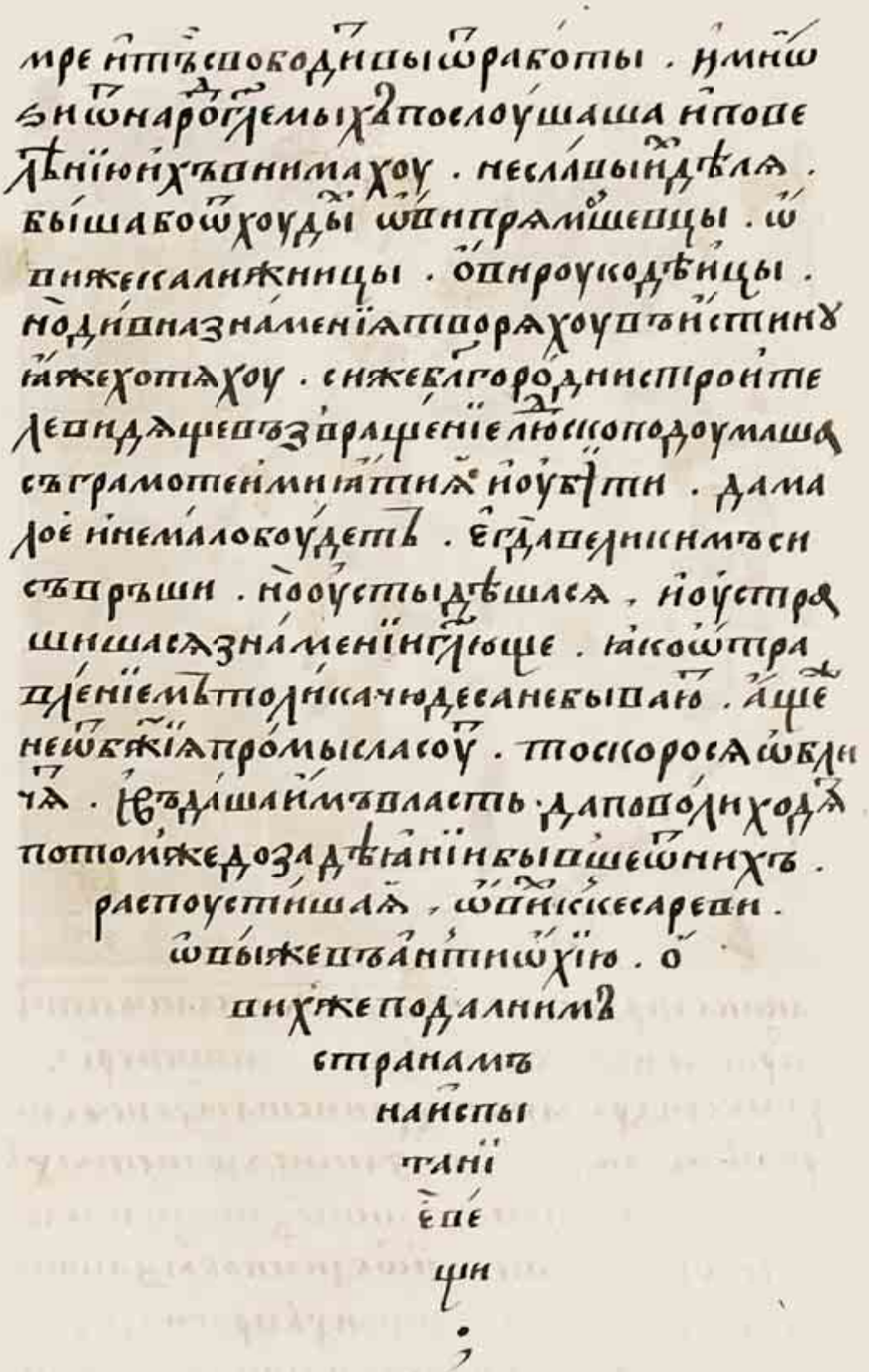
какую честь принял Агриппа от Клавдия. И быстро стало стекаться к Агриппе богатство бесчисленное,

Начал он строить стену вокруг Иерусалима. Стены такой высоты и толщины прежде не бывало. Если бы закончил он строительство при жизни своей, не смогли бы римляне никак Иерусалим взять. Но до окончания строительства Агриппа умер в Цезарее. Царствовал он три года, и не было у него сына.

Паки клавдій исполласте́ла посла́ пъ ість
цр҃тво҃їемъ . ісп҃ї́ фада , и҃ тивері́а .
҃александра и҃же сохрани́ста ѩзы́ки сми
ромъ недлю́щеподвиза́тиса́ шчистыхъ
҃ако́нъ ничесоже . и҃ст҃о҃зако́нна госло
песшо́ступи́ше , и҃шкли́ченокы́зако́но
у҃чи́теле . тѣмоучащихъ прогна́хоу .
и҃ли кесаре́ипосла́хоуи҃ли шгомы́ шли
пѣшемса́ притоюслоу́га ; пре́жеписа́нна
чюдотво́рца . и҃глю́щемъ людемъ шсвое́м҃
наста́ннице́ ка́ожива́ѣ́ть . а҃щеноу

Снова Клавдий своих властителей послал в те царствия: Куспия Фада и Тиберия Александра. При них народ жил мирно, поскольку они не попирали отеческий закон иудеев. И если кто-то из иудеев от слова закона отступал и был обличен законоучителем, то мучали таких и прогоняли, или к императору посылали. И много появилось при этих властителях служителей Чудотворца, о котором прежде писали. И говорили люди о своем Наставнике, что Он жив, хотя и умер,

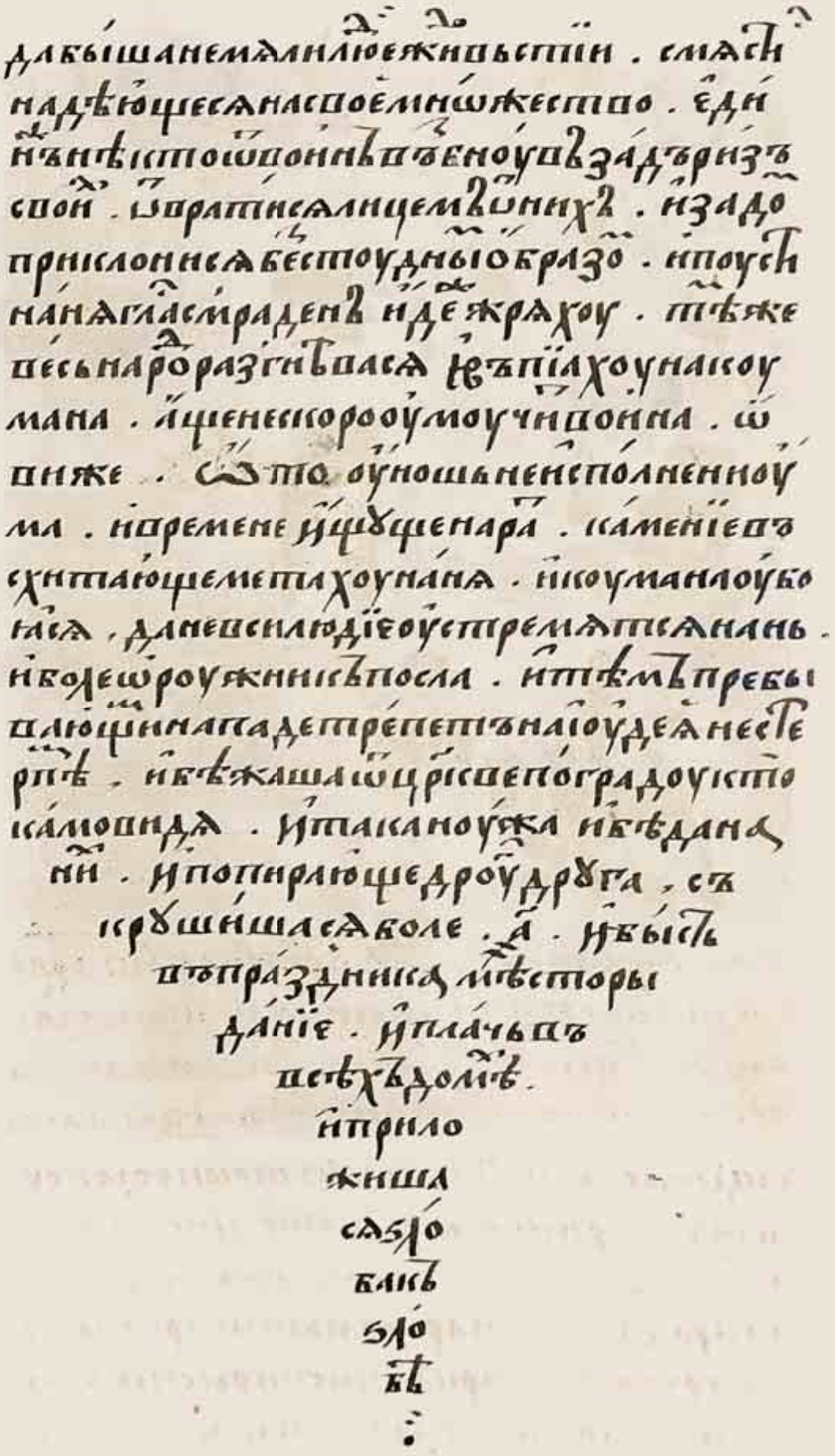
и что Он освободит иудеев из рабства. И множество народа слушали эти речи и повелениям служителей внимали. И не из-за их знатности их слушались, ибо они были из простых людей: одни портные, другие сапожники, третьи ремесленники, но слушались их, потому что дивные они знамения совершали, воистину делали все, что хотели. Знатные люди и управители, видя движение в народе, решили с книжниками хватать служителей и убивать. Затем же устыдились и устрашились знамений, и сказали: «Волшебством такие чудеса не делаются. Если же не от Бога они, то скоро будут обличены». И остались служители на воле. Потом же задержаны были некоторые из них, и разослали их, одних к императору, других же в Антиохию, третьих по дальним странам для расследования этих вещей.



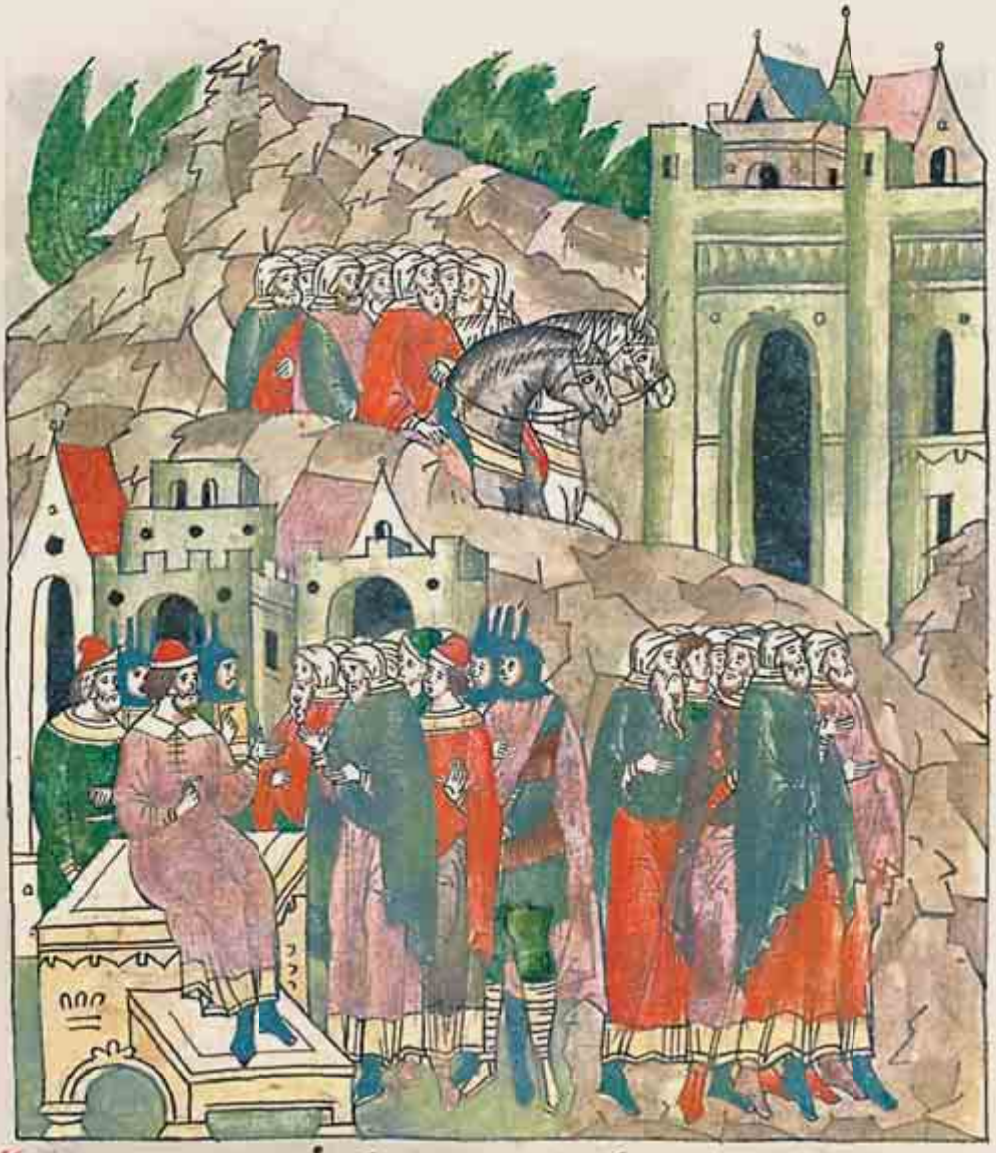
Клавдій же пришедъ ластелинъ тою посла къ
Кумана . приняти же рыданіе и иступленіе
жидомъ бысть . пришедшю же народу
на праздникъ нареком ый опрѣсноки
въ Іерусалимъ . приимъ спирыстоящее
на церкви комаръ . тако имѣти
бычаю оружье въ люстина праздни

После тех двух римских властителей Клавдий послал в Иудею Кумана. При нем же плач и смерть были евреям. Пришел народ на так называемый праздник Опресноков в Иерусалим, и римские отряды расположились на своде храма. Такое у них было обыкновение — с оружием следить за порядком в праздник,

чтобы евреи не устроили возмущения, опираясь на свое множество. Один же воин приподнял сзади одежду свою, повернулся спиной к иудеям, выпятил зад бесстыдным образом и испустил на них вонь с соответствующим звуком, туда, где приносили жертву. Тогда весь народ разгневался и закричал Куману, чтобы скоро наказал воина. Некоторые же неразумные юноши хотели воевать, они хватали камни и бросали в воинов. Куман испугался, что весь народ устремится на него, и еще больше воинов призвал. Когда те стали прибывать, напал страх на иудеев нестерпимый, и бежали из храма по городу кто куда. Такая была давка и смятение среди них, что топтали друг друга. И было повержено более 1000 человек. И было вместо праздника рыдание и плач во всех домах. К этой беде прибавилась другая.



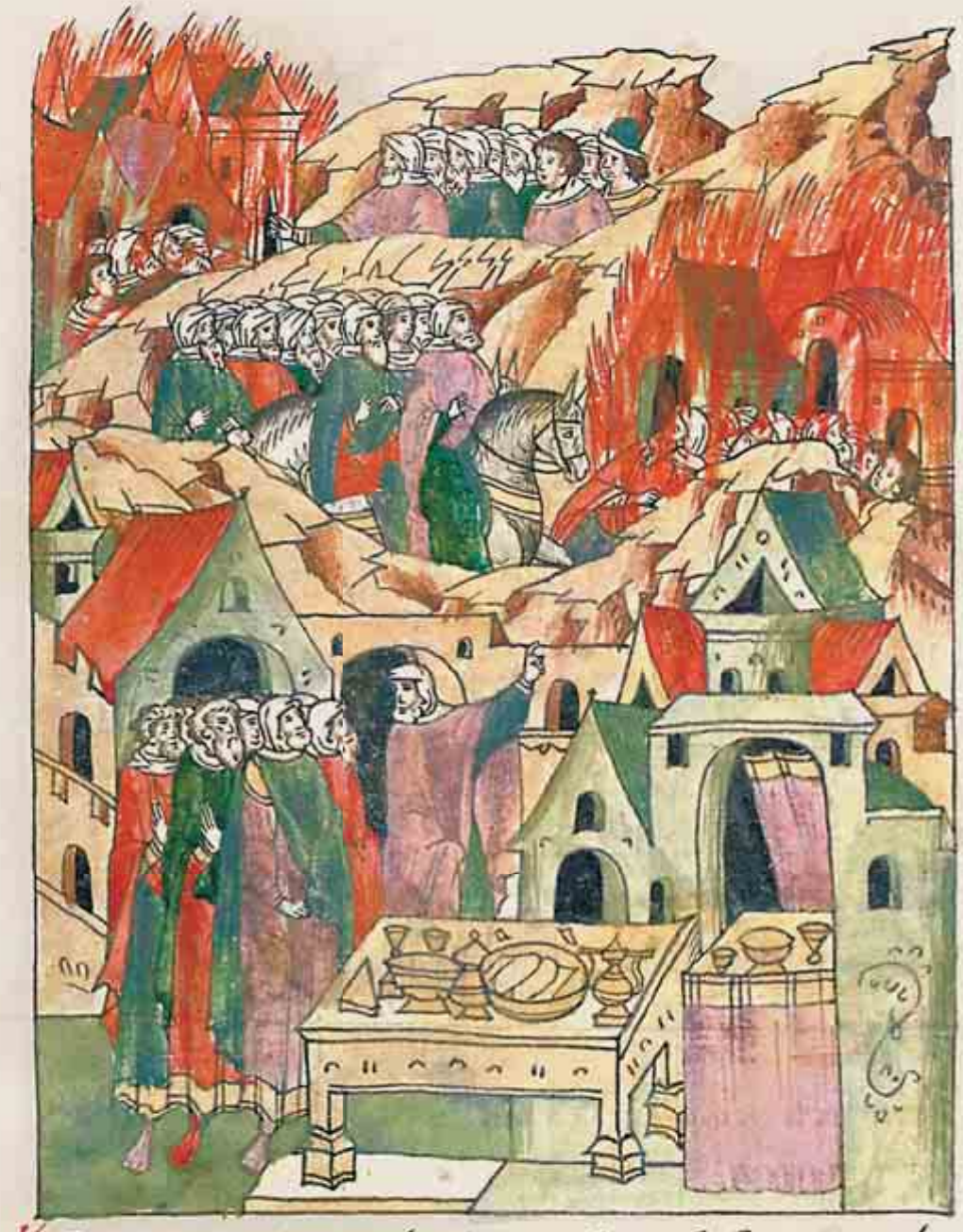
Разбойники на дороге у Вефорона, что возле Иерусалима, напали на некого Стефана. Куман послал в ближние к тому месту селения, чтобы заковать их жителей за то, что они не погнались за разбойниками и не поймали их. И там воин один нашел книги Святого Закона, и потоптался по ним, и бросил в огонь. Иудеи же посчитали, что вся земля их сожжена. Как веревкой, связаны благочестием, устремились все с одним желанием: или умереть, или того воина убить.



Ѝ сѣ́ тъ́ сокупи́шасѧ мо́лѧхоу сѧ комѧнѵ̀ да не́ ѡ́ставитъ не́моучена · та́ко сътъргшѵ́шїисѧ бг҃ѹ̀ и҃ сътъзлсо́ноу · о́нъ смотрѵ́шїтъ на́конепремо́лъсноу · а́ще не́оулоучитъ оу́тѣшенїа · и҃ сѹ́дїи смр҃тїю · ю҃оу́дее́мѣсть прїѧ́ше ѡ҃и́дошѧ · и҃ прїше́шисътъгра гима́нъ · и҃ же́ е҃сть на пе́лицемъполѣ самарїи сѵ́ть ·

Ѝ собрались иудеи и просили Кумана, чтобы не оставил безнаказанным человека, столь согрешившего перед Богом и законом. Куман же, видя, что иудеи не утихнут, если не получат утешения, осудил воина на смерть. Иудеи же, получив отмщение, разошлись. И сошлись у селения Гемы, которое расположено на большом поле самарийском.

Никогда горожане праздновали, вдруг убит был галилеянин один, человек благочестивый и праведный. И весть об этом пришла в Иерусалим и в Галилею.



Но оставивше праздникъ, поустремишася галилеяне на самаряны, безнарадь ельмо власти, разбойническомъ образомъ и мятежномъ, и тяжкие ли быть елеазаровъ сынъ денеевъ, и напрашеная ли страны, нещадяху ни единого возраста, ни старыя

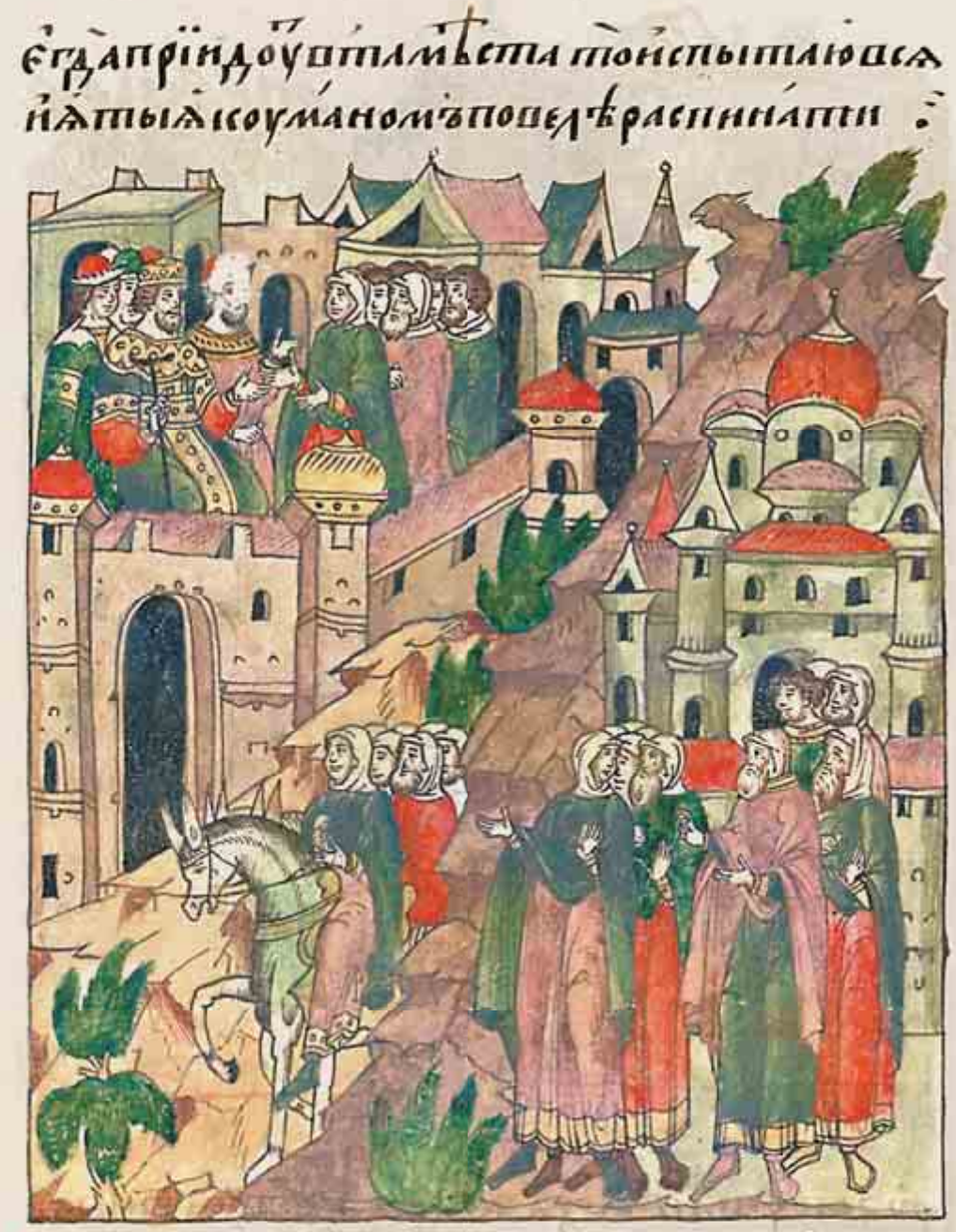
Прервав праздник, галилеяне устремились на самарян, беспорядочно, самовольно, как разбойники и мятежники. Вождем же их был Елеазар, сын Диная. И напали они на акраббатскую страну, и не щадили ни стариков, ни детей, и все жгли.

Коуліáнъ жепоймъшіесаріíéдíнъполкъ
íсонíнисъ . наречемыйсевастíнней . íпо
мюглшенленеными мнюгы íзы
ласоуциáйшіе рт вельáзарá , íвнидóша
сníмъволлстеле рéрíмъсííн , шкллчи
áшесáмъволлсáнищъ . íпóпелънаглавы
всыпáше , íмолáхоусáймъглюще . по
мíлоуйтешчьстповсое íцрíсопьразыде
тесá . лнéдíногоглíлеáнинаддьлá
мíстíнтеда бíющесáсъсамáрáнырáгнъ
íнтерíлíлáнынаéрíмьстемъпоко

Куман же взял в Цезарее отряд конников, называемых себастийцами, и пришел на помощь самарянам, и многих разбойников убил, и схватил приближенных Елеазара. И пришли к восставшим вельможи иерусалимские, надев власяницы и пеплом головы посыпая, упрашивали людей такой речью: «Ради отечества вашего и храма разойдитесь. Вы мстите самарянам за одного галилеянина, но из-за этого побоища могут разгневаться римляне на Иерусалим». Этих слов послушались

иудеи и разошлись. Но многие в разбой уклонились. И по всей земле мятежники грабили и притесняли.

Самарийские вельможи пришли к Уммидию, правителю Сирии, для разбирательства с иудеями. Затем прибыл Ионафан первосвященник и другие вельможи, говорившие от лица иудеев. Они обвиняли Кумана в том, что он не наказал виновных и не прекратил резню в самом начале. Уммидий же сказал:



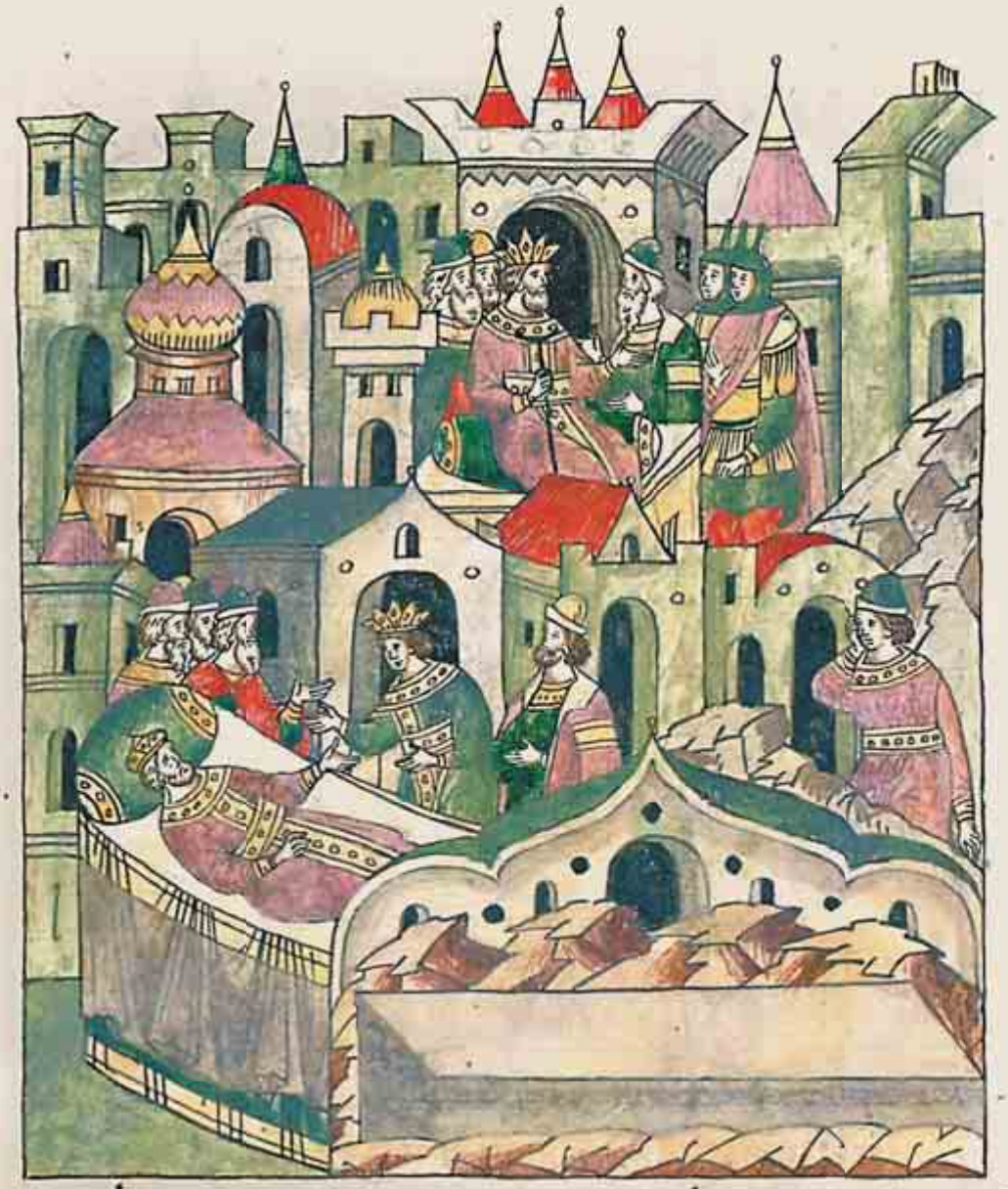
«Когда приду в те места, то расследую все». Схваченных Куманом он повелел распять.

Первосвященников двух, Ионафана и Анания, и других лучших людей из иудеев и самарян Уммидий послал в Рим, чтобы судил их император.

Клавдий выслушал их и Кумана, своего вельможу, осудил на изгнание, а Целера, другого своего вельможу, также признанного виновным в этом деле, император повелел заковать, отвезти в Иерусалим и там его убить на глазах у всех. И из самарян император осудил трех самых знатных людей.

И потомъ филика дапластвуетъ, и
дрѣжитъ, иже архелаидрѣжка, а
прочая даетъ агрипѣ,
сыну агрипо
пу его
жешу
мре
шу
ма
ла.

И потом император назначил Феликса править и владеть землями, которыми владел Архелай, а прочие земли отдал Агриппе, сыну Агриппы, у которого в малом возрасте умер отец.



Самъ же Клавдій добрѣ скончалъ житіе свое
и правымъ удомъ исправилъ царьство.
Кесарь стоялъ лѣта. г. и й. мць.
и к. днїй. и постави Нерона наслѣдника.
изполнивше его жень Агриппинѣ сущю
Клавдіеви. сн҃ъ бо его пераго женыме
салины ємоуже имя Британникъ. не
даемоу кесарьства
прельщенъ рѣчьми
тожъ торыа
жены.

Сам Клавдий хорошо закончил жизнь свою, с чистой совестью и спокойной душой. Был он императором 13 лет, 8 месяцев и 20 дней, и оставил Нерона наследником, как хотела его жена, Агриппина. Был же у Клавдия сын от первой жены, Мессалины, звали его Британник. Но не сделал его Клавдий императором из-за льстивых речей той второй жены.

Нелиже безоумиесътвориненронъ, и
нелизлопоказанабратьи, инажену
инамтрь, ихжеоуморигладомъ, ниасо
набл҃городнымоуприведесвоежестосердіе.
ниасоапрелатинажеьсысыласоты
напохоть, ниасопогоубноумъшлнишл
богастіа, нинѣнеспнишю, понелиню
нисосѣмънелюбослышати, имжебл҃го
оумѣпданашбг҃а, нопишюже нижебы
шастворенапрнне
пъноуде.

Нерон же этот безумия много сделал: был злым к братьям, и к жене, и к матери, и уморил их голодом, был жестоким к благородным людям, совращал женщин, прелюбодействовал, лишился разума от большого богатства, — описывать все это сейчас я не буду. Думаю, никто из тех, кому благоразумие дано Богом, и не хочет об этом слышать. Здесь же я опишу то, что происходило при Нероне в Иудее.

Постáвиво и́сьпластелúнатогофилúпса.
и́якетрúтысящиразбóйниксемь, и
начáльникаи, ипричастúникиих̃змиш
якестúпо. ипослáлихсесарешóнтяже
хоужáдьшихърáспя. анастáрѣйшихъ
ѹземъимѣнїебе
щисле
нопъ
сти
;

Назначил же Нерон властителем над Иудеей этого Феликса. Феликс три тысячи разбойников поймал, и главаря их, и многих его сообщников, и послал их к императору. Император же самых опасных разбойников распял, а со старейшин взял богатство несметное и отпустил.

Тогда разбойники стали действовать иначе. Они убивали людей посреди города, днем, чаще всего в праздники. Смешиваясь с толпой и под одеждой скрывая ножи острые, они закалывали противников своих, а потом находились около убитых и притворялись, будто сожалеют о них и ищут убийц. Первым же был убит ими Ионафан первосвященник, и после него многие. И страх сильный овладел всеми, ибо каждый ожидал

смерти постоянно, как на войне.

Тогда же обманщики и хитрецы, принимая благостный вид, собирали народ для мятежа, понуждали людей к перевороту, учили воевать, уводили в пустые места, как будто там покажет Бог знамение свободы. Среди этих обманщиков был египтянин один, чародей. Он изображал из себя пророка и собрал 3000 человек.

Обманутых им людей этот египтянин провел через пустыню до Елеонской горы. Оттуда он хотел войти тайно в город Иерусалим, римских охранников захватить и царствовать.

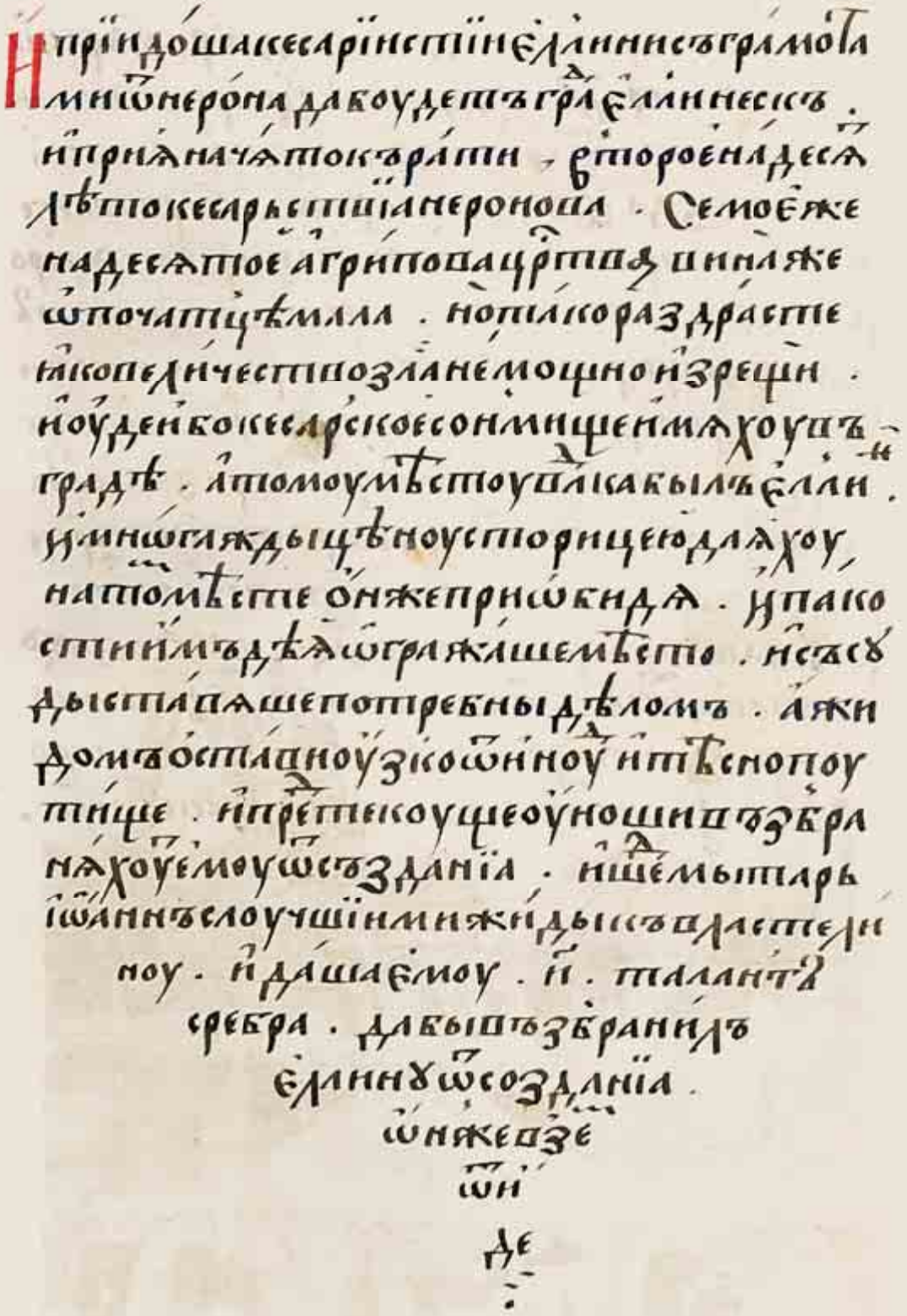
Но пришло известие Феликсу об этом, и встретил он египтянина с тысячей римлян, и было сражение, и победил Феликс, египтянин же и 50 его сообщников убежали. Очистилась и от этих земля. Но как в больном теле, от одних членов отступая, болезнь

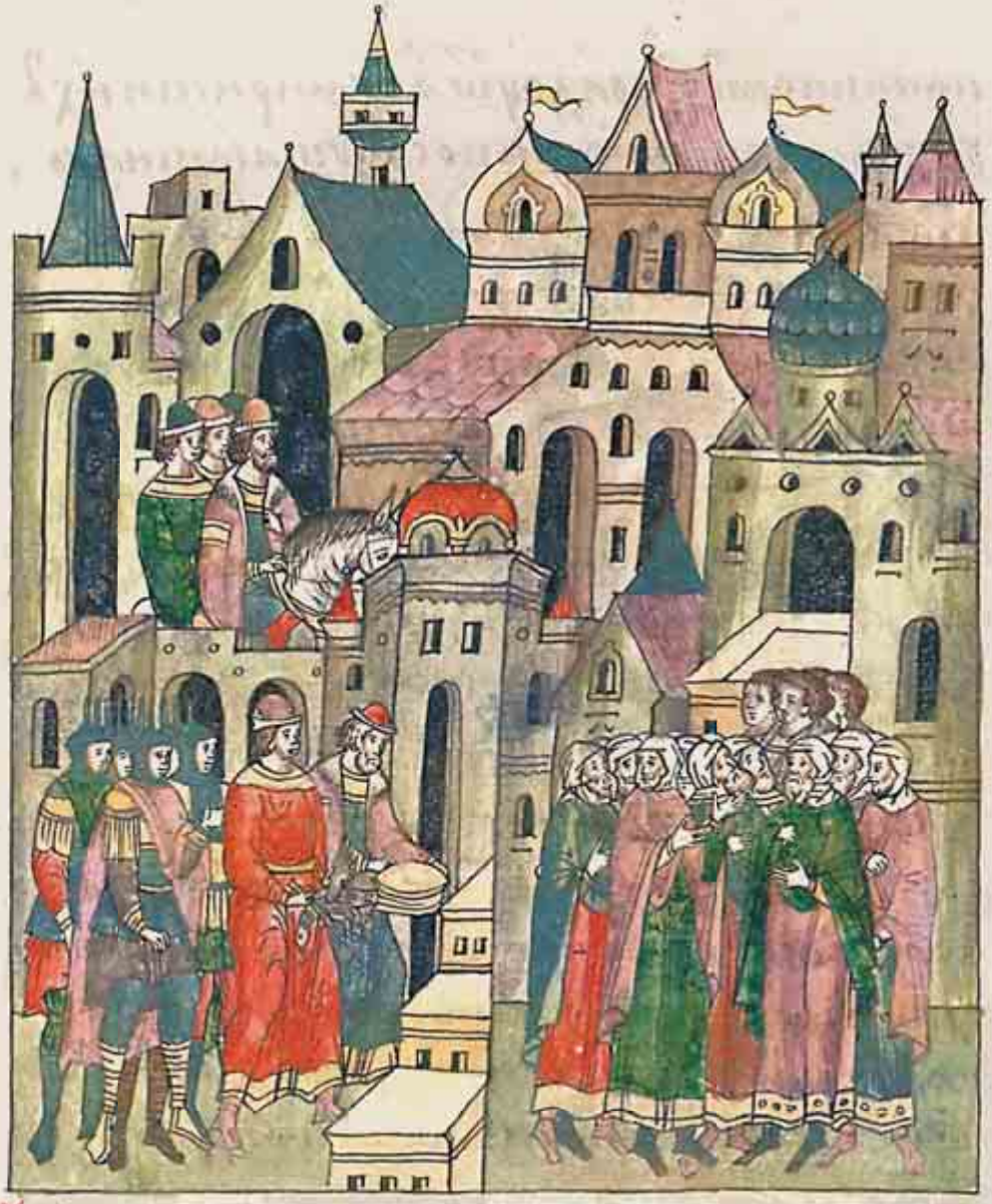
перекидывается на другие, так же было и здесь. Ибо чародеи и волшебники, и все злодеи объединились и многих иудеев побудили не покоряться римским властям, и к свободе манили людей, и смертью угрожали тем, кто покоряется.

Разошлись разбойники по стране и нападали неожиданно на дома богатых и господ, убивали, грабили. Из-за скорости передвижения мятежников охрана не могла им противостоять. В Цезарее же,

где вместе проживали иудеи и сирийцы, между ними возникла ссора о том, кому принадлежит город. Иудеи говорили, что город принадлежит им, поскольку Ирод построил его, а он был иудеем. Сирийцы же отвечали, что город принадлежит им, поскольку построен в честь Цезаря. Сирийцы говорили: «Не отрицаем, что город построен Иродом. Однако нам, эллинам, он его отдал, а потому и украсил его изображениями и храмом с идолами. Из одного этого ясно, что не для иудеев город создавался, ведь нельзя иудеям никакого изображения иметь в своих городах». В ходе ссоры жители стали браться за оружие. Властители были озабочены тем, чтобы приостановить убийства, наказывали и заковывали мятежников. Многих же непокорных иудеев Феликс убил и ограбил, а некоторых к Нерону послал для выяснения того, кому принадлежит город.

Н пришли цезарейские эллины с письмом от императора, в котором он объявил, что город принадлежит эллинам, а не иудеям. Это положило начало войне, на двенадцатом году владычества Нерона, на семнадцатом году царствования Агриппы. Начался раздор с малого, но столько много зла принес, что невозможно высказать. У иудеев Цезареи сонмище было в городе, а владельцем того места, где находилось сонмище, был эллин. И много раз хотели иудеи выкупить это место, и давали за него гораздо больше, чем оно стоило на самом деле. Но владелец не уступал и пакостил иудеям, огородил то место, поставил на нем постройки для ремесла, так что евреям осталась очень узкая и неудобная дорожка к своему сонмищу. Сначала приходили юноши и мешали застраивать место. Затем пошел сборщик податей Иоанн с лучшими людьми из евреев к властителю Флору и дал ему 8 талантов серебра, чтобы он запретил эллину застраивать место. Властитель же взял деньги и ушел из города.

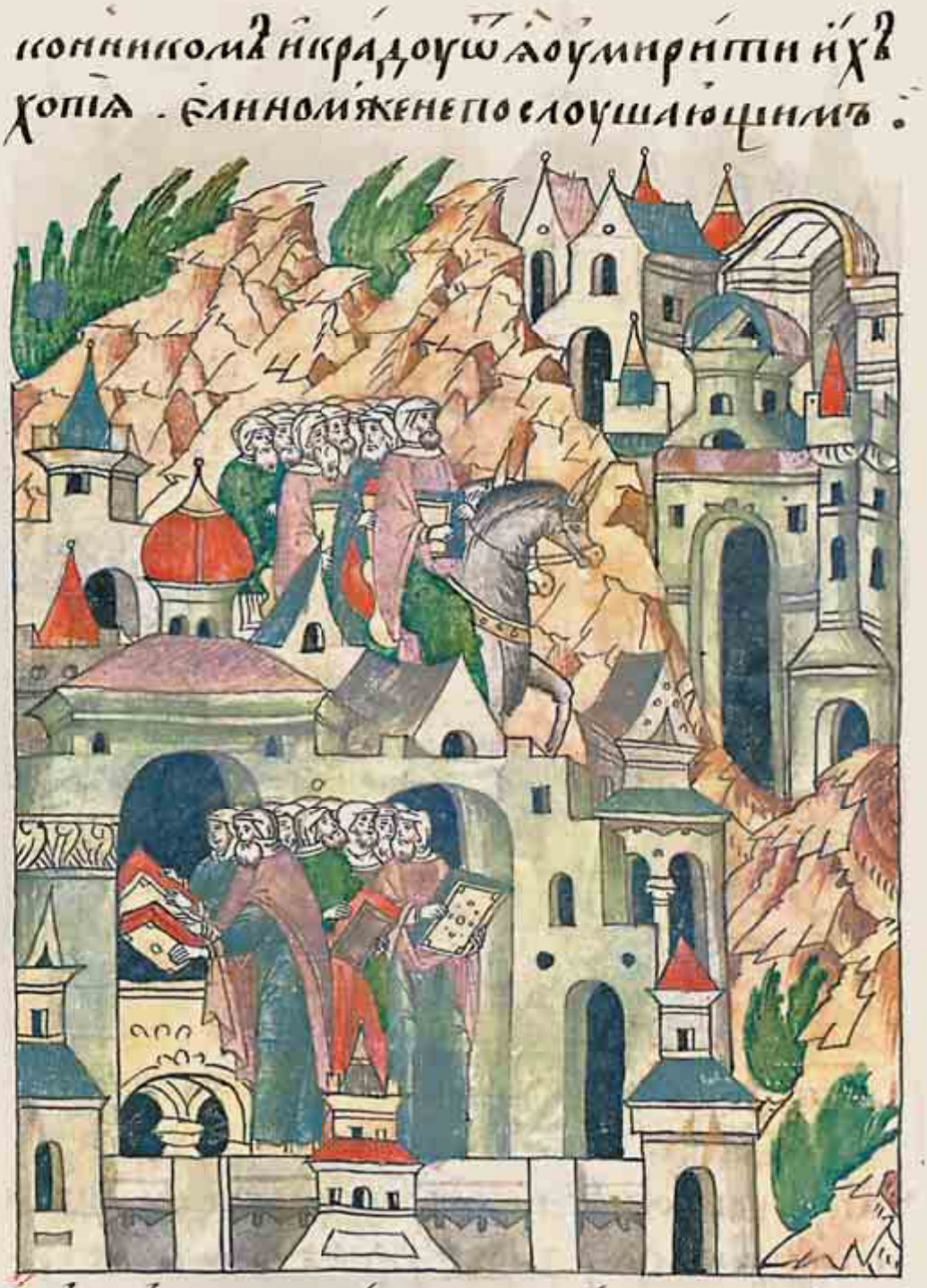




Наоутрѣ соубо́тѣ соу́щи . сѣдѣ́ша соу́пльше
мелно́удейѡ́мъ насонми́ще . е́ллинъ же
сѣ́ра́доупо́ѣвсѧ тъ́оу́ѣ́ исходя́ жидо́ѣ́ска .
и́ тоу́пти́цѣ рѣ́жа́ше . тѣ́мѧ́ же́рл
здраже́ѧ́ неи́сцѣ́лно . мѣсо́по́прано́усоу́
цоу́зако́ноу . но́ оскве́рньшюсѧ мѣ́стѡ .
оу́мнїѧ́ же́ѡ́ни́хъ и́ кроти́цыи . цела́хоу
сѧ и́ гемо́ноупри́бѣ́гати . лоу́ноши́бе
роумнїи́ нара́ть разгара́хоусѧ . иесл
рїи́ сїѧ́ же е́ллини́ѣ ѡ́роужьшесѧ стиа́
шѧ . и́ пришею́ ю́ѡ́нда старѣ́йшина

На следующий день была суббота, и собрались иудеи на сонмище. Эллин же один жертвенник установил там, где входили евреи, и стал на нем резать птицу и приносить в жертву, чем оскорбил иудеев непоправимо, поскольку попрал их закон и осквернил место. Умные же из иудеев и спокойные говорили, что надо идти к властителю, а юноши безумные к войне призывали. Цезарейские же эллины вооружились. И пришел Юкунд, старейшина

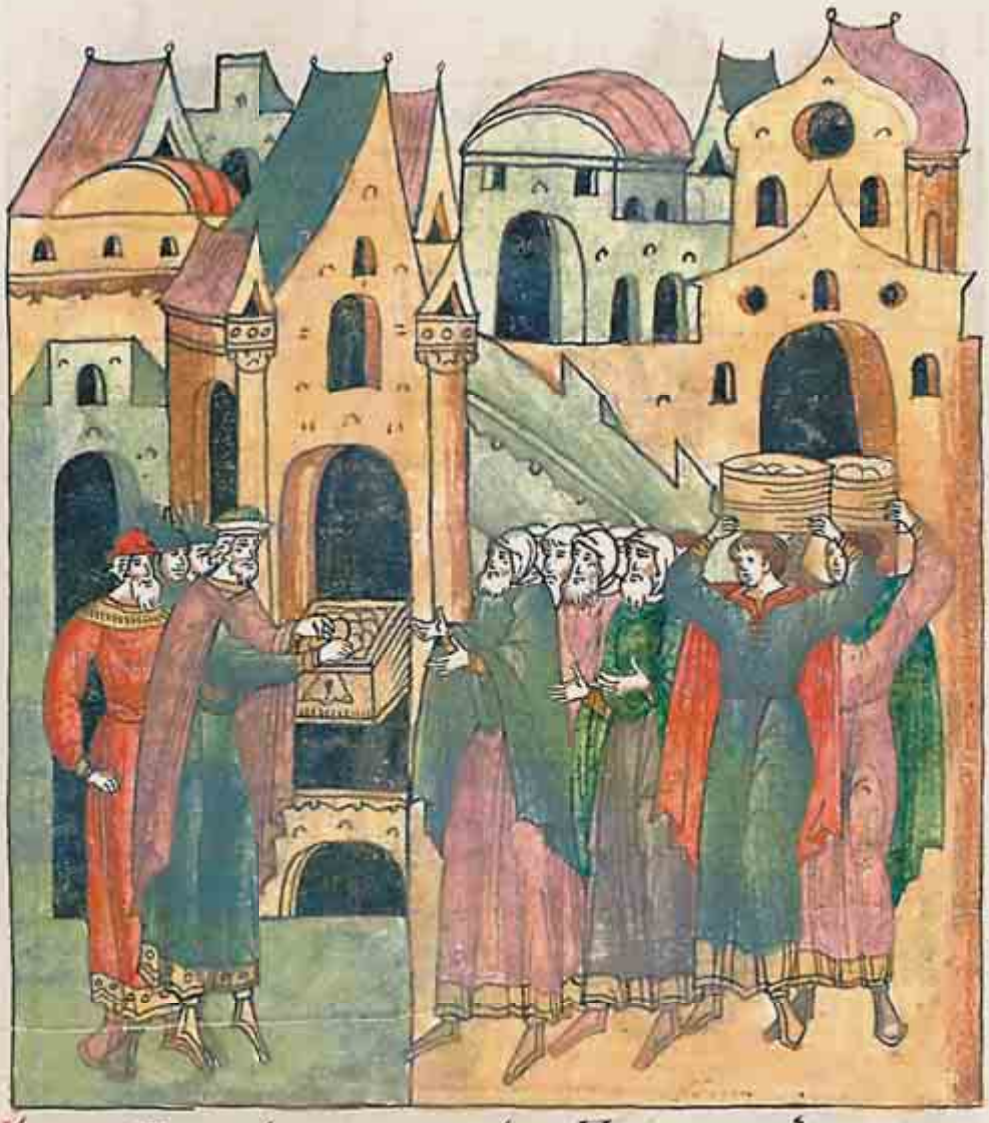
конников, и жертвенник эллинский убрал от входа в сонмище, и примирить хотел враждовавших. Эллины же не послушались.



Тогда иудеи взяли книги священные и бежали в Нарбату, город, находящийся в шестидесяти верстах от Цезареи.

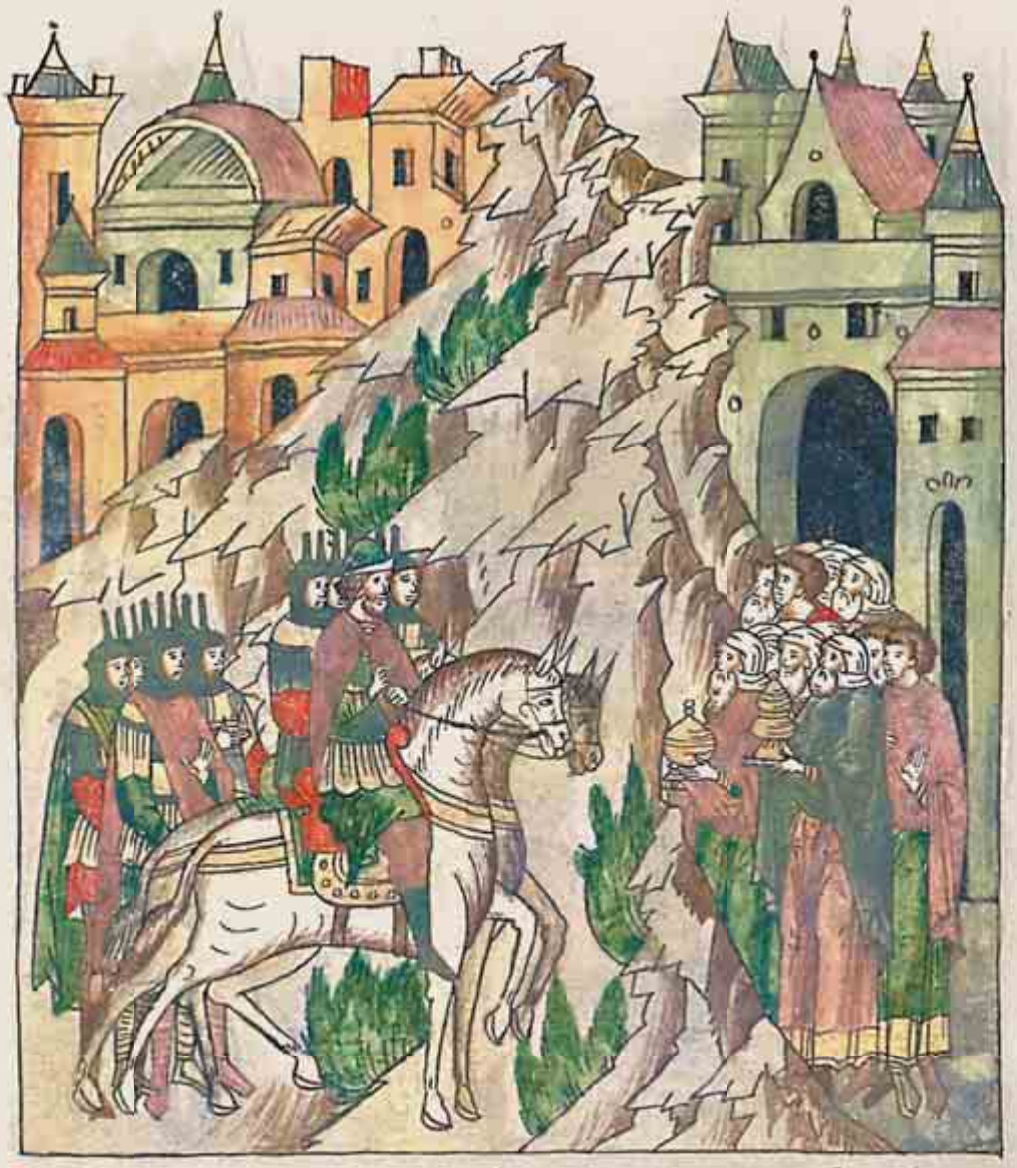
Іѡаннъ же и дроузіи десѧть моужа пришеше
къ игемоноу . плакахоуш бышемъ . и
молѧхоуш ѧ смоустихостію . и поминахоу
шеѡсми талантѣхъ . онъ же имъ и сказа
приложи шѧ на нашиихъ . ѹ ѧ не вынесоша
законныѧ кнігы
ѡ кесаріи . и
послалъ
хрісѣ .

Иоанн же и другие двенадцать человек из иудеев пришли к властителю Флору и жаловались со слезами, и рассказали о том, что произошло, и умоляли его с покорностью, и упомянули о восьми талантах, которые они ему дали. Он же схватил их и заковал, обвиняя в том, что они вынесли священные книги из Цезареи. Властитель же послал в храм



Нвзѧтоуду семьнадесѧтталантъпїщо
райсѣлъчитиналотребнаѧкесареши .
йлюдїепритекшестьтиданїемъ . ипле
пламенымъ ймакесареповзыпахоу .
неповодитисѧшомоучителяфлорамо
лѧхоуса . инякешомалшоумыслаиїѧ
срамилаѧфроллеслѧхоу . кошьносѧще
наглашѣсъмлы
хлѣбл . напо
ношенїе
емоу .

Нвзял оттуда семнадцать талантов, якобы для того, чтобы потратить их на нужды императора. Люди же прибежали с ревностью о храме, и пламенно восклицали, и к имени императора взывали, и молили о том, чтобы освободил он их от мучителя Флора. Некоторые же из неразумных хулили и поносили властителя, корзину на голове носили, в которой лежало немного хлеба, и изображали Флора попрошайкой.

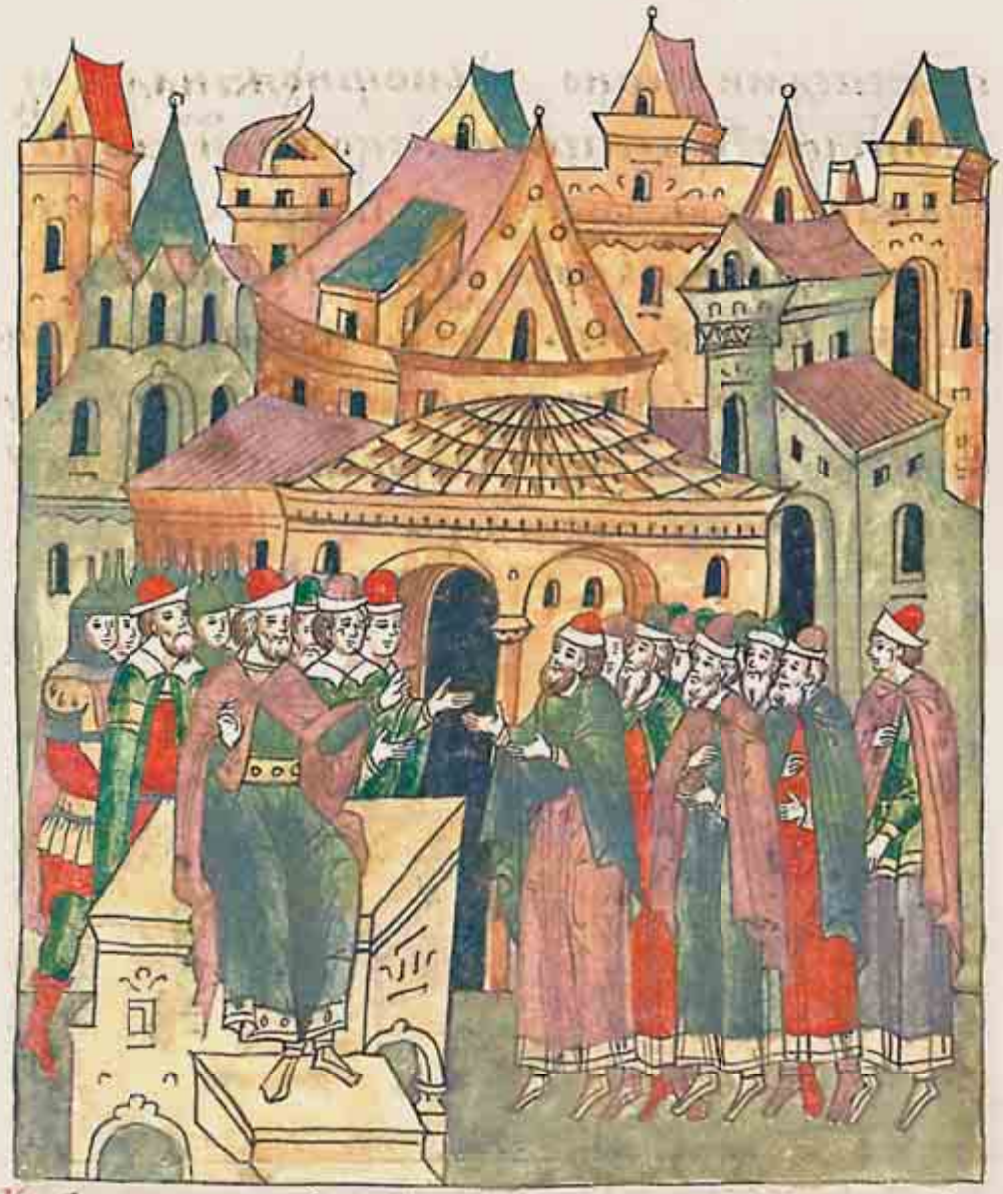


Флоръ же не посты дасм ъ тъмъ наипа чена
злаго помы ніе оустреми сл . и поимъ ико н
ники и пѣшьцы въ оружники сѧ и де ш ые
рлимѣ . дарими ски мъ оружіемъ , и стра
хомъ грозою и сполни ть сво ю похоть . на
рѡ же с похвалою и честью оустрѣтоша
и съ всѣмъ
оугоді
емѣ

Флор не был этим пристыжен, но к еще большему грабежу обратился. С конниками и пешими воинами он пошел в Иерусалим, чтобы силой римского оружия, и устрашением, и угрозами получить то, что он хочет. Народ же с похвалой и почетом встретил его и всячески старался ему угодить.

Нсьпослаисапитонасотнниласъ . й . юко
нниисы йпосел҃вшеймъшестоупити
анепороугатисяляжеючестью емоуже
лаѣніебезстоудноеда҃ша ипоношеніе .
подоблетъжепамъ . ащеестехрабри
идръзи . тѣмихоуламноуісорити
маніѧ . анеслоломъсшокодоулюбити .
ашоружіемънедоплъти . ипакмъоу
жасенъбыстынародъ . йразбѣгошася
прецелоплаіафлороупа . ипребышатоу
ноцьсътрепетіо . исъкроушеніемъ .

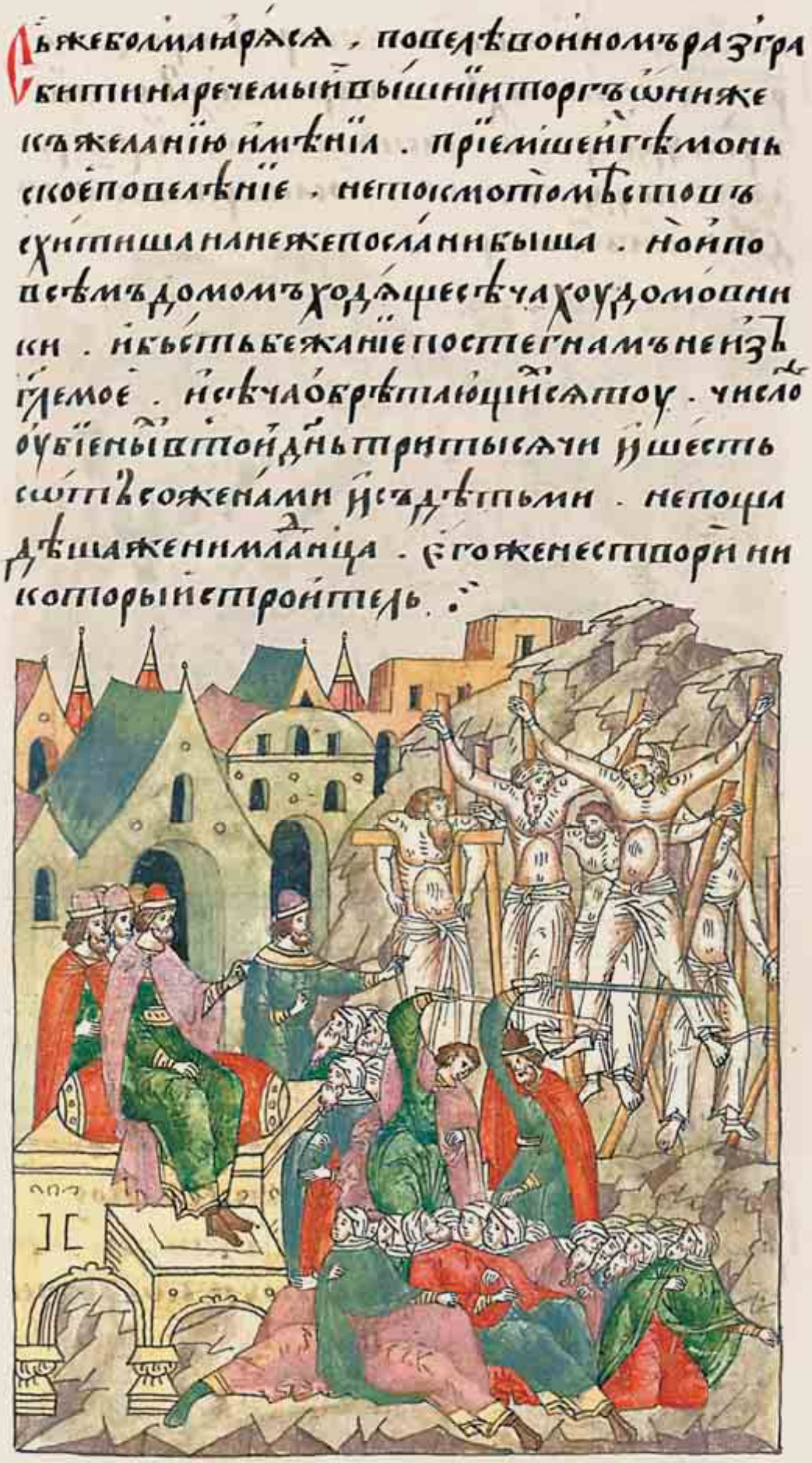
Флор же послал Капитона сотника и 50 всадников с такими словами: «Идите обратно и не насмехайтесь надо мной, и лживый почет не оказывайте после того, как вы так постыдно ругали меня и поносили. Если вы такие храбрые и дерзкие, то хулите меня сейчас, покажите, что не только на словах, но и с оружием в руках свободу любите». Люди в ужасе разбежались, не успев поприветствовать Флора, и провели ту ночь в страхе и унынии.



Наутрѣ бывшю флоръ позва на сонмище. и пришедшѣ архиереи и властиележидостїи. сташа съ смиреніемъ предъ нимъ. и повелѣ дати имъ яже хѣ моу. аще же не приведоуть виновныхъ тѣхъ. мира имоуть имѣть. они же шоумѣвше. и конъ рострѣ моу имѣть умѣю. и не поустимъ нашимъ вѣсть оудное слово про ще нїе подъ. аще ковъ толи цѣ люди имало. обращается безоумны. и шатающїяся шоуничи. несъпрѣшены шъ зрасто.

Утром Флор вызвал иудеев на суд, и пришли первосвященники и вельможи еврейские, и встали со смирением перед ним. Флор повелел им, чтобы они выдали оскорблявших его, и угрожал, что, если они не приведут к нему виновных, то он накажет самих вельмож. Иудеи же сказали: «Народ всячески мира хочет. Тех, кто тебя позорил словом, прости. Среди такого множества народа всегда найдутся безумцы и мятежники из молодежи,

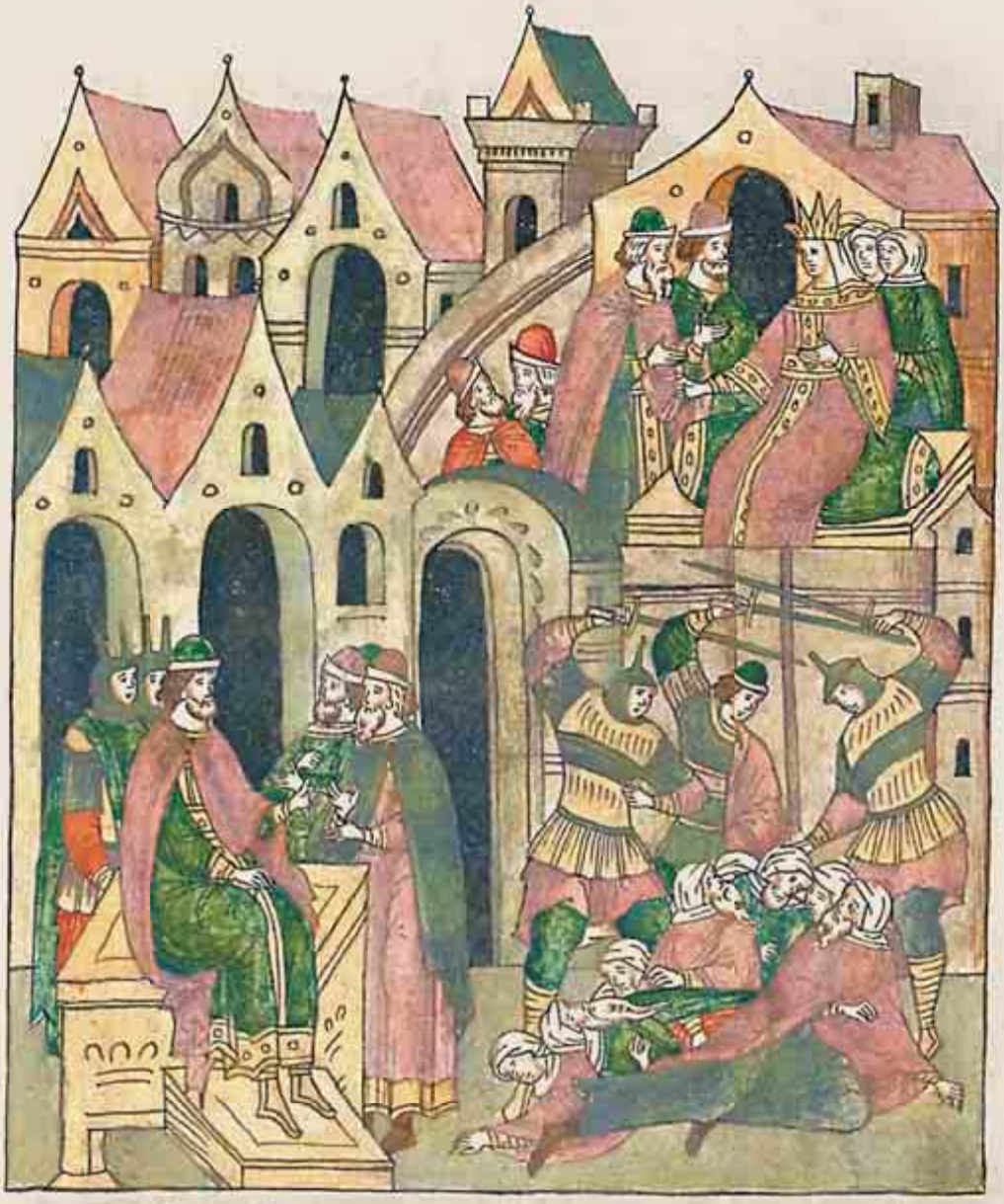
и это неудивительно. Невозможно теперь узнать, кто это были, ибо все они раскаиваются и из-за страха отпираются. Тебе же лучше позаботиться о поддержании мира в народе, и сохранить город для римлян. Ради множества невиновных прости несколько согрешивших. Это лучше, чем из-за немногих порочных погубить столько послушных тебе».



Флор же еще больше разъярился и повелел воинам разграбить так называемый верхний рынок. Воины были жадные до имущества и, получив повеление от своего военачальника, они не только опустошили место, куда их послали, но и во все дома подряд стали заходить и рубить жильцов. Иудеи бросились бежать по улицам, и было несказанное смятение, а воины рубили всех, кто им попадался. Число убитых в тот день — три тысячи и шестьсот с женщинами и детьми. Не щадили они даже младенцев. Делалось тогда то, чего не было ни при одном управителе.

Жестоко, немилосердно действовал Флор. Взял 100 людей, имевших высокие звания, и позорно бил их на судилище, и распял. Эти люди, хоть и иудеи были родом, но звания имели римские, полученные от императора.

Тогда же царя Агриппы не было там, уехал он в Александрию, чтобы участвовать в торжествах Александра, которому поручил Нерон Египет.



Сестра же Агриппы, Береника, в Иерусалиме была и видела беззакония Флора, и жалела очень иудеев, и послала к Флору вельмож своих и телохранителей и просила его, чтобы он перестал убивать. Флор же не смотрел ни на множество убитых, ни на благородство просителей. На глазах у Береники он убил много знатных иудеев.

Наконец, воины Флора бросились и на царицу и убили бы ее, если бы она поспешно не убежала в царский дворец. Там Береника провела всю ночь, боясь нападения воинов. Пришла же она в Иерусалим, поскольку хотела помолиться и принести жертву Богу. Есть же обычай у иудеев: люди, стремясь к благочестию, или в благодарность за избавление от беды, дают обет 30 дней молиться перед принесением жертвы, и к вину не прикасаться, и волосы остричь. Эту подготовку к принесению жертвы тогда и совершала Береника.

Босой перед судилищем стояла Береника и умоляла Флора о пощаде, и приняла от Флора бесчестье и опасность смерти. Происходило это в 16-й день месяца артемисия, то есть мая.

Потом народ иерусалимский собрался, и кричали люди, и бежали к верхнему торгу на площадь, и вопли истошные раздавались, и рыдания о погибших людях, и обращенные к Флору проклятия.

Этого крика боялись вельможи иудейские, и первосвященники одежды свои разрывали, и бросались они в ноги к людям, умоляя их, чтобы перестали кричать. Боялись они, что эти крики приведут Флора в еще большую ярость. И люди, из уважения к вельможам и первосвященникам, послушались их, и надеялись, что Флор не будет бесчинствовать против них.

Нжйонъоуслышамятежюпечáленъбысть.
ипáсиисоушáшетсяпъжещïи. ипри
зваархиерéъмнарóчитыхъирече. сé
боудезнáменïекезлобïáлюдскаго áщепы
дешеоуерáщïиспохвáлю
съдóмжмаспира
майдоуця
йзъеда
рïл.

Флор же, когда утих мятеж, огорчился и снова пытался его разжечь, и призвал к себе первосвященников и лучших людей иудейских, и сказал: «В знак того, что люди отложили свою злобу, пусть выйдут и встретят с похвалой два отряда воинов, идущих из Цезареи».

Ѝ ѡтаи́ посла́ вскѣ сѡтни́комъ сп҃и́рнымъ
и повелѣ́ имъ нецѣлова́ти ю҃де́йскѣмъ ѡ҃р҃ѫ
жіе҆ѕа́ тѝ и҃на́ не гли́чтѡ и҃зрекѹ́ нань.

Тайно Флор послал к сотникам этих отрядов повеление не отвечать на приветствие иудеев, но оружие направить на них, если они что-нибудь скажут против Флора.

Первосвященники же, собравшись с людьми в храме, умоляли их, чтобы они с почетом встретили римлян и приветствовали их, пока не попали в беду непоправимую. Мятежно настроенные иудеи не слушались первосвященников и, помня о погибших людях, склонялись к восстанию.

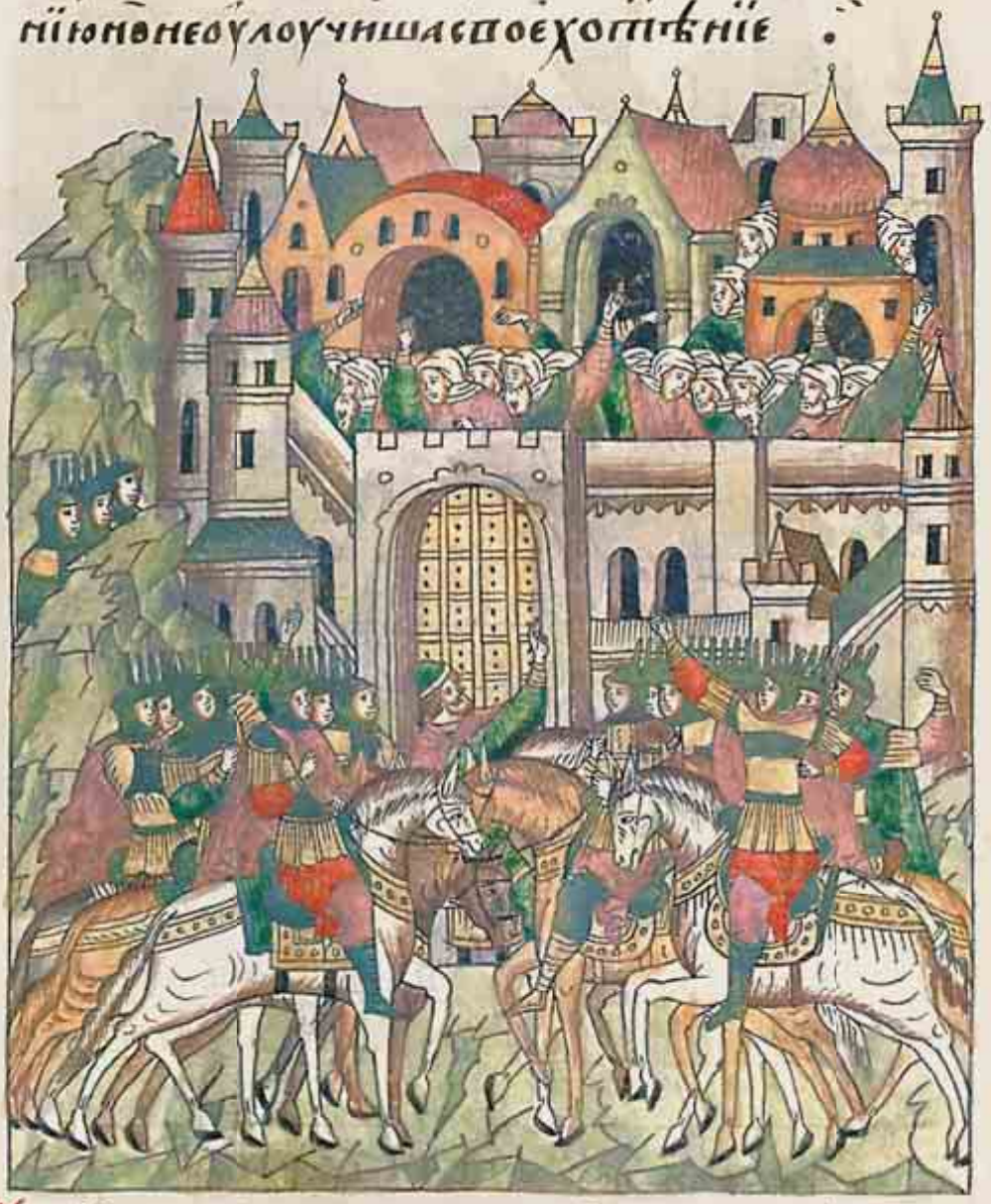
Тогда все священники, служители Господа, вынесли священную утварь и оделись в красивые одежды, в которых обычай им был служить, и музыканты с инструментами и певцы храмовые вышли, и пали

перед людьми, умоляя их, чтобы сохранили они священное великолепие и не дали повод римлянам к разграблению богослужебной утвари. И можно было видеть первосвященников, которые сыпали песок себе на голову и на грудь, и обнажали грудь, и одежду на себе рвали, и поименно всех лучших людей призывали и кланялись им, и умоляли, и говорили: «Не отдайте, из-за столь незначительной причины, отечество тем, кто жаждут разграбить его. Если же поприветствуете воинов, по обычаю, то у Флора не будет повода воевать с нами». Этими словами первосвященники усмирили народ, также и повстанцев, одним грозили, других стыдили, и так всех к покорности привели.

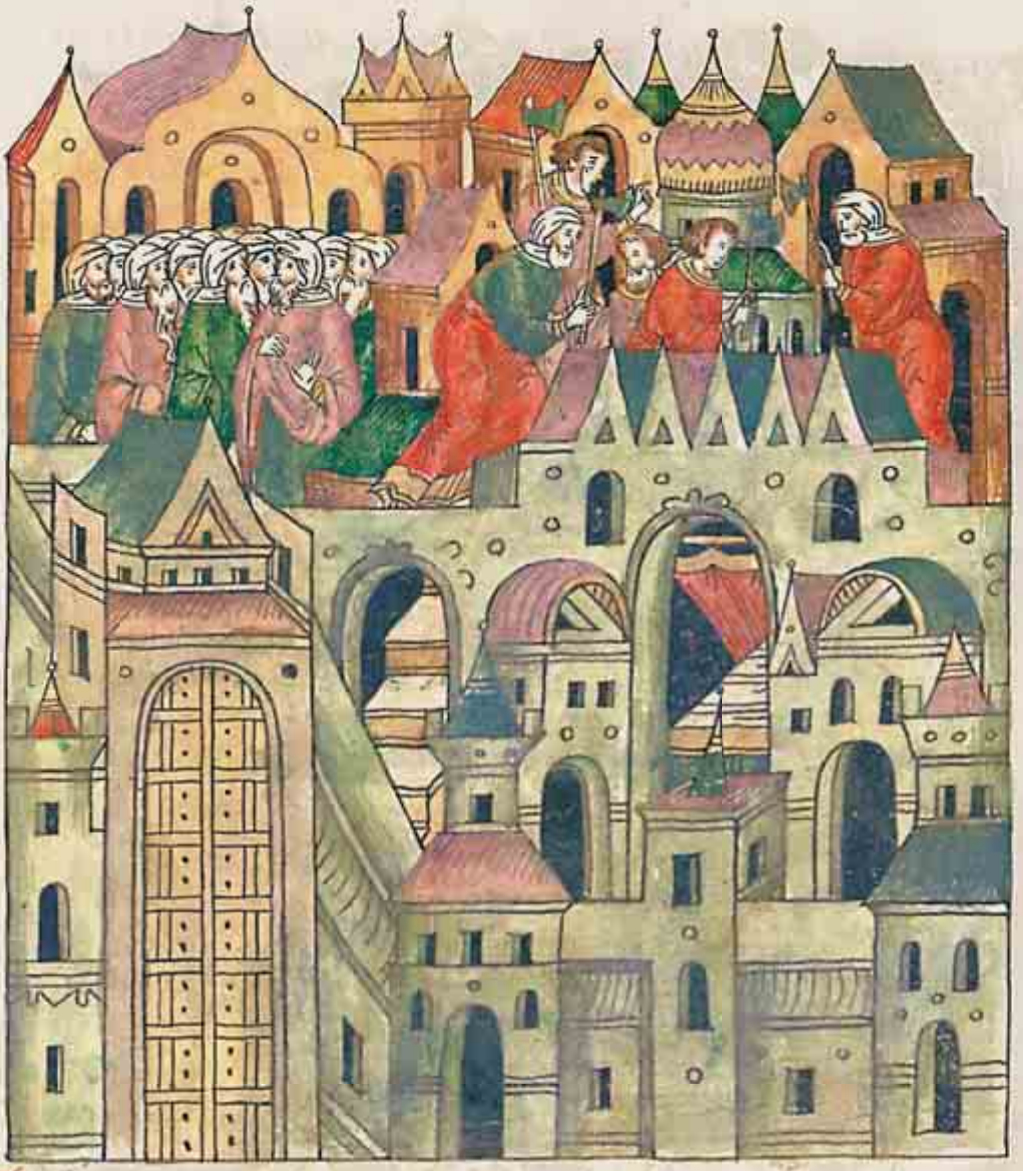
Напотом первосвященники пошли впереди в молчании и с народом встречали воинов, и приблизились к ним, и приветствовали их, воины же не отвечали, и мятежники стали громко поносить Флора, что послужило знаком для нападения на иудеев.

Тотчас воины окружили их и стали убивать, удерживая их, а тех, кто убегал, конники затаптывали. И возникла страшная давка при избиении. Каждый стремился опередить другого, а отстающим лютая была погибель. Из-за множества собравшихся люди давили друг друга, и теснили, и погибали.

Тела растоптанных даже родственники не смогли опознать для погребения. Давили же и воины, и многих убивали отстающих без разбора, и к Вифездийским воротам гнали народ, желая взять храм и Антониеву башню. Но не удалось им осуществить желаемое,



Ибо иудеи вошли в крепость и обратились против воинов, и встали крепко, и отбили наступление Флора, и забрались на крытые переходы, которые соединяли храм с Антониевой башней, и сверху поражали римлян, чем затруднили их продвижение, и римляне не смогли пробиться.



Нйдошлацарьскийдворъ . мятежни
цыжекомцесѧ . данепакипришефлоръ
пріметъцрькшь . ишьзлъзошлаянто
нюшевкошашцрькшечастыякомары .
ишкемъоугасишафлоропомнюгойма
ніе . тойбохотлашъзапистакроницы
бжтшенпаа . ижадлашвсхиплиній
ймжешствко
шласко
мары

Нотошли римляне к царскому дворцу. Мятежники же, боясь, что Флор придет снова и займет храм, забрались на Антониеву башню и разрушили крытые переходы, которые вели от нее к храму. Этим они помешали Флору с его ненасытной жадностью. Ведь он хотел взять сокровища храмовые, а для нападения на храм воспользоваться переходами. Теперь же переходы были разрушены.

Не имея возможности осуществить намерения своего, Флор призвал первосвященников и совет городской, и сказал: «Я ухожу из города, стражников же оставлю, сколько хотите». Они же отвечали: «Оставь нам один отряд, тот, который не участвовал в избиении, ибо на остальные отряды люди злы, поскольку пострадали от них». И Флор оставил тот отряд, о котором просили иудеи.

Нйдекъкесарїисъпрочеюсилою . ипосла́сь
кесті́ю . тіоранаго́удеа́дражестіцо .
йпъзложинанихъля́жеюначинна́їерати
илюпоупещь ю́жесл́
мипри́а
ша
;

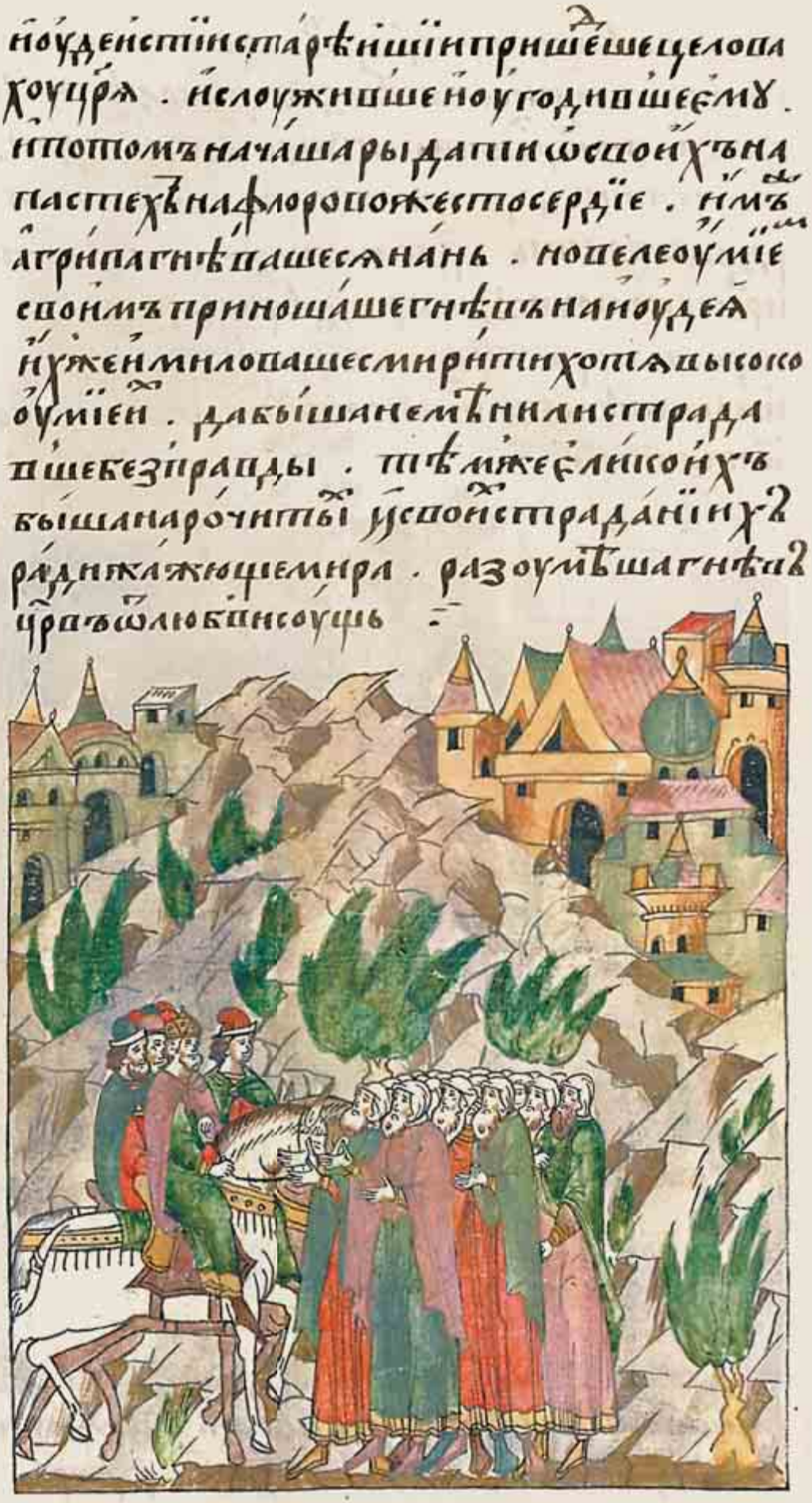
Ушел Флор к Цезарее с остальным войском, и послал к правителю Сирии Цестию письмо, в котором сообщал о неповиновении иудеев и ложно обвинял их в том, что они якобы и затеяли всю ту ужасную бойню, от которой сами же пострадали.

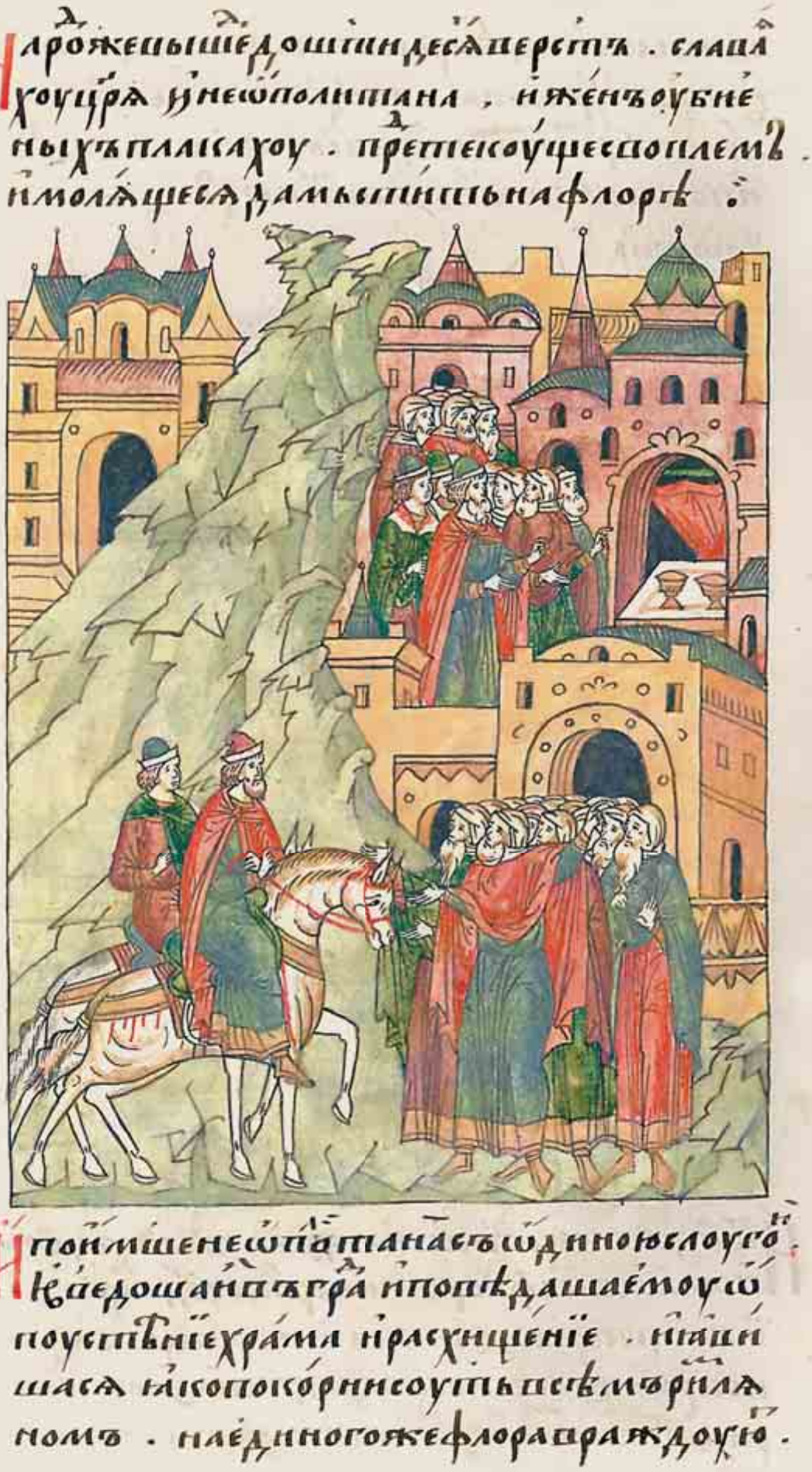
Иерусалимские же старейшины и первосвященники также не молчали, но, объединившись с сестрой царя Агриппы Береникой, написали они письмо к Цестию о беззаконии Флора.

Цестий, правитель Сирии, оба письма — от Флора и от первосвященников — получил и обдумывал их с военачальниками своими. Одни из них говорили, что надо самому Цестию идти в Иерусалим с воинами, чтобы или казнить восставших иудеев, или разобраться с властью Флора, а перед собой надо послать человека разумного и верного, чтобы он рассмотрел предмет спора, и смысл его, и проверил то, что говорили иудеи. И послал Цестий одного из тысяцких своих, звали его Недополитан.

В Иамнии Недополитан встретил возвращавшегося из Александрии царя Агриппу. Туда же и первосвященники

иудейские и старейшины пришли поприветствовать царя, и послужили ему, и выказали ему почтение. Потом же стали рассказывать со слезами о своем несчастье и о жестокости Флора. Агриппа гневался на Флора, но благоразумно перевел свой гнев на иудеев, любя которых, хотел смирить заносчивость их, чтобы они не возгордились, пострадав несправедливо. И знатные иудеи, которые пострадали, стали тогда хотеть мира, поняв, что царь гневается на них из-за любви к ним.

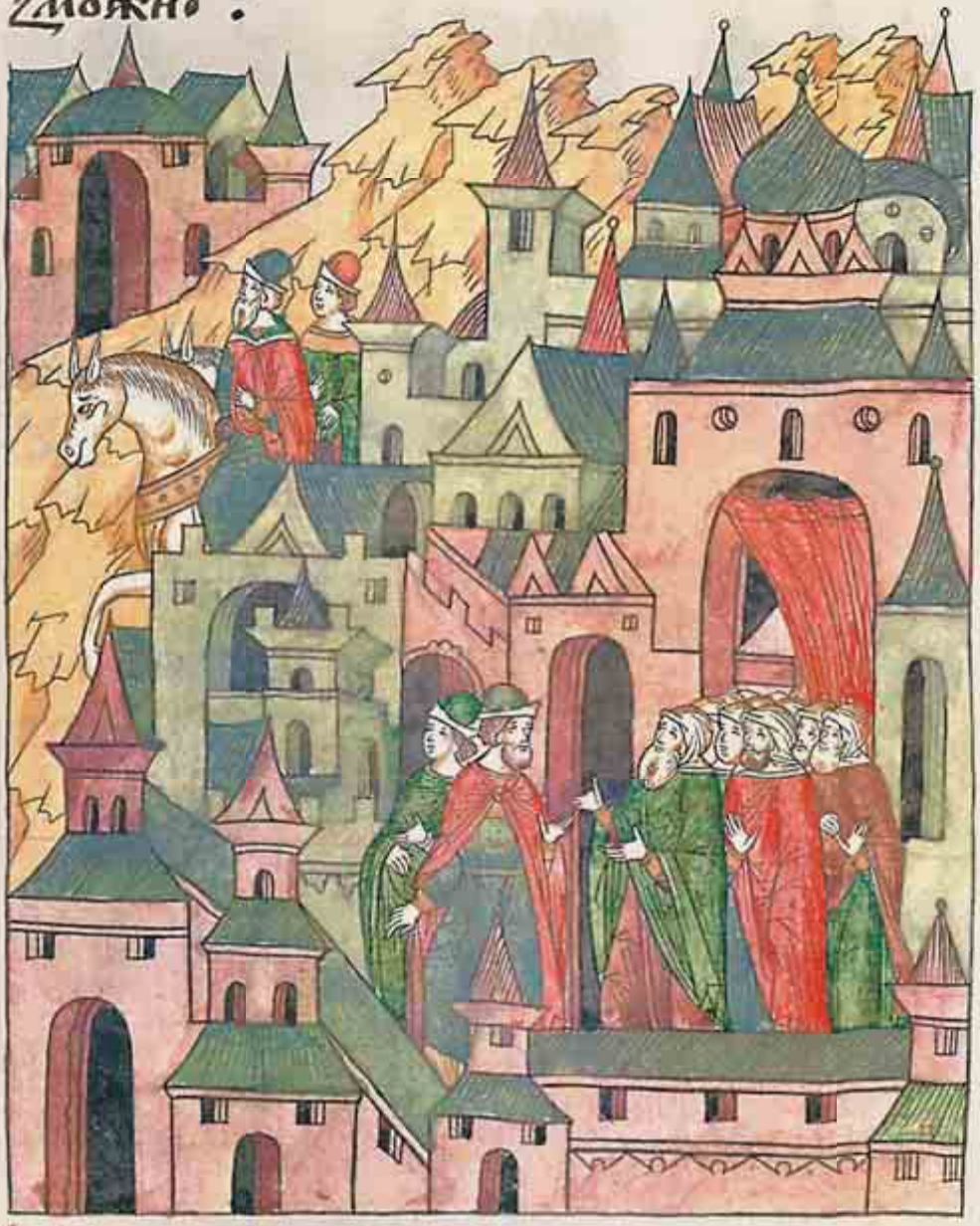




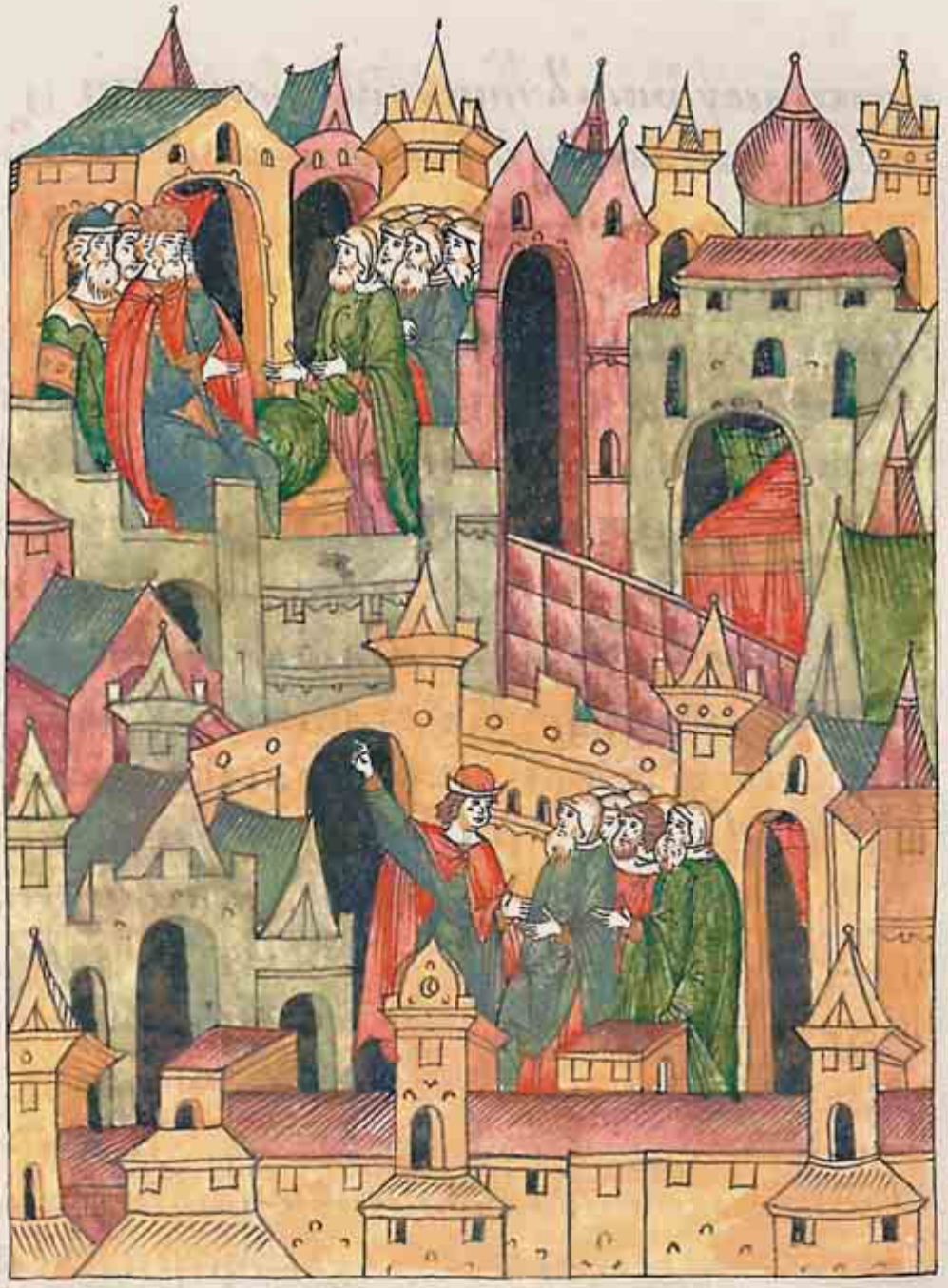
Народ же вышел из Иерусалима за шестьдесят верст, чтобы приветствовать царя и вельможу Неаполитана, посланного Цестием, правителем Сирии. И жены убитых рыдали, идя впереди, и кричали, и просили, чтобы Флор был наказан.

И взяли иудеи Неаполитана с одним служителем и повели его в город, и рассказали ему об опустошении храма и о разграблении, и сказали, что они покорны всем римлянам и враждуют с одним Флором.

Неаполитан, видя кротость иудеев и смирение, вошел в церковь и похвалил их весьма, поскольку верны и покорны были римлянам, и воздал почтение храму, насколько это было возможно язычнику.

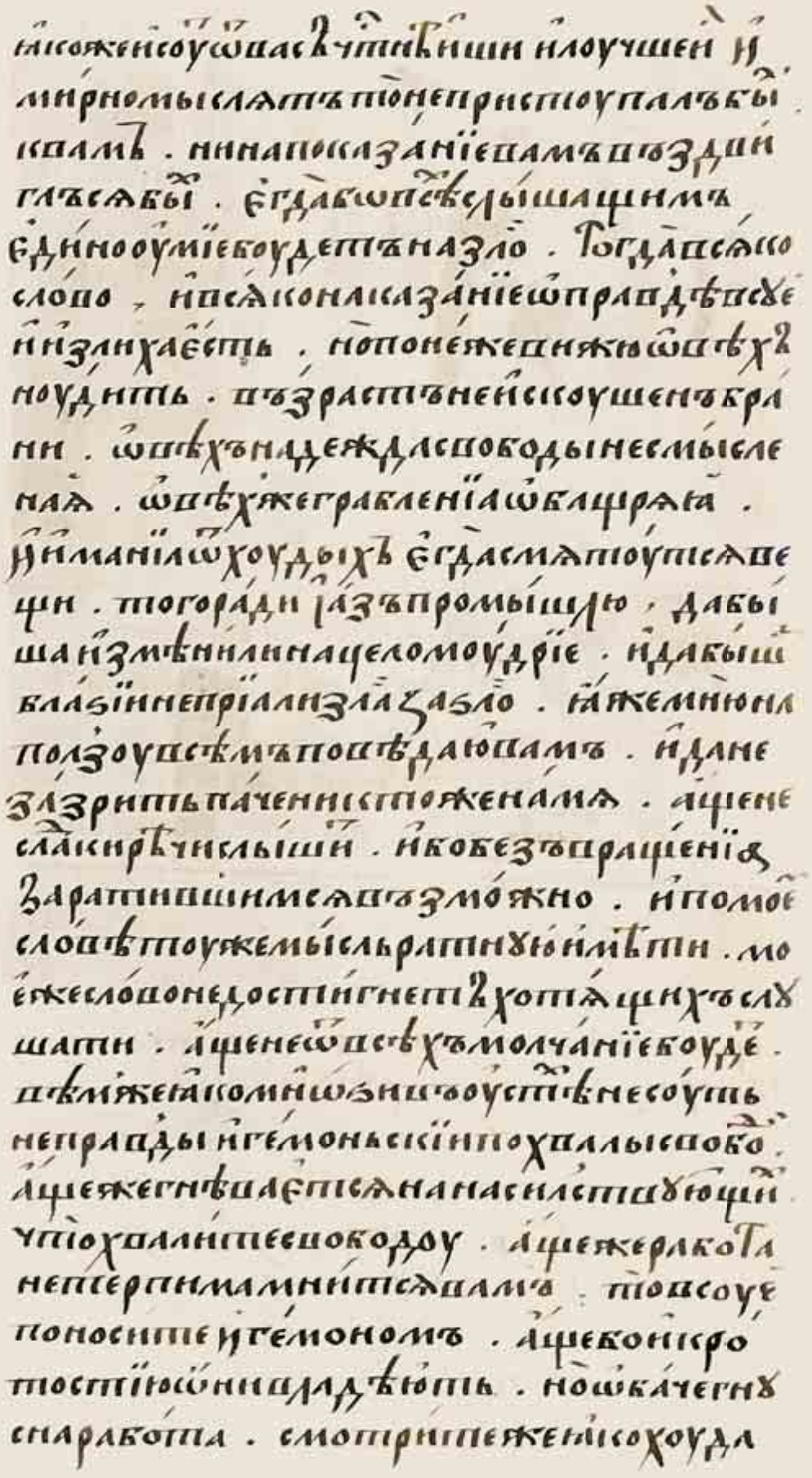


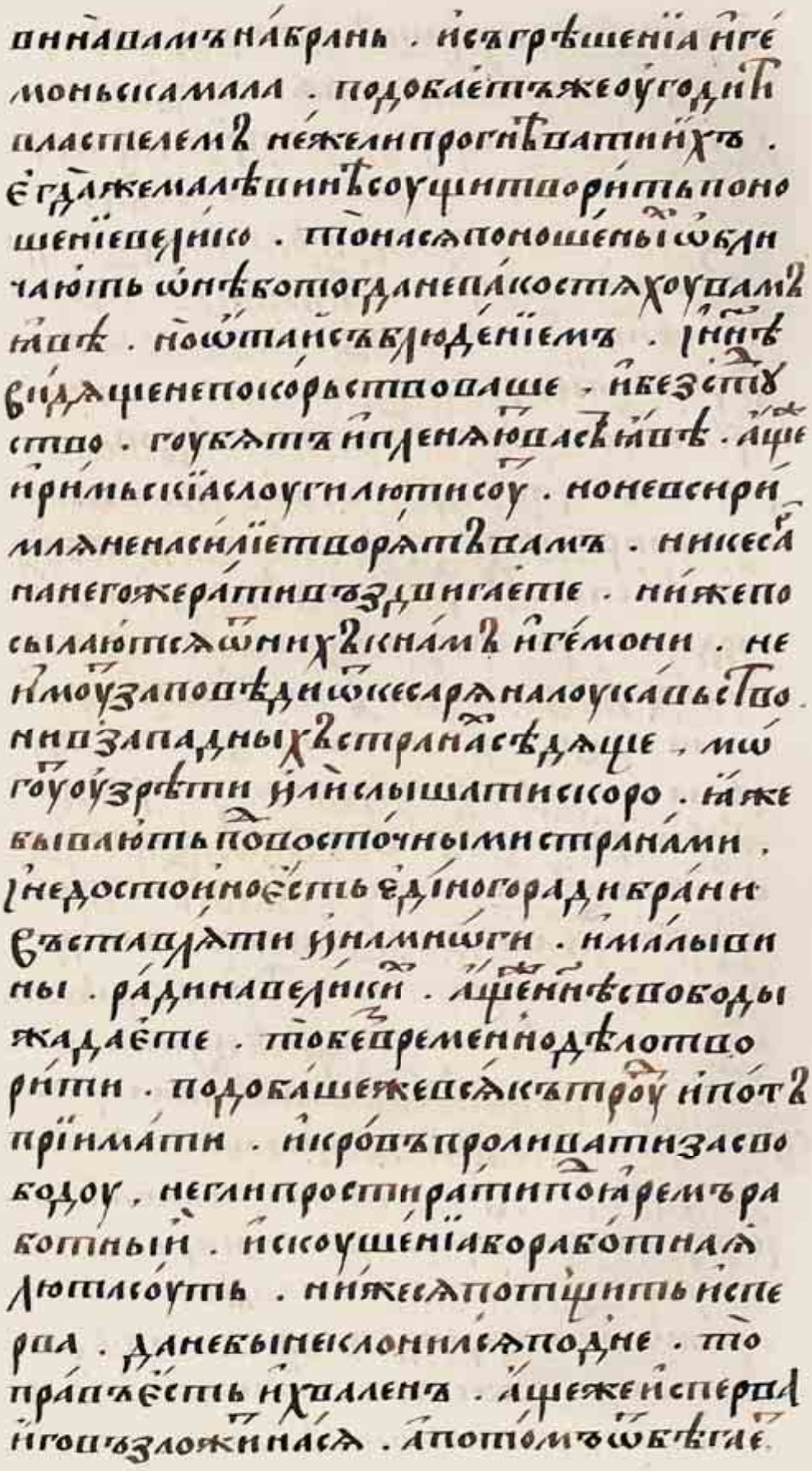
Ушел Неаполитан к Цестию. А иудеи хотели послать сообщение о Флоре к Нерону и рассказать ему обо всем. И говорили: «Если умолчим о таком разбое и не расскажем раньше Флора, этого начальника зла, то он нас обвинит в беспорядках».



Агриппа же считал, что нехорошо писать императору против Флора, однако и презреть иудеев он считал неполезным для себя. И созвал Агриппа народ во дворец Асмонеев, который был с другой стороны от верхнего города, и мост мраморный от дворца до храма сделан был. И произнес перед народом Агриппа такую речь: «Если бы я видел, что вы все стремитесь воевать с римлянами, и если бы я не понимал,

что есть среди вас почтеннейшие и лучшие, и они о мире помышляют, то не обращался бы к вам и вразумить вас не пытался бы. Ибо, когда все слушающие единодушно решились на зло, тогда всякое слово и всякое наставление о правде будет напрасным и излишним. Но вижу я, что одни из вас стремятся к войне в силу возраста своего, ибо не испытали еще на себе, что такое война, другие необоснованно надеются войной добиться свободы, третьи горят желанием грабить и притеснять слабых, когда все придет в смятение. Видя все это, я и надумал склонить вас к благоразумию, чтобы те, кто желают добра, не пострадали, и надеюсь, что моя речь будет всем вам полезна. Не перебивайте же меня, даже если несладкие речи услышите. Ибо те, кто бесповоротно решились воевать, смогут и после моих слов той же мысли о войне придерживаться. Если же все не утихнут, то мои слова не достигнут тех, кто хочет слушать. Известно же мне, что многие говорят о несправедливостях, которые они терпят от римских управителей, и при этом хвалят свободу. Однако если вы гневаетесь только на притесняющих вас управителей, то зачем хвалите свободу? Если же рабство неприемлемым кажется вам, то нет смысла ругать управителей, поскольку даже если бы они и кротко правили, все равно позорно само рабство. Смотрите же, насколько мал

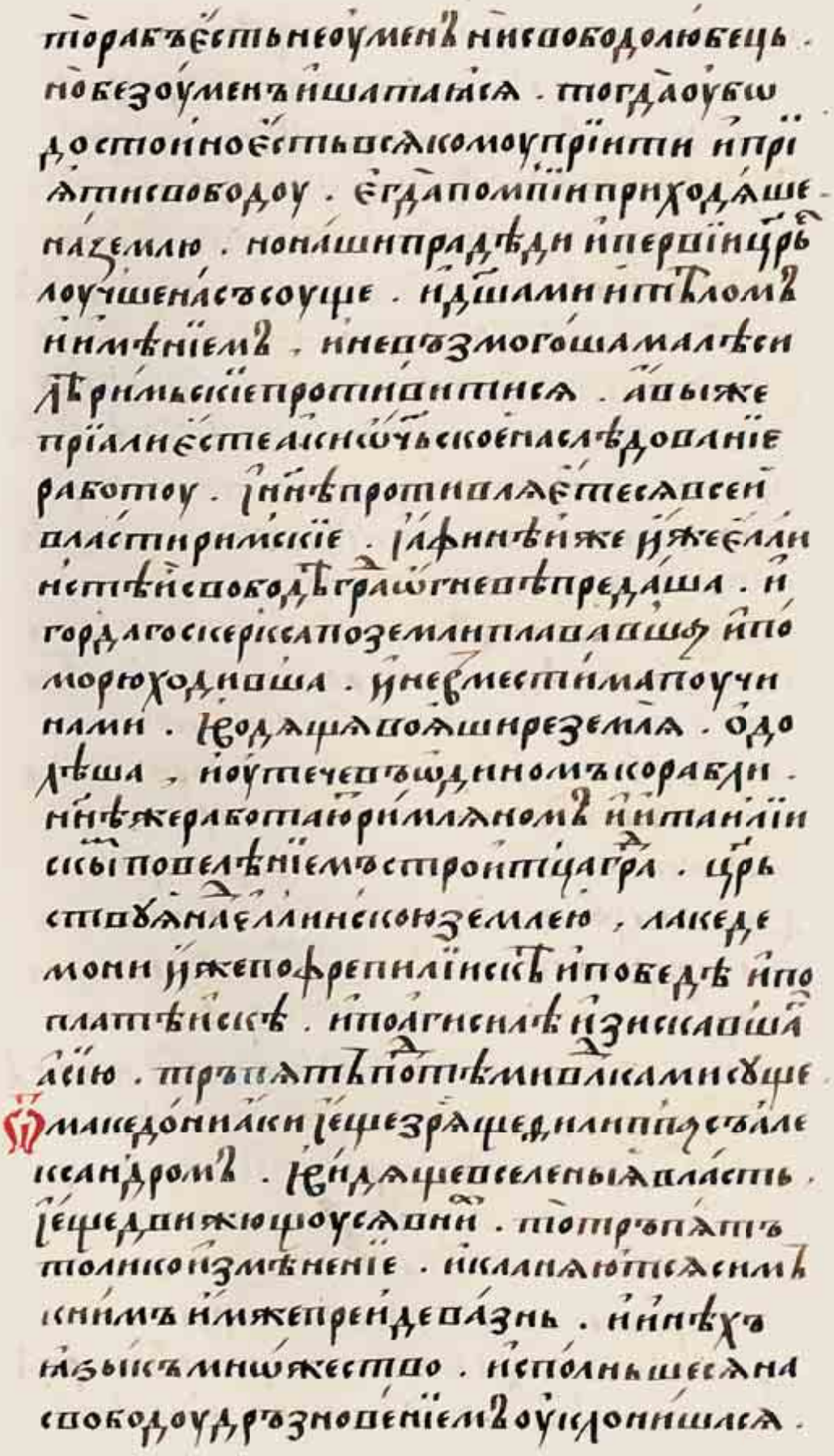


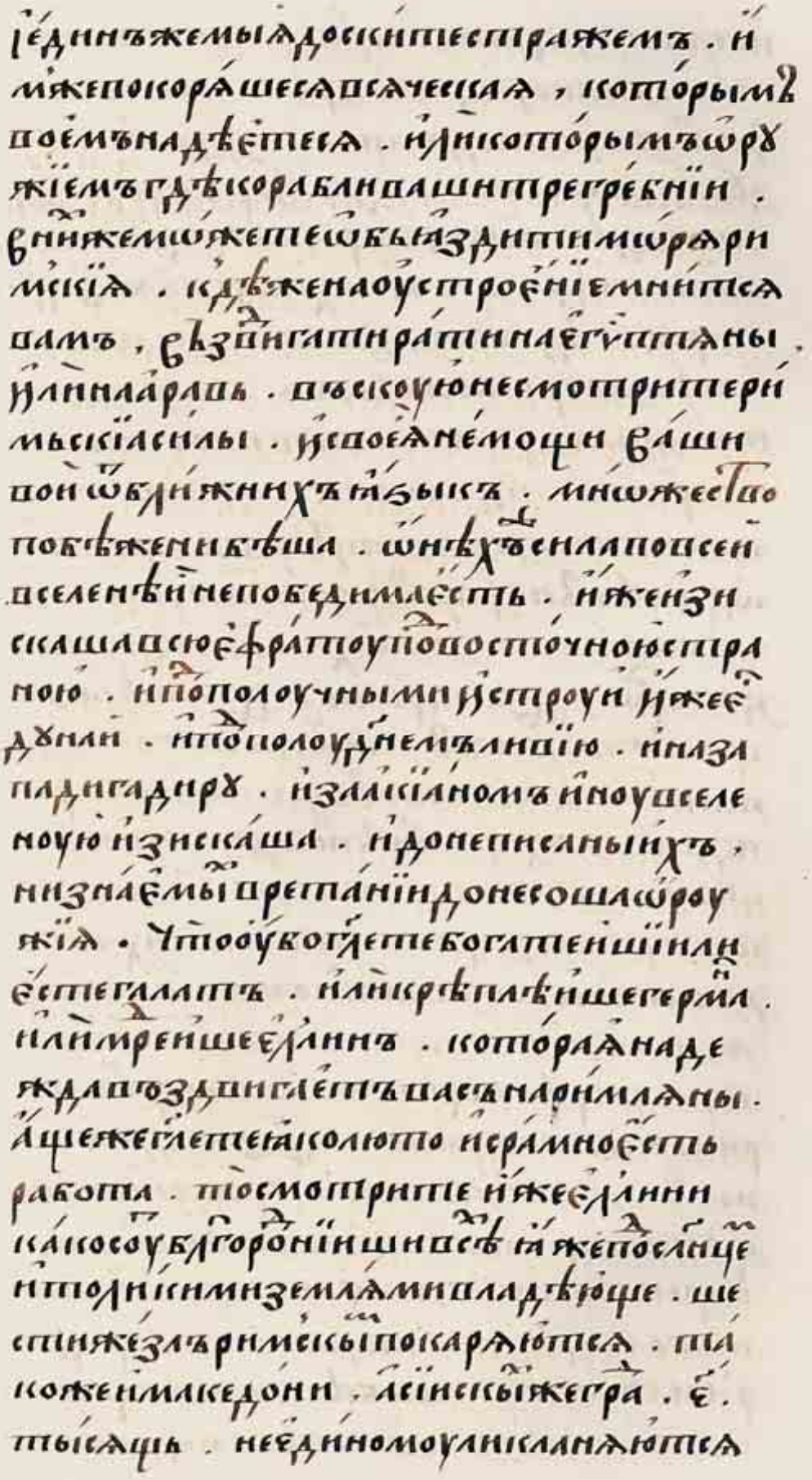


повод для войны, ибо согрешения управителей не так уж велики. Да и следует угождать властителям, а не гневить их. Если же повод малый вызывает у вас поношение большое, то этим вы еще больше обратите против себя тех, кого поносите. Раньше они вредили вам не открыто, но тайно, с опасением, а теперь, видя непокорность вашу и неуважение, будут губить вас и грабить неприкрыто. Если даже римские чиновники жестоки, то не все римляне притесняют вас и не император, против которого вы воевать собрались. Ведь не посылают же к нам из Рима управителей, которым заповедано от императора быть несправедливыми. Те, кто в западных странах находятся, не могут видеть или узнать скоро о том, что делается в восточных странах. И не подобает из-за вражды с кем-то одним воевать со многими и из-за малого восставать на великих. Если же вы сейчас свободу хотите обрести, то не вовремя это дело затеяли. Сразу надо было всякое усилие предпринимать и пот и кровь проливать, чтобы отстоять свободу и не попасть под гнет рабства. Ибо стать рабом очень горько, и тот, кто изначально стремится избежать этого, прав и достоин похвалы. Тот же, кто сначала склонился под иго, а потом сбрасывает его,

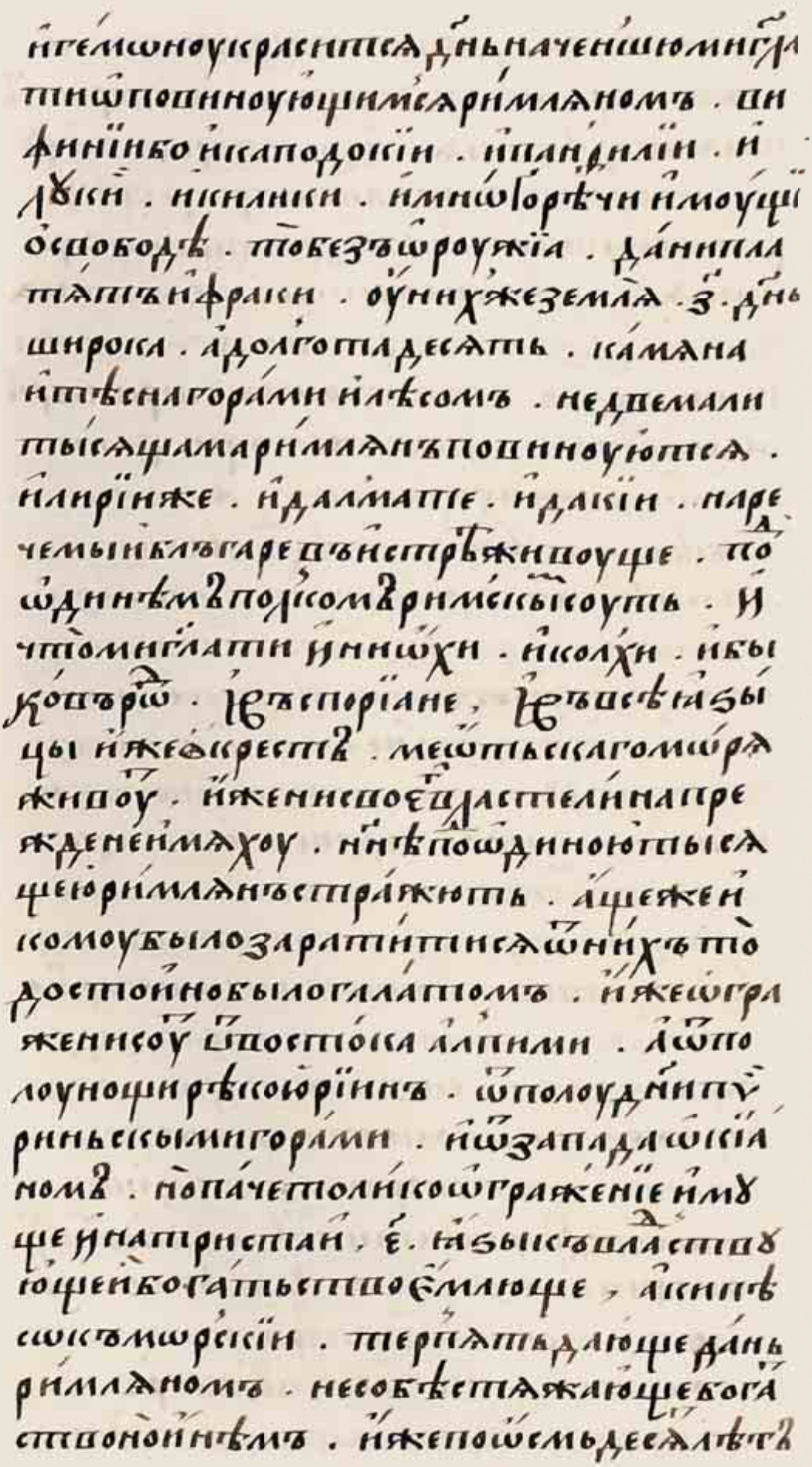
тот — раб нерадивый,
и не свободолюбец он,
а смутьян и разбойник.
Тогда надо было всем под-
няться и получить свободу,
когда Помпей приходил
на нашу землю. Но наши
прадеды и первые цари,
которые сильнее нас были
и душой, и телом, и богат-
ством, не смогли сопротив-
ляться даже малой части
войска римского. Вы же
получили в наследство
от своих отцов рабство
и сейчас восстаете на всю
державу Римскую. Посмо-
трите на афинян — за сво-
боду эллинов они сами свой
город огню предали; а про-
тивник их, гордый Ксеркс,
по земле плавал и по морю
ходил, и не вмещала судов
его пучина морская,
и войско его было шире
земли; но и его одолели
афиняне, так что бежал
Ксеркс с одним кора-
блем. А теперь те славные
афиняне — рабы римлян,
и из Италии управляется
главный город, царст-
вующий над всей Эллин-
ской землей. Лакедемоняне
вышли победителями
в битвах при Фермопилах
и при Платеях, а при царе
Агесилае овладели Азией,
но и они сейчас подчини-
лись и под теми же влады-
ками находятся.

Македонцы, которые
знали Филиппа
и Александра,
и все еще помнят, как они
владели миром, подчини-
лись и теперь кланяются
тем, к кому перешла удача.
И многие другие народы,
при всем их стремлении
к свободе, смиряются.

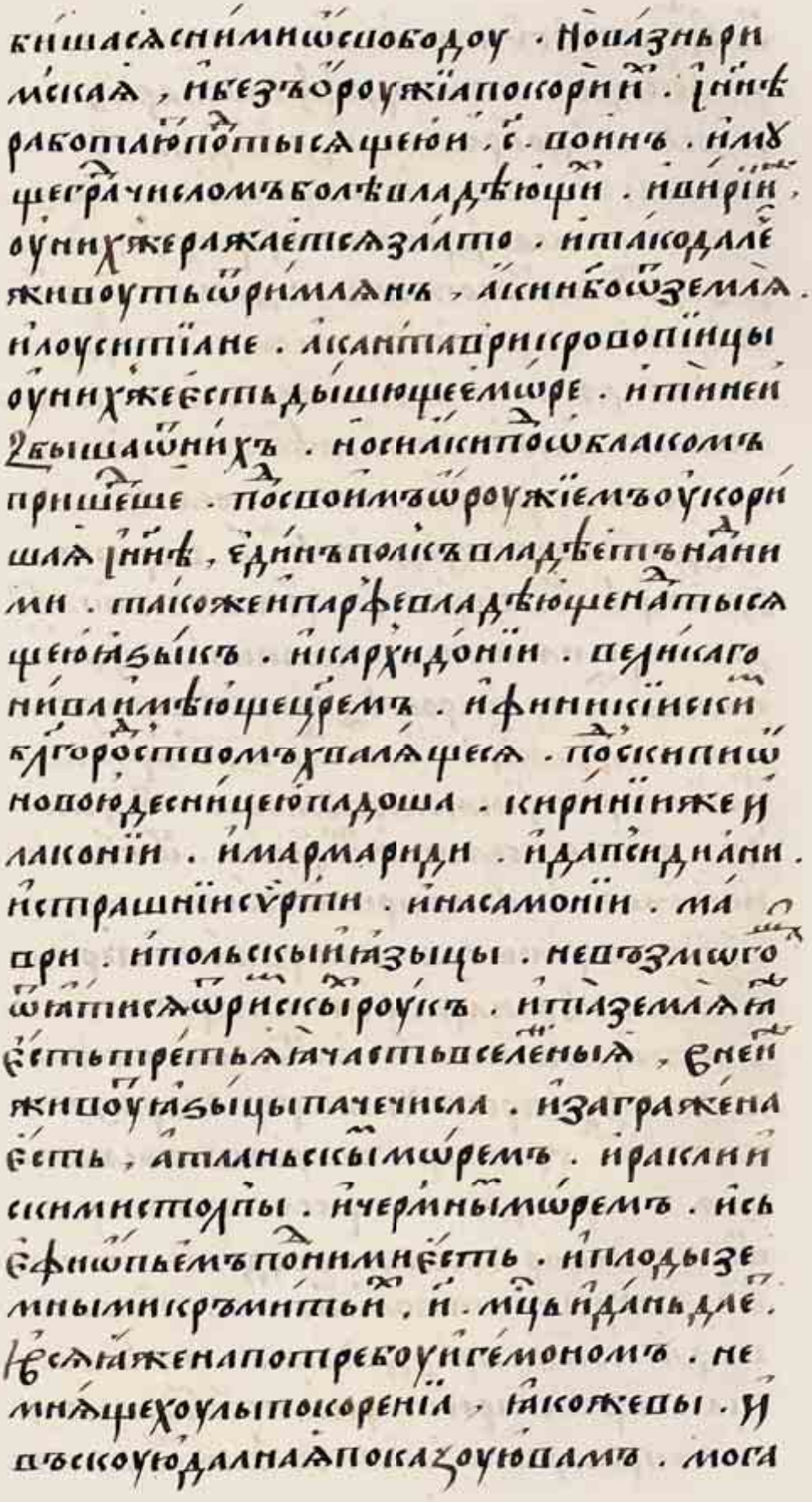




И одни вы не желаете смиряться перед теми, которым покоряются все. На каких же воинов надеетесь? Или на какое оружие? Где корабли ваши могучие, на которых можете объездить все моря римские? Где богатства ваши? Или вы думаете, что будете воевать с кем-то вроде египтян или арабов? Почему не сравните римскую силу со своей немощью? Ваши воины в столкновениях с ближними народами много раз побеждены были. А римское войско никто во всей вселенной еще не смог победить: покорился им весь Евфрат на восточной стороне, и северная река Дунай, и на юге Ливия, и на западе Гадес. И за океаном новую вселенную они покорили, Британию, никем не описанную и никому неизвестную, и туда донесли римляне свое оружие. Что вы скажете на это? Богаче ли вы галлов, крепче ли германцев, мудрее ли эллинов? На что надеетесь, восставая на римлян? Вы говорите, что горько и позорно рабство. Но посмотрите на эллинов — они самые благородные из всех, живущих под солнцем, и столькими землями владеют, но шести прутьям римским, то есть власти римской, покоряются. Также и македонцы, и азиатских городов 5 тысяч — не одному ли кланяются

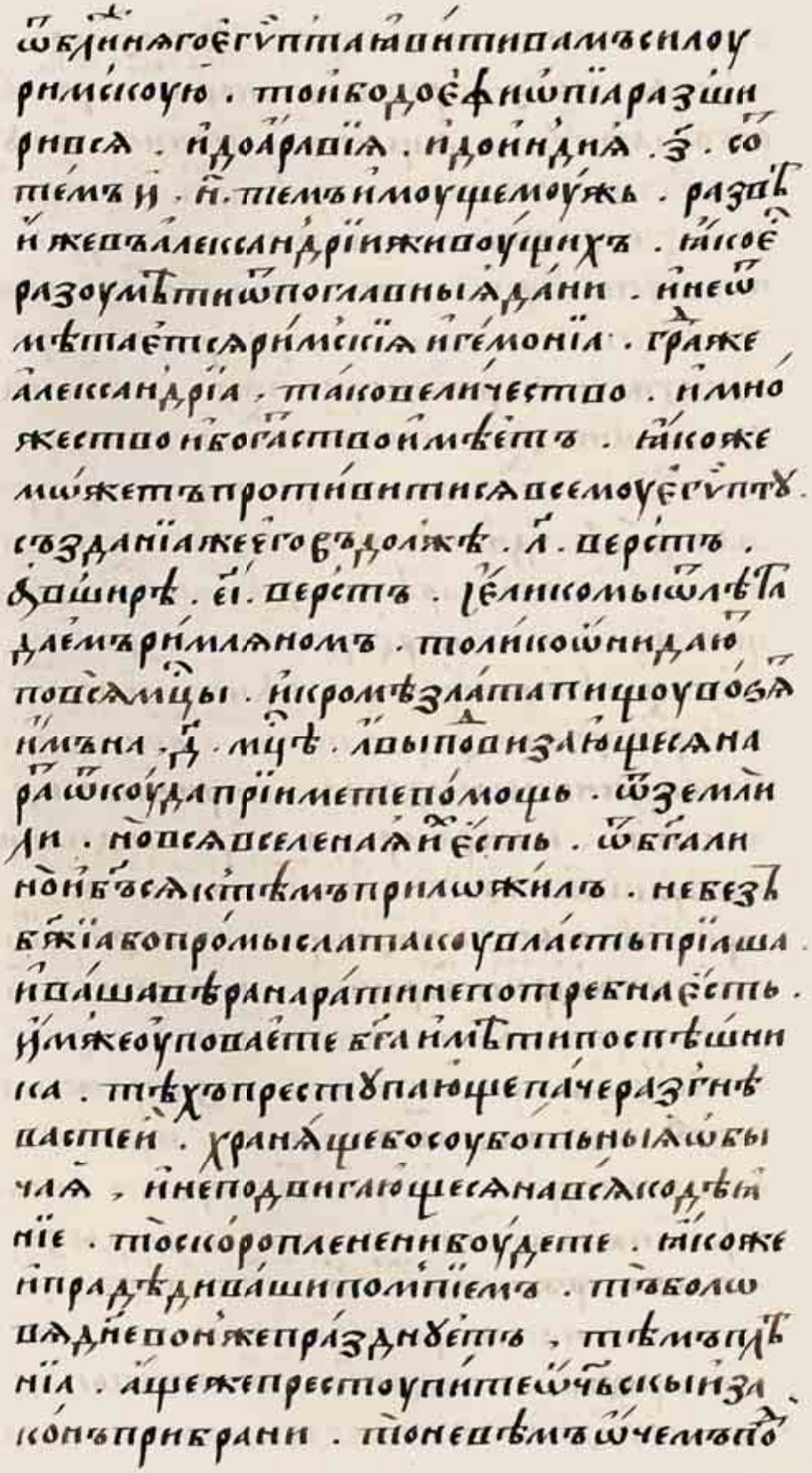


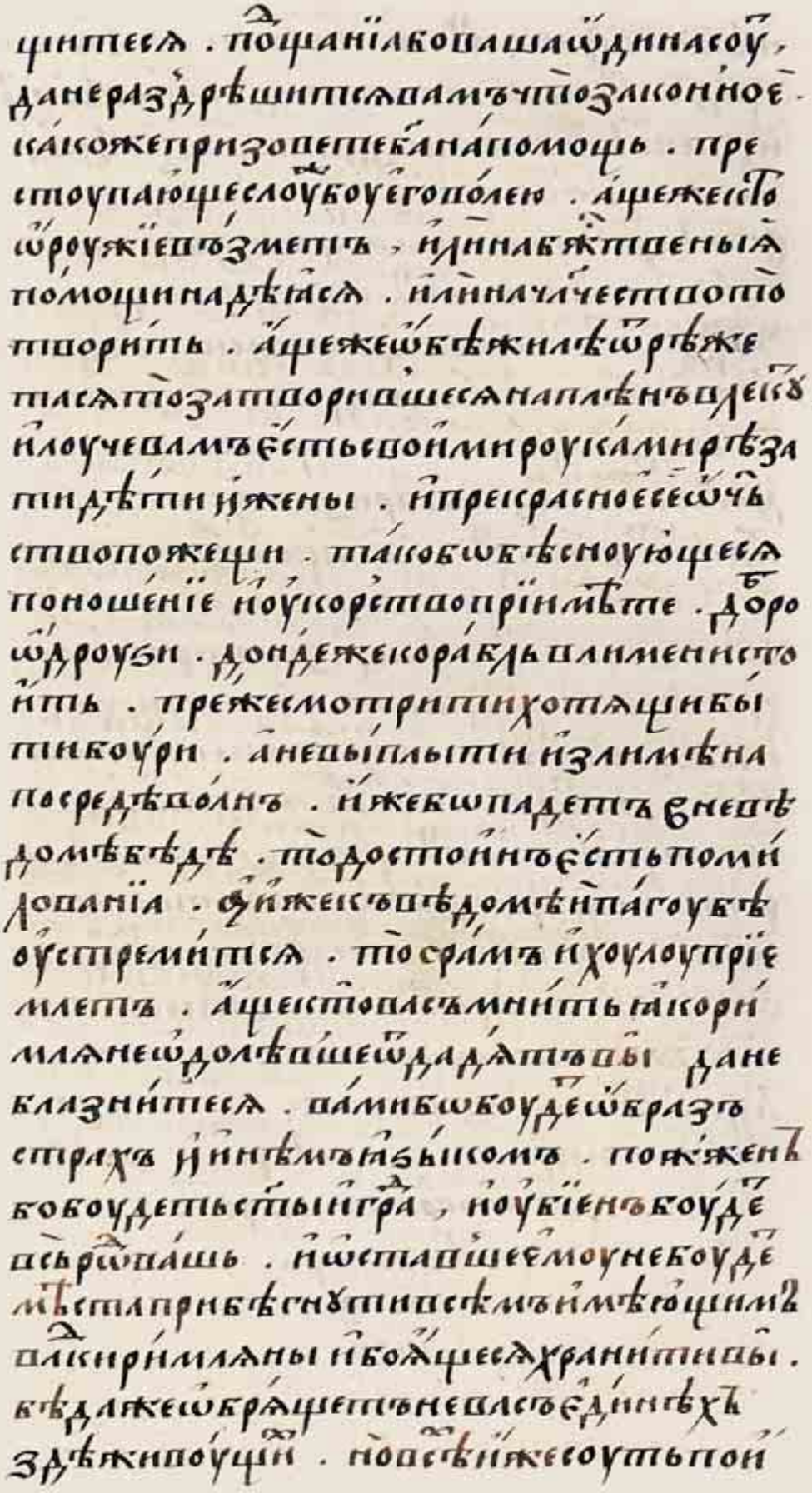
властителю? Дня не хватит мне назвать всех, повинующихся римлянам. Вифиния же, и Каппадокия, и Памфилия, и Ликия, и Киликия многое могли сделать для свободы, но и они обошлись без оружия и дань платят Риму. Земля фракийцев 7 дней в ширину, а в длину десять, каменистая, окружена горами и лесом. Но не двум ли тысячам римлян фракийцы повинуются? Иллирийцы же, и далматы, и даки, названные болгарами и в Истрии живущие, под одним полком римским находятся. Что и говорить о гениохах, и колхах, и таврах, и босфорцах, и всех народах, что вокруг Меотийского моря живут, которые и своих-то властителей прежде не имели, а теперь одной тысячей римлян смиряются. Если же кому и можно было воевать из народов с Римом, так это галлам, которые ограждены с востока Альпами, а с севера рекой Рейном, а с юга Пиренейскими горами, а с запада океаном. Но хотя и ограждены они так, и триста пять народов им покоряются, и богатства у них как песка морского, тем не менее, подчиняются они и дают дань римлянам, и не себе собирают богатства, но другим. Они восемьдесят лет



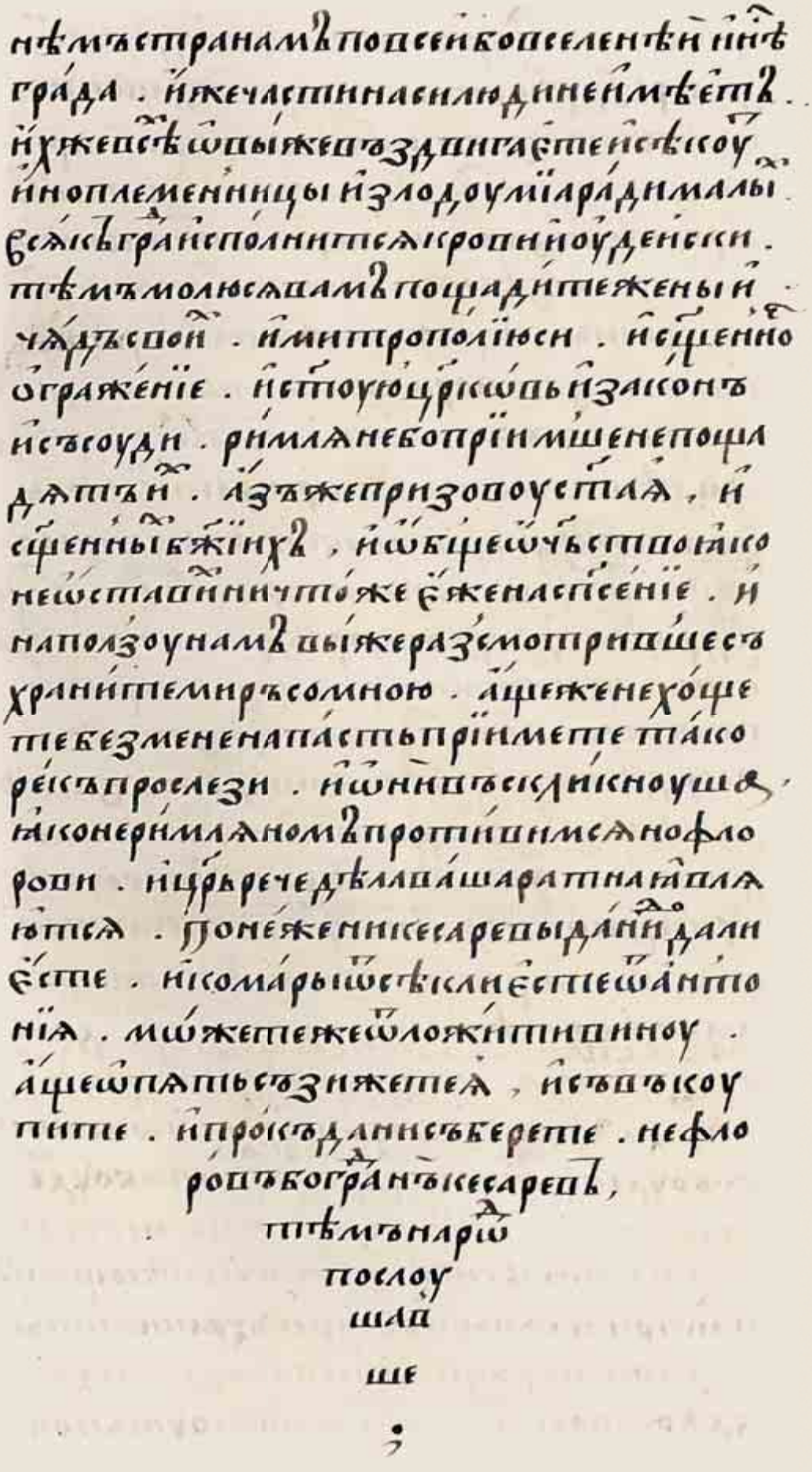
бились с римлянами за свою свободу, но везение римское и без оружия покорило им галлов, которых сейчас удерживают в рабстве 1200 римских воинов. У галлов городов больше, чем тех людей, что над ними властвуют. И иберийцы, у которых земля рождает золото, и которые живут от римлян также далеко, как небо далеко от земли, и лузитаны, и кантабры кровопийцы, у которых есть дышащее море, — и те не спаслись от римлян. Римляне же, как под облаком, пришли, и под свое оружие склонили эти народы, и теперь один полк римлян владеет ими. Покорны Риму и парфяне, властители над тысячей народов. Карфагеняне, славные своим великим царем Ганнибалом и своим благородным происхождением от финикийцев, под рукой Сципиона пали. Ни жители Киренаики, ведущие свой род из Лаконии, ни мавриды, ни дапсидиане, ни страшные сиртяне, ни насамоны, ни мавры, ни степные народы — не смогли избежать римского господства. Даже та земля, что занимает третью часть вселенной, населенная неисчислимыми народами, огражденная Атлантическим морем, и Геркулесовыми столбами, и Красным морем, включая и Эфиопию, — и эта земля под римлянами находится. И плодами земными кормит она римлян 8 месяцев в году, и дает дань и все, что нужно управителям римским, и не считает, подобно вам, что позорно покоряться Риму. Но зачем о дальних землях вам рассказываю, если могу

на примере близкого к нам Египта показать силу римскую? Тот Египет до Эфиопии расширил свои границы, и до Аравии, и до Индии. 7 миллионов и 500 тысяч человек его населяют, не считая жителей Александрии, как показывает подушная подать. Но и Египет не отказывается от римского управления. Город же Александрия настолько большой и многонаселенный, и богатый, что может противостоять всему Египту. Строения его протянулись в длину на тридцать верст, а в ширину на 15 верст. И сколько мы за год даем римлянам, столько александрийцы дают каждый месяц. А кроме золота пищу возят римлянам и кормят их четыре месяца в году. А вы, поднимаясь на войну, откуда примете помощь? Разве от земли? Но вся вселенная подчинена римлянам. Может быть, от Бога? Но и Бог на их стороне, ибо не без Божьего Промысла они такую власть получили. Ваша вера для войны не подходит. Надеяться на помощь от Бога вы можете, только соблюдая закон, но чтобы воевать, вам придется закон преступить и тем прогневать Бога. Если же вы будете соблюдать обычай субботы и не браться в этот день ни за какие дела, то скоро завоеваны будете, как прадеды ваши Помпеем. Ибо тот Помпей дожидался дня, когда все евреи празднуют, и в тот день нападал на них. Если же вы отступите от отеческого закона на время войны, тогда я не понимаю, к чему вы

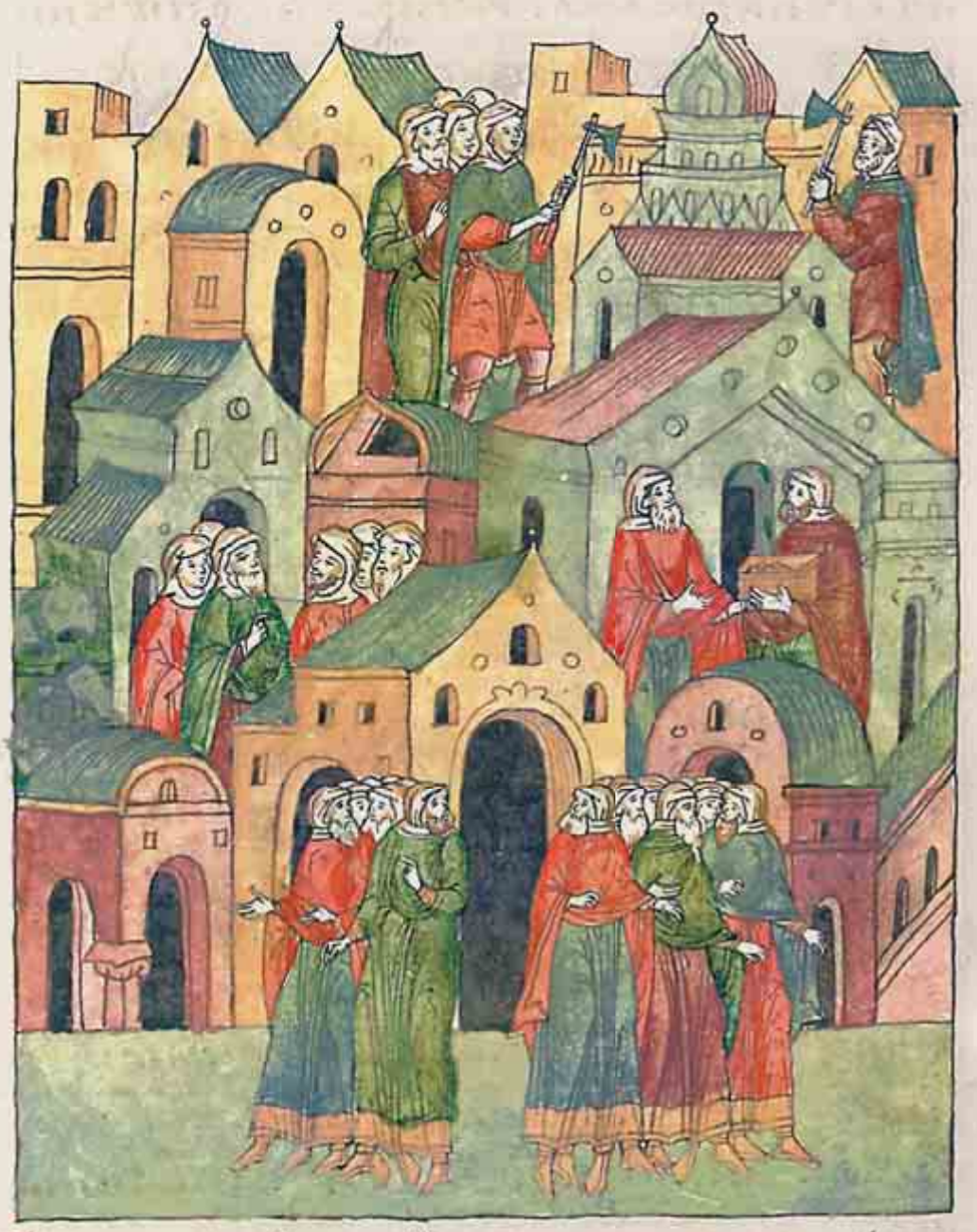




стремитесь. Ведь стремление у вас одно — не отступить ни в чем от закона. Как же вы призовете Бога на помощь, если добровольно откажетесь служить Ему? Когда кто-то берется за оружие, то делает это в надежде либо на Божественную помощь, либо на человеческую. Если же обе эти жилы будут отрезаны, то браться за оружие — неминуемая гибель; этим вы на казнь потащите сами себя, как узников, осужденных на смерть. Лучше уж вам своими руками зарезать детей и жен и сжечь прекрасное наше отечество. Это хоть и безумно, но так вы избежите позорного поражения и осуждения. Надлежит, о, друзья, кораблю в гавани оставаться, если видно, что будет буря, а не покидать гавань в непогоду. Ибо тот, кто погибнет от нежданной беды, тот достоин сожаления, а кто на явную гибель сам устремится, тот позора и осуждения заслуживает. Если же кто-то из вас думает, что римляне, победив в войне, простят вас, тот жестоко ошибается, ибо расправа над вами будет примером для поддержания страха в других народах. И сожжен будет святой город, и убит будет весь род ваш, а если кто и уцелеет, то некуда ему будет бежать, поскольку все земли подвластны римлянам, а потому будут бояться принимать вас у себя. Беда же обрушится не на вас одних, здесь живущих, но на всех иудеев, которые живут



в других странах. Во всей же вселенной нет города, в котором части наших людей не было бы. И всех их из-за вашего восстания порубят иноплеменники; из-за неблагоразумия немногих все города наполнятся кровью иудейской. Потому умоляю вас: пощадите женщин и детей своих, и столицу свою, и святые места, и святой храм, и закон, и убранство храма. Римляне после своей победы всего этого не пощадят. Я же призываю в свидетели святых, и святость Божию, и наше общее отечество, что я сделал все возможное, чтобы спасти вас и принести вам пользу. Если же вы, рассмотрев все сказанное, склонитесь к миру, то я охотно присоединюсь к вашему благоразумию, если же вы выбираете войну, то я не пойду с вами на эту верную гибель». Сказав это, царь прослезился. Люди же воскликнули: «Не римлянам противимся, но Флору». Царь же сказал: «Дела ваши говорят о том, что вы объявили войну Риму, поскольку вы не всю дань императору дали и крытые переходы разрушили от Антониевой башни. Вы можете отвести от себя обвинение, если снова построите переходы и соедините их, а также остаток дани соберете. Не Флору же принадлежит город, но императору». Люди послушались царя

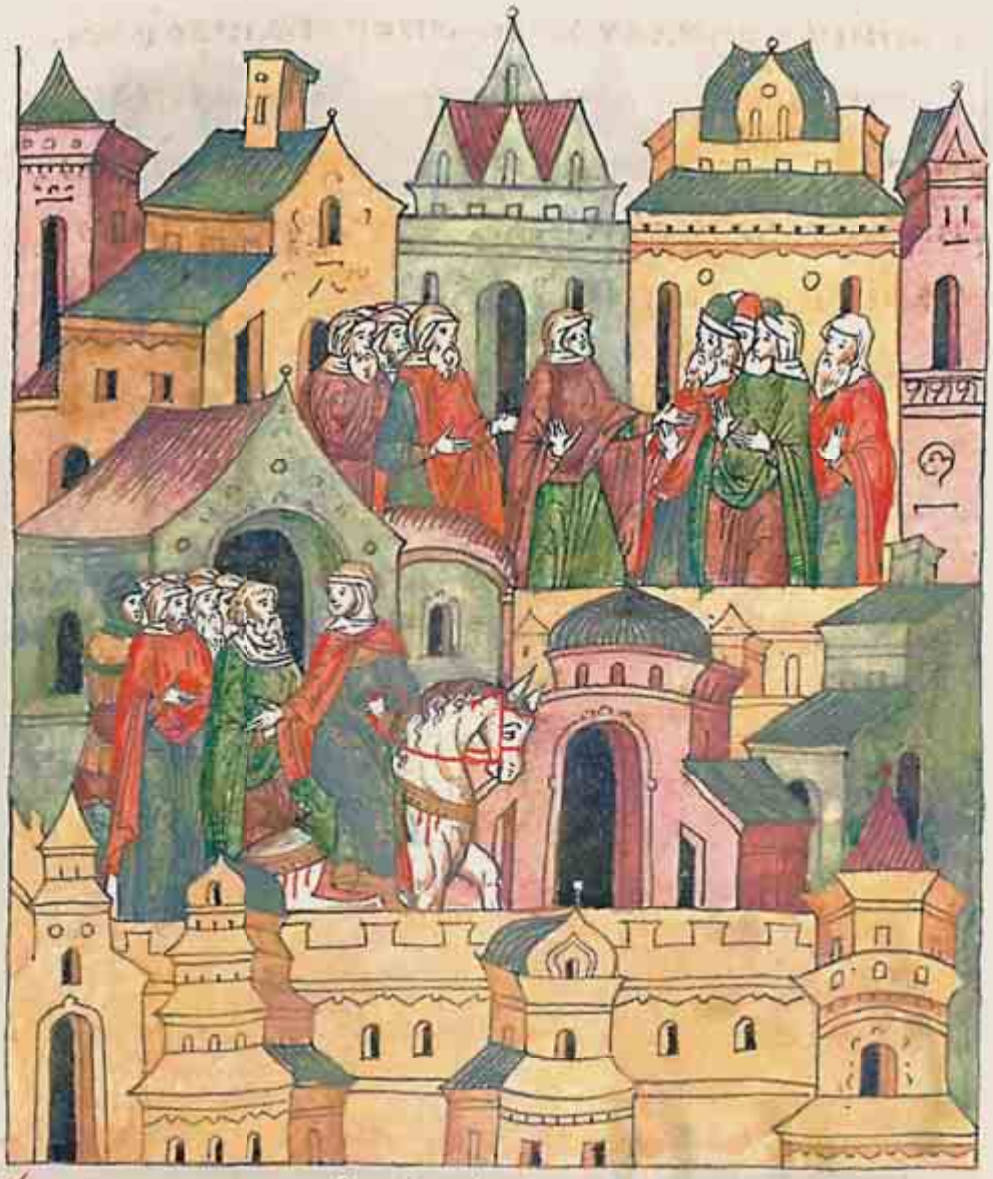


Иразделишасѧ ѡдни комары сѣзидáхоу
ѡдни же поидемъшéше , сбирашасѧ
скорóѡстáноиⷭ
дáни .м.
талá
нтъ

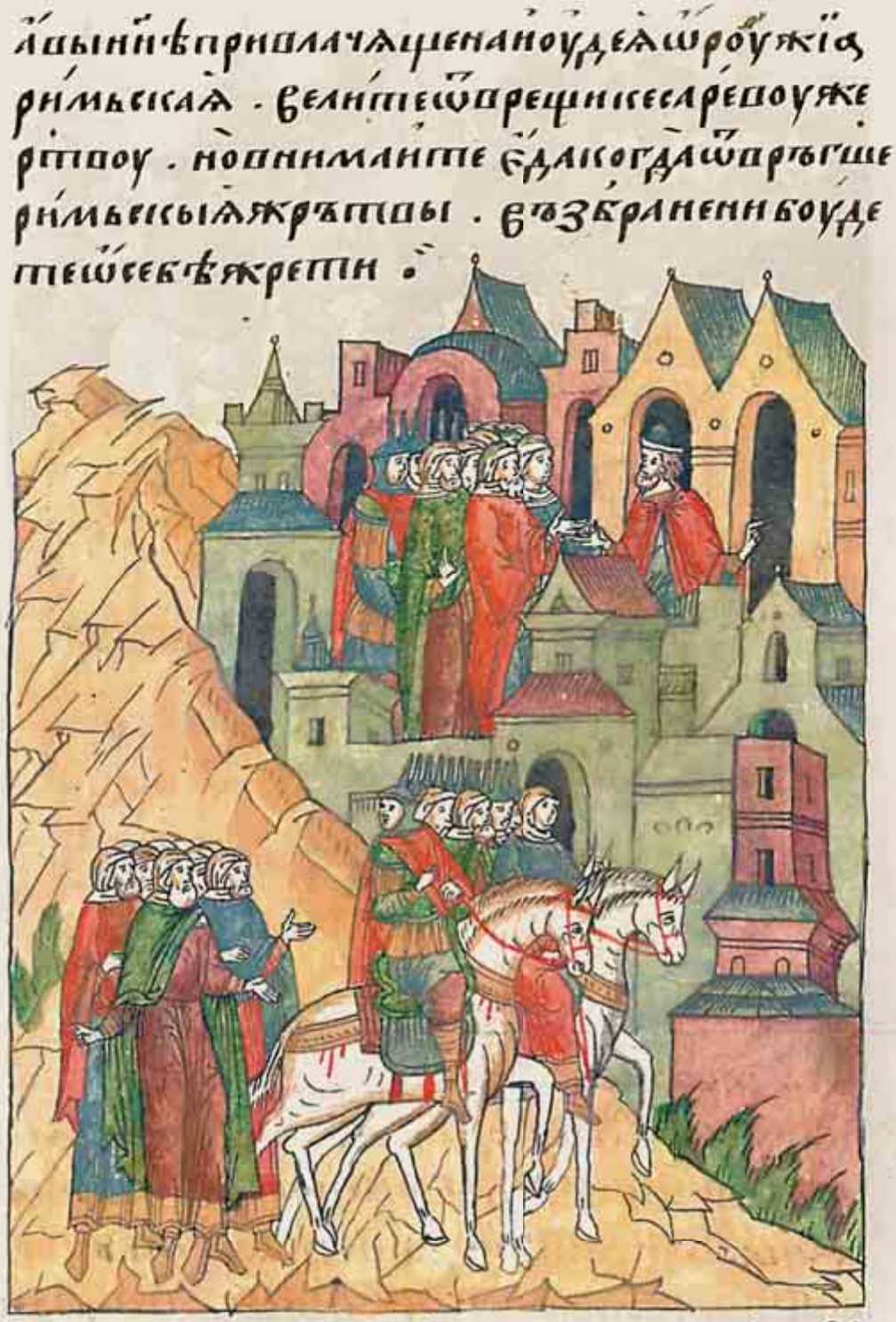
Иразделились: одни стали крытые переходы строить, а другие пошли по всему народу собирать наскоро остаток дани, 40 талантов.

Потом же Агриппа велел народу слушаться Флора, пока император не прислал вместо него другого управителя. Но люди разгневались на эти слова, и хулили царя, и камнями в него бросали, и прогнали из города.

Некоторые иудеи объединились и пошли к крепости Масада, и вошли в нее ночью, и убили стражу римскую и свою разместили.

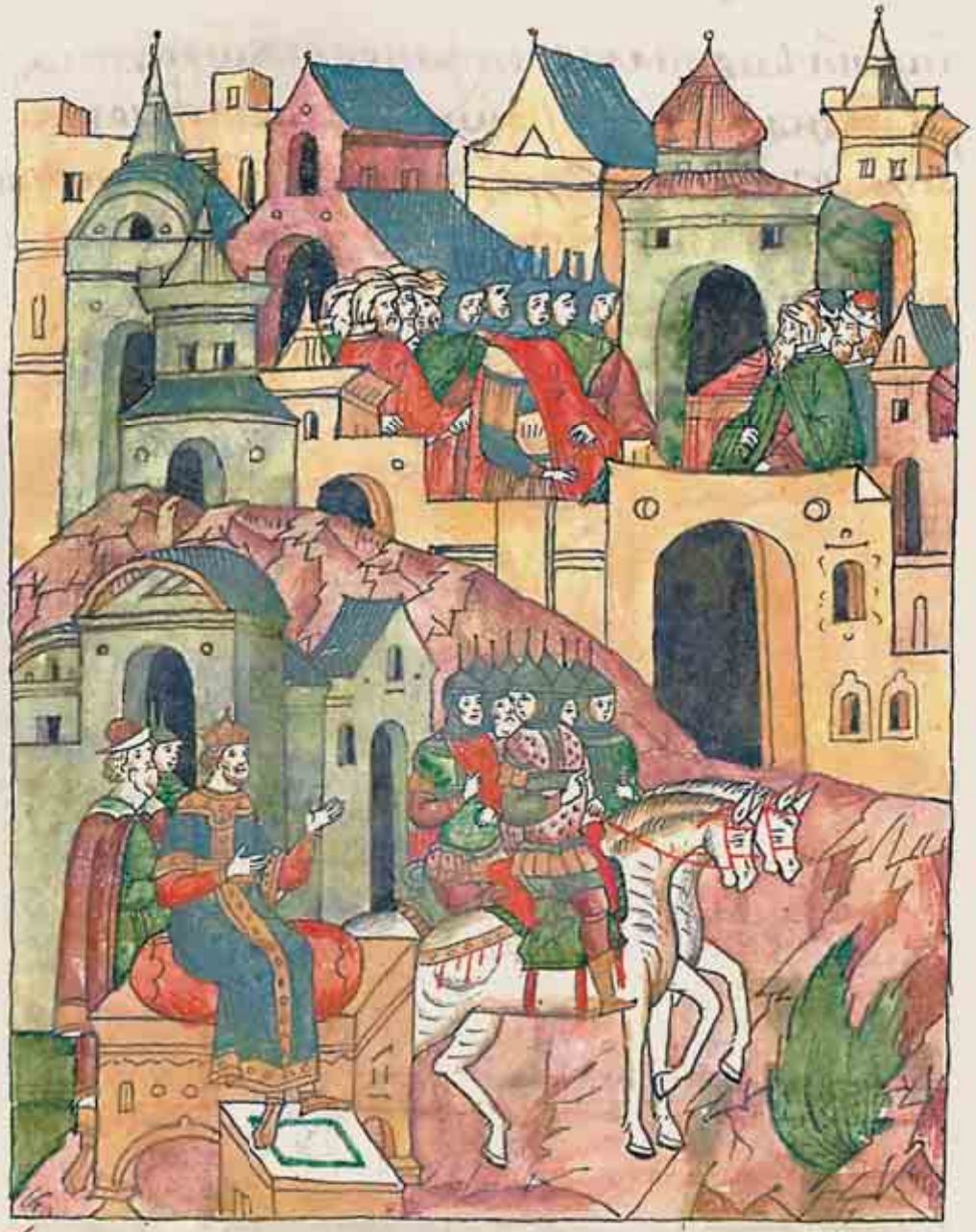


Елеазар же, сын первосвященника Анания, собрал юношей самых крепких и церковных служителей, и стал их военачальником. И повелевал жрецам, чтобы они не принимали даров от иноплеменников и не приносили жертв за императора. Первосвященники же и лучшие люди просили сохранить принятый обычай и говорили: «Прадеды наши приношениями от иноплеменников украсили храм, и от других народов дары принимали, и не отделяли этих жертв от тех, что приносили иудеи.



А вы теперь, так поступая, привлечете на иудеев оружие римское. Хорошо, отвергайте жертвоприношения императора. Но тогда знайте, что, отвергая римские жертвы, вы и свои в скором времени не сможете приносить».

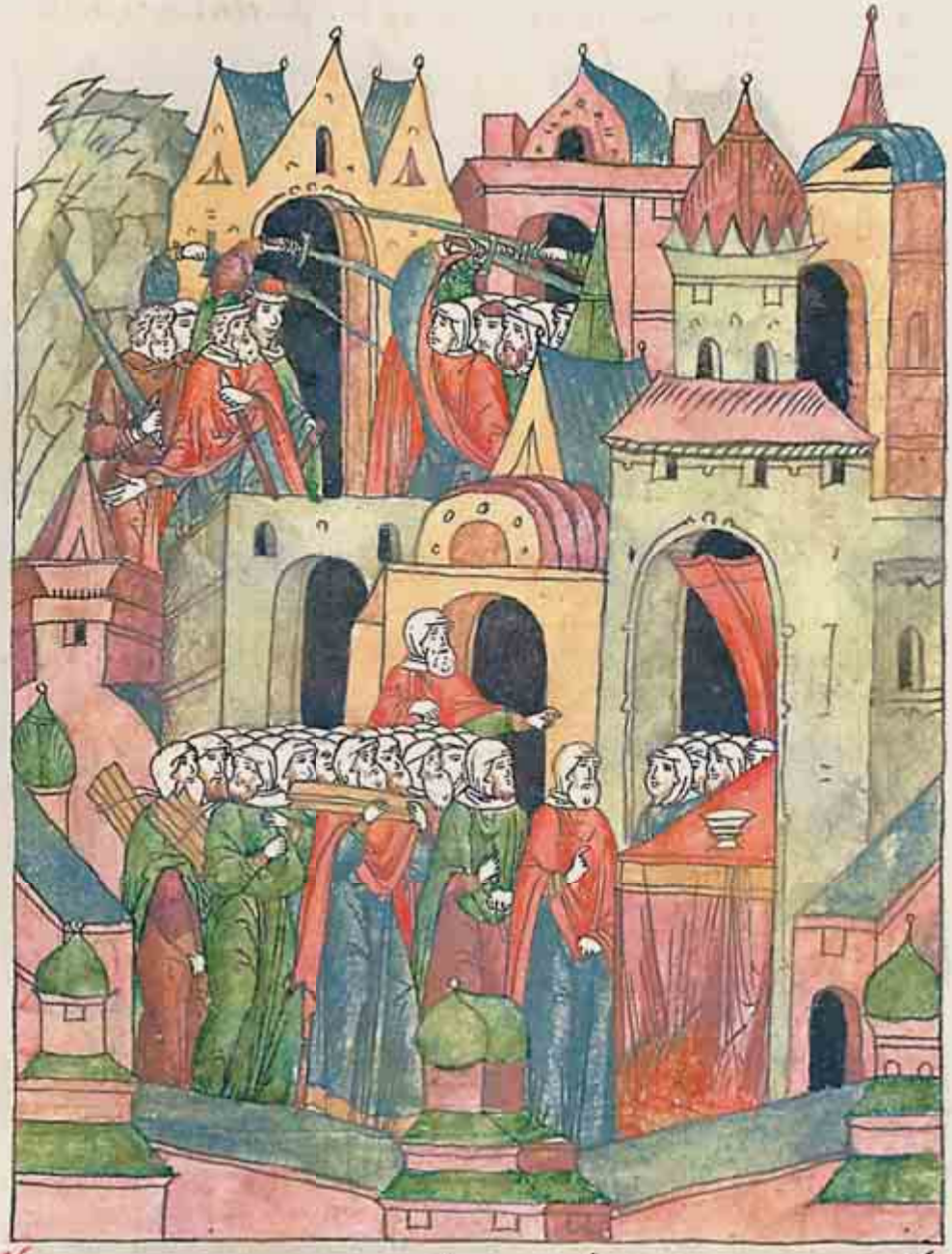
Никто из мятежников не внял этим словам. Видя, что не могут помешать мятежу их, первосвященники и лучшие люди послали к Флору, призывая его прийти к городу с войском, пока не разгорелось пламя войны. Однако Флор как раз и хотел разжечь войну, а потому не дал ответа.



Агриппа же, заботясь о том, чтобы не погибло царство его, послал на помощь первосвященникам и лучшим людям в Масаду три тысячи конников из Авранa и Трахонеи с военачальником Дарием. С их поддержкой первосвященники и мирно настроенные иудеи вошли в верхний город, нижний же город и храм захватили мятежники.

И посемъ дни бишася. и мнози съ обоихъ
пролиашеся кровьми. и ни едини
побѣдѣни
бы
ша

Семь дней бились они, и много крови пролилось с обеих сторон, но никто не мог победить.

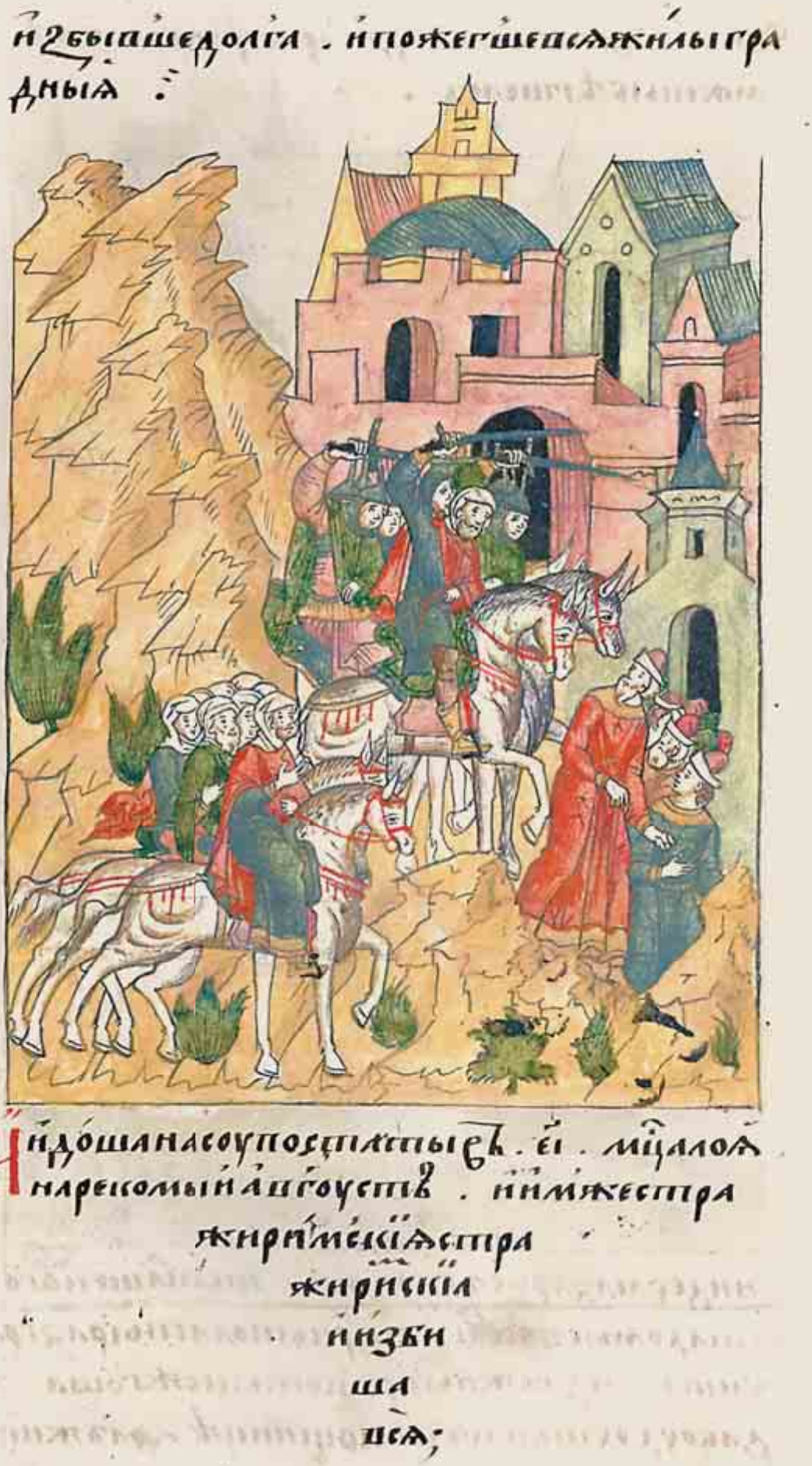


Нпотомъ наступилъ праздникъ Ношения дровъ, в который обычай былъ всемъ носить дрова к жертвеннику, чтобы постоянно огню была пища, и он горелъ неугасимо. И когда пришли люди для принесения даровъ, Елеазар впустилъ немногих. С ними же вошли и разбойники, называемые сикариями, то есть кинжальщиками, поскольку под одеждой они носили кинжалы. С помощью сикариев еще сильнее

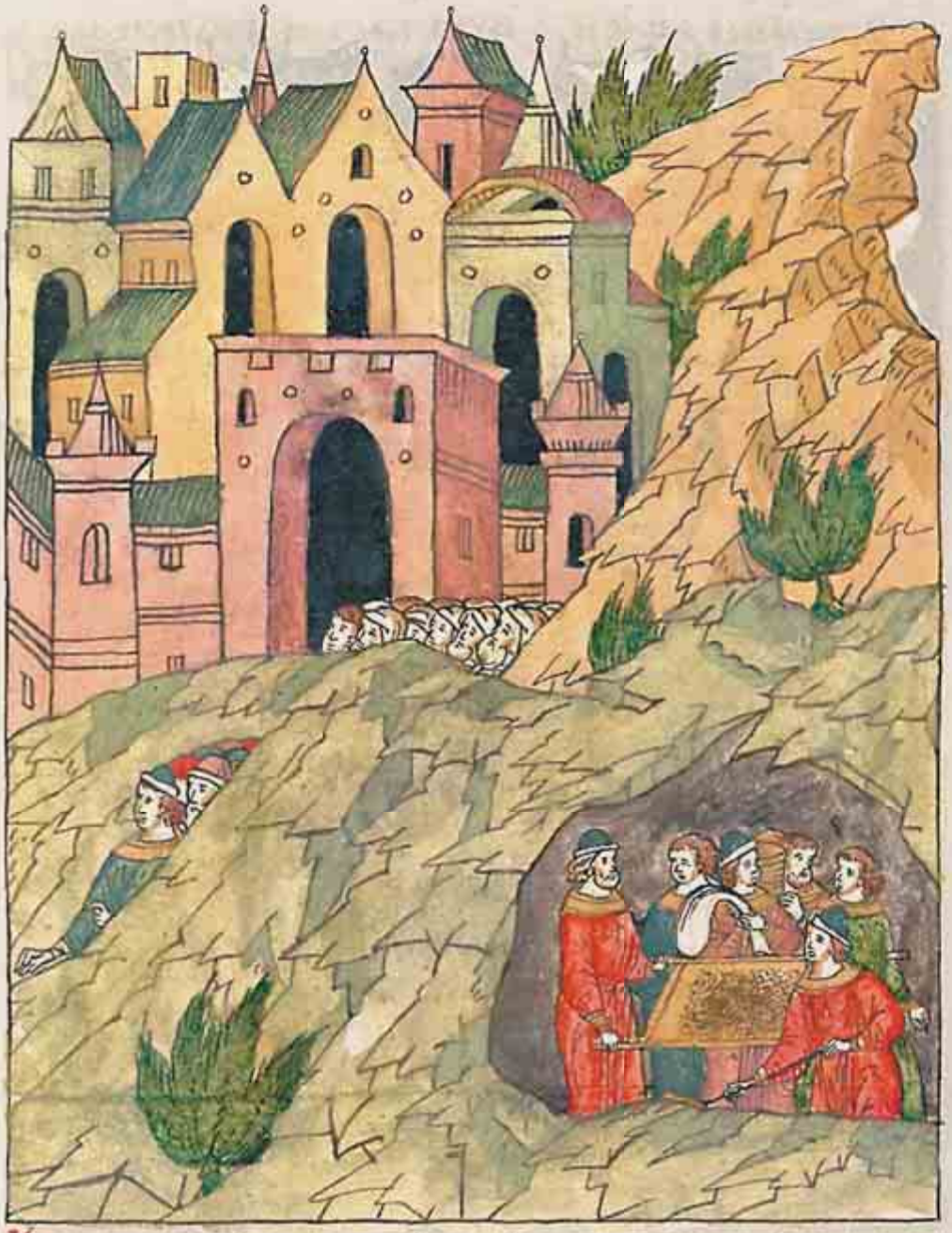
стали биться мятежники и захватили верхний город, а царские конники бежали.

Н вошел Елеазар с мятежниками в верхний город, и напал на дома вельмож, и сжег их, и царские дворцы разграбил, и долговые записи сжег, чтобы помогали ему должники,

избавленные от долгов. И сжег Елеазар все главные здания в городе.

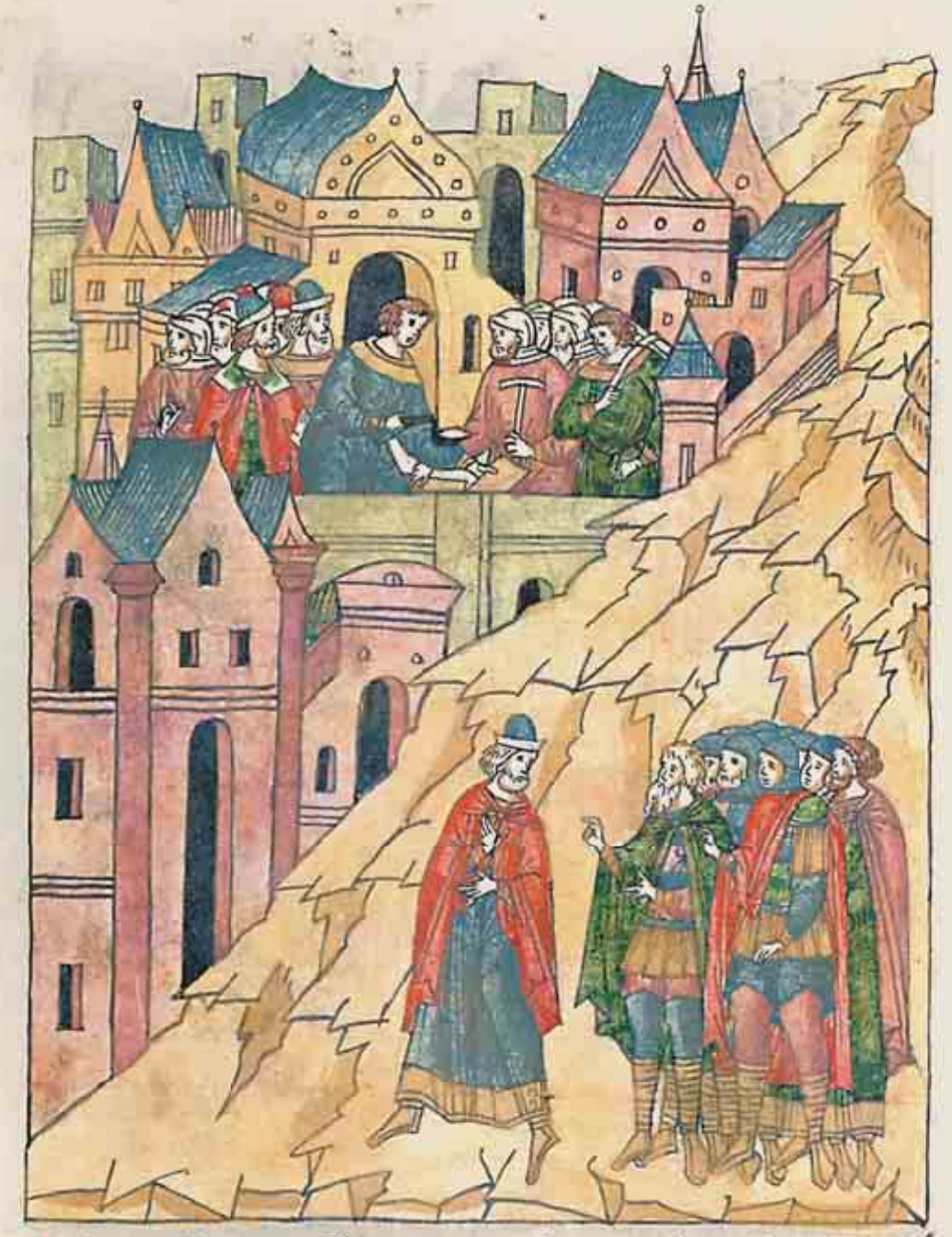


Пошли мятежники на Иерусалим против римлян в 15-й день месяца лооса, то есть августа, и сторожевые отряды разбили все, и осадили оставшихся в городе римлян.



И пещеру ископаша издалеча до града. И подоша до стены

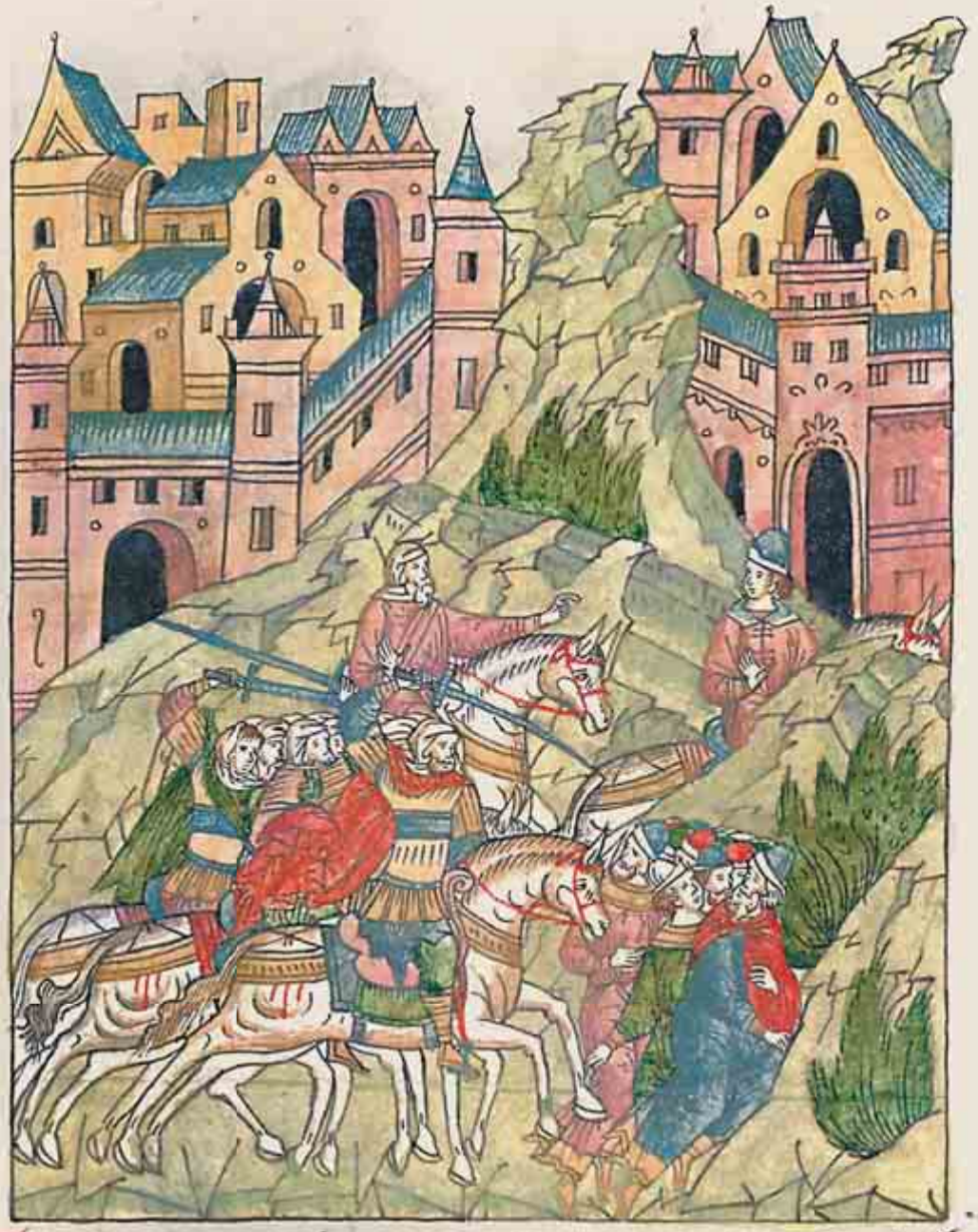
Подземный ход мятежники прокопали издалека к городу, и подкопали стену городскую, так что она рухнула.



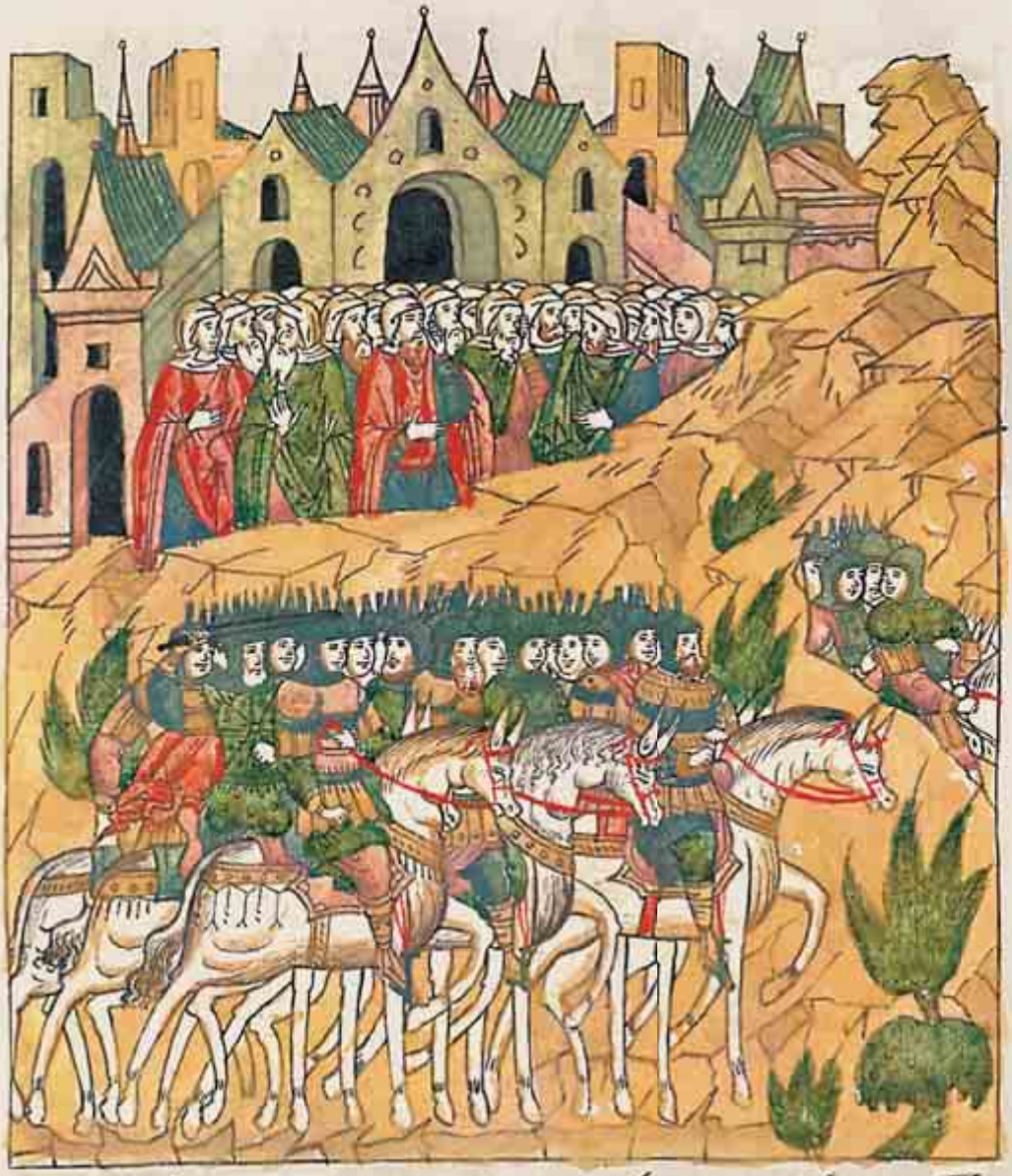
Дозорные же осажденных почувствовали подкоп, и успели построить другую стену, прежде чем рухнула подкопанная. И послали иудеи, находившиеся в городе, к Елеазару послов с просьбой дать выйти к своим с миром.

Ѝ ѝзшедшимъ ѝмъ ѡ стѧ́шарима́не пре пе
ще́ще . ѝ кѣ цр҃ко́мъ цр҃ско́имъ . Ѝ
посла́шасѧ къ е лиа́зару . да́дутъ
стѧтьѧ́жи ны́тѣ ѡ ко́мосъ дша
ми . ѝ пощ да́стъ ѝмъ ро́у
ѡ у ко́лѧ . да
ѡ пу сти
ѝхъ
.

Ивышли иудеи, и остались римляне в городе, и в страхе бежали они в царские дворцы. И послали римляне послов к Елеазару, чтобы выпустил их живыми, только души им сохранил. И Елеазар обещал и клялся, что отпустит их.

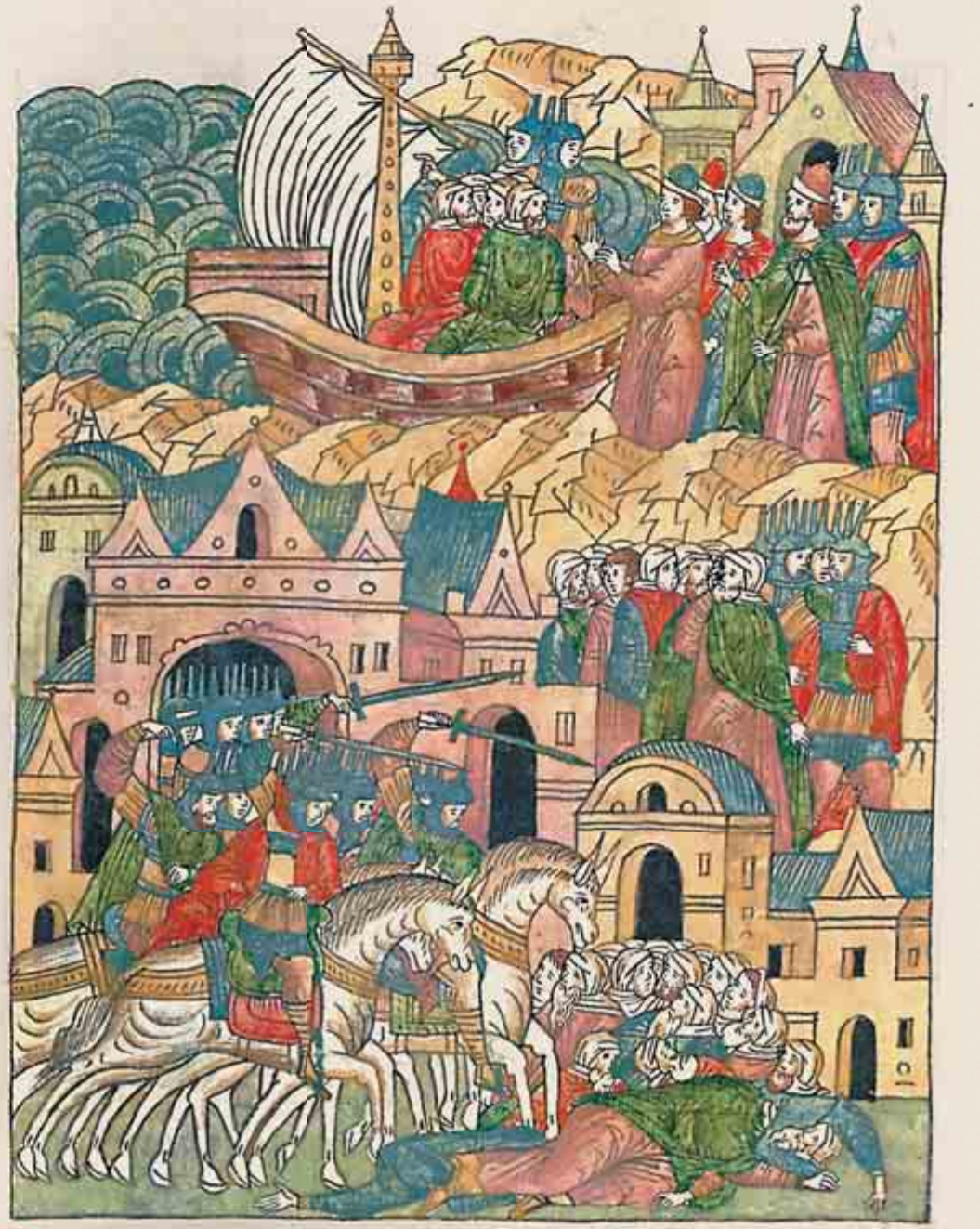


Но, когда вышли римляне без оружия, окружили их мятежники и убили всех, кроме тысяцкого Метилия, ибо он обрезание принял и к еврейскому закону присоединился, и отпущен был.



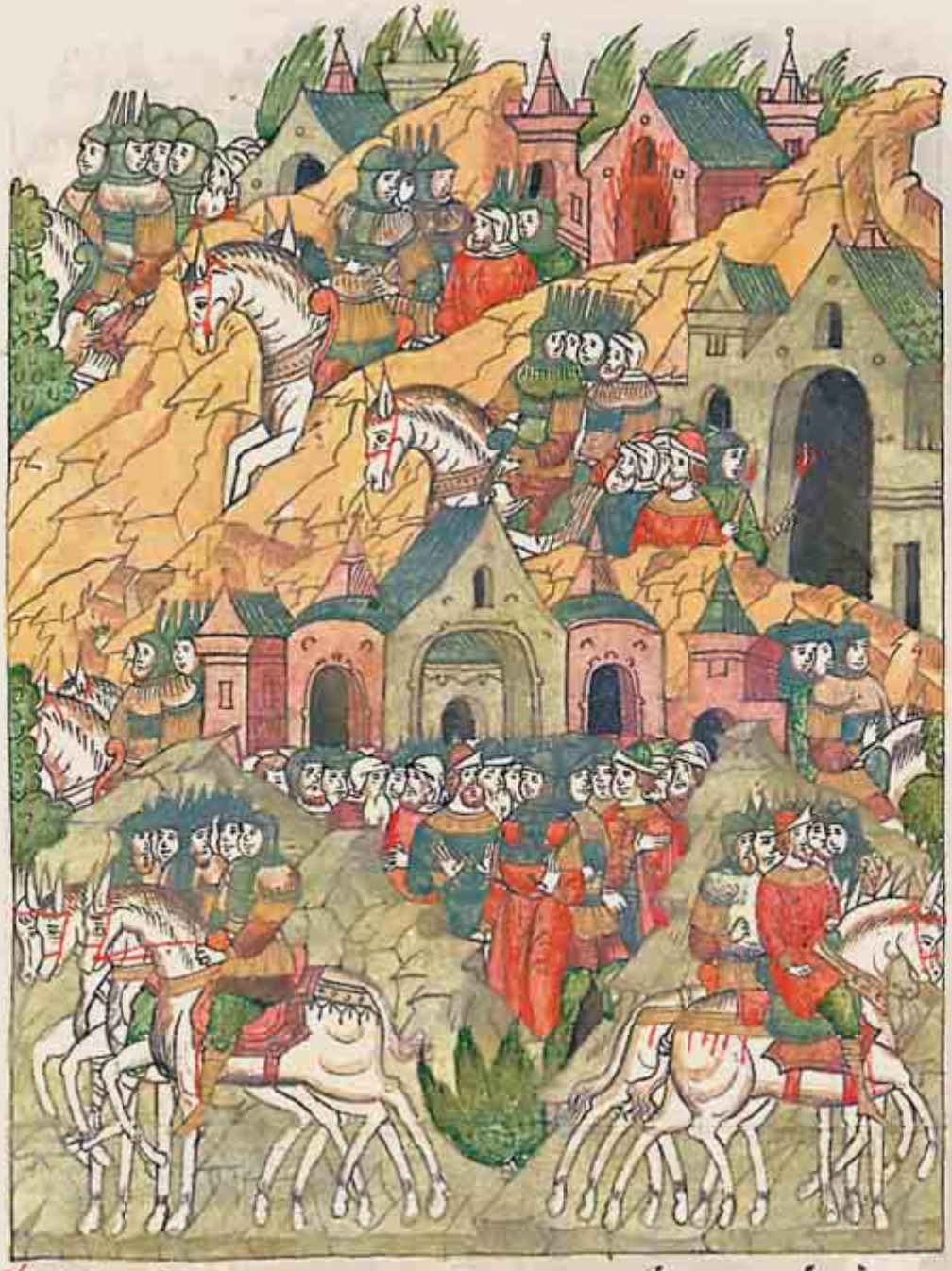
Сиѥ страсть римлѧномъ бы́ти дерз́ка . ѡ
преполичествѹ ѧкоси́лы малоса ѡ̀ . а
ѹдѣшѧмъ бы́пре тече́нїе плагоубъ . вси
ѹмнѣи́шїи дрѧхѫ и печа́лни бы́шѧчаю
щена́ѧ . и́ли ѡ римскы́ро ѹ́ство́ мѣстїи ѡ
кѧ́зїи гнѣ́ва . сѵ́творѝшѧ ко́тоѵ́ское
рнагоба́ в ѕѵ́бо́тоѹ . не́гда́ ѡ́пр̃ѣ́кна́ѧ
дѣла́ пра́здноплатиза
ко́нъ по́це
ли́ть
;

Это поражение для римлян было незначительным, ибо их огромное войско лишь малую часть потеряло. А для иудеев это было преддверием их гибели, и разумнейшие из них угрюмы и печальны были, ожидая на себя, помимо мести от римлян, еще и Божий гнев. Ибо то нечестивое избиение римлян было совершено в субботу, когда ради благочестия воздерживаться от дел закон повелевает.



Въ тойжеде́нь . и начаша́ бѣ́шенныи про
мыслъ . и коньлизмѣ́ныю у́кинолхоу́ссса
ранеѣ́жищоу́щюю у́нихъ и оудемоу́бѣ́ннын
шапточа́колеѣ́дюю на́десатысѧщь .
га́щекстоу́утечашеру́ссаріа . тофлоръ
и́зымашетькѧ . и́щкопл
шъѣ́точашевісора
бль ;

В тот же день и в тот же час, по Божественному Промыслу, как бы в отместку за коварство иудеев Иерусалима, жители Цезареи убивали иудеев, живущих у них, и убито было в тот час более двенадцати тысяч. А тех, кто бежал из Цезареи, Флор хватал и заковывал, и заточал на корабли.



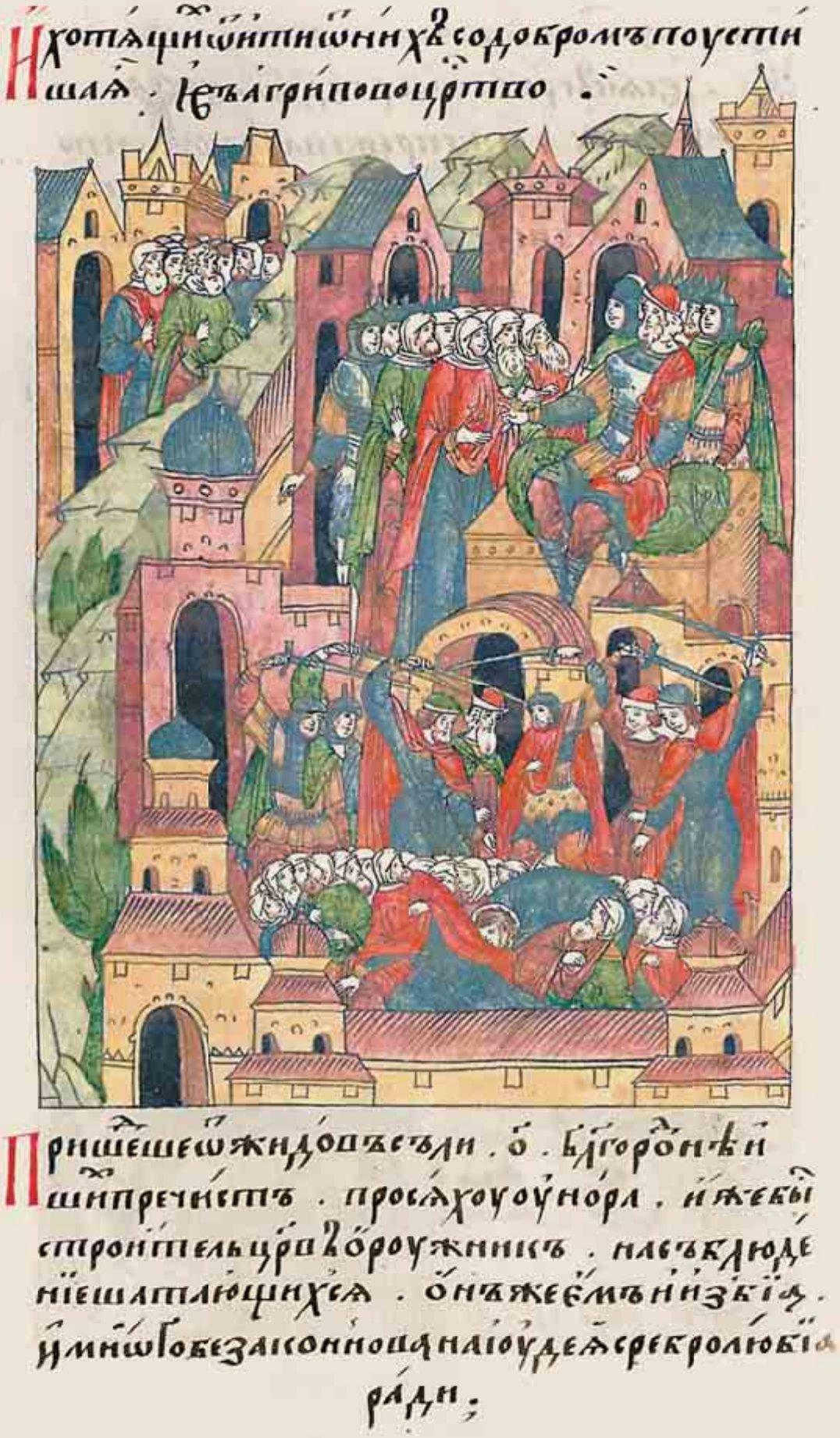
Тогда вся земля иудейская пришла в смятение. И разделились иудеи на четыре части, и стали захватывать сирийские города и жечь их.

Ѝзахватили следующие города: Филадельфию, и Себонитис, и Герзу, и Гадару, и Пеллу, и Скифополь, и Гиппос, и Гавлан, и Кедасу, и Птолемаиду, и Гаву, и Цезарею, и Себастию, и Аскалон, и Газу, и Анфедон. Захваченных иудеи убивали, но и сирийцы не медлили, и множество иудеев

Ѝзахватили градꙑ . филадельфїю . и гевонитоу . и герасоу . и гандарꙑ . и пелоусиюфїю . и гиппосꙑ . и гавланїю . и кедасꙑ . и птоломаидоу . и гадоу . и кесарїю . и севастїю . и аскалонꙑ . и газоу . и анфидоноу . и зꙑманꙑ оубиахоу . и онисинео клеахоуса . и омножестшоюдей

убили. Страшный мятеж охватил Сирию. Каждый город надвое разделился, и тот побеждал, кто опережал другого. Всякий день люди проводили в кровавых столкновениях, и всякую ночь — в страхе. И имущество убиваемых соседей с радостью расхищали и, как будто с войны, приносили добычу в свои дома. И тот славился, кто больше других награбил. И можно было видеть города, полные непогребенных трупов. И старики, и младенцы лежали, и не покрыты были срамные места у убитых. Одни только жители Антиохии, и Сидона, и Апамеи, и Герасы пощадили живущих у себя в городах иудеев

Желавших уйти от них с миром отпускали. В царстве же Агриппы



Собрались семьдесят благороднейших и почтеннейших иудеев, и пришли к Нодру, который был управителем царским, военачальником, и тогда замещал Агриппу. И просили эти лучшие люди уберечь иудеев от восставших. Нодр же схватил их и убил, и много сделал беззаконного против иудеев, из-за сребролюбия.

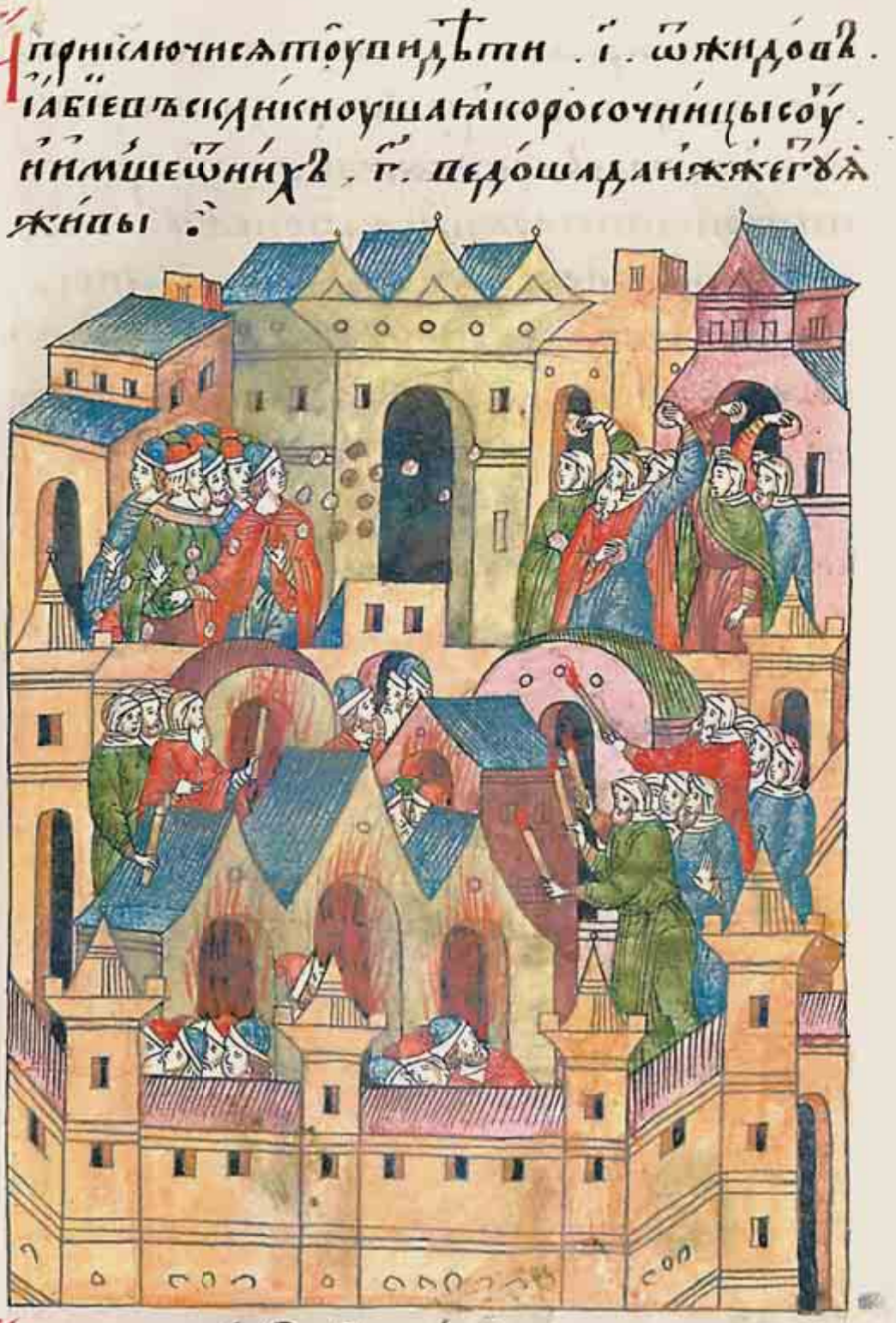
Мятежники же пришли к крепости, называемой Кипром, которая расположена выше Иерихона, защитников ее убили, а саму крепость разрушили до основания.

И в крепости Махерон иудеи велели римлянам, охранявшим крепость, покинуть ее. Римляне же боялись подвергнуться насилию со стороны иудеев. Когда же удалось договориться о мире, римляне отступили.

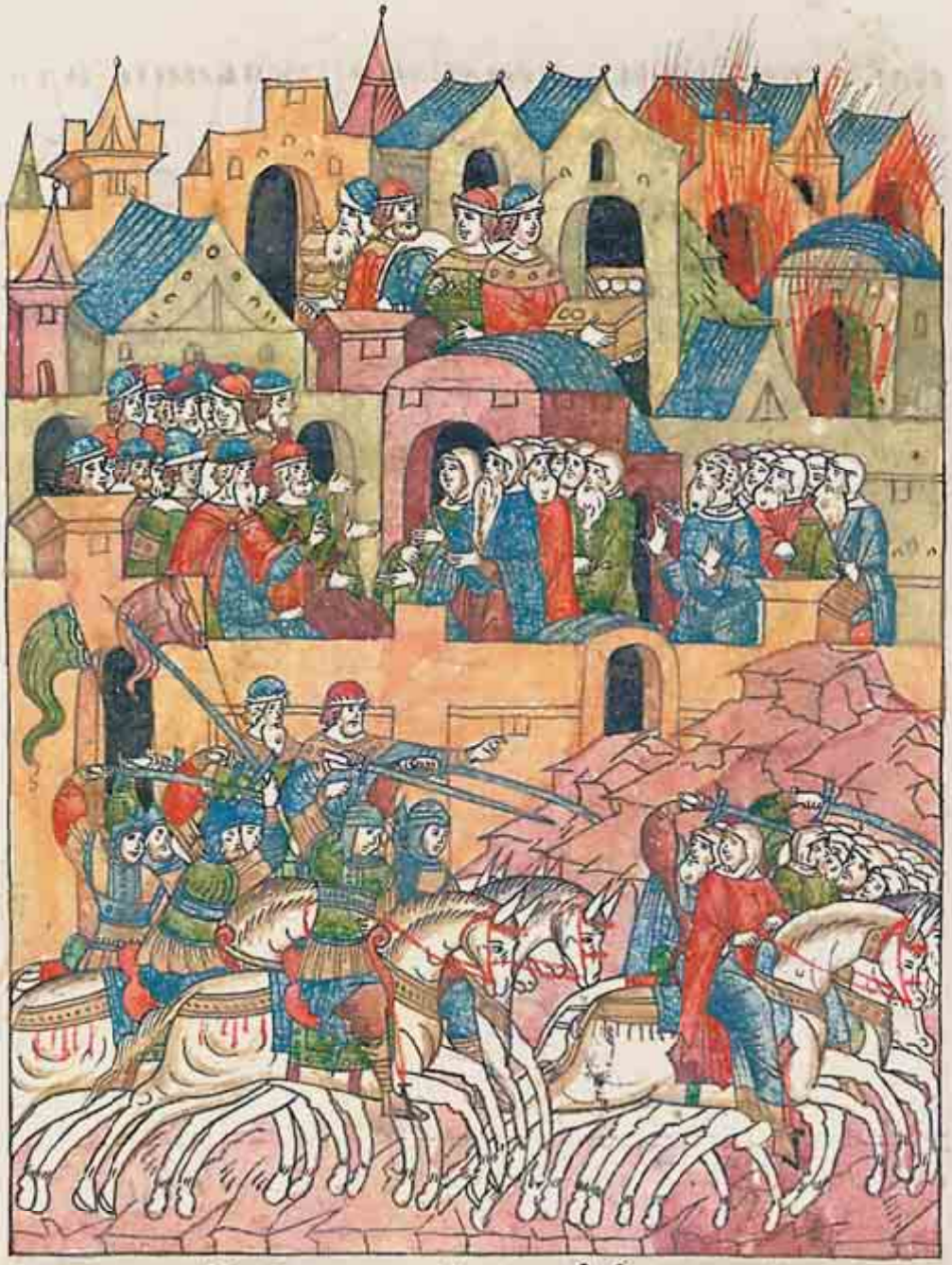
В Александрии же беспрестанная вражда была местных жителей с иудеями. Дело в том, что иудеи были усердными помощниками основателю города в его войне против египтян. За эту поддержку Александр наделил иудеев почетным правом жить в Александрии наравне с эллинами. Сохранялось это почетное право и при наследниках Александра, которые и места

иудеям отдельные отвели, чтобы соблюдали они в чистоте свой закон и не соприкасались с иноплеменниками. И когда римляне стали владеть Александрией, ни первый император, ни те, что были после него, не отменили этого почетного права, которое иудеям дал Александр. Из-за этого жители Александрии были враждебны к иудеям. Тогда же, когда все пришло в смятение, гнев эллинов на иудеев разгорелся особенно сильно. И задумали эллины послать к Нерону сообщение о происходящем у них.

Когда эллины это обсуждали, то увидели они, что среди них находится 10 евреев. И тут же эллины закричали: «Это разведчики!» И схватили из них трех и повели, чтобы сжечь их живьем.



И поднялись все евреи, чтобы отомстить. Сначала же камни бросали в эллинов, потом же с горящими пучками лучин устремились зажечь город весь, чтобы никто не убежал от пламени.



Но отиде Ирінархъ Александръ Градскій игемонъ съ
свѣщенародный, нежеружіемъ но оумиле
номъ словомъ. Сидѣ же якодрѣзѣ
нипорогающесѧмоу. инехотѧщемъ бе
зделіи кыблокыпрестѧпнѡрати. ипо
поустиналадѧпорісарнискаѧ. ипѧте
стрѣлкластаграда. ипѧтысѧщьюн
лоушінскѣприсылючнѡшемсѧтогдѧтоу.
напогибѣніенѡудеѡмъ. ипоелѣжнето

Но Тиберий Александр, городской управитель, укротил ярость иудеев, и сделал сначала это не оружием, но добрым словом. Когда же он увидел, что некоторые из иудеев насмехаются над ним и не хотят прекратить мятеж, ему пришлось прибегнуть к жестокости. Он направил против них два полка римских воинов, охранявших город, и пять тысяч воинов ливийских, находившихся тогда там, на погибель иудеям. И повелел Александр не только

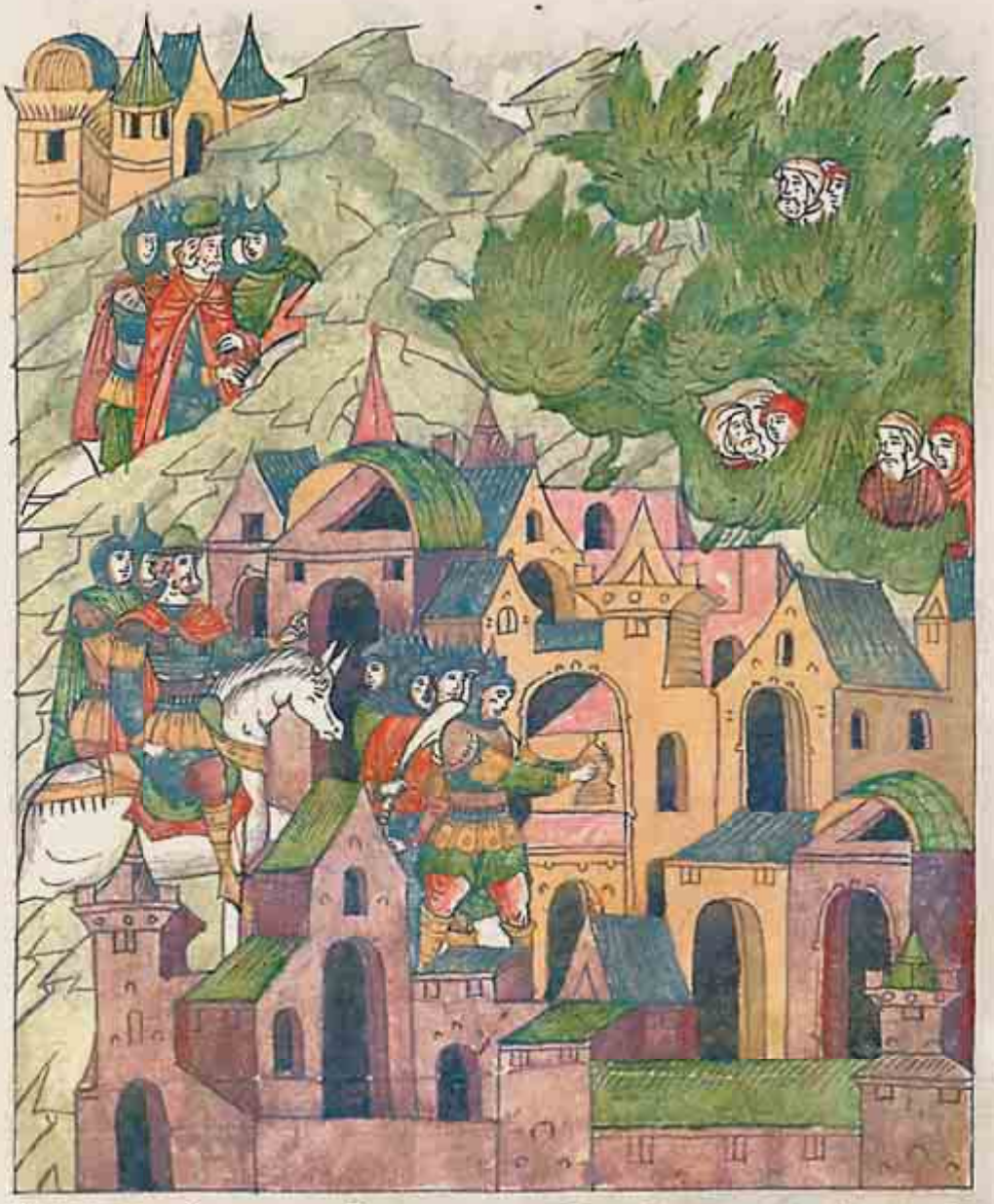
убивать иудеев, но и имущество их грабить, и дома их зажигать.

И воины устремились к месту, которое называли Дельта, где жили иудеи, и исполнили то, что им было велено, но не без потерь, ибо иудеи вернулись с оружием и долго сопротивлялись. Однако первый же удачный прорыв римских воинов принес гибель иудеям. Римляне не пощадили иудейских младенцев, также и стариков убить не постыдились, и было убито в тот день 50 тысяч.

И не осталось бы из них никого, если бы оставшиеся в живых иудеи не послали к Александру. Тот помиловал их и велел воинам прекратить избиение, и воины, привыкшие скоро слушаться, исполнили повеление.

Народ же александрийский, полный ненависти к иудеям, даже мертвые тела их не пощадил. Такая кончина тогда постигла живущих в Александрии иудеев. Цестий же, управитель Сирии, увидел, что везде стали воевать, и посчитал, что пора действовать.

Цестий взял из Антиохии двенадцатый полк целиком и из других полков по две тысячи, и шесть отрядов пехоты, и 4 отряда конников, и от царя Антиоха две тысячи конников и три тысячи стрельцов, и от Агриппы, царя Коммагены, столько же, и от Соема, правителя Эмесы, и от ближних городов множество.

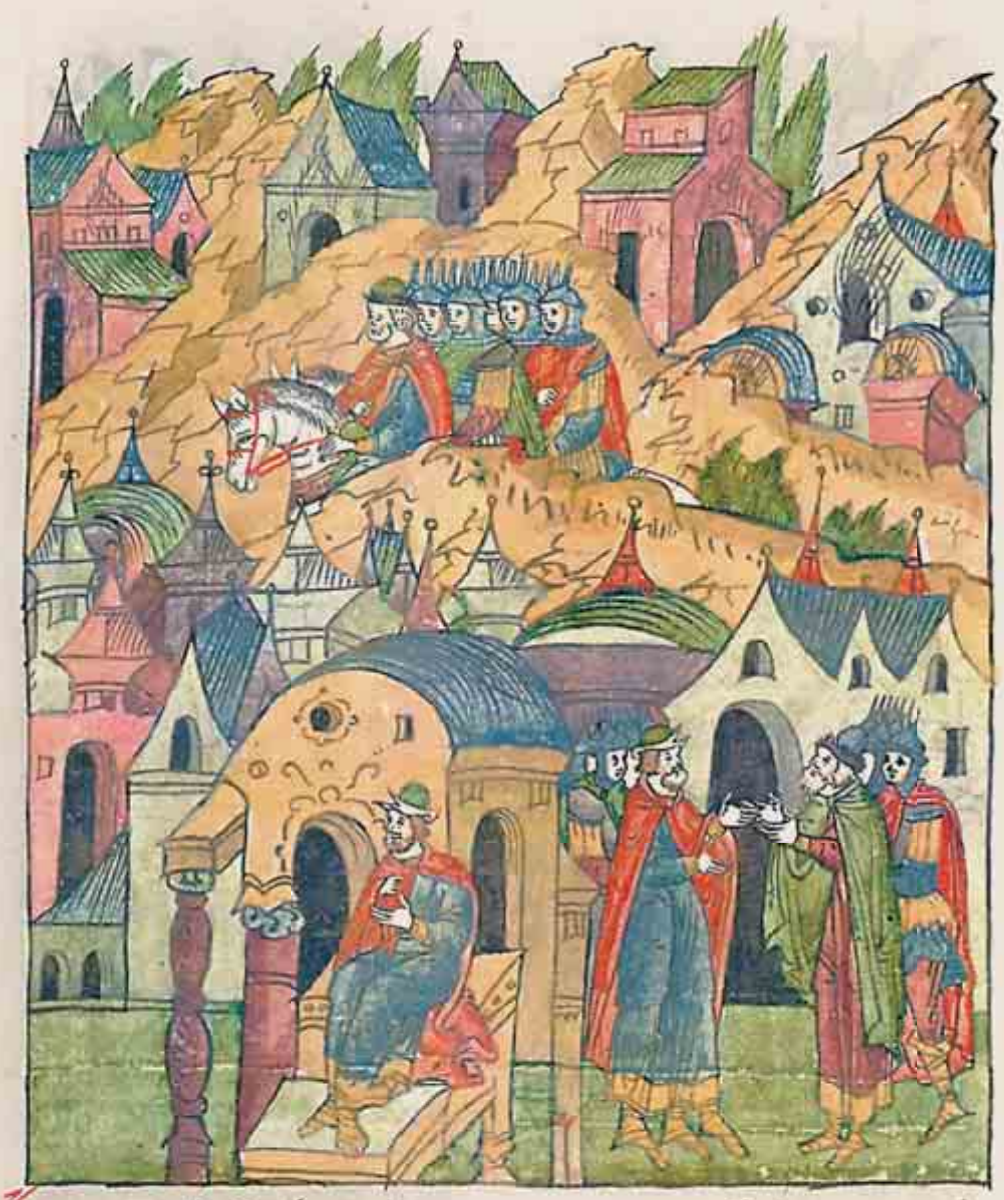


Устремися на Галилеискій нареколый Завлонь . наричемый Андронъ , и шед къ тем безлюдиихъ разбѣгошася по лѣсомъ . и исполненъ же есть имѣнія и всего стяжанія . и въда сть воемъ на расхищеніе , и град же . и храмы красны сущая ако в Тирѣ и Сидонѣ . и потомъ разпоеплъ Землю Завлонь

сіеу

ю.

Цестий направился к городу Галилейскому, называемому Завулон, также называемому Андрон, и обнаружил, что в нем нет людей, ибо разбежались все по лесам. Полон же был город имущества и всякого богатства. И отдал Цестий город воинам на разграбление, и потом город сжег. Храмы же там прекрасные были, как в Тире и в Сидоне. После этого Цестий разорил землю Завулонскую.

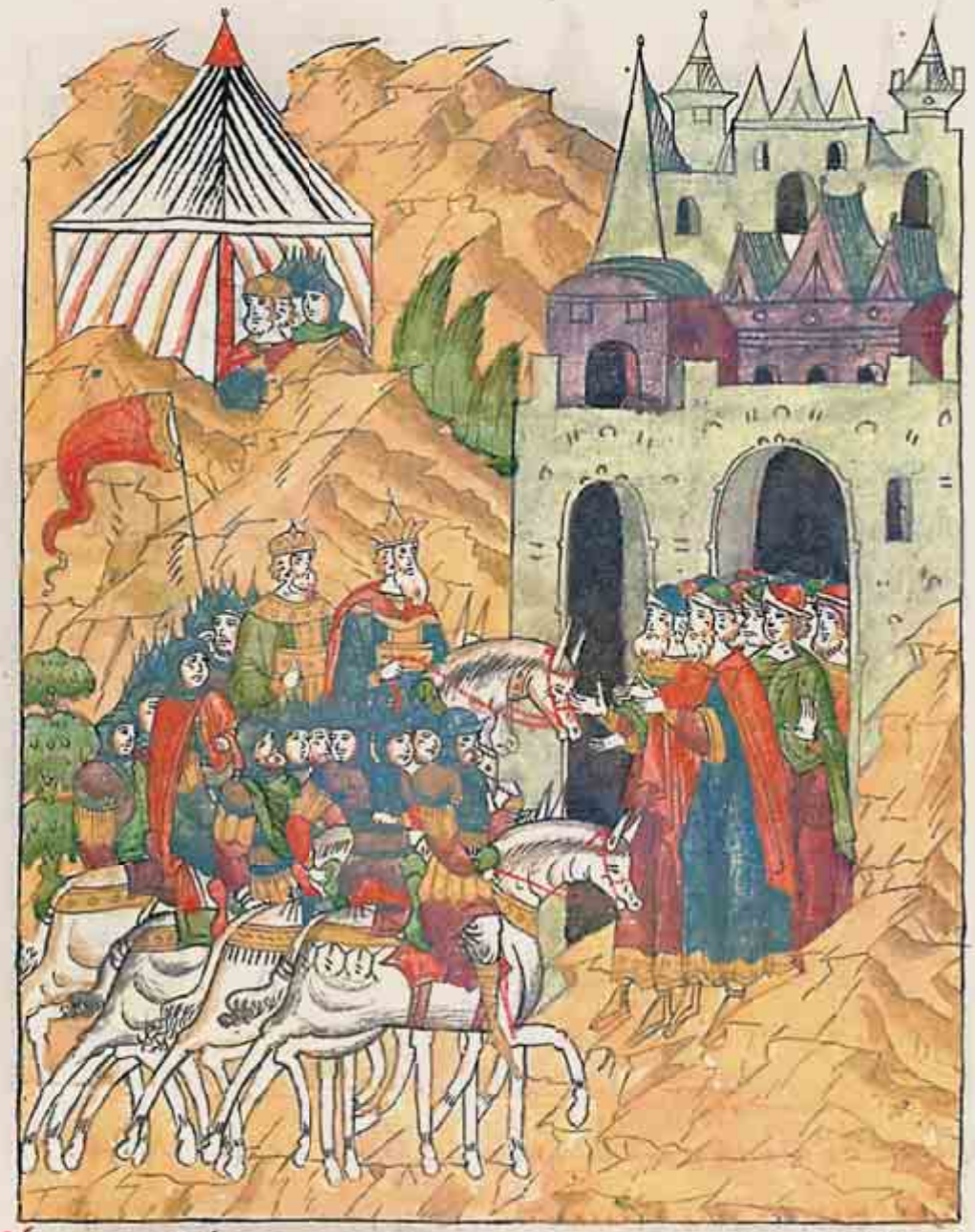


Нсжег Цестий села в окрестностях Завулона и возвратился в Птолемаиду. ... Римляне подожгли башню, в которой укрылся один из вождей иудеев Нигер Перейский. В башне он обнаружил подземелье и, войдя туда, спасся от огня. Когда через три дня пришли иудеи, он вышел к своим, и те исполнились радости нежданной, поскольку Бог сохранил вождя и воеводу для будущей войны.

Слово г. Иосифово - о пленении Иерусалима иудеи. О Веспасиане же
понеже силою шатнюхия и жестьмитро
полия всея Сирия. Величество
и богатьством,
третюча
сть всей
ныне
мою
же
есть.

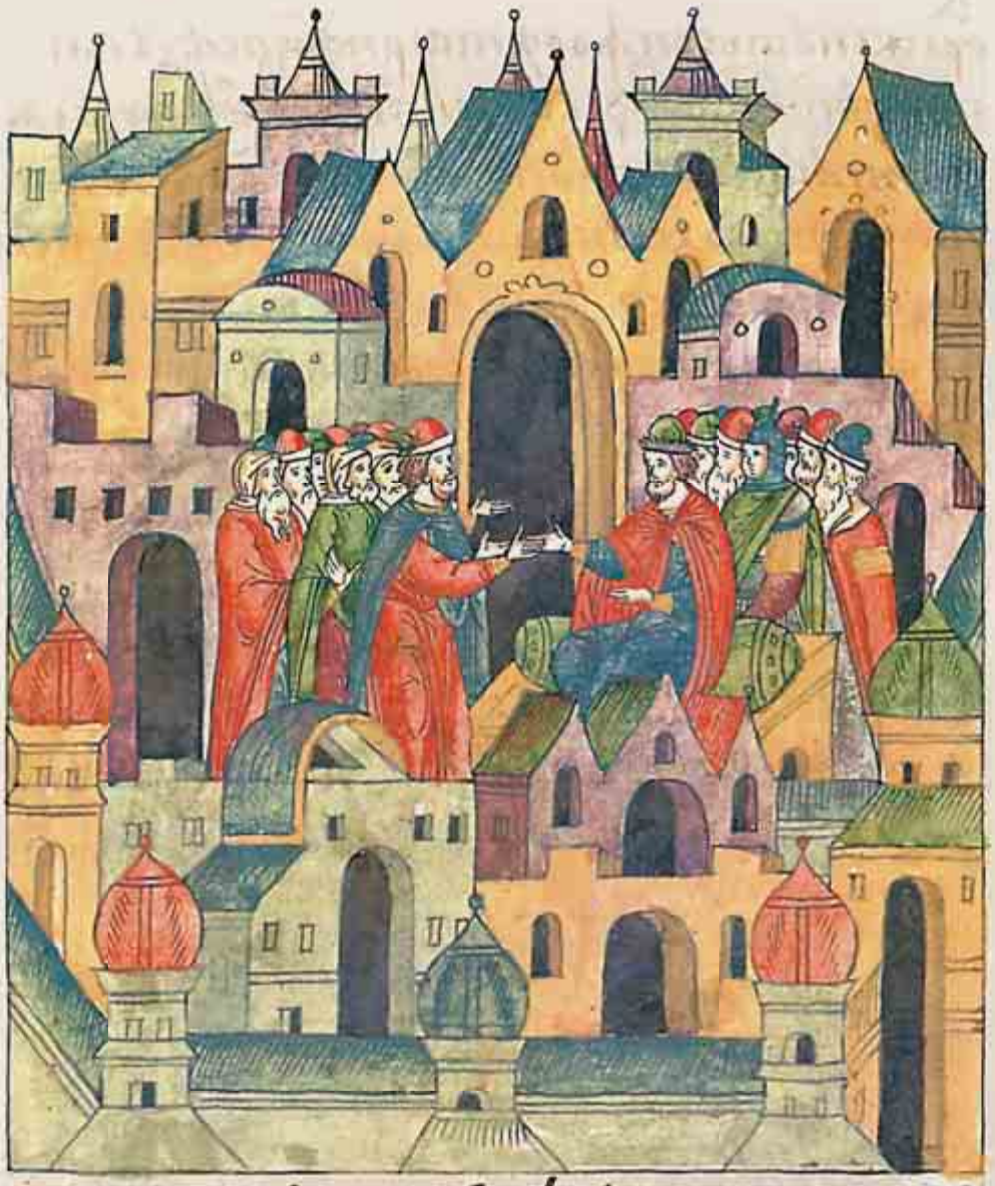
Книга 3-я Иосифа. О завоевании Иерусалима и о Веспасиане.

После Цестия во главе римского войска в Сирии был назначен Веспасиан. Он принял войско свое в Антиохии. Антиохия же является столицей всей Сирии и по своей величине и богатству бесспорно занимает третье место во вселенной, после Рима и Александрии.



Ѝдеже Агрипа царь ждаше пришествія
Его сына : и тогопоимъ и Ѡдеи Птоле
маиду . и тѣмъ шаи сепфоріане честію
и спохвалами промы
шляющеуко
ѡспоемъ
спсе
ни
и.

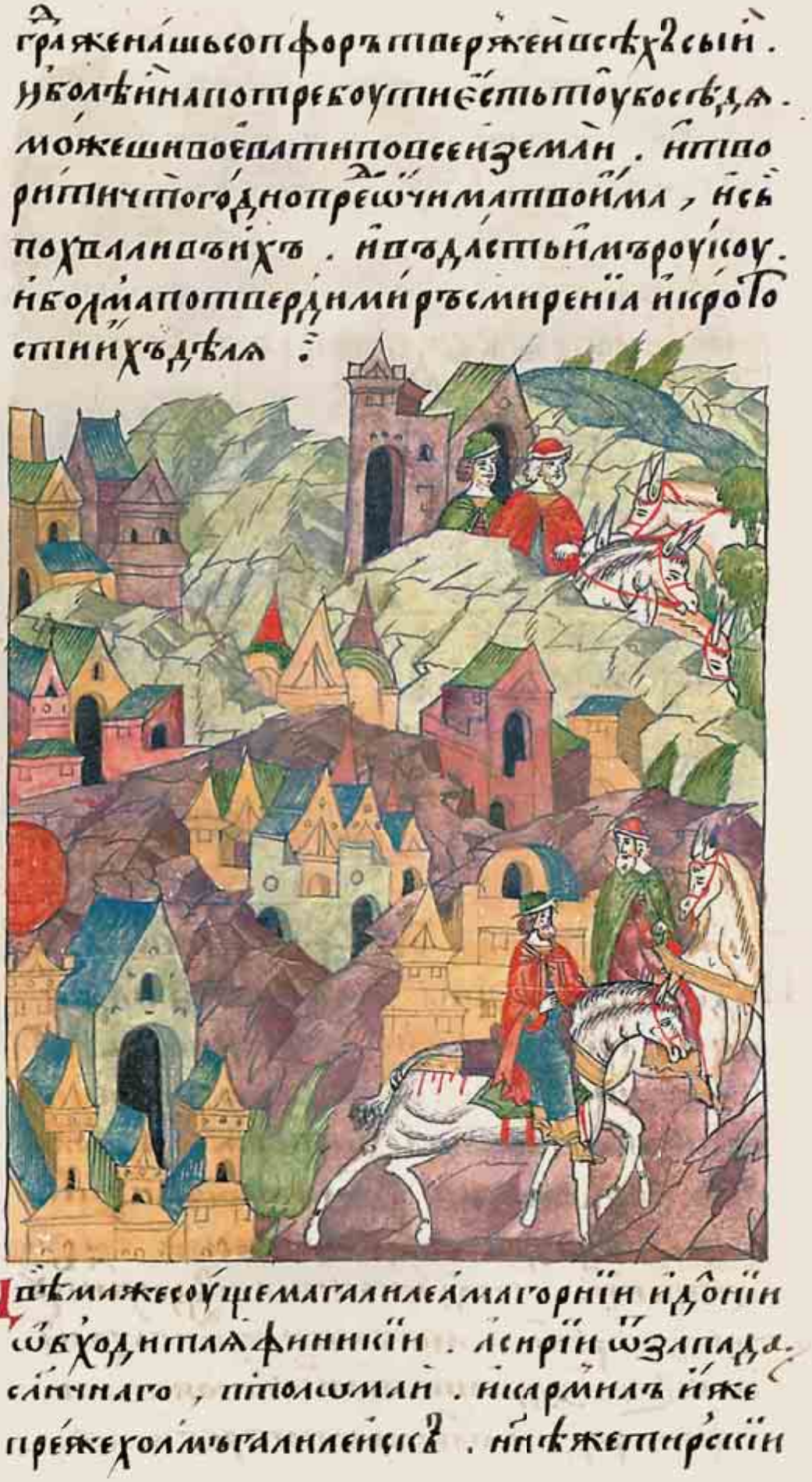
Еще раньше пришел в Антиохию и Агриппа царь со своими воинами и ждал там прихода Веспасиана. Объединившись с Агриппой, Веспасиан пошел в Птолемаиду, чтобы оттуда двинуться в Галилею. И встретили его там жители галилейского города Сепфориса с почетом и похвалой, ибо они думали о своем спасении.



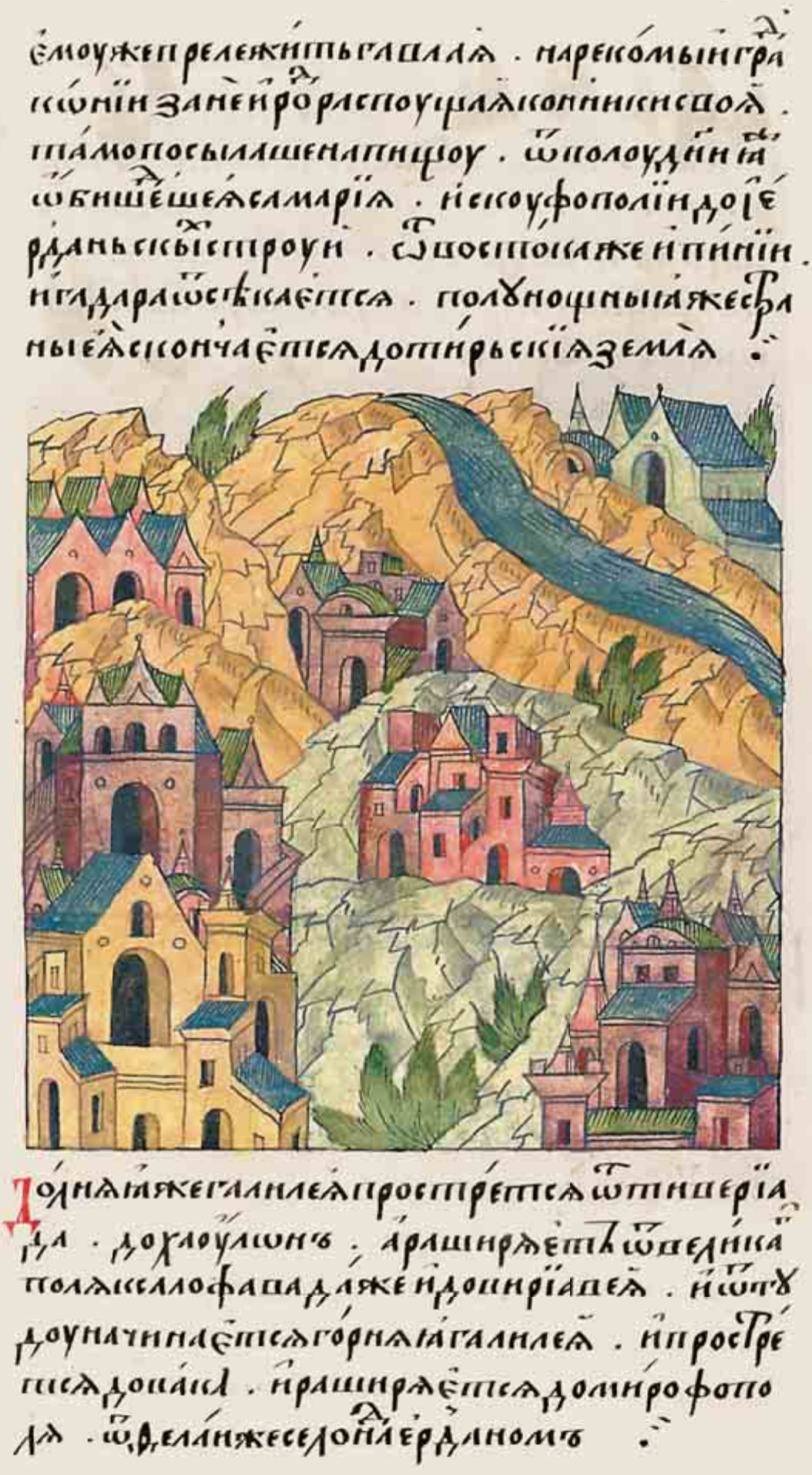
Прежеуспасіана, оуповрѣшавасѧсестіе
идесницѹсъдѹша. ипрїашазласдоу
ѹтогдарекошасѧъйгемонѹ ѡсободрити
помощницыкоудемънасподсронниси.
оспѧдняженамъплоуптверженїеспол
тѣщѧлѡконнниси. йнемшгоуупроти
пиписа ioудейскоуполотеченїю. къ
схищенїю. подлажьяженамъдесницѹ
плоуповрѣніе. мыконецъозѧнгохомъ
плакеѓоумїе йнашатлаїе ѡсожейнии.
йхъжерадинѡчьстпопотребитсѧ.

Еще до прибытия Веспасиана жители Сепфориса доверились Цестию, и клялись ему в верности, и приняли от него отряд. И теперь они сказали военачальнику римлян: «Скорыми тебе помощниками будем против своих соплеменников. Только оставь нам в поддержку своих пеших и конных воинов, которые смогут отбить грабительские набеги иудеев. Поклянись же нам в верности. Мы же не подвигнемся на безумный мятеж, как другие, из-за которых отечество наше идет в погибель.

Город же наш Сепфорис крепче всех в Галилее, и больше всех, и нужен он тебе, ибо из него можешь ты воевать по всей той земле и делать то, что ты считаешь нужным». И Веспасиан похвалил жителей Сепфориса, и поклялся им в верности, и подтвердил, что и дальше Рим будет в мире с ними, из-за смирения и кротости их.



Две же есть Галилеи: Верхняя и Нижняя. Окружают их Финикия и Сирия, а с запада солнечного — Птолемаида и гора Кармил, прежде галилейская, теперь же тирская.



У горы Кармил расположен город Гава, называемый Городом Конников, поскольку Ирод, когда распускал конников своих, туда посылал их для пропитания. На юге Галилею окружает Самария и Скифополь вплоть до вод реки Иордан. На востоке же Галилея граничит с Гиппосом и Гаддарой. Северные же земли Галилеи кончаются там, где начинается Тирская земля.

Нижняя же Галилея протянулась от Тивериады до Завулона, а в ширину — от Большой равнины и селения Ксалос вплоть до Вирсавии. Оттуда же начинается Верхняя Галилея, которая протянулась до селения Вака, а в ширину — от Феллы, селения у Иордана, до города Мерофа.

Хоть и велики обе части страны Галилейской и столькими народами окружены, но галилеяне всегда были готовы к войне и всем нападавшим на них давали отпор.

Оучахомсяизъмлада сіл ратномудѣ кычаю и оумноужишласмьрѣдѣ . инѣстрашкдержи моуттьхъ . низемлѣшесмоудѣтьлюдіи . понеѣжесоуттьвсѣмтоучнаяблгодѣтна . ісѣмисамидоброплодьныминаселѣна . нѣбыдіеѣмшѣпокоудитинаслтрада нїе , инестрадолюдъ . оустроенаѣжесть вѣземцемъ . инѣстьмѣстаѣнпразна . нъградѣхчасти , иселаѣкизвѣзды . илю

Ибо приучают себя галилеяне к войне с ранней молодости, и многочисленны они весьма. И страх не властен над воинами этими, и земля их не оскудевает людьми. Ибо почва во всей Галилее жирная, и травы сочные, и сады полны всякими плодовыми деревьями. Изобилие этой земли может побудить к труду даже того, кто не любит трудиться. И обжита вся земля галилеянами, и нет места на ней незанятого, но везде города частые, и сел как звезд, и людей

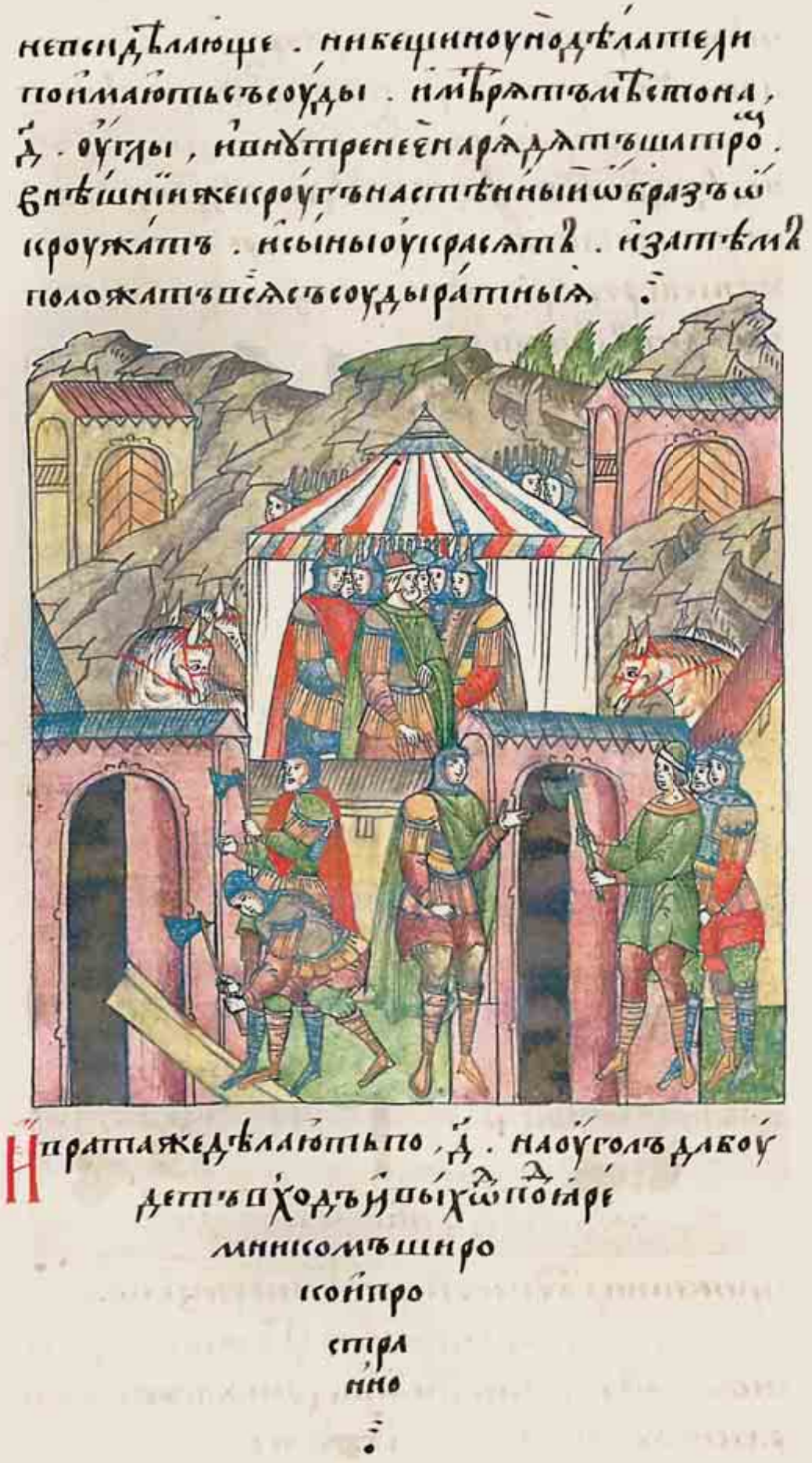
не сосчитать, так что в самом малом селе живет 16 тысяч человек.

Сады дают, в основном, масло, вино и финики. Орошают же их потоки холодные, с гор текущие. … Теперь расскажем о римлянах. Огромное царство их не было каким-то чудом им дано, но они сами добыли его мудростью и своим потом. Ибо не только во время войны берутся они за оружие и начинают действовать. Как будто рожденные с оружием, они никогда с ним не расстаются, и не ждут особого времени, но всякий день, как будто на войне, упражняются.

Потому и легко римлянам в бою, и страх не берет их, и усталость не одолевает, и беспорядочность боя не нарушает их боевого порядка. И сопровождает их везде победа уверенная на врагов. Если кто назовет их игровые учения бескровными сражениями, то не отклонится от истины.

Когда же приходят на вражескую землю, то не начинают воевать, пока не окопаются. Место же, где хотят остановиться, выравнивают, если оно неровное.

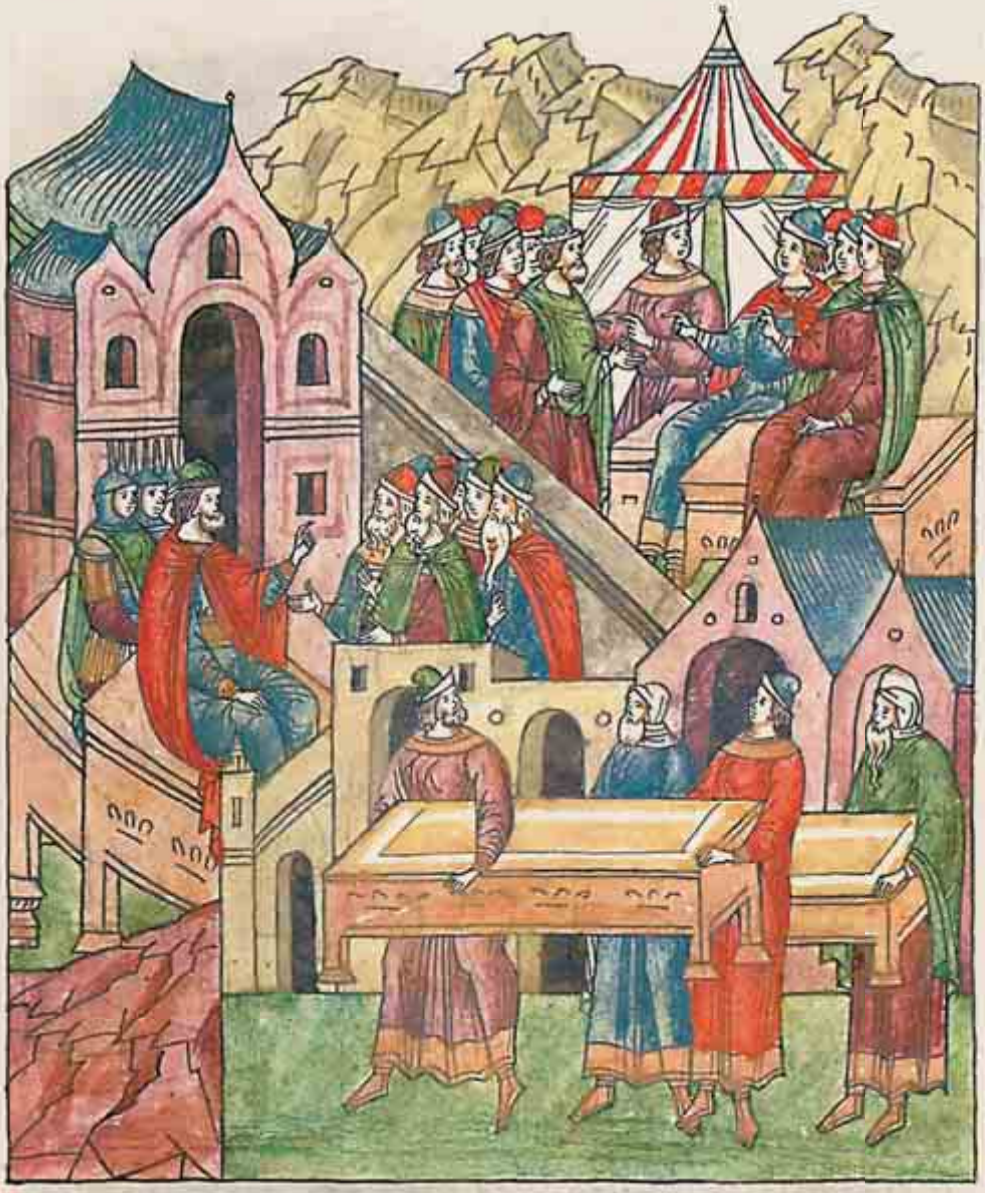
И не все делают стан, и не как попало, но строители берут инструменты и отмеривают четырехугольное пространство, внутри которого располагают шатры, а внешний круг как стеной окружат, и располагают по этому кругу все орудия боевые.



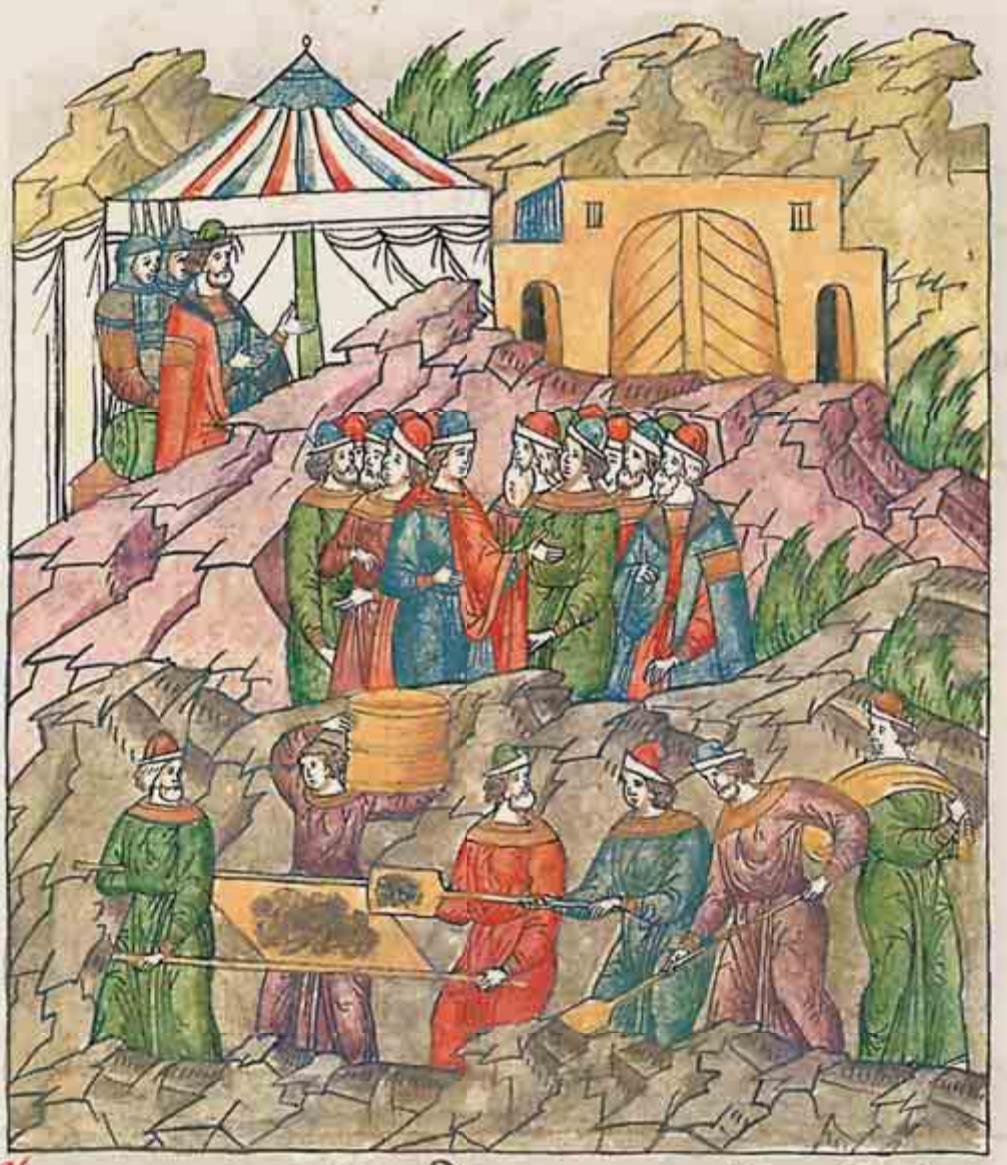
Ворота делают в каждом из четырех углов, такие, чтобы был вход и выход вьючным животным, и широкие достаточно.

Нѹлицꙋстроѧтьмежюшоемъ . посредѣ
игѹмонѣсыишатерѣстѧщатьподо́бе
цр҃кви . ѝкоупцемъ ѝномѣстоподаетъ
длякоупѧть . ѝпродаютьчтоскомоуна
потре́коу . ѝноѥкероукодъ
ѝцомъ ѵначалнико
полсѧнного҃во
ѥподамъ
:

Н улицы делают в стане между шатрами, в середине же шатер военачальника ставят наподобие храма. Отводится в римском стане отдельное место и для купцов, чтобы торговали всем необходимым, также и ремесленников располагают отдельно, и руководителей войска.



Также есть место около военачальника с особыми сидениями для судей. Там разбираются споры. Если судьи не могут решить спор, то спорящих ведут к начальникам отрядов.



Ящеженититопередегемона . оставитьяжеслиобрытиетоскоркемыслимнѣяже стиломъихитростиюдѣлатель . роу҃ъ копаютьокрестъ . д҃ . лакотъвглоубинѣ . вкширѣ . д҃ . истоитътоуемолчаниемъ , истихостиюиничтоѣжекезнарада , ибе оутшержениѣмъ почитаю тѣмъ оуни хъ ;

Если же и начальники отрядов затрудняются решить спор, то обращаются к начальнику войска. Ставят стены и окапываются римляне быстрее мысли за счет множества и умения рабочих. Ров же копают вокруг стана 4 локтя в глубину и в ширину 4. Жизнь в стане идет тихо и спокойно, и ничего без основания и без распоряжения не делается у них.

Идут ли за травой, или за дровами, или за водой, то обязательно спрашиваются и обеспечивают себе охрану. Самовольно римские воины не едят и не пьют, но трубы у них есть, издающие разные звуки, по которым узнают, когда что делать.

Ѝ́нъ гласъ оу́коуже́нїа ѓ҃ и҃ дъ же́ вставле́нїѧ .
и҃ли ѓ҃ зде́нїа . и҃ли спа́нїю . и҃ бе́зъ гласа
не и҃ма́ютъ ничто́же сотвори́ти . е҃гда
хотя́тъ изы́ти ѝ҆з ѡ҆́крыт҃їѧ . тогда́ ѓ҃
гласи́тъ трубо́ю ѡ҆ни́ согла́сна . ѓ҃ вои́
спѣ́шне ѡ҆бстра́иваю́тсѧ . и҃ не пра́здно
соу́чи́тсѧ никомоу́ . и҃ па́ки и҃ згласи́тъ мно́
гы́ми трубы́ми и҃ тогда́ сѣдла́ю́тъ ѡ҆сли́ и҃ мулы́
зе́лы . и҃ на́мисы всѧ́ носи́маѧ ·

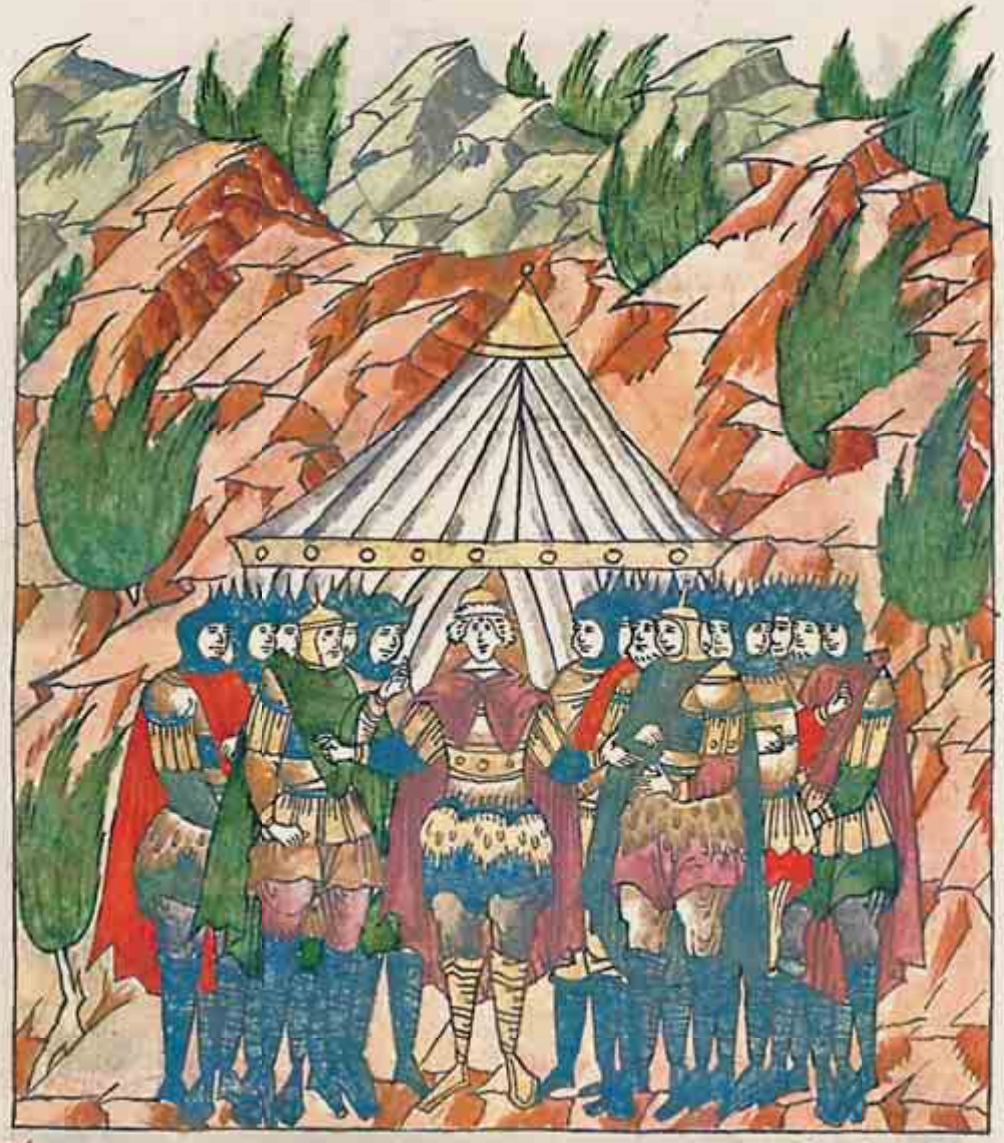
Один звук означает, что время просыпаться, другой — что время обедать, третий — что пора спать. И без звука трубы ничего не делают. Когда римское войско покидает стан, то звучит труба, издающая высокий звук. И тотчас встают воины и начинают строиться, и без дела не остается никто. И снова протрубят многие трубы, и воины навьючат на ослов и мулов все, что переносится.

И в третий раз протрубят в знак того, что пора покидать стан. Тогда уже никто не должен медлить ни по какой причине и не имеет права оставлять свое место в строю. И вестник с правой стороны от военачальника встает на высоком месте и на родном для воинов языке взывает трижды: «Готовы ли к бою?» И воины восклицают трижды, яро весьма и бодро: «Готовы!»

Наполны тогда они воинственного духа. И вместе с этим кличем садятся римские воины на коней и поднимают правую руку, и тогда трогаются в путь. И идут тихо, в строгом порядке, каждый на своем месте. Место, где был стан, сжигают, чтобы оно не стало врагам прибежищем.

Пешие воины римлян защищены броней и шлемами. Слева у них сабля длинная весьма, а справа меч шириной в пядь. А те избранные пешие воины, что вокруг военачальника, несут метательные копья и щиты круглые. А прочие воины несут копья, и длинные щиты, и корзины, и пилы, и косы, и топоры, и ремни, и серпы, и цепи железные, так что пеший воин едва ли не наравне с мулом тяжесть несет.

Конницы же римляне с правой стороны носят саблю длинную, и длинное копье в руке, еще есть у них щит длинный до ребер коня, и колчан с тремя метательными копьями, имеющими большие железные наконечники. Шлемы и броня у конников такие же, как у пеших воинов. И у всех одинаковое оружие, и у вельмож, и у простых воинов. И не всегда один полк идет впереди, но меняются.



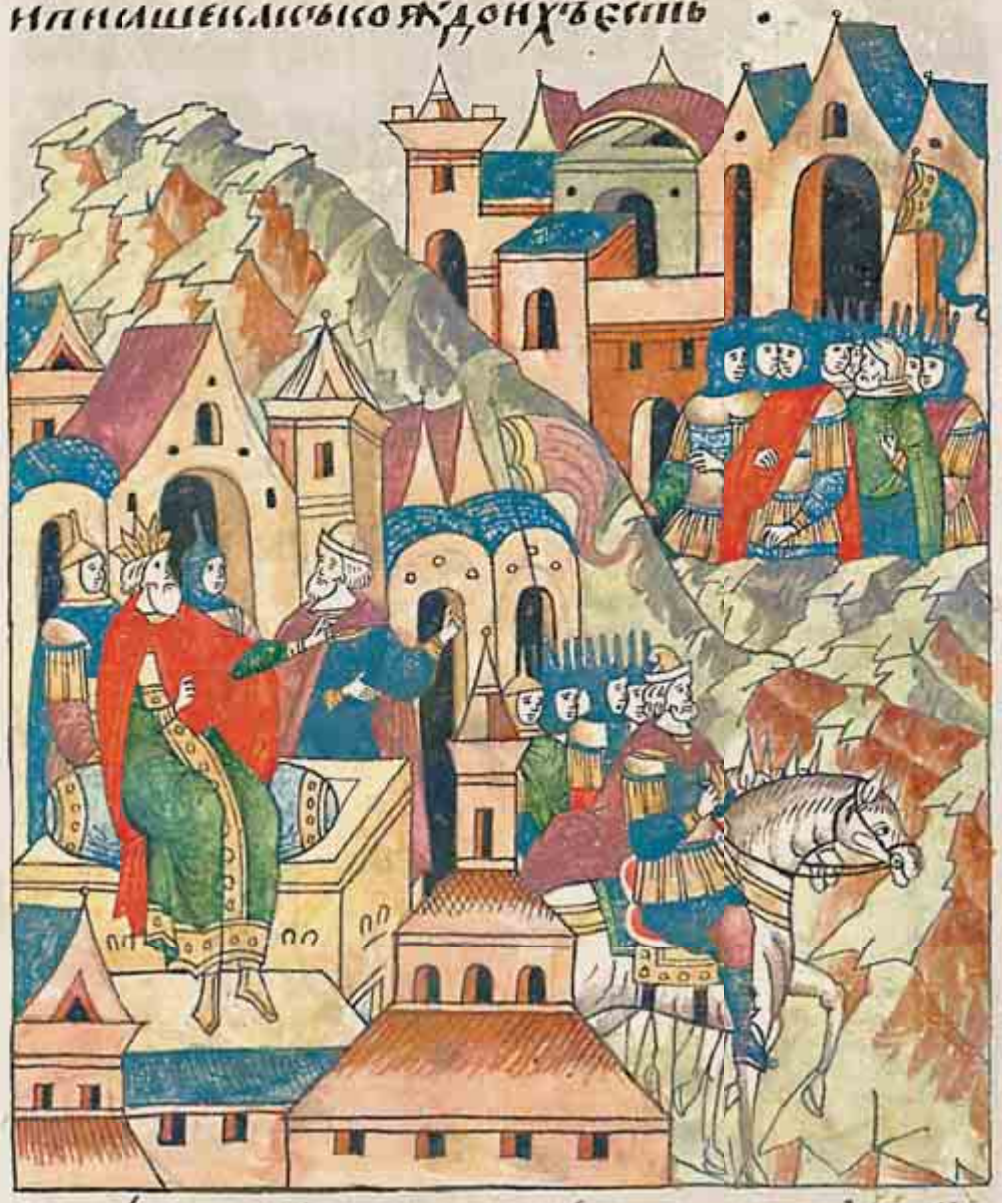
Без совещания римляне не начинают сражения, потому они и не ошибаются никогда, а если и ошибаются, то сразу скоро исправляются. Если же из-за везения, а не по замыслу победят, то считают это не победой, но поражением. Если же, действуя по замыслу, допускают ошибку, то ошибку эту считают победой, потому что не случайно побеждены были, но действуя по замыслу. Если же кто-то случайно, не по замыслу, победу одержит, то не считают это предметом гордости. А если кто-то и в погибель попал, но делал все как задумано, то этим гордятся и утешаются,

что не бездумно погиб.

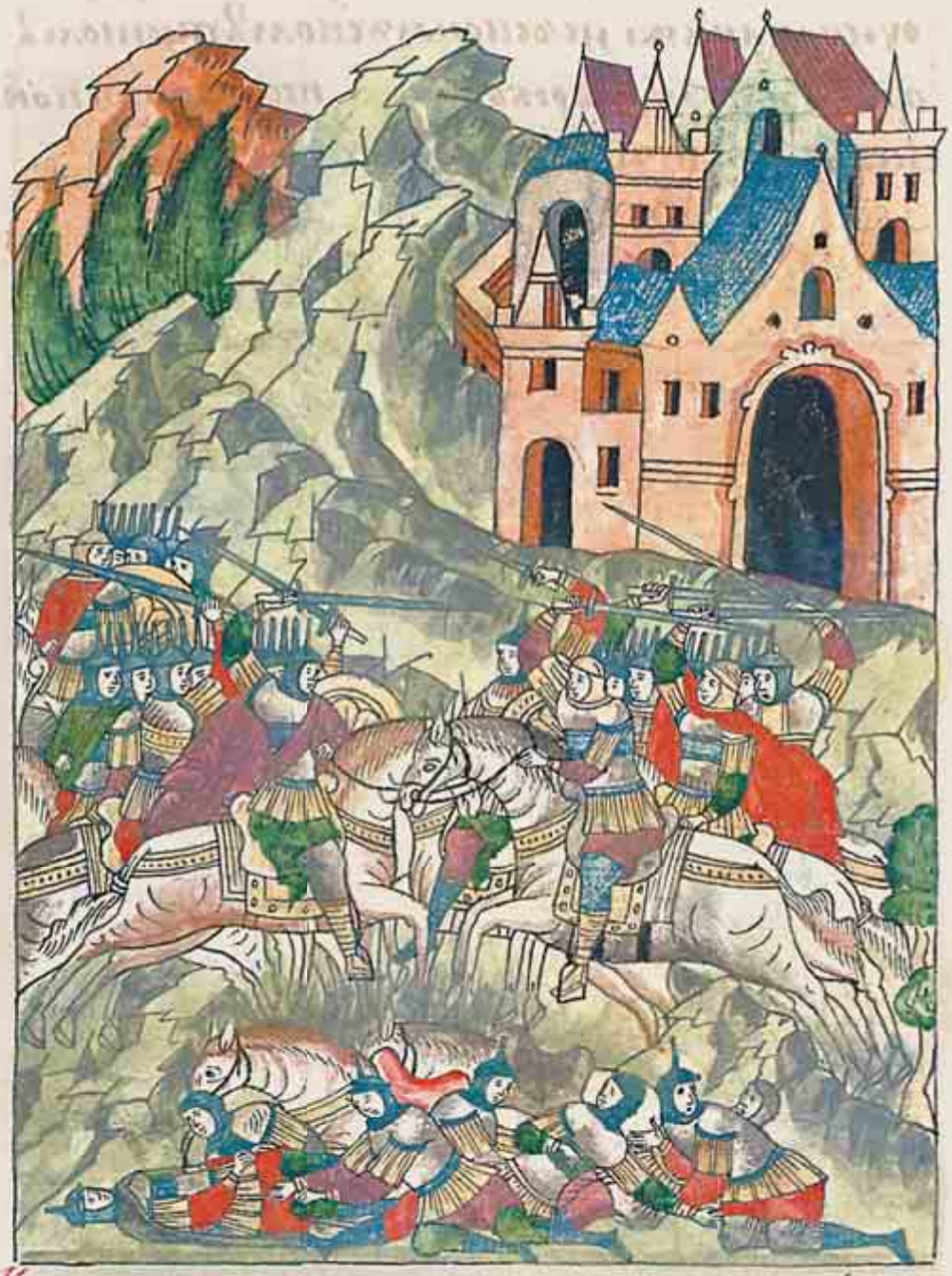
Укрепляют же римляне упражнениями с оружием не только тела, но и души. Закон же у них очень строгий. Не только того, кто убежал с поля боя, осуждают они на смерть, но и того, кто не успел к бою. А начальники их еще более строги, чем закон, они награждают лучших, а злых и непокорных мучат. Поэтому войско у них — как одно тело: так сплочены

ряды их, так быстро и слаженно перемещаются. Уши их напряженно ждут приказаний, глаза на знамена устремлены, руки к сече готовы. Потому и делают римляне быстро то, что хотят, и раны чаще наносят, чем получают. Их не победить ни множеством войска, ни теснотой места, ни хитростью. Потому не удивительно, что на востоке Евфрат повинуется им, а на западе океан, а на юге Ливия плодородная, а на северной стороне Рим. И это я написал не для того, чтобы похвалить римлян, но с целью утешить завоеванных и осудить мятежников, а также дать пищу для размышления тем, кто любит труд и чтение, чтобы знали они о римской жизни.

Веспасиан же со своим сыном Титом в Птолемаиде находился, испытывая воинов и записывая, кто на что способен.



Плацид же, которого Веспасиан послал для завоевания Галилеи, желая получить славу, устремился к Иотапате, городу, который является столицей Галилеи и укреплен лучше других. Горожане же, узнав о приходе римлян, встали перед городом и вооружились.

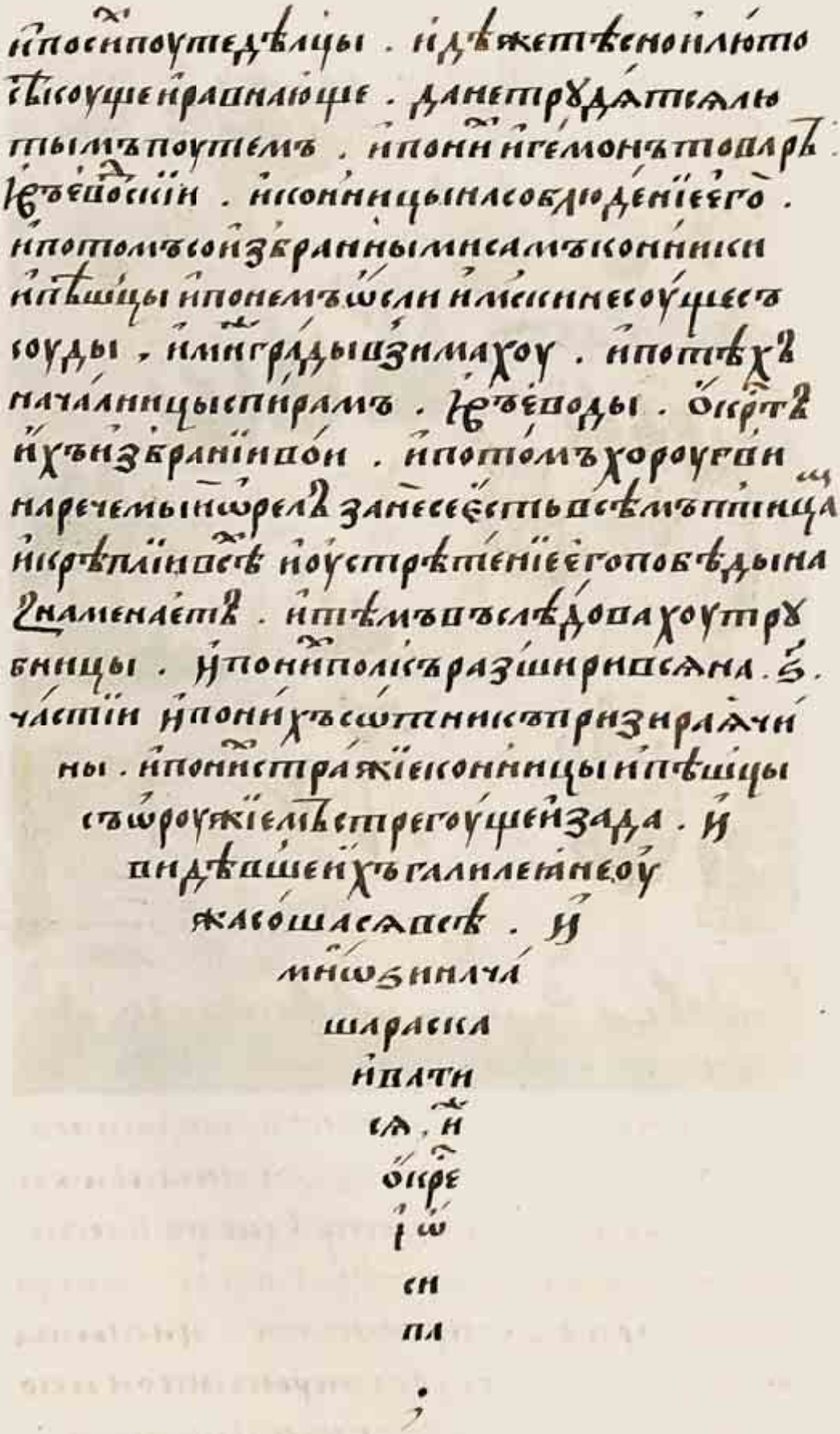


Вступив в бой с римскими полками, жители Иотапаты скоро отбили их и ранили многих, но убили всего 7 человек, поскольку римляне обычно отступают, если побеждены, но отступают спокойно, чтобы нельзя было узнать, что они отходят.

Нлбїеоуспасїанъпогнайшїптолемаїдынагалилею . ипоелъвшоемъходитинатакошкы чанёстьримлянномъстрѣлцемъ илегко оружникомънапередъдаблюдоу . днеза лїнагопринъздапротишны . инспыта юттьеда когдабоудоустокрытишоиипо лѣсомъ . ипони йтигрѣднистьцемъ . ёдиначастыконнись . адроугаячьше ,

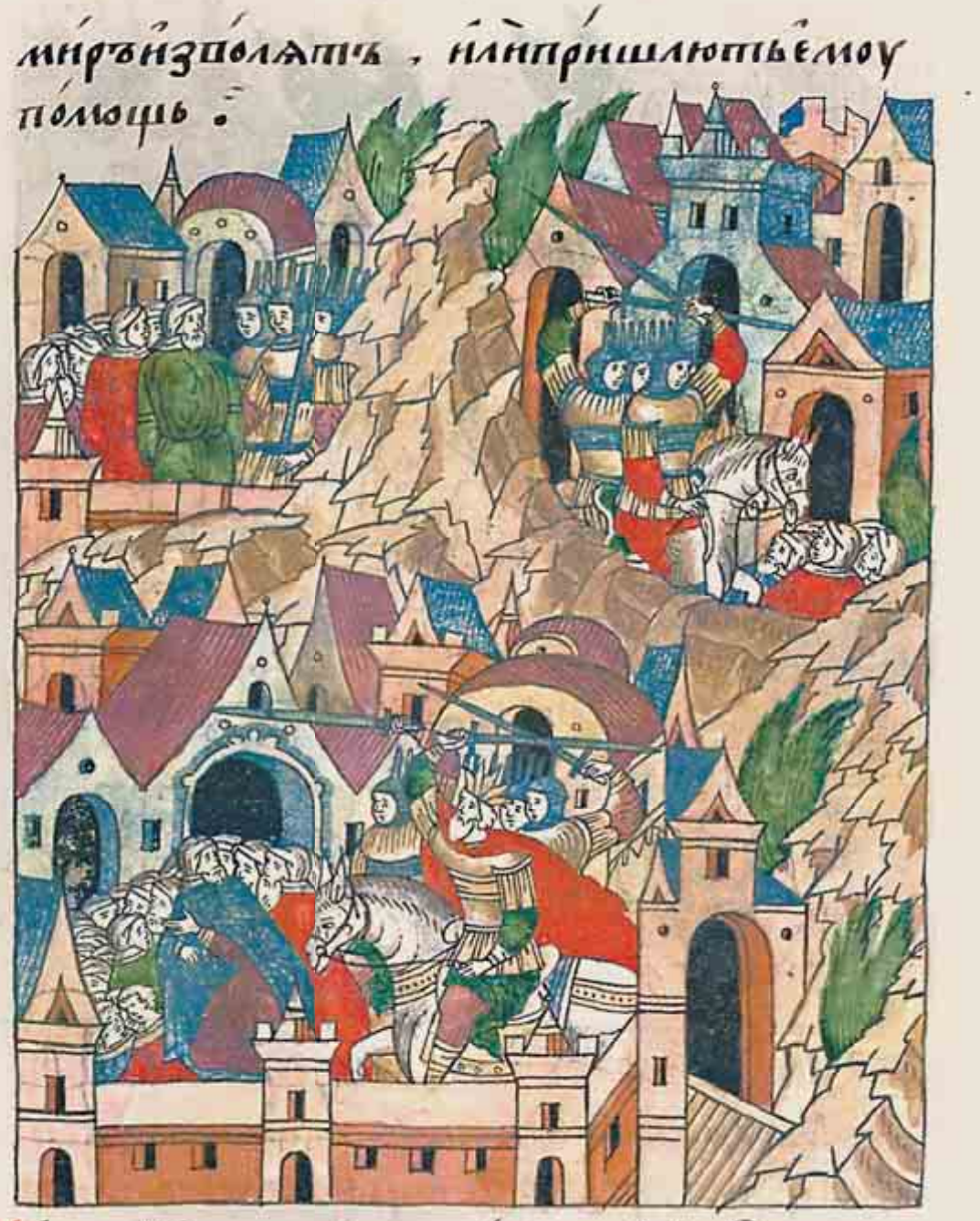
После действий Плацида Веспасиан сам двинулся из Птолемаиды в Галилею. И повелел он войску идти так, как обычно ходят римляне. Стрельцы и легковооруженные впереди охраняют остальное войско от внезапного нападения противника, и узнают, не скрыты ли неприятельские воины в лесах. Потом идут тяжеловооруженные воины: одна часть — конные, а другая — пешие.

После них идут рабочие, делающие дороги, там, где тесно и тяжело пройти, они прорубают дорогу и выравнивают ее, чтобы воины не уставали от трудного пути. Затем едет обоз главного военачальника и начальников отрядов под охраной конных и пеших воинов. Затем идут ослы и мулы, таща боевые орудия для взятия городов. После них двигаются начальники отрядов и полков, окруженные избранными воинами. Затем несут хоругви и так называемого орла. Ибо орел всем птицам птица, и сильнее всех, и образ его победу означает. Затем идут трубачи. А потом и основное войско по 6 человек в ряд, сопровождаемое сотниками, которые следили за порядком. В самом конце двигались конные и пешие воины с оружием наготове, охраняя тыл. И видели галилеяне римское войско и ужасались все, и многие из окружения Иосифа, пишущего эти строки, а тогда возглавлявшего галилейское войско, стали раскаиваться.

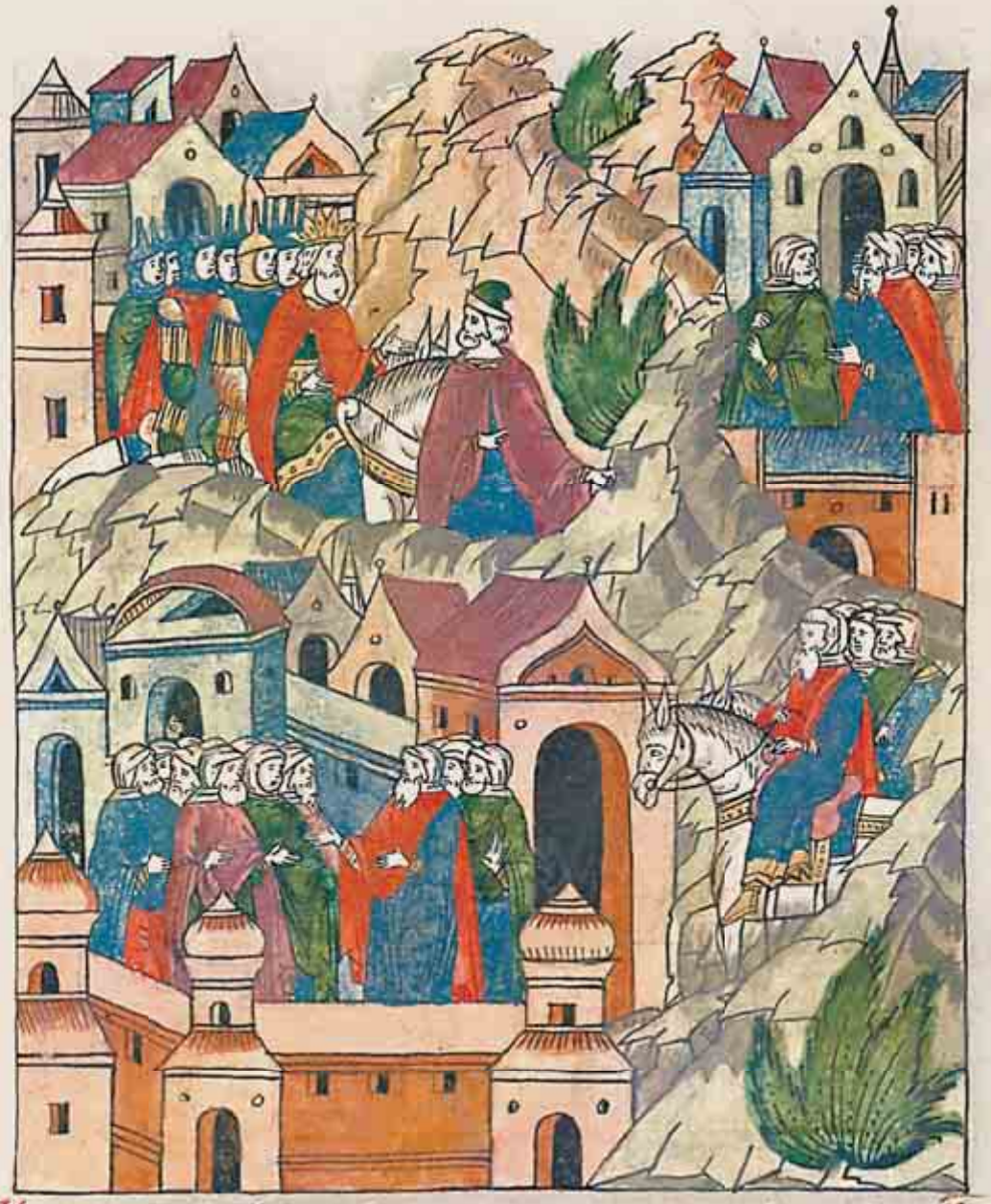


Прежде даже, чем увидели перед собой римское войско, евреи бежали с Иосифом в Тиберияду. И были полны страха все жители Тиберияды, понимая, что не бежал бы Иосиф, если бы не отчаялся победить. Иосиф же предвидел, какой конец ждет иудеев, и осознавал, что не будет им спасения, если не раскаются. Сам же он надеялся на милость римлян, однако решил лучше умереть с народом, нежели предать отечество свое и власть, данную ему. И написал Иосиф властителям в Иерусалим правду обо всем. Чтобы те либо

на мир согласились, либо прислали ему помощь.



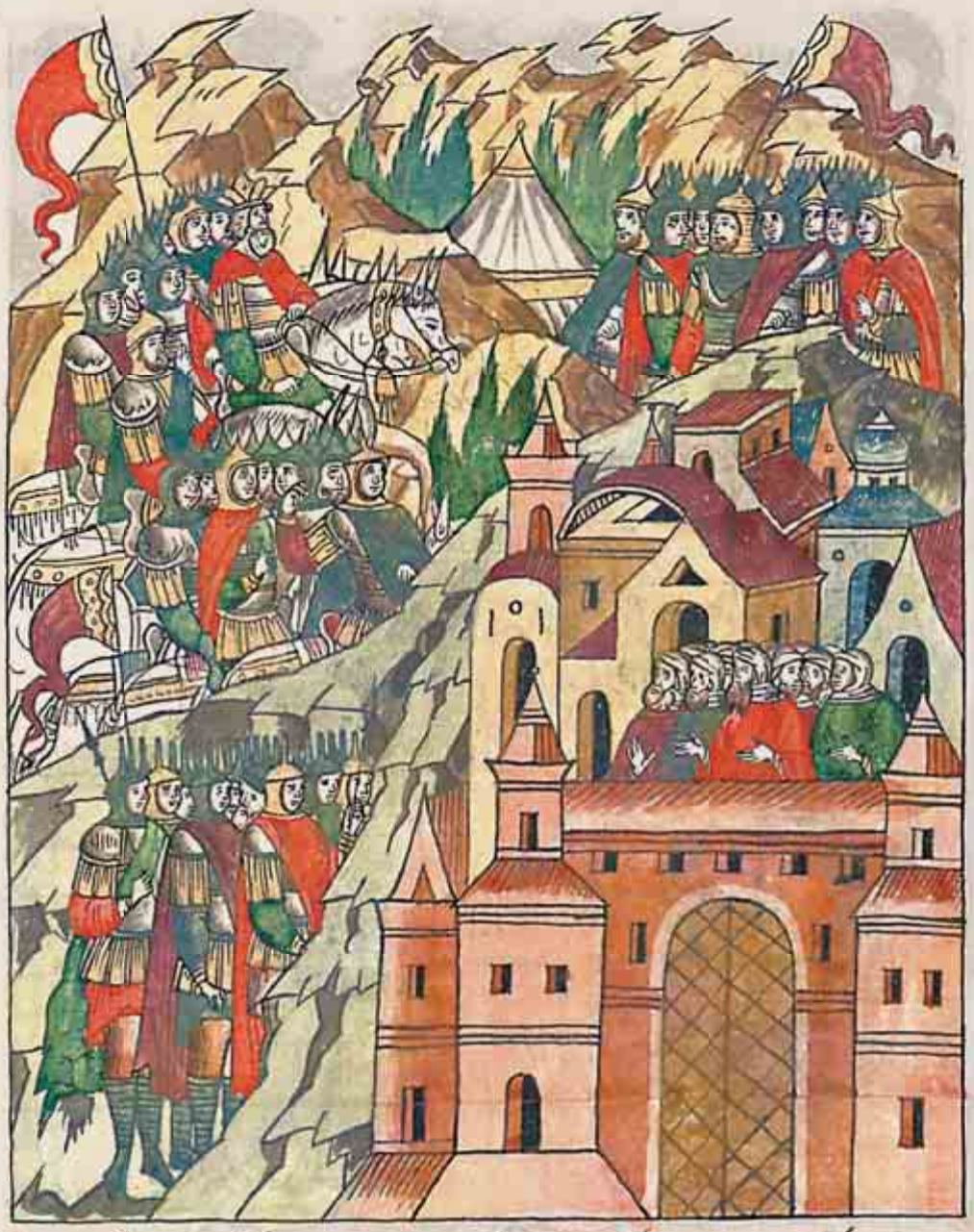
Веспасиан же взял галилейский город Габару и окрестные селения, и не пощадил ни стариков, ни младенцев, но всех казнил.



Затем Веспасиан пошел к Иотапате. Узнав об этом, Иосиф пришел туда из Тивериады и поддержал иудеев. И кто-то сообщил Веспасиану о приходе Иосифа, и тут же двинулся Веспасиан к Иотапате, думая, что с Иосифом всю Иудею возьмет.

Й послалплакидоуспы гачеюсонникъ . да
ѡбкстоупятпыгра
дабынеоу
ѣбѣжа
іѡ
си
пъ
:

Й послал Веспасиан к Иотапате Плацида с тысячей конников, чтобы те окружили город и не дали убежать Иосифу.

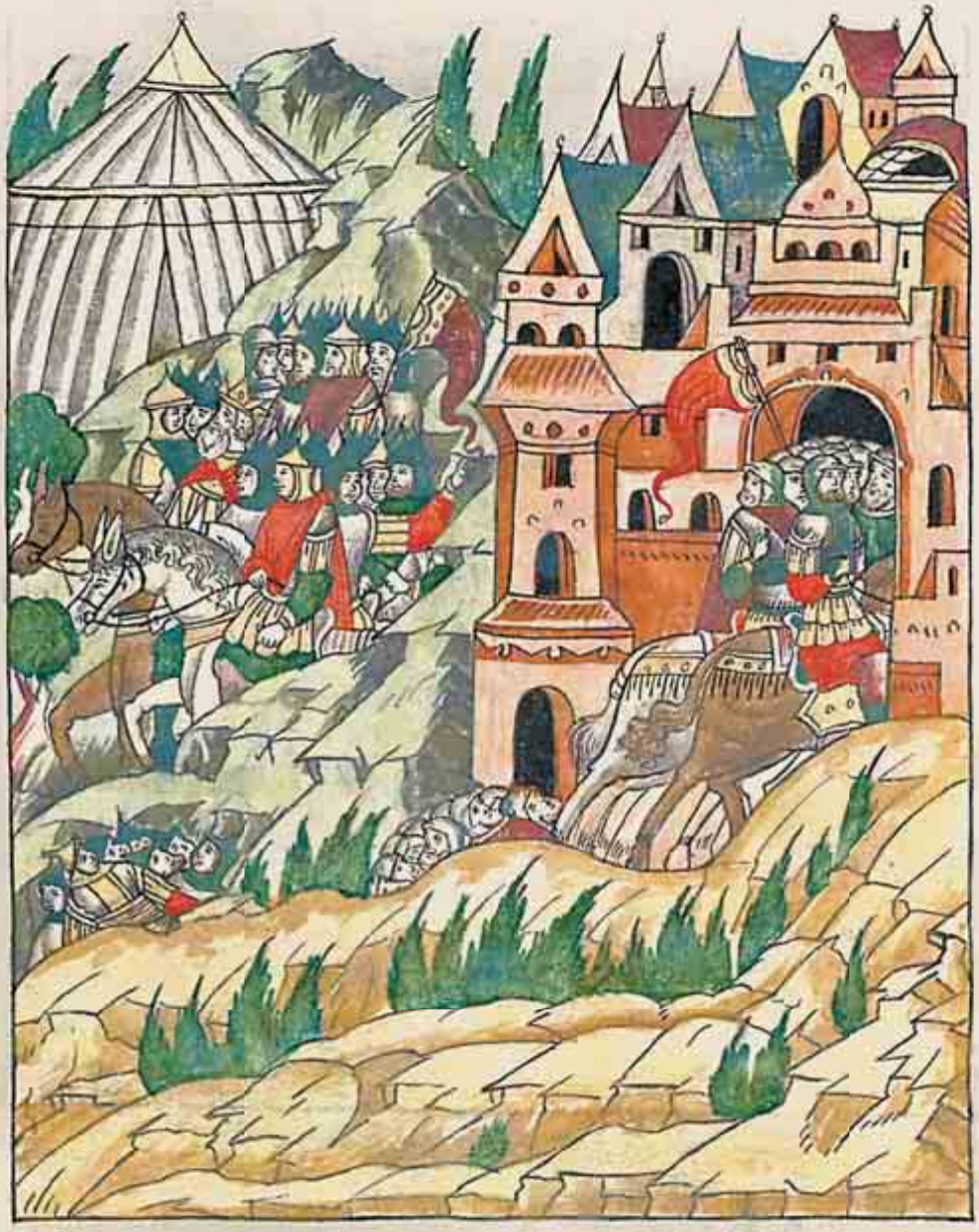


Самъ же Веспасиан через один день со всем войском пришел к Иотапате до полудня и пеших воинов расположил вокруг города в два ряда, а за ними еще ряд конников, так что осажденным были перекрыты все пути из города.

Иудеи же вышли и встали перед воротами. Веспасиан же направил на них стрелков, и камнеметные орудия, и все, что поражает на расстоянии, а сам с пешими воинами стал взбираться к городу, где уже можно было подкопать стены.

Ноубо́ласѧ́шесѧ́ъ . и́дыскочи́ исни́мъ вси
ю́де́и . и сна́шасѧсерѧ́мляны и сѡ
гнлшла́ и́сѣ
кшесѧ
весь
дѣнь
ѧ

И испугался этого Иосиф, и поспешно вышел он из города, и с ним все иудеи, и сошлись с римлянами, и отогнали их, и рубились весь день.

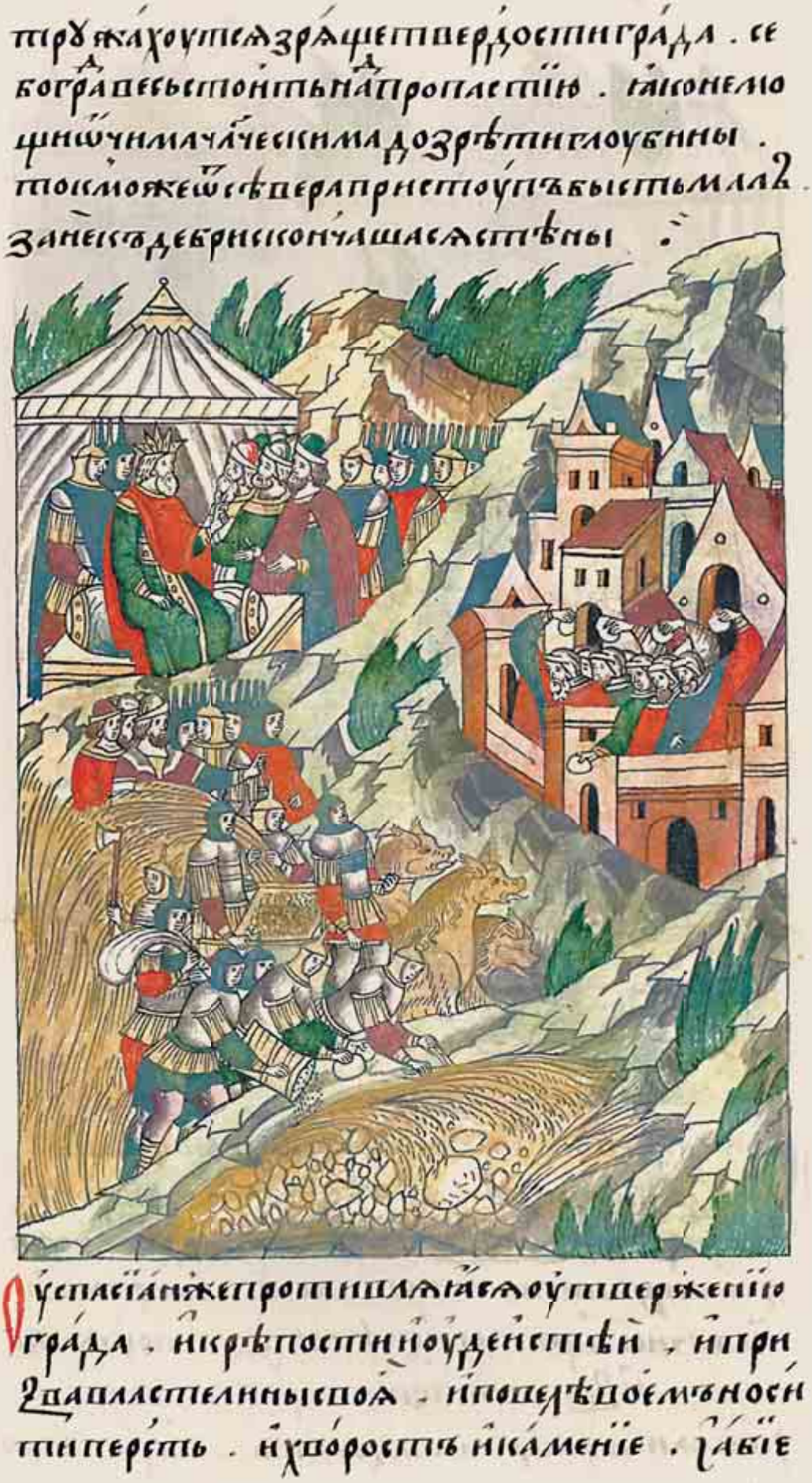


На ночь неприятели разошлись. В тот день у римлян было много раненых и тринадцать убитых, у евреев же раненых было шестьсот и 17 убитых.

Ѝ наоутрїе пыше ѣше нападо́ша на рима́ляны
ніцѣ мнкрѣтуѣ . обрѣто́ша же ся протн
ни́ кр ѣпльшейхъ . и допа́ша го дне би́ша
ѝ кыпиндѣ ктилому копїнный . и скрежьта́
нѣмечное щиты нсѣкошани . и моу́ жи но
сими . и земля напо́ишлакро́ще . ли́нїюдеи
рима́ляхоу́ страшишахоутиса . ни рима́ляне

На следующий день иудеи вышли и напали на римлян весьма крепко, но противники оказались еще крепче их. И так пять дней бились они, и можно было видеть, как копья ломались, и мечи скрежетали, и щиты трещали, и воины носились, и землю напоила кровь. Однако иудеи римлян не устрашились, равно как и римляне

не отчаивались, видя, как укреплен города. Город же этот весь стоит над пропастью, дна которой не может разглядеть человеческий глаз. Только с севера приступ был небольшой, поскольку горный склон подходил к стене.



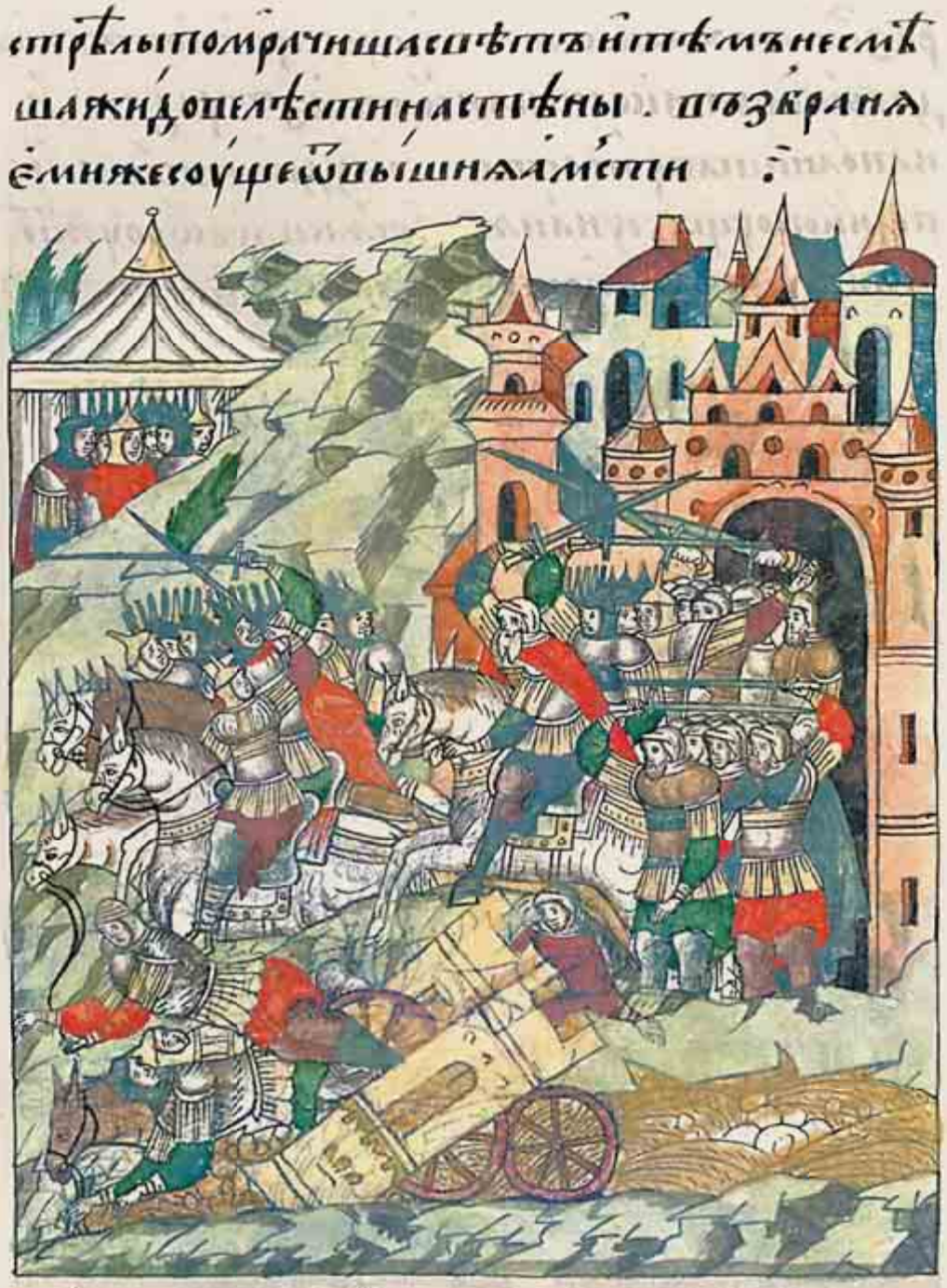
Веспасиан же старался и твердыню города одолеть, и крепость духа иудеев сломить, и призвал он военачальников своих, и повелел через них воинам носить землю, и ветки, и камни, и воины

разъ́шесяпонесо́ша . ноустроѝшежелы
да́бышанепаосстиниймъизъграда , и
наполнишапропасти , ноудеяжекаме́ніе
велѝсопоущахоуна́на . всѧкимъ ѡроужіе
совахоуна́на . ноневоуспѣшаничтоже .

Веспасиан же поставил вокруг города стенобитные орудия, было же их 60, и камни метал, и копья, особыми орудиями запускаемые, шумели, и

сразу же разошлись и стали носить.
И устроили прикрытия, так называемые «черепахи», чтобы не вредили им из города.
И заполнили римляне пропасти, иудеи же камни большие сбрасывали на них и всяким оружием пытались помешать римлянам, но безуспешно.

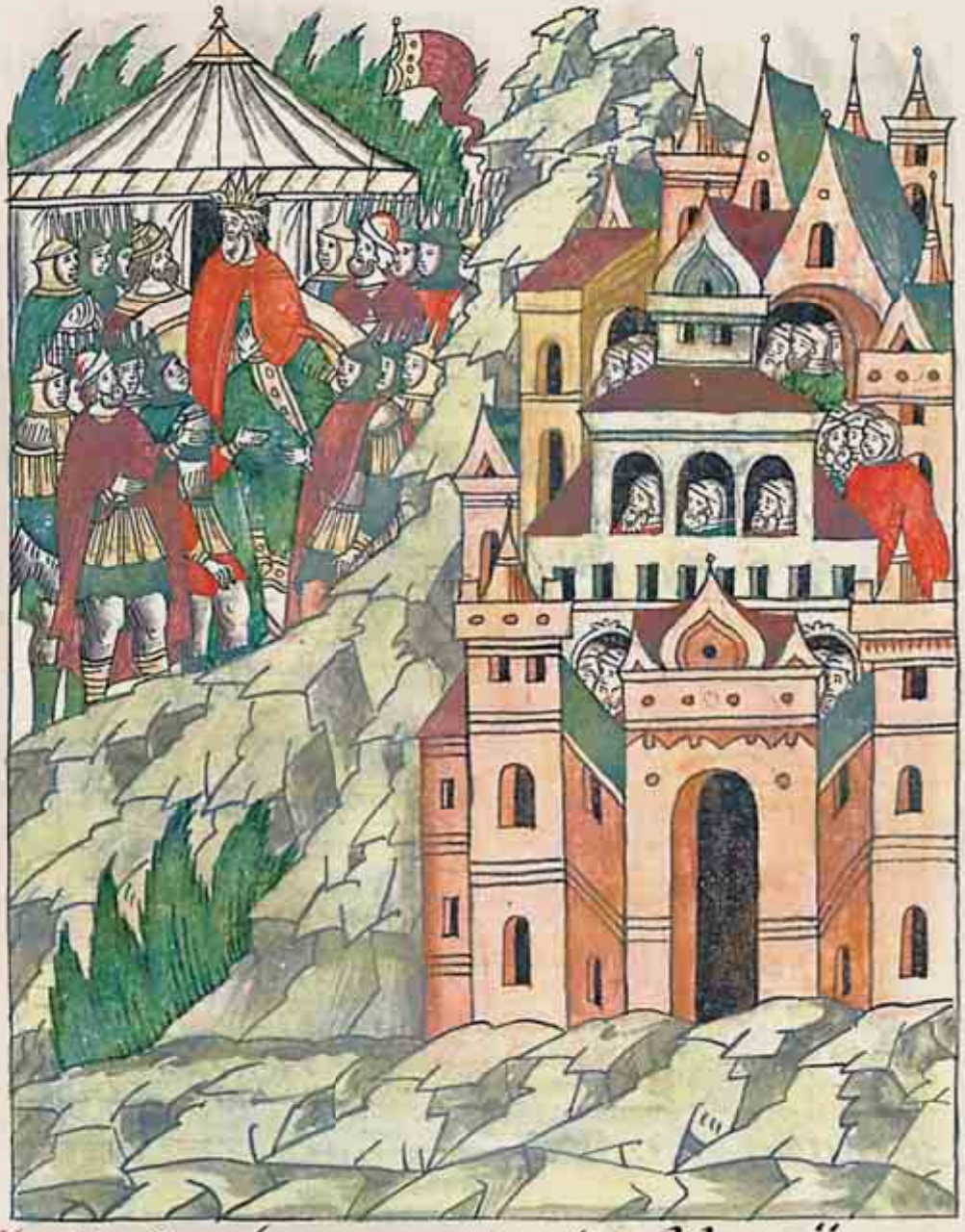
стрелы помрачили свет. Потому не могли евреи выйти на стены и сверху поражать римлян.



Выбегали же евреи, как разбойники, из ворот внезапно и прикрытие-черепаху срывали и находящихся под ней рубили.

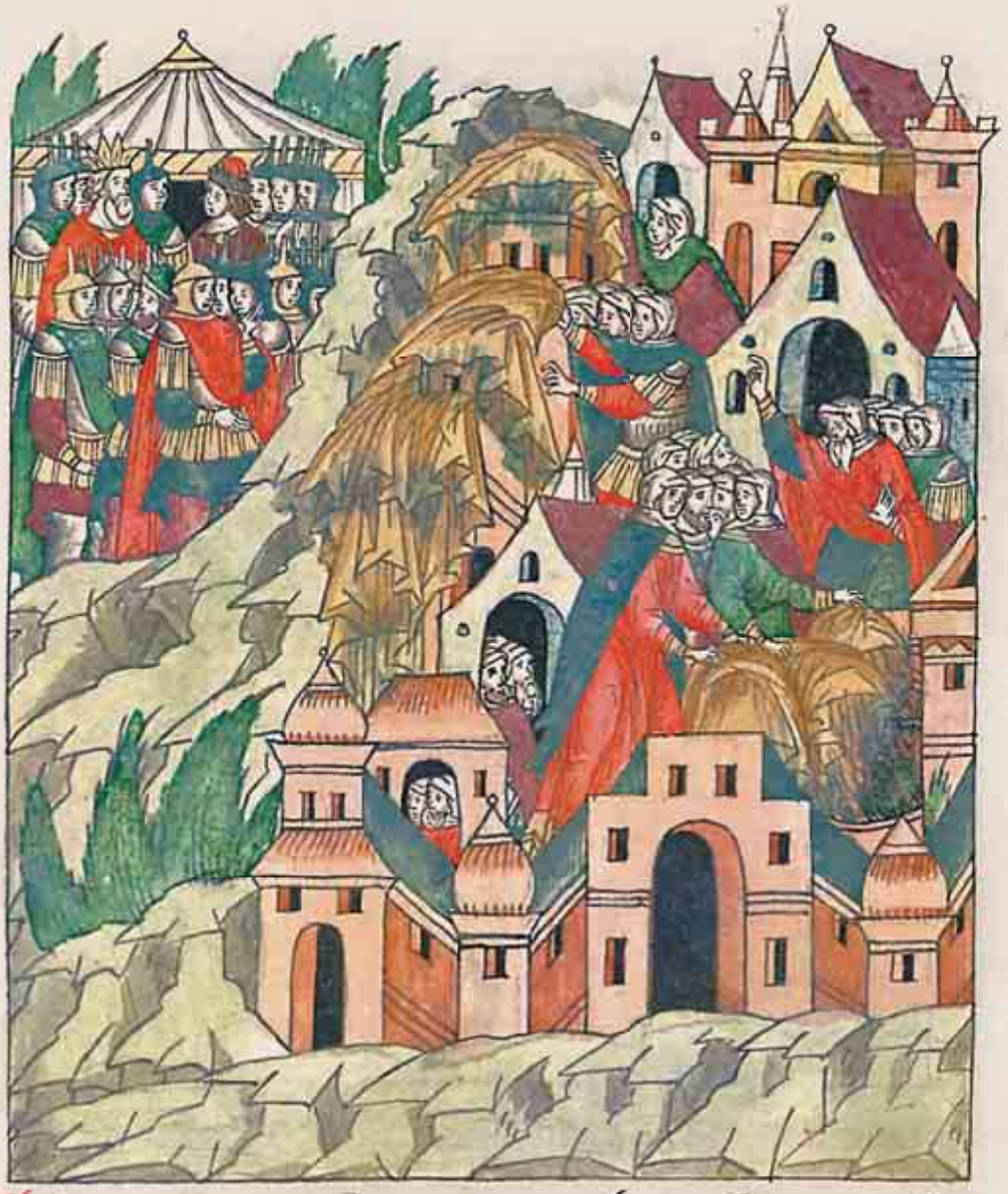
Оуеспесіанъ же повелѣ покровъ съ творити
отъ конецъ до конецъ града . и приспоу дыше
града . и тъи же ѿ дѣлъ свои соупи дѣла
телѣ . дабы шапыше създѣлали стѣну .
ѿ нѣмъ же немогоуцимъ ѿ сѣкаменіа и стрѣ,
и сепокровъ имъ оустрои но подранымисо
жами полоуами . и тако дѣлающе зло
и дни . и създа шадоуна десѧть лакоть
а създышестѣны :

Веспасиан же повелел прикрытие сделать сплошное вдоль всей стены города. Иосиф же собрал строителей, чтобы они выше сделали стены. Те же не могли строить из-за камней и стрел. И тогда прикрытие им было сделано из только что содранных воловьих шкур. Строители работали днем и ночью и подняли на двенадцать локтей стены.



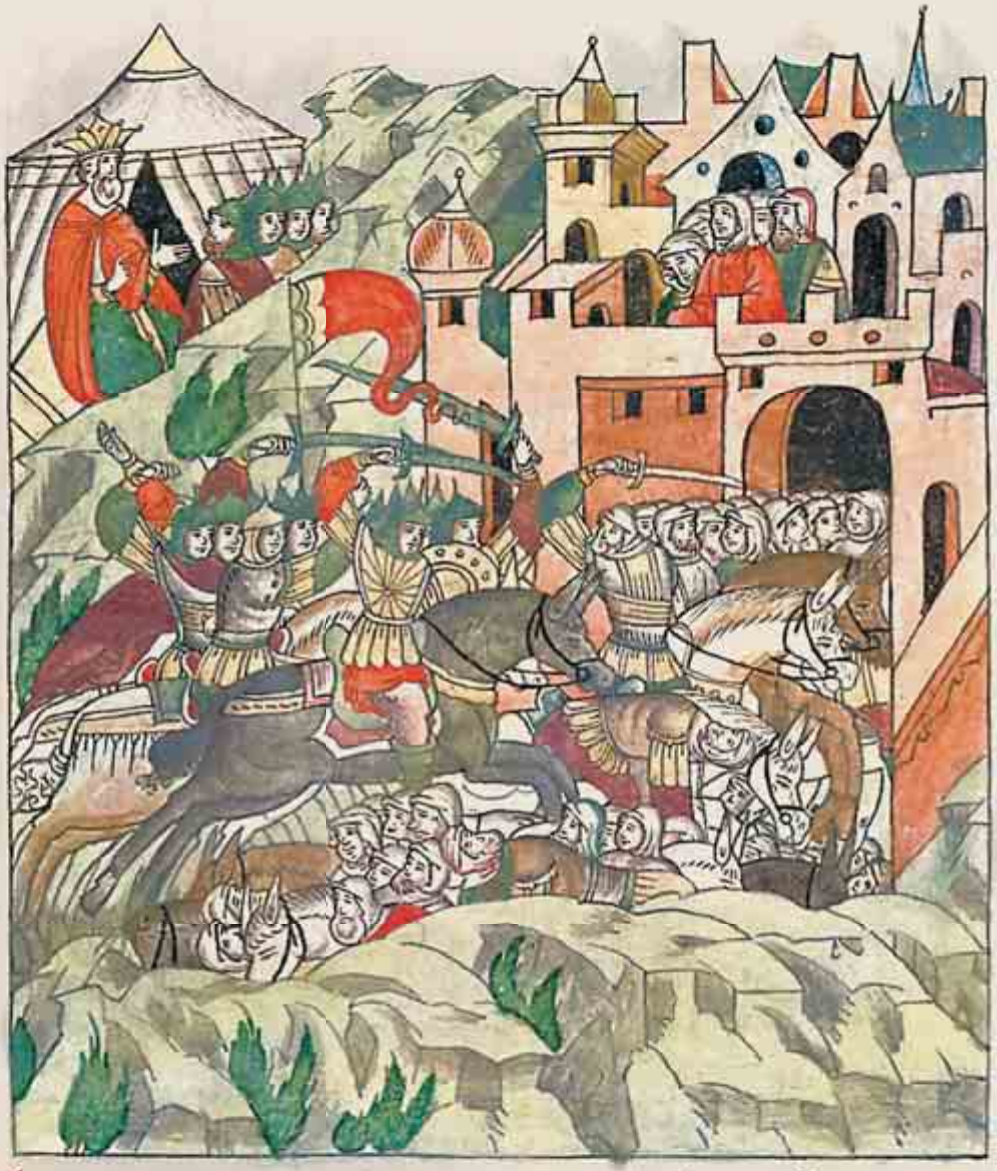
Из-за этого сильно удручен был Веспасиан, поскольку не мог ничего придумать против такой высоты стен. И отозвал он воинов, и оставался около города, и помышлял голодом взять его. Но в Иотапате было изобилие всякой пищи. Не хватало же им соли и воды, поскольку не было ни источника, ни колодца внутри города. Веспасиан же надеялся, что из-за жажды сдадутся ему иудеи.

Ѝ ѩ҆жѐ дѣ́лнсѧ бы́сть печа́ль оу҆е҆спсіа́ноу.
Занѐ не помы́слн что̀ помы́слнтн высоть
то́нпротнво́у. нѝ́ занѐ бо́ѧсѧ дебе́лн́ко
гра́да до́умаѧ. да гла́до́мъ возмето́ѧ.
о́нѣ́мъ же́ бѣ́ше бы́ло всѧ́кого бра́шна. ѡ҆́бн
дѣ́же оу҆нн́хъ со́ль нѝ́ вода. занѐ не бы́сть ѝ
сто́чнн́ка нн́кла́дѧ́ше бо́ѧ́нѹ́ тр҃ы́ гра́да.
оу҆е҆спсіа́нъ нн́ко́ѧ́же ю҆ пре́да́сть сѧ́ ѥ́мѹ́.



Ѝ ѡсифъ же хотѣ непрелщнѝтноу ѹпованіе
его . повелѣ ѝзмочѝтиминѡгѝризы .
ѹпоставѝтиплостѣхнахъ . да капле
тѣ ѿнихъ . ѝ мѧкоѹжасъ
ѝпечаль
прїи
ма
ны
.

Иосиф же хотел сломить надежды Веспасиана и велел смочить множество одежд и вывесить их на стенах города, чтобы капало с них. Это в страх и уныние повергло римлян.

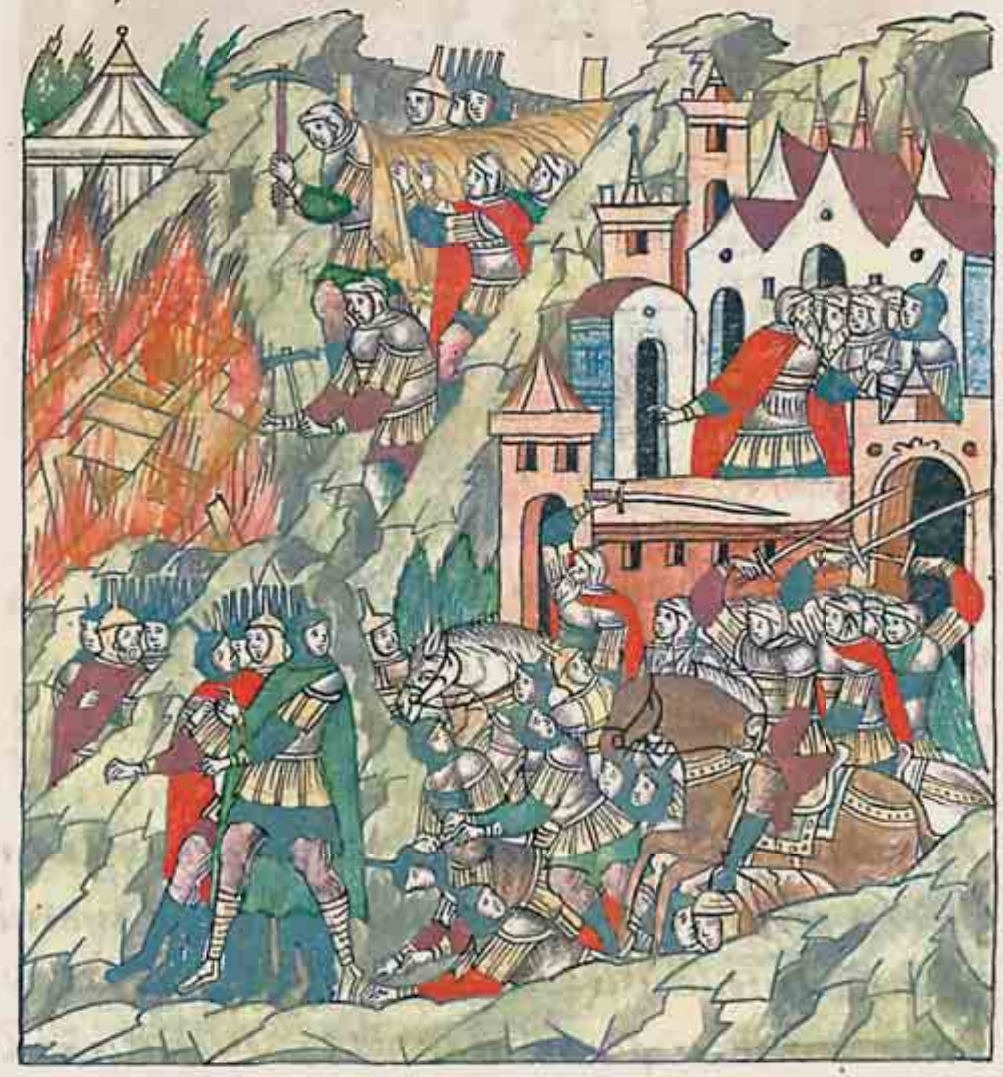


Военачальник римский отчаялся голодом взять город и снова обратился к оружию и насилию, чего и добивались иудеи, ибо они уже не надеялись спасти себя и город и желали лучше умереть в бою, нежели от голода и жажды. И бились каждый день, и все евреи убиты были, и немного их осталось.

Нмалорасмотрипъ нисшь въ мисленьстьоу
жесесенїа . доумашепокъ вгноутри изгра
да . ндразоумѣшенарѡ . ѡкстоупль
шенмолахоусѣмоу . данепрезритьихъ
стойкедѣ . цѣзпиглющеоуполнѣсло
нальнайдинаго . ацекоцѣцѣпребоудеши
снами . тосеннаратнибодрибоудемъте
рады . ацелнѡйдешитомыпленениѣх
демъ . онжепромышлаѣ . ѡсвоейглавѣ

Вскоре понял Иосиф, что нет уже ему спасения, и думал бежать из города. Узнав об этом, народ обступил его и умолял, чтобы он не бросал их в этой беде, и возлагали все надежду свою на него одного, и говорили: «Если ты и дальше будешь с нами, то все в бою храбрыми будем ради тебя. Если же уйдешь, то победят нас». Иосиф же, думая о своей жизни,

сказал им: «Ради вас ухожу, чтобы собрать воинов и внезапно напасть на врагов. Римляне же, узнав, что я ушел от вас, оставят город и за мной погонятся». Но этих речей Иосифа не послушали люди. И дети, и старики, и женщины с младенцами, полные сильной любви к нему, падали к его ногам и умоляли, чтобы не уходил он от них. И, видя эти крик и рыдание, улыбнулся Иосиф и сказал: «Пришло время, о, друзья, обрести славу нескончаемую и сотворить подвиги для воспоминания потомкам!»

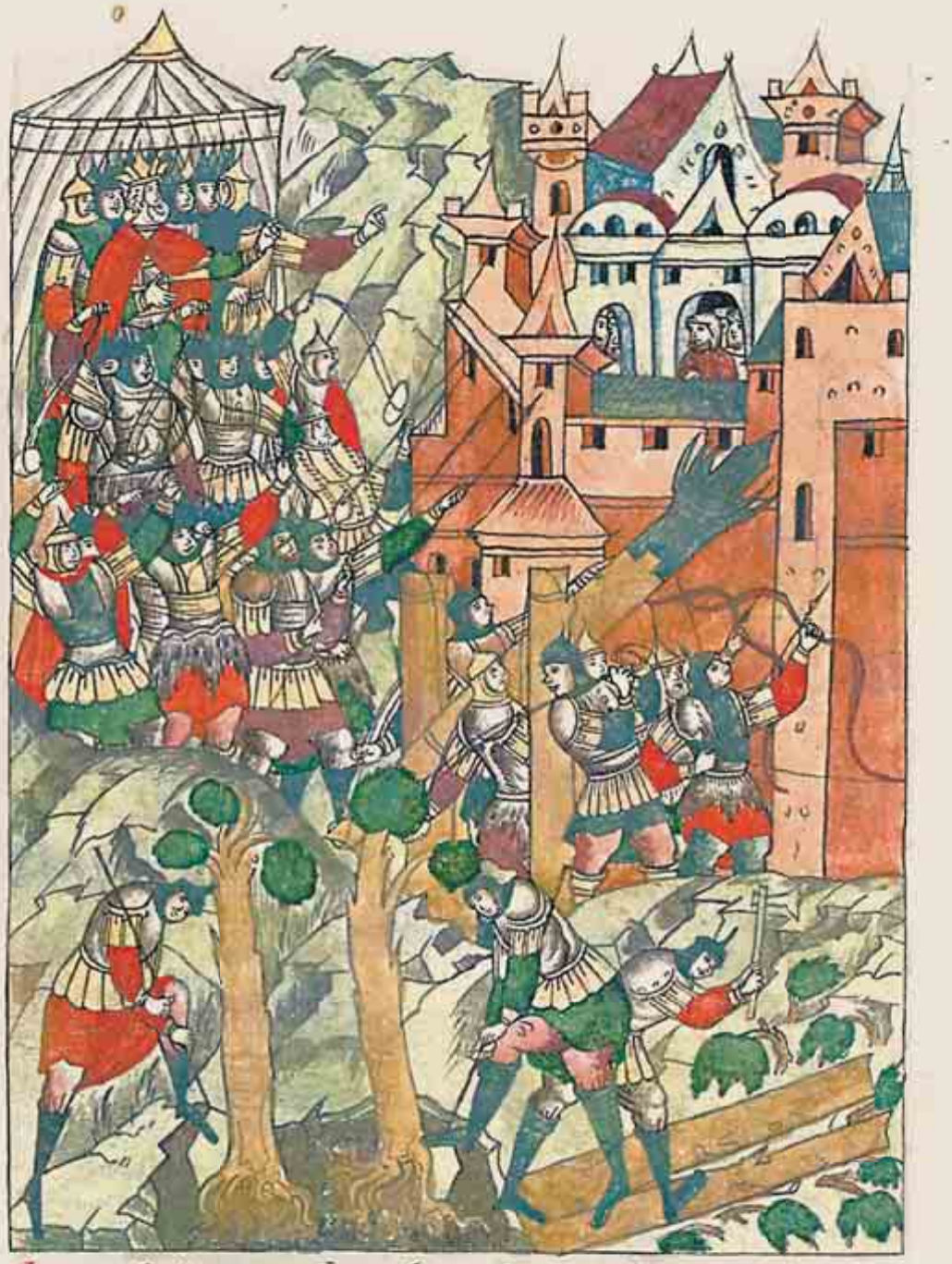


Собрал Иосиф лучших воинов, и вышел против сторожевых отрядов римлян, и разогнал их, и рубил их до самого места, где они окопались, покрытия-черепахи разломал, и насыпь, которую они сделали, сравнял с землей, и сооружения все сжег, и три дня, и три ночи не отдыхал, все это делая.

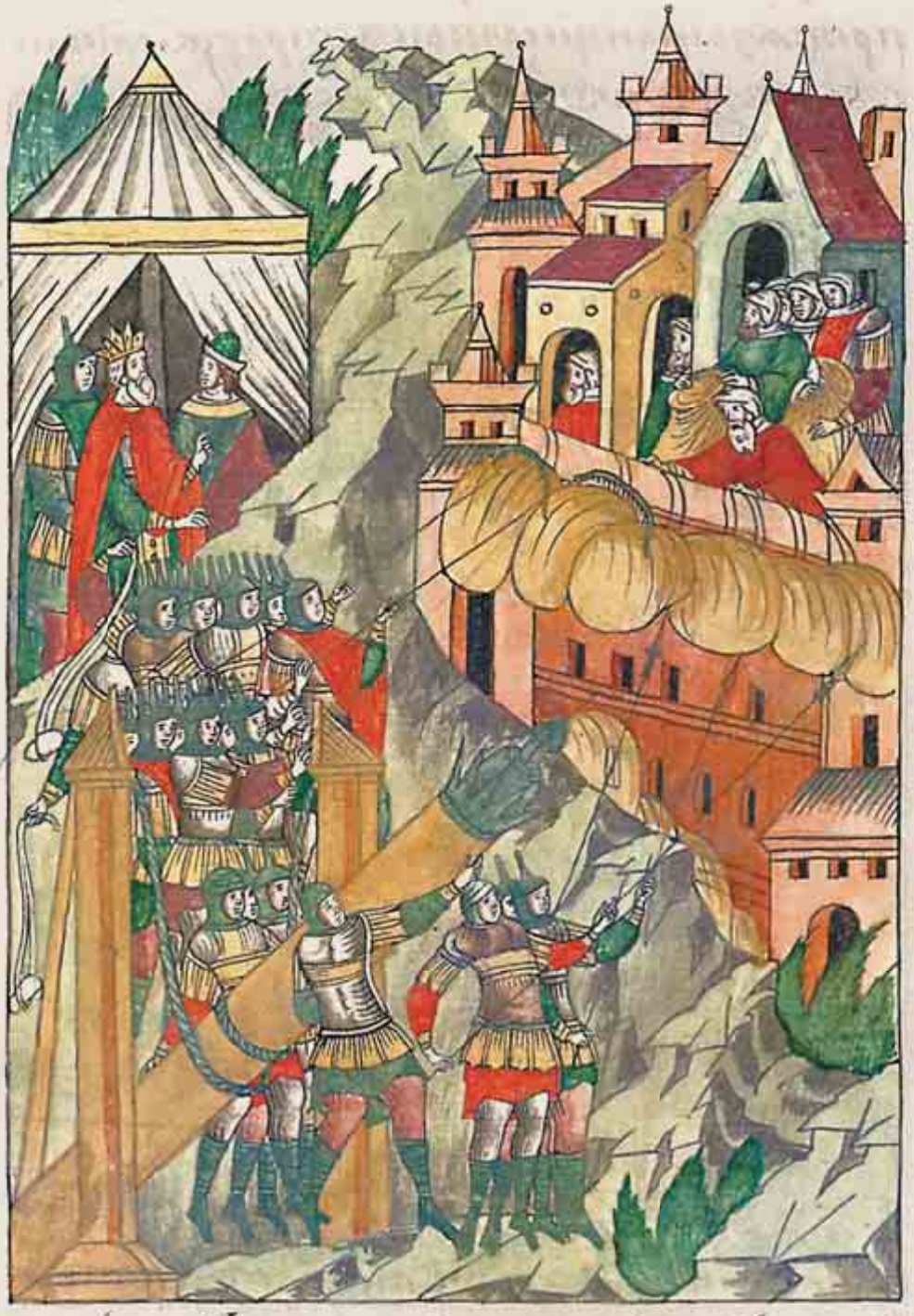
Веспасиан же, видя, что воины его не могут противостоять набегам иудеев, повелел не сходиться с людьми, жаждущими смерти, ибо нет ничего сильнее отчаявшихся людей.

Повелел Веспасиан, чтобы арабские стрелки и сирийские метатели камней сражались с иудеями. Иудеи же шли, и тел своих не щадили, и нападали на римлян с ожесточением, и гибли под стрелами и камнями.

Наконец Веспасиан поднял воинов, как и прежде, и стрельцов выставил, и восстановил насыпь, и поставил «бардана». Так называлось бревно, большое весьма и толстое, подобное мачте корабельной, а на конце его сделан большой железный наконечник рогатый, потому и «бараном» называется это орудие.



Нарыли два столба, и между ними расположили «барана», и обмотали его множеством веревок, и тянули за них, и били. И стрельцы стреляли, метатели копий и камней бросали свои копья и запускали камни. Так что не могли иудеи встать на своих стенах.

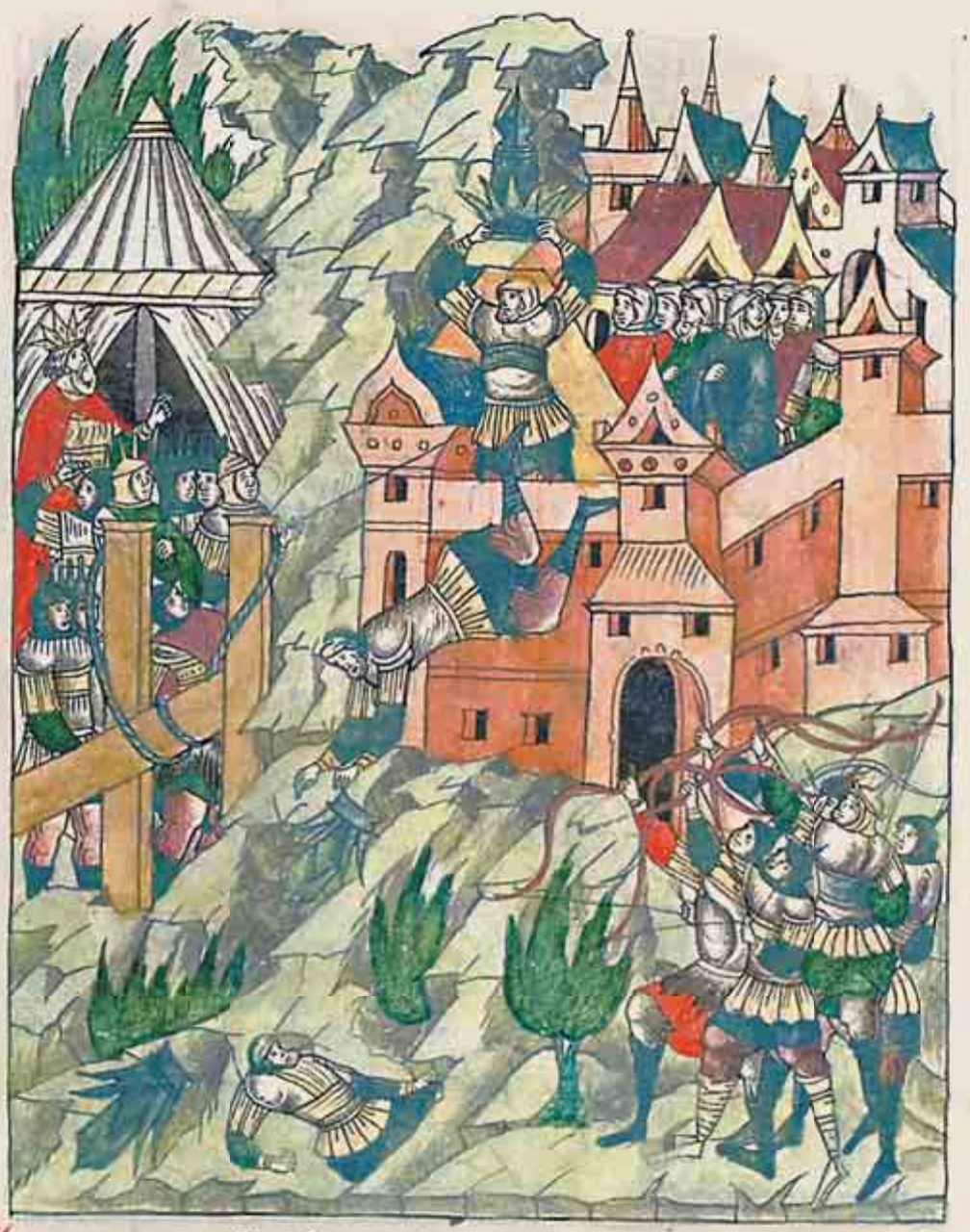


Поэтому римляне без опасения били в стены города бараном. И много раз били в одно место, и сотрясались стены. Иосиф же сделал мешки из воловьих шкур, и набил их, и вывешивал со стен в тех местах, куда направлялся удар барана, и не было вреда стенам, так как мешали барану мешки.

Римляне же привязывали серпы к копьям и срезали мешки.

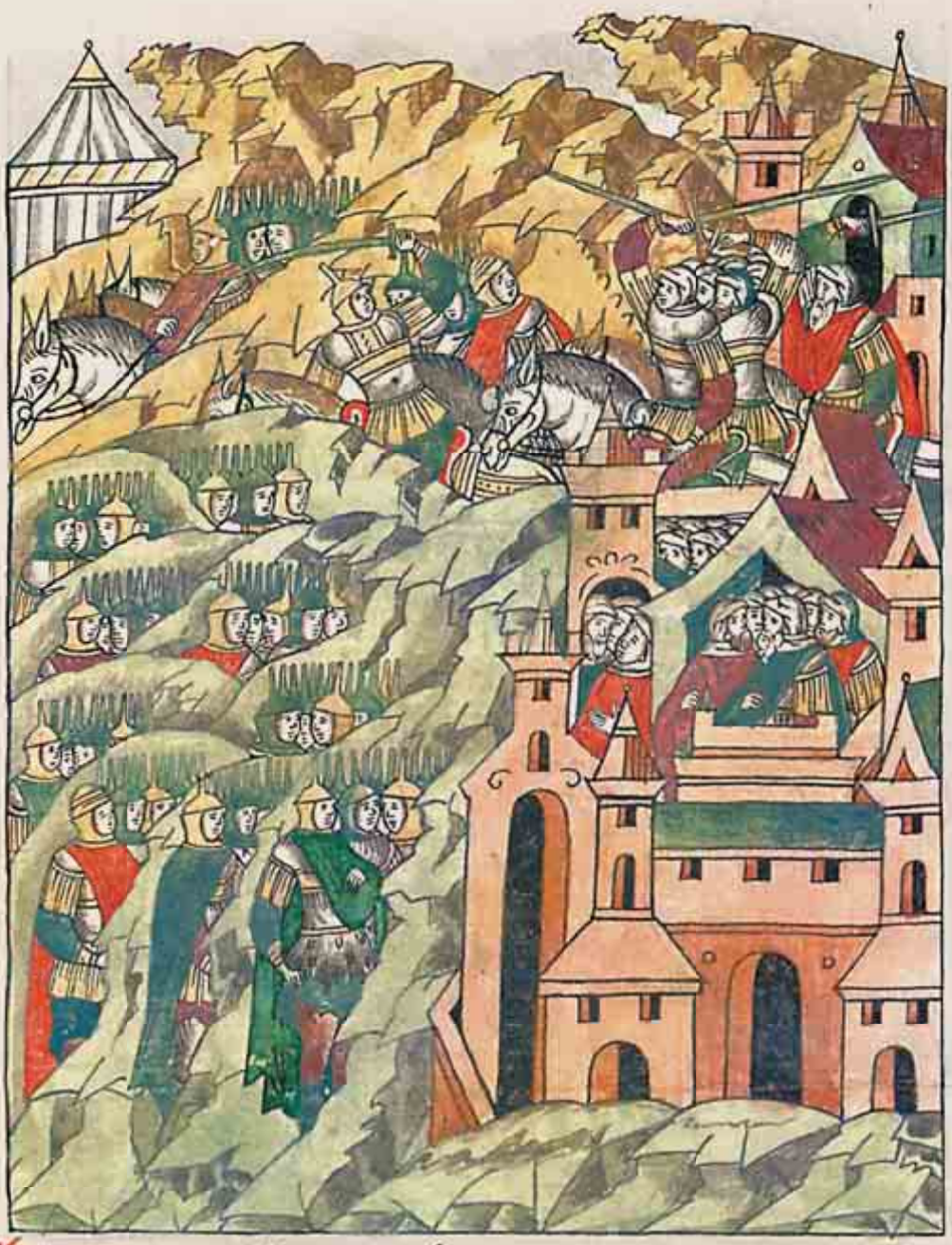
Иудеи же, отчаявшись, взяли пучки лучин и палок, и ветки сухие, и смолу, и серу, и в трех местах вышли из города, подожгли насыпь с сооружениями и метательные орудия, и барана. Римляне же ужаснулись ярости их и разбежались, и пламя обступило их, и не могли убежать, и сами себя закалывали.

Тогда человек один из иудеев совершил поступок, достойный воспоминания. Это был Елеазар, сын Самая, родом из одного села в Галилее. Он поднял камень большой весьма и сбросил его на барана и отшиб «голову» ему, и соскочил со стены городской и схватил эту голову, находясь среди римлян, и вернулся, и встал на городской стене, чтобы все видели и прославили его, и так держал голову барана.



Ѝприлетѣвше. ѕ. стрѣлъ ѿ задних̑ стрѣлець оудариша ноу газиенъска лежащ̑ града и сташа ѿ нег̑о

Прилетело 5 стрел от дальних стрельцов, и стрелы пронзили Елеазара, и раненый свалился он с городской стены, и с головой барана.

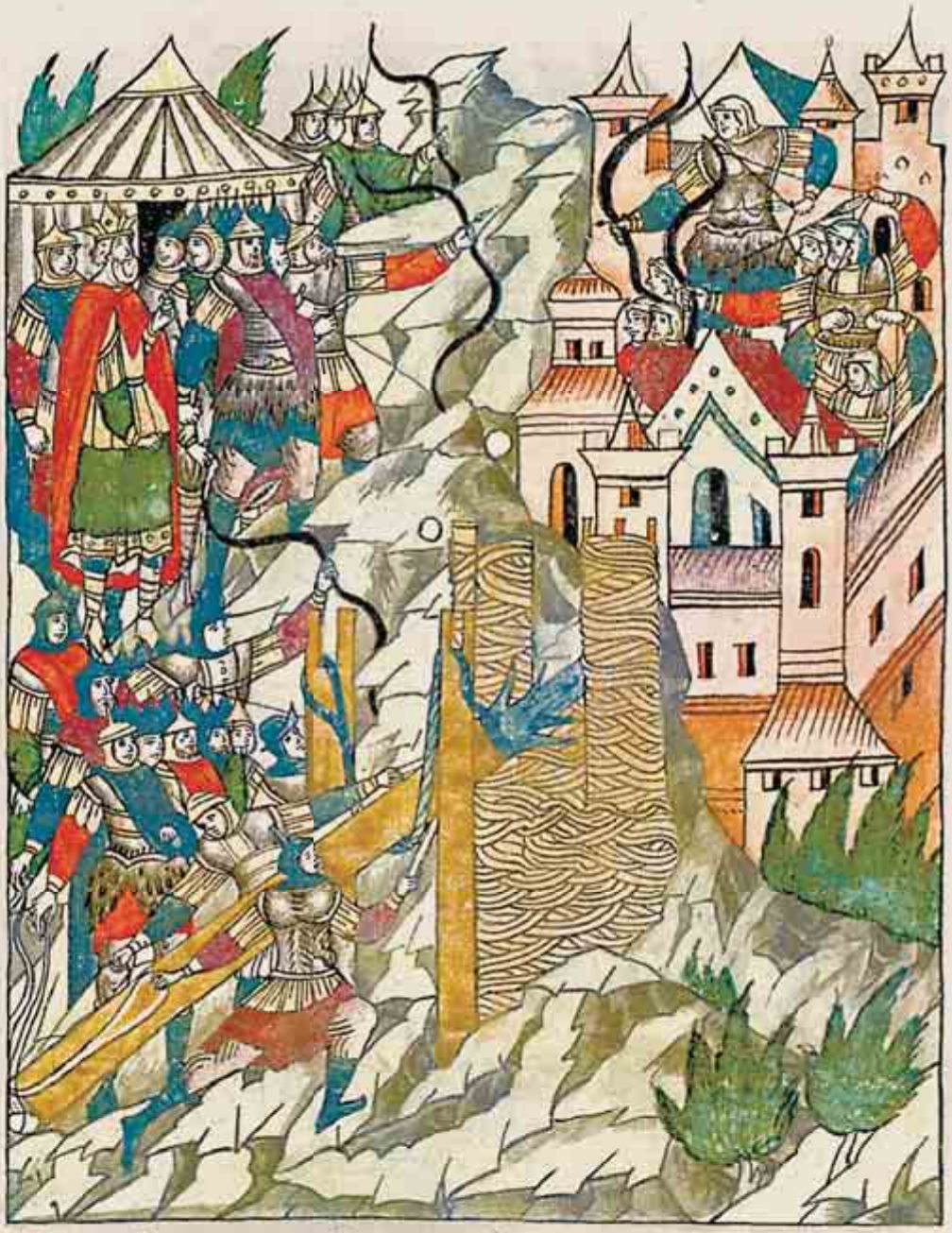


Затем храбрость показали Нетир и Филипп из галилейского селения Румы. Напали они на десятый полк римлян с таким шумом, и с такой силой, и скоростью, что разбили строй, и весь полк разогнали и побили, ибо римляне не выдержали мужества тех, на кого нападали.

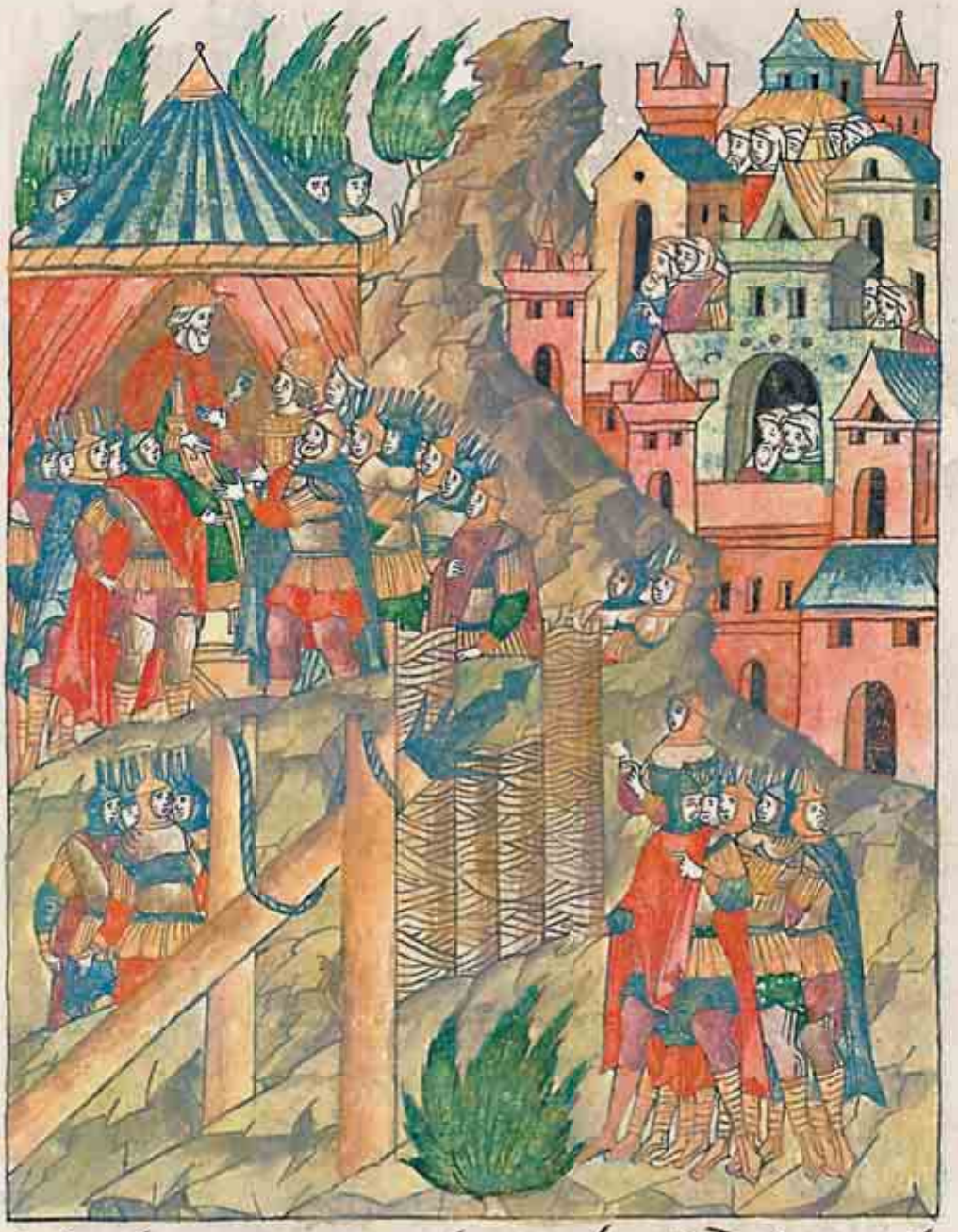
Иосиф же вышел с людьми своими и разогнал пятый полк, и все, что оставили римляне, сжег, и основания насыпи разметал.

Оутроужекыпшоовеспиианъсъкраиъра
зкѣгшинхсапоносѧшеимъ. ѧнѣкѣкѣкѧ
шлепрѣдоинъпреразбоинникинесты
дѧщесѧ. инвоинъскагозакона, ниш
чкскиіапохдалы. ѣсенединодшьсѣдоуъ
це. трѣтїююпри
споу. ниш
пенъць
здѣлаш.

На следующий день Веспасиан собрал разбежавшихся римлян и ругал их, что бежали не от воинов, но от разбойников, чем постыдили и воинский закон, и отеческую славу. И тогда все единодушно приступили в третий раз делать насыпь и барана починили.

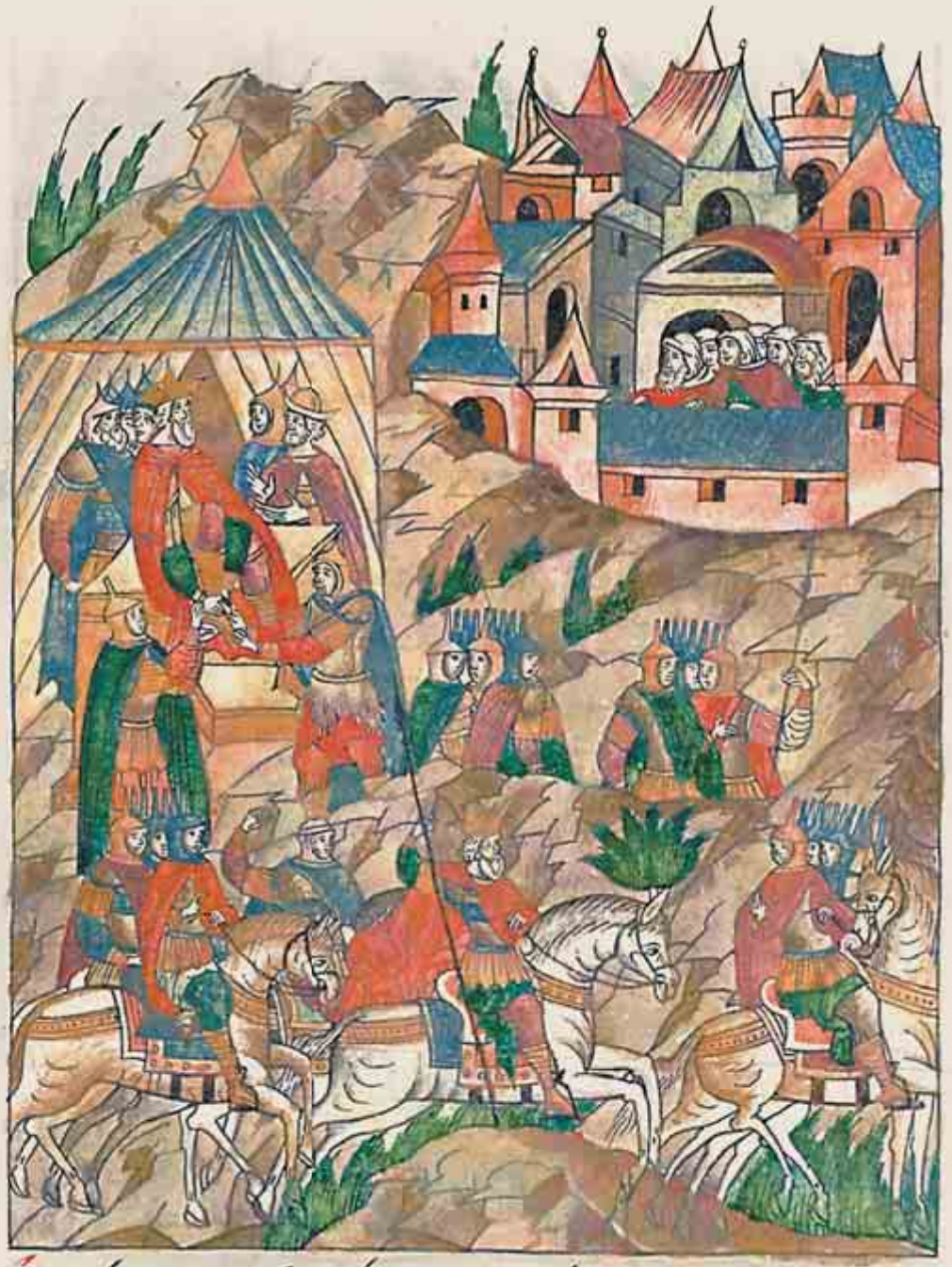


Ибили римляне бараном по тому же месту, что и раньше. И тут кто-то из города попал стрелой Веспасиану в ступню. Стрела летела не прямо, но сверху, под углом, и из-за удаленности потеряла силу удара. Однако большое смятение было среди римлян.



Нѡхапльшеѧградоѹзатїи̑ иутечѧ
хоускорокыйгемонѹ. прежебоисѧ
титывоубоѧѧпотецы. носкоропре
стаѧшамѧ
те
жѧ
.
7

Не прекратили римляне осаду, и сошлись скоро к военачальнику. Прежде же всех Тит, сын Веспасиана, в страхе прибежал. Но вскоре римляне справились со смятением.



Веспасиан обвязал ногу свою и быстро поехал вдоль войска своего, чтобы всем было видно. И воины римские, видя военачальника своего, радовались.

И друг друга подгоняя, римляне на стены устремились, мстя за своего военачальника. И можно было видеть, как евреи падали, подобно снопам, с городских стен, но не сходили с них, и, видя смерть перед глазами, веселились, и огонь, и железо, и камни бросали на осаждавших, но ничто им не помогало. Даже когда ночь наступила, не отдыхали воины, стрелы и копья пускали и многих

убивали.

Больше же всего помогали римлянам камнеметные орудия, которые отбивали куски стен и углы башен сокрушали. Одному человеку оторвало камнем голову, так что она отлетела на три версты.

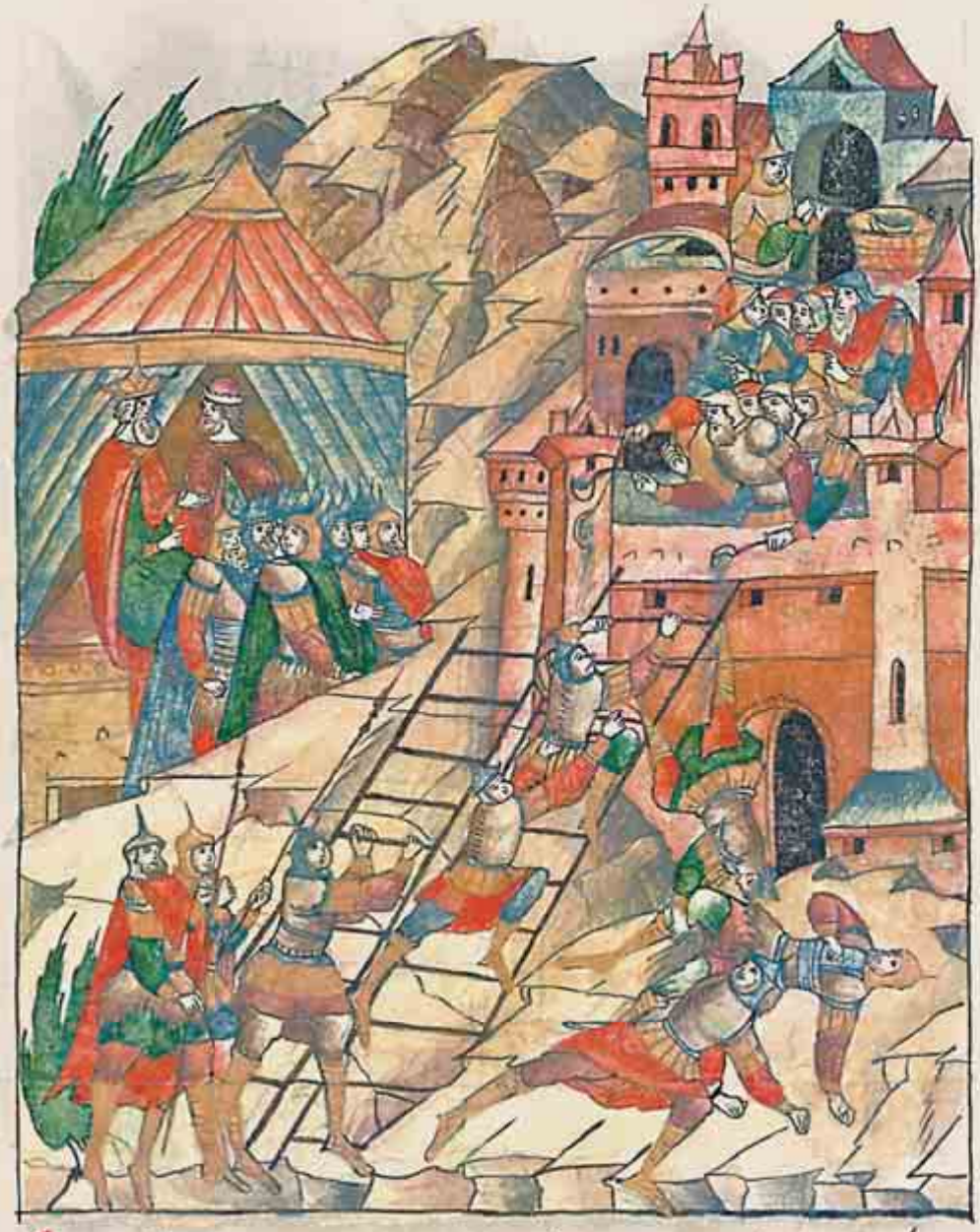
Ижена непразна изыдеши из дому. Яко
оударитъ чрѣдоея, и изыдет младенець до
дръстыля путь жепоплъ. И жены изъ оустъ
изыдет плачь же и упившихъ ся крьвь до
нѣсе даше, и кроп съзакралъ течаше
аки рѣки. И могл къ быстопотрупію
градьскы по степенемъ. Мнози и Йотапа
тиль. Тогда добрѣ страдавше паша.
Мнози ижена зщенкы ыша. Стѣна же сею

Ижена беременная вышла из дома, и ударило ей камнем в живот, и отбросило младенца на версту. Ужасный крик из уст женских стоял. Плач женский и стоны тех, кто погибал у стен города, поднимались до небес. И кровь со стен текла, как реки. И можно было забраться в город по трупам, как по ступеням. Многие из жителей Йотапаты тогда доблестно приняли страдания и пали. Многие ранены были. Стена же, всю

ночь разбиваемая
бараном, разрушилась
и пала.

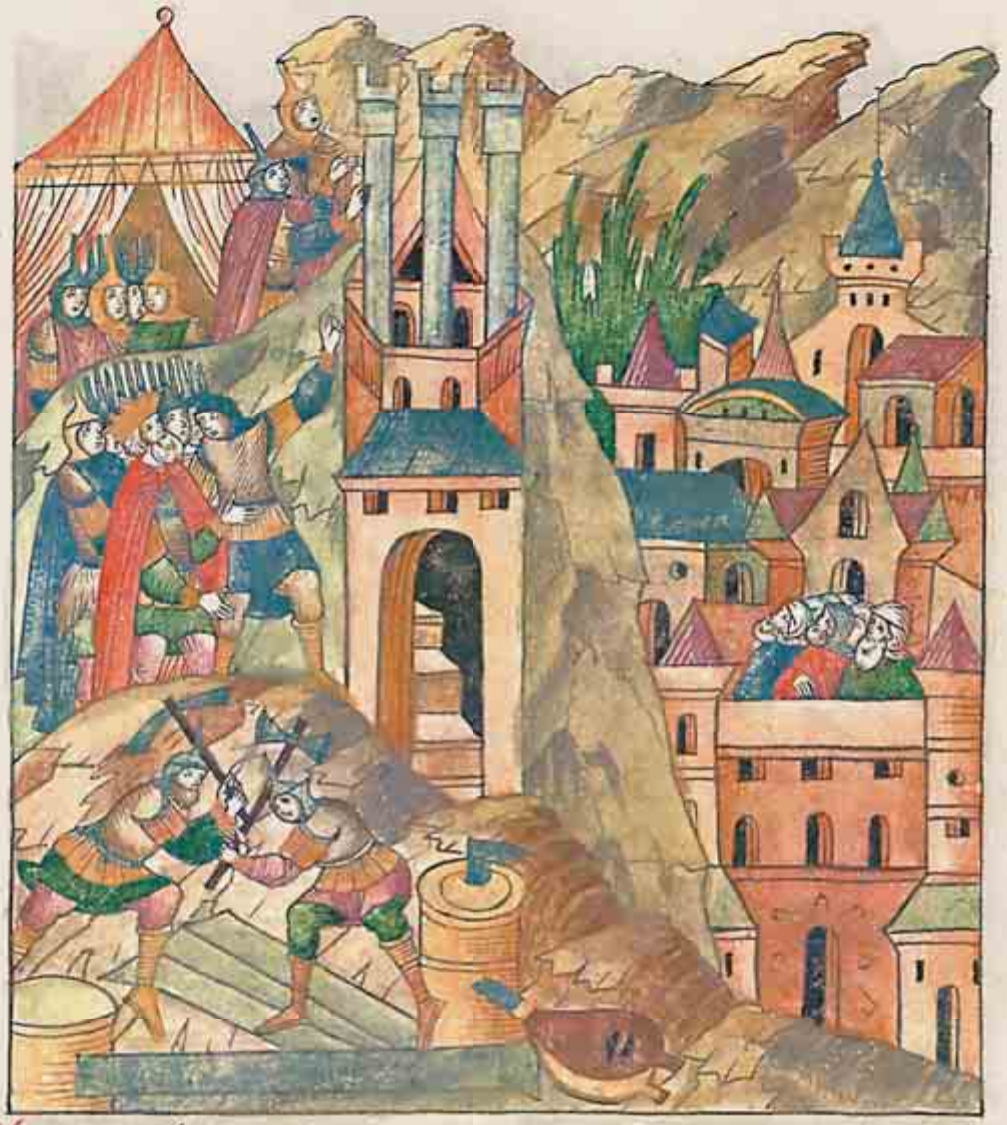
Евреи же, хорошо
вооружившись,
разрушенное
место укрепили. На-
утро Веспасиан дал
немного отдохнуть
воинам после ночного
труда.

Потомъ веспасианъ приступилъ къ взятію города. Онъ повелѣлъ самымъ крѣпкимъ конникамъ сойти съ коней и идти къ разрушенному мѣсту стѣны, а за ними повелѣлъ идти самымъ храбрымъ пѣхотинцамъ. Остальныхъ конниковъ онъ расположилъ по склону горы, чтобы не убѣжалъ никто изъ горожанъ. И стрѣльцовъ, и метателей камней поставилъ сзади, чтобы и тѣ не дали горожанамъ выйти изъ-за городскихъ стѣнъ.

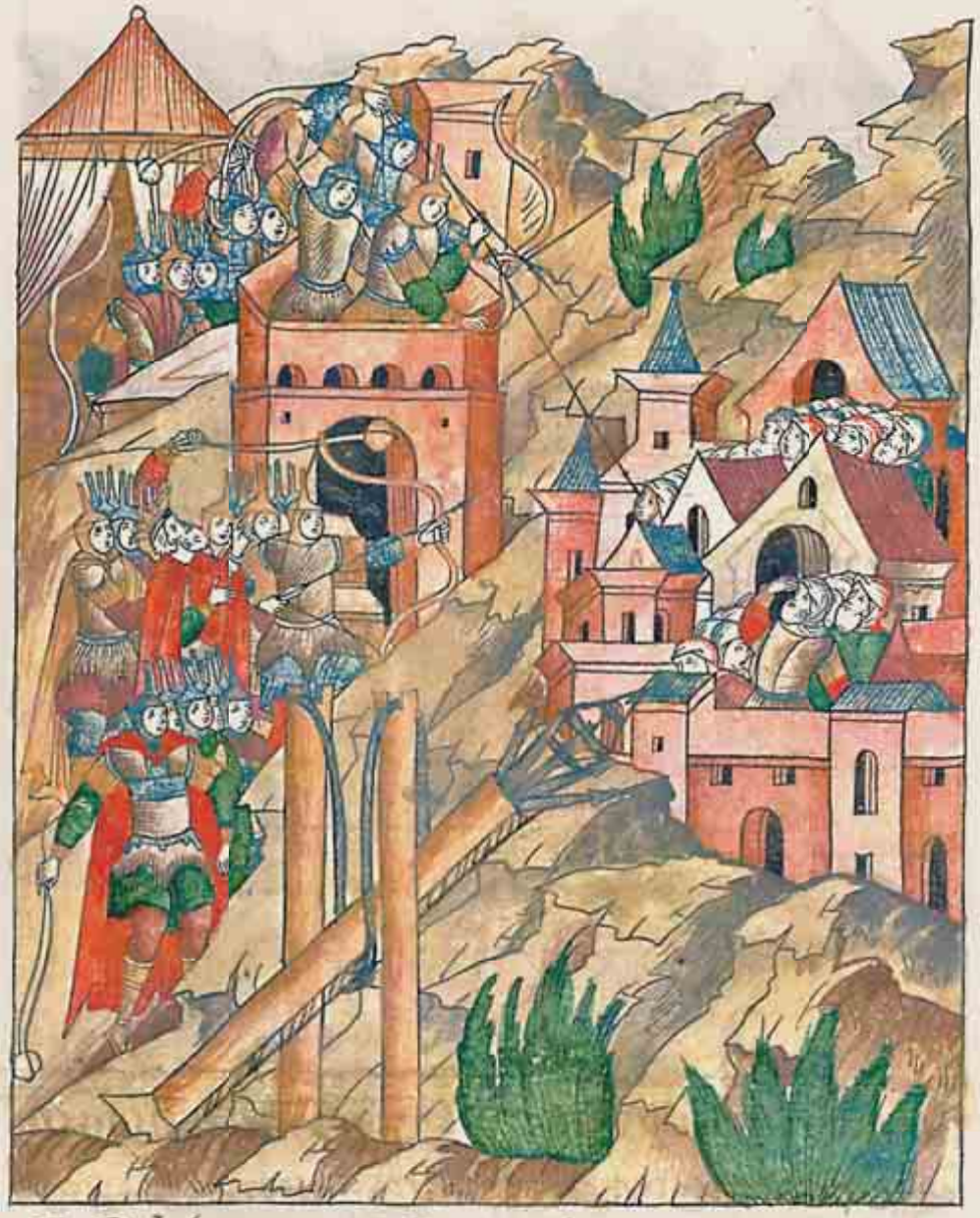


Иначалникъстанадѣжестѣныцѣлы
бѣша. тѣпринесшелѣстницѣ. да
гражанопадшимѣстеблюдоущеи
бестрахаплѣзутъ. оущидѣжешю
сиповелѣ ѡловокипящеслыатина
на. имжеиржьжениспадахуться. и
мнѡгоиржьжено
бѣсть

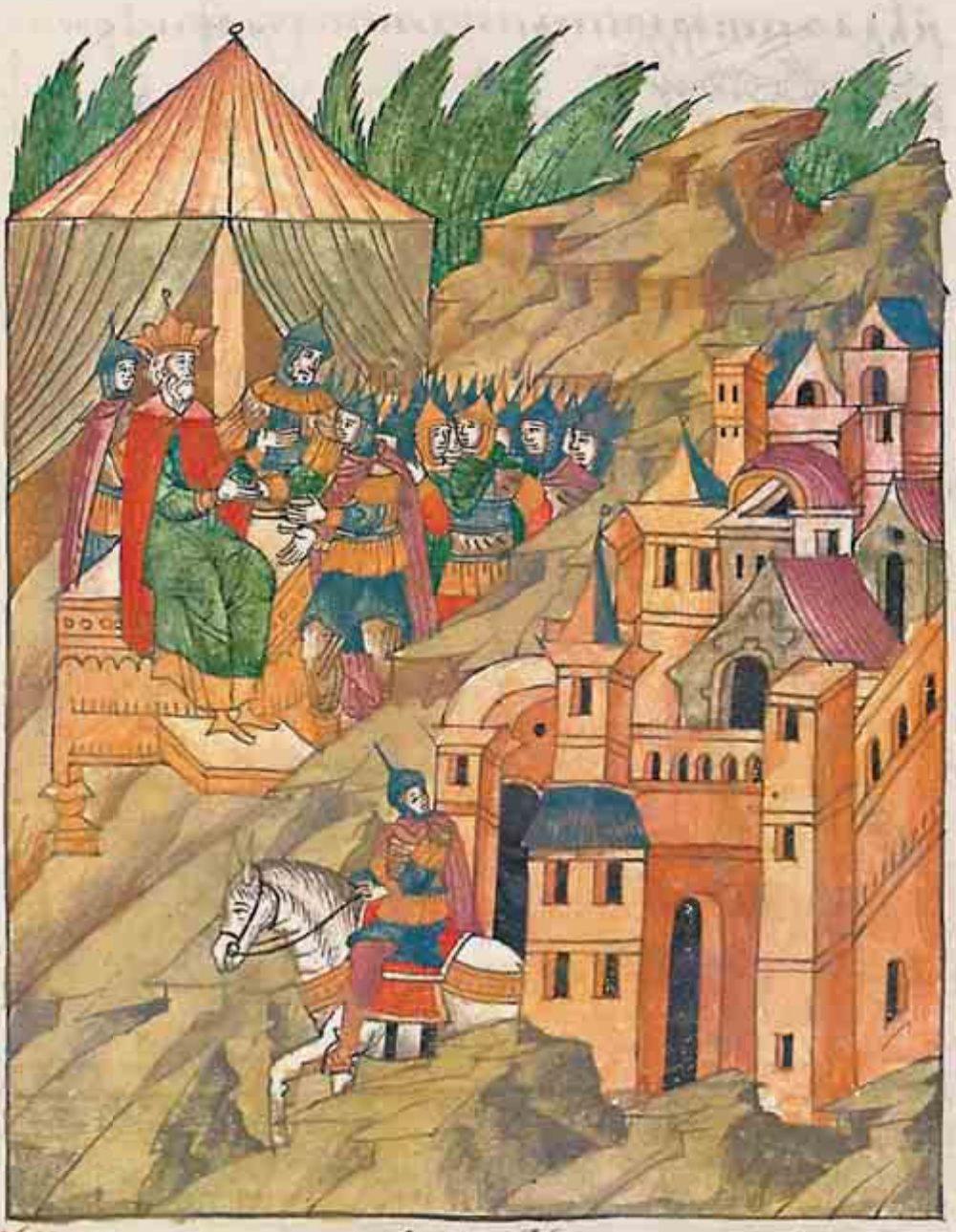
И в другие места, где стены целыми были, принес Веспасиан лестницы, чтобы часть горожан от разрушенного места отвлечь на защиту этих мест стены и тем безопаснее попасть в город. Увидел же это Иосиф и повелел олово кипящее лить на тех, кто взбирался по лестницам, чтобы они, обожженные оловом, падали. И много римлян обожжено было.



Тогда Веспасиан велел три башни на насыпи сделать, по пятьдесят локтей в высоту, и оковал их железом, чтобы не охватил их огонь и устойчивее они были под тяжестью.



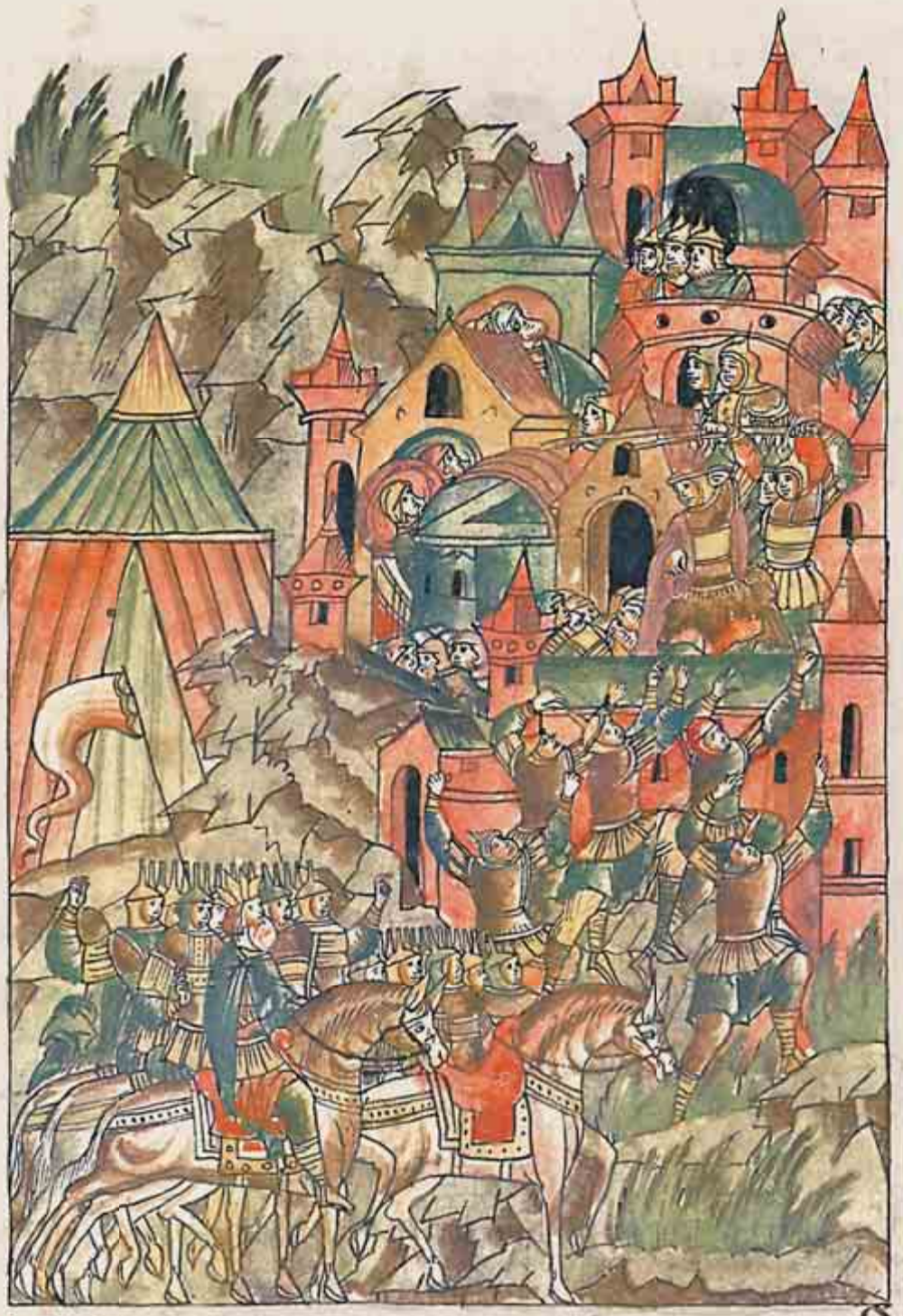
Наразместил на этих башнях Веспасиан стрельцов, и копьеметателей, и легкие камнеметные орудия, и бил осажденных, как с неба. Горожане снизу не могли биться с находящимися выше их римлянами, ибо римляне были скрыты от них в башнях, иудеи же были на виду. Так, видимые иудеи перед невидимыми римлянами склонялись, но сопротивлялись до полного изнеможения.



Потомъ же перебѣжчикъ былъ одинъ изъ города, который побуждалъ Веспасиана къ нападенію, и сказалъ онъ: «Уже изнемогли горожане изъ-за безпрестаннаго бодрствованія и утомленія. Легче же тебѣ будетъ въ утренніе часы взять городъ, придя тайно. Осажденныхъ, которые сражались день и ночь, на зарѣ одолѣетъ сонъ. Именно въ этотъ часъ надѣются они отдохнуть отъ борьбы. Заснутъ и всѣ стражники». Веспасиан не вполнѣ довѣрялъ перебѣжчику,

ибо знал твердость иудеев и верность их друг другу.

Перед этим перебежчиком, Веспасиан схватил как-то одного жителя Иотапаты, и мучил его всевозможными муками, и огнем, и железом, чтобы тот рассказал о том, что делается внутри города. Но тот ничего не сказал и, распятый на кресте, умер с улыбкой. Однако речи этого перебежчика показались Веспасиану не очень далекими от истины, и он посадил его под стражу.



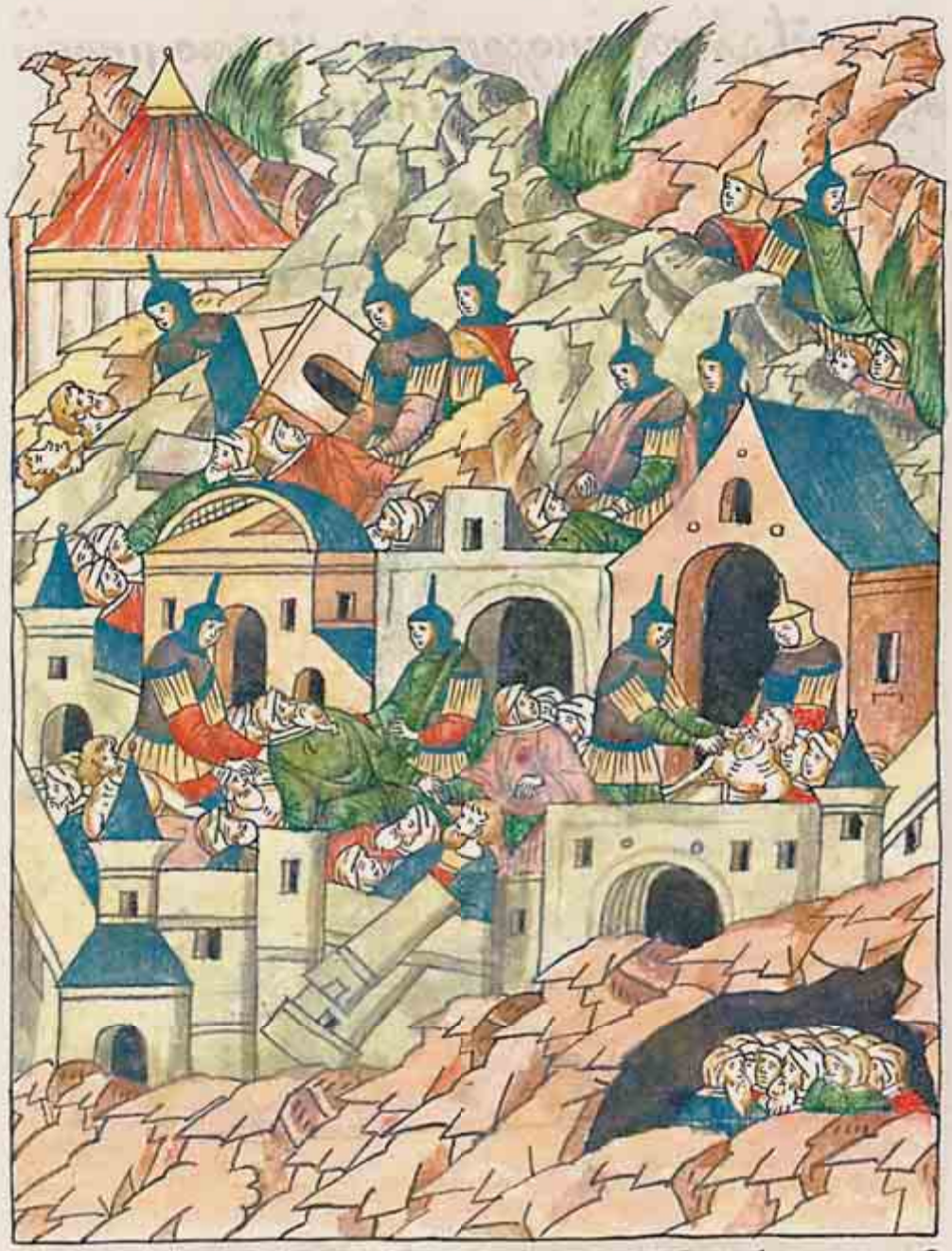
Самъ же Веспасіанъ, в то время, которое подсказал перебежчик, пришел с воинами к городу, соблюдая тишину. И сначала влезли на стены Тит с тысяцким Сабином, после них Секст и Плацид со своими воинами, и убили стражников, и вошли в город тихо.

Никогда римляне ходили по городу, завоеванные не слышали этого, ибо сила их была сокрушена усталостью, и свалил их сон. Если же кто и вставал, то не видел римлян из-за тумана, который опустился тогда на город. До рассвета в город вошло все войско римское, и припомнили римляне все зло, которое приняли от жителей Иотапаты, и не щадили ни старого, ни малого.

Иудеи сами себя закалывали, другие по подземельям разбежались. Один из иудеев из такого подземелья просил римского сотника Антония подать ему руку и не убивать его, и Антоний подал руку, без злобы и без опасения; иудей же пронзил ребра его копьем и убил Антония, опередив его. В тот день все иудеи, которые попались на глаза римлянам, были ими убиты, числом 6000 человек.

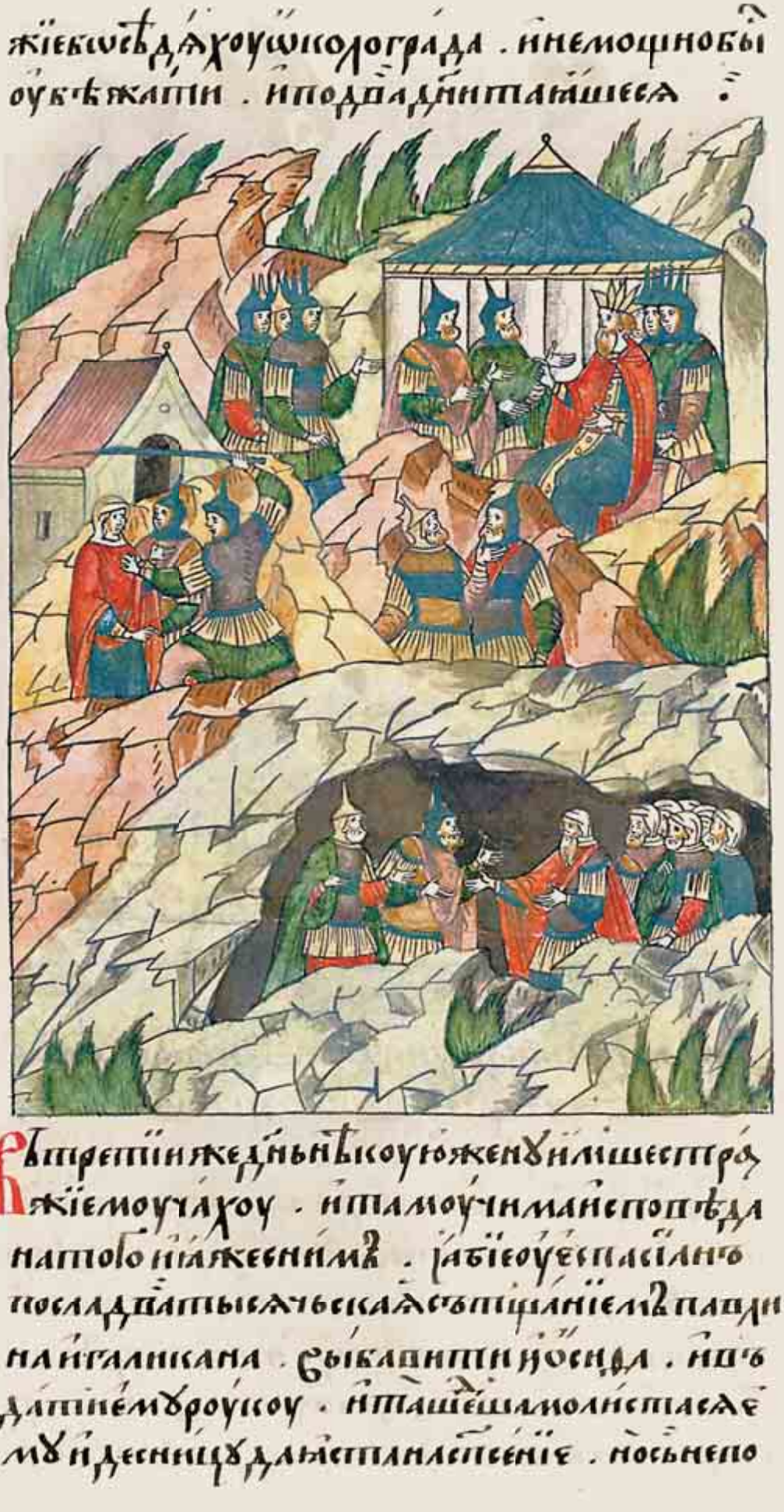
Пленены́ же ѕ҃. и҆ ра҃зори́ша, и҆ сы́ны
жго́ша и҆ ѡ҆тапа́ты же́ сы́ ко́ зами́вы,
мца́ па́нема е҆́же е҆́сть и҆́юль. и҃ тре́тее
на́десѧ́тъ ле́то
ца́рствова
не́ро́
но
па
;

Пленных же 5000 взяли римляне, и город разорили, и башни пожгли. Так римляне взяли Иотапату в месяце панеме, то есть июле, в тринадцатый год правления Нерона.



Римляне же искали Иосифа, и гневались на него, и хотели угодить военачальнику своему, и среди трупов искали, и в потайных местах города. Иосиф же, когда захватили римляне город, при помощи Божьей, украдкой убежал из среды воинов и прыгнул в яму глубокую, из которой вел путь незаметный в подземелье, и там Иосиф обнаружил укрывшихся 40 человек знатных. И все в этом подземелье было устроено, что необходимо телу. Поскольку сторожевые

отряды окружали город, нельзя было убежать, и два дня прошло, а Иосиф и другие все таились в подземелье.



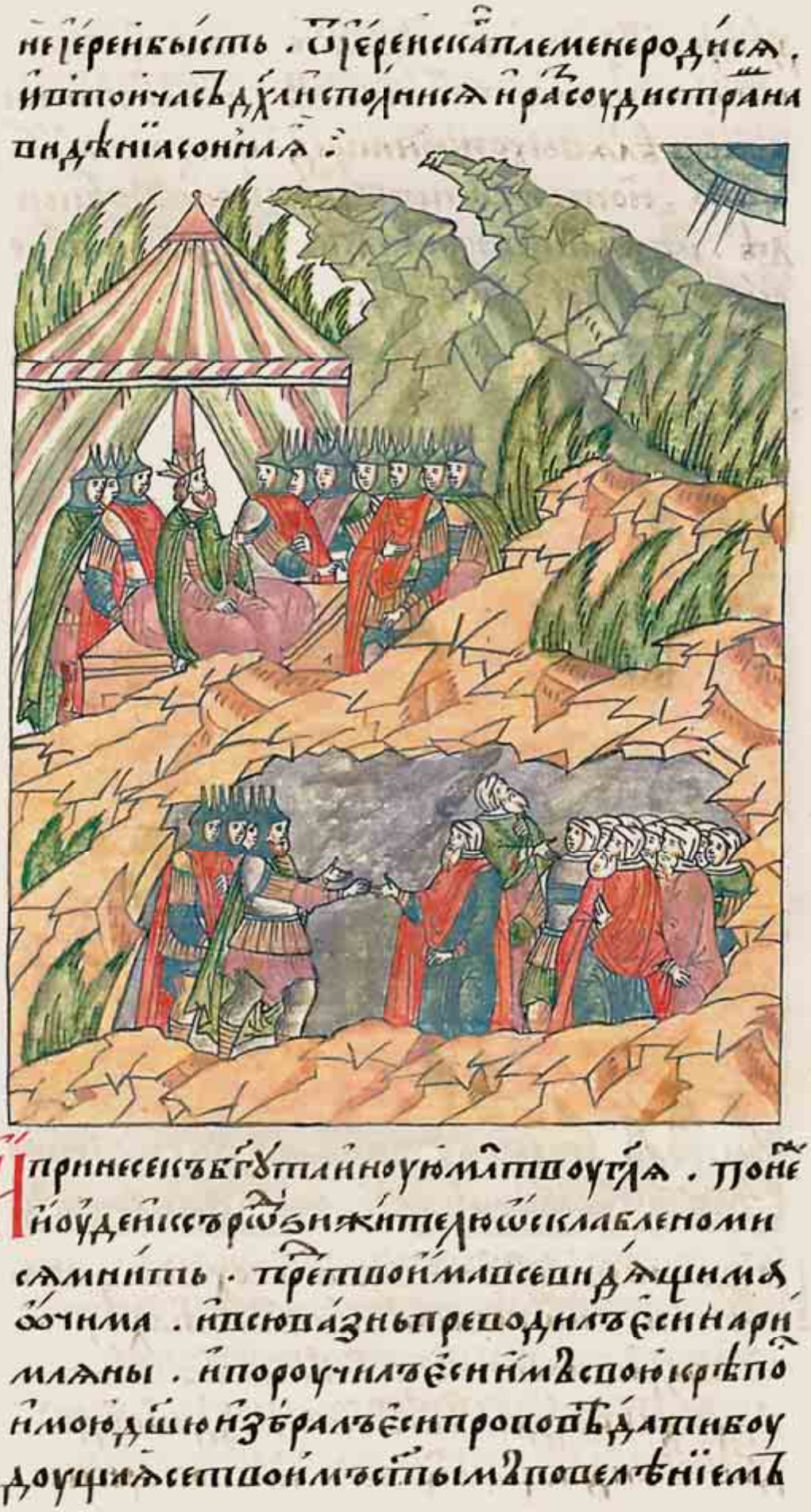
На третий же день одну женщину поймали стражники и мучили, и она под пытками рассказала про Иосифа и тех, кто были с ним. Тогда Веспасиан послал двух тысяцких поспешно, Павлина и Галликана, вызволить Иосифа и обещать с клятвой ему спасение. И эти тысяцкие пришли к подземелью и стали упрашивать Иосифа выйти, и обещали ему спасение, и клялись. Но Иосиф не

послушал их, опасаясь мучения, поскольку много зла причинил римлянам во время осады.

Веспасиан же третьего тысяцкого послал к Иосифу, знакомого Иосифа и друга, звали его Никанор. И пришел Никанор к Иосифу, и привел ему примеры римской кротости и милости к побежденным, и прибавил также: «За храбрость твою и мудрость не с ненавистью относятся к тебе римляне, но больше с удивлением. Веспасиан же хочет, чтобы тебя привели к нему не для муки, но для сохранения. Если бы для того хотел тебя

вызволить, чтобы причинить тебе зло, то не послал бы меня, друга твоего, да и я бы не согласился обманывать тебя». Иосиф же сомневался.

Тогда воины римские хотели в гневе поджечь подземелье. Иосиф же, узнав об этой угрозе, вспомнил сны ночные, в которых показал ему Бог ожидающие иудеев беды. Был же Иосиф искусен в толкованиях снов и мог понимать то, что Бог говорит сокровенно, и святые книги пророческие не были тайной для Иосифа,

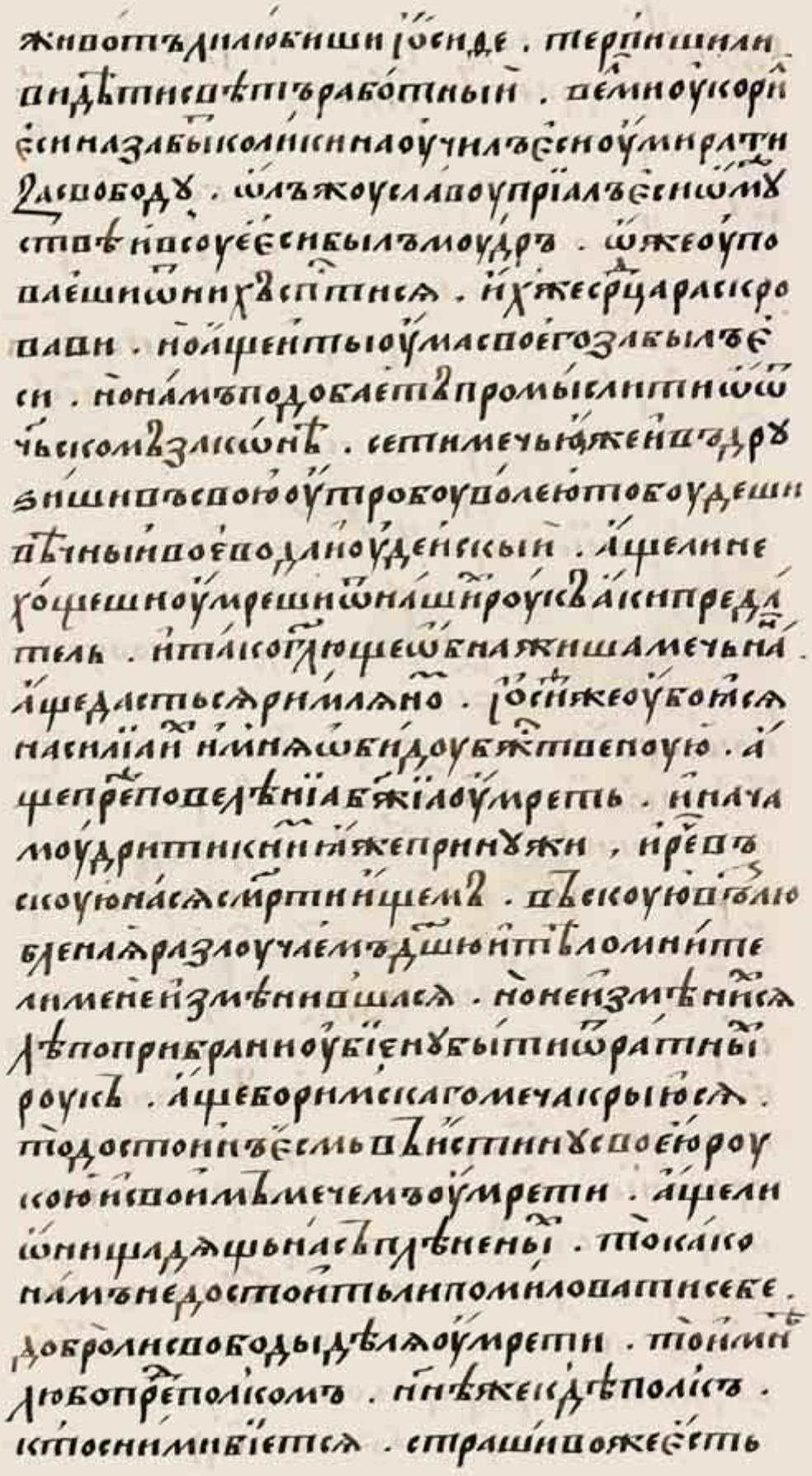


поскольку он священником был и происходил из рода священников. И в тот час Иосиф исполнился духа и рассудил видения сонные.

И принес Иосиф Богу тайную молитву и сказал: «Поскольку иудейский род, о, Создатель, покорен, как мне кажется, и Ты все это видишь Твоим всевидящим оком, и все счастье отдаешь римлянам, и поручаешь им Свою силу, и поскольку мою душу избрал Ты проповедовать будущее, то я, Твоим святым повелением,

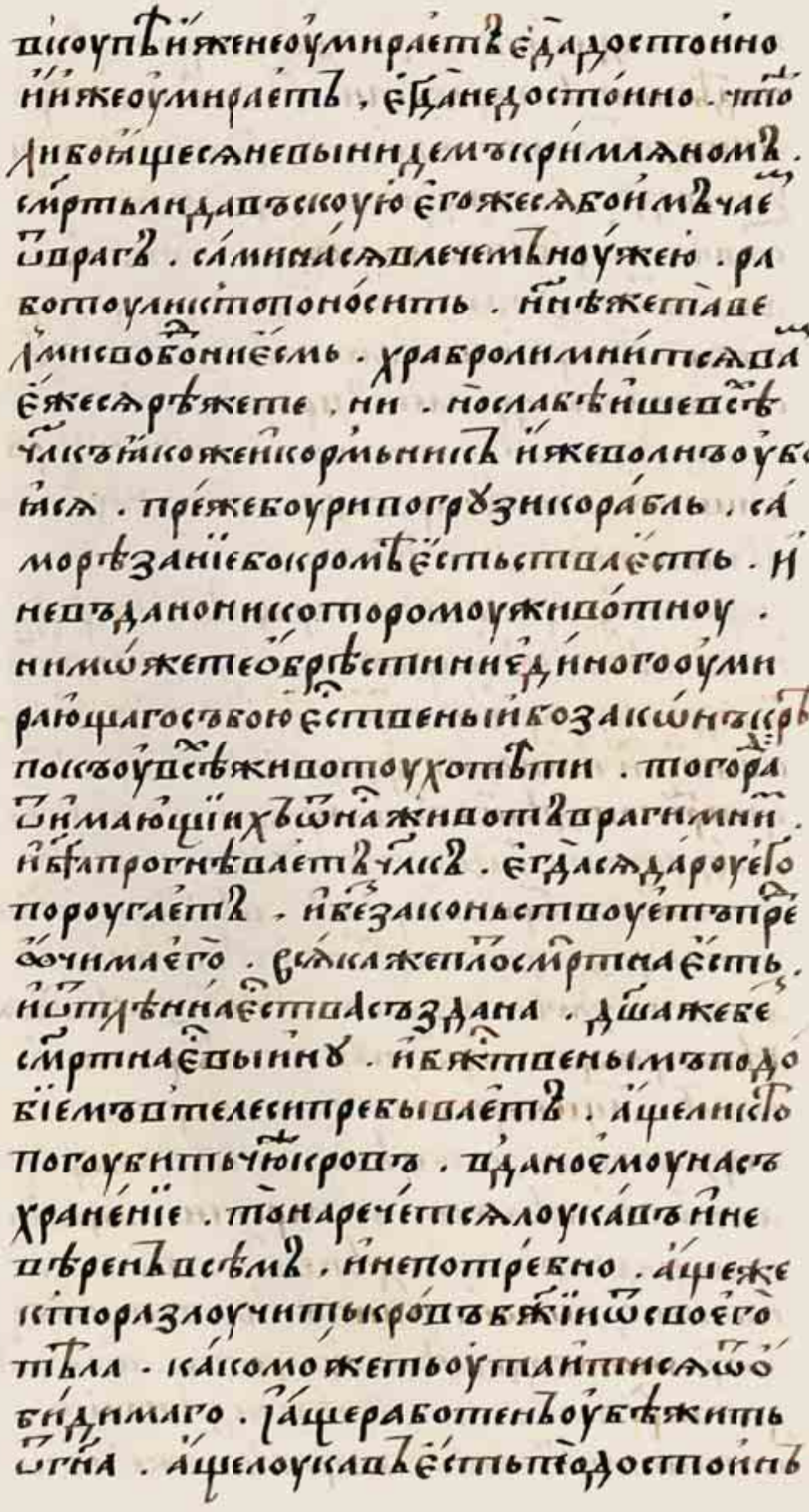
соглашаюсь с римлянами добровольно, клянусь же святым Твоим именем, что я не ради сохранения своей жизни выхожу и не для того, чтобы предать отечество, но для того, чтобы послужить Твоей славной силе и донести до людей то, что Ты мне показал». И сказав так, Иосиф подал руку Никанору.

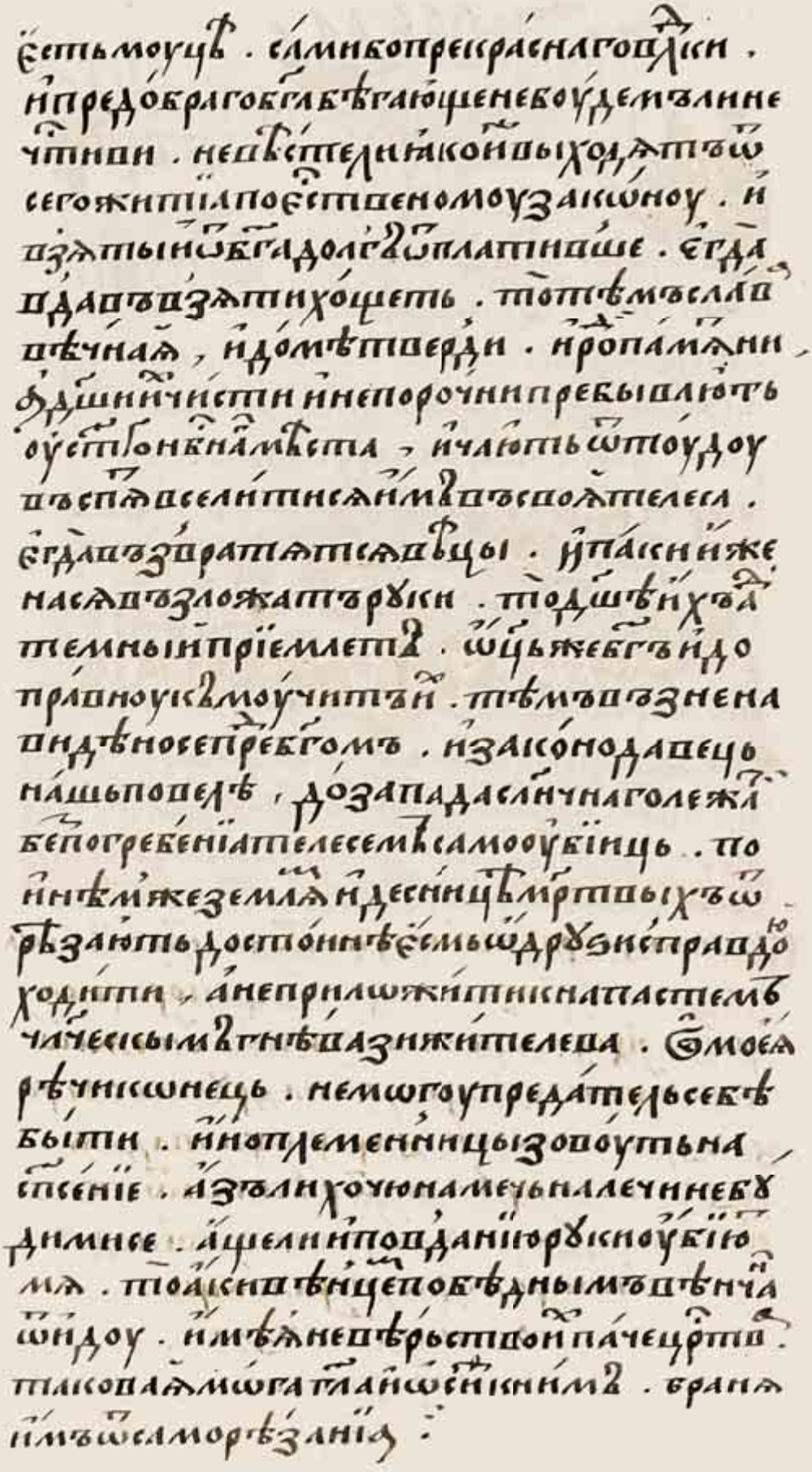
Иудеи же, бывшие с Иосифом, поняв, что он хочет выйти к римлянам, обступили его и закричали: «Сильно будет стенать отеческий закон, и печален будет Бог, который создал иудеям души, не боящиеся смерти и непокорные.



Разве так ты любишь жизнь, о, Иосиф, что потерпишь видеть этот свет, находясь в рабстве? Весьма скоро ты все позабыл. Скольких научил ты умирать за свободу! Ложно ты славился своим мужеством и напрасно был мудрым, если ты теперь надеешься спастись с теми, чьи сердца кровавил. Но если ты ума своего лишился и все позабыл, тогда нам подобает позаботиться об отеческом законе. Вот тебе меч, который вонзишь ты себе в грудь добровольно и тогда станешь вечным воеводой иудейским. Если же не хочешь, то умрешь от наших рук, как предатель». И так сказав, обнажили иудеи свои мечи, угрожая убить Иосифа, если он сдастся римлянам. Иосиф же испугался, что будет убит иудеями, и полагал, что он разгневает Бога, если до повеления Божьего умрет, а потому был принужден употребить всю свою мудрость в речи к иудеям. И сказал Иосиф: «Зачем, возлюбленные, разлучаем мы душу и тело? Думаете, что я изменился? Но я не изменился. Хорошо в бою быть убитым от руки неприятеля. Если бы я от римского меча скрывался, то достоин был бы воистину от своей руки, от своего меча умереть. Если же римляне щадят нас, завоеванных, то почему нам нельзя помиловать самих себя? Хорошо за свободу умереть, — это и мне любо, — но отстаивая ее в бою. А сейчас где бой? Кто с нами бьется? Одинаково трусливо поступает

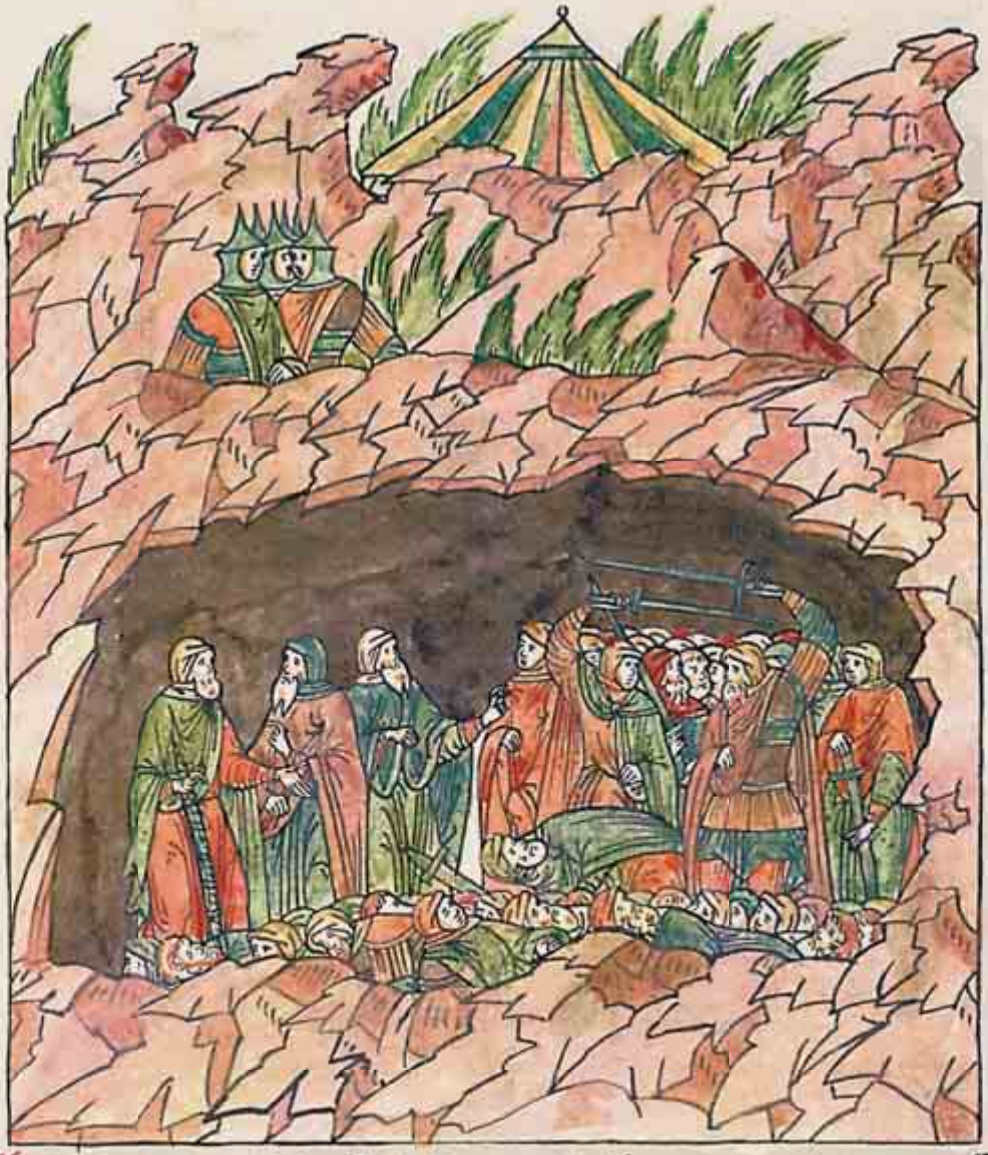
как тот, который не готов умереть, если это нужно, так и тот, который стремится умереть, если это не нужно. Чего мы боимся, когда не выходим к римлянам? Не смерти ли? Тогда зачем на то, чего мы боимся и ожидаем от врагов, мы сами себя обрекаем? Рабства ли мы от римлян боимся? А что, сейчас мы очень свободны? Думаете, что вы храбрецы, когда себя закалываете? Нет, но самые трусливые вы из всех людей. Подобны вы кормщику, который волн испугался и, не дождавшись бури, затопил корабль. Самоубийство противно природе и не свойственно никому из живых существ. Не найдете вы ни одного животного, которое бы само себя убивало. Естественный закон властвует над всеми — желание жить. Поэтому мы тех, кто отнимает у нас жизнь, врагами и считаем. И Бога прогневает человек, если надругается над Его даром, и беззаконником он явится в очах Божьих. Всякая плоть смертна и из тленной природы создана. Душа же никогда не умрет, принадлежит она Божеству и в теле пребывает. Если же кто-то потеряет чужое сокровище, данное ему на сохранение, то назовут такого коварным, и неверным, и злым. Если же кто не сохранит сокровище Божье в своем теле, то как утаится он от Того, кого он оскорбил? Если раб убегает от господина по лукавству своему, то достоин





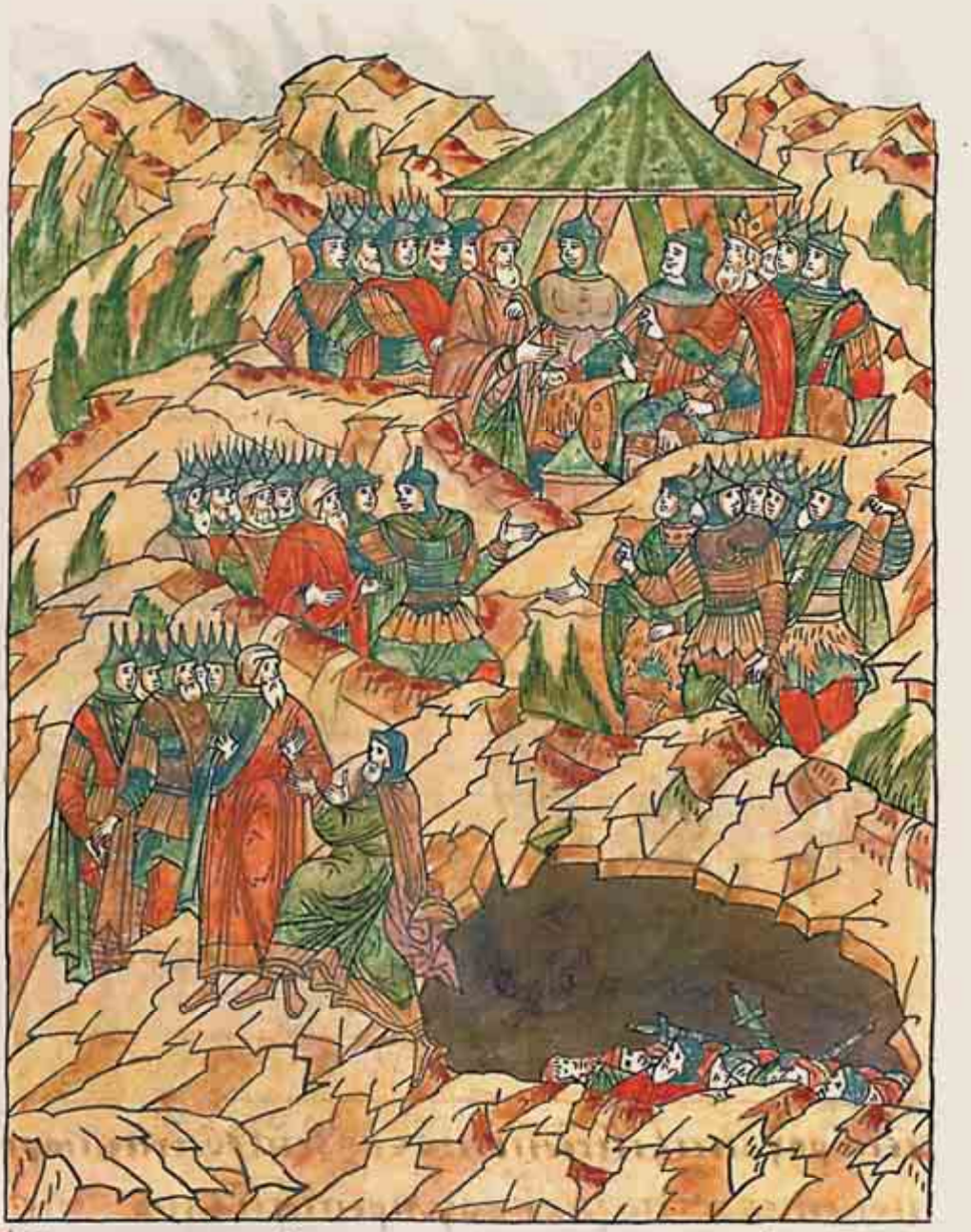
муки. Мы же, от прекрасного Владыки, предоброго Бога убегая, не окажемся ли нечестивыми? Разве вы не знаете, что те, которые покидают эту жизнь по естественному закону и то, что получили у Бога в долг, отдают Ему тогда, когда взять Он захочет, — тем слава вечная, и дома крепкие, и память рода, а души их, чистые и непорочные, пребывают в святом Небесном месте и ожидают там того времени, когда обратно вселятся в свои тела, «егда возвратятся веци»? Напротив, души тех, кто на себя наложили руки, ад темный примет, а Отец Бог будет мучить их и до правнуков их. Ибо ненавистно это дело перед Богом. И законодатель наш повелел до захода солнечного лежать без погребения телам самоубийц. В других же землях и руки правые у таких мертвецов отрезают. Достойно, о, друзья, жить праведно, а не присоединять к несчастьям человеческим еще и гнева Создателя. Вот моей речи конец. Не могу предать самого себя. Иноплеменники заботятся о моем спасении. Я ли на меч свой кинусь? Да не будет со мной этого! Если же нарушат клятву римляне и убьют меня, то погибну, как венцом победным увенчанный, полагая их вероломство выше царства». Много так говорил им Иосиф, запрещая им убивать себя.

Иудеи же заткнули себе уши отчаянием, и обступили они Иосифа, и убить его хотели, и ругали его, и обвиняли в слабости. Он же, одного по имени окликая, на другого смотря грозно, третьего за руку одергивая, и разными речами всякий раз отгонял их от себя. Они же стыдились и все еще уважали его, как своего военачальника, и никто не осмелился поднять руку на Иосифа.



Нсѣпорочиповсѣсѣніесщоѣбгъстроителюрѣ.
Понежебгоповелѣлъоумретинамъ, чи
сломъдаоубьѣнбоудемъ. нанегожежеш
нещьчислабоудетьдатъбоудетоубьѣнъ
шъторагоитакорекшепочтечиластопре
моудростію. ипѣмъсѧпремоудріи,
поубьѣнбышашесдрѹшдрѹгаразвѣдш
ногоиптъсѧсѧданешескверниттьдесни
цекрошюсроническою.
помолисѧ
томѹ.

И тогда Иосиф, вручив спасение свое Богу Создателю, сказал: «Поскольку повелел Бог нам умереть, то будем убиты по численному жребию. На кого выпадет конец числа, тот будет убит тем, кто стоит перед ним». Сказав так, он стал отсчитывать числа с премудростью, и этим всех перехитрил, и убиты были все друг другом, кроме одного и Иосифа. Сойдясь с ним, Иосиф, чтобы не осквернить руки родственной кровью, умолил его сдаться римлянам.



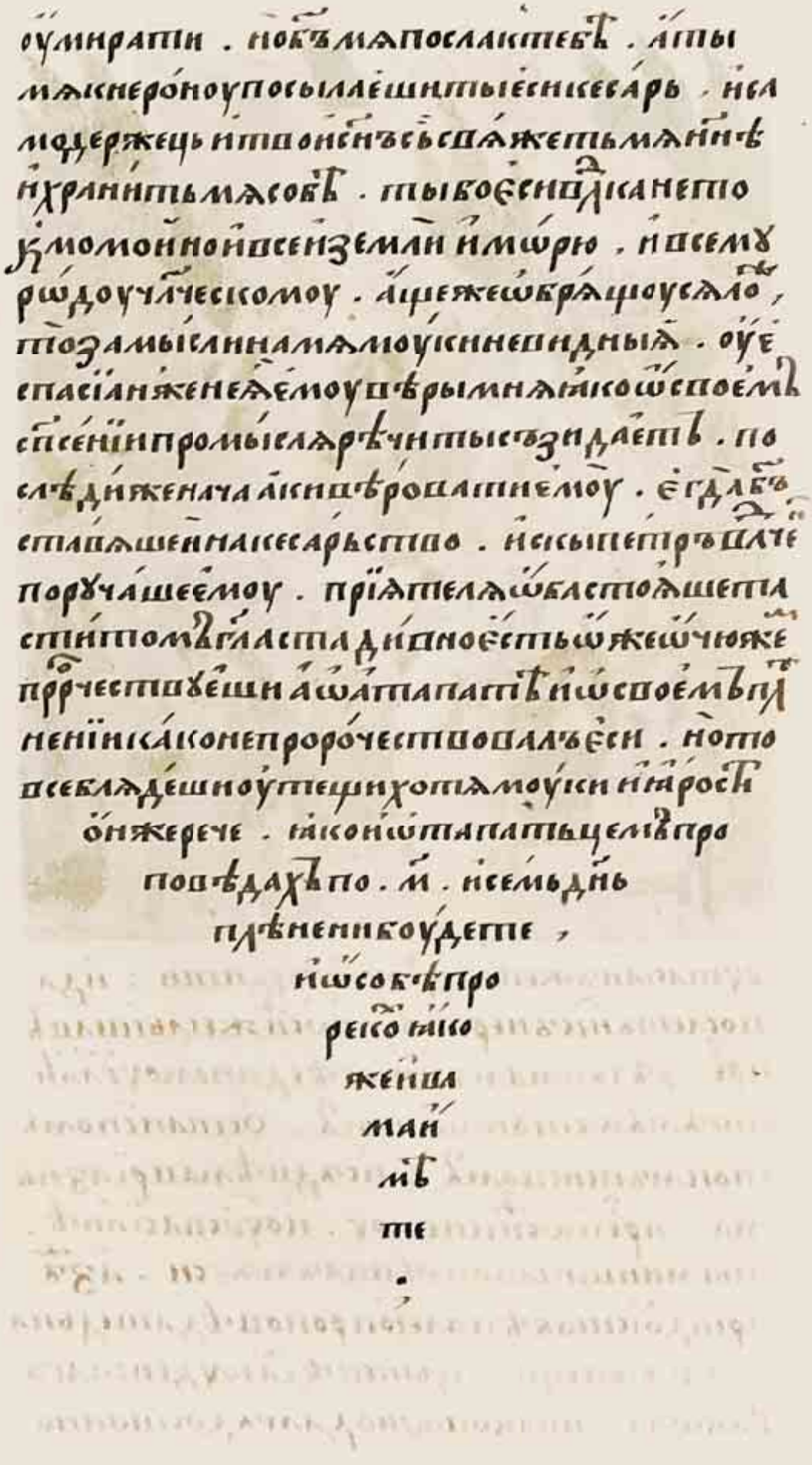
Ѝ сѡ̀ вадыни дѡ̀стаѭ́жнїа . и҃ тѣ́ми дѡ̀шаѧ́сѧ
сѡ҆ усп҃а́сѣлнѹ . а҃ри́млѧне сѣ́стѣчѧ́хѹ на
позо́рѣ и҃ кы́сты кли́чѹ разноли́чнѣ . ѡ҆ш҃ть
ра́ѹющемсѧ ѡ҆ѡ҆си́фѣ о҆ пле́нѣнїи . ѡ҆ш҃ть
мѧ́гѣ грозѧ́щимсѧ . ѡ҆ш҃тѣ мѧ́гѣ весели́ѧщи
мо́ѹчи́тїи ; и҃ ѹ҆би́ти врага . ѡ҆ш҃тѣ мѧ́же
дивѧ́щемсѧ непремѣ́нне
нїю́жи́тїи
сѣмѹ.

Ивышли оба живыми, и повели их к Веспасиану. И римляне все сбегались посмотреть и кричали разное. Некоторые радовались пленению Иосифа, некоторые угрожали ему, некоторые веселились, желая мучить и убить врага, некоторые же дивились непостоянству жизни человеческой.

оуеспасіанъ же повелѣ оукрѣпити . и дла
послетьникънерону . иосифъ же слышавъ
ирѣ , рѣчь имамъ къ тебѣ единомоу глати .
ишелъ в ѡстоупишемъ , остаисномъ
своимъ титомъ . и съдѣ къ маріазнь
ма . ирѣ ѡ нѣкемоу . оуеспасіанъ .
тымнишиякоплѣнилъ мѧ еси . азъ
пріидохъ къ тебѣ доброволѣ проповѣдателя
колшюющи . цѣнѣе вѣдаіоудейскаго
закона . якоподобаетъ воиномъ достойно

Веспасиан же повелел укрепить Иосифа и собирался послать его к Нерону. Иосиф, узнав об этом, сказал: «Хочу что-то тебе сказать одному». И когда все отступили, остался Веспасиан с сыном своим Титом и с двумя друзьями. И сказал Иосиф: «О, Веспасиан, ты думаешь, что пленил меня. Я же пришел к тебе добровольно поведать о более важном. Или не знал я иудейского закона, как военачальникам надлежит

умирать? Но Бог меня послал к тебе. А ты меня к Нерону посылаешь, хотя ты сам император и самодержец, и этот сын — твой наследник. Закуй же меня сейчас и сохрани меня для себя. Ведь ты владыка не только мой, но и всей земли, и моря, и всего рода человеческого. Если же окажется, что я лгу, то придумаешь мне муку невиданную». Веспасиан же не поверил Иосифу, считая, что, о своем спасении помышляя, он речи эти составляет. Потом же стал доверять ему, когда Бог сделал Веспасиана императором и посох владычества вручил ему. Стоявшие здесь два друга императора и Тит сказали: «Дивно, что о других предсказываешь. Об Иотапате же и о своем пленении почему не предсказал? Ты это говоришь, желая избежать муки и гнева». Иосиф же сказал: «Жителям Иотапаты предсказал я, что через 40 и семь дней захвачены будут и о себе предсказал, что живой буду у вас в плену».



Потом же Веспасиан расспросил у пленных иудеев, действительно ли Иосиф делал такие предсказания, и узнал, что это правда, и стал верить Иосифу, и приставил к нему стражников, и заковал его, и одежды дал дорогие, и вещи, и пищу, как у военачальников; Тит же помогал Иосифу.

Потом Веспасиан послал на город Иафу тринадцатый полк, возглавляемый Траяном, и вышла горожан небольшая часть, и сопротивлялись, а потом бежали.

Былъ же градъ тотъ окруженъ двѣма стѣнами, и побѣгаша жители первыя стѣны, и приимаша непонихъ, и вниде вошедшихъ внутрѣ, и затворишася отъ сѣчахъ, и не имуще мѣста убѣжанію, внутрѣ бо враги своими затворишася. Тогда Траянъ, воевода римлянъ, посла къ Веспасіану и повѣда ему, да послетъ Тита, да скончаетъ побѣду.

Был же город тот окружен двумя стенами, и убежали горожане за первые стены, и римляне вбежали за ними. Увидев это, горожане, которые были внутри города, закрылись за второй стеной, и не пустили тех иудеев, что вышли на бой с римлянами, и оставили их между стенами. И римляне стали рубить оставшихся между стенами иудеев, и тем некуда было бежать, ибо их внутренние ворота были закрыты перед ними, а во внешних находился неприятель. И послал Траян, военачальник римлян, к Веспасиану и сказал ему, чтобы послал Тита завершить победу.

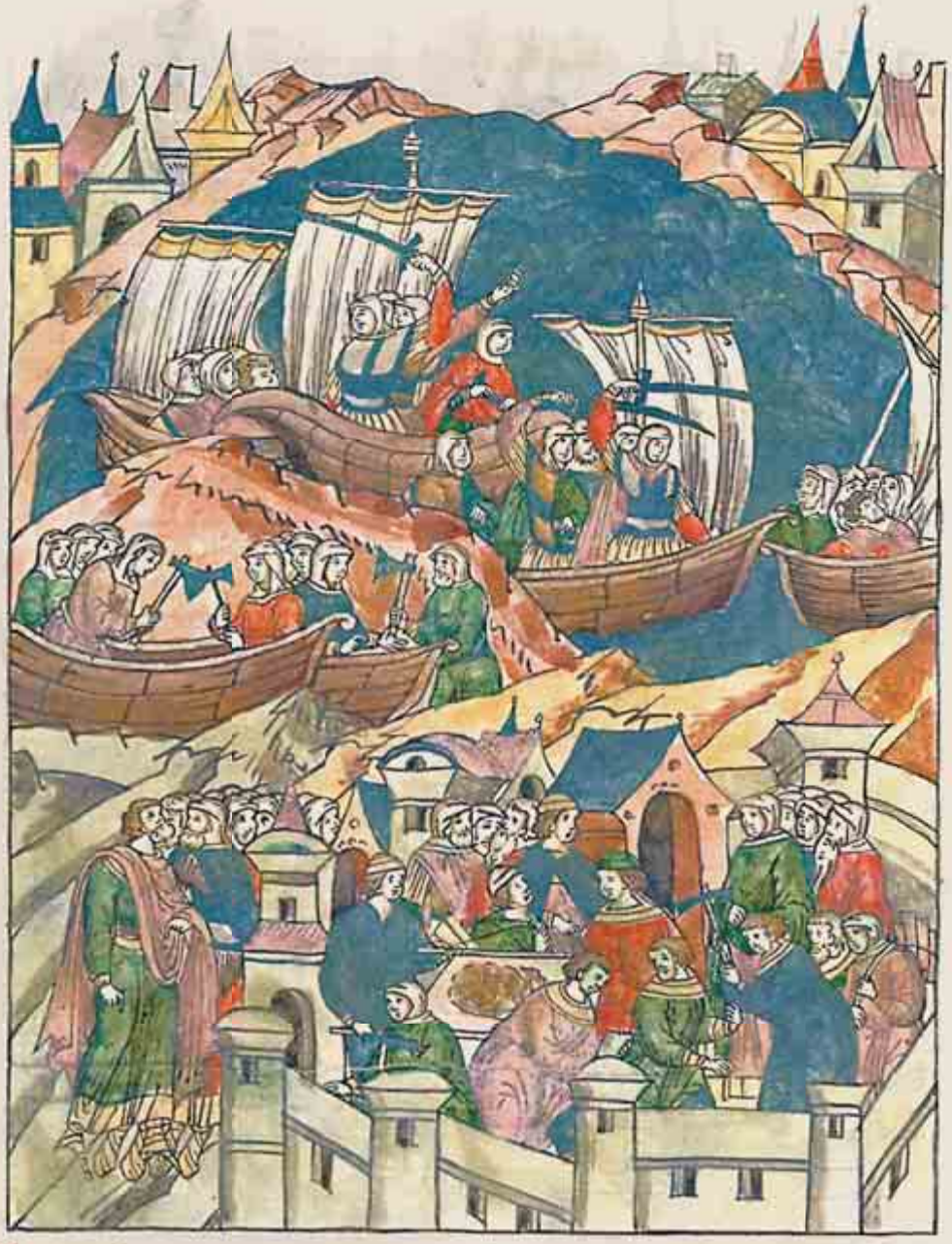
Н Тит пришел и взял город. Убито же было в нем 15 тысяч, а три тысячи взято в плен.

Самаряне же собрались на горе Гаризим, которая считается у них горой святой, и желали биться с римлянами. И узнал об этом Веспасиан, и послал к ним военачальника Цереала с шестью сотнями конников и тремя тысячами пеших воинов.

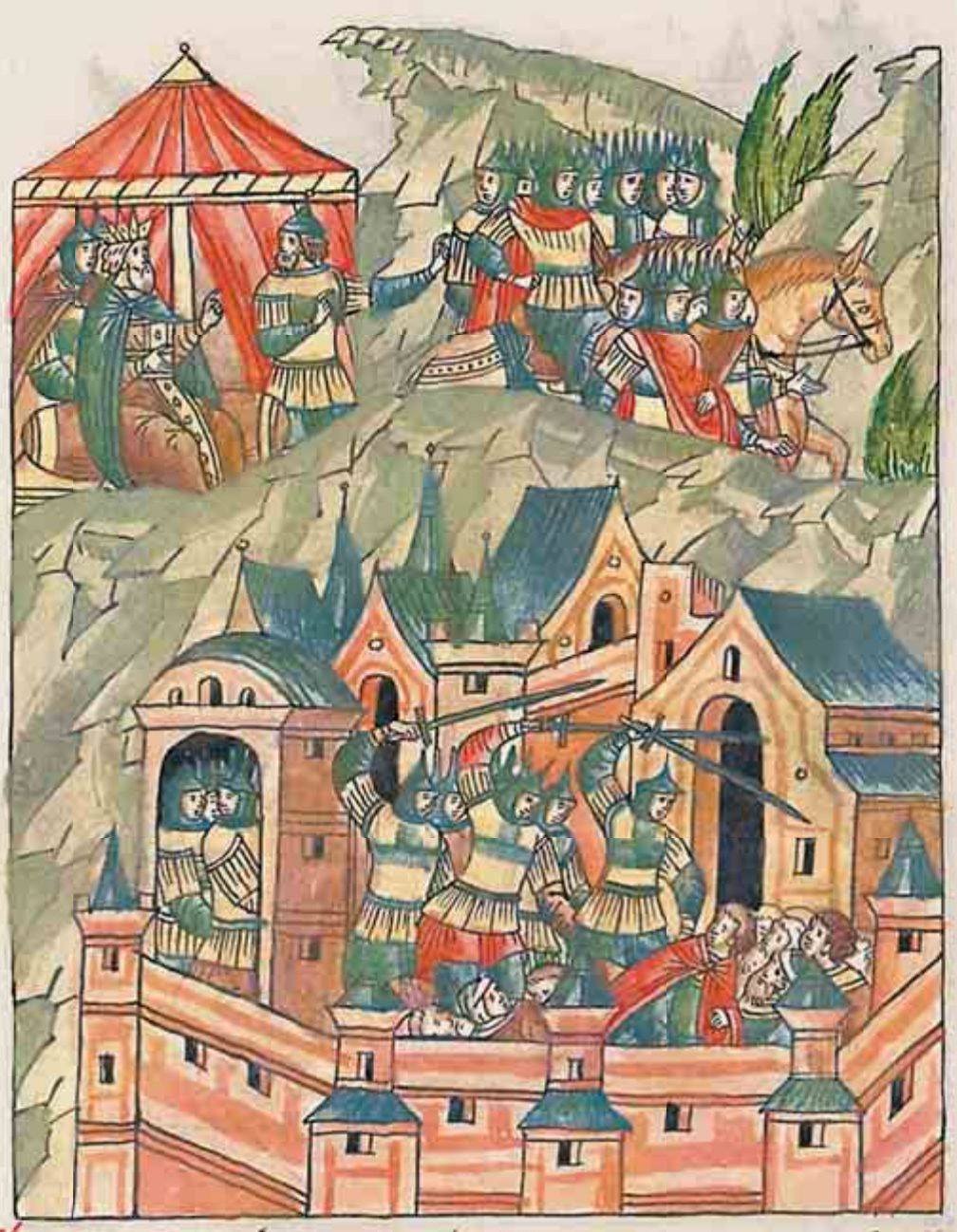
Пришлось же самарянам, которых окружили на горе римляне, остаться без воды и опалял их зной нестерпимый, и некоторые из них не могли терпеть жажды и сдались в рабство. И узнал Цереал, что самаряне все изнемогли от жажды, и напал на них, и убил самарян 20 тысяч. В 4-й день месяца панема, то есть июля,

И възвратисѧ оу̀ Веспасіанъ ѿ Іотапатъ
въ Птолемаи́дъ . и ѿтоу̀дꙋ и́де въ Кесарі́ю . и́дꙋ бо
ѧ́ше чáсть кáше е́ллинъ и почтѝша и́хъ
полѣмѝмидáрьми . и́ на Ѡсі́фа кри́чаша
да моу́читъ и́хъ . Ѻ нѣмъ же не послоу́шаи́хъ .
полкá же два Веспасіанъ ѡ́ставѝ
въ Кесаре́и на
ꙋ́сѣкнѳ
полѝ ;

Возвратился Веспасиан из Иотапаты в Птолемаиду, а оттуда пошел в Цезарею, в которой большая часть населения были эллины. И почтили полководца жители Цезареи большими дарами. На Иосифа же кричали, чтобы замучил его. Веспасиан же не послушал их. Полка же два Веспасиан оставил в Цезарее на пропитание, а два послал в Скифополь.



И тогда собрались все беглецы из опустошенных римлянами городов в Иоппию, разрушенную Цестием, и построили ее опять, чтобы была им оплотом, и построили корабли, и плавали до Финикии и до Сирии, и всюду разбойничали.



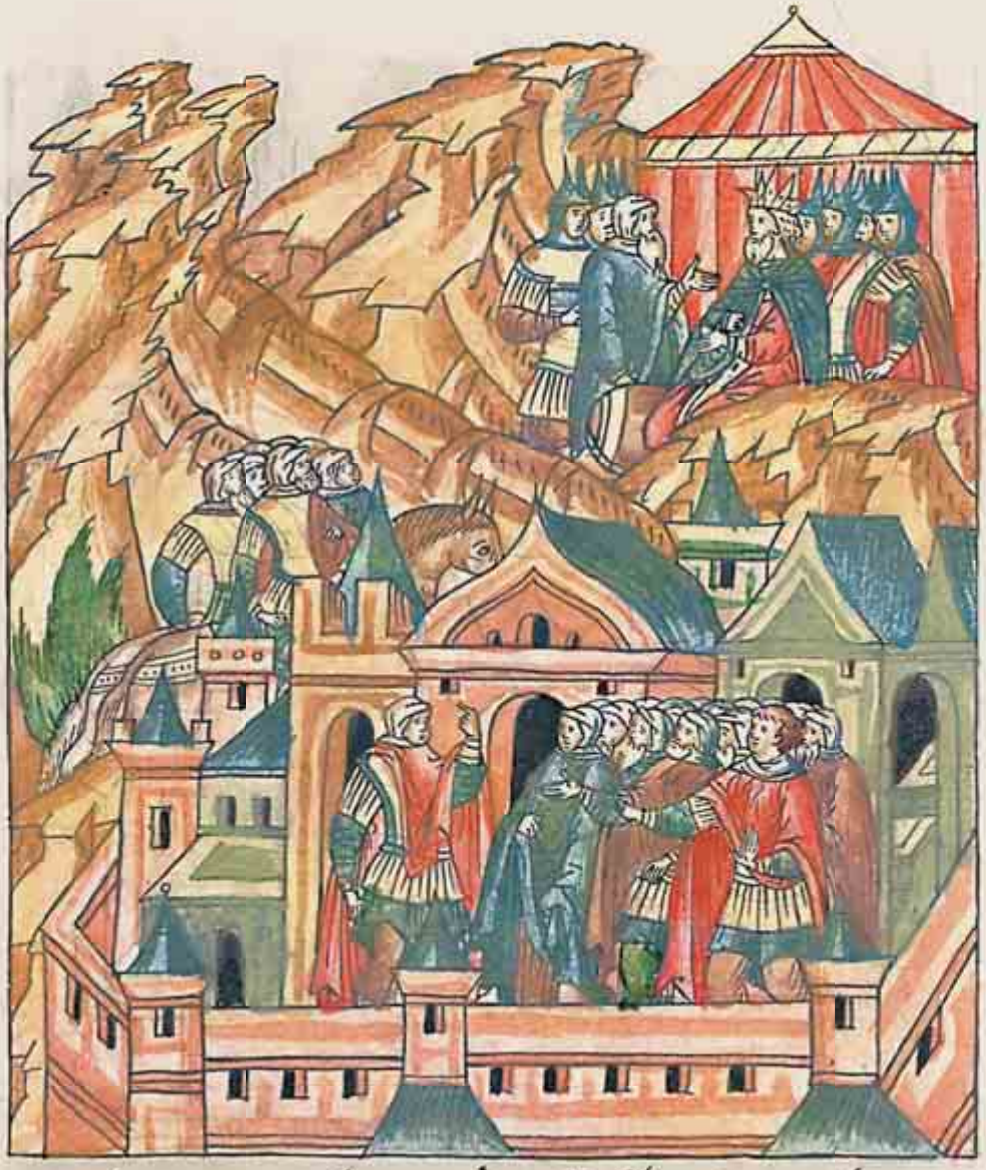
Ѝ бы́шей па́сти и́ гемо́ну посла́на йо́ппию
пѣ́шцы и́ конни
ки . и́ взѧ
ѧ́ша
го́ро
ду́
ю
;

Не пришла весть об этом Веспасиану, и послал он на Иоппию пеших и конных воинов, и взял город ночью.

Нъ а҃ктроудмоущоуѿпоучинылютоуѣвлѡ.
Ѡ҃сиюдїепридержепроукиримлѧномъ.
Ѡ҃сай изѣ҃ишлѧеоуѣтекшоуниколоуже
бѫшежѣй. и҃. тысѧ. ѡ҃ѡ҃пїѧжевмлло
дрѣмасептороепо
римлѧнъ
кы

Ни ветер дул с моря сильный весьма, и все жители Иоппии, укрывшиеся на кораблях, попали в руки римлян, и все были убиты, не убежал никто. Было же их 8 тысяч. Так, Иоппия за короткое время второй раз покорена римлянами была.

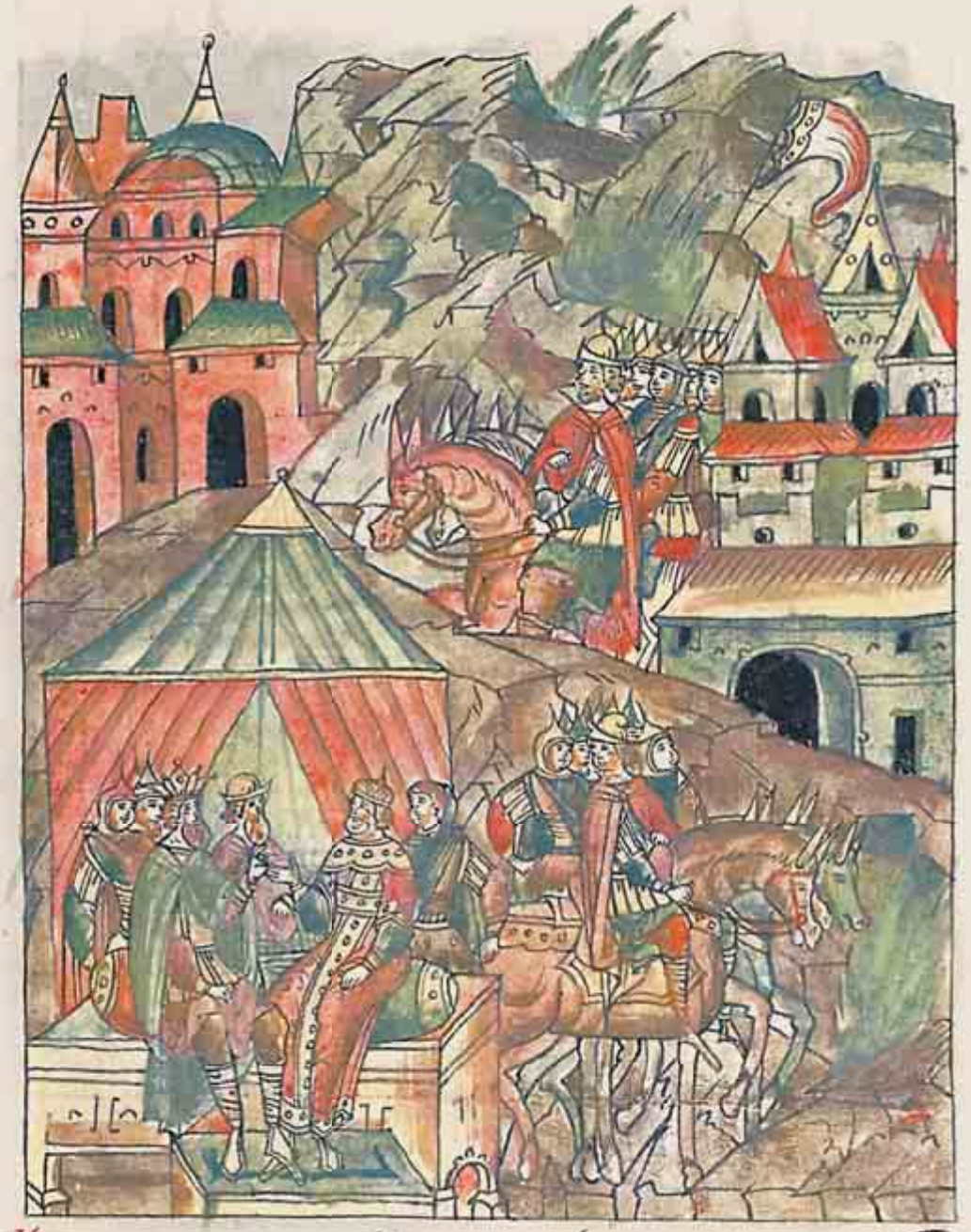
Пришла же весть в Иерусалим о гибели Иотапаты и о завоевании римском, и не могли поверить, что такое большое несчастье случилось, потому что не было человека, который бы глазами своими видел это. Ибо не убежал ни один вестник из Иотапаты. Однако сама собой весть об этом разошлась, добавлено же было, что и Иосиф убит. И большой крик был в Иерусалиме, и каждый о своем родственнике рыдал, Иосифа же все оплакивали 30 дней.



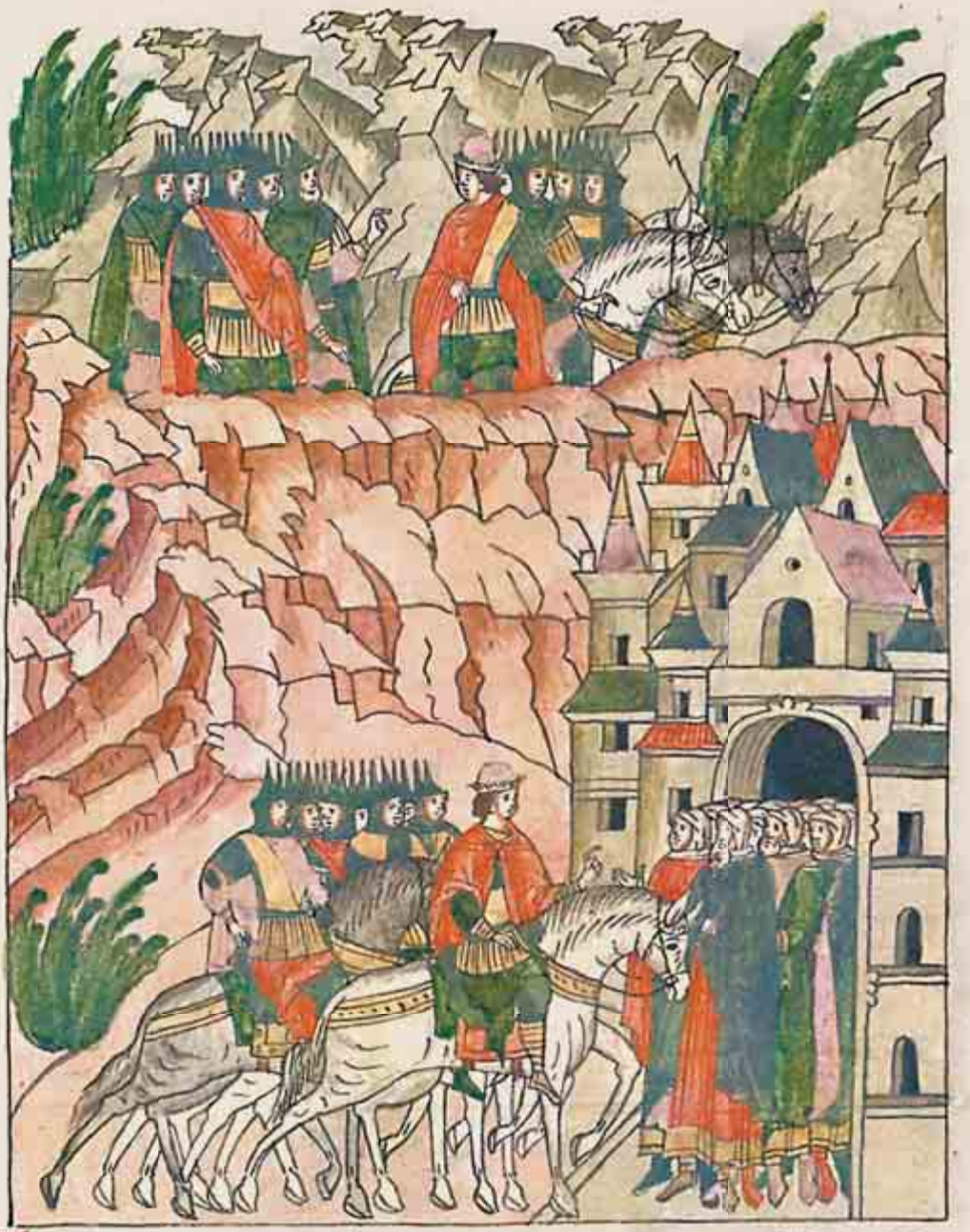
Послѣдиже слышавшиноу сенфлакиласоу
цаоусплсїана . ївъчестиходяща , та
коптѣ́ришасѧнань . ѩкозоукыикѣыша
изъѩ́ли . хоулящеѩсопре
да́телѧ ѩпристра
ѩхоупсана
рима́ны .
даюсн
дат҃ь
имь
:

Когда же после этого узнали, что Иосиф жив и находится у Веспасиана, и почетом пользуется, то разъярились на него, называли предателем. И стали иудеи готовиться к столкновению с римлянами, чтобы Иосифа схватить.

Агриппа же призвал Веспасиана в свою область для оказания ему почета и прославления. Тогда же два города Агриппы вышли из-под его власти, Тивериада и Тарихея.



Веспасиан, желая почтить царя, решил вернуть ему города и послал сына своего Тита в Цезарею, чтобы Тит взял там войско и повел его к Тивериаде.

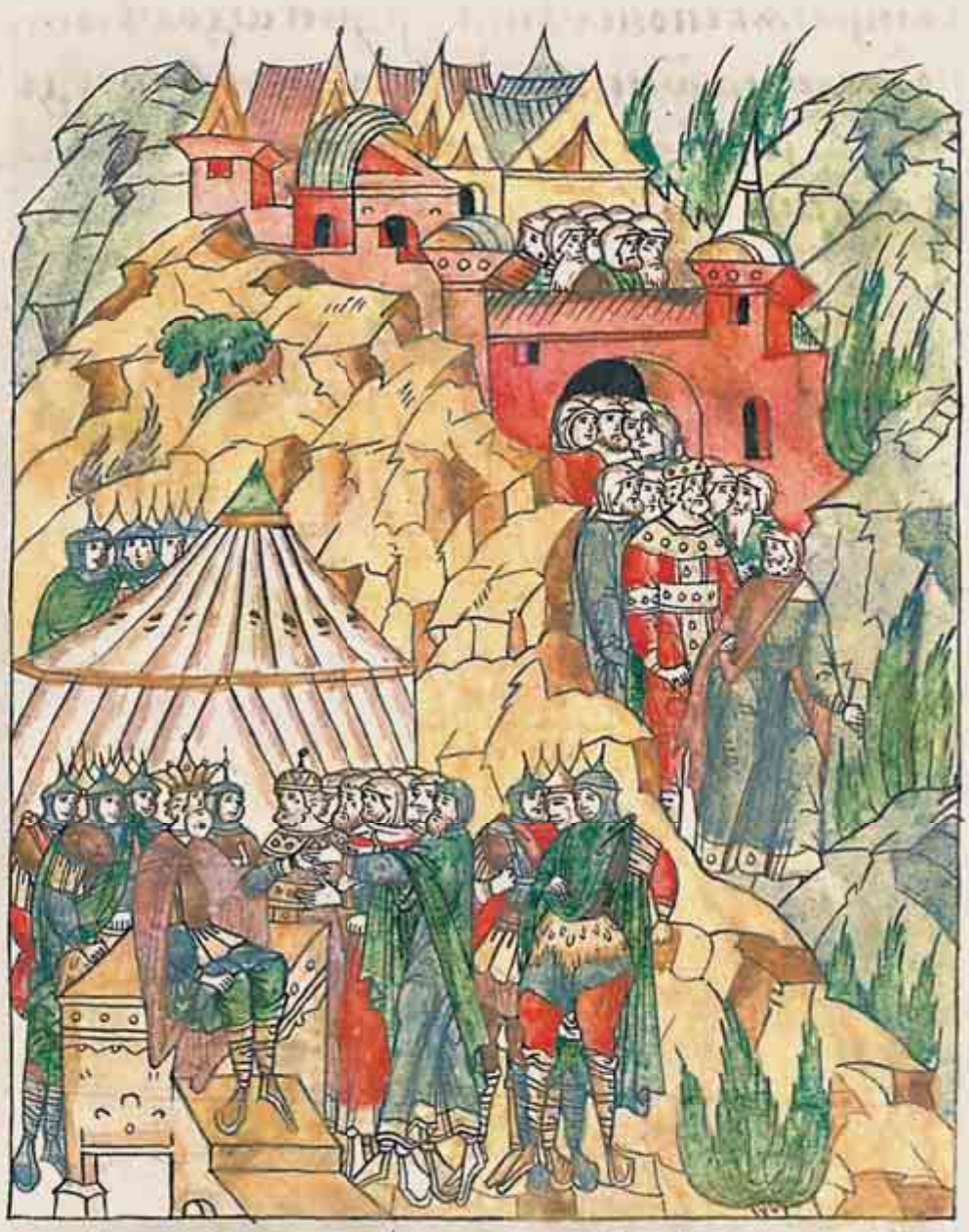


Нъ обрѣсѧ на горѣ Сенадрнѣ же стоѧщѣ отъ Тиверіады ѕ. верстъ. и посла сотника Валеріана. и пѧдесѧтъ конникъ. да помолвитъ съ граждѧны о мирѣ. слышѧ бо Веспасіанъ мира желаетъ. но мятежницы

Прискакав же к Тивериаде, Валериан возле города сам слез с коня и те, кто были с ним, чтобы не подумали горожане, что он биться приехал. И прежде чем он успел сказать слово, выбежали мятежники из города с оружием и побежали к римлянам. Среди мятежников главным был вожаком Исус, сын Сафата. Валериан же не мог нарушить указания своего военачальника и биться с ними. Побоялся он закона римского, по которому осуждается на смерть

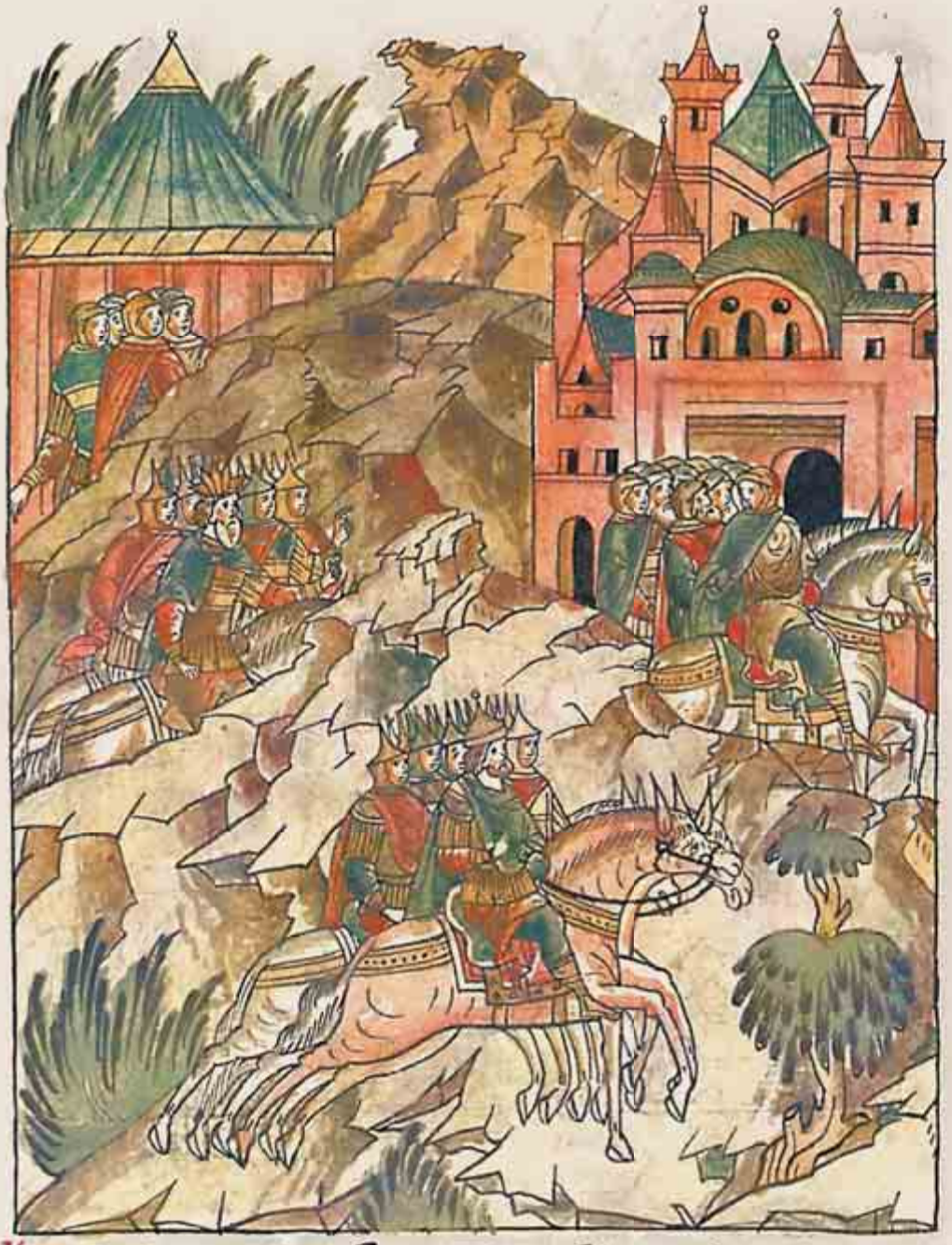
тот, кто вступает в бой без повеления, даже в случае своей победы. И ужаснулся Валериан от внезапной вылазки иудеев и убежал пешим, также и 5 воинов его, оставив своих коней, бежали.

Те, кто были с Исусом, взяли 5 коней, как великую добычу и наживу, и повели в город с песнями.



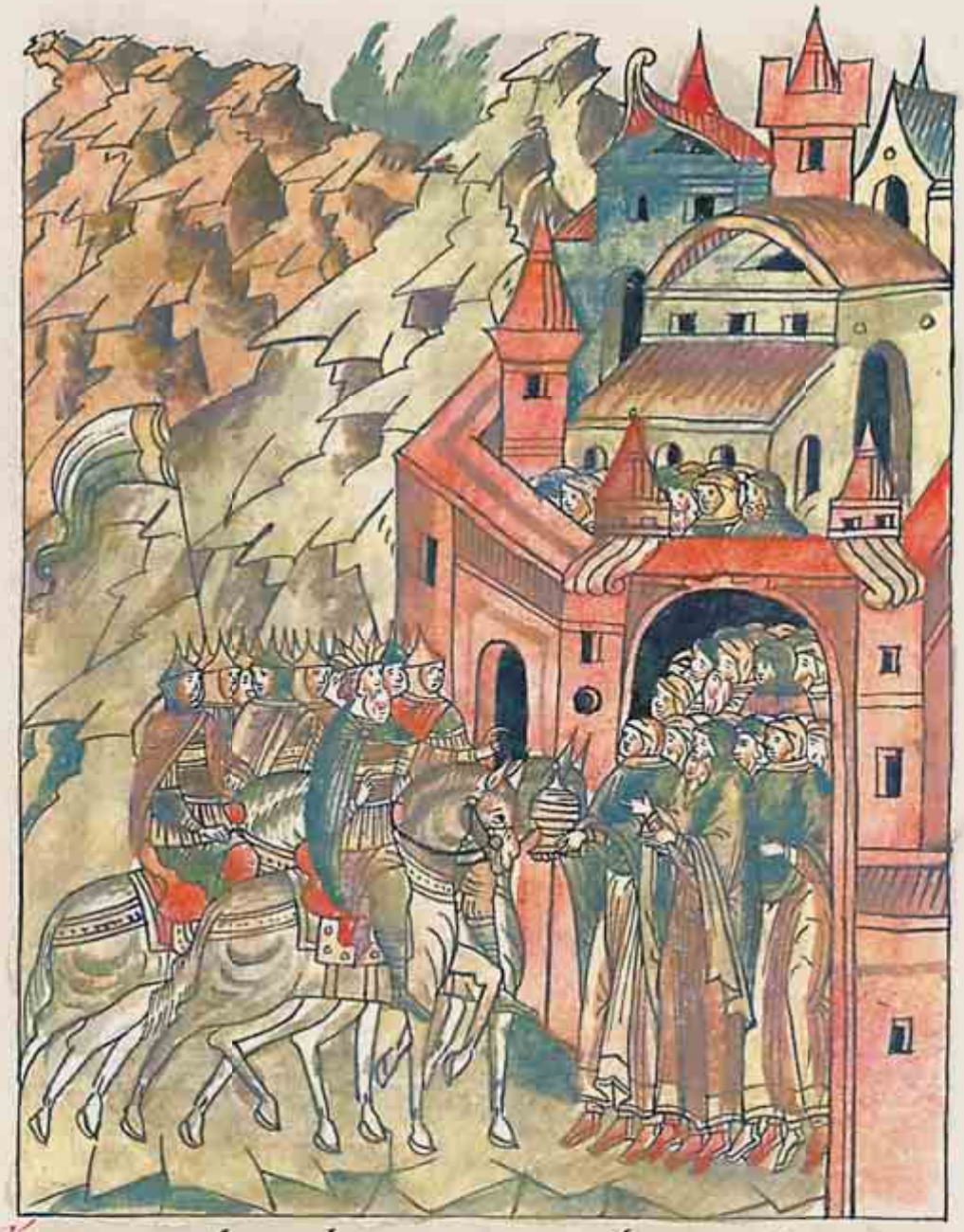
Нарочитии же гра́жане ви́дѣвше безако́ние то́вы бѣгоша къ ёу спасіа́ноу подо́щехо да плаще́ра́кнемоу . да не погоубить весь наро́ бла́гыхъ ма́лара́ди злы́хъ но пощадѣ́ти ми́рны . ма́ здо́вигаю́щи ра́ть мо́учити . и гелионъ же молбоу не слы́шавъ . но годи́ тихо та́ гри́ппѣ . хо да та́ по́да́сть и мѣ́рыхъ .

Лучшие же люди города, увидев беззаконие это, прибежали к Веспасиану и привели ходатая от царя к нему, чтобы не погубил он весь народ добрый из-за малого числа злых, но пощадил мирных жителей, а поднимающих восстание мучил. Полководец же Веспасиан просьбу их выслушал и, угодить желая Агриппе, ходатаю обещал исполнить просимое.

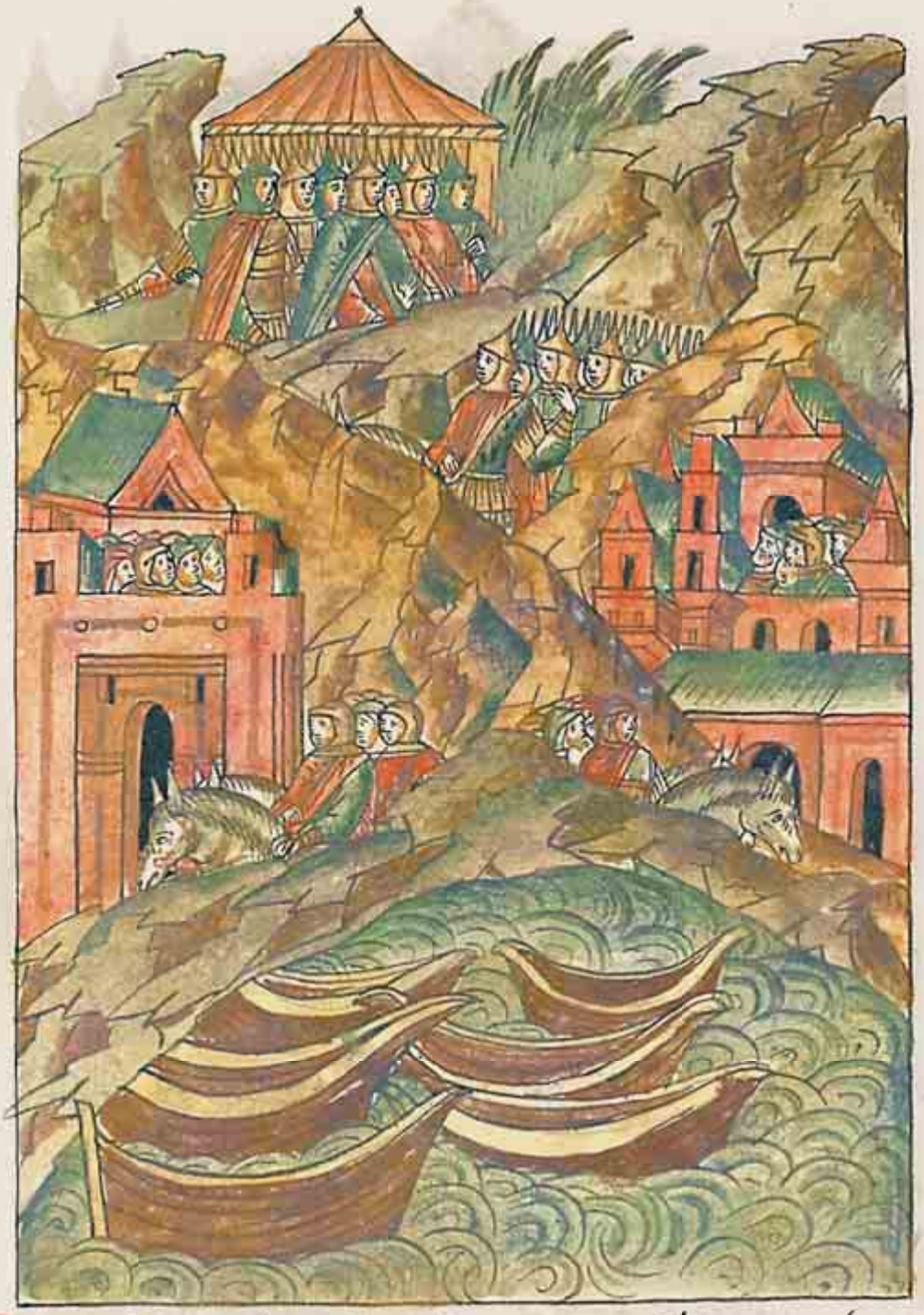


Ѝтоуслышависоусъсвоимиучениксы
ибѣжалътарихеи . иуслышавшеже
тиапонемъипослалъ
троана . а
щемн
рнн
соу
;

Узнав об этом, Исус со своими сообщниками бежал в Тарихею. Веспасиан же гнался за ним. Также Веспасиан послал военачальника Траяна узнать, мирно ли настроены жители Тиберианы.



Узнав же, что жители Тиберианы мира желают, Веспасиан со всем войском пошел к ним, и те, открыв ворота, встречали его с похвалой. И повелел Веспасиан военачальникам своим, чтобы не убивали никого.



Выйдя из Тивериады, Веспасиан стал окапываться на месте между этим городом и Тарихеей. Чувствовал он, что Тарихея настроена воинственно и не скоро примирится, поскольку бежал туда Исус и все мятежники с ним, надеясь на твердость стен и на озеро Геннисар, где кораблей много было.

Нпидѣ́ша́шеримлѧны . ѡ́бра́тивша́шасѧпо
текоша́на
па́ѣ́ра́
гна́
ша
ѧ
;

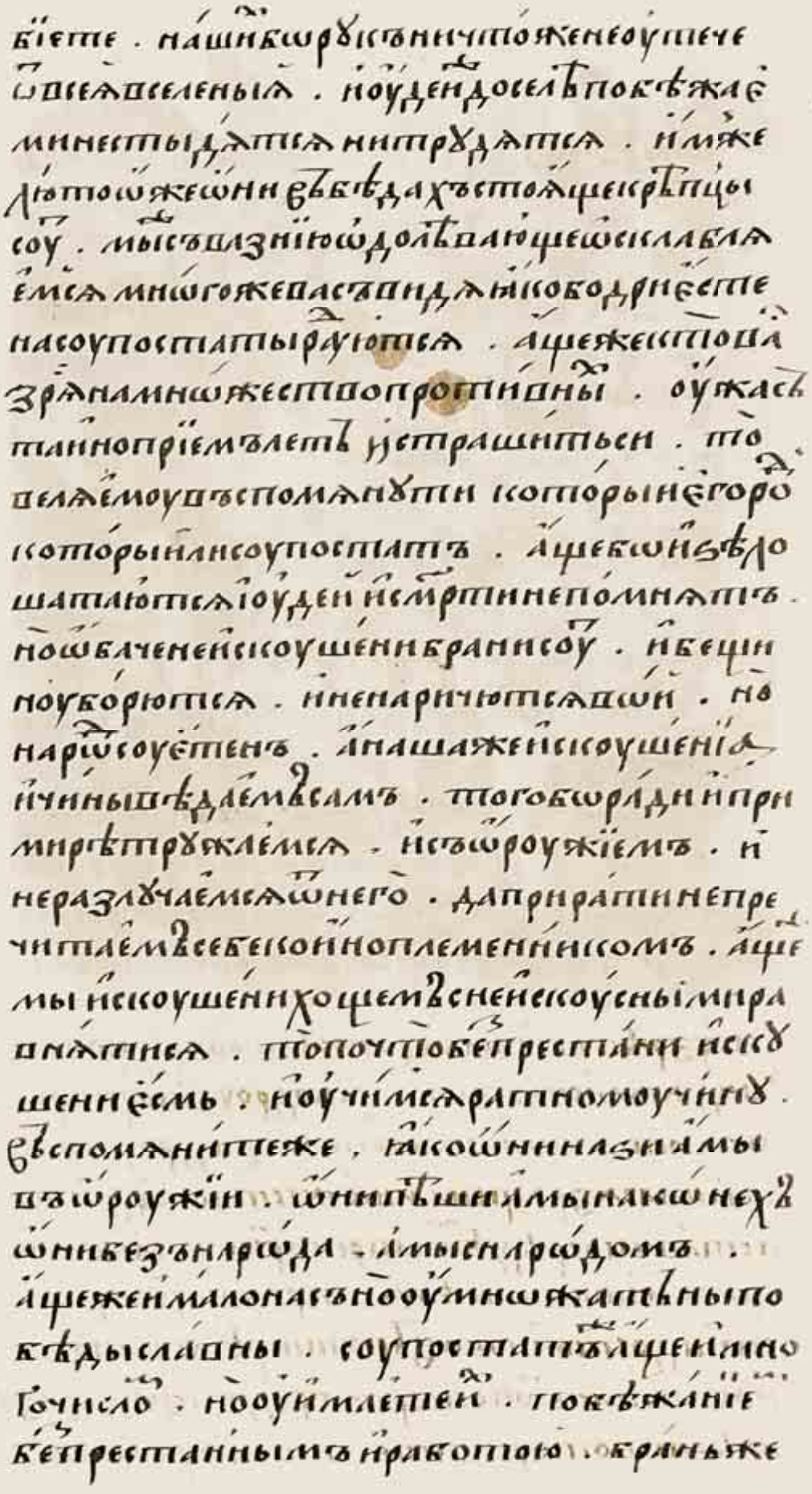
Нувидели мятежники окапывающихся римлян, и обратились они к ним, и двинулись на них, и разогнали их.

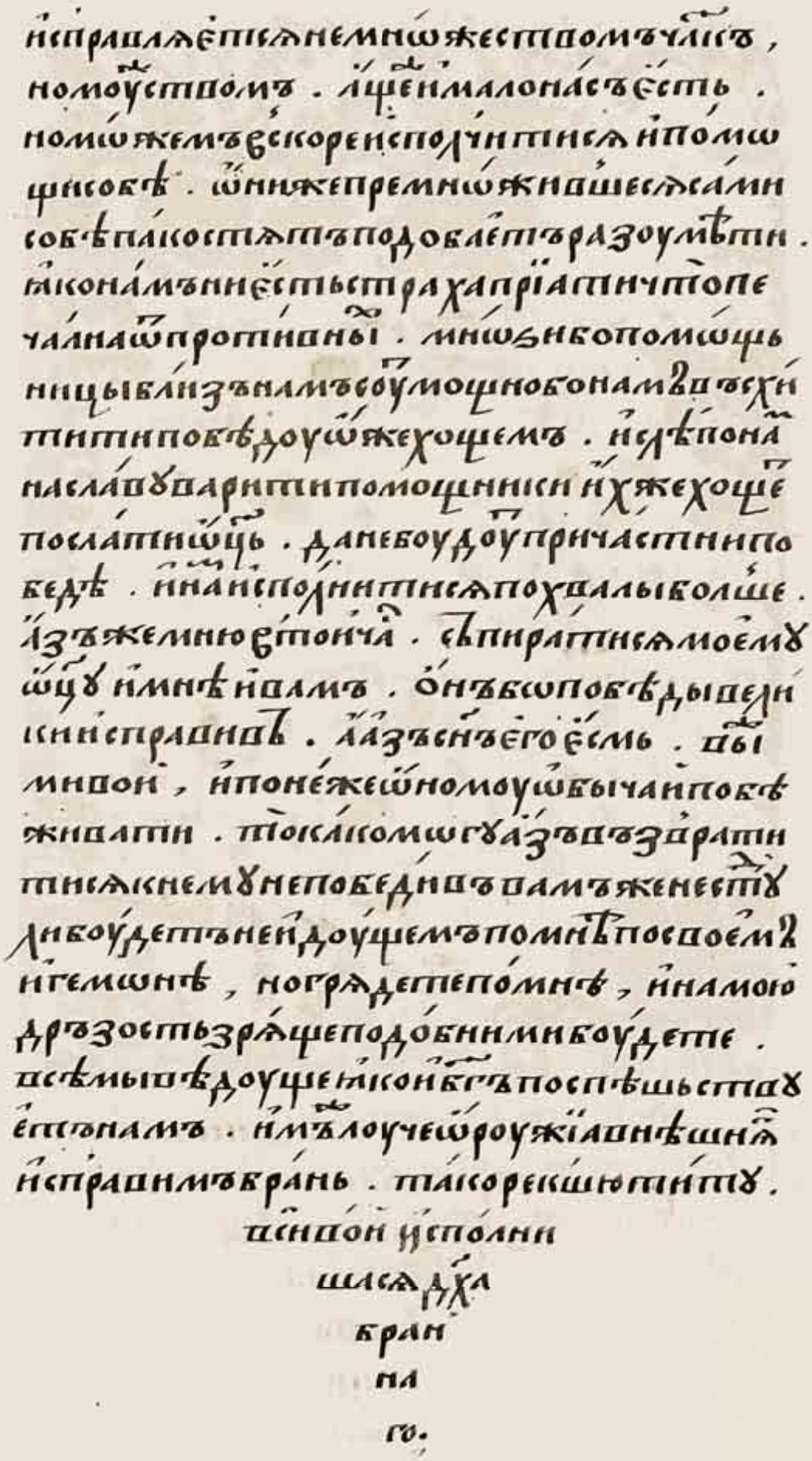
Когда же римляне стали ополчаться против мятежников, те бросились к кораблям и отплыли от берега, и стали стрелять в римлян.

Веспасиан же узнал, что много жителей Тарихеи собралось, чтобы воевать, перед городом, и послал туда сына своего Тита, и 600 конников избранных.

Тит увидел, что иудеев бесчисленно много, и послал к отцу за другими воинами. Воины же Тита некоторые рвались в бой и без его помощи, а некоторые боялись при виде множества иудеев. Тогда Тит встал среди них на холме так, чтобы можно было слышать всем, и сказал: «Римляне! Достойно в начале моей речи напомнить вам о том, из какого вы города, чтобы вы поняли, кто вы такие и с кем вы

вступаете в бой. Римских рук никто не избежал во всей вселенной. Иудеи же доселе побеждаемы были, но этим не подавлены и не утомлены. Будет дико, если они в своих несчастьях окрепнут, а мы с нашими удачными победами расслабимся. Многих же из вас я вижу бодрыми и готовыми идти на врага, и радуюсь я этому. Если же кто-то из вас, видя множество противника, испугался втайне и боится, то пусть он вспомнит, из какого он рода, и из какого рода враг. Хотя и воодушевлены иудеи и смерти не боятся, однако неискусны они в войне и беспорядочно сражаются. Нельзя назвать это скопище людей войском. Наше же воинское искусство и порядок всем известны. Для того мы в мирное время и упражняемся с оружием и не разлучаемся с ним, чтобы на войне не заниматься подсчетами, сколько нас, а сколько иноплеменников. Если же мы, искусные воины, приравниваем себя к неискусным, то зачем беспрестанно упражняемся и проводим учения? Учитывайте и то, что они в простых одеждах, а мы в броне, они пешие, а мы на конях, они бесславного рода, а мы славного. Хоть и мало нас, но увеличивают нас победы наши великие. Врагов же хоть и много, но уменьшают их поражения беспрестанные и рабство. Война же





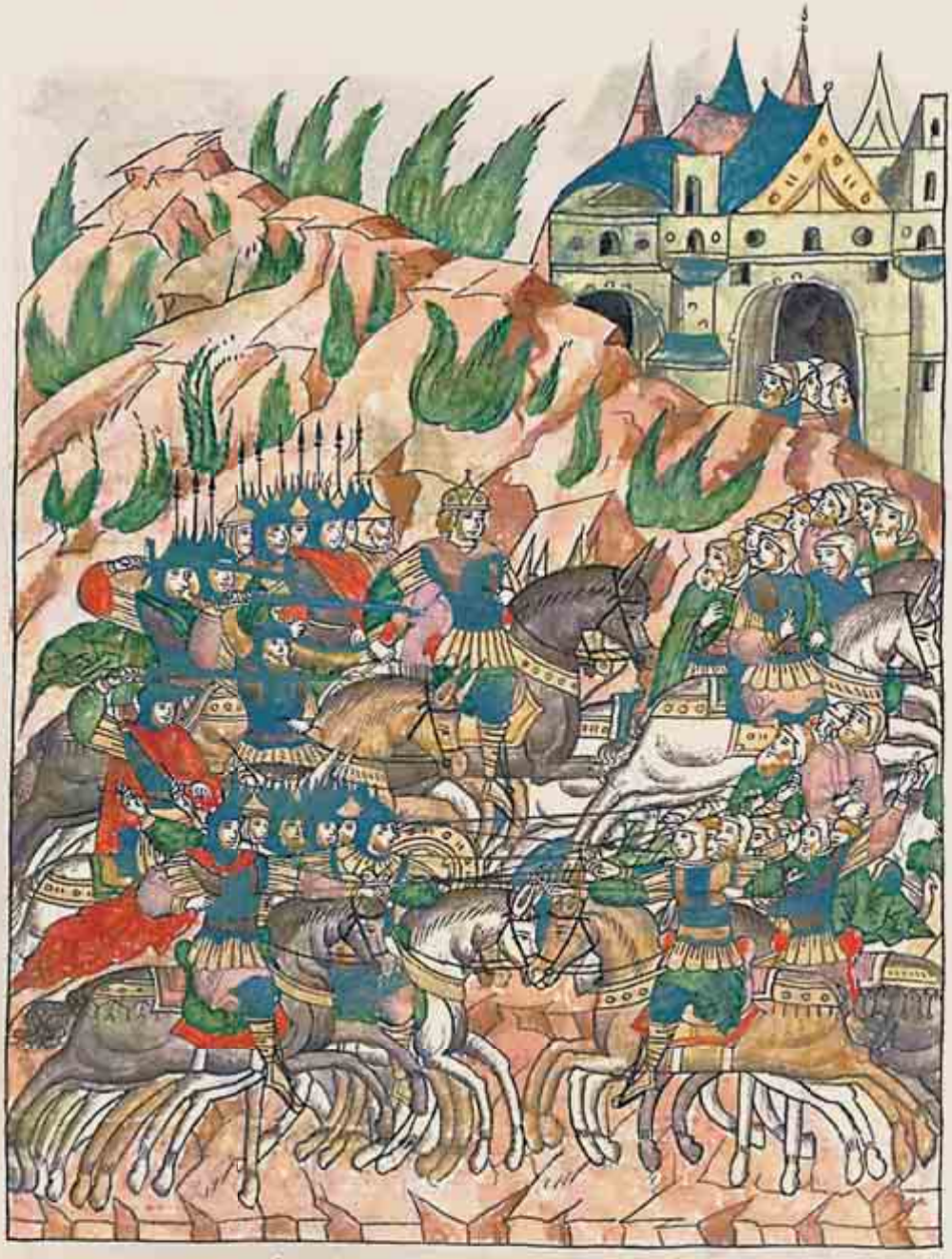
побеждается не множеством, но мужеством. Хоть и мало нас, но можем скоро построиться и помогать друг другу. Они же, когда много их, сами себе вредят. Надо понимать, что нам не страшно потерпеть какой-то урон от противника, ибо многие помощники недалеко от нас находятся. Однако возможно нам получить и победу, если захотим. Глупо нам ждать помощников, которых пошлет отец, и разделить с ними славу и отдать часть победы. Будет больше нам похвалы, если сами справимся. Думаю, пришел час решительный и для моего отца, и для меня, и для вас. Отец мой победы славные одержал, а я — сын его, вы же — мои воины. И если отцу моему обычай побеждать, то как могу я возвратиться к нему без победы? Вам же не стыдно ли будет оставить меня, своего военачальника? Но идите за мной и подражайте моей смелости. Все мы знаем, что и Бог помогает нам, и с этой помощью, больше чем с помощью оружия, одолеем в бою». Так говорил Тит, и все бойцы исполнились духа воинского.

Ѝ пришѣшимъ конникъ . т . конникъ на помощь . ѡ сихъ упасїанасникѡпечалнша бѣ ѡ зле меншл имъ сла ѡ сѣдо ѡ хупе ниан .

Ни пришли к Титу в Тарихею 300 конников на помощь от Веспасиана. Тит же опечалился весьма, поскольку меньше его воинам достанется славы из-за прибывшего подкрепления.

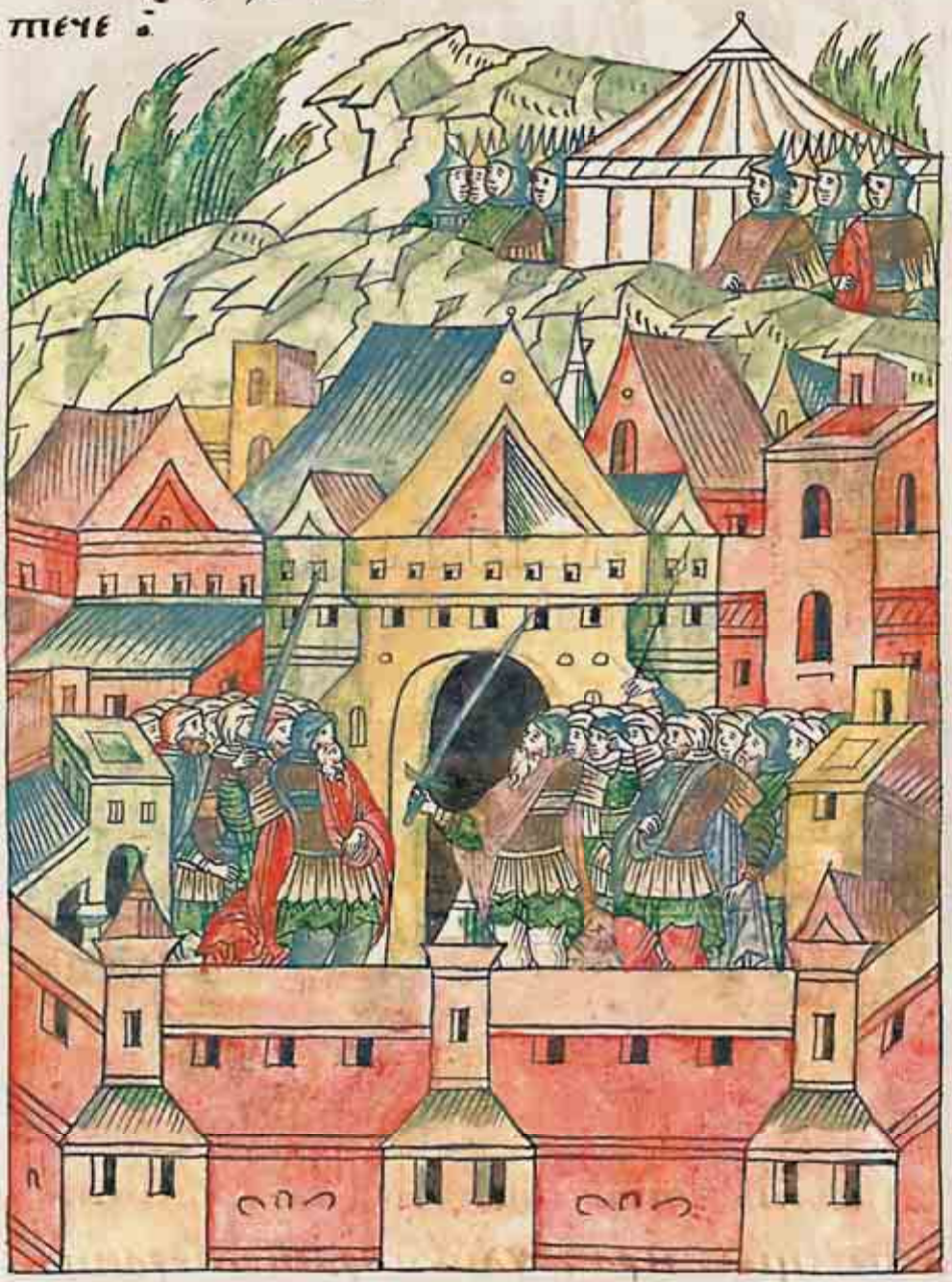
Ѳу́спасїанъ же посла́ Антоніа сѡ̀ дв҃ѣма ты́
сѧщьма стрѣлє́ць . стáтиперегра́доль
бра́тнемѹ . дáне
выи́ти до́угра
жанена
полѡ
сво
и
:

Веспасиан же послал еще в помощь Титу военачальника Антона с двумя тысячами стрельцов, чтобы те расположились перед городом во время сражения и не дали горожанам выйти на стены и помогать своим.



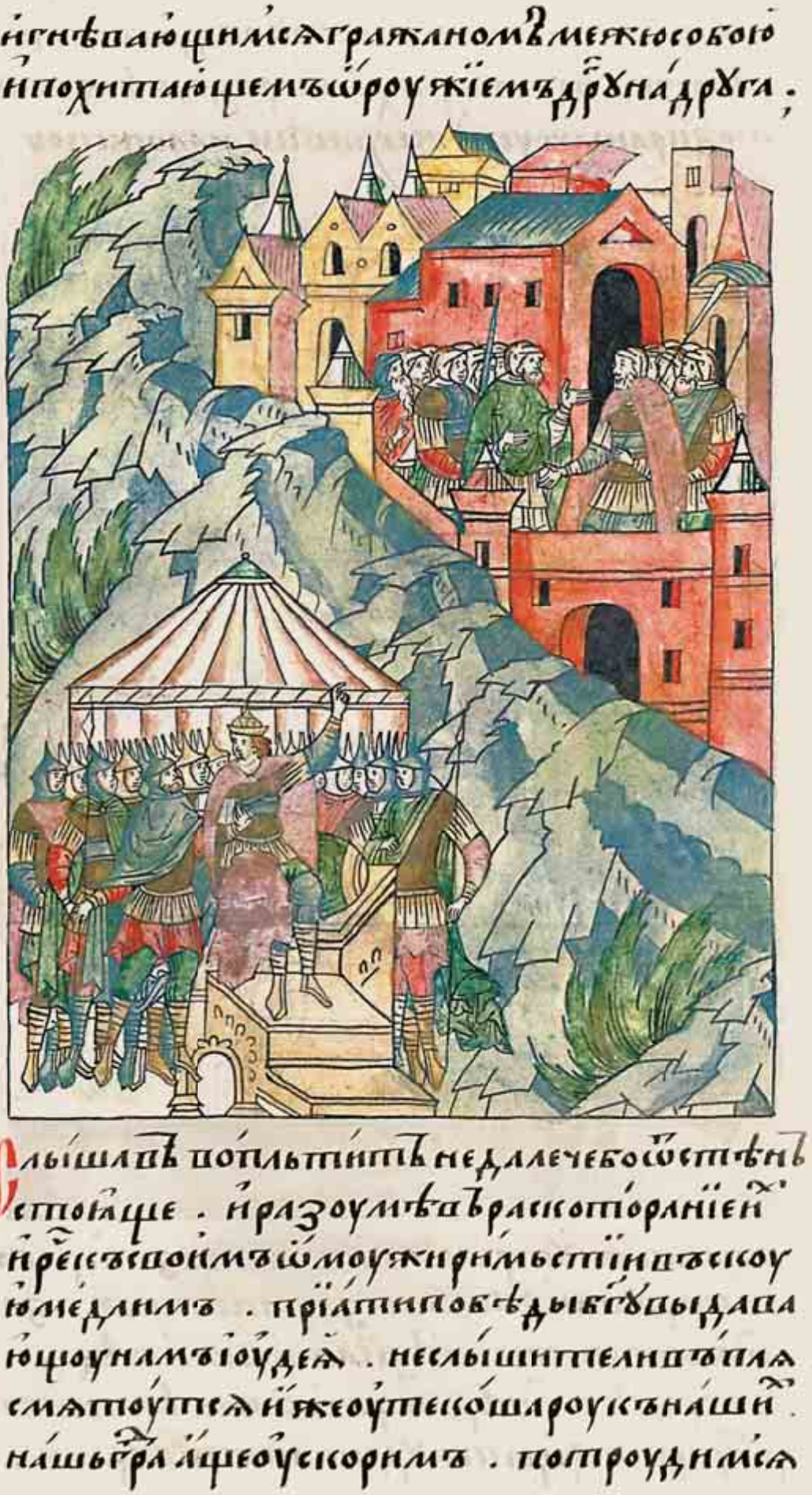
Тит первым ударил коня и пошел на иудеев, и за ним все воины с отважным кличем поехали, и растянулись они по полю, чтобы казалось, что их много. Иудеи же испугались, видя стремительность и порядок римлян, и недолго они сопротивлялись, и наехали на них римляне с копьями, и кололи иудеев, и давили лошадьми. Не выдержав натиска конников, иудеи бежали, при этом они топтали и теснили друг

друга. Тит же и воины его по полю гнали иудеев и рубили, и тех, кто хотел к городу бежать, догоняли и возвращали. Немного же иудеев ушло с поля боя.



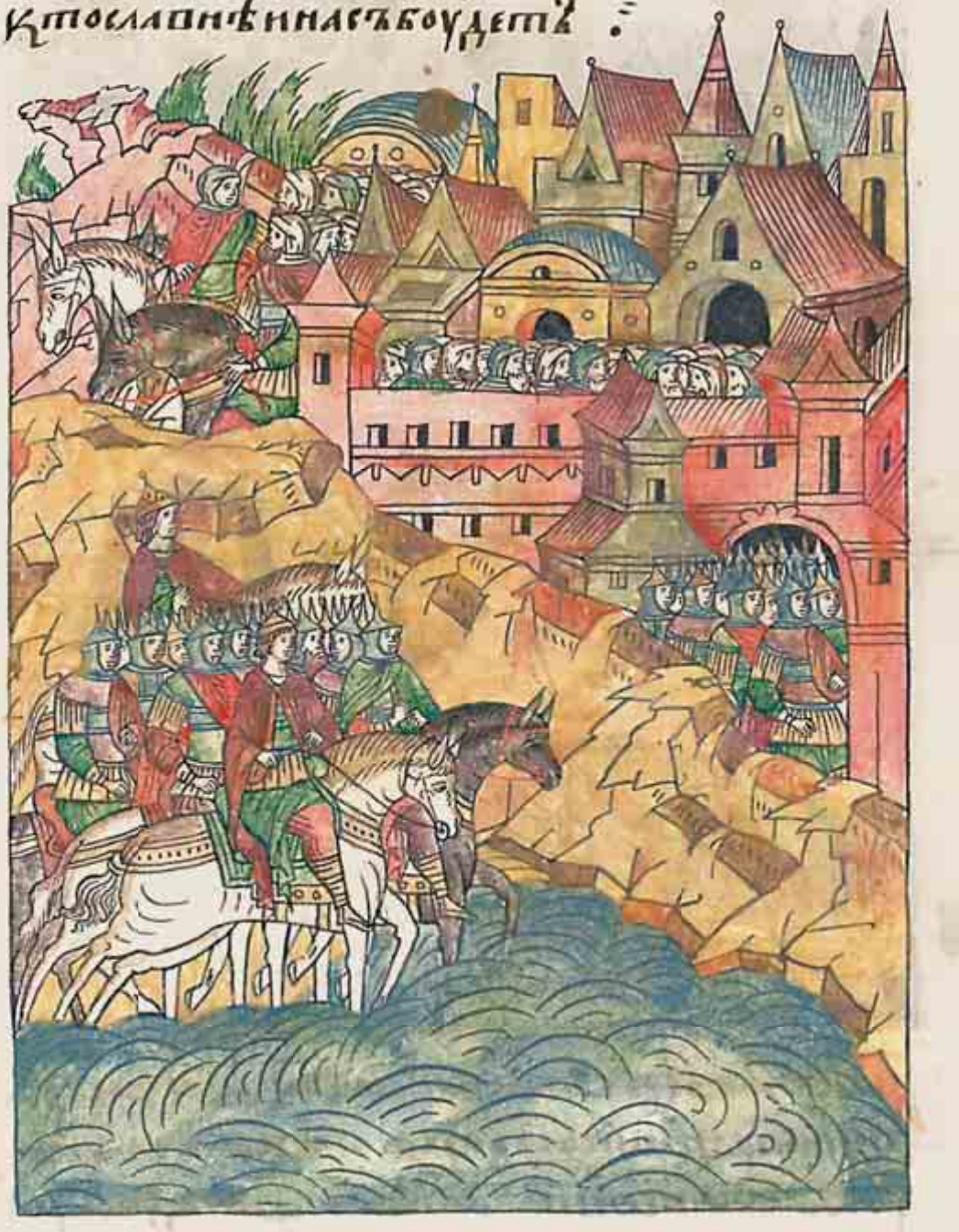
Н был внутри города мятеж сильный. Местные жители с самого начала не хотели войны, потому что богатства и имущества много у них было в городе, и понимали они, что побеждены будут. Те же, кто пришел в Тарихею из других мест, призывали к войне.

И ссорились горожане между собой, и хватались за оружие друг против друга.

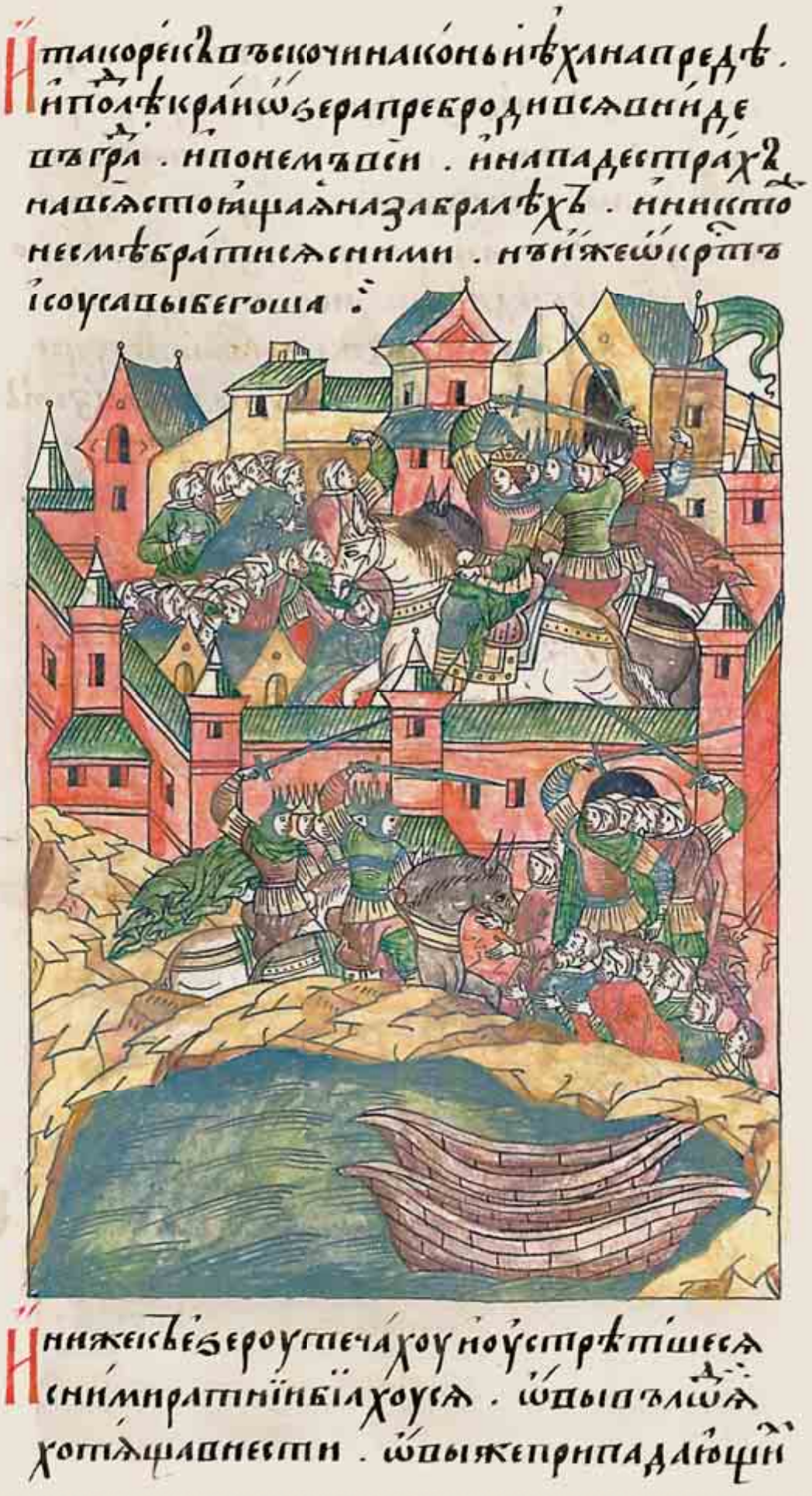


Тит стоял недалеко от стен и слышал этот крик, и понял, что ссорятся иудеи, и сказал своим воинам: «Римляне! Зачем медлим получить победу, когда Бог отдает нам иудеев. Разве не слышите крика? В смятении те, кто убежали из рук наших. Наш будет город, если мы поторопимся, и потрудимся,

понудимся. ничто же бо славно и праведно
есть без труда и без принуждения. Предварим
тыи врагов оумие. и мя женужде есть оуми
рити ны межю собою скоро. аще мы не еще
помедлим. а ще ли пребоуде нам оуть помо
щи. тогда победа наша меньше будеть. и слава
оумалится. аще же мы мали соуще
победим тако лико множество и град возмем.
кто славнее нас будеть?



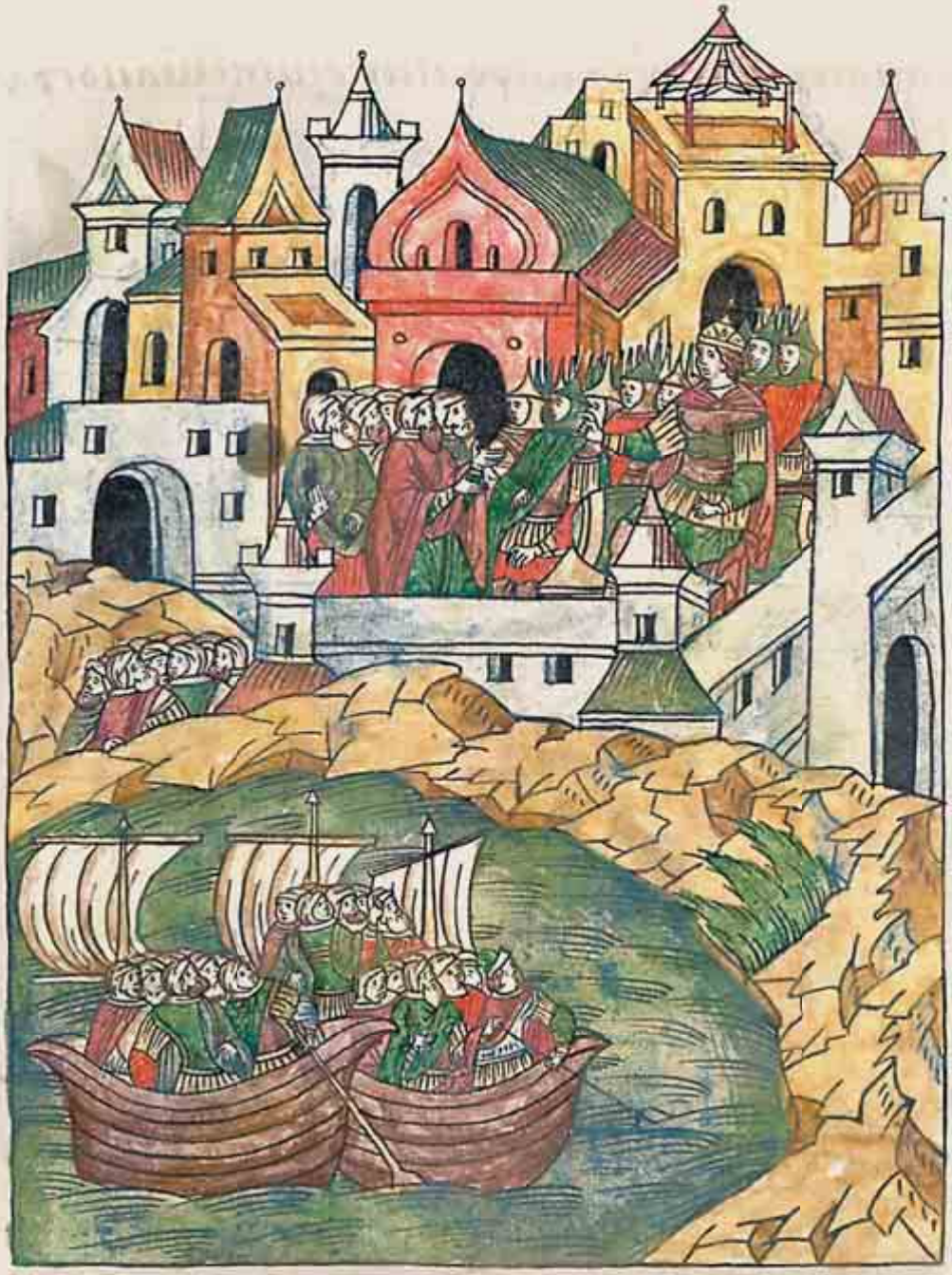
После этих слов Тит вскочил на коня и поехал вперед по краю озера, вброд, и вошел через озеро в город, а за ним и все его воины. И напал страх на всех иудеев, стоявших на городских стенах, и никто не смел сражаться с ними, а люди из окружения Исуса бежали.



Некоторые же к озеру бежали, там их встречал противник и убивал, другие в корабли пытались попасть, третьи выказывали покорность

Титу. И ручьи кровавые потекли по городу.

Пришедшие из других мест, те, которые не успели убежать, сопротивлялись Титу. Местное же население Тарихеи выказывало покорность и надеялось на прощение, поскольку они не отпадали от римской власти и не воевали, потому они и не защищались от оружия. Когда виноватых Тит убил,



Я земець пощадѣ и престаѩше . и ѩже ѥсѣ
ѩзеро упрѣпаршествѣ́ати . пидѣ́ше
дразѧтъ
далѣче
ѿплы
ша
.

Местных жителей он велел пощадить и прекратить резню. Мятежники, которые до этого убежали к озеру, видели, что город взят, и подальше отплыли.

Тит послал конника к отцу с радостным известием о победе в Тарихее. Веспасиан же, узнав, радовался весьма о крепости и доблести сына своего, ибо большая часть противников была побеждена. И повелел Веспасиан, чтобы обступили город и рубили всех, кто будет бежать из него.

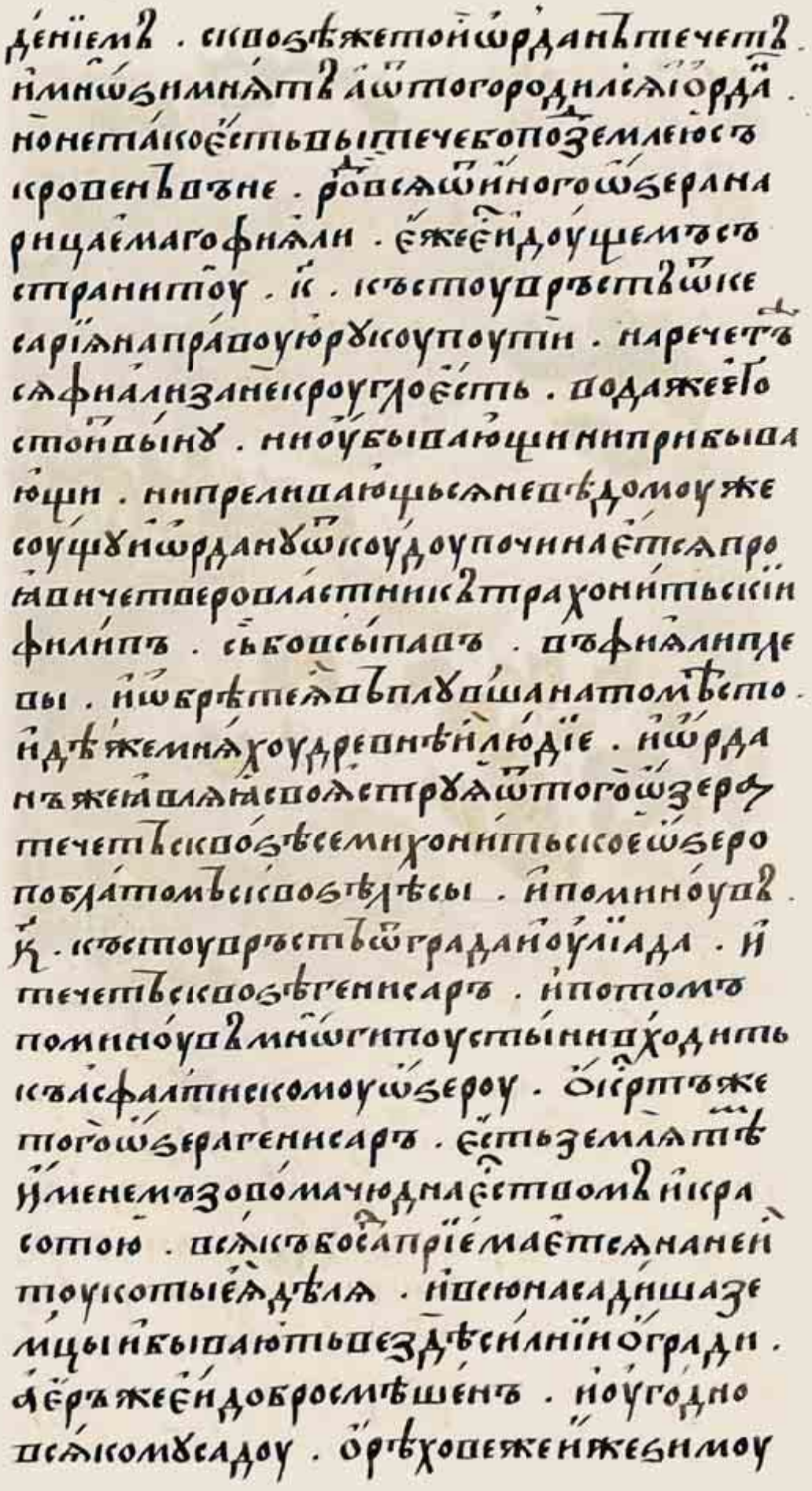
Иниз шеѣ сѣ зероу сказа , плѡ тыстрой
ти ѹплѹтиналѡдїисси . иско роо ѹ сѹ
ѧшлѡ бїиѣмъ дре ѧнмно жестѡмъ
ѹбла тель ипости гшей зби шладѣ чи сло
бї . тыс
испер
вы
ми
;

Невыйдя к озеру, сказал Веспасиан плоты строить и плыть за кораблями. И быстро построили, имея много дерева и работников, и догнали бежавших на кораблях, и убили. Всего мятежников, убитых в Тарихее, было 16 тысяч.

Об озере Геннисаретском и об Иордане

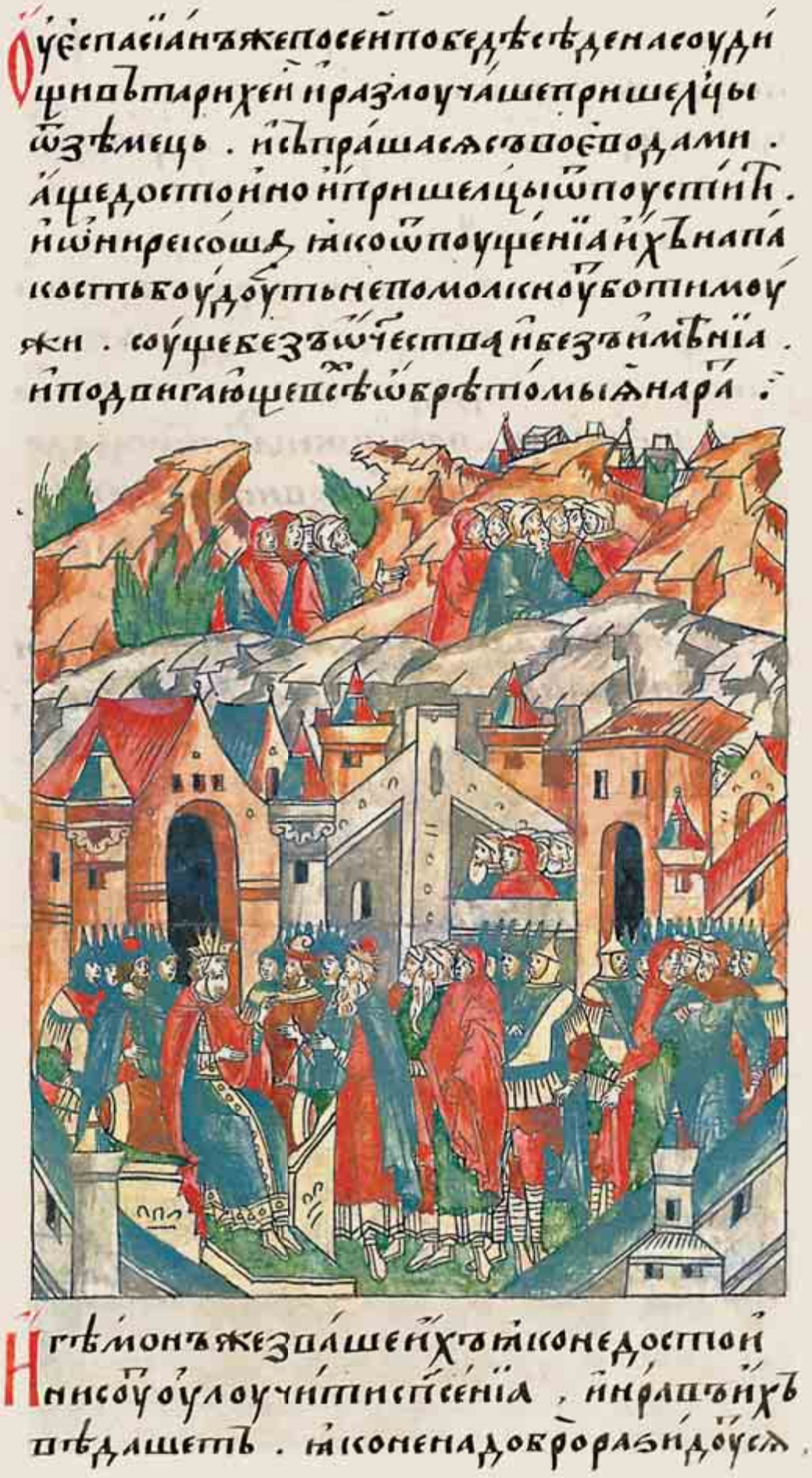
Озеро же то называется Геннисар от прилежащей земли. В ширину оно 40 верст, а в длину 100. Вкусна же вода его для питья, и легка, и чиста. Окружают озеро берега красивые песчаные. Если ночь ясная, то вода становится холодной, как снег. Рыба же в озере различная и отличается от рыбы других мест и видом, и вкусом.

Через это озеро Иордан течет, и многие думают, что там и рождается Иордан. Но это не так. Там он лишь выходит наружу, течет же сокрытый под землей, а рождается из другого озера, которое зовут Фиала. Расположено это озеро, если идти в Трахонею, в 120 верстах от Цезареи, справа от дороги. Называется Фиалой, поскольку округлое оно. Вода же его постоянна: не убывает, ни прибывает, ни переливается. Не было же известно, откуда Иордан начинается. А прояснил это правитель Трахонитский Филипп. Он всыпал в Фиалу мякину, а потом обнаружил ее выплывшей на том месте, где, как люди в старину думали, берет начало Иордан. Иордан же, вытекая из того озера, течет через Самахонитское озеро по болотам и лесам, затем в 120 верстах минует город Юлиаду и течет через озеро Геннисар. А потом, минуя много пустынь, впадает в Асфальтовое озеро. Вокруг же озера Геннисар есть земля, которая также и зовется. Чудесная и красивая там природа. Всякие плодовые деревья растут на ней из-за плодородности земли. И всю засадили ее тамошние жители, и везде разбили большие сады. Воздух там благоприятен для самых разных растений. Ореховых деревьев, которые холод

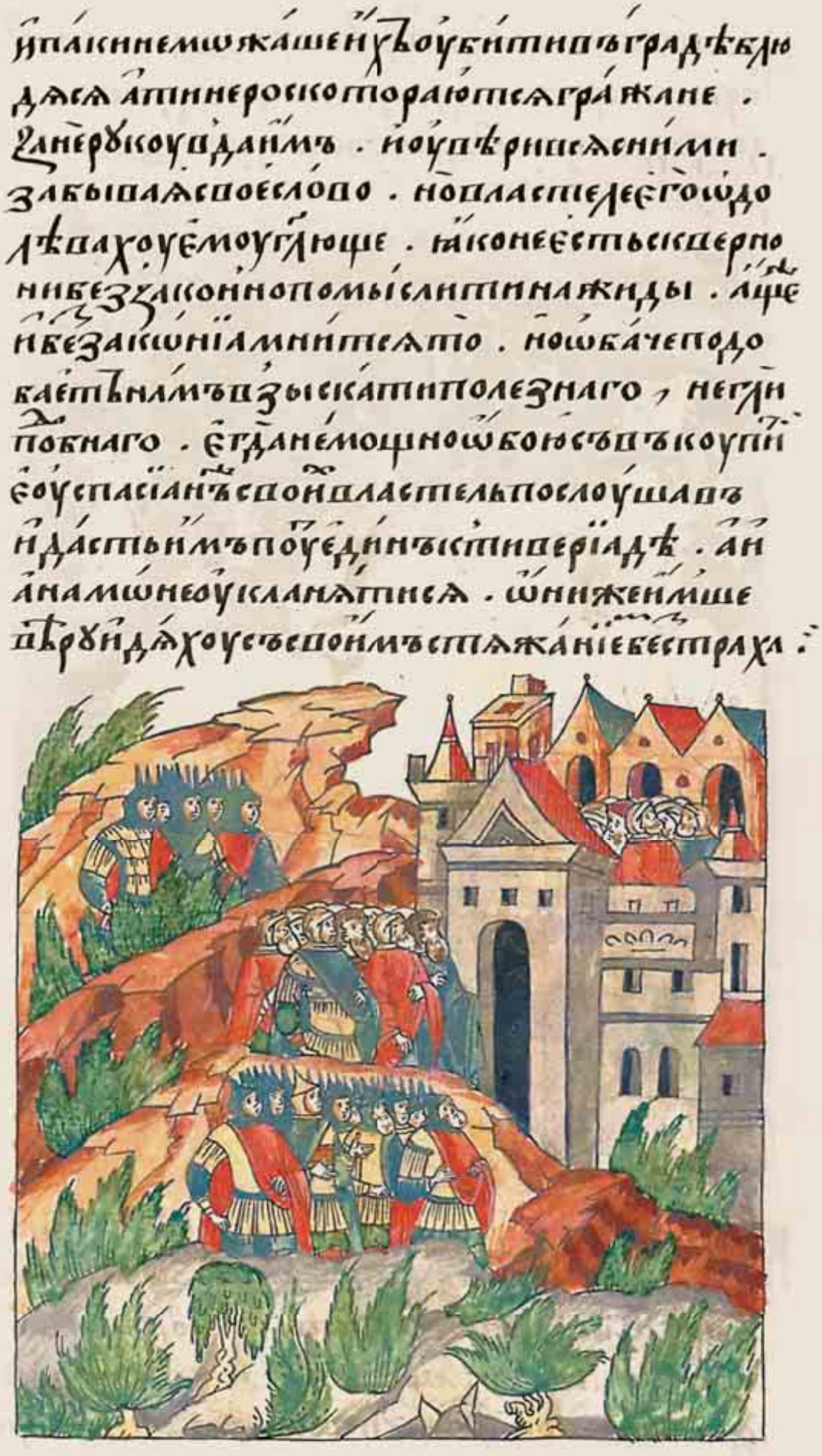


любят, бесчисленно много там рождается. Финиковые же деревья, которые в тепле живут, и смоковницы, и масличные деревья растут в изобилии, точно лес. Силой природы и чудесного воздуха собраны здесь и те растения, что любят холод, и те, что любят тепло. И не только растут в той земле плоды, о которых говорилось, но и хранятся. Виноград и смоквы до десятого месяца берут из ямы местные жители. Прочие же плоды и круглый год хранятся и высыхают, одни висят на дереве, другие лежат в яме. Есть же там колодец, называемый Кафарнаум, который называют также Жилой Нила, ибо в нем рождается рыба, подобная той, что в Александрийском озере.

Веспасиан же после победы в Тарихее устроил в городе судилище и отделял пришлых мятежников от местного мирного населения. И спорил с военачальниками, нужно ли пришлых отпускать. Военачальники говорили: «Если отпустим их, то вредить нам будут, ибо не утихнут эти люди, раз нет у них домов отеческих и имущества, и будут поднимать всех, кого встретят, на восстание».

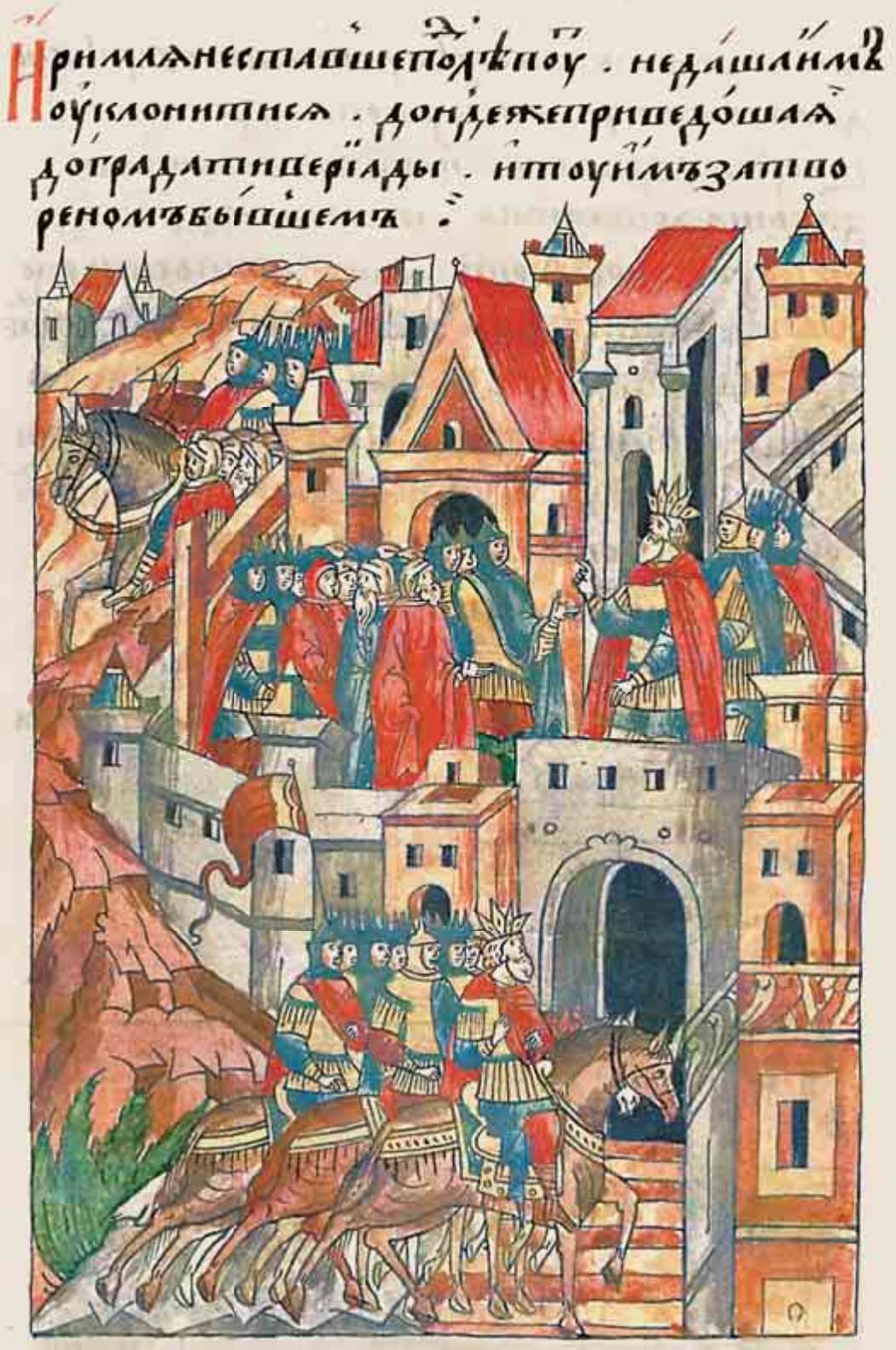


Полководец же признавал, что мятежники не достойны спасения, что образ мыслей их известен, и не на добро они разойдутся.



Однако Веспасиан считал невозможным убить мятежников в Тарихее, опасаясь, что восстанут горожане, поскольку он обещал дать спасение всем и не мог изменить своему слову. Но военачальники взяли верх и сказали: «Не является чем-то дурным и беззаконным замышлять против евреев. Если даже это и кажется беззаконием, однако надлежит нам выбирать полезное, а не законное, если нельзя это соединить». Веспасиан же своих военачальников послушал и разрешил мятежникам двигаться лишь по одной дороге в Тиберияду, никуда не уклоняясь. Иудеи поверили и пошли со своими пожитками без опасения.

Римляне же встали вдоль дороги и не давали им уклоняться, пока не привели их в город Тивериаду, и там заперли их.



И пришел Веспасиан и встал среди них. И сказали иудеи: «Мир тебе, полководец». Он же сказал: «Мир от меня не исходит и в вас не вместится». И разделил их Веспасиан, и выбрал самых крепких и годных 46 тысяч

и послал к Нерону
в рабство.

А 1200 старых
и негодных
убил, и мно-
жество их продал,
и Агриппе дал 10 ты-
сяч, которые были
из областей Агриппы,
чтобы тот, куда ему
угодно, туда и дел их.

Ѝ ѝспрода́ша̀ цр҃ь тро́и҃ськъ же́на рі҃ѡ̀ тра́хо
ни́тѧне . гаѳлани́тѧне . ѝни́ни .
ѝгада́рі҃а́не . и҃же ми́роу́по́носа́хоу . и҃р҃л
ъ҃зѧ́тѡ́ша́ тѧ́жены́ки́ша́ѧ , ѝ . дн҃ь
го́рі҃е́а́мі҃ца́ и҃же́на
рицае
тса
сента
бр҃ь.

И продал их всех царь. Остаток же народа из Трахонеи, Гавланд, Гиппоса и Гаддары, которые мир осуждали и восстание поднимали, захвачены были в 8-й день гарпея месяца, то есть сентября.

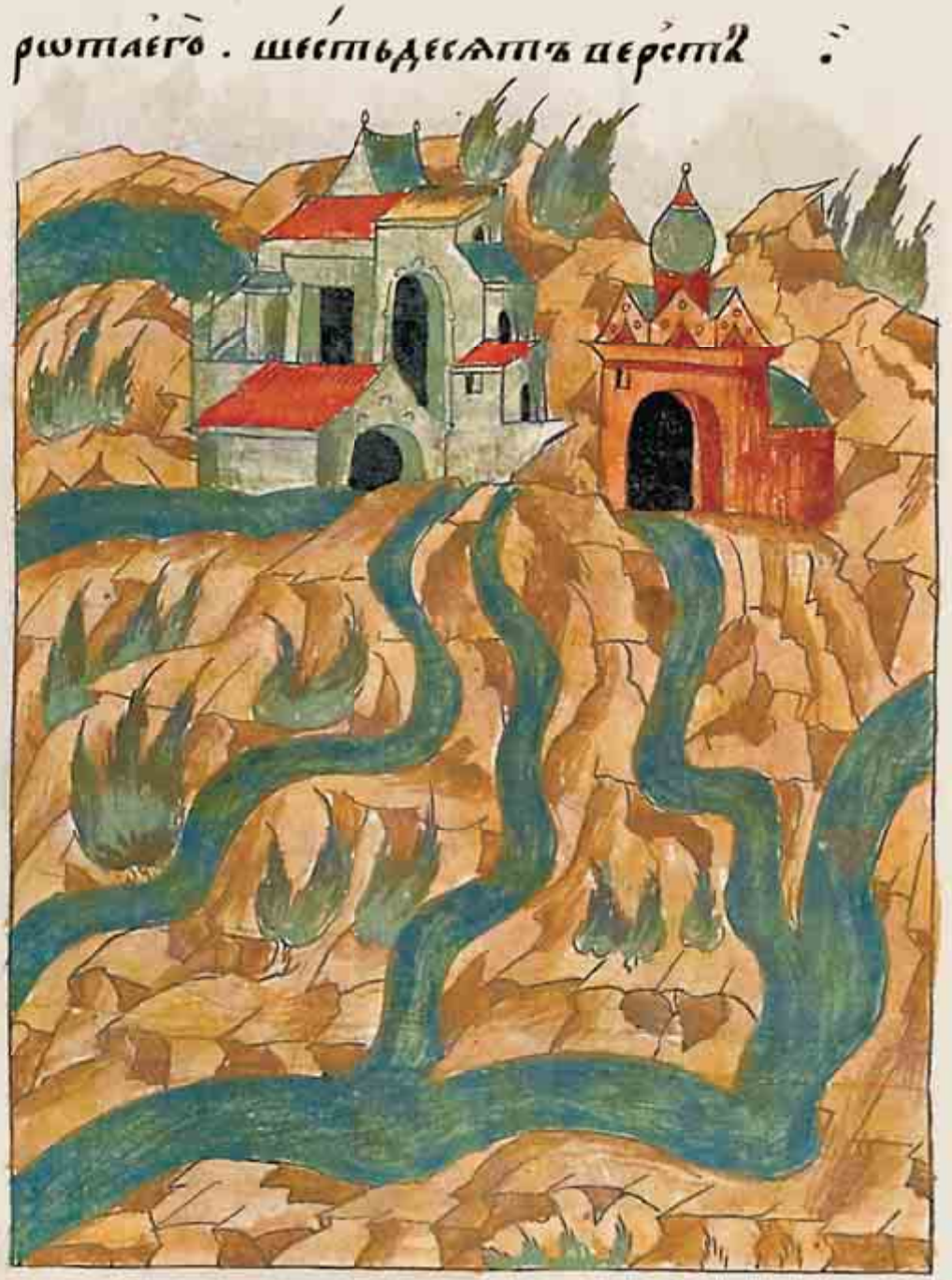
слово .д. е҃ ѡ҃ сифово . ѡ҃ взѧтіи іерли҃мѣ

Полтапатьстѣ кѣжепѣвнѣіи ѥлісогланей оутекошлѡ҃рнмлянѣсѣроуісѣ . длѧхоу тсѧнмѣ , ѝсѣлградыпрїаша . разитѣги сулла , ѝтлаирѣскоуюгороу . ісѝнѝмѧжепри стпл ѝтламалаграталрихѣйскыѝнаѣзеро стоѧ . ѝдѣжебыкончлаѥцртоллагрипо ал . прилежитѧжекѝмѣсогаѝіи , ѝселе вїіл ѝдѣжѣѥстьѝсохонѝтісоѥѡзеро . шн

Книга 4-я Иосифа. О завоевании Иерусалима

После взятия Иотапаты, те галилеяне, что избежали римских рук, сдались им. И все города римляне заняли, кроме Гисхалы и крепости на горе Тавор. К этим двум примкнул также город Гамала, расположенный напротив Тарихеи, над озером, там, где была граница царства Агриппы. Там же находятся Согана и Селевкия у Самахонитского озера. Ширина

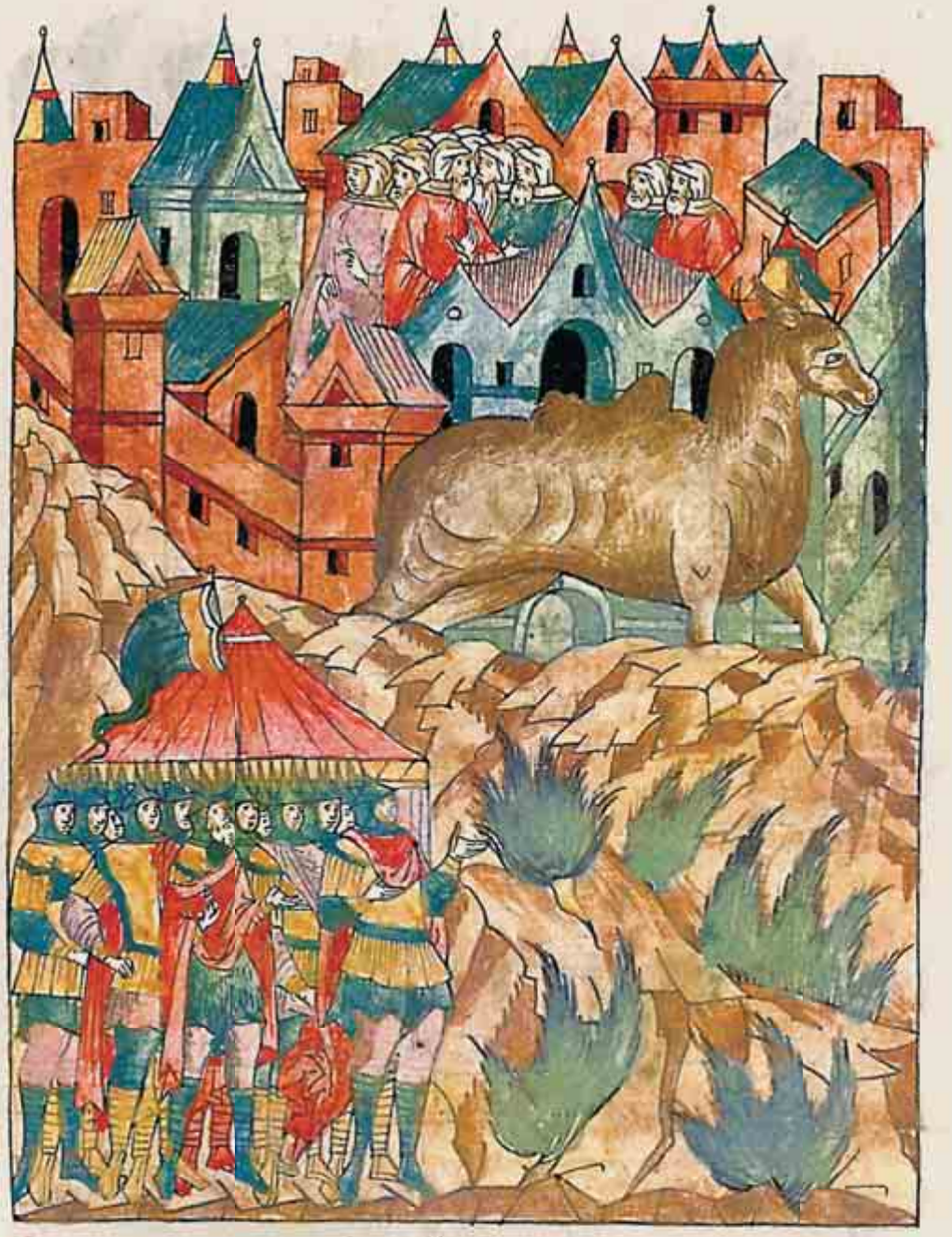
этого озера шестьдесят верст.



Простирается Самдхонитское озеро до местности, называемой Дафни, которая исполнена всякой красоты. Источники там есть, из которых рождается Малый Иордан, ниже храма Золотого Сокровища, который переходит в Большой Иордан.

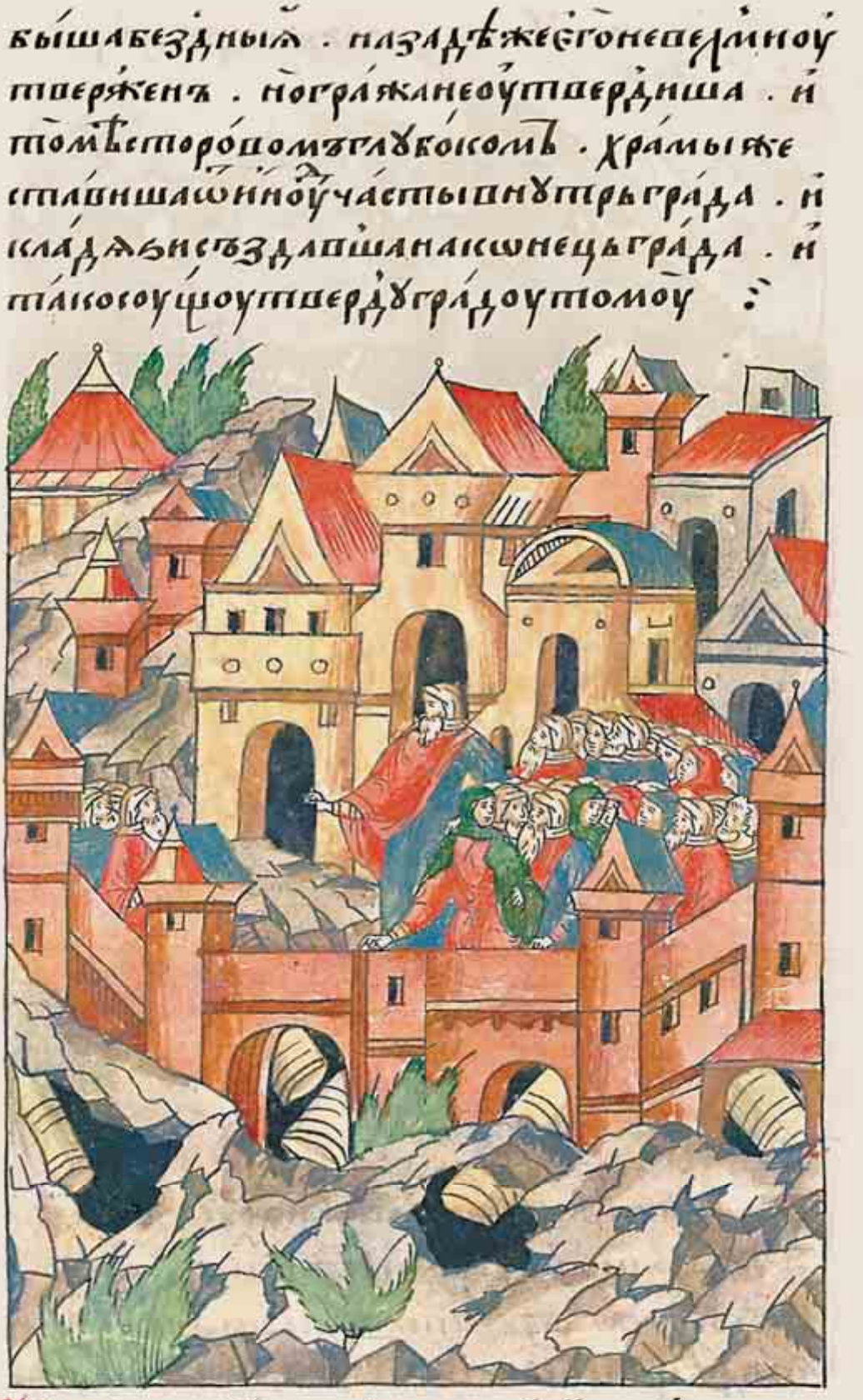
Послалъ же Агриппа посломъ . и
далъ роуси
йоу
ми
ри
.
ѣ

Послал же Агриппа послов в города Согану и Селевкию, и обещал им мир, и те перешли на сторону Агриппы.



Я гамала же не предадѧшетсѧ . надѣѧше
бо сѧ на твердость . зане бысть земла
камена , и стои́тъ въ гранѣ при горїи , ѩко
нашїи . и нарѧмо уподо́бенъ бысть вѣрб
ду полѣ вблюдо́у . и тѧжѣ нарече тсѧ гамла ,
не могущимъ земцемъ нарица́ти
своимъ именемъ пра́вымъ . умѣнемъ
камилъ зане ненавидѧтъ животнаго
того . древле же его́ и ѡ нихъ пропасти

Жители же Гамалы не сдались, надеясь на крепость города, поскольку местность там горная, и стоит город на холме, как на шее и плечах, и все это походит видом на верблюда, потому и называется город Гамала, хоть местные жители и не могут называть правильно это название — «камил», поскольку ненавидят животное это. С боков же и спереди города пропасти



бы́ша безда́нный . пла́зда же́ сто́не пе́линоу
тверя́ нъ . погра́жда не оу́тверди́ша . и
то́м ъ сторо́ цо́м ъ глубоко́ соль . хра́мы же
ста́ вишаша́ мно́ оу́ часты́ вну́тр ъ гра́да . и
кла́ дязи́ съ здаша́ на кра́ю гра́да . и
та́ кого́ оу́ цо оу́тверди́ гра́ до оу́ томо оу :

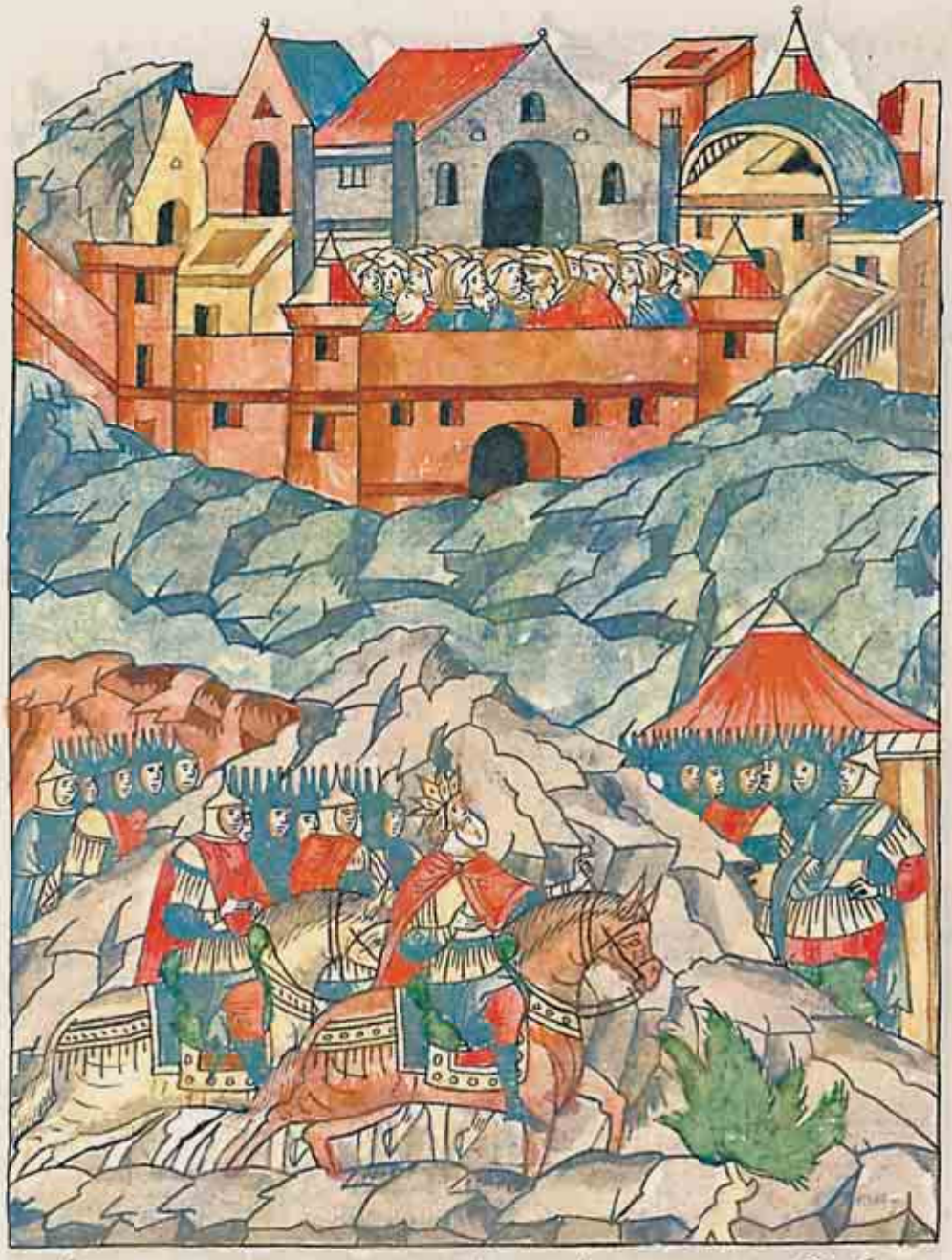
Ѡ́сифъ ѣ́ко оу́тверди́ зда́нїа . и́ тро оубы
и́ пещеры оу́ стро́ и . ка́ко бы́ л ъ зи́ по́ зе́ лею
ходи́ти . нарѡ́ же́ нїемъ оу́ по да́ша на́

страшные. Сзади же город не так сильно укреплен от природы, зато горожане укрепили то место рвом глубоким. Храмы же стоят весьма многие внутри города, и колодцы сделали на окраине города. Так этот город был укреплен.

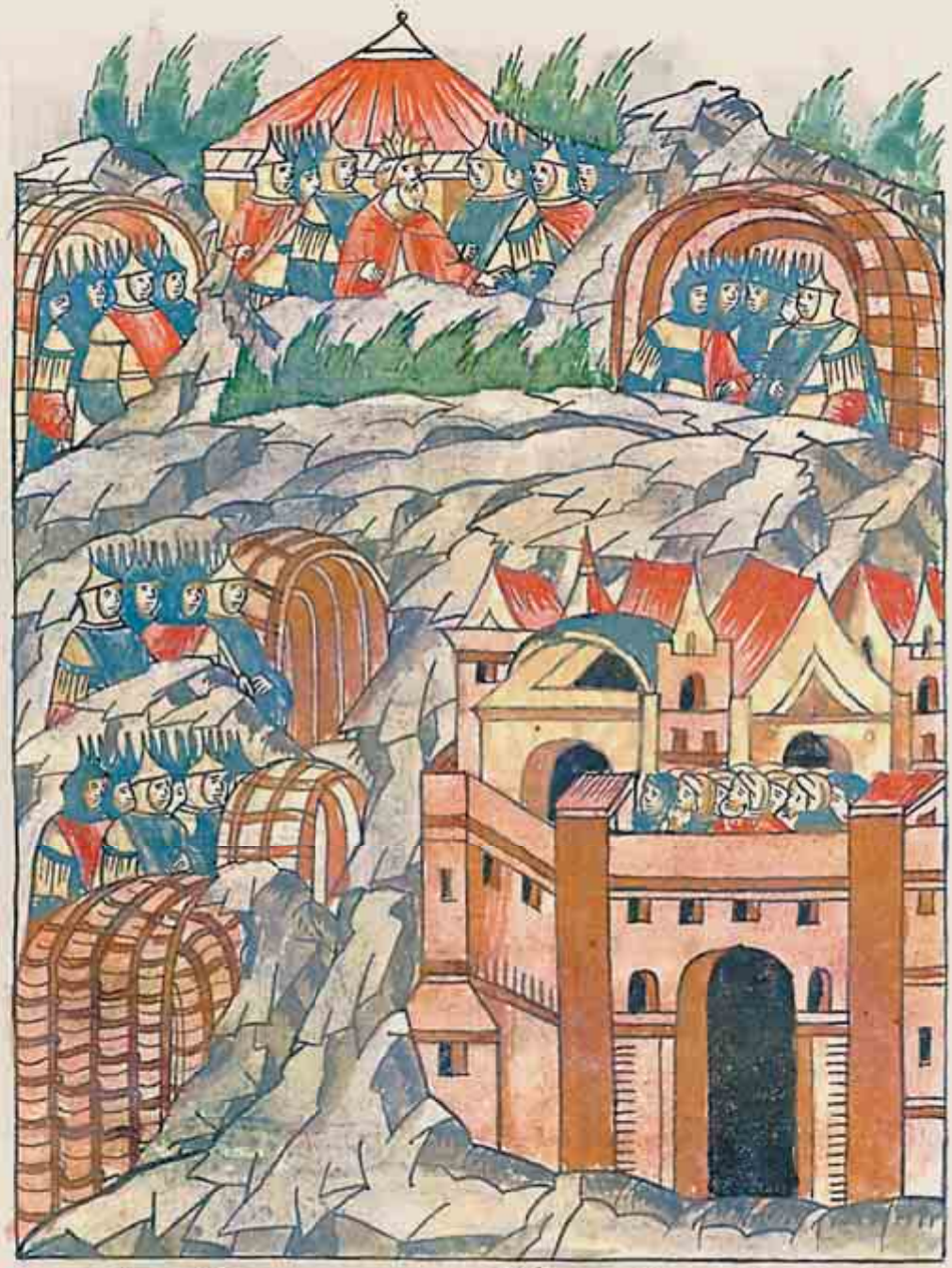
Иосиф же укрепил еще более город, создав окопы и подземелья, чтобы можно было и под землей ходить. Население города надеялось

на защищенность этого места. Войска же у них мало было.

Веспасиан поднялся из Аммауса, где он окопался перед Тивериадой. «Аммаус» же означает «теплота», поскольку теплые купальницы там расположены, купаясь в которых, все лечатся. И пошел Веспасиан в Гамалу.



Не мог же Веспасиан осадить весь город, не позволяли это сделать пропасти страшные, и поставил он воинов сторожить город издалека.



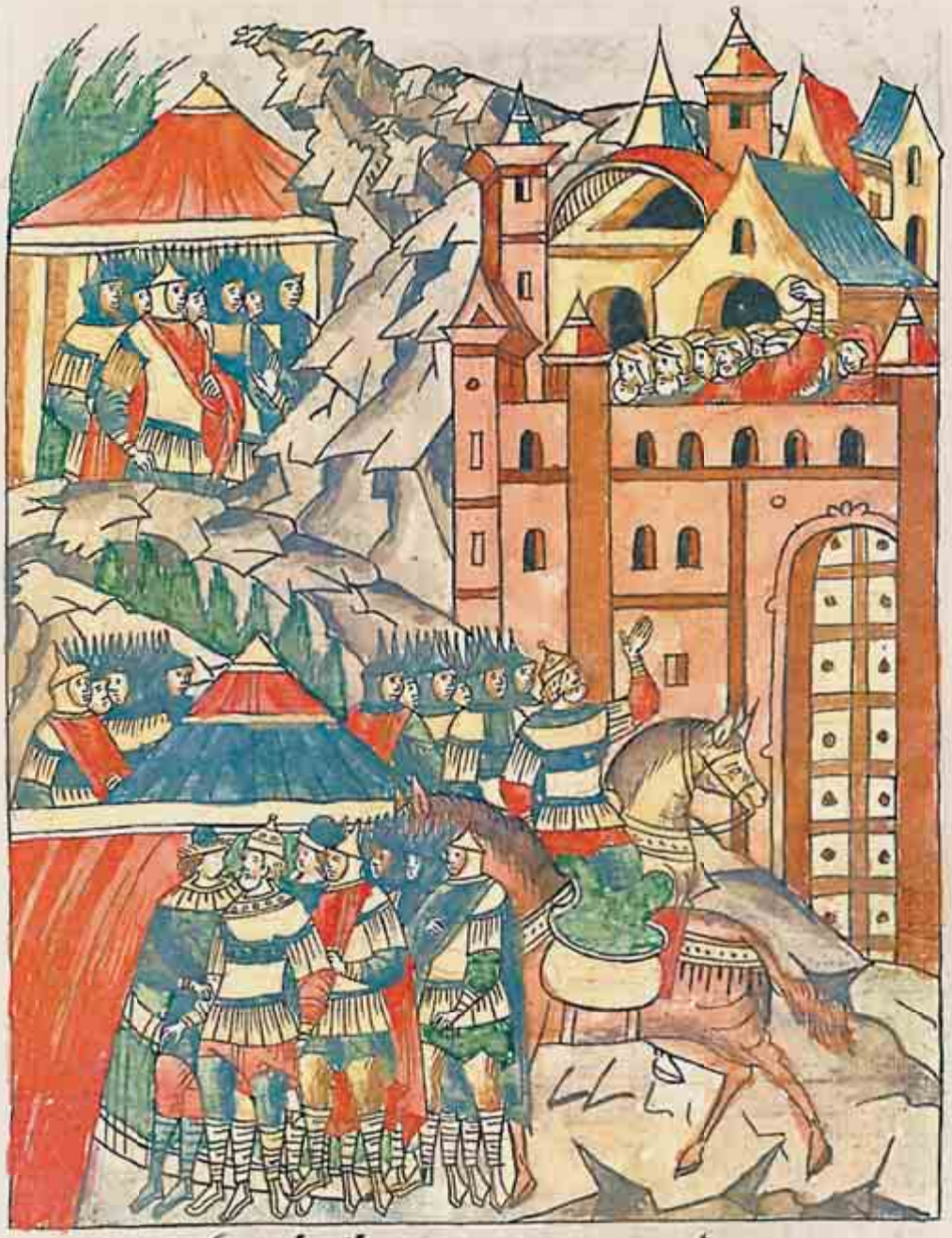
Самѧ́же ѡ́бры́сѧ на пре́лежа́щей горѣ .
и́ сво́ѹстроѧ́шимъ сѧ́ ѡ́бы́чаю
и́коже
пре
рѣ
хъ
:

Сам же Веспасиан окопался на горе возле города, и устроил стан свой тем же образом, как прежде было рассказано.

Назади города насыпь стал делать, также и на восточной стороне, где была самая высокая башня.

Стаполкъпятый, идесятый. единъ
застоупаѧшгрлда. фдрꙋ
гинпропа
стиѝ
спо
лиа
ше.

Возле этой башни расположились полки пятый и десятый. Один защищался от города, а другой пропасти заполнял.



Тогда Агриппа царь приблизился к стенам Гамалы и пытался говорить с горожанами о сдаче города. Кто-то со стен бросил в него камень и попал ему в локоть, и прибежали люди Агриппы, и окружили его, и скоро увели.

Римляне исполнились гнева за царя, а за себя боялись, и еще крепче приступили к осаде, и говорили: «Не пощадили эти люди своего царя и соплеменника, который говорил полезное им, но так одичали и ожесточились, что камнями его побили. Когда же мы попадем к ним в руки, иноплеменники и неприятели, то какое зло

достроятълиномъ и докончашемъ
имъприспоубо рзомножествомъ рѫкъ,
и ѡкычаемъдѣлающимъ :

нам причинят?»
И окончили римляне
насыпь быстро, ибо
работало множество
умелых рук.

Ннача шастѧпитиградобиичныимъ
сосуды . и ѡсифъжеихарїлнаяжебы
стѣначалникаградоу , видѧщаиѧсоне
намногъдньмогоутѣмпротиститн .
безподїемъ , ибезнарѧдаипохоупше
и по шестрипшеспожизедошаизграда .

Настали устанавливать стенобитные орудия. Иосиф же и Харес, которые были начальниками в городе, видели, что не много дней они могут сопротивляться без воды и без орудий, и подговаривали, и подбадривали своих, чтобы выйти из города.

Когда же вывели Иосиф и Хадрес жителей Гамалы из города, то малое время постояли они, и не вытерпели летящих в них камней и копий римских, и отступили к городу.

Римляне же в трех местах поставили «баранов» — особые стенобитные орудия, — и никто им не мешал, и разрушили они стены.

Ѝ въстрѹбиша римлѧне трѹбы ѥллиньскыѩ. и кличюще гласѣ ѡружиѥносѧще. внидоша въ
гра. и нападоша на гражданы съ громомъ.
ѡни же сѣдоуште оустоупльше соу
ще, и немогоуще проти
въстати бѣгоу
хоу на горнѣ
мѣсти

И затрубили римляне в трубы, и закричали, и бряцали оружием, и вошли в город, и напали на горожан с шумом. Они же со всех сторон окружены были, и не могли противостоять, и бежали в верхнюю часть города.

Римляне же шли за ними, и иудеи развернулись и напали на них с высоты, и убивали их, поскольку место было тесным и неудобным для римлян. Римляне же, находящиеся внизу, не могли помочь верхним в сражении, и выбежать из города не могли из-за напиравшего множества своих же, и вредили римляне друг другу, и недоумевали, что предпринять.

Ѯлѧзахоуна градныѧ хра́мы испа́жьсысы́лѧ
ѻ́роужіемь . хра́момъ же напо́лнишеⷭ
ѧ . инедрьжѧщимъ та́гости . ра
здроушишахоуться . ипа́дахоудро́уг ъ
надроуг ъ . издавлиндахоупо́мсѧ , ѡ
пыслменіемь . ѡ́пыжепрахъ изъвестны
ѧ́мнѡзи ѡ́нихъ вѧжишипогребе́ни бы ша .
мнѡзи же покы́ѧющебе хромы не́пыкъ
гахоу . колежентра издави .

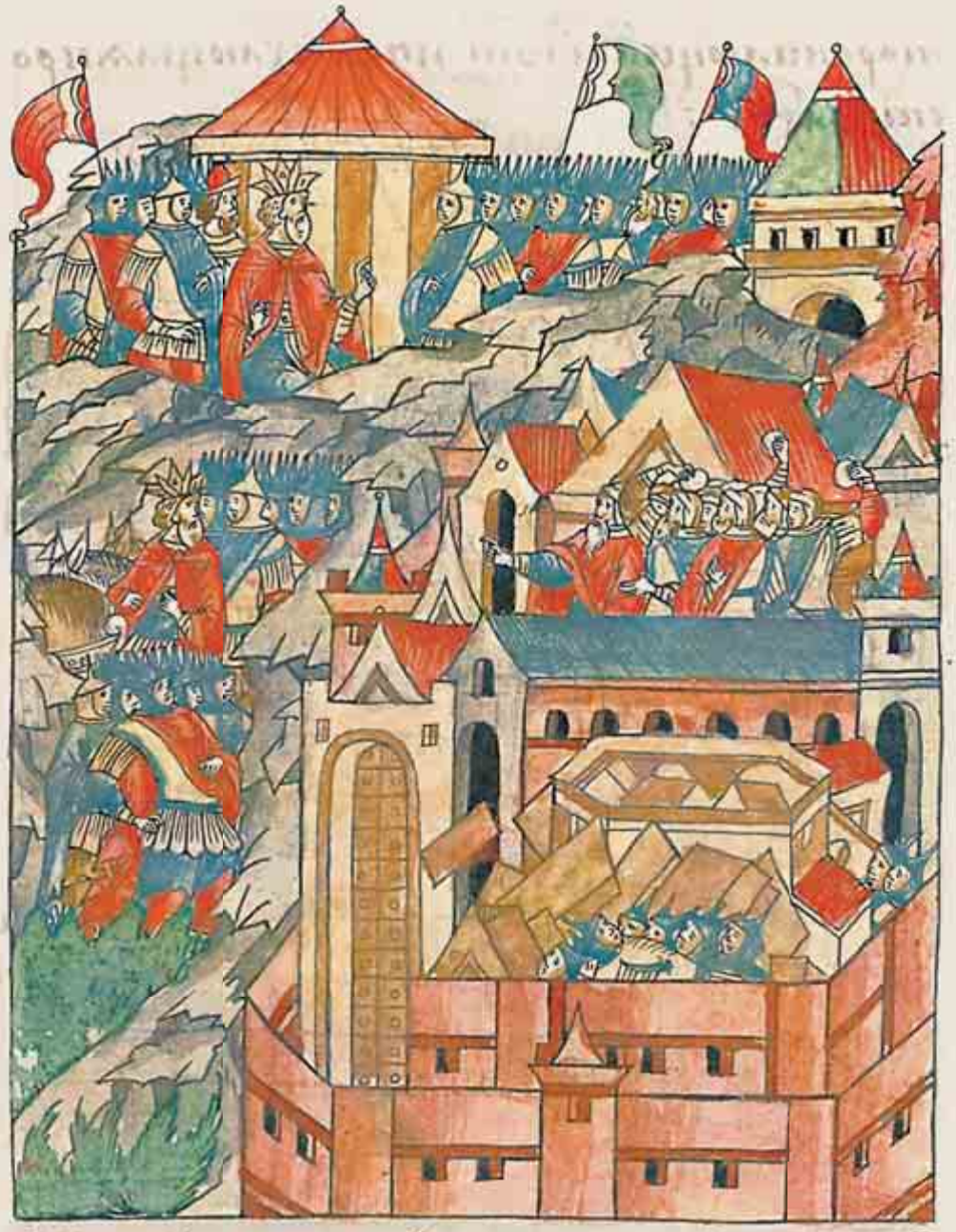
Стали залезать римляне на городские постройки с тяжелым оружием, и наполнились крыши римлянами, и не выдержали постройки их тяжести, и рушились, и падали друг на друга, и задавливали воинов всех. Одни камнями побивались, другие в пыли известковой задыхались, и многие из римлян живыми погребены были под обломками. Мало же из тех, что выбегали оттуда, были без увечий. Больше же всего римлян пылью задохнулось.

Тогомнѧхоугамалѣѧнепосп҃ѣшенїѧ
бѧшѧшена . инекрегоу҃щешсвоейпаго
стиприлѣѧжноналлѣгахоуна́нѧжеѧх
щеинаверхыпола́тныѧ . стезѣкже
бышлоу҃зѣки . инприскорбныпользы
инпа́дахоуп҃сѧстѧжкимьшроужїемъ
нешѣдоу҃щекамосмоу҃ѕлонѣшигража
нежеверхоустоѧщевїѧхоу҃ѧлѧкисѣкопѣ
ка́мешемъхра́мныѧ . ишроужїешы

Жители Гамалы думали, что это помощь Божественная, и, не заботясь о том, что вредят себе, ломая свои дома, усердно напирали на римлян, загоняя их на крыши. Улицы же были узкими, и крутыми, и скользкими. И продолжали падать римляне с тяжелым оружием, не зная, куда бежать. Горожане же, находясь наверху, забивали римлян, как скотину, кидали они камни от разрушенных построек, и оружие выдергивали

из рук павших римлян, и на тех, кто еще дышал, направляли.

Многие же римляне, соскакивая с домов, разбивались насмерть. Те же, что бежали, не могли выйти, не зная улиц городских. От густой пыли римляне друг друга не узнавали, вертелись кругом, как слепые, и друг друга резали. Лишь немногие, еле-еле отыскав выход, вышли из города.



Веспасиан же постоянно помогал своим гибнущим воинам и видел, как падали на них постройки, и жестоко страдал, и, отходя понемногу от своего укрепления, шел к горе, как будто все позабыл, и оказался среди врагов с очень немногими воинами. И сына же его там не было с ним. И хотел Веспасиан бежать, но подумал, что бежать будет опасно, да и не подобает это ему.

Вспомнил же Веспасиан об испытаниях, которые он перенес со дней своей юности, и это придало ему силы, и встал он крепко с ближними воинами своими, и приготовился к бою, не боясь ни множества врагов, ни тех снарядов, что они в него запускали. И стоял Веспасиан со своими бойцами, и отражал налегавших на него сверху противников, пока не уразумели горожане, что мужество его не человеческое, но Богом данное.

Ослабили горожане свое нападение. Тогда Веспасиан стал отступать, спокойно, не показывая спины, пока не вышел за стены города.

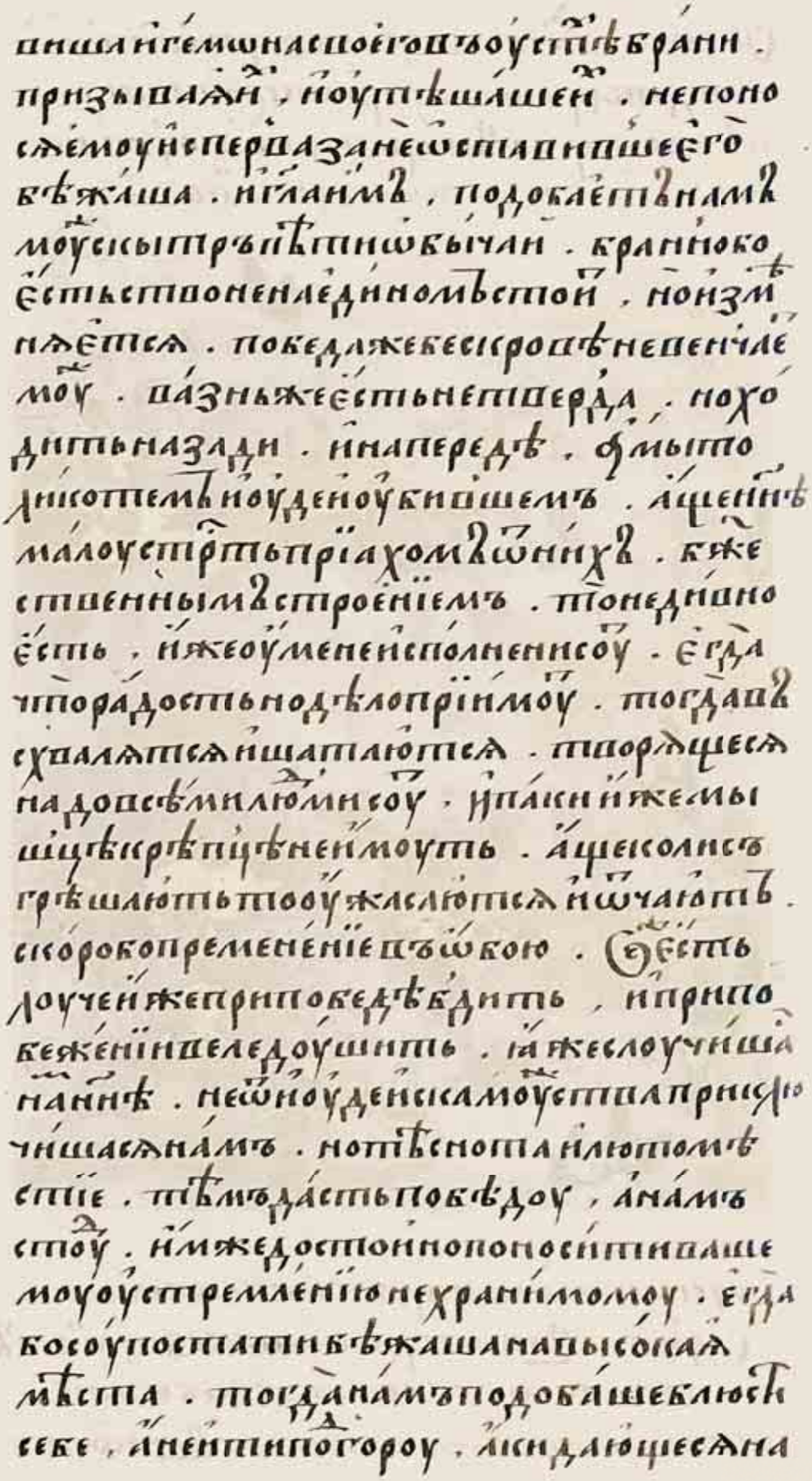
В том бою пало римлян 11 тысяч, также и тех, кто им помогал. Среди них и сотник Эбуций погиб, воин, который и раньше крепким и храбрым себя показывал везде, и в этом своем последнем бою мужество свое проявил и много вреда нанес иудеям.

Другой же сотник, по имени Галл, и десять воинов с ним, в возникшей неразберихе вошли в один дом и спрятались в подполье. Потом же пришли хозяева и стали ужинать, и в их разговоре

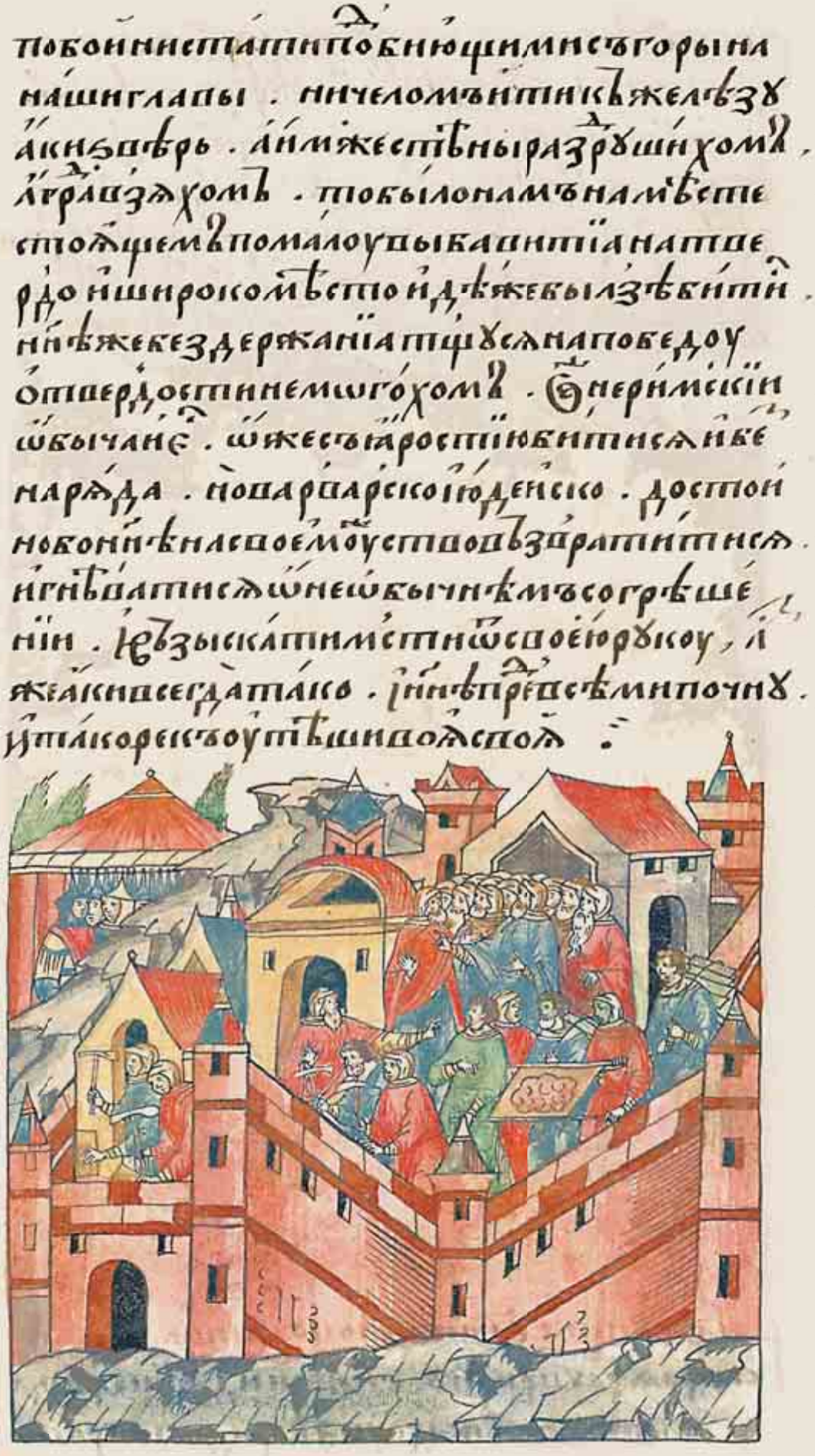
проявилось все, о чем думали люди в городе. Римляне же с сотником Галлом лежали под полом и слышали. Когда же хозяева спали ночью, римляне вышли, убили всех и бежали к своему стану.

О мужестве, а также о том, что не следует хвалиться, когда победил врага

Веспасиан же видел, что воины его удручены весьма, поскольку такого неразумного и такого бедственного поражения они еще не знали. Также стыдно им было и позорно, что оставили они



предводителя своего в пекле сражения. Призвал же Веспасиан воинов своих, чтобы утешить их, и не стал стыдить их за то, что оставили его и бежали. И сказал Веспасиан воинам своим: «Подобает нам мужественно переносить беду. Такова природа и обычай войны, что все в ней не стоит на одном месте, но изменяется. Победа же без пролития крови не дается. Удача же непостоянна, переходит от одних к другим. Не надо поэтому удивляться, что мы, которые столько десятков тысяч иудеев убили, сегодня небольшое поражение потерпели от них, по Божественному Промыслу. Недостаток ума проявляют те, которые в радости хвалятся и гордятся, и превозносятся надо всеми людьми, а в горе ужасаются и отчаиваются. Это одинаково безумно, так как и радость, и горе изменчивы. Лучше же при победе быть сдержанным, а при поражении не падать духом. То, что случилось с нами сегодня, не из-за иудейского мужества произошло, но теснота и неудобство местности принесли им победу, а нам погибель. Поэтому можно нас упрекнуть только в том, что вы устремились на неприятеля без опасения. Когда враги бежали в верхний город, тогда нам надо было поберечь себя и не идти вверх, как



на бойню, давая себя резать тем, кто обрушивался сверху на наши головы. Мы же полезли на рожон подобно зверю. Когда стены разрушили и в город вошли, надо было нам на месте остаться и понемногу выманивать неприятеля на надежное и широкое место, где бы можно было биться. Мы же не сдержались сегодня и, стремясь к победе, о надежности позабыли. Не в обычае же римлянам в ярости и в беспорядке биться, но дикость это иудейская. И теперь нам надлежит к своему мужественному спокойствию возвратиться и только досадовать на себя, что допустили мы несвойственную нам ошибку. Но вы еще сможете отомстить за себя своими руками, а я, как раньше, так и теперь, первым начну». Этими словами Веспасиан утешил воинов своих.

Жители же Гамалы сами удивлялись своей победе: тот, кто в осаде был, осаждающих отогнал. Понимали же они, что надежды на мирное соглашение больше у них не было, и убежать нельзя, и в еде недостаток, и горевали сильно, и разрушенные стены восстанавливали, и уцелевшие укрепляли.

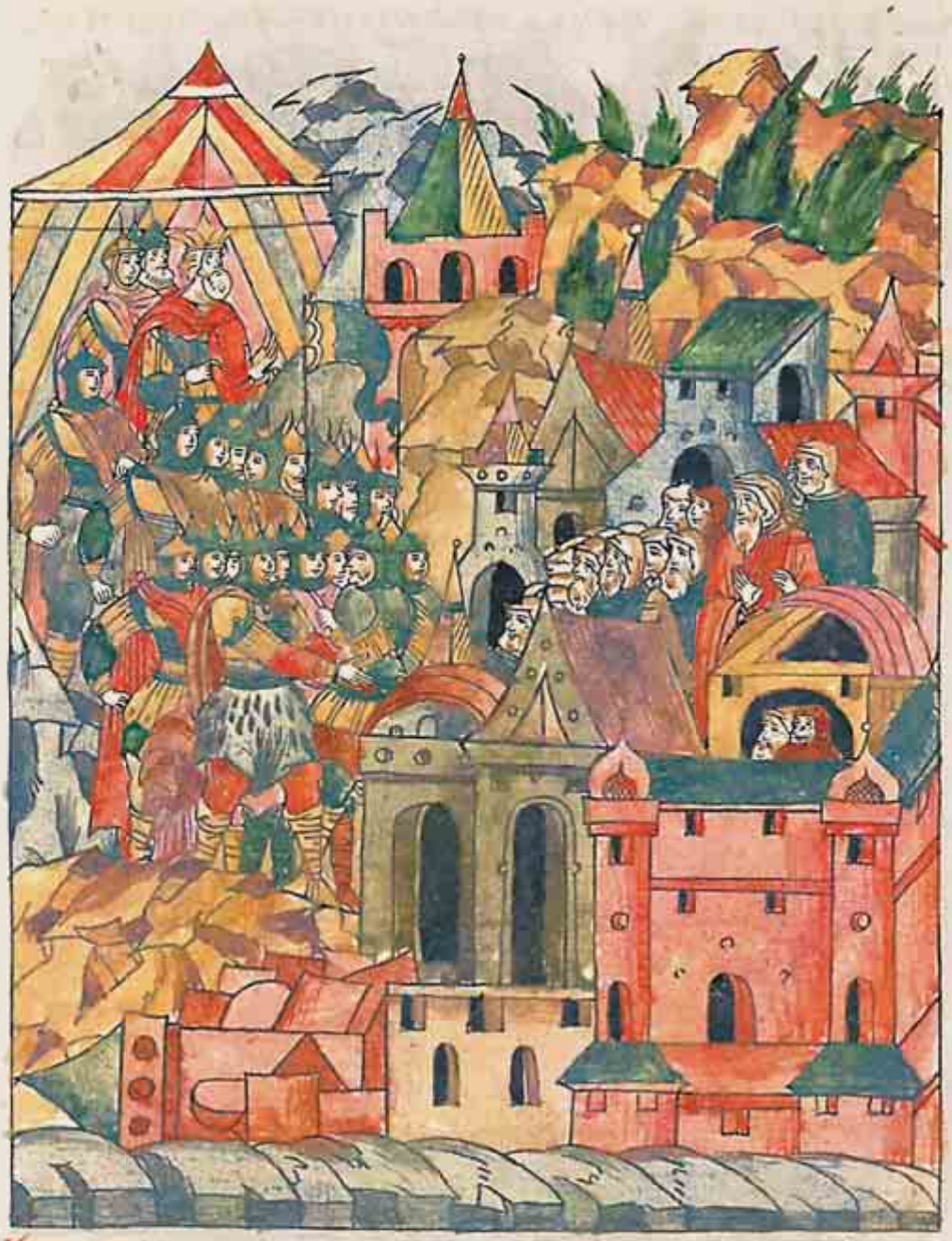
Римляне же один день отдохнули и снова стали делать насыпь. Увидев это, горожане многие бежали из города через пропасти и подземные ходы. А те из них, что остались в городе, ослабли. Только те, кто могли биться, всю еду себе забирали.

стем и по пещерам. А елико ся их оста, от града изнемогоша. Едини же, ся иже можаху битися, все брашно себе събраша.

В двадцать же второй день месяца иперберетая, то есть октября, три воина из 15-го полка пришли ночью до зари и вынули три камня у основания башни. Из-за крепкого сна стражники не услышали этого

и не увидели, ибо ночь была безлунная, и была буря с громом.

Никогда отошли эти римские воины, упала башня внезапно, и стражники с ней, и остальные горожане ужаснулись и побежали, и римляне, войдя в город, многих из них убили.



Ѝ ѡ́сифъ же́ и ха́рисъ ви́дѣвше паде́нїе сы́ну. и пече́нїемъ ѝспо́лнишасѧ стра́ха. и ѝзда́ хо́тѧщемоу стра́хоу прїсп҃ѣ́ти ѡ҃ноу́ ѧ҃ сме́рти. ри́мл҃ѧне же́ помина́ющїе пе́рвоепаде́ нїе тогда́ непла́ ни́ ша;

Иосиф же и Харес увидели падение башни и движение воинов, и были полны страха, и умерли, сильный же страх способствовал их смерти. Римляне же, помня о предыдущем поражении своем, в тот раз город захватывать не стали.

Ноо́утрѣ́кы́шшѹ . и́тѝтоу́прищѣ́шоу
по́мѣ́сѣ́коѭ . с҃ . конни́сѧ́ тысѧщю
пѣ́шець , ѥ́ни́дѣ́пѣ́гра́ѧ́шѧ . и́стра́
жи́ѥ́ючютиишешѧроужи́ѥ́пѣ́ьсхи́тя́хоу . и
ѡ́ѕнидѣ́ъпѣ́шепришѣ́ствїе́ѥ́го ѥ́ли́сѣ́ѣ́ѵ
нѣмѡщны . кѣ́ѧкла́шасѧѣ́ѵкрайгоры и́дѣ́ъ
и́прѣ́жѣ́дѣ́коу́щежены и́дѣ́ѵтиѣ́сѣ́ѡдопле .
ѥ́ли́сѣ́ѡмощны́ѣ́ѵпротиплѧхоу́тсѧ́тиитѣ́ѵ ,
и́тосѧ́хоу́тиѧ́тецииѣ́ѵгорѣ́ѵ . нотитъ

Нетолько на следующий день, когда пришел Тит, он взял с собой 200 конных и тысячу пеших воинов и вошел в город тайком. Стражники услышали и схватились за оружие, тогда и все жители Гамалы узнали о приходе Тита. Те, что были обессилены, бежали к краю горы, как и прежде, таща за собой вопящих жен и детей. Те же, что были еще в силах, сопротивлялись Титу и пытались убежать к горе. Но Тит

опередил их и перекрыл им путь. Так и пали все жители Гамалы, и везде стоял вопль и стон убиваемых, и кровь сверху текла и потопила город.

Но Веспасиан привел все войско и помогал сыну. Было же на верху горы место, все каменное и высокое весьма, а вокруг него пропасти великие, и сверху отбивались евреи камнями и стрелами. Внезапно же

поднялась буря против евреев и возвращала обратно то, что они пускали. И от башни поднялась пыль и не давала им видеть, и сметала буря иудеев в пропасть.

Тогда Божья помощь была римлянам. И влезли они на гору, и, вспоминая то, что жители Гамалы сделали им прежде, не щадили никого. Многие же иудеи, которых обступили римляне, обнимали жен и детей и бросались в пропасти.

И было 4 тысячи убитых и тридцать тысяч бросилось в пропасть. Только две женщины избежали смерти, которые были дочерями сестры Филиппа. А тот Филипп военачальником был царя Агриппы. Так была взята Гамала в 23-й день месяца иперберетая, то есть октября.

Одна Гисхала была не завоевана из городов Галилеи. Народ там был мирный и был настроен покориться римлянам, ибо все были земледельцами

и лишь о плодах земных заботились. Однако многие из мятежников пришли в Гисхалу. И поднял жителей Гисхалы на восстание Иоанн, сын Леви, чародей, человек злобный, заносчивый, который стремился к войне, чтобы властвовать надо всеми.

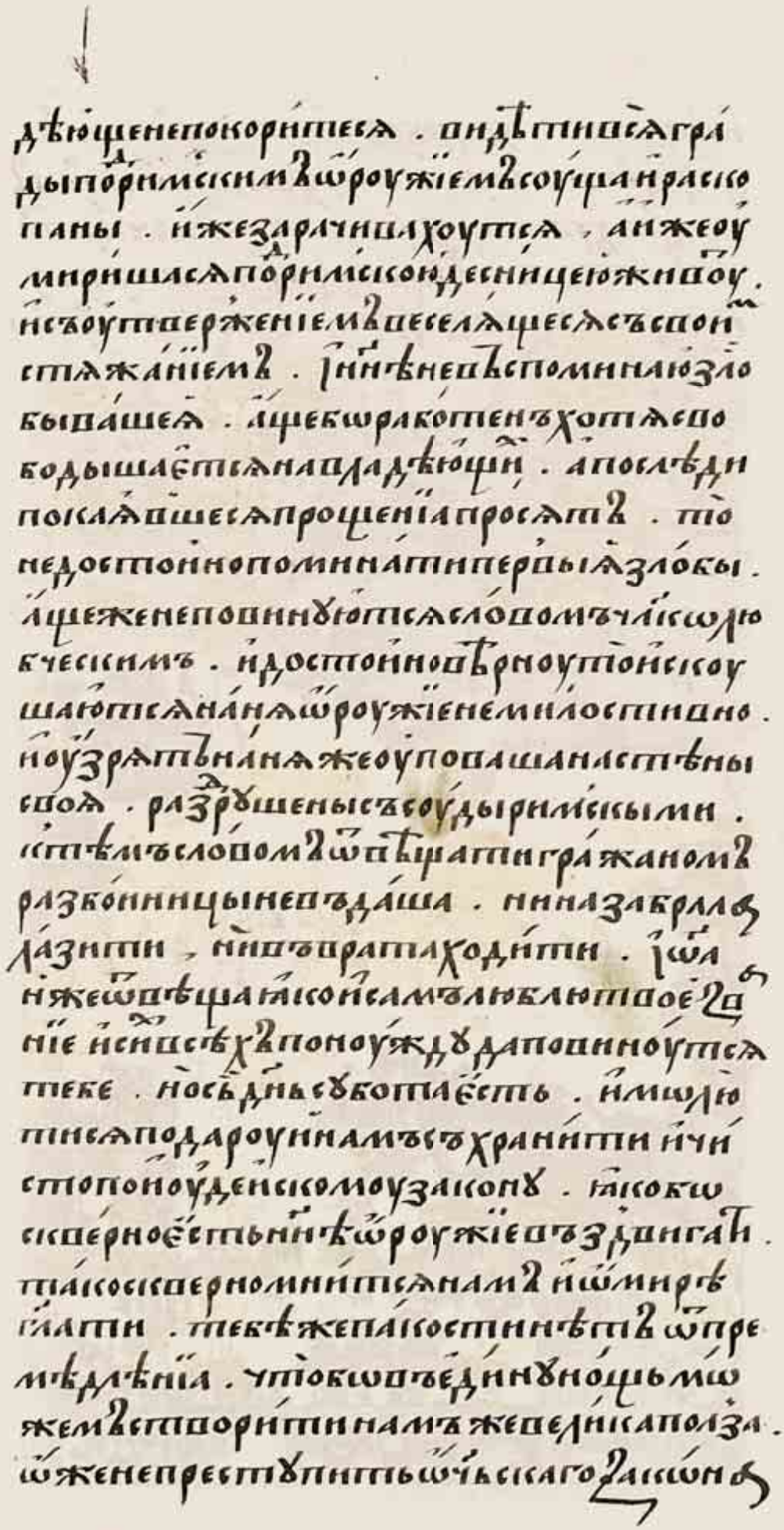
Веспасиан же послал на него Тита с 1000 конников. 10-й же полк пошел в Скифополь.

Самъ же Веспасиан с двумя оставшимися полками пошел в Цезарею. Там полки могли отдохнуть после долгого труда и подкрепить обильной пищей себя и коней. Эти полки Веспасиан готовил к походу на Иерусалим. И понимал полководец, что в Иерусалиме большой труд предстоит, ибо это царствующий город евреев. Все, кто бежали от войны, туда стекались. Место это было укреплено природой, а стенные сооружения очень удручали Веспасиана.

Крепость же людей иерусалимских, и мятежность, и мужество считались неодолимыми. Потому Веспасиан и давал своим воинам покой перед будущими испытаниями.

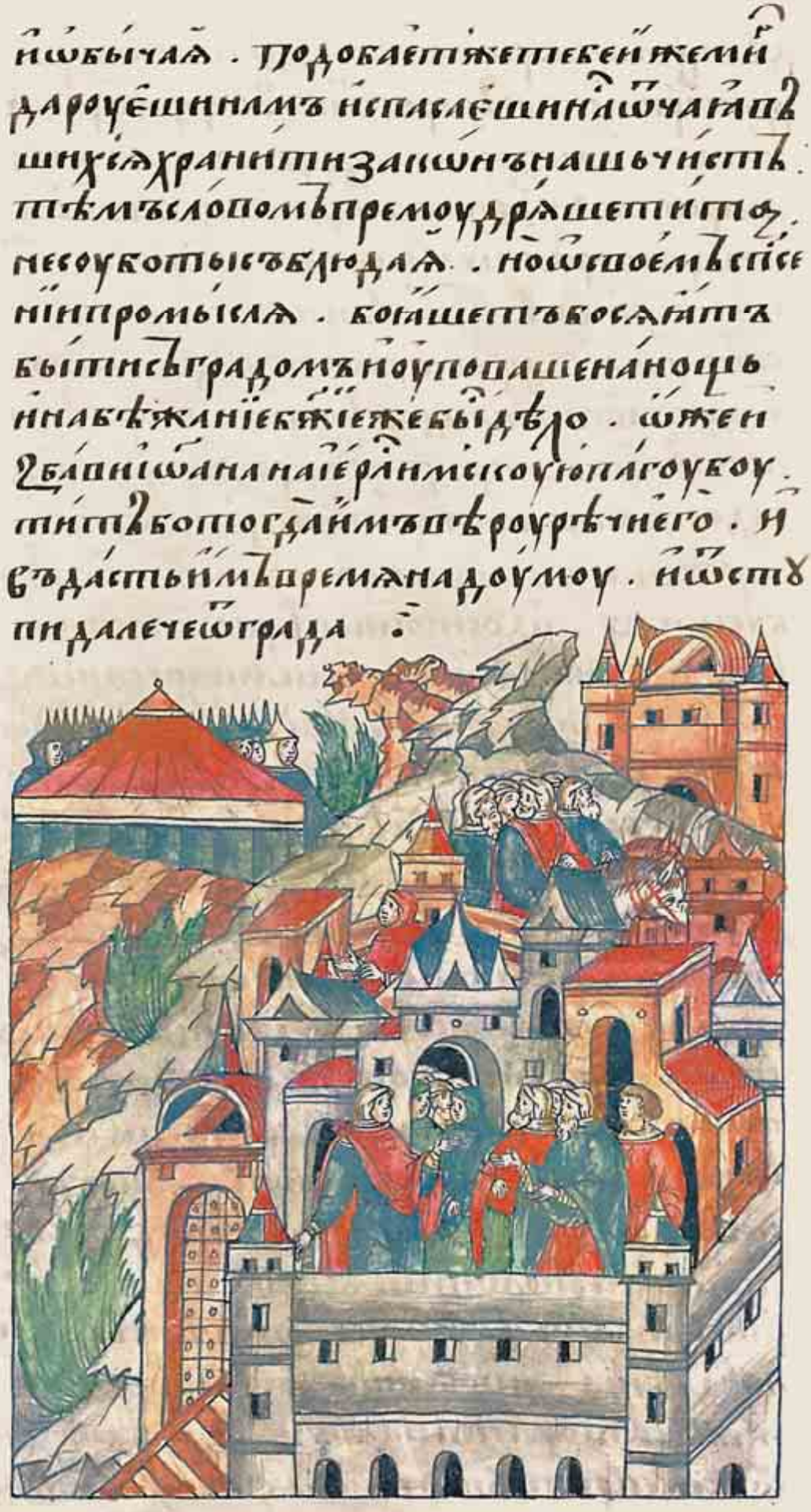
О Гисхале городе

Тит же подошел к Гисхале. У него была возможность внезапно напасть на город. Но пожалел Тит горожан, чтобы воины не погубили невиновных с виновными, и встал он перед городом, и сказал им: «Удивляюсь я вам. На кого надеетесь,



не покоряясь нам. Можете видеть, что все города покорились римскому оружию. Разрушены до основания те, которые хотели войны, а те, которые выбрали мир, под римской властью живут, безопасности радуются и своему богатству. Теперь же не вспомню неверности вашей. Если раб, желая освободиться, восстает на владельца своего, а после, покаявшись, прощения просит, то не следует поминать его прежней непокорности. Если же вы не послушаете слов человеколюбивых и достоверных, то испытаете на себе оружие немилостивое и увидите, как орудия римские разрушат эти стены, на которые вы так уповаете». Разбойники же не дали горожанам отвечать на эти слова, ни на стены взойти, ни в ворота выйти. Иоанн же, предводитель разбойников, отвечал: «И самому мне по нраву твой призыв, о, Тит, и всех в Гисхале заставлю я повиноваться тебе. Но сегодня день субботний, а потому прошу, дай нам соблюсти его в чистоте, по иудейскому закону. Ибо нечестиво сегодня оружие поднимать. Также нечестиво считается у нас в субботу и мир заключать. Тебе же вреда не будет от промедления. Что мы в одну ночь можем сделать? Нам же будет большая польза от того, что мы не нарушим отеческого закона

и обычая. Подобает же и тебе, раз уж ты мир даруешь нам и спасешь нас, отчаявшихся, сохранять закон наш в чистоте». Этими словами перехитрил Тита Иоанн, ибо не о хранении субботы он помышлял, но о своем спасении, ибо боялся, что его схватят после взятия города и надеялся на ночь и на побег. Богу угодно было сохранить Иоанна на погибель Иерусалиму. Ибо Тит тогда поверил его словам и дал жителям Гисхалы время подумать, и отступил далеко от города.

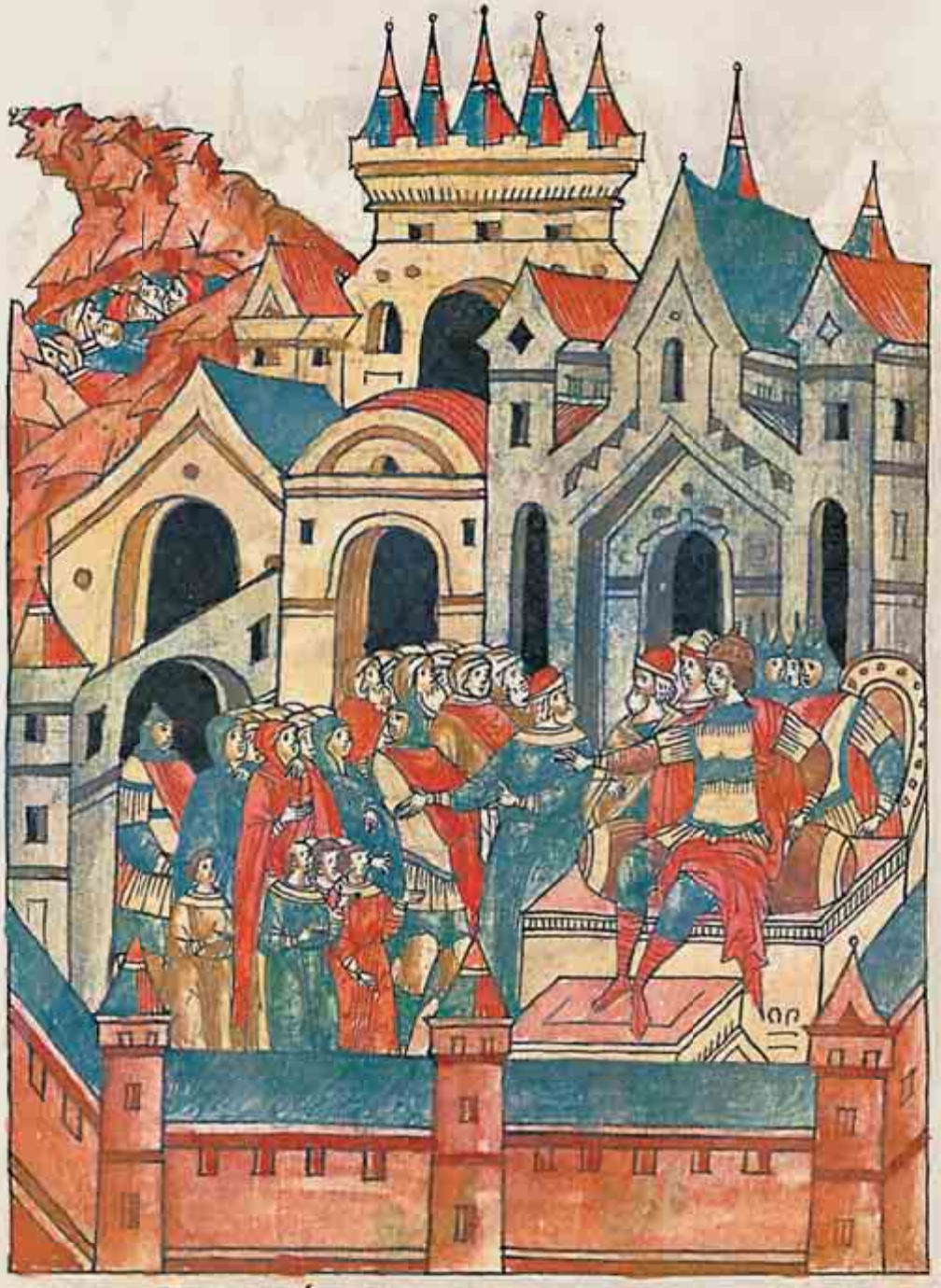


Иоанн же ночью, увидев, что нет стражников вокруг Гисхалы, взял своих воинов, и других людей, кто захотел, и с родом своим, и бежал в Иерусалим.

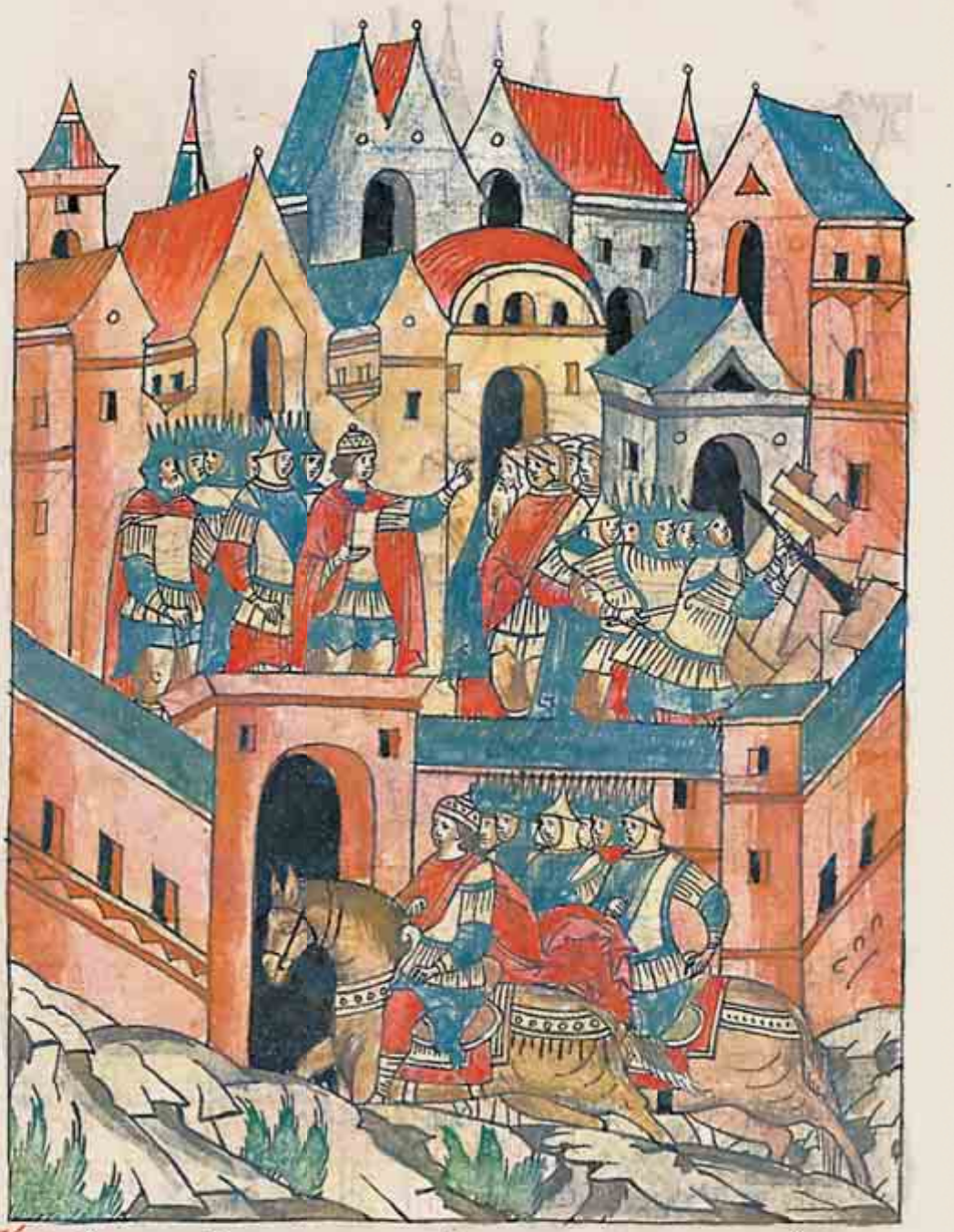
Тит же, когда наступило утро, пришел к стенам, чтобы продолжить переговоры, и открыл ему народ ворота, и принял его торжественно, как благодетеля, спасшего город от гибели.

Иоаннъ дашлемоуїшлнноповѣженіе . имо
лахоусѧмоудапощадитьихъ . низи
цетьматежникисизмоучителѧ . и
сьпосллюнникиспоїшаннѣ . инепости
гошлй . ноїокѣжавшихъсникизне
могшимсѧостлѣшалзадѣ нпрнсти
гшенникъбнши . ѯ . л . ѓ . женъндѣти
ведошлапленніше .

Иоанна и просили его, чтобы он их пощадил, а мятежников нашел и казнил. Тит же послал конников за Иоанном, и не догнали они его. Однако тех беглецов, которые обессилели и отстали, настигли римляне и убили 6000, а 3000 жен и детей привели пленными.



Тит огорчился, что не может он скоро отомстить Иоанну за его обман, но утешился гнев его множеством пленных и убитых.



Нвошел Тит в город Гисхалу, и повелел разрушить до основания один угол стены в знак того, что город взят. Оставшихся же среди местного населения мятежников угрозами укрощал Тит, а не казнями. Ибо знал он, что если начнет казнить виновных, то люди будут и невиновных обвинять из-за личной вражды и ненависти.

Но обстави стражи в граде да имате
жители боятся, и мирници крепятся.
Сде же Галилеа тако взята
бысть многим
страданием.
Велиси
почто.

Оставил Тит в Гисхале стражников, чтобы и мятежники боялись и мирные жители чувствовали себя увереннее. Так завершилось покорение Галилеи, потребовавшее от римлян много крови и пота.

Въ Иерусалим же
когда пришел
Иоанн, весь
город вышел к нему
и обступил тысячами
и десятками тысяч,
и спрашивали его
о бедствиях, которые
несет вторгшийся не-
приятель. Иоанн же
и бывшие с ним зады-
хались от скорого бега
и этим показывали
свою беду и несчастье,
однако и в беде
они держались горде-
ливо и говорили:

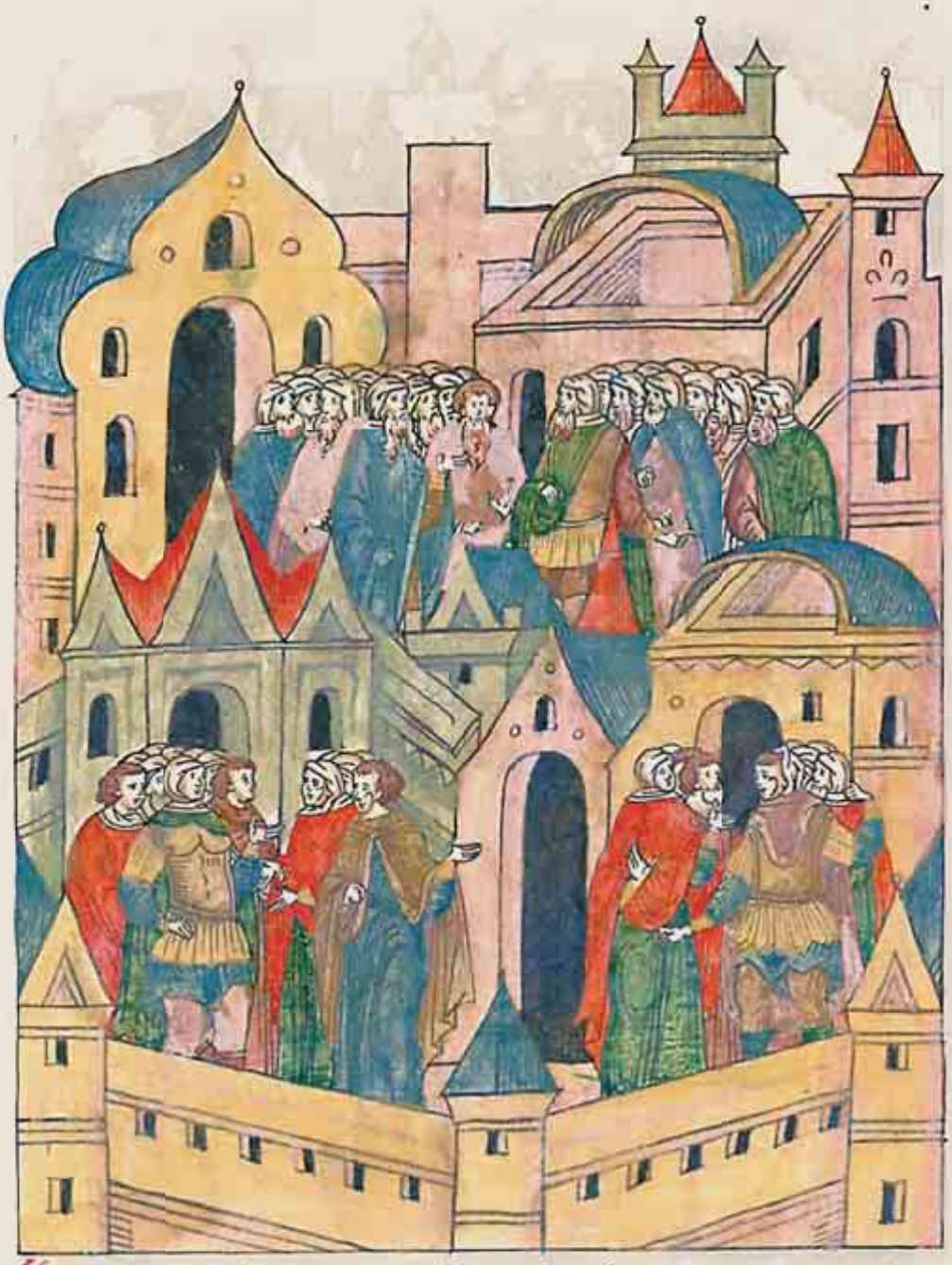
«Не спасаясь от римлян, мы пришли, но желая бороться с ними из твердыни Иерусалима. Ведь неразумно и бесполезно тратить силы на борьбу за Гисхалу и другие малые города. Подобает же нам всю силу сохранить для обороны столицы». Из речей Иоанна и бывших с ним поняли многие, что город Гисхала взят, а их приход — не отступление, а бегство. И опечалился несказанно весь народ, видя в этом предзнаменование того, что и они будут завоеваны.

Иоанн же лжи своей не стыдился и подходил ко всем, поднимая их на войну, и быть крепкими им велел, римское же войско ни во что не ставил, иудейское же хвалил. И такими речами обманывал Иоанн людей, пользуясь их неведением и простотой, и говорил он им: «Даже если и крылья вырастут у римлян, не смогут перелететь они через иерусалимские стены. Римляне и так войско свое извели и орудия стенобитные изломали при взятии галилейских городов, маленьких и слабых». Народ же слушал эти лживые речи, и многие юноши присоединялись к Иоанну и на войну поднимались. Разумные же и пожилые, предвидя то, что произойдет, рыдали, как будто они были уже завоеваны вместе с городом.

Тит же из Гисхалы пошел в Цезарею.

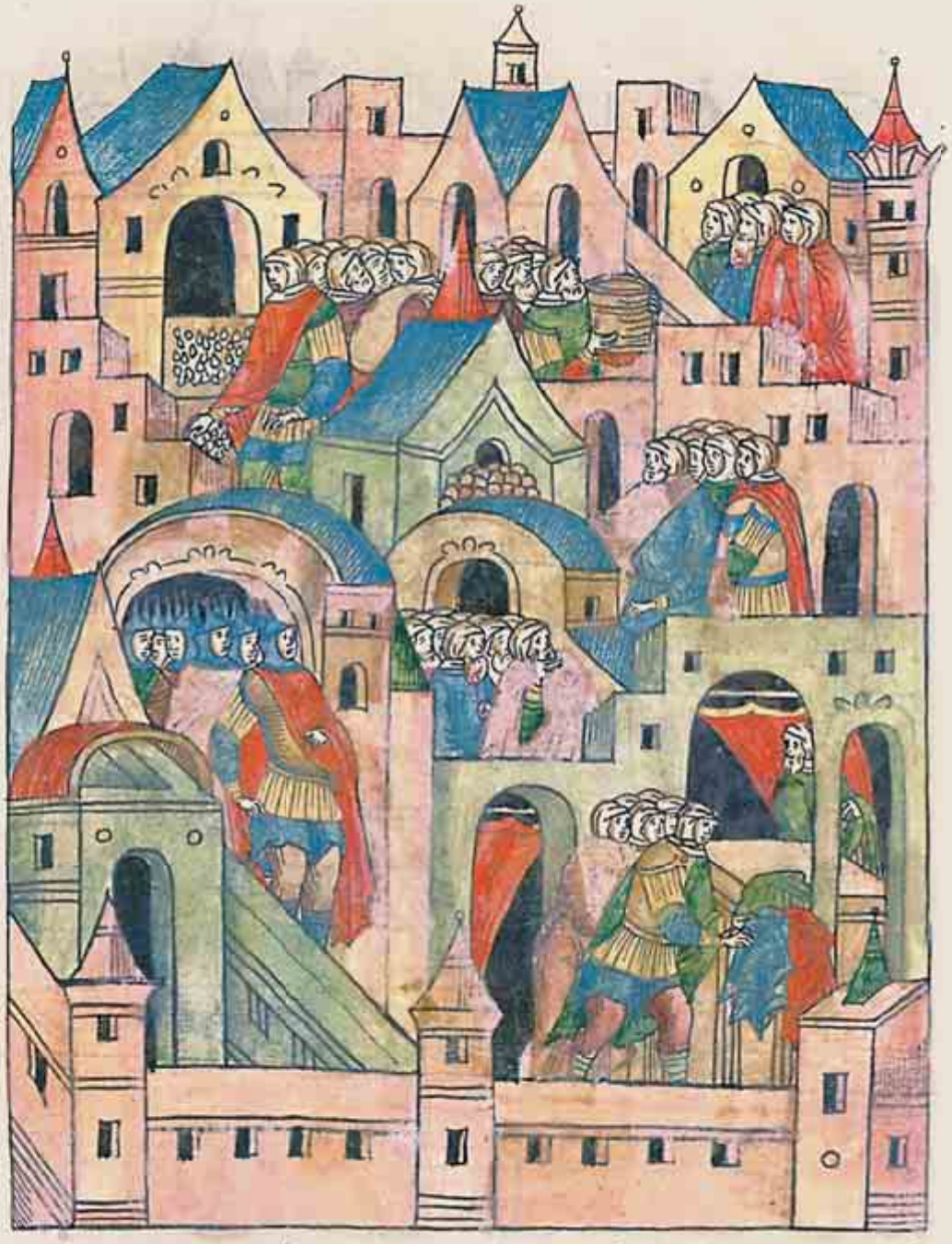
Веспасиан же из Цезареи поднялся и пошел на Иамнию и Азот, и жители этих городов сдались ему.

Взяв людей из Иамнии и Азота, Веспасиан возвратился в Цезарею. И было во всех городах Иудеи смятение сильное и раздоры. Когда иудеи от власти римлян избавились и вздохнули, то друг на друга ополчились, и те, кто жаждал войны, бились с теми, кто хотел мира.

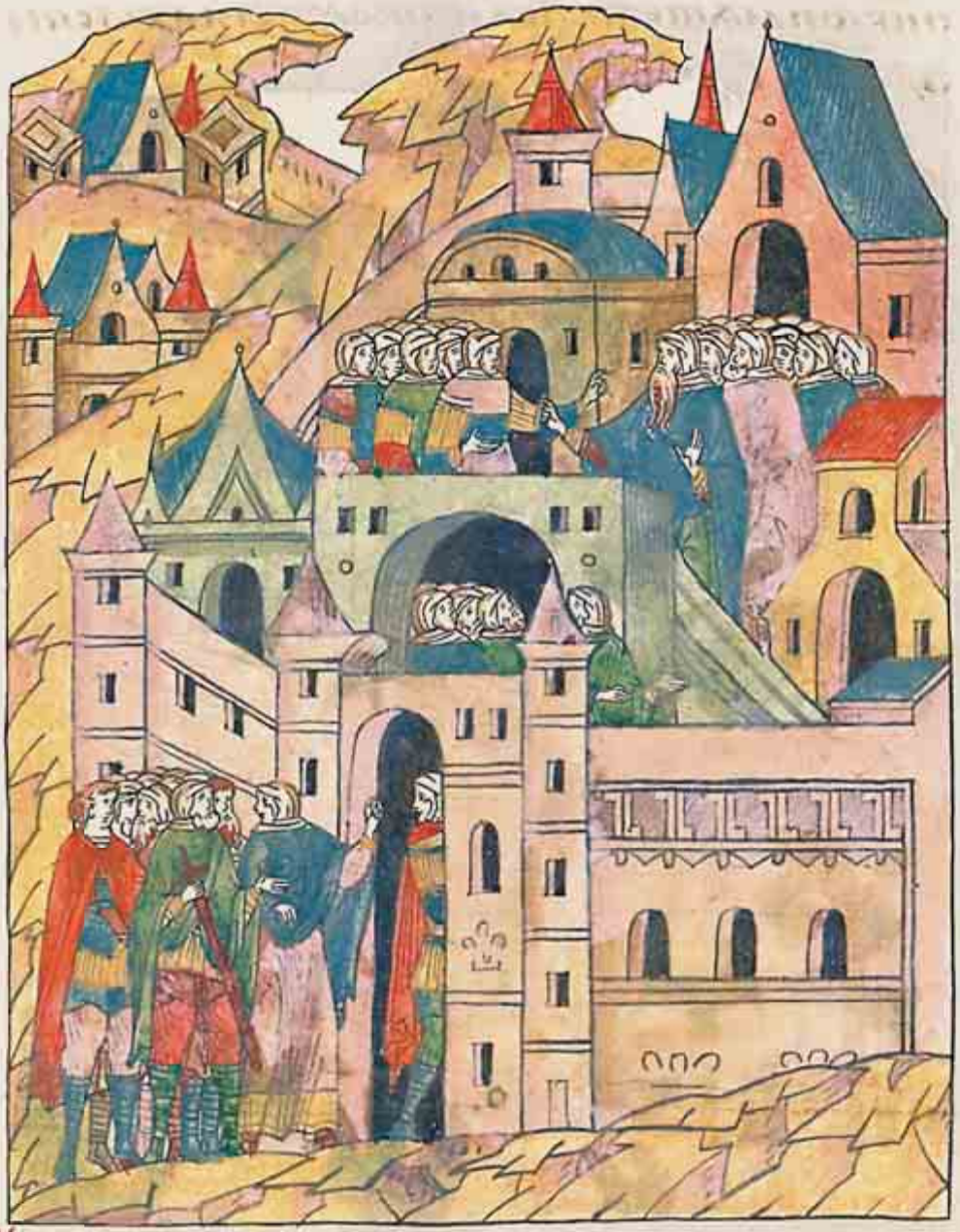


Ѝ всѣмъ въ домѣхъ раздѣлѧшеться , ѝже
бѣшлоу҃ношѣ безоумнїѧ хотѧщїѧ раз
тиснѹтьсѧ сѣмисъ подобнѣмисѧ сѣтѹплѧхоутсѧ .
старїѧ же и҃ разломоудрїѧсѣ
своимирозѹмѣхъ .
нѡ҆ одолѣ
ша҆хоу
имъ

Ни всякая семья надвое раздѣлилась: юноши безумные, хотящие войны, с такими же, как они, соединялись, старые же и разумные со своим возрастом сходились, но одолевали их юноши.



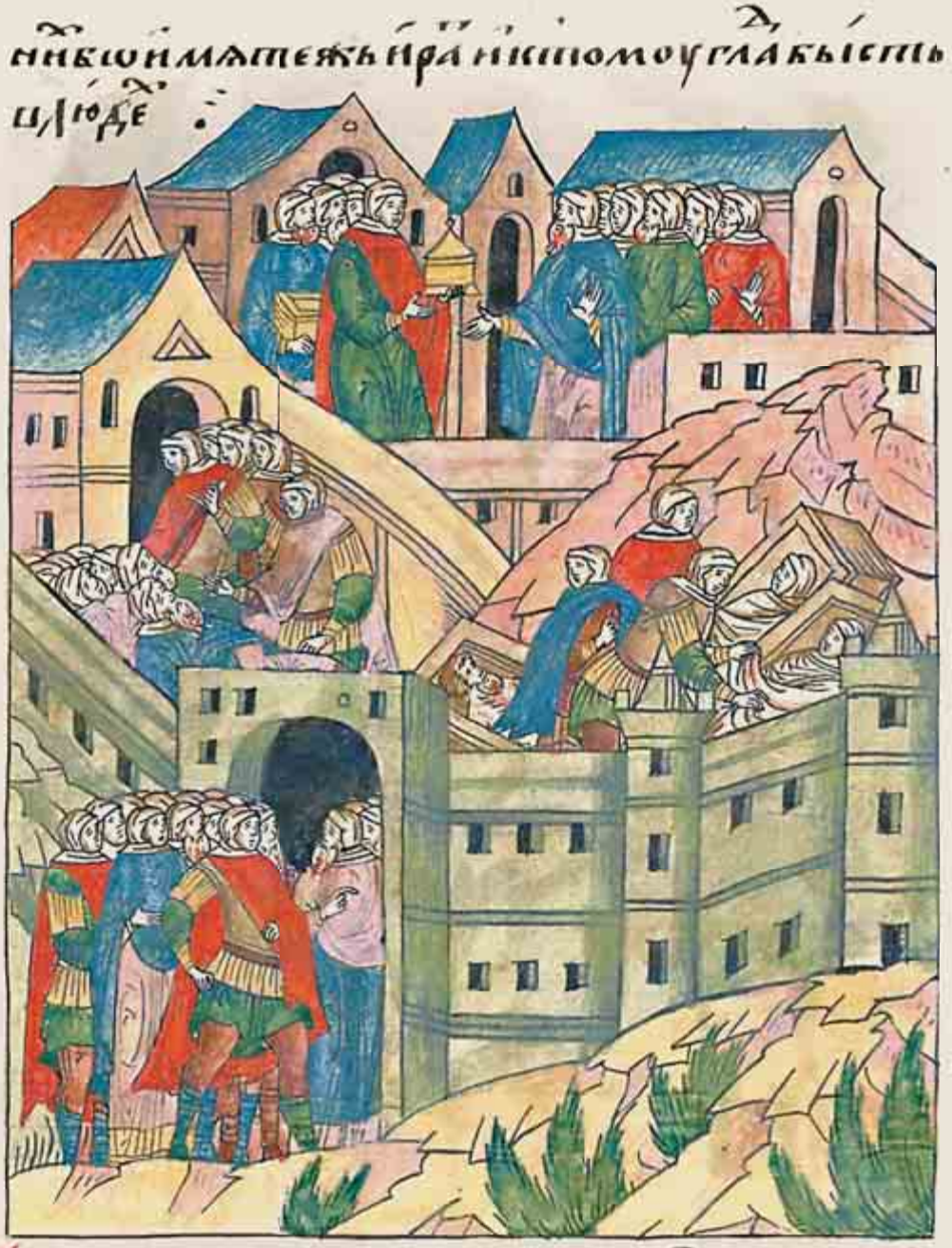
Юноши, пользуясь множеством и силой своей, стали грабить местных жителей. И были соплеменники хуже иноплеменников. Стражники римские видели эти грабежи и несправедливости, но не вмешивались, жалея свои силы и ненавидя иудеев.



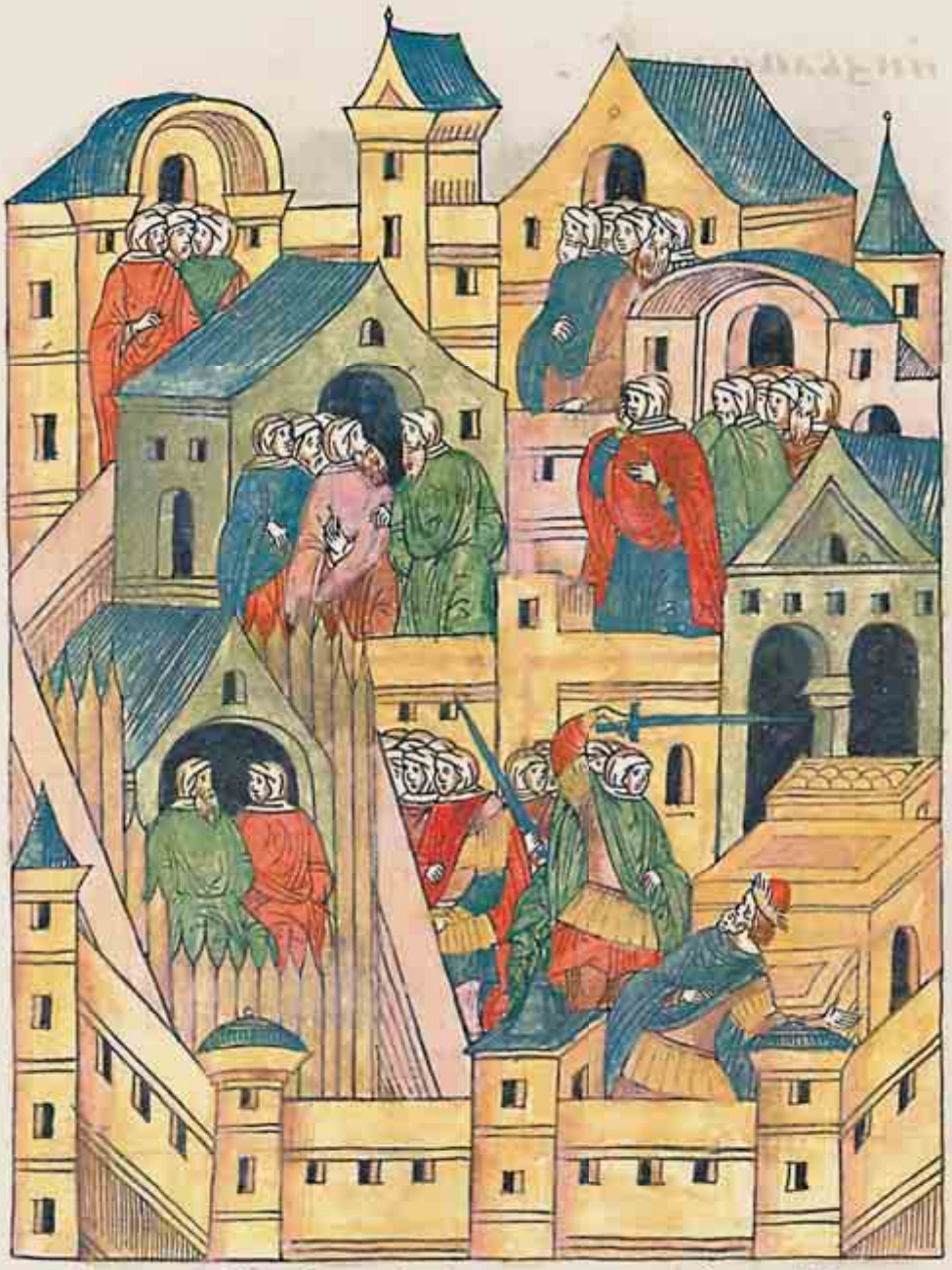
Ѡ нихъ же исполнишеся мъстажа́нїа мнѡгїа . и сѣдшѣ куплыше граждане сихъ губи́теле , и вни до́ша въ ѥ́рлимъ . несоу́щѣ блюстите люпнемъ . гра́жаномъ бо сѣ обы́чаи е́сть ѡ́чьскїи сродникъ всѣкогонедыгнати ѡпъ . и пріимати безъ ѡпъпраша ніа . а́тогда мнѧхоу́сѣ пришо́дящїи мі́ сълюбо́вїю прихо́дятъ , и нижескромъ бра́ни , погрѣбнша гра́ды послѣди . ѡ

Эти же юноши-губители получили богатства много, и собрались они все, и вошли в Иерусалим, когда у города не было руководителя. Обычай же есть отеческий у горожан сродника всякого не выгонять, но принимать его без расспросов. И думали тогда, что все эти приходящие с миром приходят. И погубили они город постепенно,

ибо от них исходили
и мятеж, и война,
а затем и голод.



А потом и другие злодеи стали приходить в город, и присоединялись они к иерусалимским, и еще пуще разбойничали, не упуская никакого зла, и живых резали, и в гробах лежащих грабили. И не ночью, и не тайком, и не худших людей мучали, но днем, и явно, и с лучших начали.

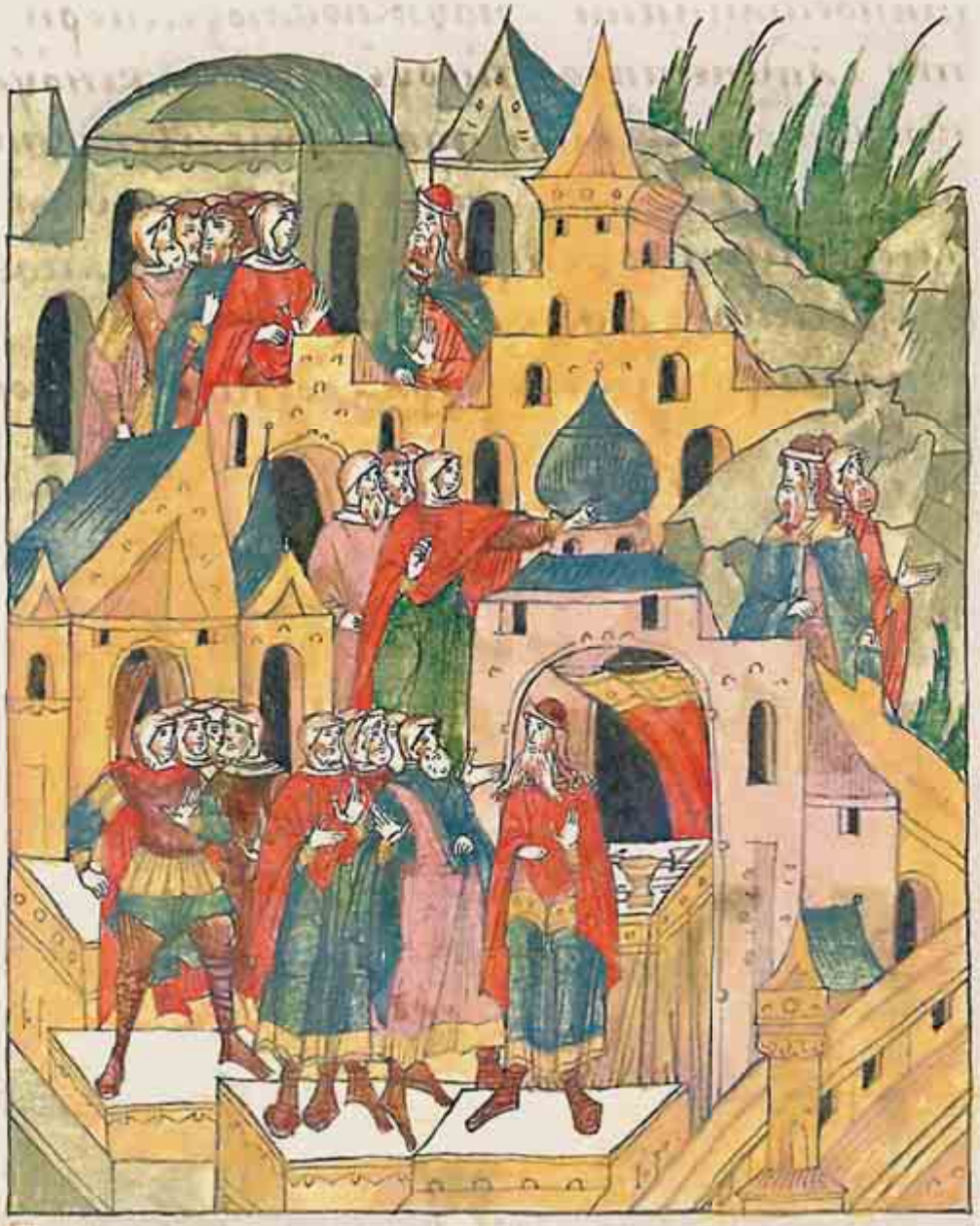


Перваго оубиша Антипоу моужа йцаря сего града. Иже вельма силенъ вѣшо ѥмоу же поручено быс(т) ропищецарское. потомъ желноуза творишавтемни цѣ. и вѣ фласи(л)ѣ реголшпа. и проѣзна рочитыхлюдѣ ѥгоуже ласьнападе(н)ахъ. и нѣкыихъ зашше. недолгодрѣжахша бохоубоѩи. занедомышлениихъ моужествшенисоуще(м)шихлибышамсти

Первого убили Антипу, человека из царского рода, и самого влиятельного из всех горожан, которому поручена была казна царская. Потом же Левия затворили в темнице, и Софа, сына Рагуила, и остальных лучших людей. Сильный же страх напал на людей. И тех из них, которых заковали, недолго держали, ибо боялись их, поскольку семейства у них были обширные, и мужественные среди них люди были, которые могли отомстить за них

и спасти их.

Также и народ мог восстать против беззаконий злодеев. Иоанн же разбойник хотел убить этих лучших людей, затворенных в темнице, и для этого послал убийцу одного, по имени Тавифа. Этот Тавифа взял с собой 10 палачей, и вошел в темницу, и убил заключенных в ней вельмож. И обвинение ложное на них возложили, якобы эти вельможи посылали к римлянам с предложением сдать Иерусалим, так что получалось, что палачи убили не правителей города, но предателей общей свободы.



Ипомалу гордяхуи хоупахуся . якоблго
дателенспсителеградоусоущепотомъ?
нестадеиерархиереисосламитворяхоу.
ишпрятяшеархиерѣварѣныя . стяда
хоунезнаемыя ипросторѣныядлбыш
имѣлинаспожбезаконияповорници
ебетьжешбычаичѣчьбысь . шжехоудаго
инедостоиного , поставлятъвѣлице
власти . точтоемоудѣлатьтворя

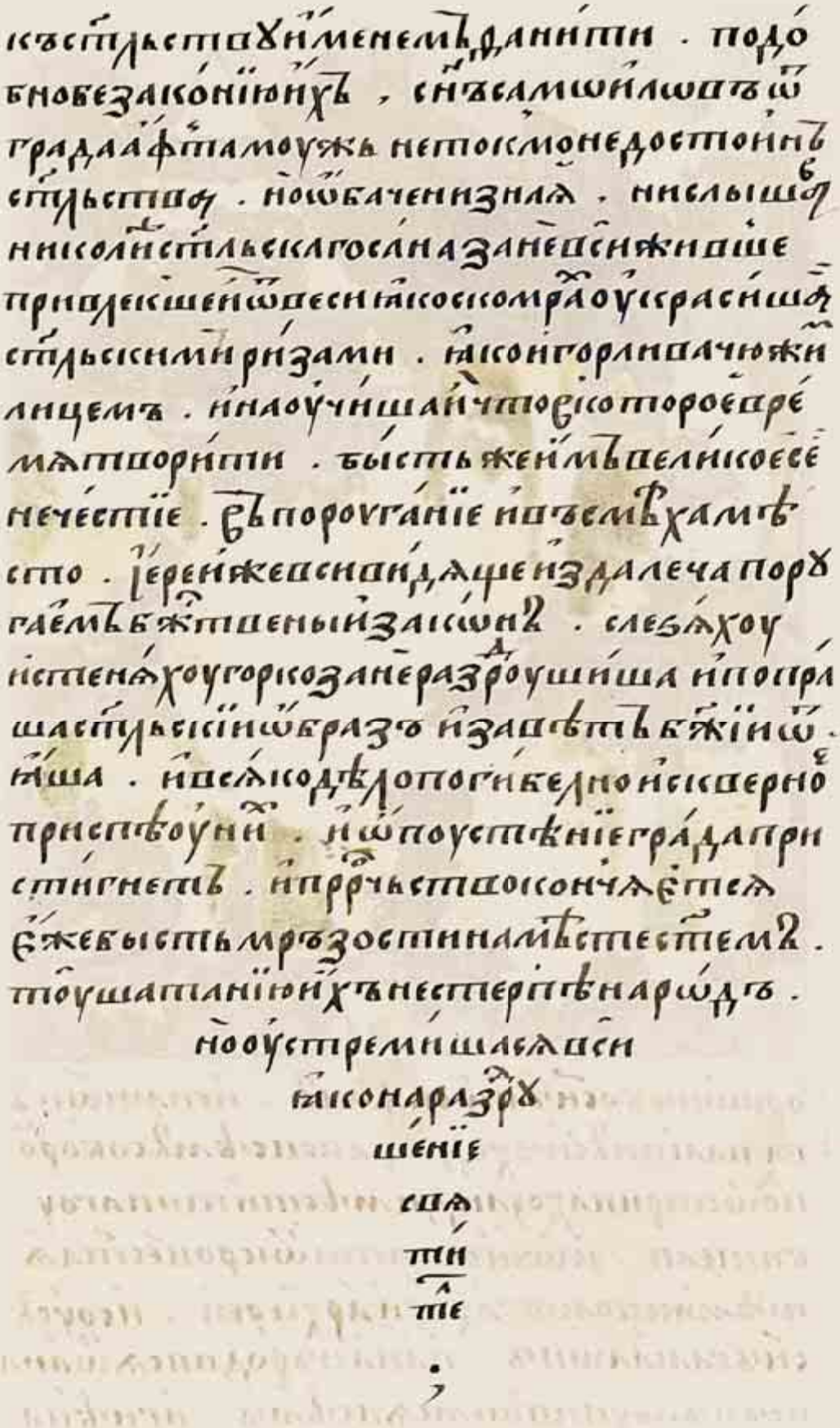
И так все больше гордились и возносились губители и называли себя благодетелями и спасителями города. Потом же и первосвященников сами они стали назначать. И отвергали первосвященников родовитых, и ставили никому неизвестных, из простонародья, чтобы иметь их в своих беззакониях помощниками себе. Обычное дело у людей: если плохого и недостойного поставят к власти, то, что ему велят делать

те, кто его поставил, то ему и приходится делать. А если не будет слушаться, то выгонят его. И стали жребием и повелением назначать первосвященника, и сказали, что по древнему обычаю надлежит именно так делать, а потому они вводят это исправление. Однако это они задумали не для исправления закона, а для его разрушения.

Ѝ послаша ѥдиномоу родоу шоломѧна
Ѥлиакимоа нажебыть . стѣлсѧсопле
маннаѕнаменашастоу нприсѣючи

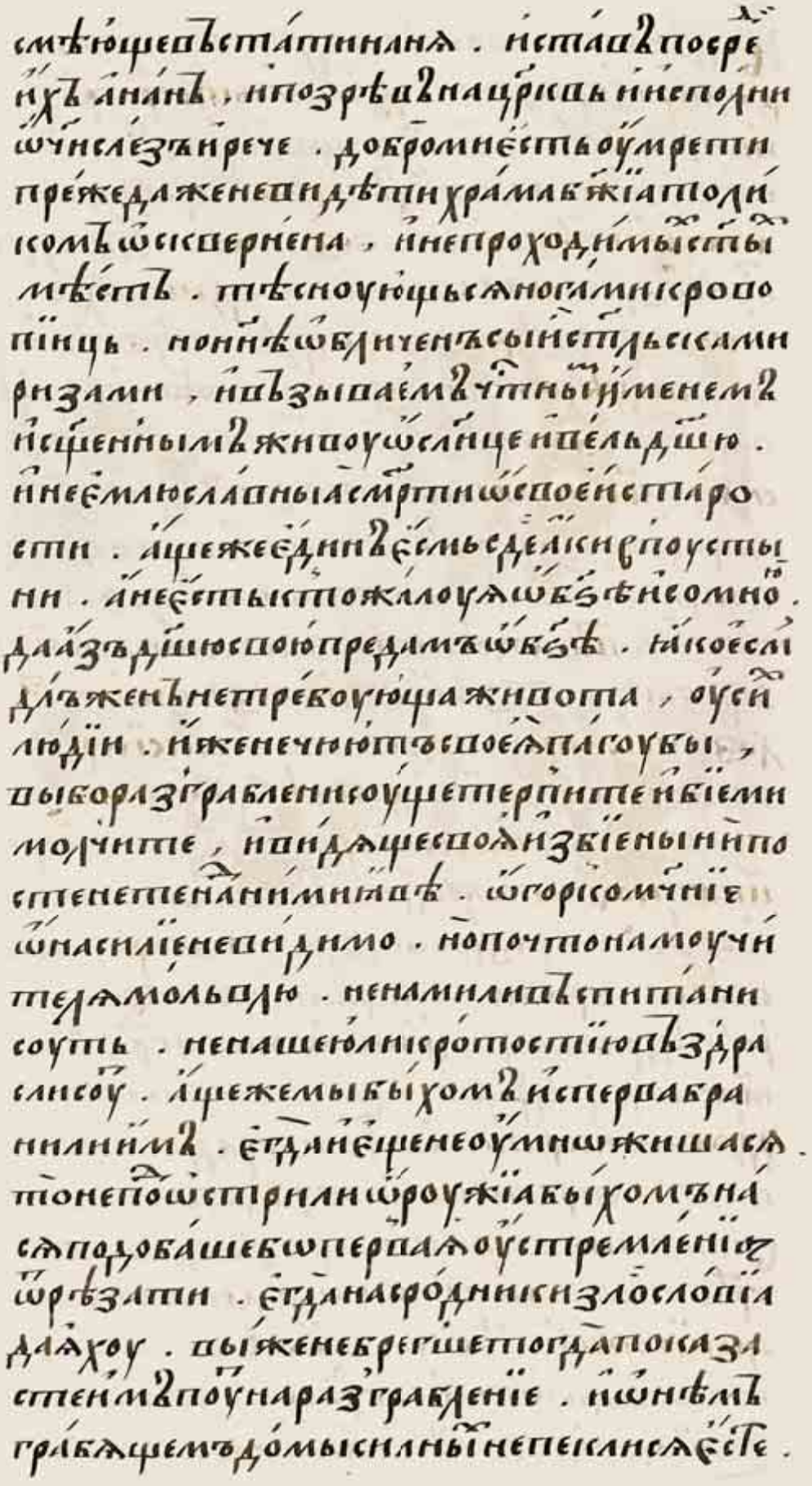
Ѝ послаша ѥдиномоу родоу шоломѧна Ѥлиакимоа нажебыть стѣлсѧсопле маннаѕнаменашастоу нприсѣючи

Послали губители к роду Элахима, который был священническим родом, и назначили из него первосвященника. И выпало быть

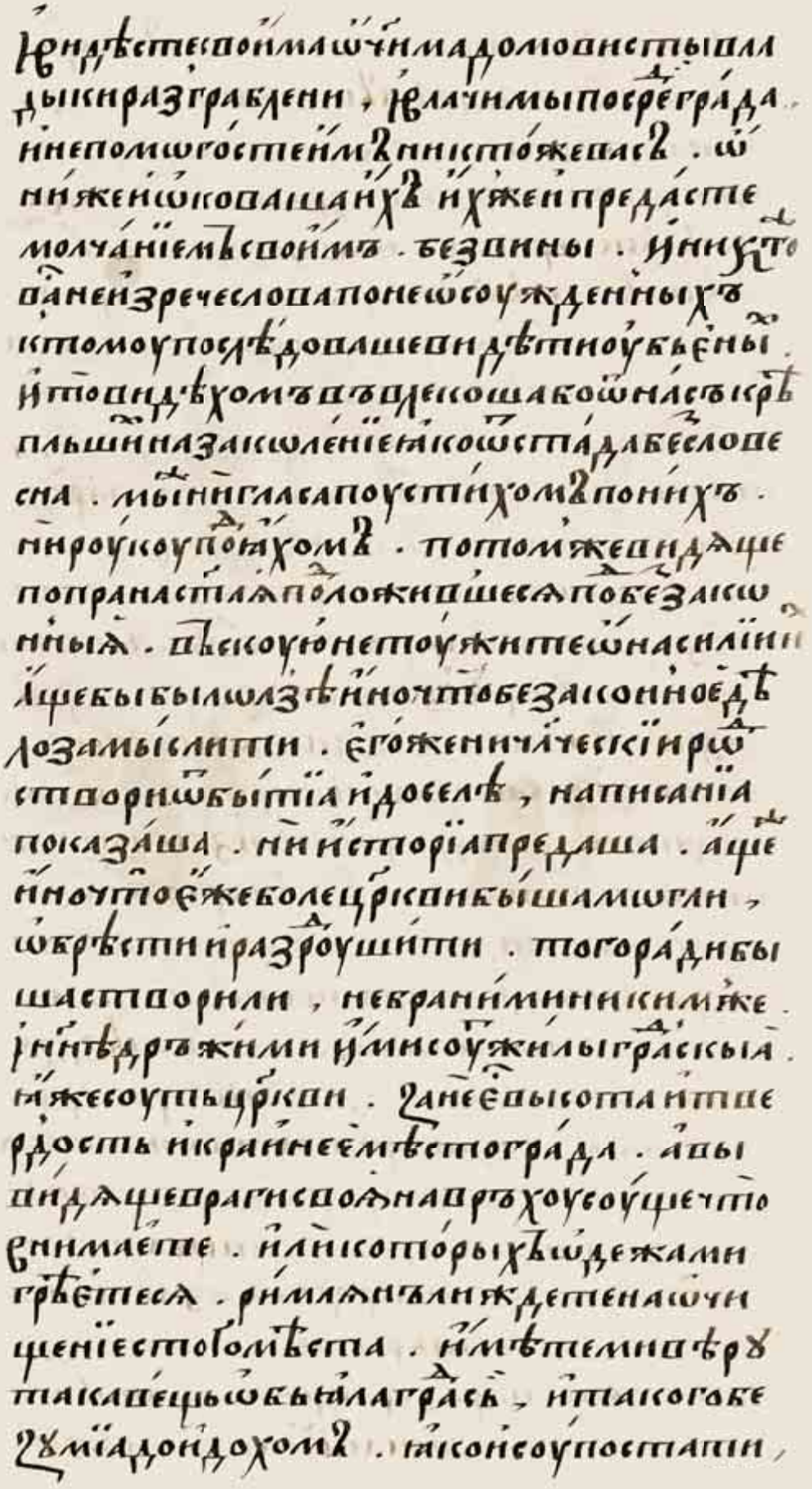


первосвященником человеку по имени Фанний, сыну Самуила из селения Афты. Человек этот был подобен губителям в беззакониях. Он не только не достоин был святительского сана, но даже не знал и не слышал никогда о такой должности, потому что в деревне жил. Вытащив его из деревни, как скомороха, надевающего личину и изображающего других людей, нарядили его в священнические одежды и научили, что в какое время надо делать. Это великое бесчестье было им на потеху. Священники же все смотрели издалека, как ругались над Божественным законом, и слезы лили, и стенали горько, поскольку разрушили губители и попрали и святительский образ, и завет Божий. Всякое же дело погибельное и скверное делалось у губителей, и понимали люди, что постигнет город запустение, и пророчество исполнится о том, что будет мерзость запустения на месте святом. Такого бесчиния не стерпел народ, и устремились все на губителей как на разрушителей святительства.

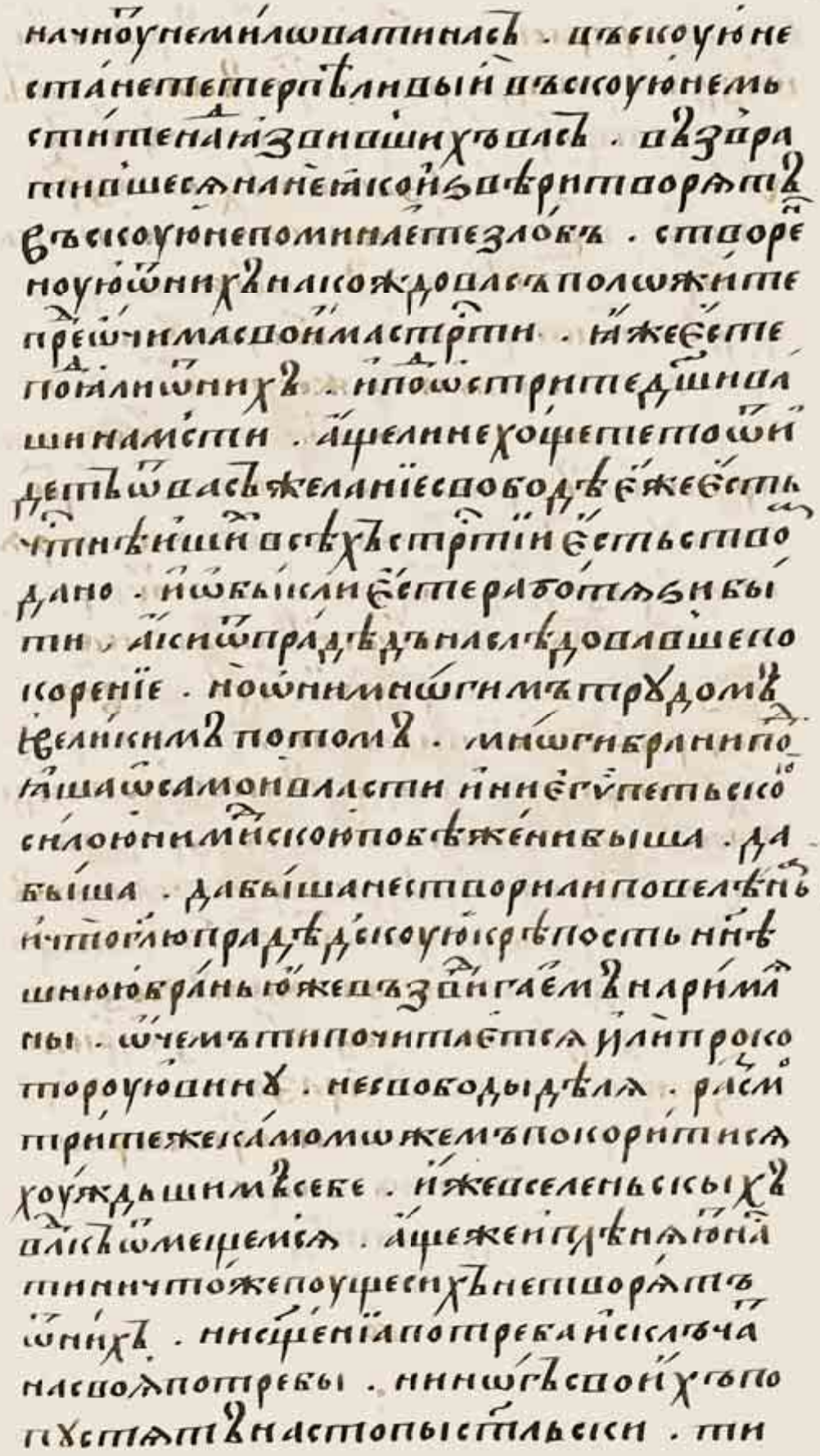
Горионъ же, сынъ Иосифовъ, и Симеонъ, сынъ Гамалиилова, ходящаго по всѣмъ сонмищамъ, и побуждающаго людей мстити убивающимъ, и очистити отъ крове святилище. Помогаху имъ и первосвященницы Исусъ, сынъ Гамалы, и Анна, сынъ Ананъ. И собрашася вси, и гнѣвашася на злодѣи за то, что тѣ захватиша храмы и убиша и разграбиша многихъ. И не



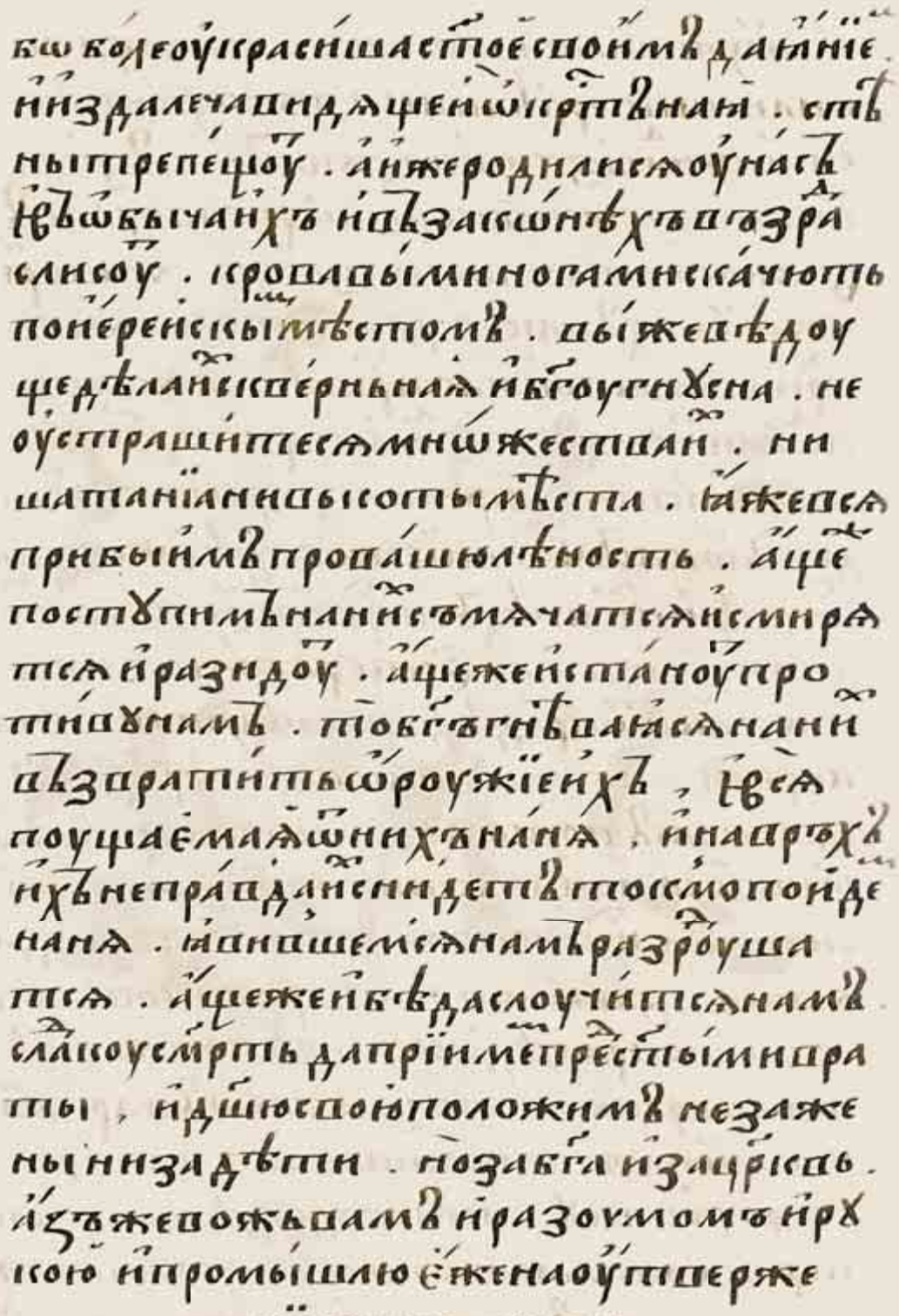
смели люди восстать на губителей. И встал среди них Анан, и посмотрел он на храм, и наполнились глаза его слезами, и сказал он: «Хорошо бы мне умереть прежде и не видеть храма Божьего, который осквернен столькими беззакониями, и святых мест, в которые входить нельзя было, а теперь там толпятся кровопийцы. Однако же, одетый в священнические одежды, призывающий славное священное Имя, хожу я под солнцем и радуюсь, что еще не принял славной смерти при своей старости. Но если один я здесь, как в пустыне, и нет со мной никого, кто бы поревновал со мной о Боге, тогда я готов душу свою отдать Ему. Ибо не надо мне жизни среди таких людей, которые не чувствуют своей погибели. Ибо вы, ограбленные, терпите, убиваемые, молчите, и, видя, как убивают ваших сродников, даже не поплачете над ними явно. О, горькое мучительство! О, насилие невиданное! Но зачем на мучителей ропщу? Не мы ли их воспитали, не нашей ли кротостью они вскормлены? Если бы мы изначально запретили им, когда их было еще немного, то не навлекли бы на себя оружие. Следовало уже первые их нападки пресечь, когда они еще на сродников только злословили. Вы же не позаботились тогда и дали дорогу их грабительству. И когда губители грабили дома вельмож, не переживали вы об этом.



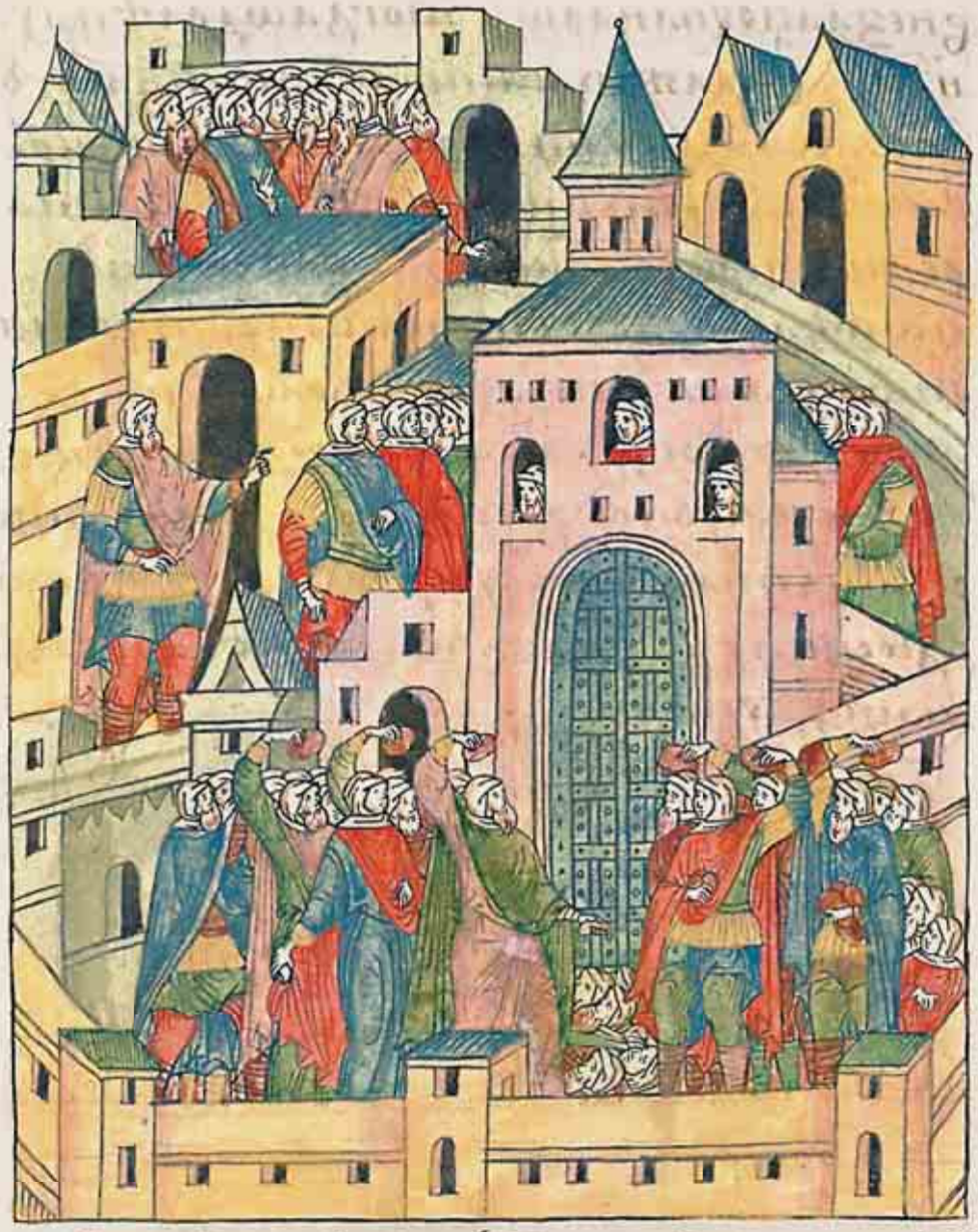
И видели вы своими глазами, как зажиточных хозяев грабили и тащили по городу, и не помог им никто из вас. Губители же заковали их; тех, кого вы предали молчанием своим. Заковали же их без обвинения, и никто из вас слова не сказал, а потому осужденных скоро пришлось нам увидеть и убитыми. И мы смотрели, как выбирали из нас лучших на заклание, как из стада неразумного. Мы же ни голоса не подали в их защиту, ни руки не подняли. Потом же вы увидели, как топчется святилище ногами беззаконников. Почему вы не тяготитесь насилием их? Если бы было возможно еще более беззаконное дело придумать, которое еще никто из человеческого рода не совершал от Сотворения мира и доселе, о чем ни в книгах не написано, ни предание не донесло, если бы еще что-нибудь, большее храма, могли бы найти они и разрушить, то сделали бы они это, и никто бы им не помешал. И теперь они удерживают за собой все важные места города, то есть церкви, поскольку они высокие, крепкие, и возвышаются над городом. А вы, видя врагов своих наверху, о чем думаете или какими одеждами согреваетесь? Римлян ли вы ожидаете для очищения святого места? Можно ли поверить, что такая вещь случилась с городом, и до такого безумия мы дошли, что уже некому, кроме врагов,



позаботиться о нас? Почему не восстанете сами, несчастные? Почему не мстите тем, кто вас ранит? Почему не устремитесь на них? Даже звери поступают так. Почему не помните зло, которое они сделали каждому из вас? Положите перед глазами своими страдания, которые вы перенесли от них, и подвигните души ваши на месть. Если же не хотите сделать это, то покинет вас желание свободы, которое является самым почтенным из всех чувств и от природы дано. Привыкли вы рабами быть, как будто от предков переняли вы покорность. Однако предки наши много несчастий испытали и много пота пролили, и много войн пережили за самостоятельную власть, и ни египетским войском, ни мидийским побеждены не были, и не желали подчиниться повелению их. И зачем говорю о том, какими крепкими были наши предки? Нынешнюю войну возьмем, которая идет против римлян. Из-за чего она, как вы думаете, по какой причине? Не из-за свободы ли? Смотрите же. Как мы можем покоряться худшим среди нас, а вселенских владык отметаем? Если и захватят нас римляне, то ничего хуже этих мучителей не сделают, ни то, что было на нужды храма, не потратят на свои нужды, ни ног своих не допустят ходить по стопам святительским.



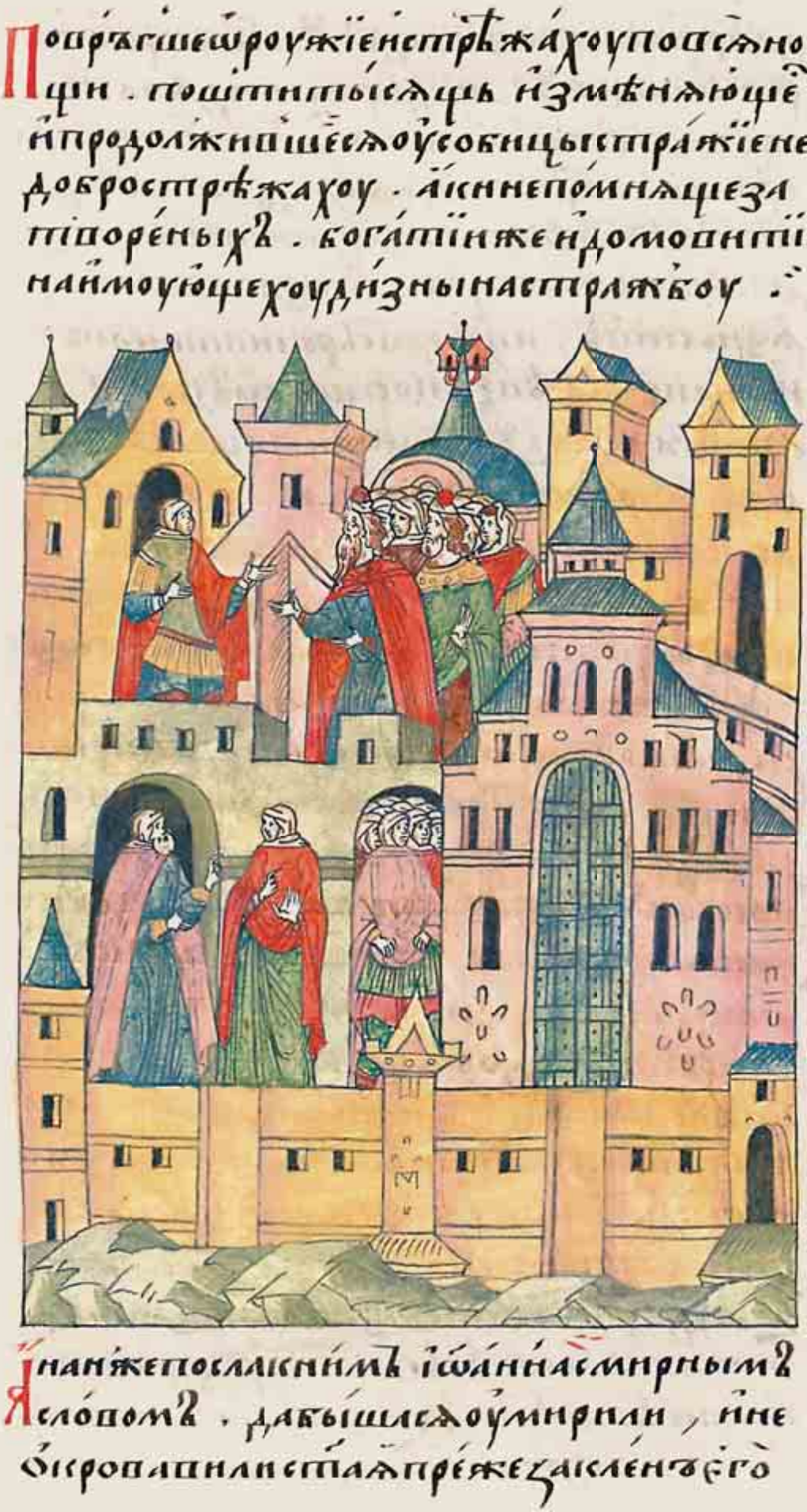
Римляне больше, чем кто-то другой, украсили святилище своими дарами и только издалека смотрели на храм, даже и перед окружающей его стеной трепетали. А эти, хоть и родились у нас, и в обычаях наших и в законе выросли, но кровавыми ногами пляшут по священническим местам. Вы же, видя дела их скверные и богомерзкие, не устрашитесь множества этих людей, ни мятежности их, ни высоты места. Все это у них есть из-за вашей лености. Если же выйдем на них, то в смятении будут они, и смирятся, и разбегутся. Если же и встанут они против нас, то Бог, гневаясь на них, обратит на них и оружие их, и все, что пускают они в нас. И на голову их неправда их снизойдет. Надо только решиться пойти на них. Как только придем мы, сразу будут они уничтожены. Если же и несчастье с нами случится, сладкую смерть да примем перед святыми воротами и души свои положим не за жен и детей, но за Бога и Храм. Я же вождь вам буду и разумом и рукой, и буду заботиться о том, чтобы укрепить вас, не щадя ни тела своего,



Нийночтотъхъсло́вьпослу́шашалю́дїе
Нсъшъсоупишасѧсѧ , ипонду́шана
ревни́теля . тъмъкоумѣнемъпрозъ
шасѧиякоревнующешесвободѣ . нонеш
свободѣревноцахоуноусѧбезако́нїѧ
йсполнѧша , гако́вѣснѧшасѧбїющеи
сѧмѣнїемъ . междыгра́домъиц҃ри́ковь
ю́ижеоуклонѧхоусѧсоуро́ужїемъисонча
хоусѧ . ѥгдѫжеревни́теленападахоу

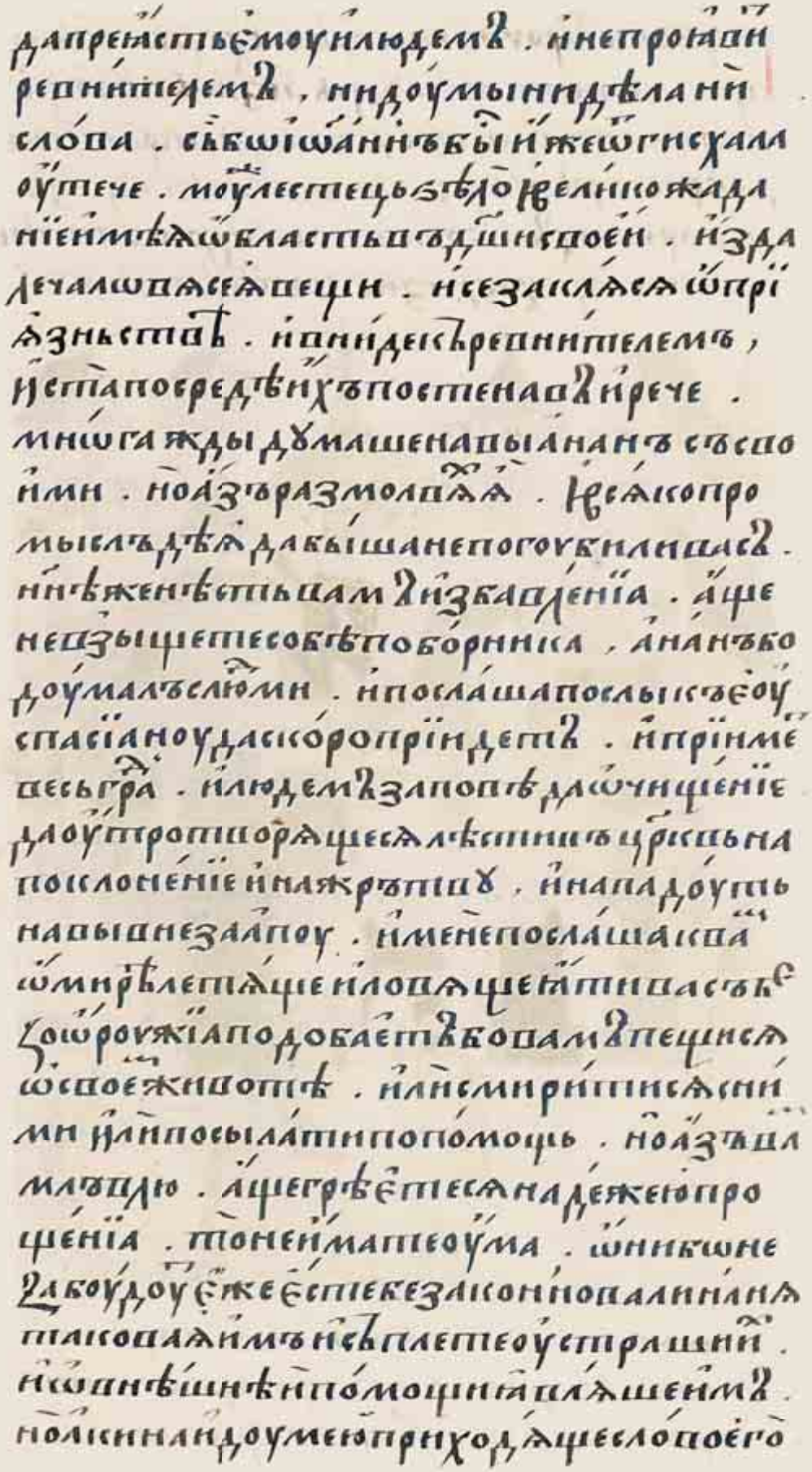
И всего, что нужно». Этих слов послушались люди, и собрались они все, и пошли на ревнителей. «Ревнители» — так называли себя разбойники, как будто они ревнуют о свободе. Но не о свободе они ревновали, а всякие беззакония исполняли. И тогда, сойдясь с ними, стали люди кидать камни в них между городом и храмом. Тех же, кто бежал, оружием убивали. Когда же ревнители нападали

внезапно на народ, тогда одолевали они. Когда же снова в толпу собирались люди, то одолевали они ревнителей. И встав крепко, приверженцы Анана оттеснили ревнителей в храм, согнав их со стен, окружавших его. И те прибежали к храму и закрыли ворота, и отбивались с переходов крытых и с верхних ярусов храма. Анан же мог тогда взять храм, но боялся кровопролития в храме, не хотел он осквернить святое место. И снарядил Анан 6 тысяч стражников охранять ревнителей в храме и ожидать, не пойдут ли они с миром, и не выйдут ли,



Бросив оружие. И сторожили люди ревнителей в храме, каждую ночь по шесть тысяч было стражников, и сменялись. И продолжились раздоры, стражники плохо сторожили, как будто не помнили о тех, кто был затворен. Богатые же, и зажиточные нанимали бедняков в сторожа.

Анан же первосвященник обратился к ревнителям с предложением о мире, чтобы не осквернять святого места кровью. И отправил Анан Иоанна к ревнителям, а перед этим потребовал от него поклясться,

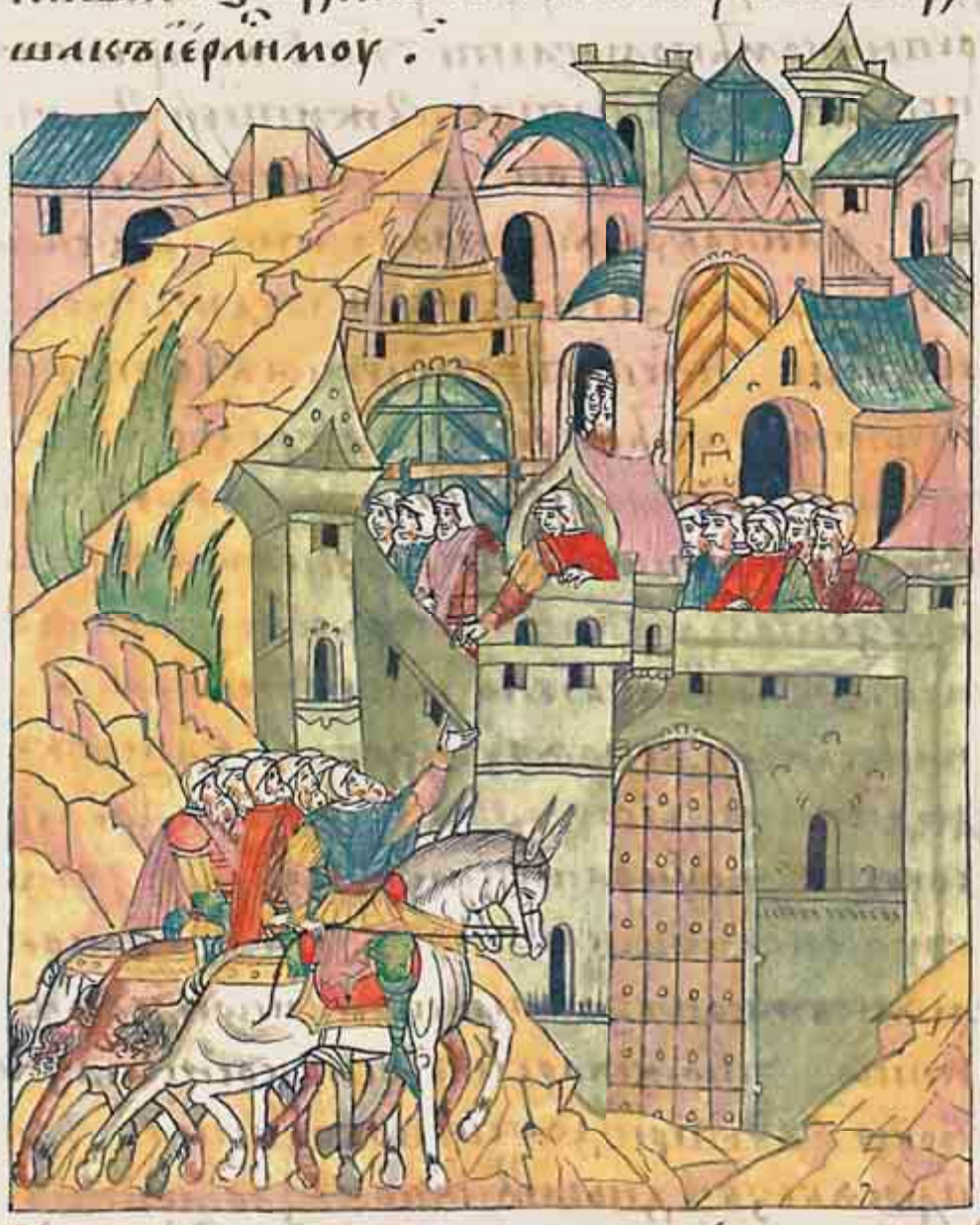


что он, Иоанн, будет преданным Анану и народу и не выдаст ревнителям ни их замыслов, ни дел, ни слов. Это был тот Иоанн, который из Гисхалы прибежал в Иерусалим, человек лживый весьма. Сильная жажда власти была в душе его, уже давно поджидал он удобного случая для ее получения. Так, поклявшись в преданности Анану и народу, Иоанн пришел к ревнителям, и встал он посреди них, и со стоном сказал: «Много раз замышляли против вас Анан со своими сторонниками, но я отговаривал их, и всячески заступался, чтобы не погубили они вас. Но теперь нет вам спасения, если не найдете себе помощников. Ибо Анан, посоветовавшись с народом, послал послов к Веспасиану, чтобы тот скоро пришел и занял весь город. Людям же Анан объявил об очищении, чтобы утром войти в церковь якобы для поклонения и принесения жертвы и напасть на вас внезапно. И меня послали договориться с вами о мире, чтобы коварно схватить вас безоружными. Следует же вам позаботиться о спасении своей жизни: или заключить мир с Анаком, или посылать за помощью. Но я вам скажу, что если вас согревает надежда на прощение, то нет у вас ума, ибо люди не забудут того, какие беззакония вы совершали против них». Этой ложью Иоанн запугал ревнителей, и о помощи извне неясно говорил он им, но на Идумею указывали слова его.

И к этому прибавил еще Иоанн, что Анан зубами скрипит, желая разорвать вожаков ревнителей. Это же все выслушав, Елеазар, сын Симона, и Захария, сын Фалека, оба священники родом, с другими ревнителями советовались, что надлежит делать, ибо тяжелое время настало для них, поскольку сами они затворены и за помощью извне не могут послать. Однако решили послать к идумеям.

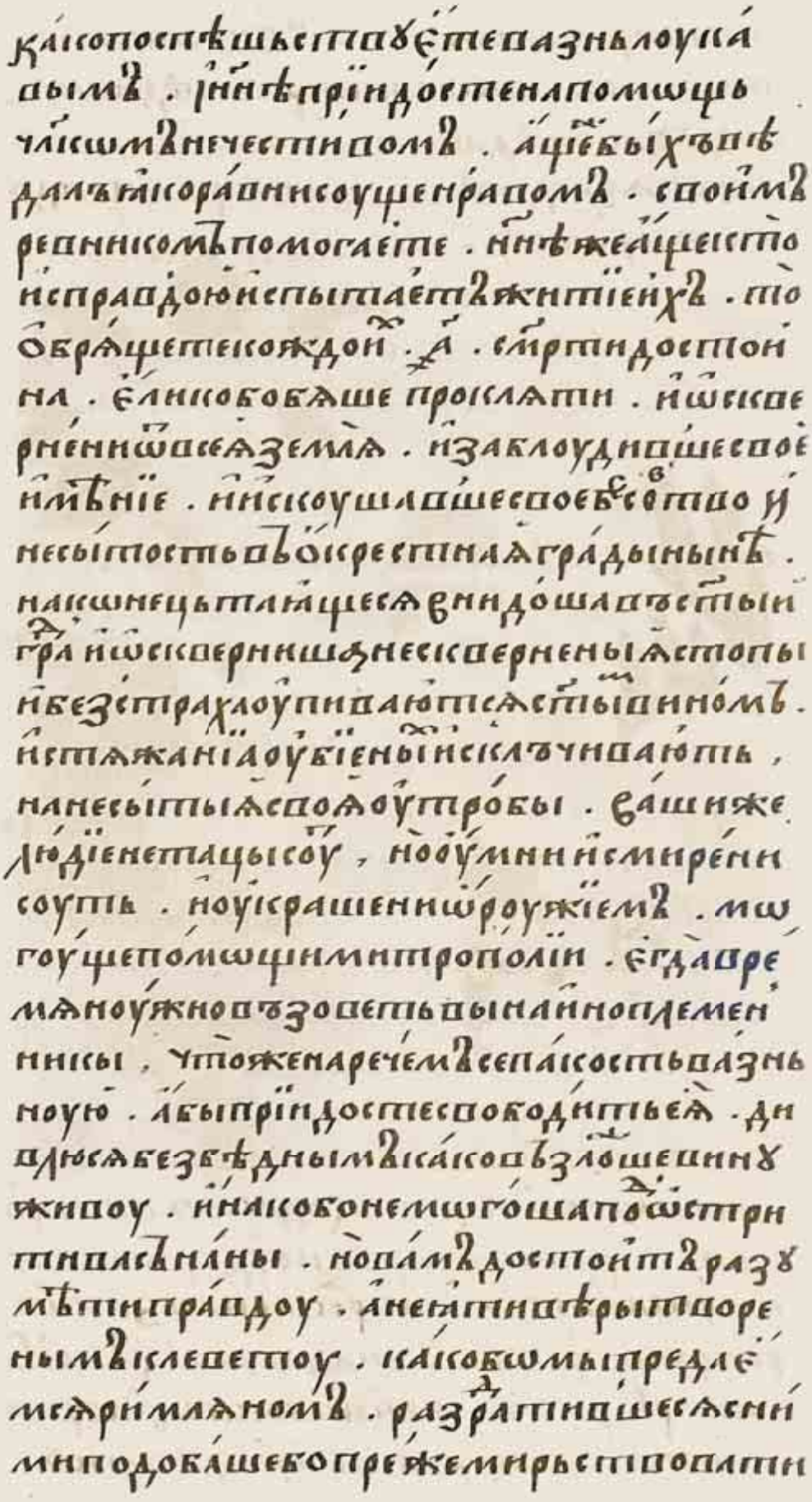
Написали письмо скоро, и послали к идумеям со словами: «Анан

обманывает людей
и отдает римлянам
столицу. Мы же отде-
лились от него ради
свободы и теперь
затворены, и сидим
внутри храма. И страж-
ники вокруг нас стоят.
Немного времени
осталась нам для спа-
сения. Если вы не по-
можете нам скоро,
то нас одолеют Данн
и враги наши, а город
будет сдан римлянам».
И отдали ревнители
это письмо двум чело-
векам, преданным,
сообразительным
и быстроногим. Знали
же ревнители, что иду-
меи народ буйный
и склонный к мятежам
и переворотам и, стоит
им сказать слово, сразу
возьмутся они за ору-
жие и придут.

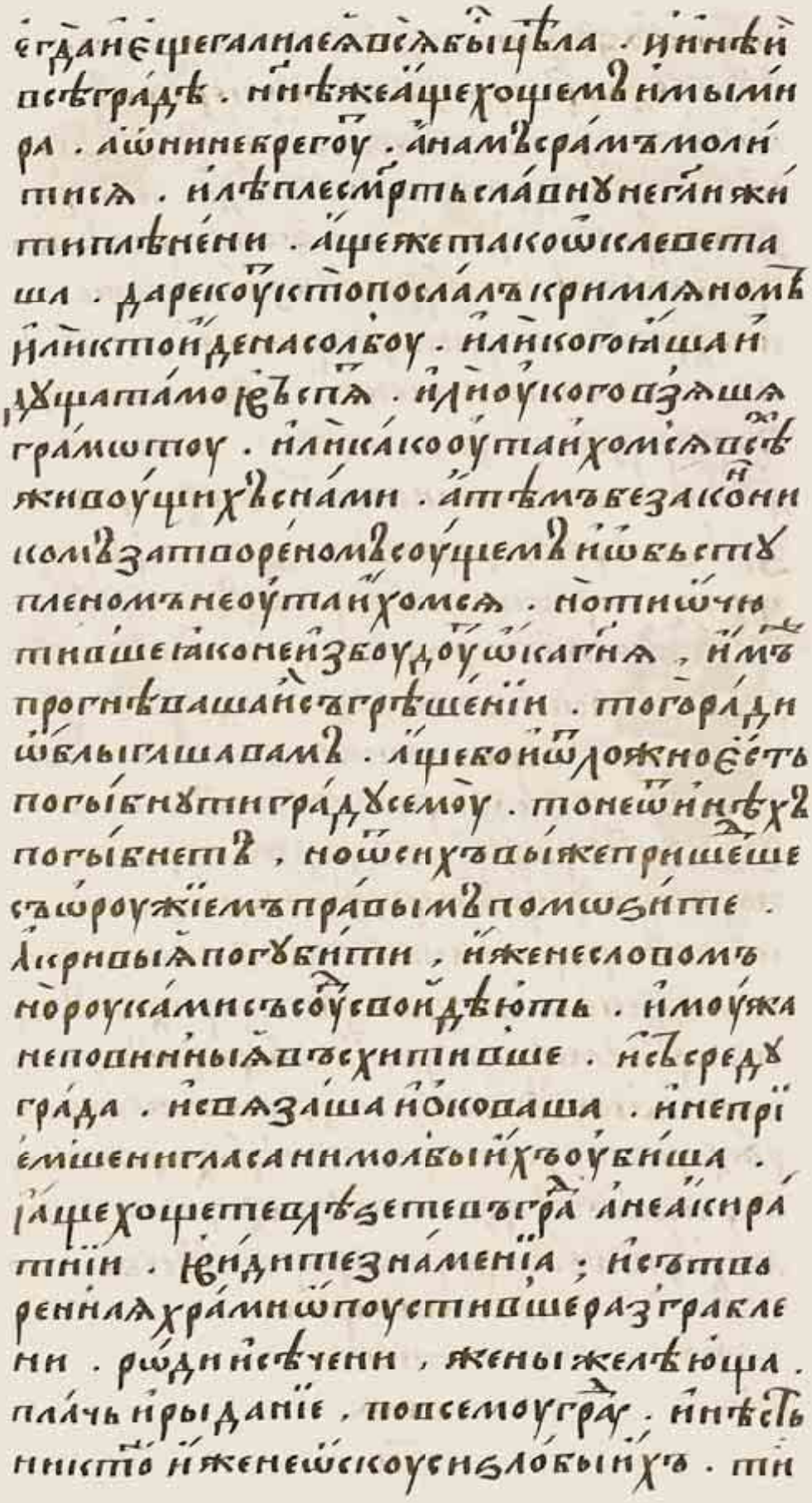


Когда принесли к идумеям послание от ревнителей, то пришли в смятение идумеи и послали людей повсюду с призывами на войну, и собрались, как один, 20 тысяч человек, и пошли на Иерусалим.

Анан же не заметил, как вышли послы от ревнителей, также и стражники. Приход же идумеев не скрылся от их глаз, и они успели закрыть ворота городские и на стенах поставил стражников. Исус же, первосвященник, который был вторым после Анана, встал на башне и сказал: «Удивляюсь,

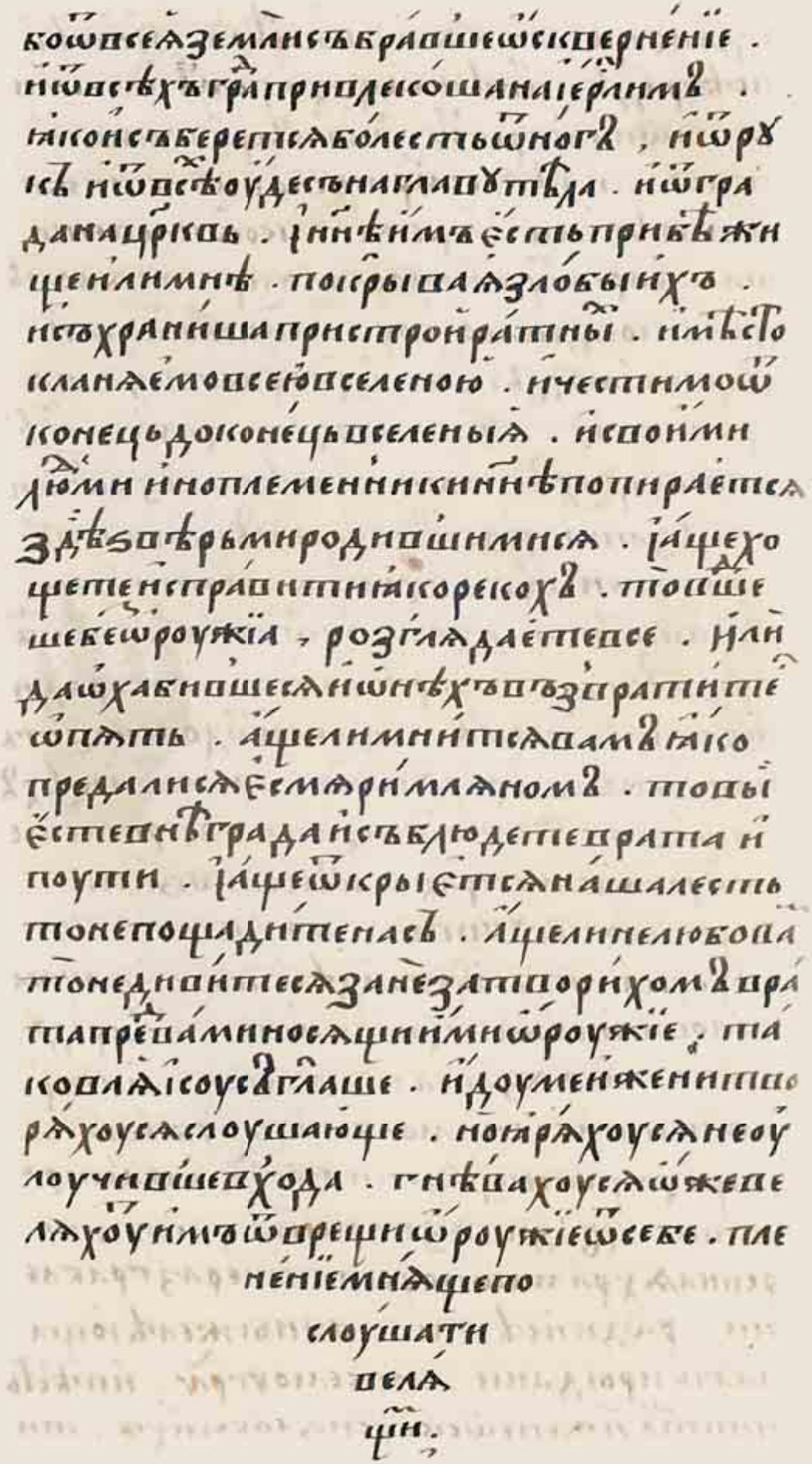


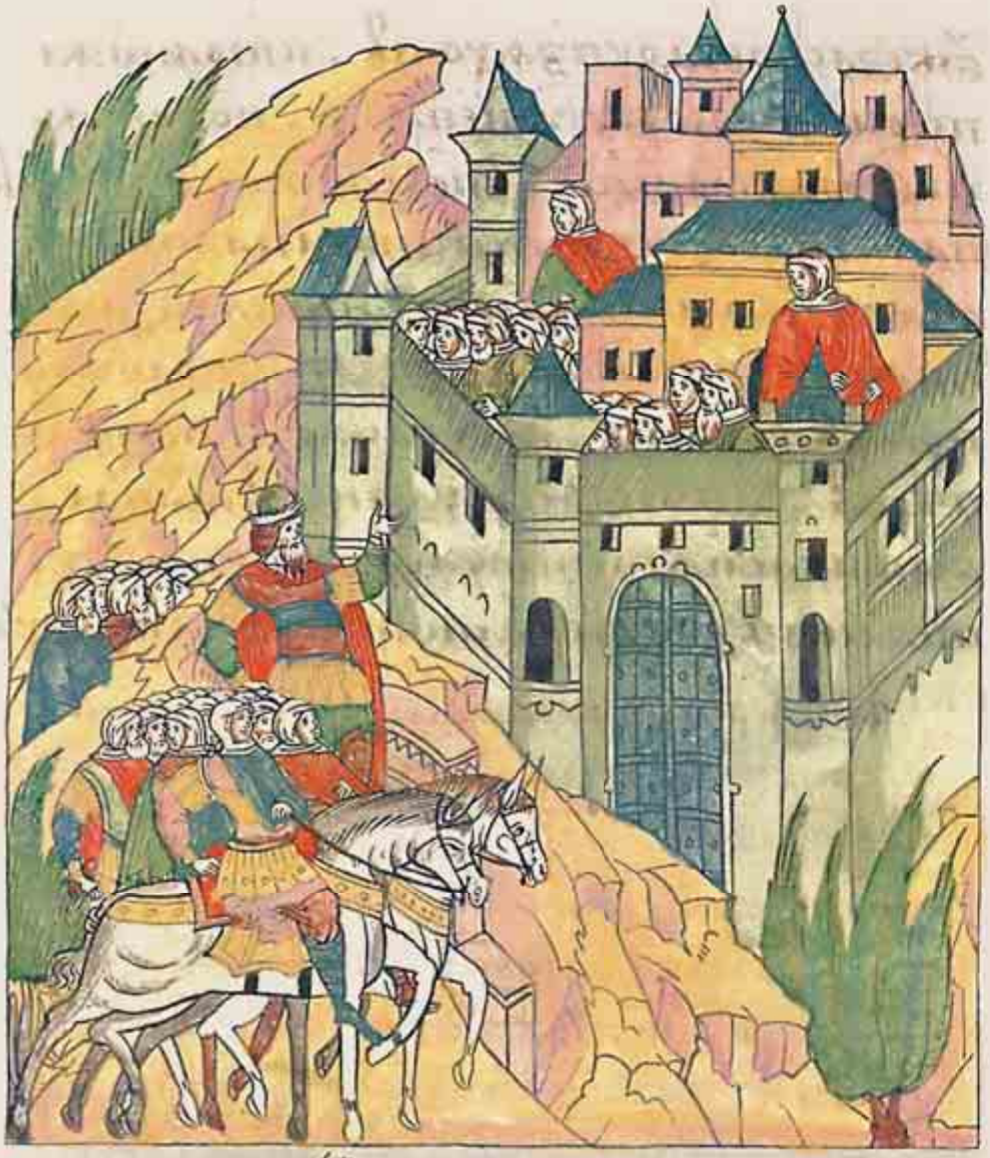
как помогает удача злым. Ведь вы пришли на помощь людям нечестивым. Не знал я, что вы того же образа мыслей, раз ревнителям помогаете. Если же кто честно изучит их жизнь, то обнаружит, что каждый из них тысячи смертей заслуживает. Ибо они прокляты всей землей, и осквернились во всем, растеряли свое имущество, и испытали свое беснование и жадность на окрестных городах. Теперь же, наконец, тайком проникли они в святой город и осквернили неосквернённые места, и без страха упиваются в святыне вином и богатства убитых растрачивают на несытые свои утробы. Вы же, идумеи, не такие, но умные и мирные, и так украшает вас ваше оружие. Можете вы помочь им столице, когда в нужное время потребуется ваша помощь против иноплеменников. Несчастным назовем это счастье, которое досталось разбойникам в том, что вы пришли освобождать их. Любопытно, какую такую причину вескую придумали разбойники, чтобы вас натравить на нас. Однако вам надлежит знать правду, а не верить выдуманным наговорам. Как мы сдаемся римлянам, если мы с ними воюем? Подобало бы прежде мир заключить.



Если бы еще Галилея вся была цела, и другие все города, то мир еще был бы возможен. Но даже если мы и захотим мира, то римлянам он не нужен. Да и позорно нам просить о мире. Лучше смерть славная, нежели жить в плену. Если же ревнители так на нас клевещут, то пусть скажут, кто послал к римлянам, или кто был послами, или кого застали за тем, как он ходил туда и обратно, или у кого перехватили послание. Пусть расскажут они, как это мы утаились от всех, кто живет с нами, а от этих беззаконников, которые затворены и окружены стражниками, не утаились. Но они почувствовали, что не спасутся от гнева Господнего. Ибо прогневали они Господа и согрешили, а потому и солгали вам. Если и погибнет город этот, то не от кого-то другого погибнет, а от этих самых ревнителей. Вы же подняли оружие за правду, так помогите неправедных погубить. Они не словом, но руками свой суд вершили, людей неповинных хватали из горожан, и связывали, и заковывали, и, не слушая ни оправданий их, ни мольбы, убивали. Если желаете, войдите в город, но не как враги, и посмотрите на сделанное ревнителями: дома опустошены и разграблены, люди порублены, женщины причитают, плач и рыдание по всему городу, и нет никого, кто бы не испытал на себе злобы ревнителей. Они

же со всей земли собрали скверну и со всех городов привлекли ее в Иерусалим, как бы собрали все болезни с ног, и рук, и со всех частей тела и обрушили на голову. А в Иерусалиме выбрали храм, и теперь он им прибежище, не более, которое скрывает злобу их и охраняет от неприятелей. Этому месту поклоняется вся вселенная, и почитается оно во всех концах ее, как в нашем народе, так и среди иноплеменников. Ныне же это место попирается зверями, которые здесь же и родились. Вы можете проверить то, что я вам сказал, войдите, только без оружия, и посмотрите сами на все. Вы можете также возвратиться к себе. Если же вы считаете, что мы отдались римлянам, то вы можете, находясь за городом, охранять ворота и пути, и если откроется наш обман, то не щадите нас. Если ни одна из этих возможностей вам не подходит, то не удивляйтесь, что закрытыми останутся ворота перед вами, поскольку вы вооружены». Такие слова говорил Исус первосвященник. Идумеи же делали вид, что не слышат, но сердились, что им не открывают, и гневались на то, что им велят сложить оружие, считая, что будут как пленники, если послушаются этого повеления.

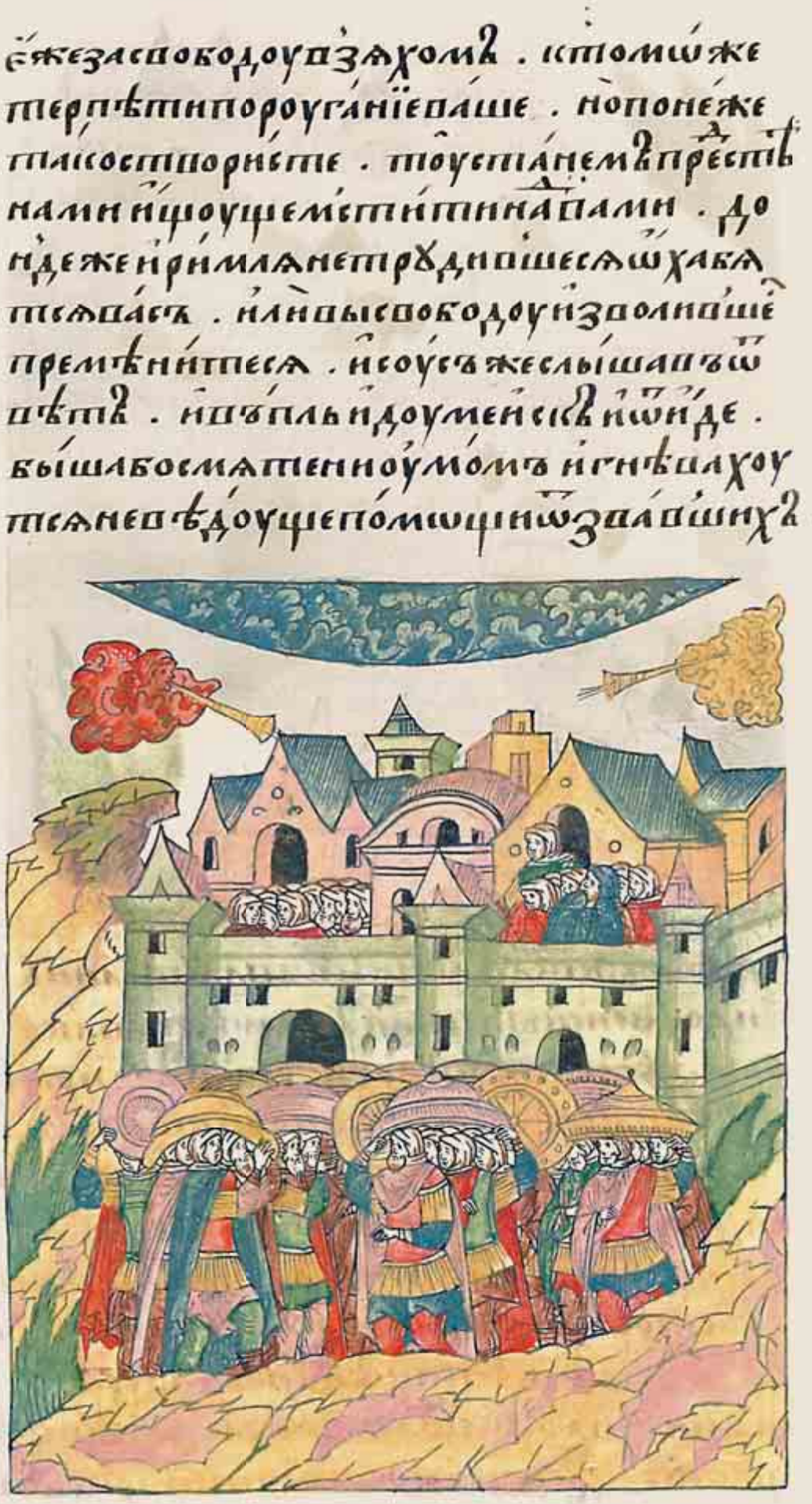




Симонъ же Кафлинъ сынъ властелинъ идоуменскыи стаа въ нам'ьстехъ како
кыль бѣлыи шатинархеремъ, и рече
ѣдиномоу. ежезаторишасѧ ѡба
побо'рницы свободы лишь бы стоуп
стеса. и женѣ своемоу сродникомъ своимъ
затвористеша вѣщи гра. и римляны
пристроилисѧ ѥсте прiати. а въцилю
цеѳоратомъ венцы на полоши ради о
цами. идоумеи же съ закралъ ѡшли
цасте. и велите положити свое оружiе

Симон же, сын Кафлы, вельможа идумейский, встал на таком месте, чтобы было слышно первосвященникам, и сказал: «Не удивляемся, что закрылись от вас сторонники свободы, а вы окружили их и теперь перед сродниками своими закрыли народную столицу. Когда римлян вы будете принимать, то будете кричать об этой радости на воротах, и венки развесите. С идумеями же со стен разговариваете и велите сложить оружие,

которое мы за свободу подняли. Кто может терпеть такую насмешку вашу? Но поскольку вы так поступили, то мы встанем здесь перед стенами и будем искать, как отомстить вам. И до тех пор будем стоять, пока римляне не уйдут, не дождавшись вас, или пока вы не изволите принять свободу и не переменитесь». Исус же, услышав ответ Симона и крик идумейский, ушел с башни. В умах же идумеев смятение было, и гневались они на то, что не видели они помощи от тех, кто их звал.

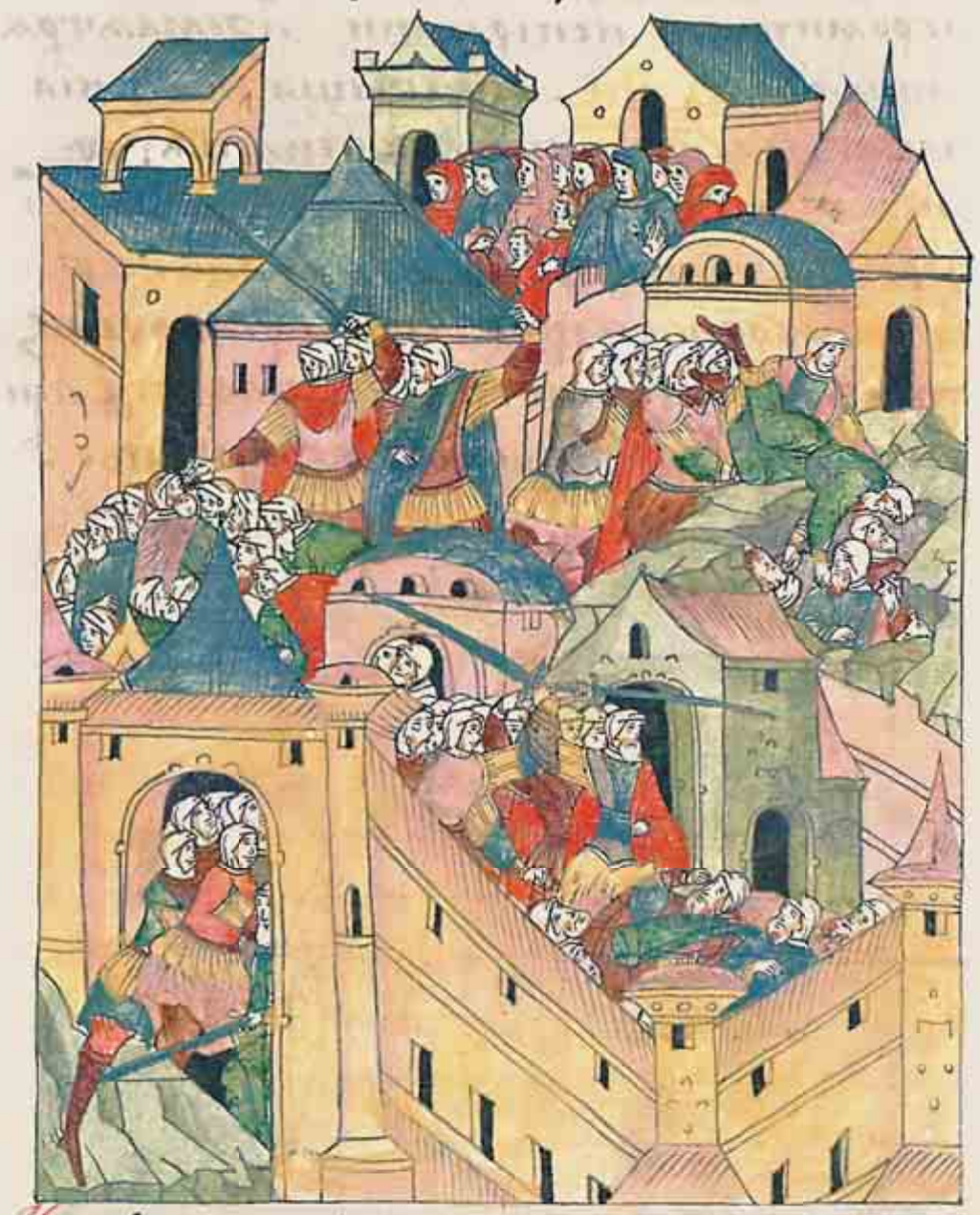


Стоящемъ жемъ вонкрестъстѣнь . при
ключисѧпощьбоураненъзреченнаѧ .
игромичасти нестрашни . иземлятрѧ
сѧшесѧредоуши . ижебышазнаменїа
напагоубоушїомъйдоумейминѧхоу
наисобѣгнѣвлетсѧнанихъ . занеюзащ
ѡроужїенамитрополїю . ѧнанъжерѣ
наисобѣшборѣисѧзаны . нѣнеоуганоуша
ижехоташебытиидоуменбостѣсни
ѡшестоѧхоу . ипокрышасѧщиты :

Ревнители же взяли пилы
и распилили
священные двери,
стражники же из-за

Когда же идумеи стояли у стен Иерусалима, случилась ночью буря несказанная, и гром частый и страшный, и земля тряслась и ревела. Это было предвестие беды. Идумеи думали, что Бог гневается на них, поскольку подняли оружие на столицу. Анан же сказал: «Бог говорит за нас». Но не угадали они то, что произойдет. Идумеи же прижались плотно друг к другу и так стояли, и накрылись щитами.

бури и грома не слышали. Ревнители же тайком пошли из храма к стенам

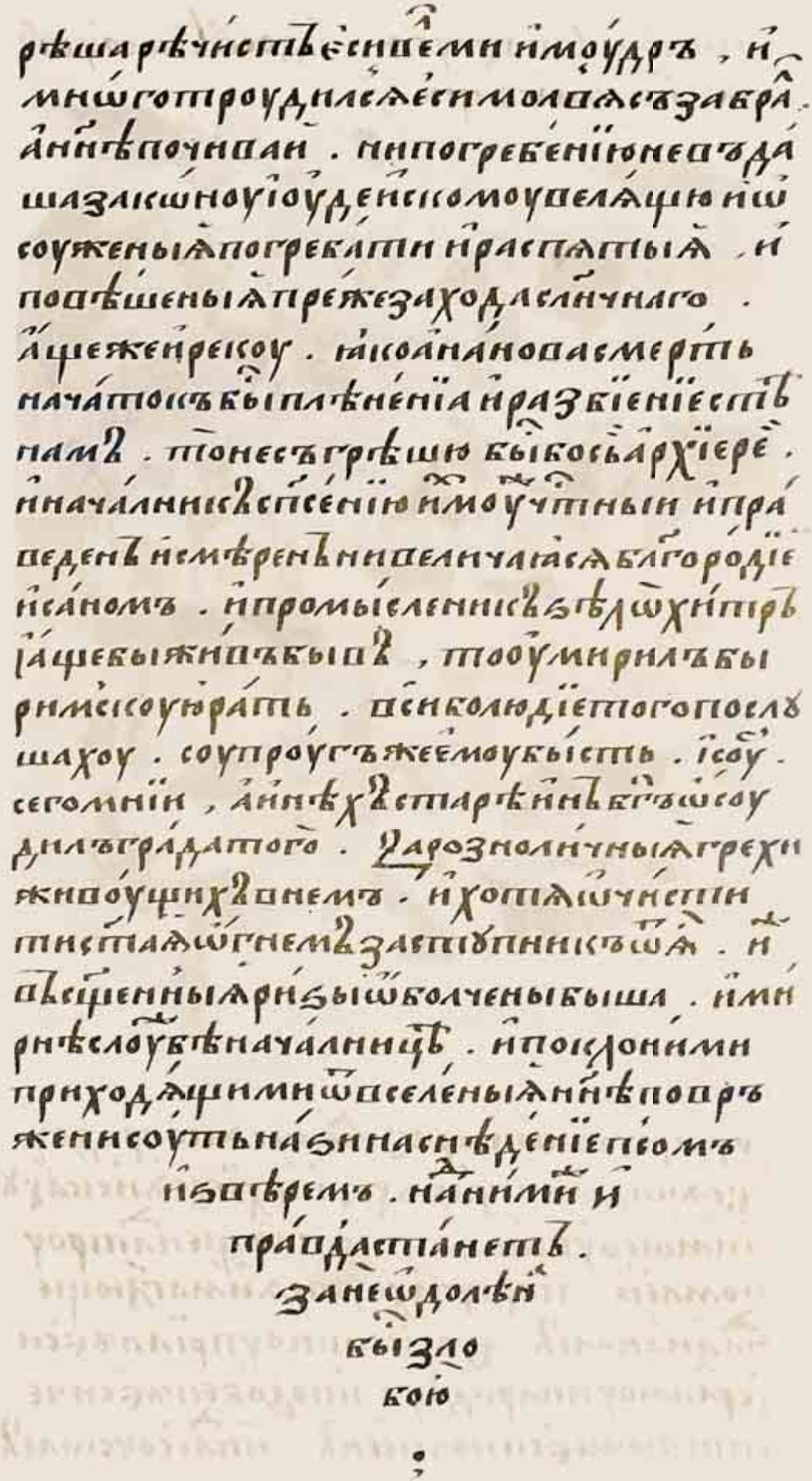


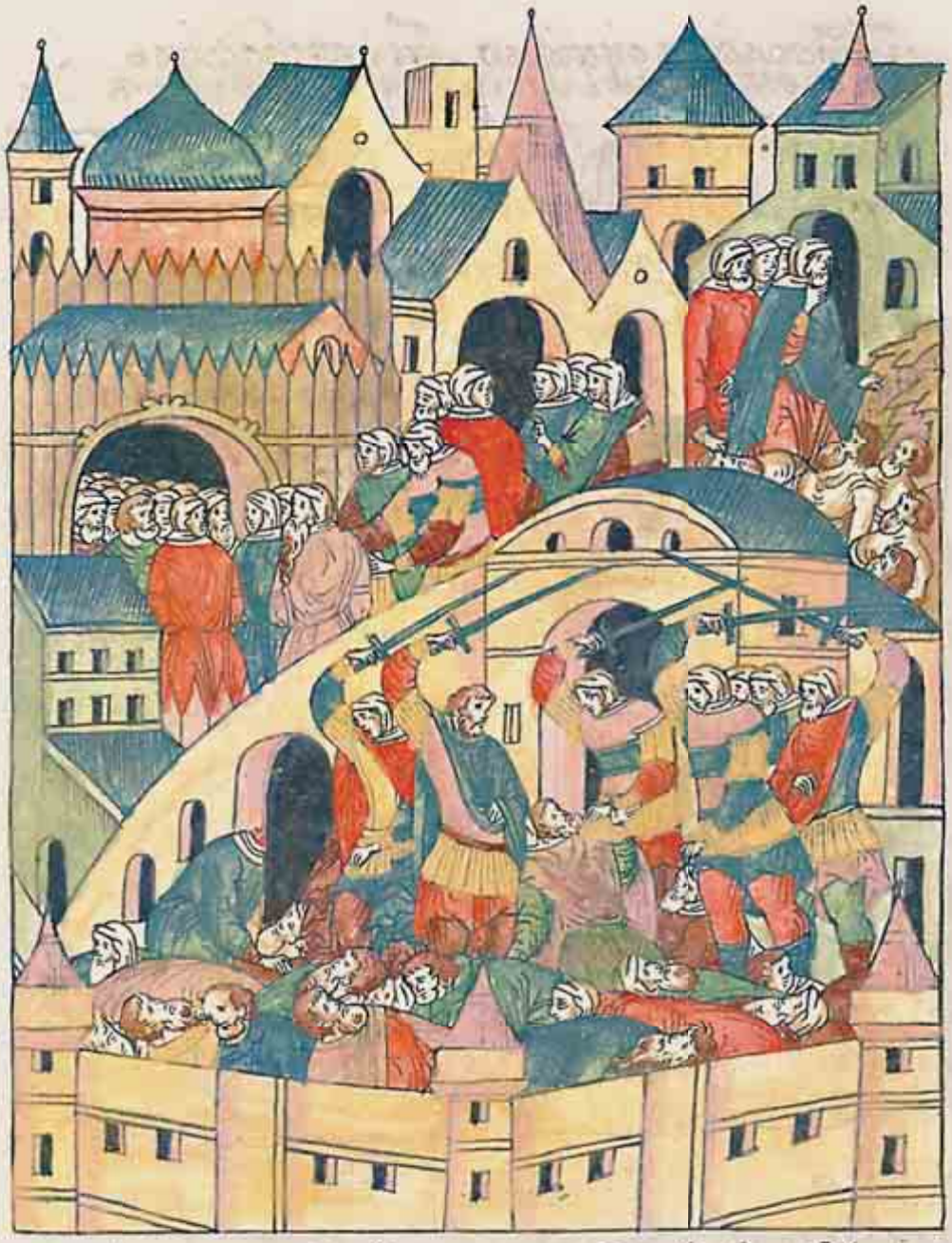
И этими же пилами распилили ворота. И вошли идумеи, и соединились с ревнителями, и стражников убили, и на людей пошли, и стали их рубить. И был крик женщин и детей, и не было места, куда бежать. И все теснились и давили друг друга, и рубили их ревнители и идумеи, и сами в пропасти они

бросались. И до рассвета было убито 18 тысяч.

А когда утро наступило, разошлись ревнители и идумеи по городу, и все дома грабили. И первосвященников искали, и, схватив, убили их, и стояли над трупами их, и смеялись над ними. И говорили над Ананом: «Воистину приятен ты Иерусалиму и народу и достоин чести, которой тебя почтили». И над Исусом

говорили: «Речистый ты весьма и умный, и много потрудился, вещая со стены, а теперь отдыхай». И погребать не дали их, хотя закон иудейский велит и осужденных погребать, и распятых, и повешенных, до захода солнца. Если же я скажу, что смерть Ананда — это начало завоевания Иерусалима и разрушения его стен, то не солгу. Был же этот первосвященник начальник спасения их, человек почтенный, и праведный, и смиренный, и славился добрым родом, и саном, и заступник весьма искусный, и если бы жив он был, то склонил бы римлян к миру. Все же люди его слушали. И рядом с Ананом был Исус, не такой, как Анан, но среди остальных лучший. Но Бог осудил Иерусалим за различные грехи жителей его, и захотел очистить святое это место огнем, и заступников отнял у города, которые в священные одежды одеты были и мирной службы были начальниками. Поклониться этим людям приходили со всей вселенной, теперь же они были повержены, и голы, и брошены на съедение псам и зверям. Над ними же и правда стенала, поскольку одолена была злобой.

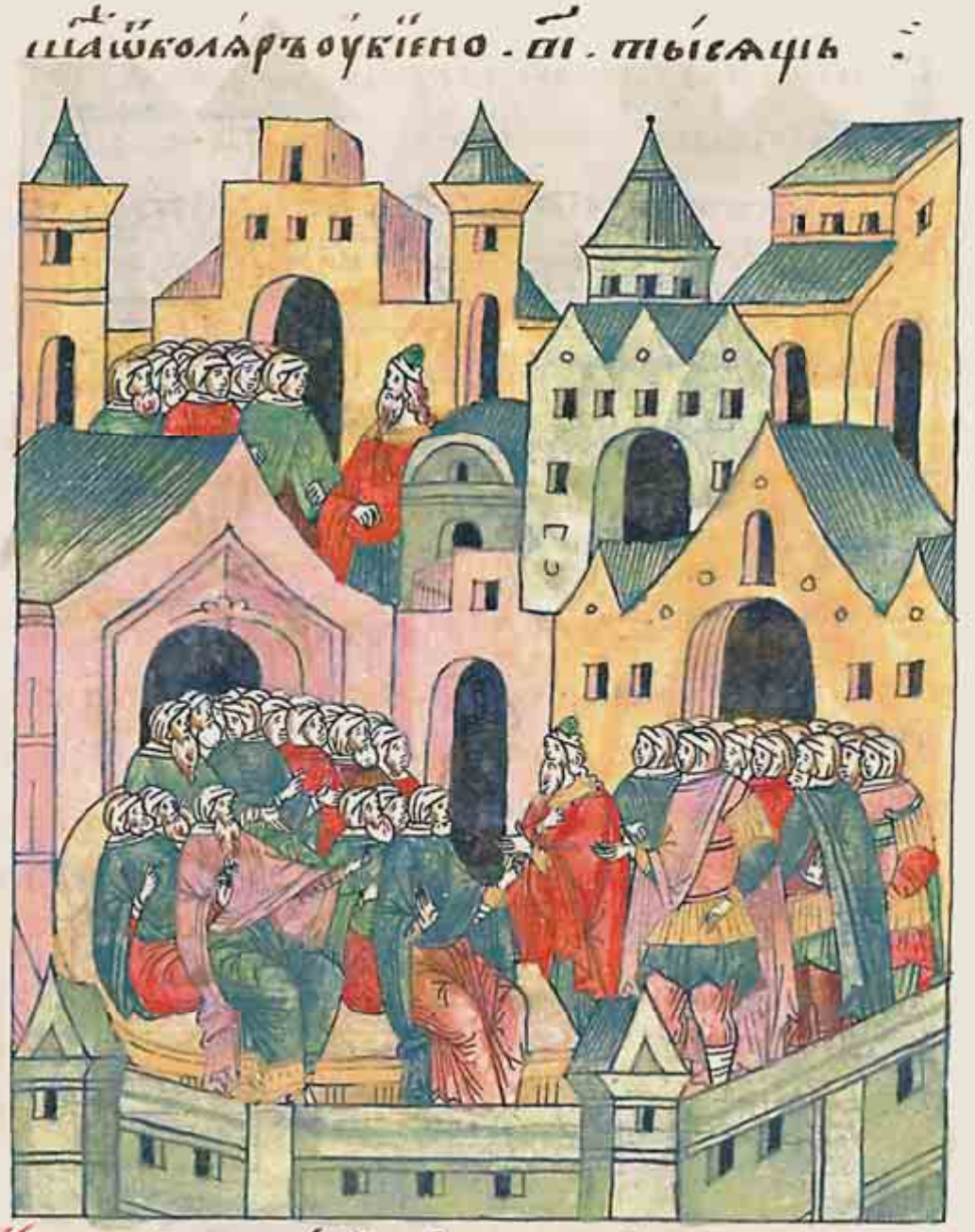




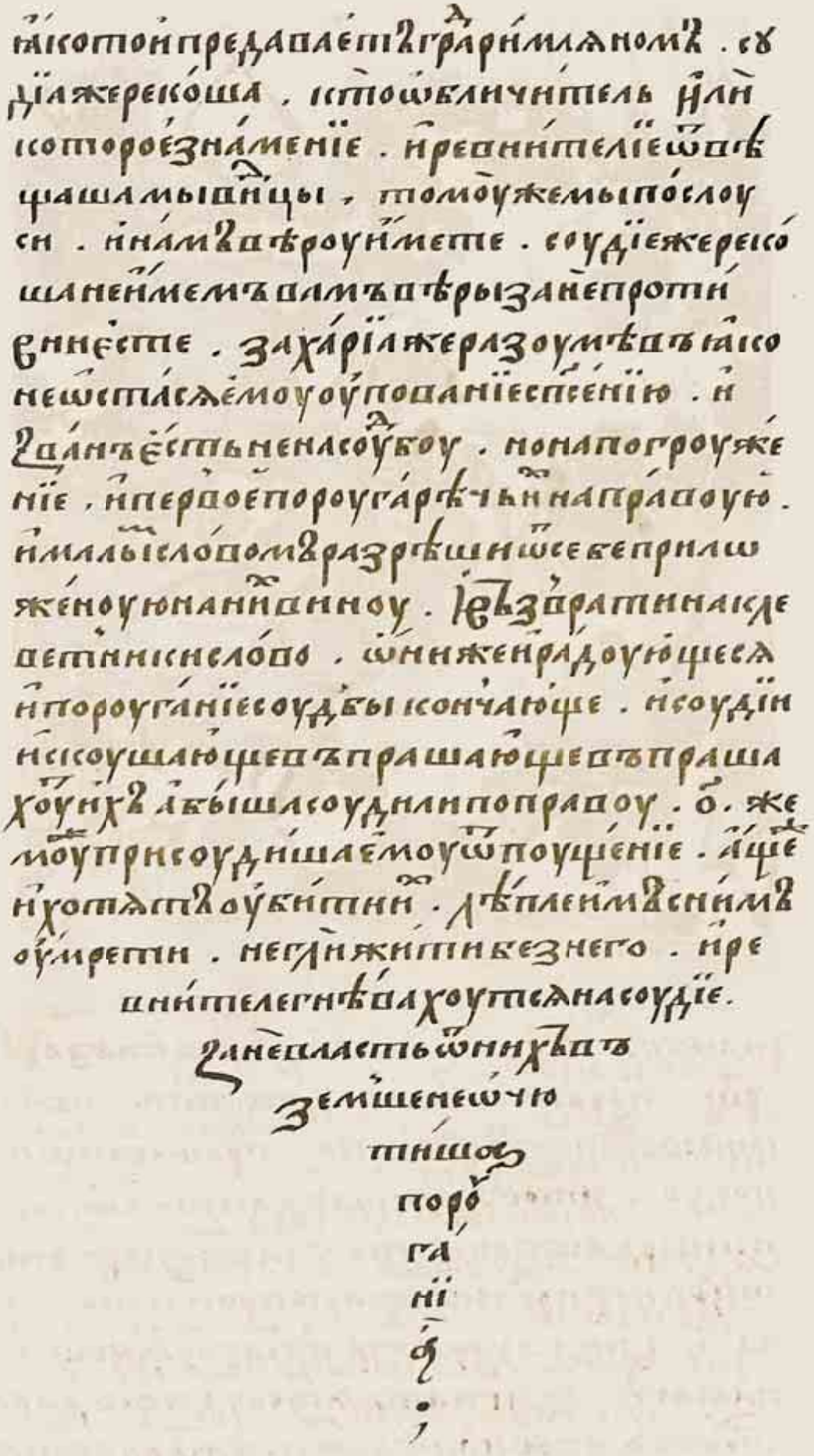
Потомъ же сѣчахоу людей прѣзъ . ѓаки
стадо непотребна гоѕскота . добрѣи
дныѣ же сажзыпающе вѣтемницю вмета
хоу . шпащеѣщеѣ стоприложѣтсѣ існи
ѓ ниѕтоже несмѣ приступити ѕнимъ
ни сродникъ насъ ни сродникъ ни проѕле
жатіи . ниснъ нашъ цемъ ни погрести .
нощію же ємлюще перетъ горѣтьми
сыпахоу ѕсѣ кождо наш ъ мртвецъ . бы

Потом же идумеи и ревнители стали рубить остальных людей, как стадо непотребной скотины. Из хороших же родов людей связывали и в темницу бросали, ожидая, что кто-нибудь из них присоединится к ревнителям. И никто не смел приступить к заключенным, ни родственник пройти к своему родственнику, ни сын к отцу, ни похоронить нельзя было. Ночью же брали землю горстями и посыпали каждый на своего мертвеца. Было же

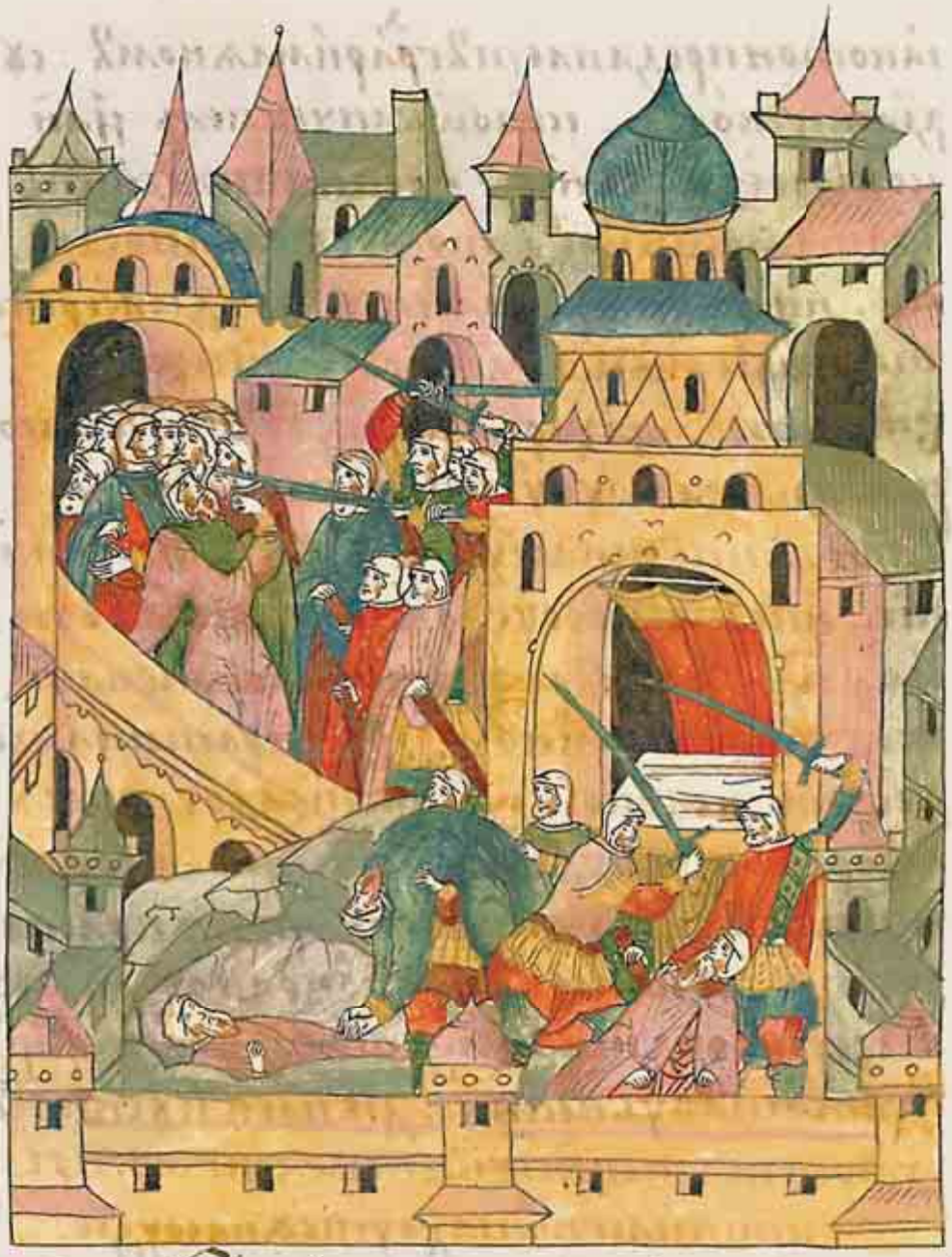
из вельмож убито
12 тысяч.



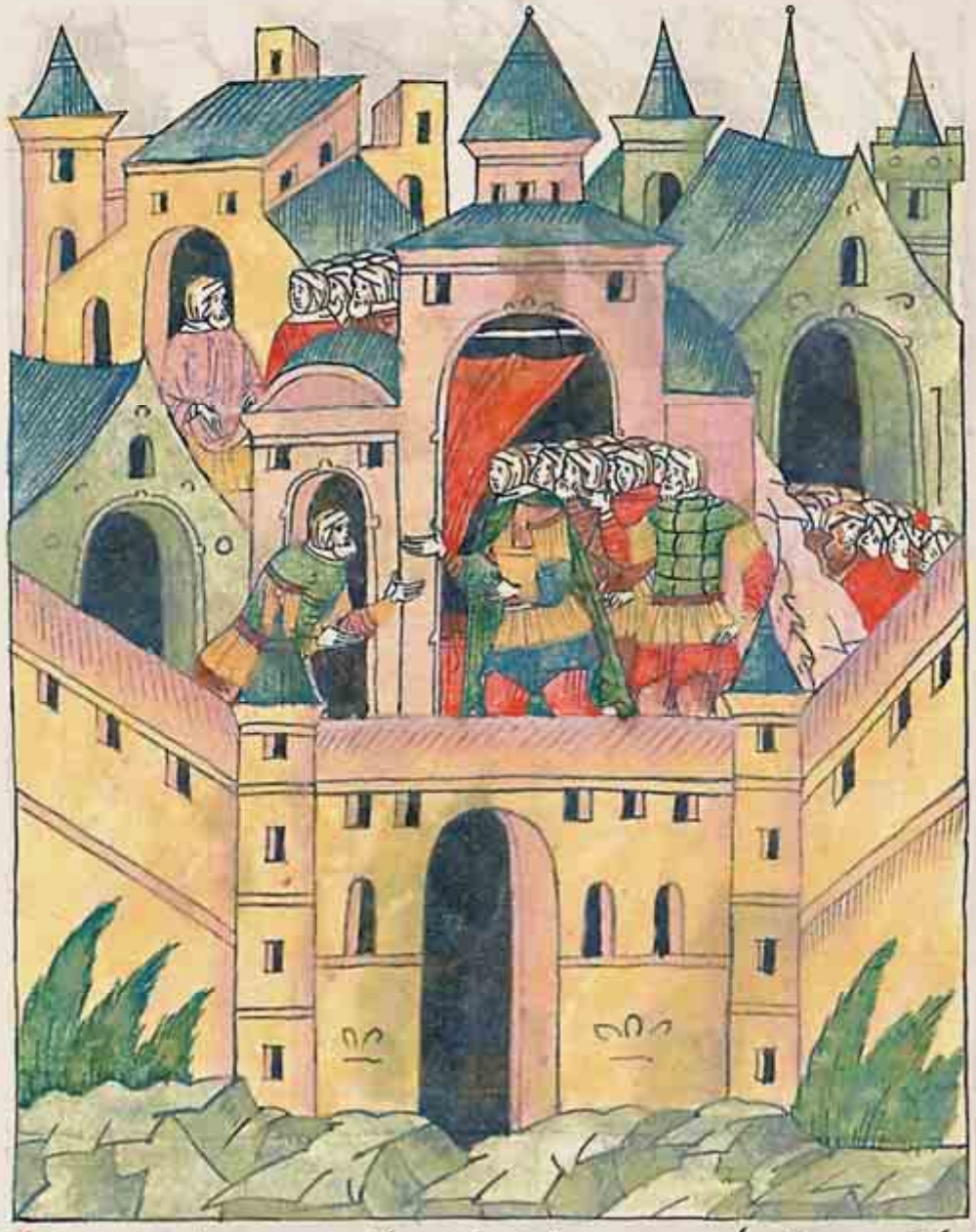
Тогда Захария, сын Баруха, человек весьма славный и очень богатый, не мог терпеть убийств этих и дерзнул обличить злодеев и говорить против них, если будет в.зможность. И злодеи хотели его убить и поставили на суд. И собрали 70 человек из старцев и дали им власть осудить того, кто ругался на них. И сами злодеи встали перед судьями и с Захарием вступили в прения, и говорили,



что он предает город римлянам. Судьи же сказали: «Кто свидетель, или какие есть доказательства?» Ревнители же отвечали: «Мы очевидцы, мы свидетели, нам верьте». Судьи же сказали: «Не можем вам верить, поскольку вы противная сторона». Захария же понял, что не осталось у него надежды на спасение, и позвали его не на суд, а на погибель, и сначала он посмеялся над неправой речью обвинителей и в немногих словах отвел от себя возводимую на него вину, а затем обратил на клеветников слово. Они же веселились и хотели уже закончить эту насмешку над судом и, после того, как судьи задали свои вопросы, повелели им судить по правде. То же судий признали Захарию невиновным. Решили они, что если и их хотят убить, то лучше им с ним умереть, нежели жить без него. Ревнители же гневались на судий, что те власть от них приняли и не поняли, что это насмешка.

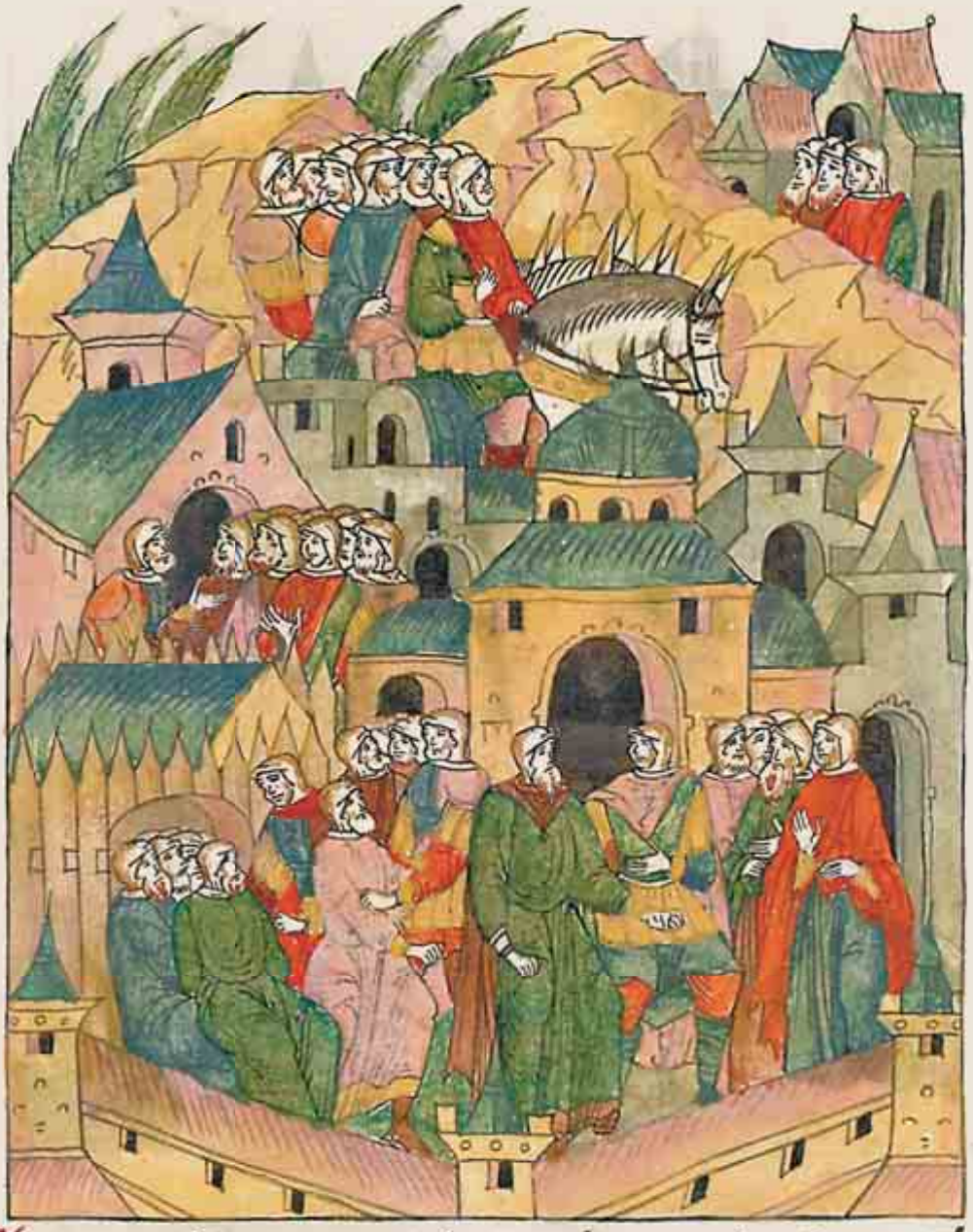


Два же нечестивца напали на Захарию и убили его посреди храма, и, смеясь над ним, сказали: «Прав ты во всем, и вот тебе оправдание твое от нас, и надежное прощение». И бросили его в ближайшую от храма пропасть. А на 70 судий вынули мечи и били их по шеям плоской стороной меча, и выгнали их из судилища, чтобы они разошлись и рассказали всем о наступившем рабстве.



Нъ оумей же не обрѣтъ ше преданіа, ꙗко
клеветѧщаимъ. нъ сам хоуѧ шт рище
стоꙗ. нъ вѣстовощрѣнитель. мал
страꙗкꙗ имѣꙗ. съ вопросоупи тоих
показаимъ. ꙗже безако ньствоꙋдаш
съ возвавшимиа. и прип дающимъ
молѧшесѧ да бы шапрестал ш кро по
проли тиа. и не подавлю тьсилы раз
шивающихъ чьство.

Надумей же, не обнаружив в городе предательства, как им рассказывали клеветники, раскаивались, что они пришли. Один же из ревнителей, у которого было немного страха Божьего, собрал их и рассказал им, что они совершили беззаконие вместе с теми, кто призвал их, и покорно просил их и умолял, чтобы они прекратили кровопролитие и не поддерживали тех, кто разрушает отечество.



Идумеи послушались и первым делом выпустили заключенных из темниц 2000, которых ревнители не успели убить. Затем же идумеи ушли в свои земли.

Ѝ ревнители послашѝ ѝдежекоудаше
добраго рѝда . ѝли храбръ тоѐмлюч
сѧ зыпахоудакынеш̑сталъ ниѕтоже
ш̑нарочитыхъ . оубиша женесоурнш̑,
ѝ нигера ѝжемнш̑гаждыцъпїа ра
тныѧ ѧзыпоказаѧ имъ . ѥкоспѣгра
плаченъкыѥстьш̑нѭжеш̑чаѧпсѧжнодо
ш̑погребенїимолѧсѧш̑нѭжеоубиша
ѝпогонѣдаша . оубиплемѧженигеръ

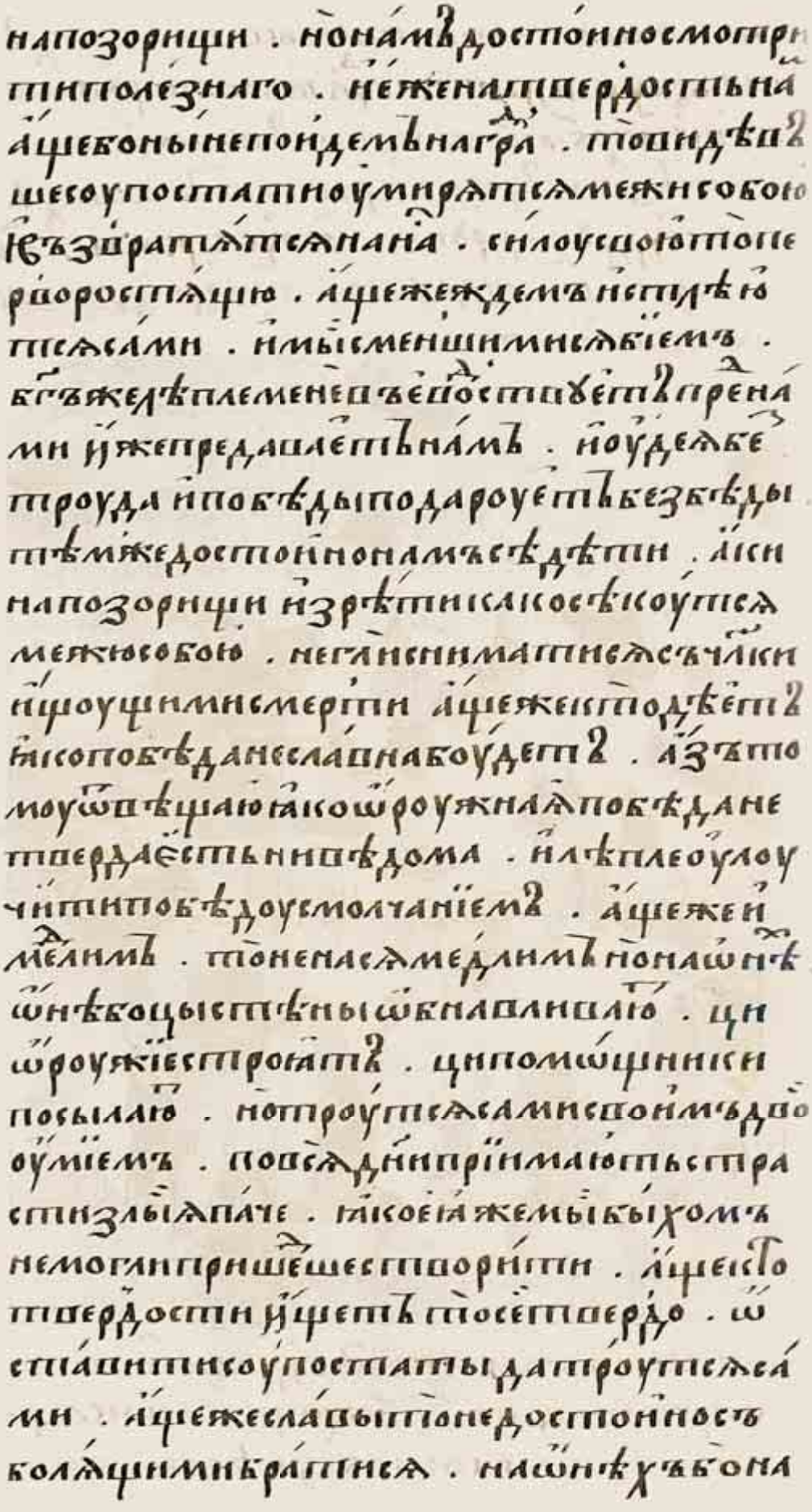
Ревнители тогда разошлись по городу и, если кто был знатным или храбрым, то хватали таких и связывали, чтобы не осталось никого из лучших людей. Убили и Гориона, человека знатного, и Нигера, человека храброго, который много воскликал и раны, полученные в боях за отечество, показывал им, они же через город проволокли его. Тогда Нигер отчаялся, что будет жить и о погребении молил, но ревнители перед тем, как убить его, и того ему не обещали. Умирая же, Нигер

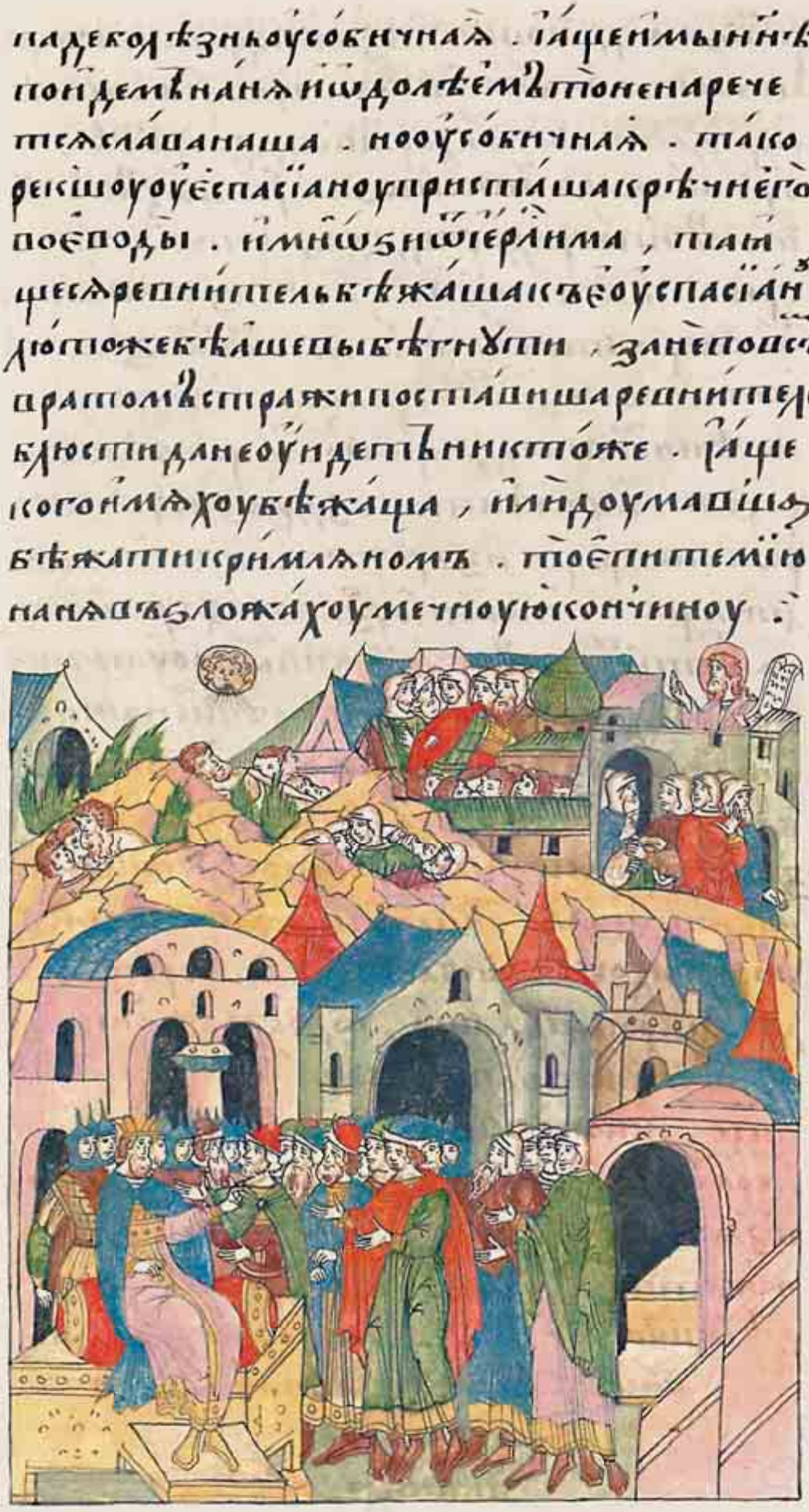
проклял их, призвав на них голод, и мор, и раздоры, и страх, и войну, поскольку побили они своих заступников и за добродетели зло воздали. И все эти проклятия были исполнены Богом. Не из-за Нигера одного, но и из-за других праведных, при Ироде убитых, и при Архелае, и при Антипе, и при Пилате, и при Агриппе, и доселе. Вся кровь та собралась воедино и потопила город. Никто же не ушел от рук ревнителей, кроме самых захудалых и нищих.

Римляне же узнали о том, что было в Иерусалиме, и советовали все идти в город за добычей, и говорили: «Бог помощник нам, который поднял руки противников наших, чтобы порубили они друг друга. Но нападать надо быстрее на них, а то они скоро придут к единомыслию против нас».

Веспасиан же сказал им: «Удалились вы от прежнего разумения, если хотите показать мужество свое без потерь,

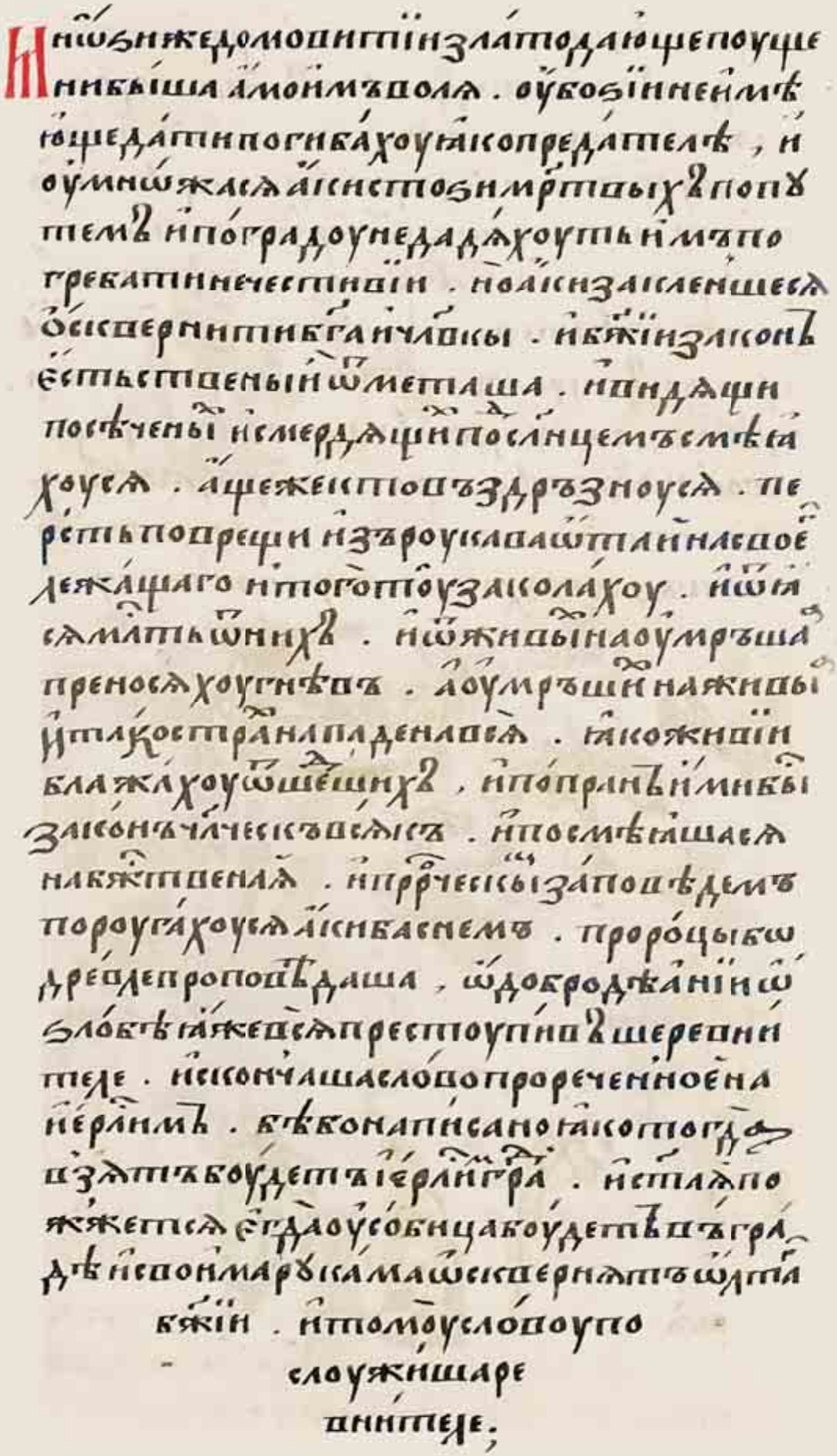
как напоказ. Нам же надо смотреть на то, что полезно и на то, что укрепит нас. Если теперь пойдем на город, то, видя это, враги заключат мир между собой и обратят против нас все свои силы. Если же подождем, то силы эти иссякнут сами собой. И мы с меньшим войском будем биться. Бог лучший, чем я, военачальник, отдает он нам иудеев без борьбы и победу дарует нам без потерь с нашей стороны. Потому надлежит нам сидеть как на представлении и смотреть на рубящихся между собой, нежели сходиться с людьми, ищущими смерти. Если же кто думает, что наша победа не будет славной, то я тому отвечу, что победа оружием ненадежна и непредсказуема, лучше получить победу без шума. Если же и медлим, то не себе во вред, а врагам. Разве неприятель стены укрепляет, или оружие готовит, или за помощниками посылает? Нет. Но истребляет сам себя в своих разногласиях. Каждый день враги получают урон больший, чем тот, который бы мы могли им причинить, придя к городу. Если кто хочет надежности, то это надежно — предоставить врагам истреблять себя самим. Если же кто славы хочет, то мало славы — с больным бороться. Ведь иудеи сейчас





переживают болезнь внутренних раздоров. И если мы теперь пойдем на них и победим, не будет славы нашему оружию, но все объяснят этими раздорами». Так сказал Веспасиан, и согласились с ним военачальники. И многие из Иерусалима тайком от ревнителей бежали к Веспасиану. Тяжело же было убежать, поскольку на всех воротах стражников поставили ревнители следить, чтобы не ушел никто. Если кто-то пытался убежать или замышлял побег к римлянам и был схвачен, то наказание на такого возлагали — смерть от меча.

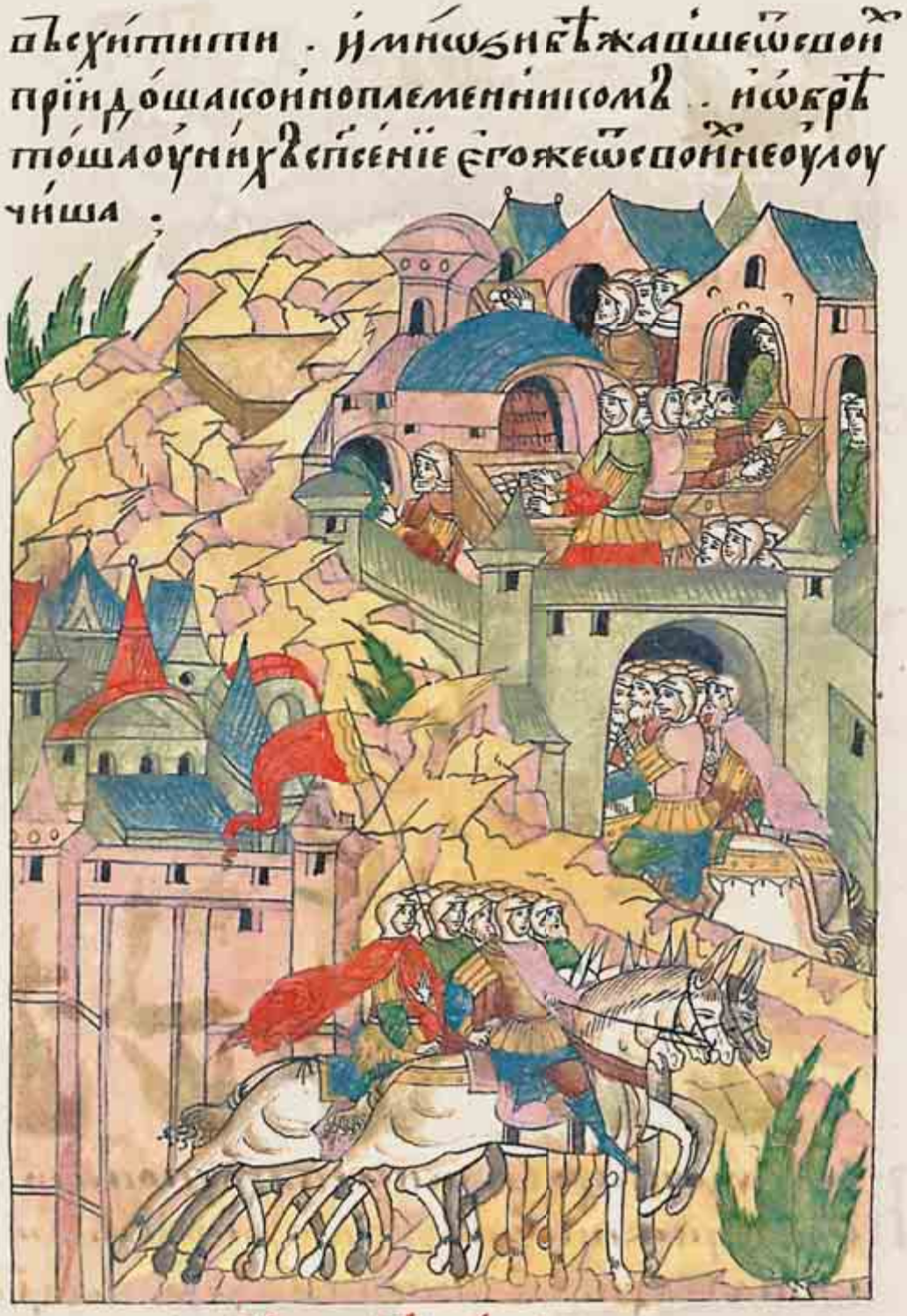
Многие же зажиточные горожане золото давали, и их пускали, куда им хочется. Бедные же, поскольку не было у них, что дать, гибли как предатели. И росли как стога кучи мертвых по дорогам и в городе, ибо не давали их погребать нечестивые, но как будто поклялись осквернить все Божественное и человеческое. И Божий закон, и природный отметали они, и, видя порубленных и смердевших на солнце, смеялись. Если же кто осмеливался землей посыпать из рукава тайком своего лежащего, того смельчака тут же закалывали. Не было милости у них и с живых на мертвых переносили гнев, а с мертвых на живых. И такой страх напал на всех, что живые завидовали умершим. И попрали ревнители все законы человеческие, и надругались над законами Божественными, и над пророческими наставлениями смеялись, считая их баснями. Ибо пророки в древности призывали к добродетели и удерживали от злобы. Все это преступили ревнители и исполнили пророчество об Иерусалиме. Ибо было написано, что тогда будет завоеван Иерусалим город и святилище будет сожжено, когда раздор будет в городе, и своими руками люди осквернят алтарь Божий. И это слово исполнили ревнители.



Иоанн же, разбойник, который бежал от Тита из галилейского города Гисхалы, став очень влиятельным человеком в Иерусалиме, к большей славе устремился. Он принимал людей из злодейской среды и окружал себя все более высоким почитанием. И не слушался Иоанн повелений других людей, и никому же не давал мнение свое высказать, но на своем решении всегда настаивал. Так что ясно было, что он желает властвовать единолично. И покорялись ему люди, одни — потому что боялись его, другие — потому что были расположены к нему. Искусен же он был в обмане различном. Многие же разбойники

сопротивлялись ему из зависти и не хотели покориться, так как раньше они были равными ему и считали, что лучше биться с ним и пострадать, чем повиноваться и покоряться ему.

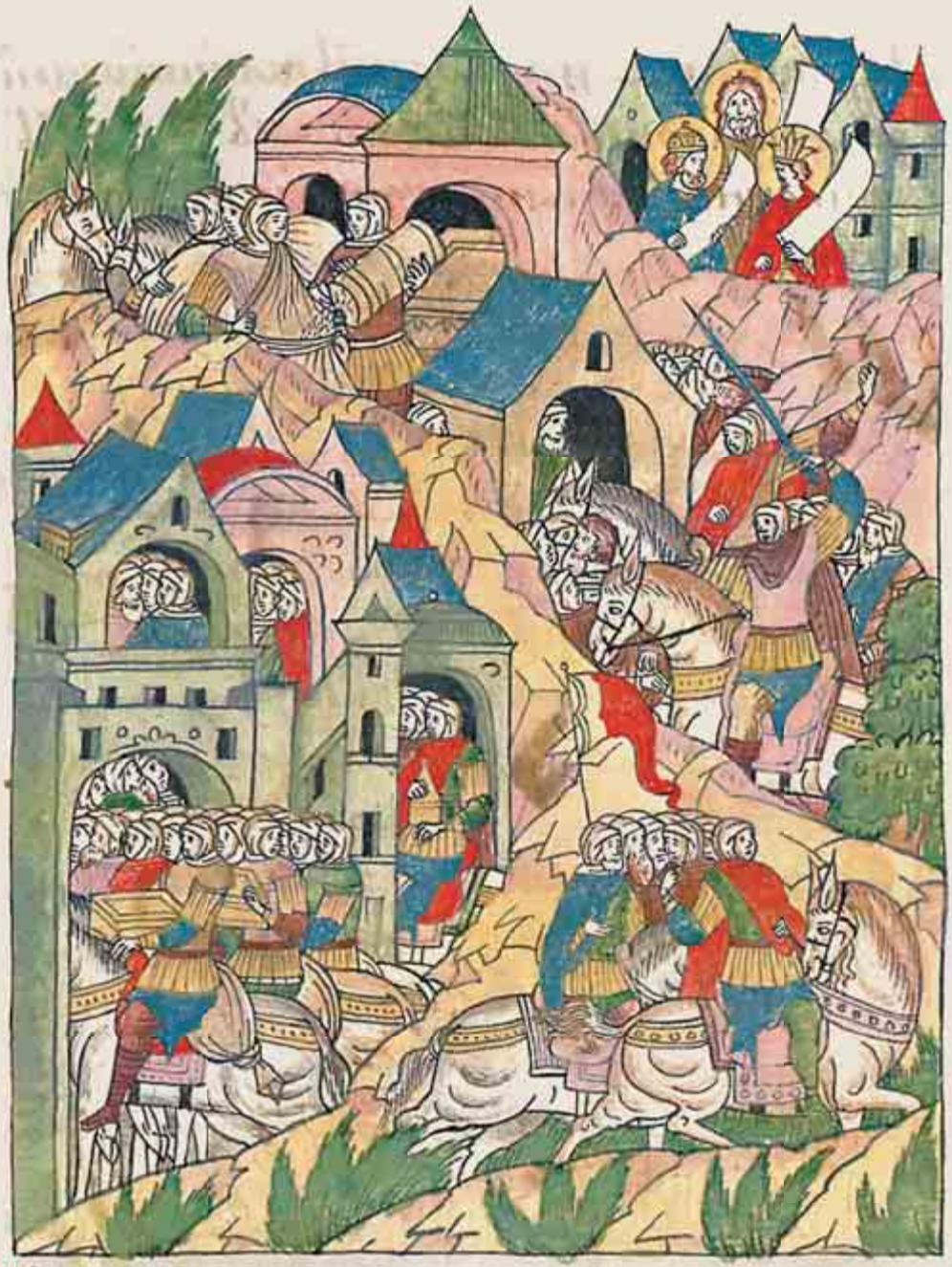
Разделились мятежники надвое, и враждовали между собой. И набросились на мирных людей, и старались опередить друг друга, чтобы побольше добычи



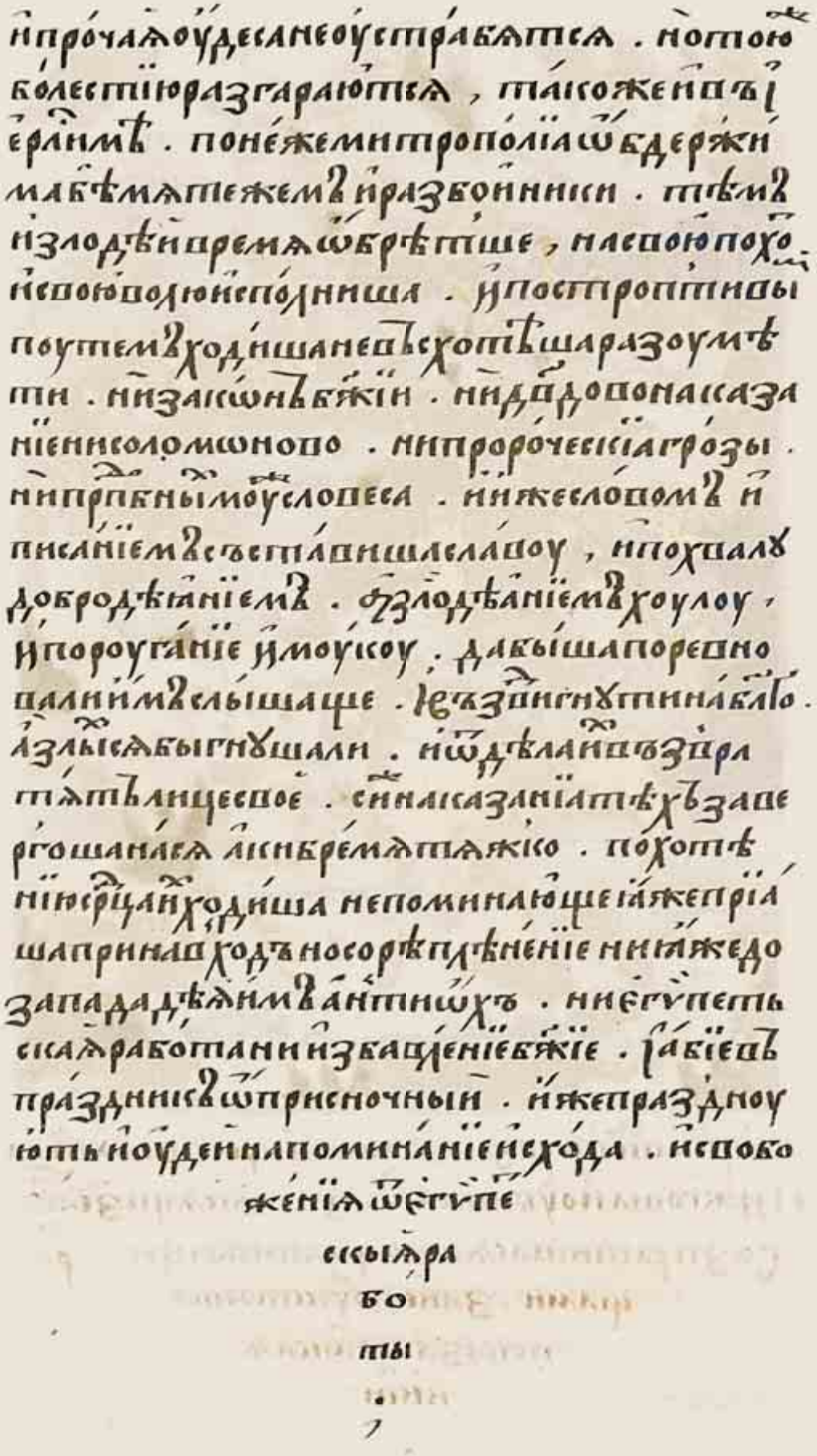
получить у них грабежом. И многие горожане бежали от своих сродников и переходили к иноплеменникам и обретали у них спасение, которого не могли получить у своих.

О крепости Масада

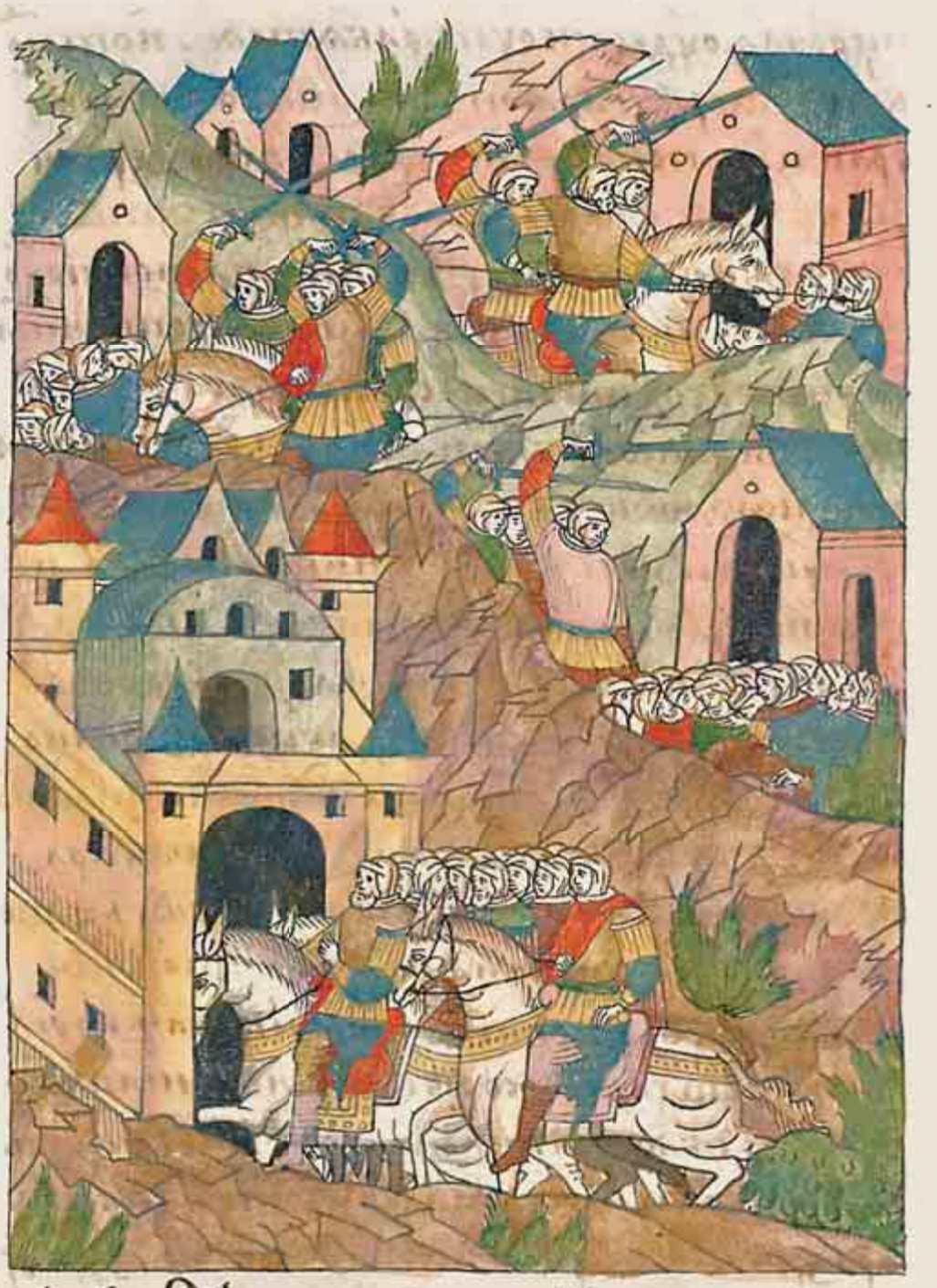
Крепость была сильная недалеко от Иерусалима, построенная прежними царями для сохранения их богатства и вооружения. Называлась крепость Масада. Пришли же злодеи, так называемые «сикарии», и захватили ее.



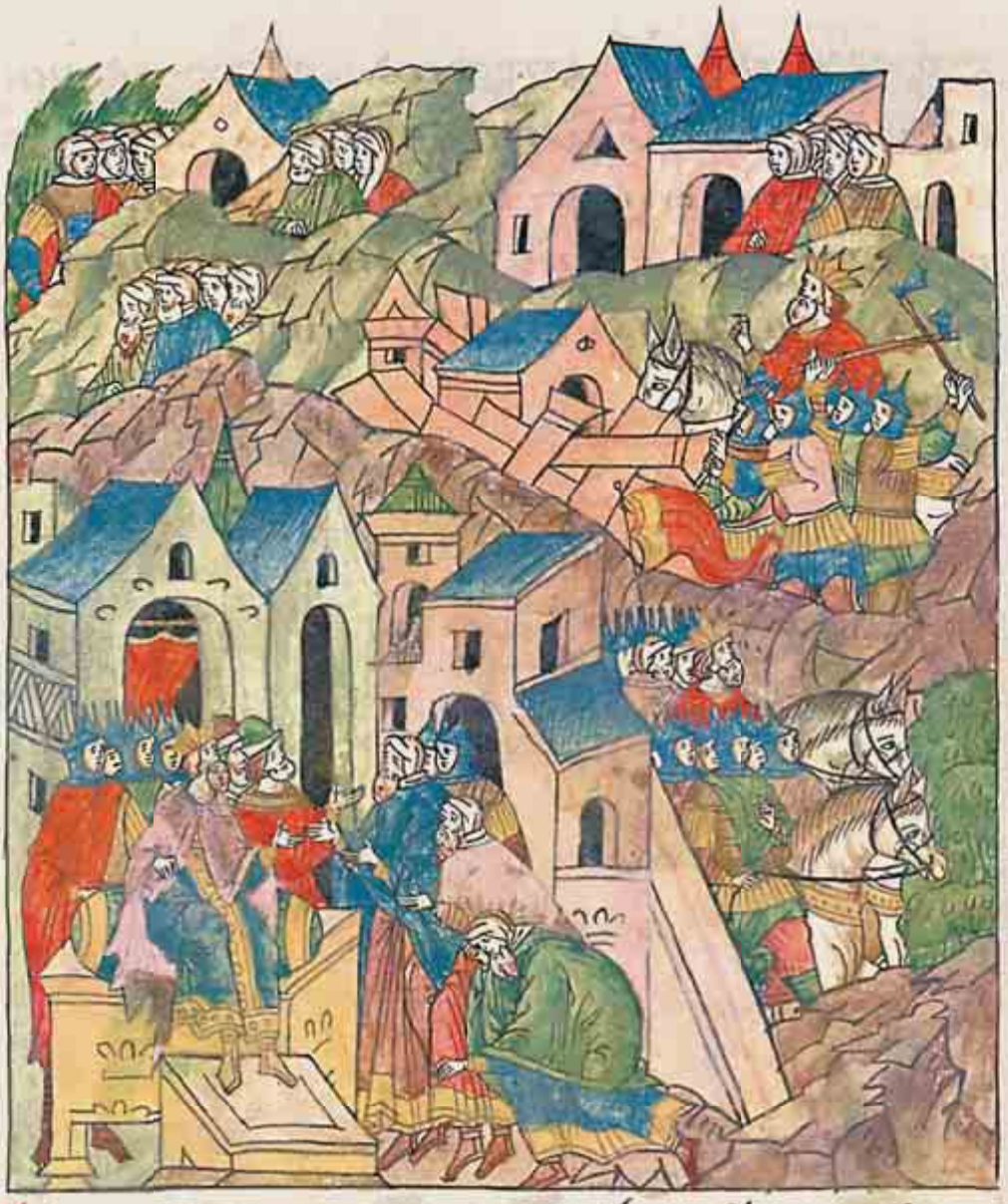
Из этой крепости делали сикарии вылазки в окрестные деревни, и разоряли их, и рубили живущих в них людей, а имущество и хлеб забирали и уносили в Масаду. И приходили к ним всякий день такие же злодеи отовсюду и присоединялись к ним. Собирались разбойники и в других местах Иудеи. Как при опасной болезни — если один из членов, который поддерживает жизнь и дыхание во всем теле, болезнью поражен и воспалился, то и



остальные члены здоровыми не будут, но той же болезнью заболеют. Также и в Иудее — поскольку столица охвачена была мятежом и разбойниками, то и по всей стране злодеи возможность получили делать, что хотят, и свою волю исполняли, и путями лукавыми ходили, и не хотели знать ни закона Божьего, ни наставлений Давида и Соломона, ни угроз пророков, ни слов праведников. Праведники же и говорили, и писали, что слава и почет будет за благодеяния, а за злодеяния — хула, и поругание, и мука. И стремились праведники воодушевить людей своими словами и подвигнуть их на добрые дела, а злых они увещевали, чтобы гнушались они дел своих и отвратили бы от них лицо свое. Злодеи же, о которых мы говорим, наставления праведных отбросили от себя, как ношу неподъемную, и что хотело сердце их, то и делали, и не вспоминали ни о том пленении, что приняли евреи от Навуходоносора, ни о разрушении, которое принес им Антиох, ни о египетском рабстве, ни об избавлении Божьем. И тогда, в праздник Опресноков, в который вспоминают иудеи исход свой из Египта и освобождение от египетского рабства,



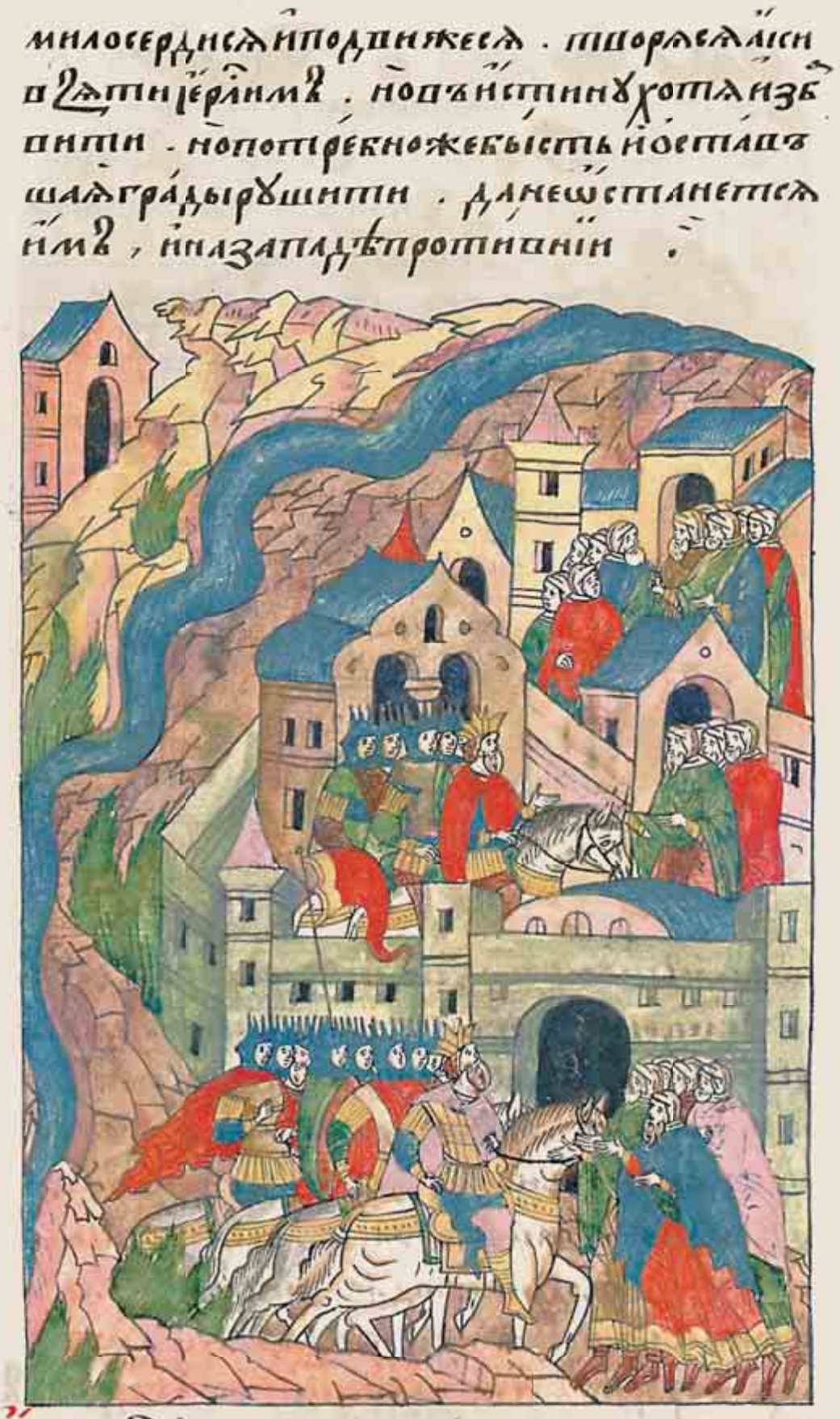
Разбойники-сикарии, засевшие в крепости Масада, что расположена недалеко от Иерусалима, ночью разорили окрестные селения, и пожгли их, и убили 7 тысяч местных жителей, и возвратились в Масаду, воя, как волки, на радостях, поскольку отчаянность свою показали, проклятые.



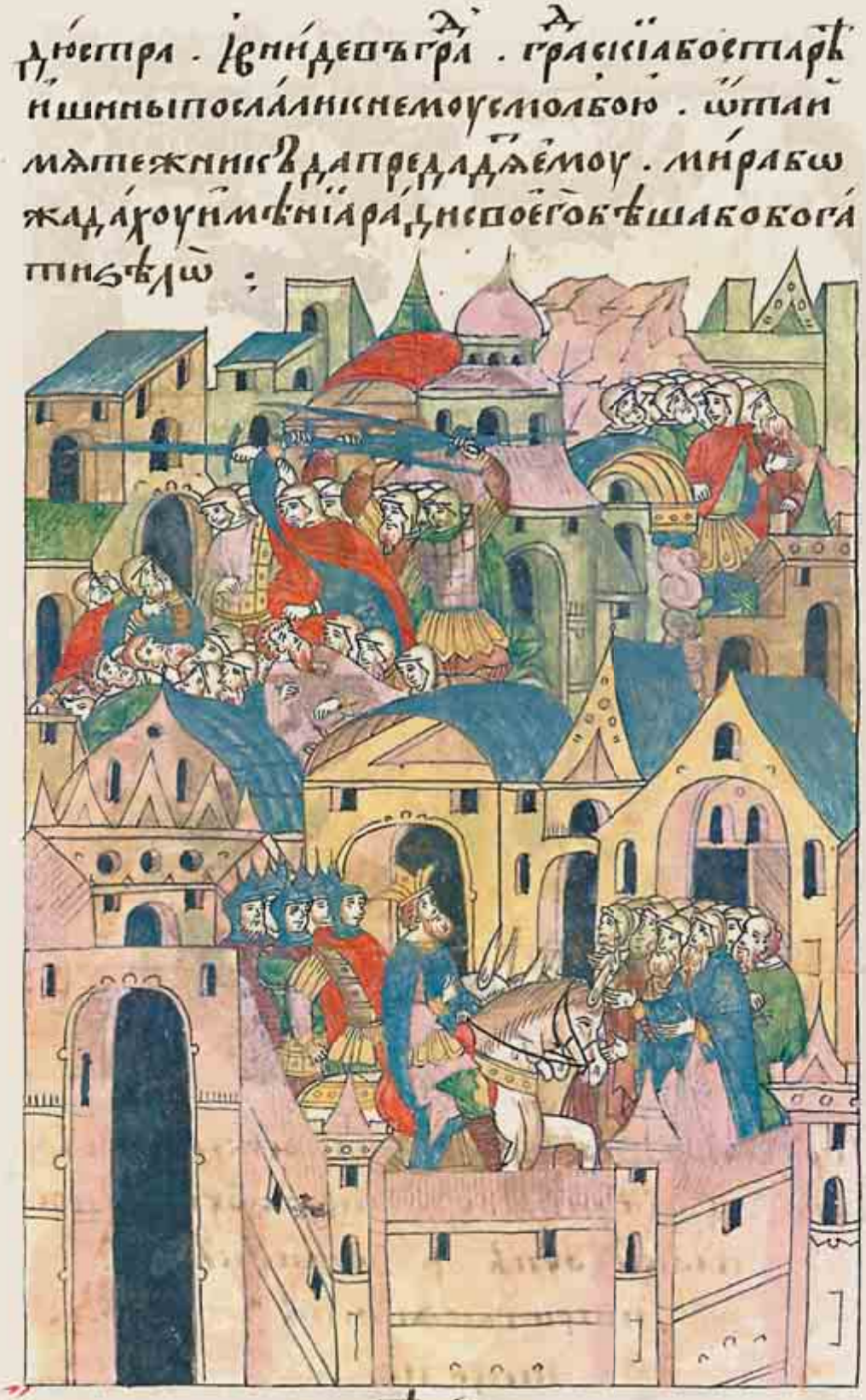
Яωвсемъ томъ повѣсти́ша Ве́спасіану
бѣ́глецы . я́цежеши́поутиниѣтръжа́ху
ре́вниτеле . данеоуи́детьниѣто́жеѣсне
моуизъгра́да . но́шбачемнѡбита́ющѣ
прибѣга́хоуѣмолѣ́хоуѣ́моу . дапо́ни
гнетсѧна́помощьграда́ . ѝдаспе́сеτь о́
стано́квъгра́дана́рѡда . мнѡбибомни
рномы́слящеѣснемоуприпада́ютьѡспо
ихъегора́ди . ѧжидоуцитожекоу́детъ .
я́цеѣнескоропомо́жетьѣимъ . сьжеѕда
слезыиѣтекоучиизъо́чиюбезлести . ѝоу

Обо всем этом сообщили Веспасиану перебежчики из Иерусалима. Хотя все пути и стерегли ревнители, чтобы не ушел никто к Веспасиану из города, но многие иудеи тайком прибегали к полководцу и умоляли его, чтобы он пришел на помощь Иерусалиму и спас оставшихся городских жителей. И говорили беглецы Веспасиану: «Многие в городе из тех, что желали мира с тобой, пали за тебя от рук своих же сродников. Тех, кто еще жив, ждет та же участь, если ты не поторопишься спасти их». Веспасиан видел, что слезы, текущие из их глаз, неподдельны, и пожалел их.

И двинулся Веспасиан, как будто хотел уже взять Иерусалим. Он и действительно хотел спасти мирное население Иерусалима, однако нужно было ему остальные непокоренные города разрушить, чтобы не осталось у римлян больше нигде противников.



И пришел Веспасиан к Гадаре, главному городу с той стороны Иордана, в 4-й день месяца



дистра, то есть марта. И вошел Веспасиан в Гадару, ибо городские старейшины послали к нему с прошением, в котором предлагали тайно мятежников отдать в его руки. Мира эти старейшины желали, чтобы сохранить имущество свое, ибо были они богаты весьма.

И мятежники увидели посреди города врагов своих, быстро перебили старейшин города и убежали. Народ же принял Веспасиана с почетом.

Ѝградницытрирлесопашапрѣжепелѣнїѧ
ѥгѡ , длѧѣрнїнкоудоутьѥмоусѣжепосл
пласи́доушъ . ф . конниѕъ ,
и́тритысѧщиптъ
шець по
бѣж
ш
ши
;

Истену разрушили горожане даже до повеления римлян, чтобы показать свою верность Веспасиану. Послан же был Плацид, и 500 конников с ним, и три тысячи пеших воинов, в погоню за бежавшими из Гадары.

Ѝпиндѣшегонѧщиѝ . внидо́шлиѣгра́ѣсь
Ѝмифенапри . ѿѣ́роужѧшеѝпиндо́ша
противоупла́ѣсиндѣ . ѝнѧ́шасѧсѡне .
ѝсипрѣпоѣ́оуклонишасѧлестѧщеѝми
дабышаддалече
ѿстоупи
лиѝ
ств
нѫ.

Беглецы же, увидев погоню, вошли в город Бетеннабрин, и вооружились, и вышли против Плацида, и сошлись с воинами его. Римляне же сначала отступили, заманивая иудеев, чтобы те подальше отошли от стен города.

Затем же римляне пошли обратно на иудеев, и обступили их, и стали закалывать их, как диких зверей, и тех, что сопротивлялись, и тех, что разбегались; и не убежал никто, кроме немногих самых крепких.

Силой пробились эти крепкие через своих же воинов, ибо стражники не пускали их в город, и они порубили их и вошли.

Ѝплакидъ ѡбъстагрѣ ѡпечерїа . ижрѣпїсо
бра́исапо́зы . ѡнижестосерди . пи
пыбѣгѣше . плакидъинѣхъ
сѣбра́шесѣсобою
кѣбѣжа́ша
вѣпери
хо́нъ
;

Палцид приступил к городу и до вечера крепко бился, и взял город. Те же крепкие бежали, и других собрали вокруг себя, и бежали в Иерихон.

Плацид же гнал беглецов вплоть до Иордана. В то же время наполнились воды Иордана от дождей, и течение было быстрым весьма. И не было иудеям места, куда скрыться, и долго бежали они вдоль берега, и стрелы на них летели, как дождь, и конники топтали их, и многие иудеи, при виде неприятеля, прыгали в воду, и потонуло людей бесчисленное множество.

Исполнисѧ вы́сты ї҆ѡрда́нъ ѿ троу́пїе́мъ
и҆ста́ко испо́лнисѧ ре́кла оу́топи́шими . и҆ ѿ да́хоупо́нихъ ѡ҆ста́ло мно́жество .
а҆ и҆же́хъ и҃ сѣчено́ ѡ҆ бре́гъ . ѕ҃ѳ҃ . тыса́
а҆ дъ вѣ тысѧщи у҃ . е҃ . ѡ҆ вца́хъ вы́ . е҃ ѕ҃ со
же́нсѣхъ . и҆ ѡ҆ вельбоуди́ посла́ безчи́сла
пла́вни́шлисѧ по́ ѡ҆ дапелмноу́ ѡ҆ зри́сѣце
поудѣ́нско . зане́ по́ оу́ бре́гъ и҆ прѣ́сыпи
спо́лнисѧ троу́пїа . и҆ до́ а҆сфа́лтнтскы

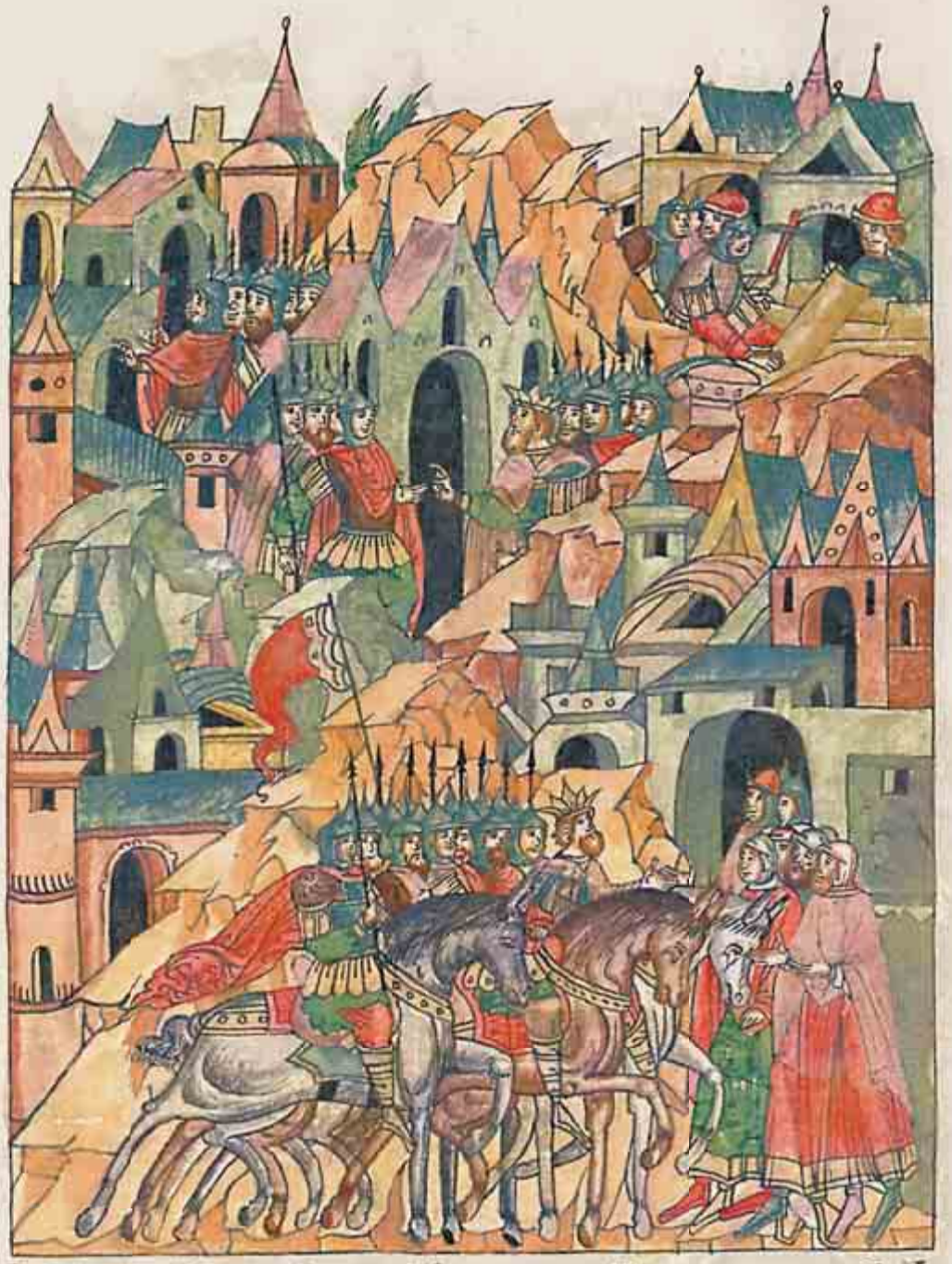
Невымощен был Иордан трупами, и так наполнилась река утопшими, что ходили по ним, как по мосту. А порубленных на берегу было 25 тысяч, и 2200 взяли живыми. И скотины, и коней, и верблюдов, и ослов бесчисленно захватили. Эта победа очень ранила сердце иудейское, поскольку и дорога, и берег, и река наполнились трупами, и до Асфальтового

озера плыли трупы по Иордану.

Плацид же, которому удача благоволила, и другие окрестные города взял: Авилу, и Юлиаду, и Бесимот. Если же кто-то убегал через озера, то Плацид снаряжал корабли с воинами своими и посылал их в погоню, и убивал всех беглецов.

Ѝтогдажепріидетвѣтысъѣоуспасіа́ноу . ѡ̀
галатїистїиновзаїзанїиклаѳоуниди
ѩсъпрепратиссебѣволастелины . изла
ратисьнерономъ . иѣслышавъ нгѣ
монъпа́чеоу́стремѝсьнапрѣлежа́щее
дѣло . тѝласьдасѝородо
спѣѣтвопчюжи
стра
на .

Ѝтогда пришла весть к Веспасиану о восстании в Галлии, где римский наместник Виндекс привлек к себе местных вельмож и стал воевать с Нероном. Узнав об этом, Веспасиан усерднее обратился к иудейским делам, стремясь поскорее закончить в чужих странах

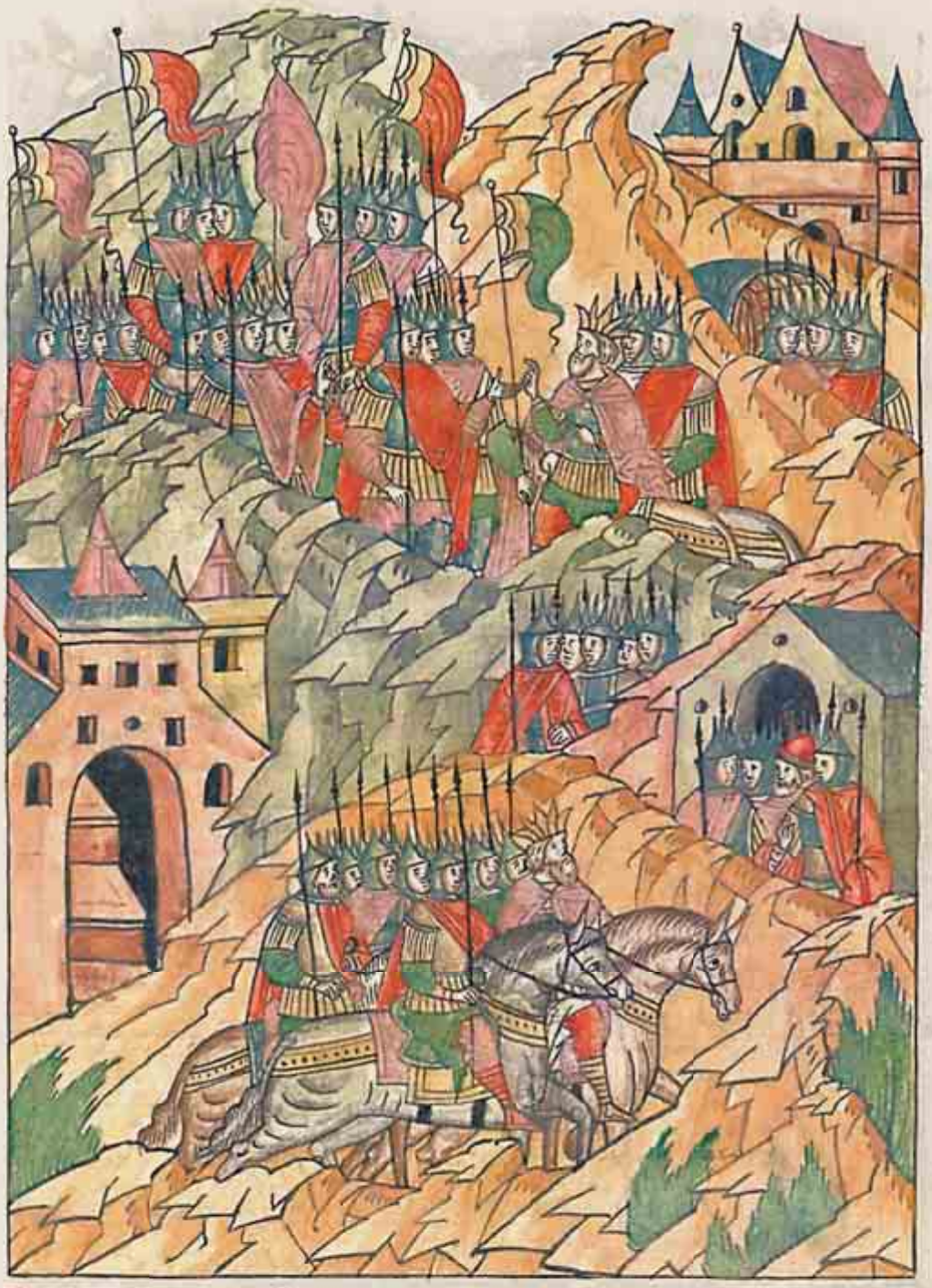


Ѝшедъ Италію . оумирити хотѣ . оу
крѣпити оусобичныя страхъ . донде
зимное время бысть . походѧщеи по
оу шимсѧ емоу градомъ ѡбѣхъ оутие
ряѧ созданіемъ . ѡны ѡбнаплѧѧ .
здроугыѣ
стала
стра
жѧ.

Идти в Италию, чтобы водворить там мир и устранить опасность местных раздоров. Пока зимнее время было, Веспасиан обошел покоренные им города, одни укреплял и обустраивал, другие восстанавливал, в третьих размещал стражников.

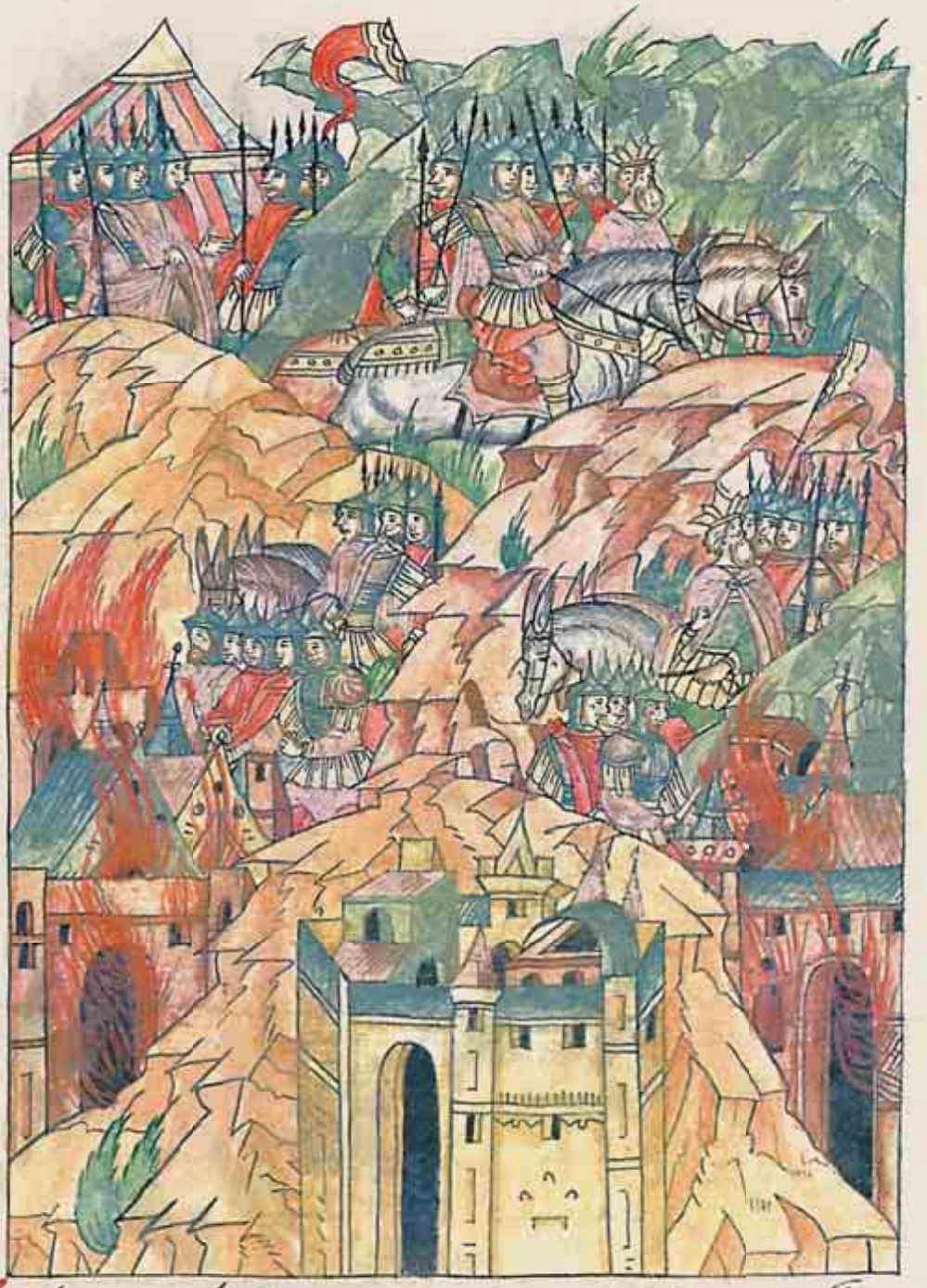
Ѧ напочно и сде вны и поим а колшюючасть
ѧ ѡи ѝ пойдеѡ и кесаріа , и ал ѝ антипатри
доу , и вед ѧдни . оуст ѧ ш а дал ѧ ш ѧ оу
тверд ѧ ш а гра . и в ѣ трет ї и дн ь пош ед ѣ
пл ѣ нн ѧ . и зл ѫ жи гал ѧ всѧ ш и крест ѝ нал ѧ .
и пр ѝ ш е фам ѝ с ѝ л , и ал ѝ доу и с ѝ амн ї ю . и
потреби ш е вс ѧ да
ст ѝ ты
;

В начале весны Веспасиан взял большую часть своих воинов и пошел из Цезареи в Антипатриду. Там он два дня давал распоряжения и укреплял город, а на третий день пошел разорять и жечь окрестности, и пришел в Фамны, и в Лидду, и в Иамнию, и уничтожил все области те.

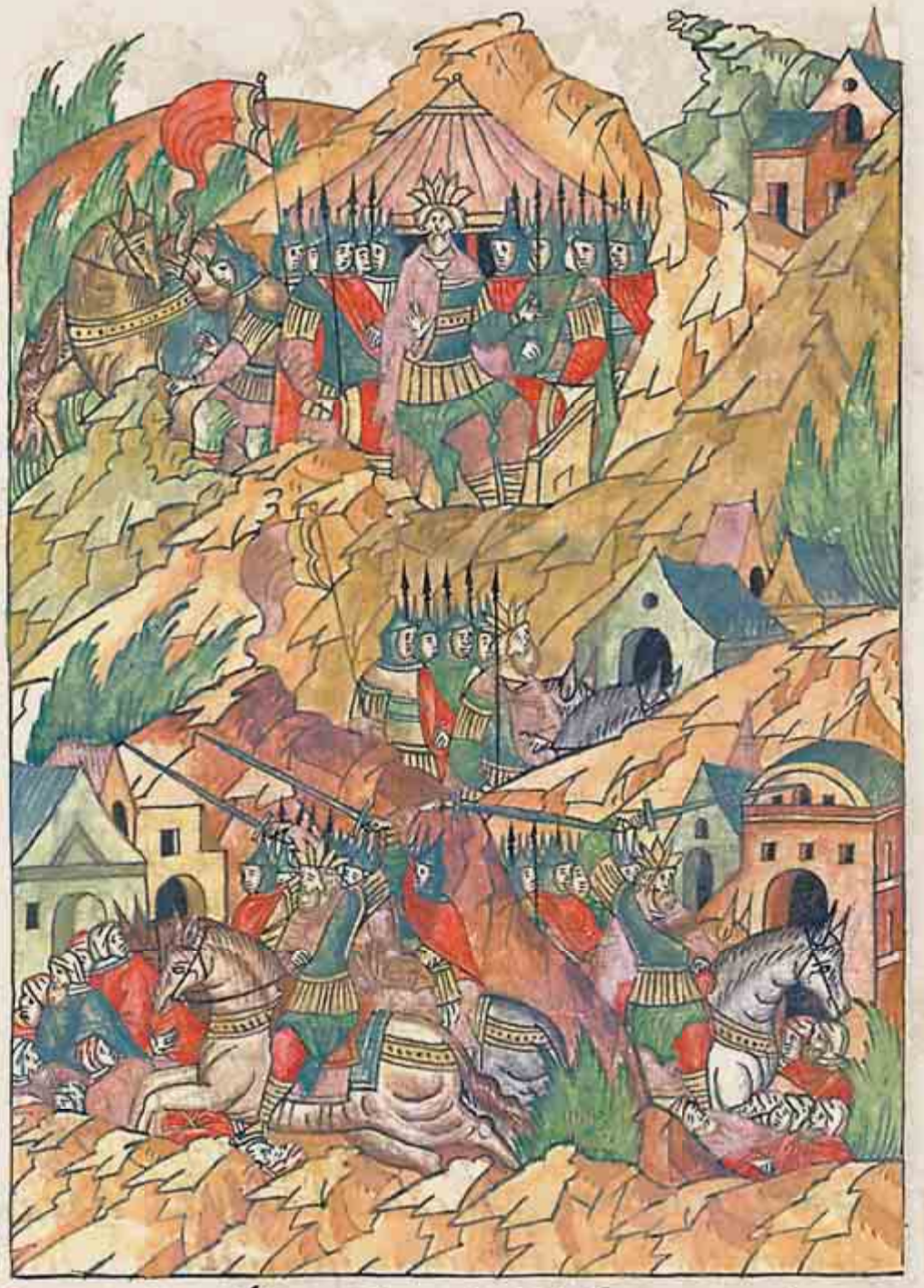


Иде́сѣ Ама́оусоу · и прѣ́ѩсѧ по́ути · ꙗ́коже
и҆сѹ҆ї́ринмоу нашє́дшимъ · и҆ по́уштапи
по́ле · и҆ сѣ́дохоу тꙋ да
ми · да́бы ша
мнѣ́нїе
цы́чтꙋщїи
сѧ́дꙋщи.

И пошел Веспасиан к Аммаусу, и перекрыл все пути, ведущие к Иерусалиму, и окопался, и там оставил пятый полк, и знамена оставил, чтобы думали местные жители, что в этом стане все войско римское находится.



Сам же Веспасиан остаток войска взял и пошел в Бетлептефитскую область, и пожег ее всю, также пожег и города в окрестностях Идумеи.

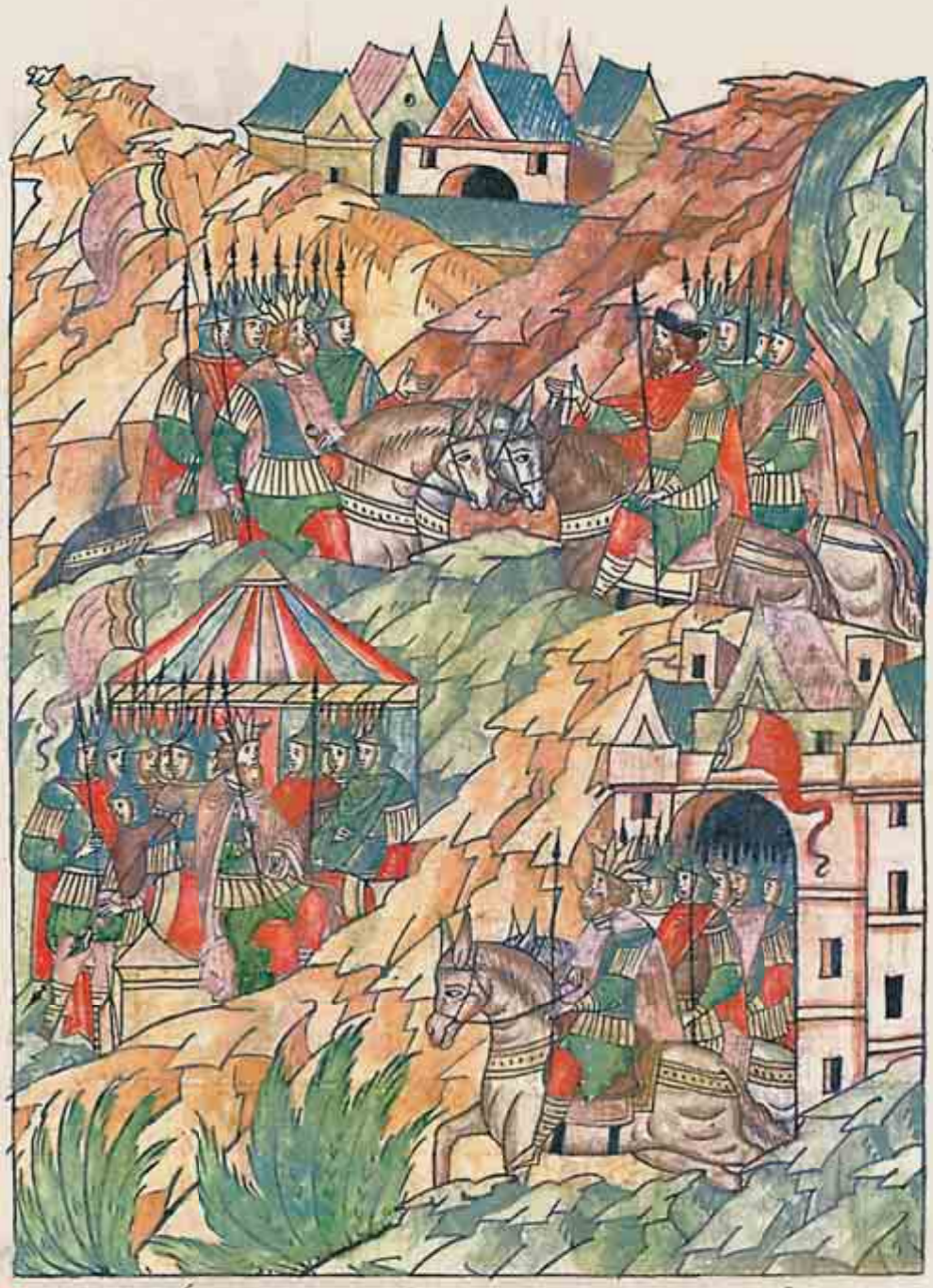


Нтвердомъстоюкрвтъ йтоусюкры.
йюштоудоуобыходдаобёплше
пошекмътфмъзёлм.
небранимъ
нисн
мъ
;

Укрепленное место нашел Веспасиан и там окопался, и из этого стана ходил разорять все те земли, и не препятствовал ему никто.

И взял города Бетарис и Кефартобу, и убил двадцать тысяч человек, а две тысячи взял в плен. И оставил малую часть своих воинов там, и повелел им разорять ту горную страну.

Самъ же Веспасиан с остальным войском возвратился в Аммаус и оттуда пошел в Самарию и Неаполис, который также называют Маборфа.

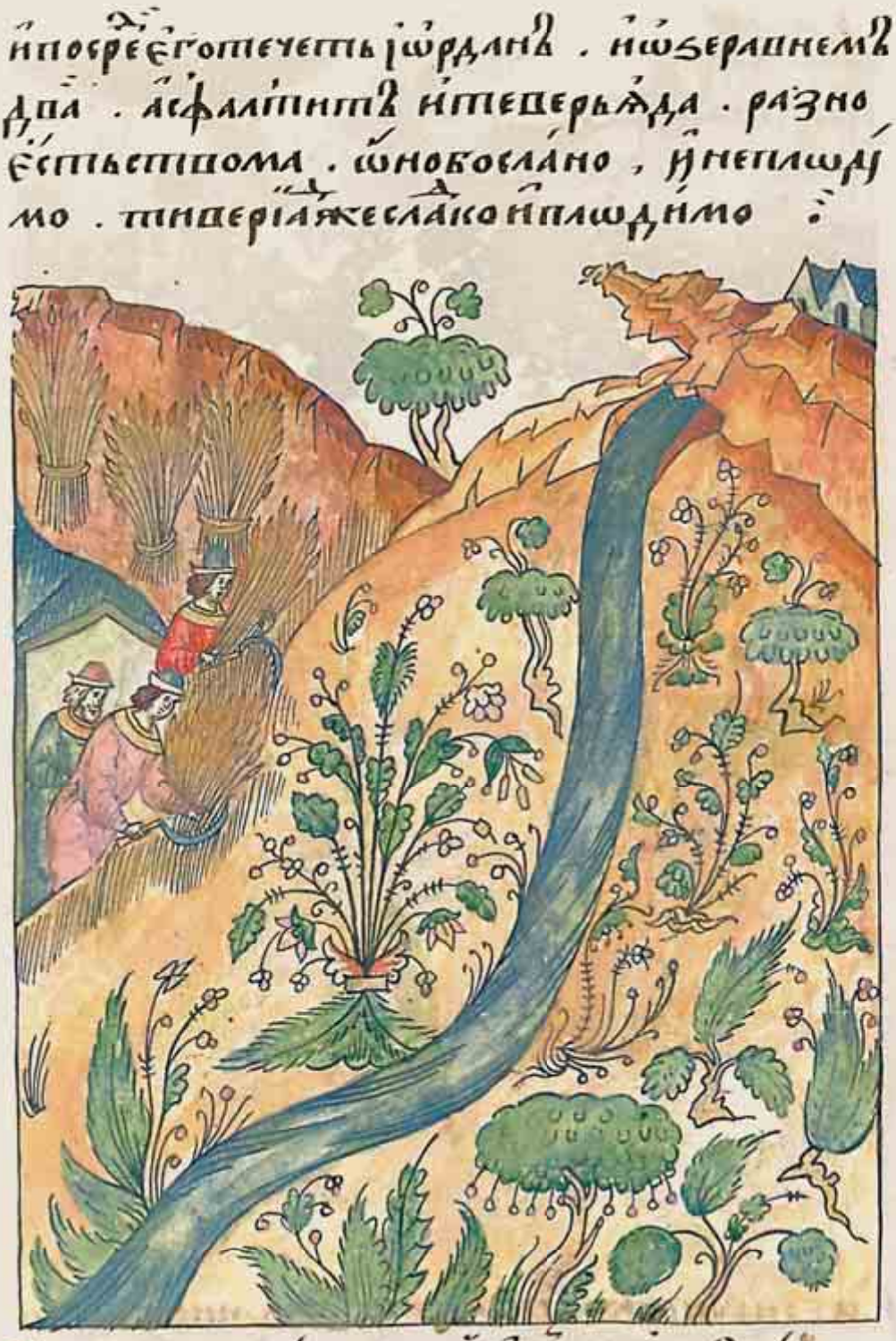


Далее Веспасиан прибыл в Корею во второй день месяца дасия, то есть июня, и там окопался, и потом пошел к Иерихону, где он встретился с Траяном военачальником, который из Переи войска привел, поскольку завоевал уже все земли с той стороны Иордана.

Многие из Иерихона, не дожидаясь римлян, бежали в горы, расположенные напротив Иерусалима. Тех же, кто не убежал, Веспасиан порубил. Город же Иерихон построен в долине, над которой возвышаются горы длинные, на которых ничего не растет, на север же они тянутся до Скифопольской земли, а на юг до места, где стоял Содом, и до Асфальтового озера. Нигде же эти горы не выравнены и не заселены, из-за бесплодности земли на них. Напротив же этих гор находятся горы Иорданские, начинаются они от

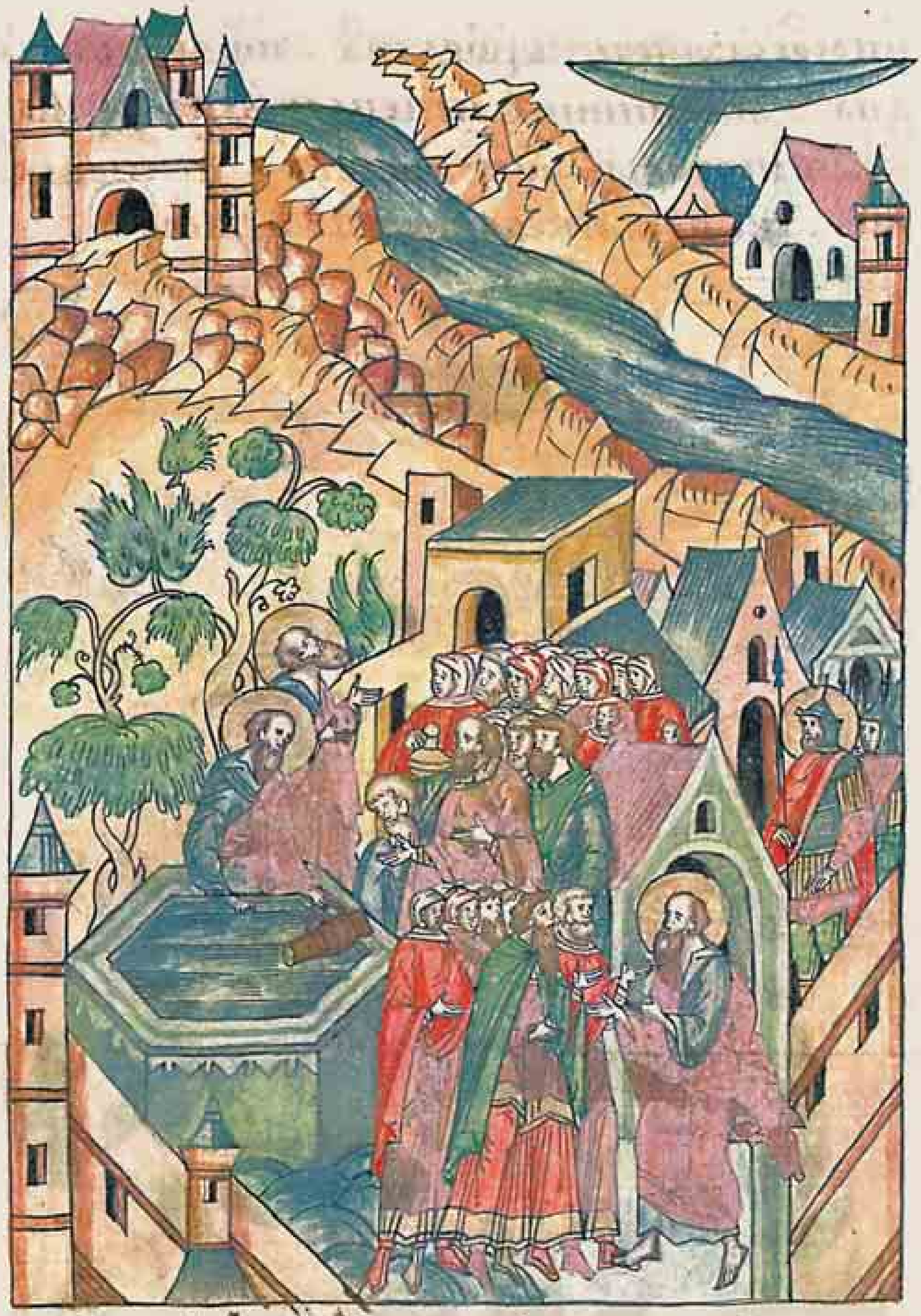
Юлиады и кончаются у Соморры, где расположена гора, называемая Железной, которая тянется до Модвитской области.

Между этими горами расположена долина, называемая Большой. Длина ее 1200 верст, ширина же 120 верст.



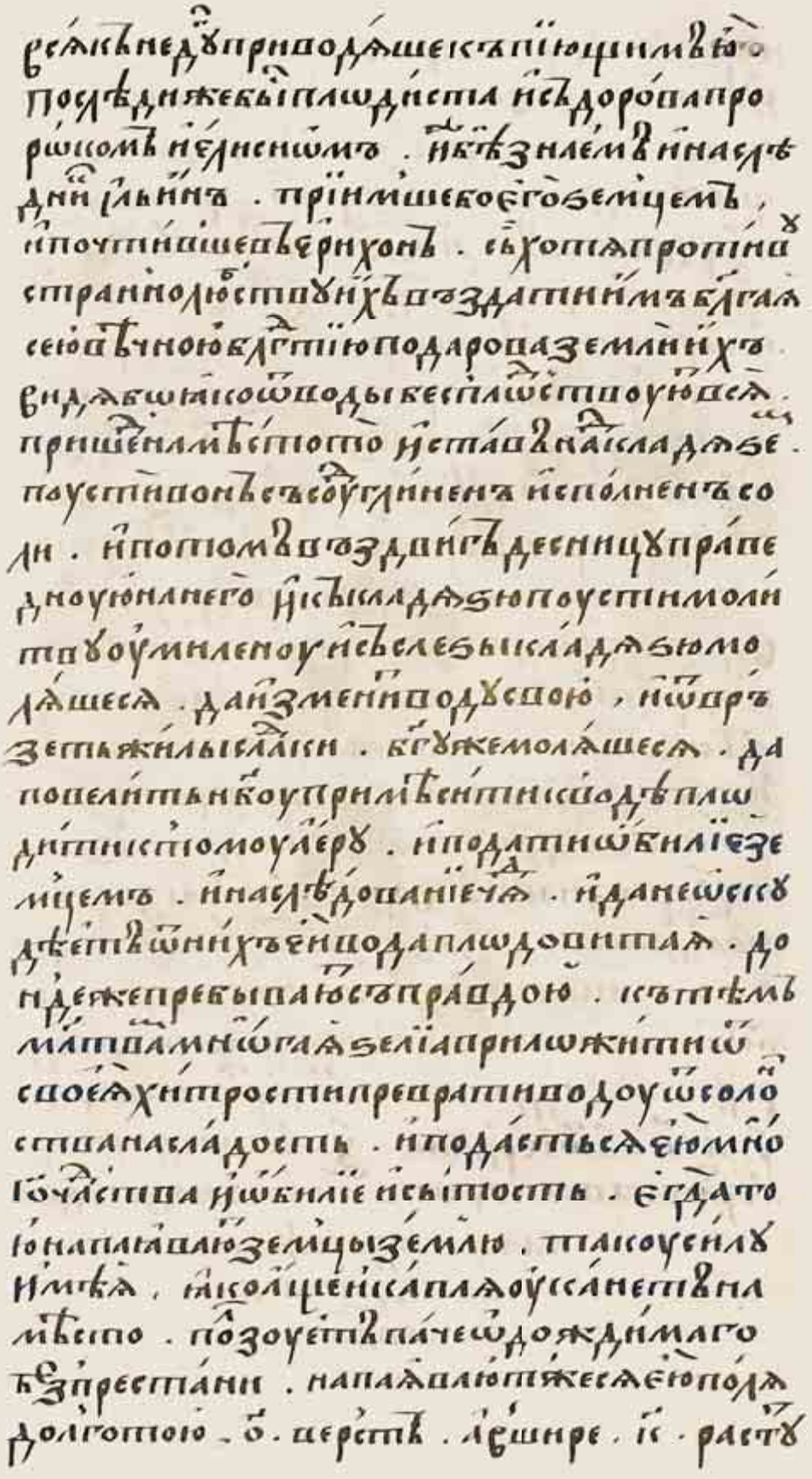
А посреди Большой долины течет Иордан, и озера в долине два: Асфальтовое и Тивериадское, разные по своей природе: Асфальтовое — соленое и безжизненное, Тивериадское же — пресное и богатое жизнью.

Во время жатвы выгорает долина эта, и воздух над ней вреден для здоровья, поскольку не идут дожди в местности этой, и нет воды в ней, кроме иорданской. Потому и финиковые деревья, что возле Иордана, хорошо растут и много плодов дают, а те, что подальше — не так.



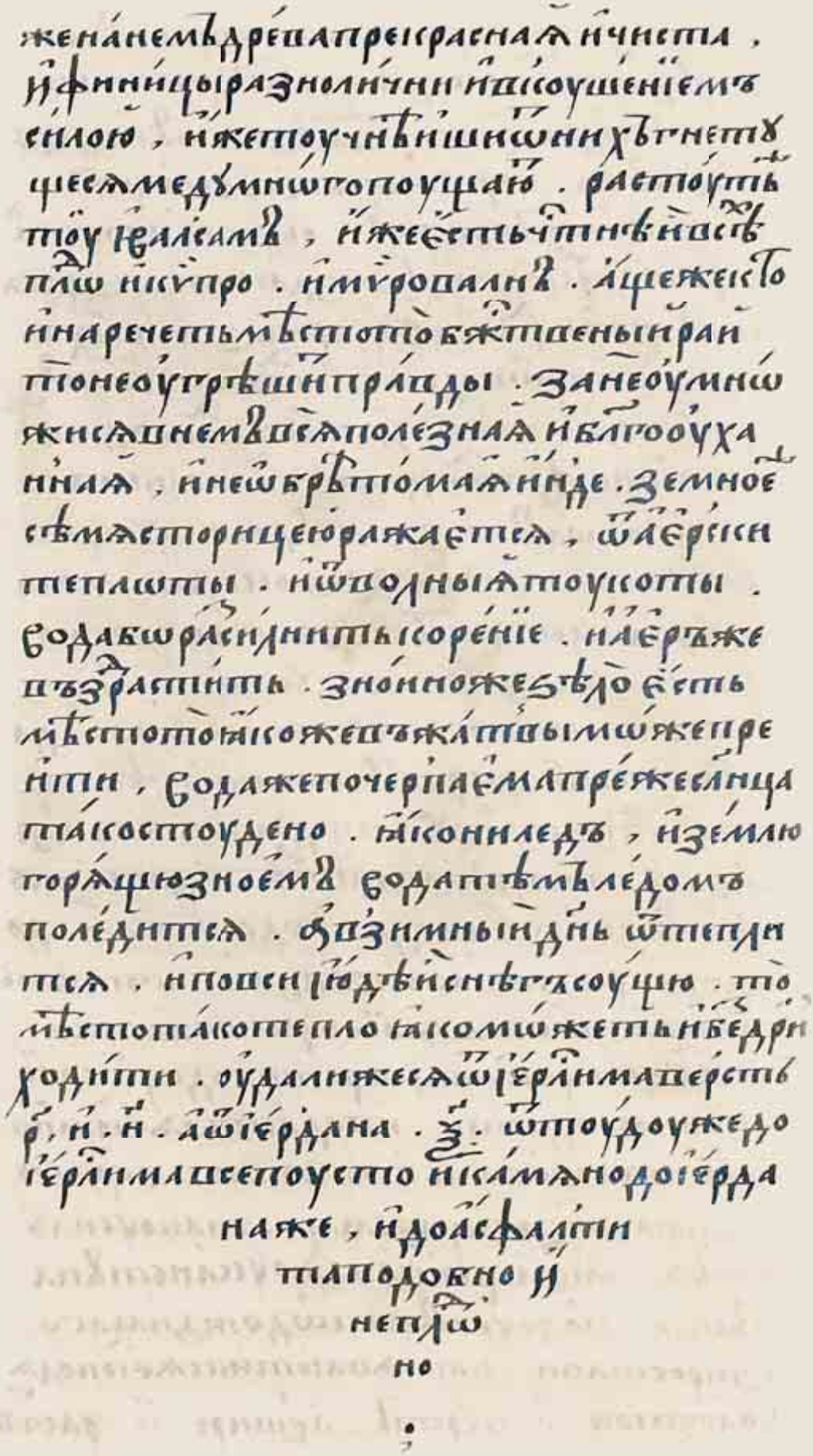
Въ Ерихонии же есть кладязь многоплоден въ древнемъ градѣ. Тъй же градъ Ісусъ Навгинъ сынъ. воевода еврѣискый добы копиемъ. первый же от хананѣискиа земли. о том же кладязѣ слово есть. яко древле и земныя плоды и древныя губляще. и младенець от непраздных женъ.

В Ерихоне же есть колодец изобильный, в древнем городе. Тот же город первым из городов Ханаанской земли был завоеван Исусом, сыном Нава, военачальником еврейским. О том же колодце сказание есть. Раньше он губителен был для всех плодов: и для тех, что в земле растут, и для тех, что на деревьях, и для младенцев в материнских утробах,



и всякую болезнь приносил пьющим из него. Потом же пророк Елисей сделал так, что стал этот колодец приносить жизнь и здоровье. Пророк же Елисей был известен всем и последователем был он пророка Илии. И приняли его жители этой страны, и почтили его в Иерихоне, и Елисей захотел за гостеприимство их отплатить им добром, и на веки вечные этой благодатью одарил землю их. Увидел Елисей, что от воды бесплодно все, и пришел к месту тому, и встал над колодцем, и опустил в него сосуд глиняный, полный соли, и потом воздвиг руку праведную на него, и к колодцу направил молитву умиленную, и со слезами умолял колодец, чтобы изменил он воду свою, и открыл жилы полезные. И Богу молился Елисей, чтобы повелел Он небу примешать к воде благоприятный для плодов воздух, и просил у Бога, чтобы подал Он изобилие жителям Иерихона, и рождение детей, и чтобы не обеднела у них вода эта, полезная для плодов, пока жители будут праведными. К этим молитвам Елисей присоединил действие многих трав, пользуясь своей мудростью. И заменил Елисей в колодце иерихонском вредную воду на полезную, и даны были через эту воду людям многодетность, и изобилие, и сытость. Когда этой водой питают местные жители землю, то такую она силу имеет, что если хоть капля упадет на какое-то место, то это полезнее ему, чем если бы дождь шел беспрестанно. Питаются же этой водой земли в длину 70 верст и в ширину 20. Растут же

на землях иерихонских деревья прекрасные и частые. Финиковые плоды там различаются и по вкусу, и по силе, действующей в них. Самые сочные плоды давят и меда много получают. Растут же там и деревья, дающие бальзам, смолу целебную, это самое ценное, что там добывают. Растут там и кипр, и миробалан. Если же кто и назовет Иерихон Божественным раем, то не согрешит против истины, поскольку во множестве там растет все полезное и благоуханное, то, чего не найти в других местах. Зерно, попадая в землю ту, дает урожай сторицей. Это происходит из-за теплоты воздуха и питательных свойств воды: вода наполняет силой корни, а воздух же способствует росту. Жарко же очень в месте этом, так что во время жатвы оно может погибнуть. Вода же, почерпнутая до восхода солнца, холоднее льда, и землю, горячую от зноя, вода этим холодом охлаждает. А в зимние дни вода эта теплеет, и, когда по всей Иудее снег лежит, в Иерихоне так тепло, что можно без одежды ходить. Удалено же это место от Иерусалима на 150 верст, а от Иордана на 60. От Иерихона же до Иерусалима все пусто и каменисто, и до Иордана и до Асфальтового озера такое же все бесплодное.



Об озере Асфальтовом

Расскажу теперь и об Асфальтовом озере. Горькое оно и бесплодное. И все тяжелое, что бросают в него, не тонет. Пришел же Веспасиан посмотреть озеро, и повелел пленников призвать связанных и бросить в него, и не утонул никто из них. И вид этого озера чудесен: изменяется оно трижды за день и от солнечных лучей сияет. И рождаются в озере

куски асфальта, особой смолы, плотные, крупные, как волы, черные, плавают они поверх воды и видом напоминают быков безглавых.

И подплывают к ним те, кто работают на озере, и затаскивают в лодки, и наполняют лодки этим асфальтом, а потом не могут его отрезать от лодок ни железом, ни другим чем-то, пока не обольют кровью,

которая бывает от женщины, и только с помощью этой крови асфальт можно отрезать от лодки. Эта асфальтовая смола используется не только для постройки корабля, но и для лечения тела, и ко многим лекарствам примешивают ее врачи. Этого озера длина 580 верст. Прилегает же к Асфальтовому озеру Содомская земля, раньше богатая и всем обильная, теперь же сожженная. Говорят же, что из-за нечестивости местных жителей Бог сжег эту землю огнем Небесным.

Все еще свидетельства этого гнева Божьего можно видеть в земле Содомской: и пяти городов повергнутых тени, и плоды, что на деревьях содомских рождаются, красивые и на вид съедобные, а если кто дотронется до них, то становятся они пылью и дымом.

Взяв Иерихон, Веспасиан отовсюду оградил жителей иерусалимских, и окопался в Иерихоне, и в Адиде, и оттуда послал Луция с войском на Геразу.

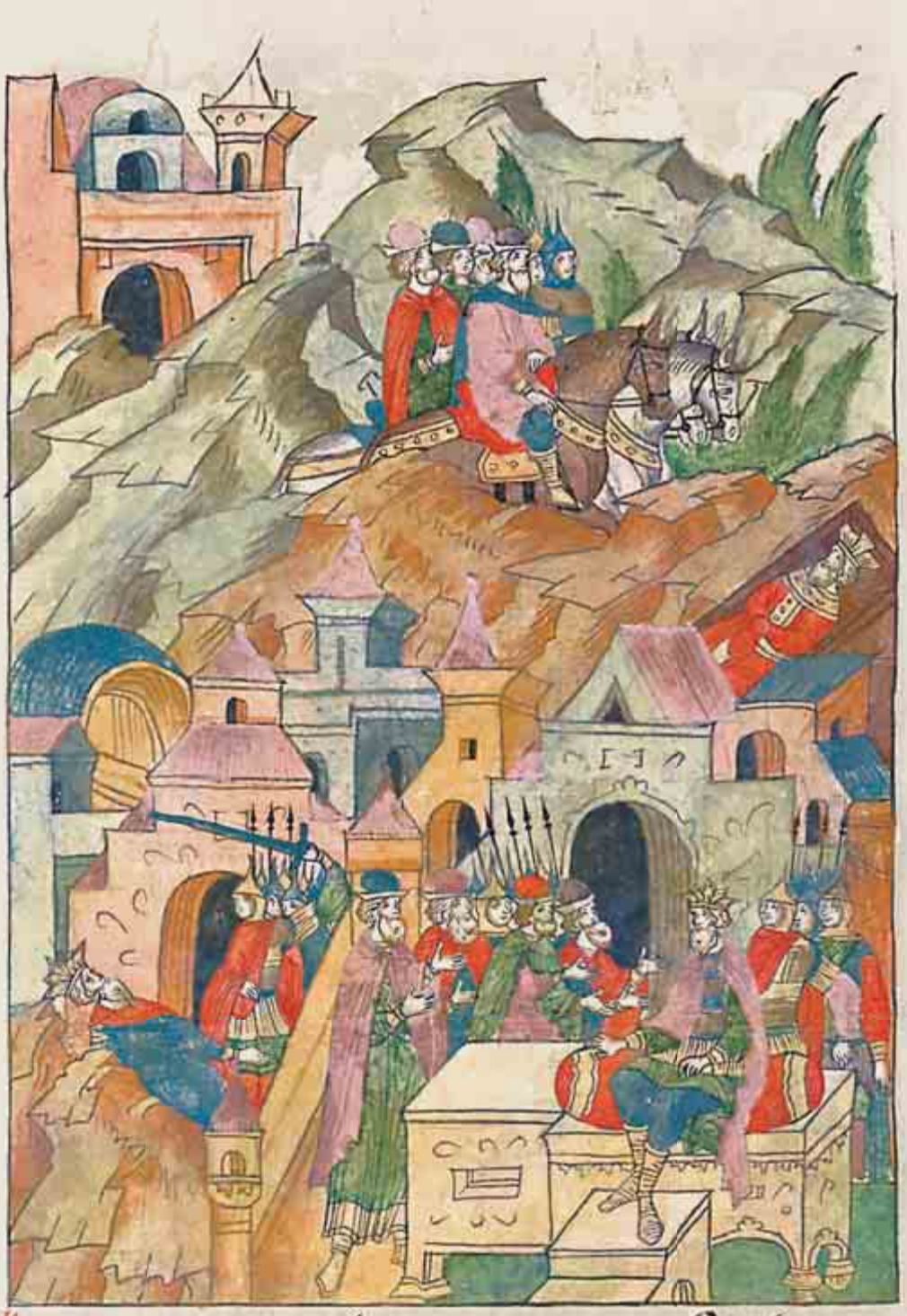
Ѝсѣдзапнезалпоуграпѣ ноубѣпыѣсѧ
цюу . ипослаповсемѫ нѣкчемѫ упояке .
женыяженѣдѣтиплѣкпиѫ . пѣкѣпще
шираптигорнюющюю поѣкрестпаѧ гѣ
росалп
мл;

Луций внезапно напал на город и взял Геразу, и убил тысячу человек, и послал воинов по селам, и жителей порубил, а села пожег. Женщин же и детей взял в плен. Так были завоеваны вся горная страна и окрестности Иерусалима.

Все пути для жителей Иерусалима были закрыты. Если кто-то из находившихся внутри города хотел бежать к римлянам, то им не давали этого сделать ревнители, которые всегда были на страже и следили за тем, чтобы не выходил никто. Даже если хотели жители города за хлебом или за сеном сходить, или привезти дров, то не могли пройти.

Оуеспасіа́нъ же отъ Іерихо́нта возврати́лся и приготовил все войско, чтобы идти с утра на Иерусалим.

Никогда собирался Веспасиан идти, принесли ему весть, что Нерон убит был. Был же Нерон императором 13 лет и 8 дней. Когда этот Нерон получил власть, то отдал все дела в руки дурных людей, которые на него же и восстали, и выгнали его, и он бежал в село свое с четырьмя слугами, ибо все остальные оставили его, и там Нерон сам себя убил.



Ѝпонемъ постáвишá кесáремъ Гáлвꙋ.
Ѝ пришéша. шáспинiа кътиннипоноси
пшеéмоꙋоꙋбú
шá. зане
кысть
смин
н
ре;

После Нерона сделали императором Гальбу, и пришел он из Испании, и воины были недовольны им и убили его, поскольку он был смиренным.

Нпостáишáшáдáна . оутиліи жешо
єподáдвстáнáнь .
Нбúшáсѧ
шжка
пето
ѧíи
;

И сделали императором Отона. Вителлий же, полководец римский, восстал против него и сменил Отона. Дальше было восстание уже против Вителлия, и бой у Капитолия.

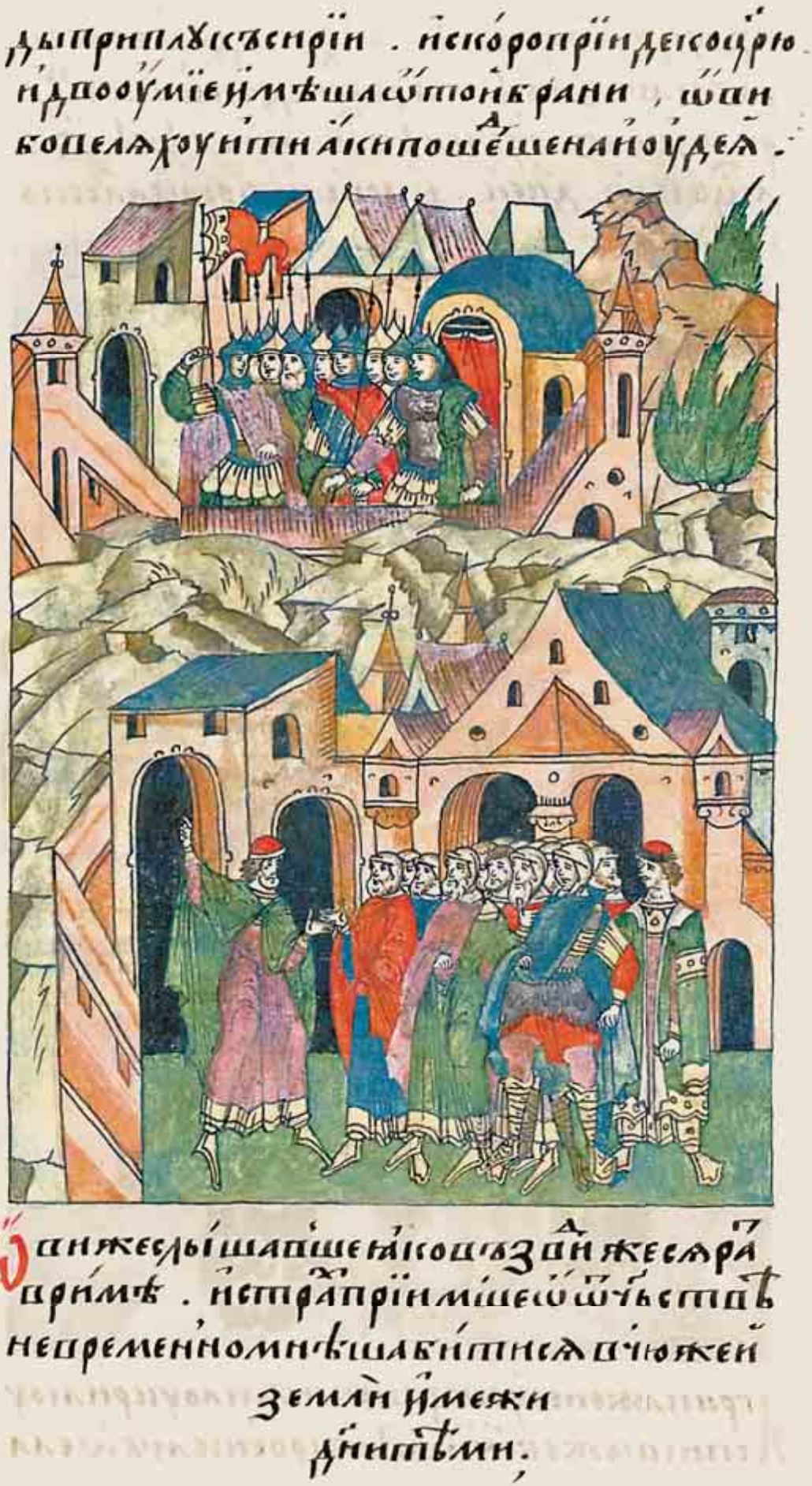
Антоній Прим и Муціан, сторонники Веспасіана, убили Вителлія, и победили римские полки, воевавшие в Германии, и остановили внутренние раздоры в Италии.

Веспасиан же, узнав о смерти Нерона решил не идти на Иерусалим, пока не будет известно, кто стал императором. Узнав о том, что императором стал Гальба, Веспасиан не смел продолжать войну, пока не придет к нему от Гальбы повеление об этом. И послал Веспасиан к Гальбе Тита, сына своего, поприветствовать его и взять письменное распоряжение о судьбе иудейской войны. С целью поприветствовать Гальбу и Агриппа царь поплыл с Титом.

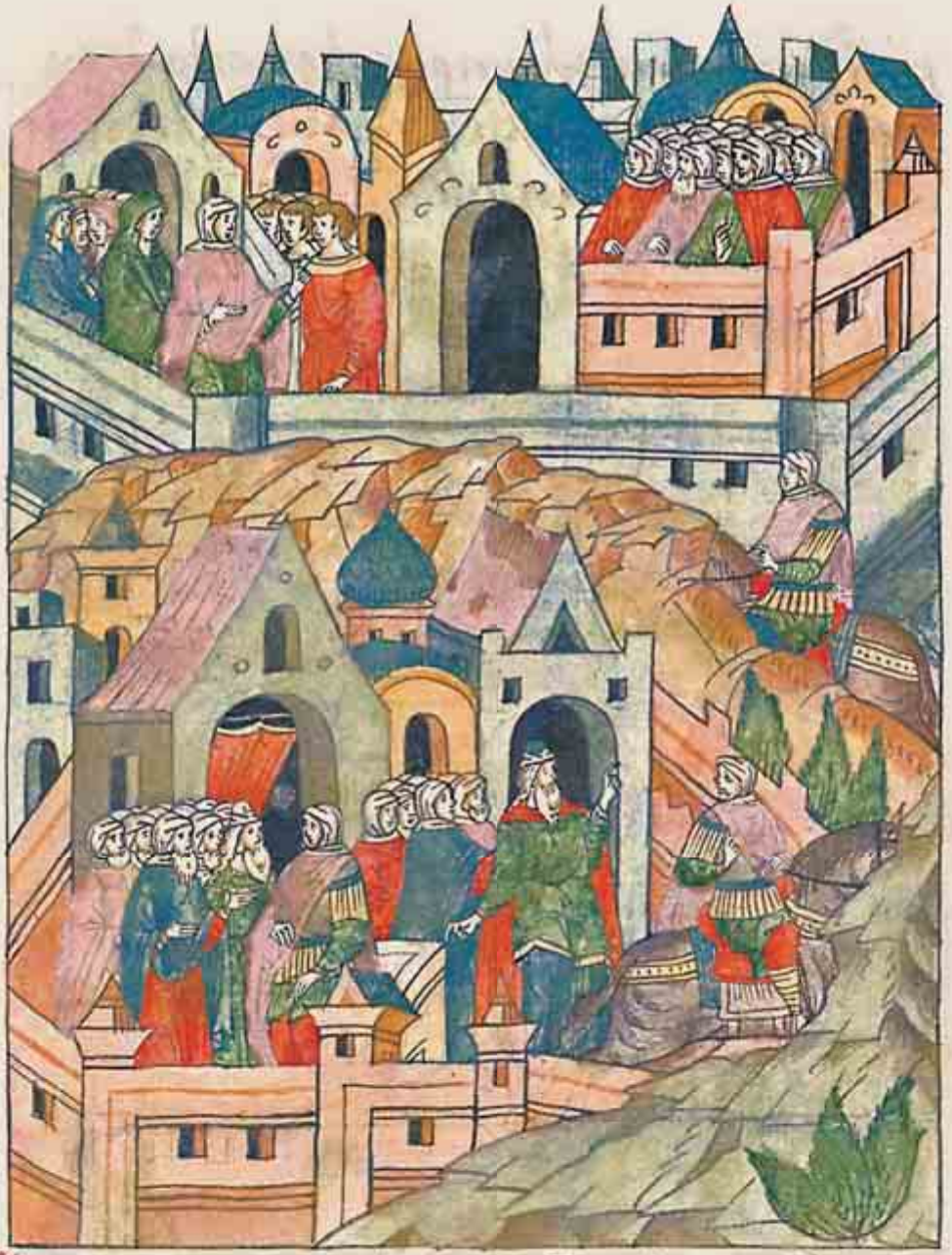
Когда же Тит и Агриппа шли через Ахайю, долгим путем на кораблях, зимой, и еще не дошли до Рима, Гальба убит был. Был же Гальба императором 7 месяцев и 7 дней. После него к власти пришел Отон.

Агриппа же не испугался и поплыл к Риму. Тит же, по Божьему промыслу, из Эллады

приплыл в Сирию и быстро пришел в Цезарею к отцу. И два мнения было у римлян о войне в Иудее. Одни советовали воевать с иудеями, как и воевали.



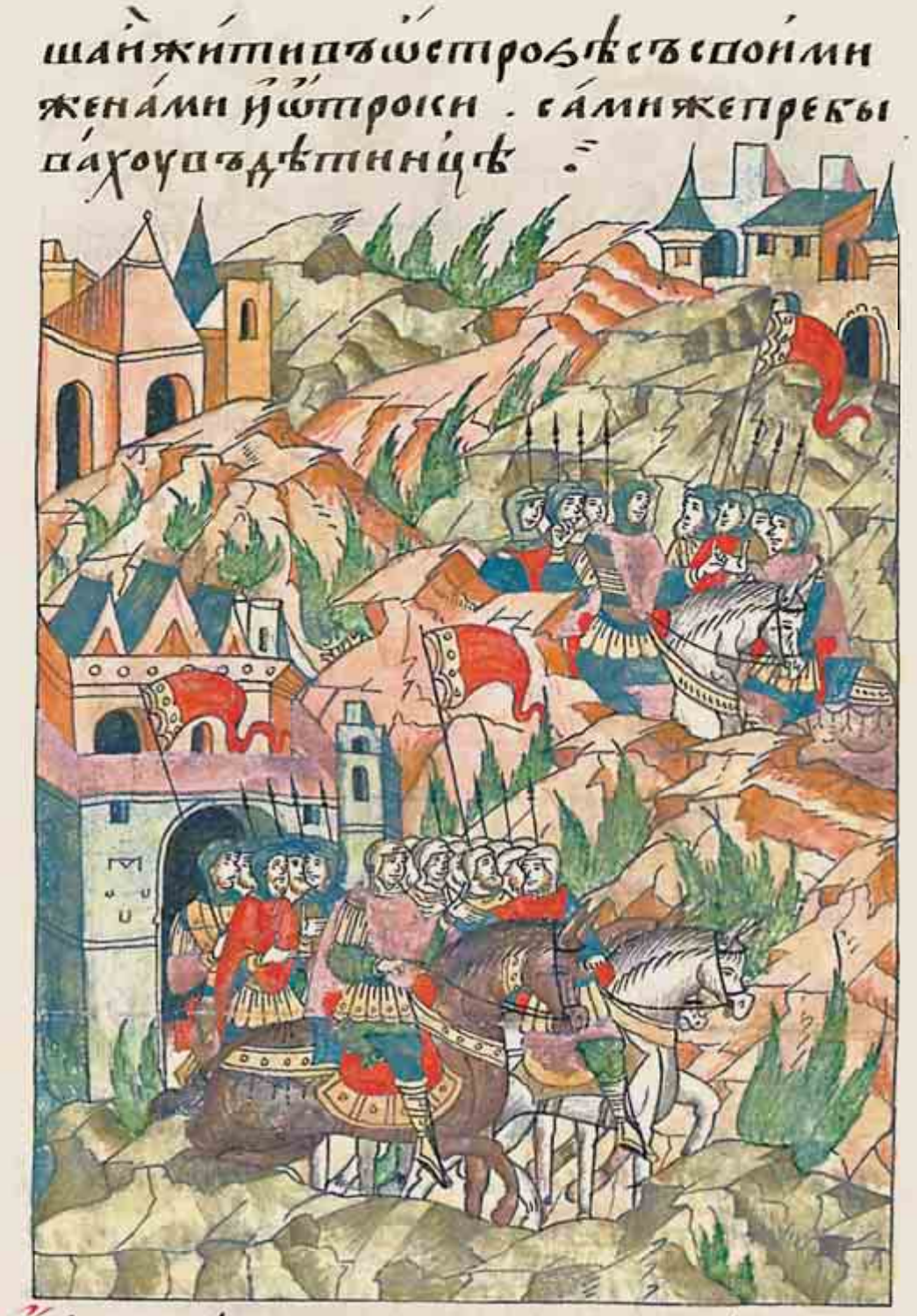
Другие же, узнав, что поднялось восстание в Риме, боялись за свое отечество и считали, что не время биться в чужой земле. В те же дни



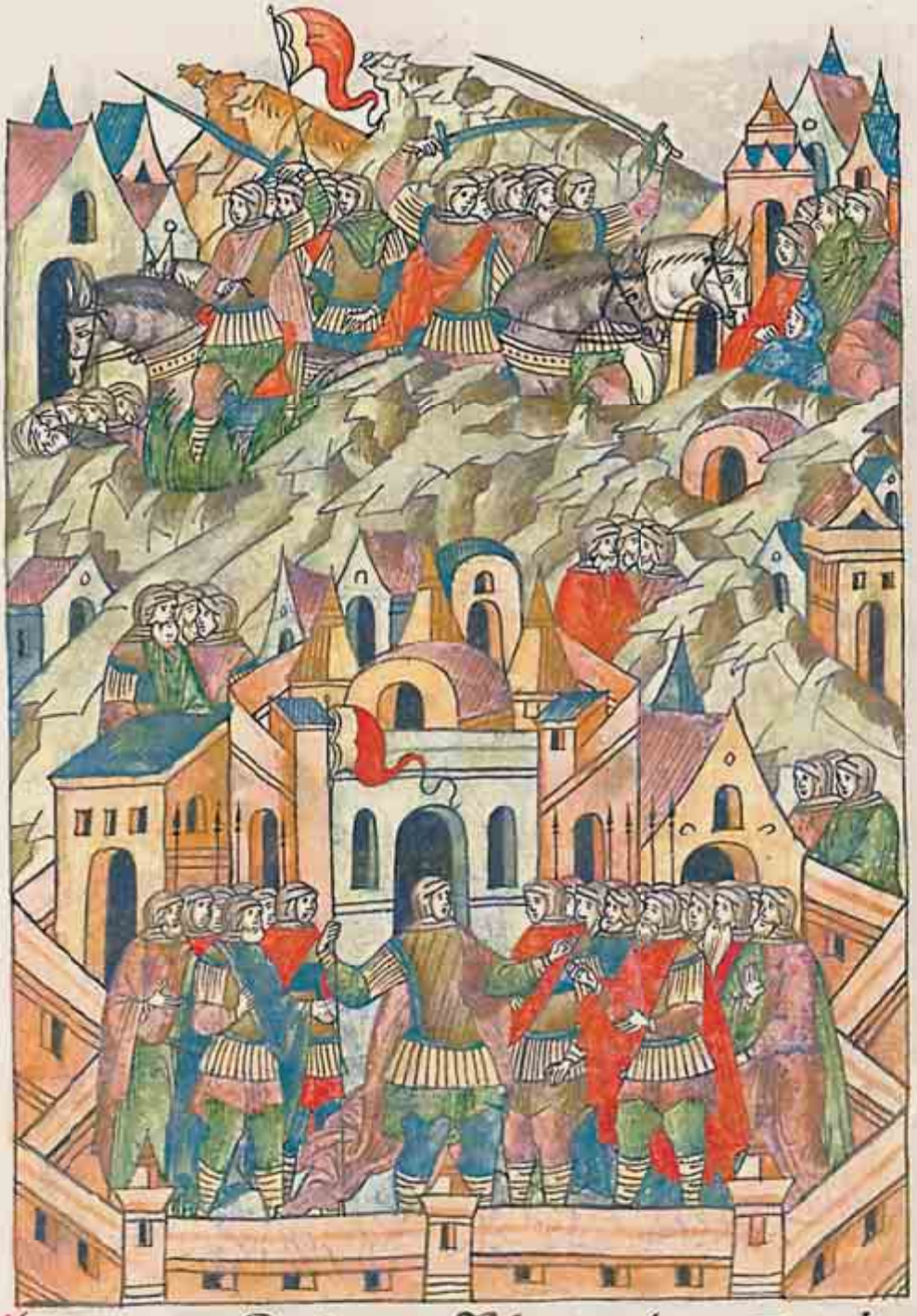
Ѝнакъ вда́сть ста́вы ѥ́рѧ́мъ . и҃ кѵ́сто́къ
Си́монъ сѝ въ гѣ́ѡрнѡ́нѣ . родо́мъ гера
сани́нъ . оу҃ношаѧ́ оу҃мъ . и҃на́ лесть
хоу́ѧ́ѥ́ и҃ѡа́на́нъ же ѥ́сть хана́на . на
моу҃ стоже . и҃на хра́бры стѣ́ пре́вы шій .
тѣ́мъ же на́нъ а҃рхиере́й вы шедше́й ѡ҃
ла́стнѣ́го . и҃ тои́ при́ко гѣ́ѕ маса́ѕи
зло дѣ́мь . немѣ́ сме́сни́ми , ѡ҃ни́же
не́ пре́да не́ шѧ́ ѥ́моу а҃ѳры . и҃ пои́сти

Другая беда произошла в Иерусалиме. Человек один был там, Симон, сын Гиоры, родом из Геразы. В обмане он уступал разбойнику Иодинну, то есть Иоханану, силой же храбростью превосходил его. Потому Анан первосвященник лишил Симона власти его. Тогда Симон бежал к злодеям, занявшим Масаду, крепость около Иерусалима, и присоединился к ним. Разбойники же сначала не поверили ему и отправили

его жить во внешней крепости с женами и слугами. Сами же разбойники пребывали в крепости внутренней.

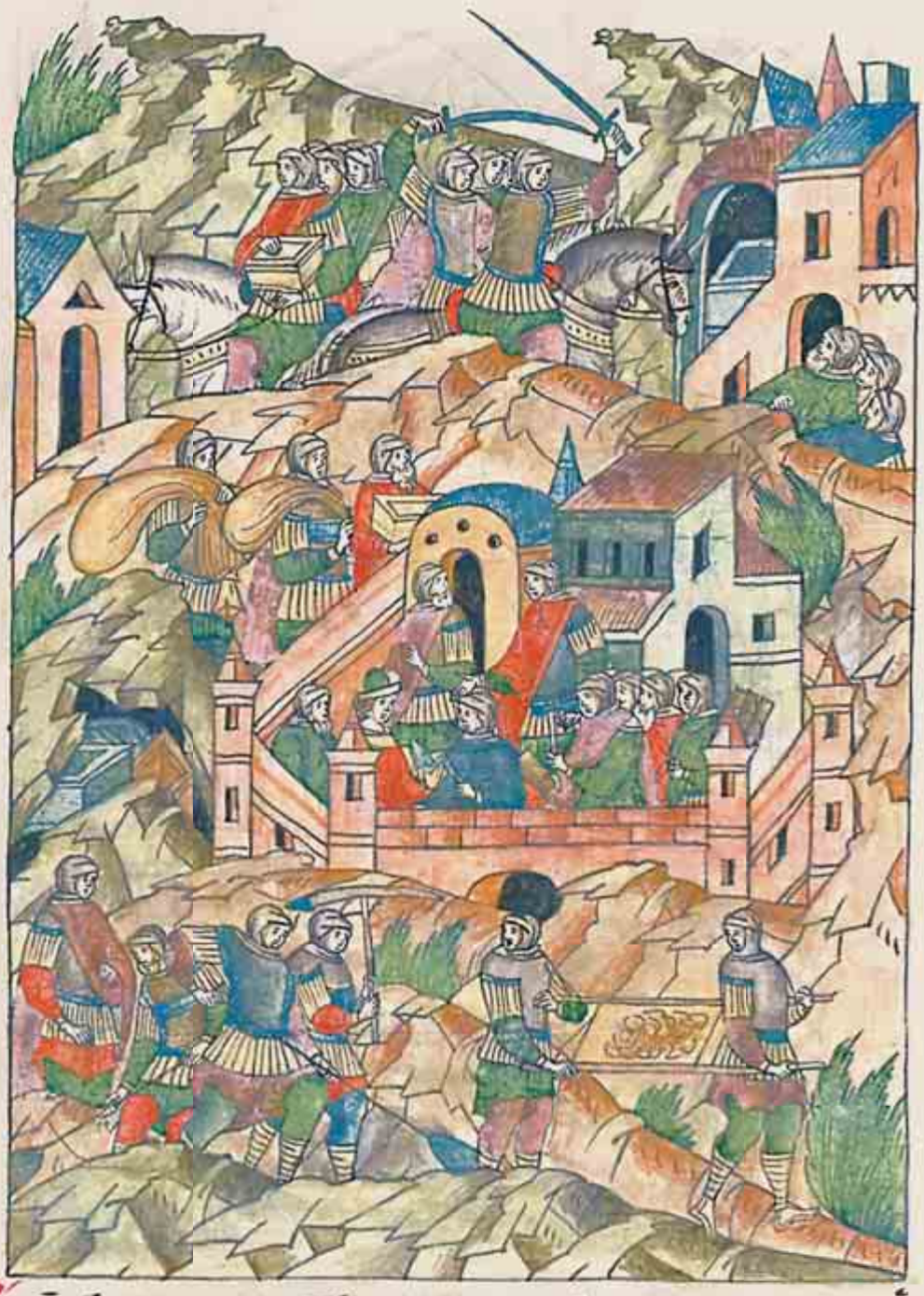


Никогда ходили они на разбой, то и Симон ходил с ними. И те, видя способности его, привыкли к нему, и стали слушаться его. И он обещал рабам свободу, а свободным почет.

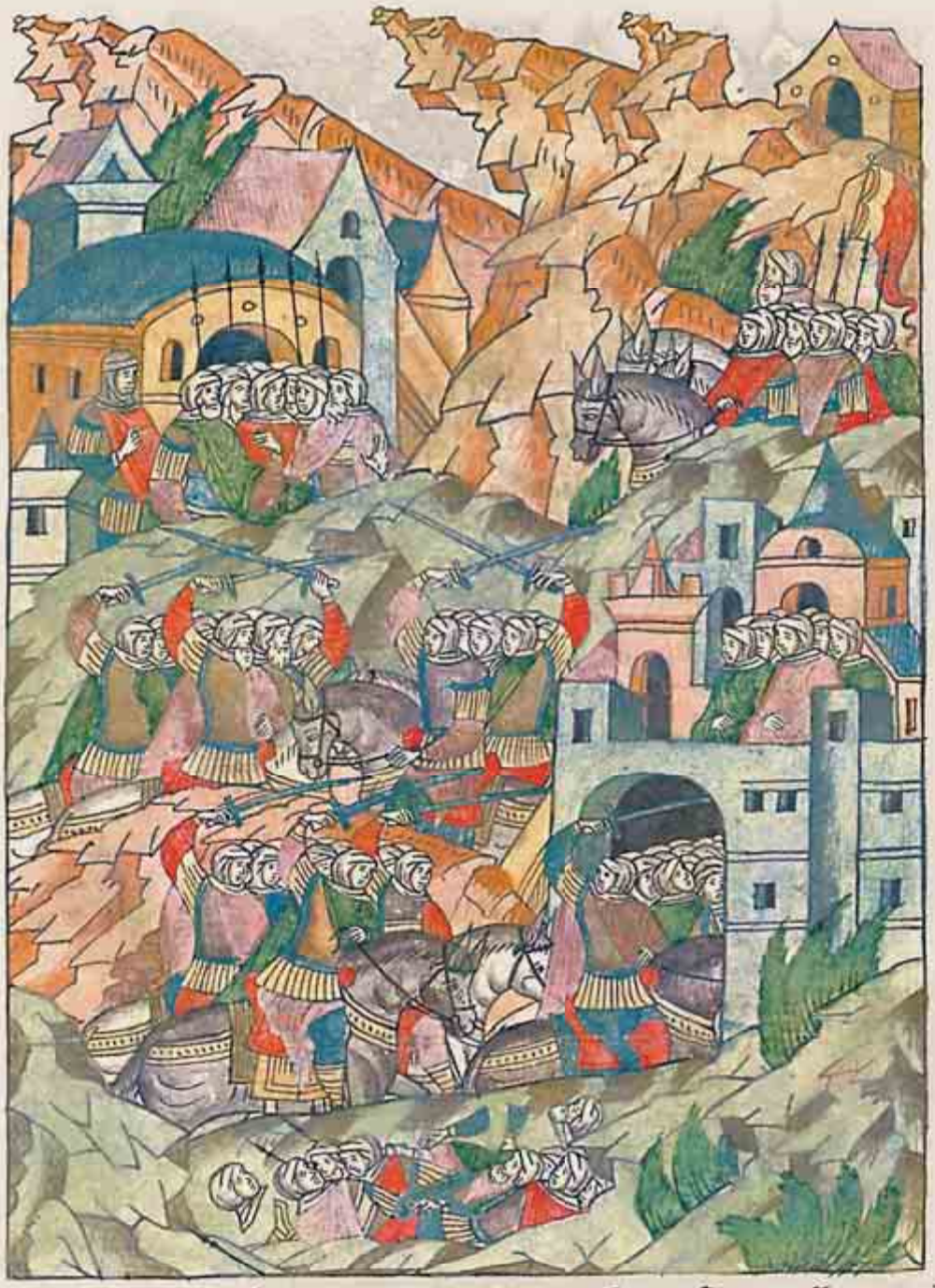


И съкра́йи сѧ̀ всѣ́ бѣ́шѧ злоу́каꙗныхъ . ѥ҆ѣ̀ ѥ҆ма́шеѥ́ стáноу҆ . мно́зи сѝлны и҆ дѣ́ицѣ сѝлоу ѥ҆го́ . и҆ ма́зны прилѣ́пльшѧ злохоу́мьсѣмоу , и҆ ѥ҆ла́ злахоу́тьи ́ѧ́ствѣ . и҆ послоу́ша хоуѭдѣ́лѣ́нїа ѥ҆го́ ;

И собрал Симон вокруг себя всяких дурных людей и разорял всех остальных. Многие из вельмож видели силу его и удачу и присоединялись к Симону, и почитали его царем, и слушались повелений его.

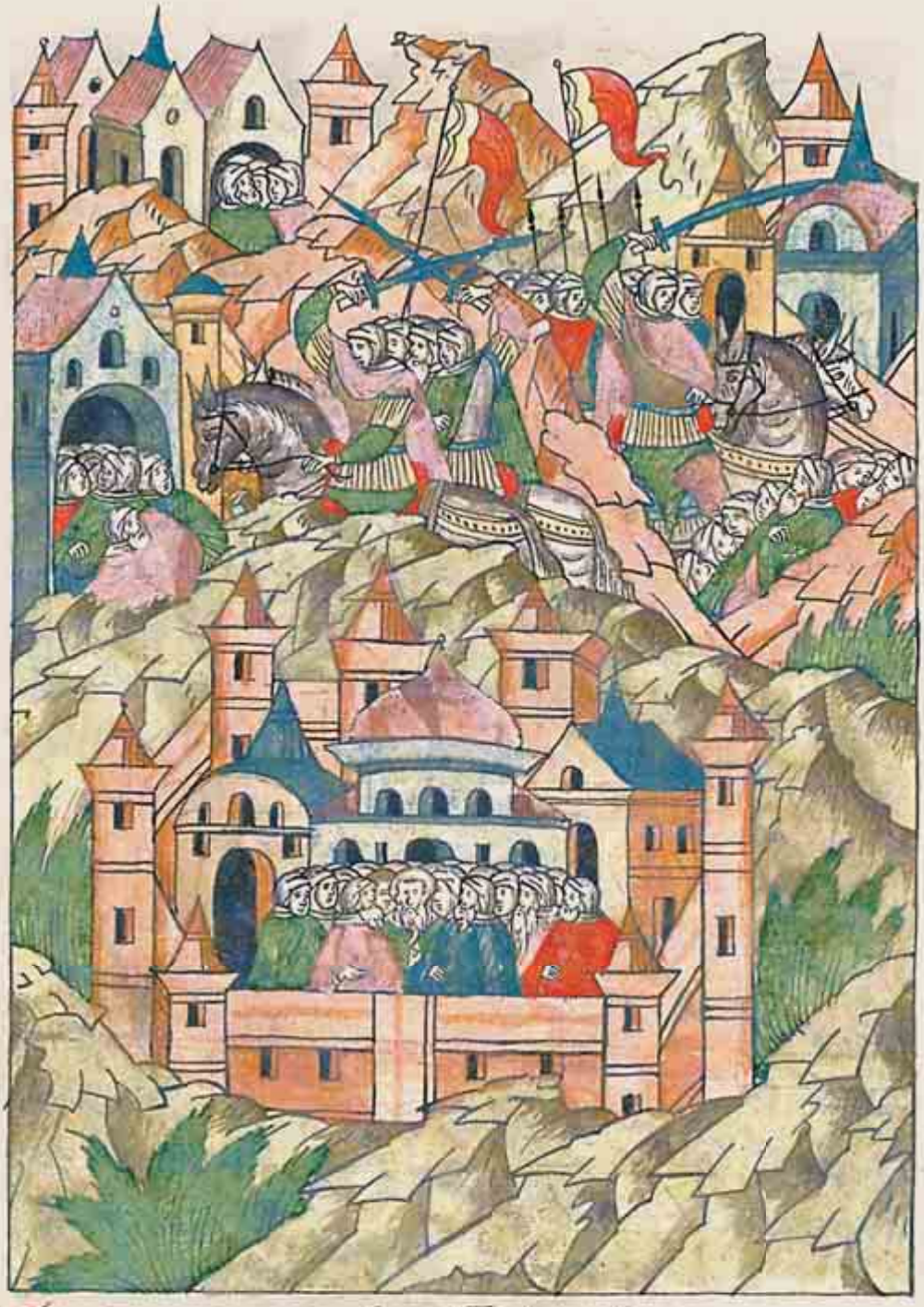


Симон же нашел место укрепленное, называемое Наин, и там построил себе вроде крепости, и многие подземелья выкопал и расширил, и все, что грабил, туда приносил. И был ему Наин убежищем, а подземелья хранилищем для награбленного.



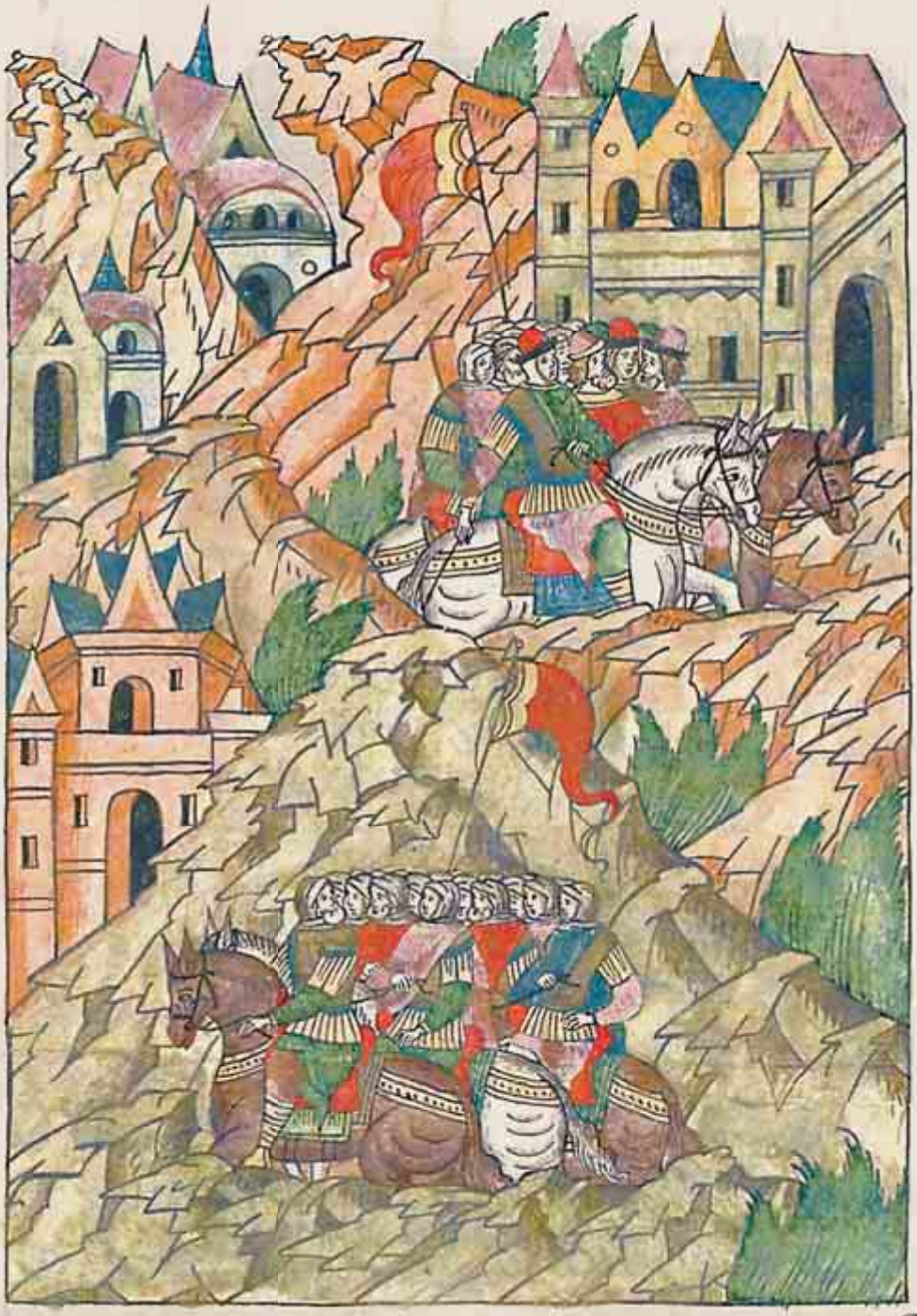
Ѧленожебысть пристрайдлядомсвоа
нмиерлнмь . ипредварившередниттели
пришествиеегодъворужившесяпри
идошанана . иимшивисполчидъ
вомиолбисмнними . имногиоубн
прочаяжебыгнл
дъгрл .

Ясно же было, что готовит Симон воинов своих к походу на Иерусалим. И опередили ревнители его приход, и вооружились, и пошли на Симона. И поднял Симон воинов своих и бился с ревнителями, и многих убил, остальных же гнал до Иерусалима.



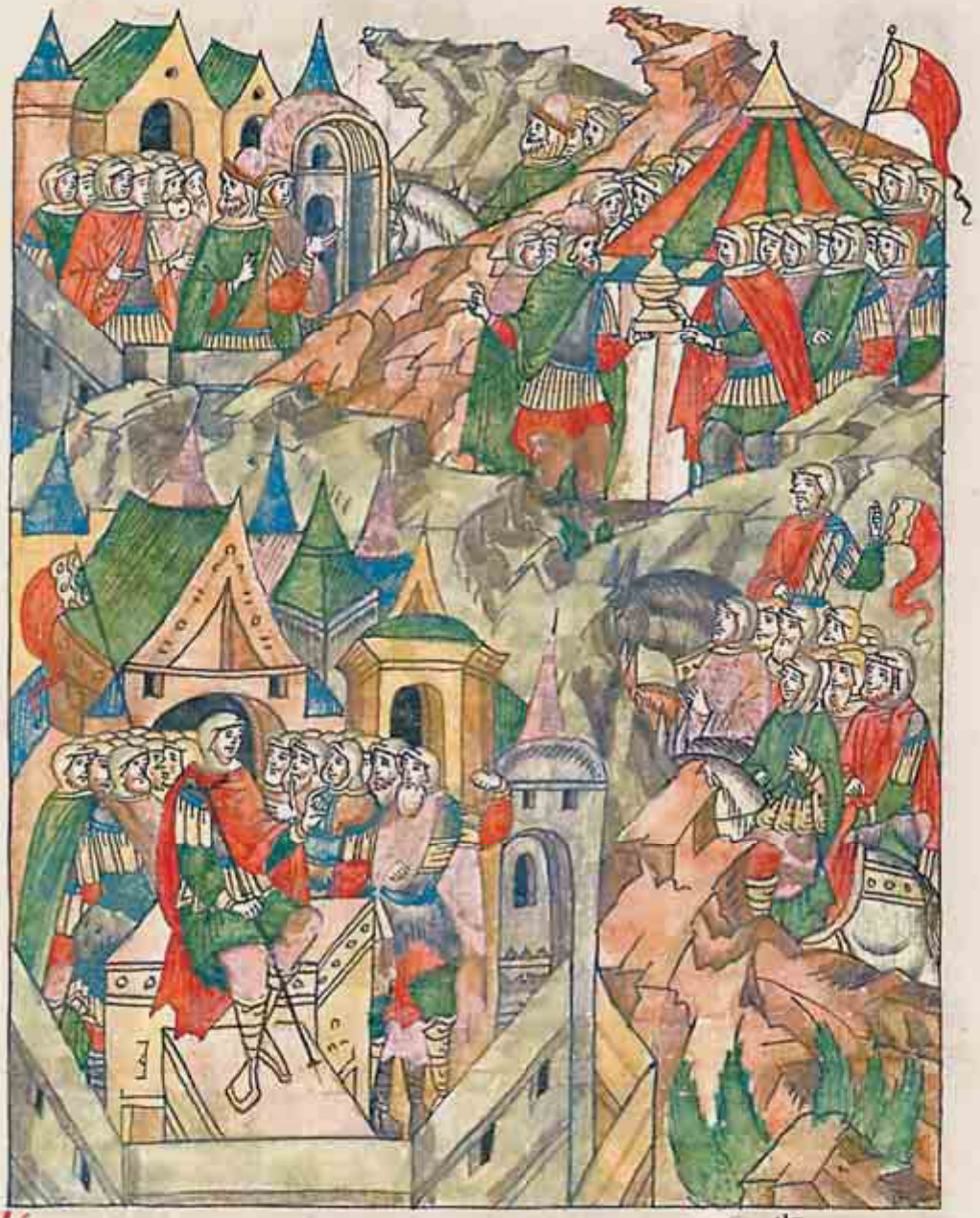
Потом же Симон с двумя десятками тысяч воинов напал на земли Идумейские.

Предводители же идумеев собрали скоро 15 тысяч самых крепких людей и сопротивлялись Симону, и бились с утра до вечера.



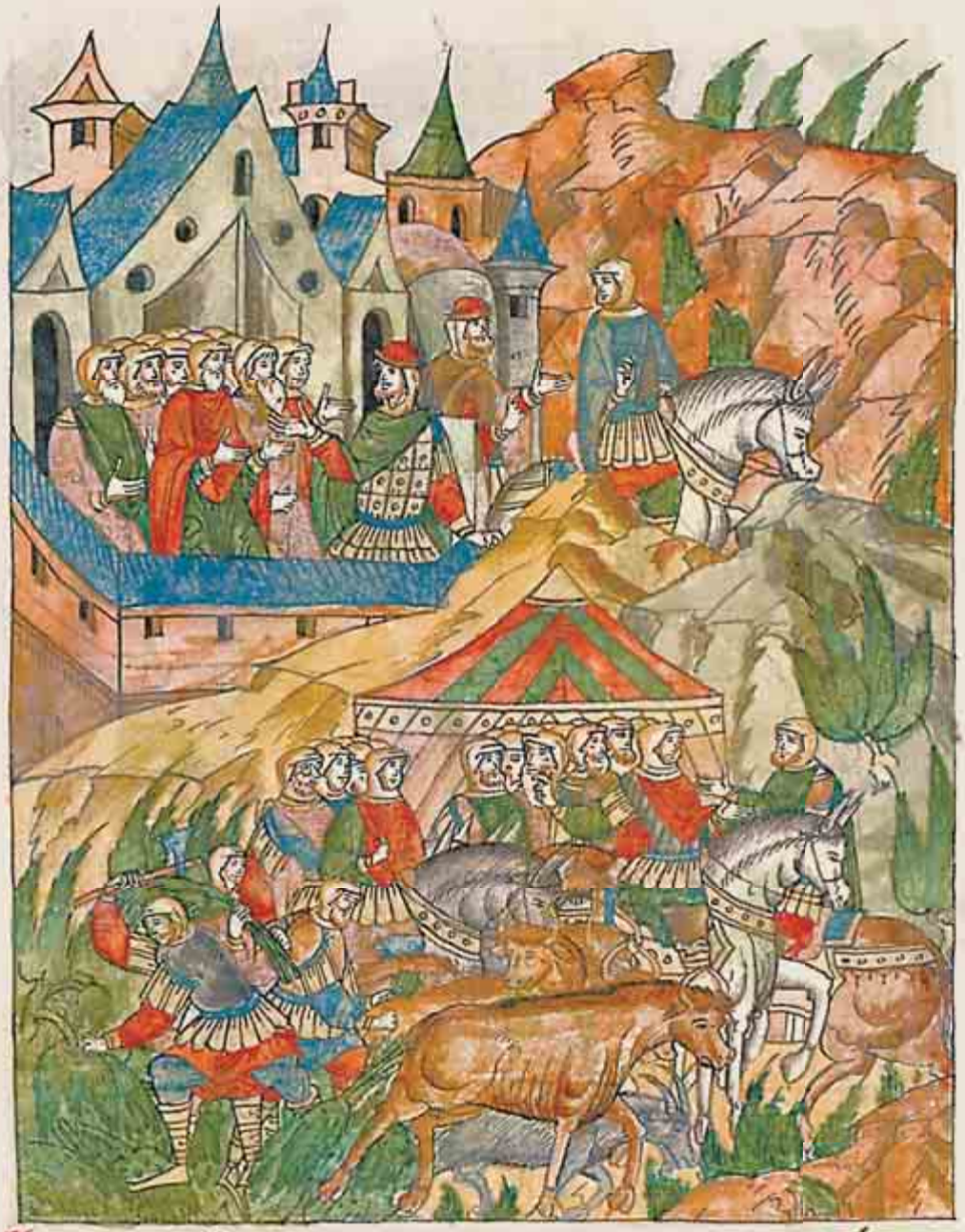
Неповѣдиша́ же ни́и́ни́рабы́ до́ша симѡнъ въ по́ли́ а́ идоумѣ́ и́съ по а̀.

Не победил же ни один из них, и разошлись они: Симон — в Ндин, а идумеи — по своим домам.



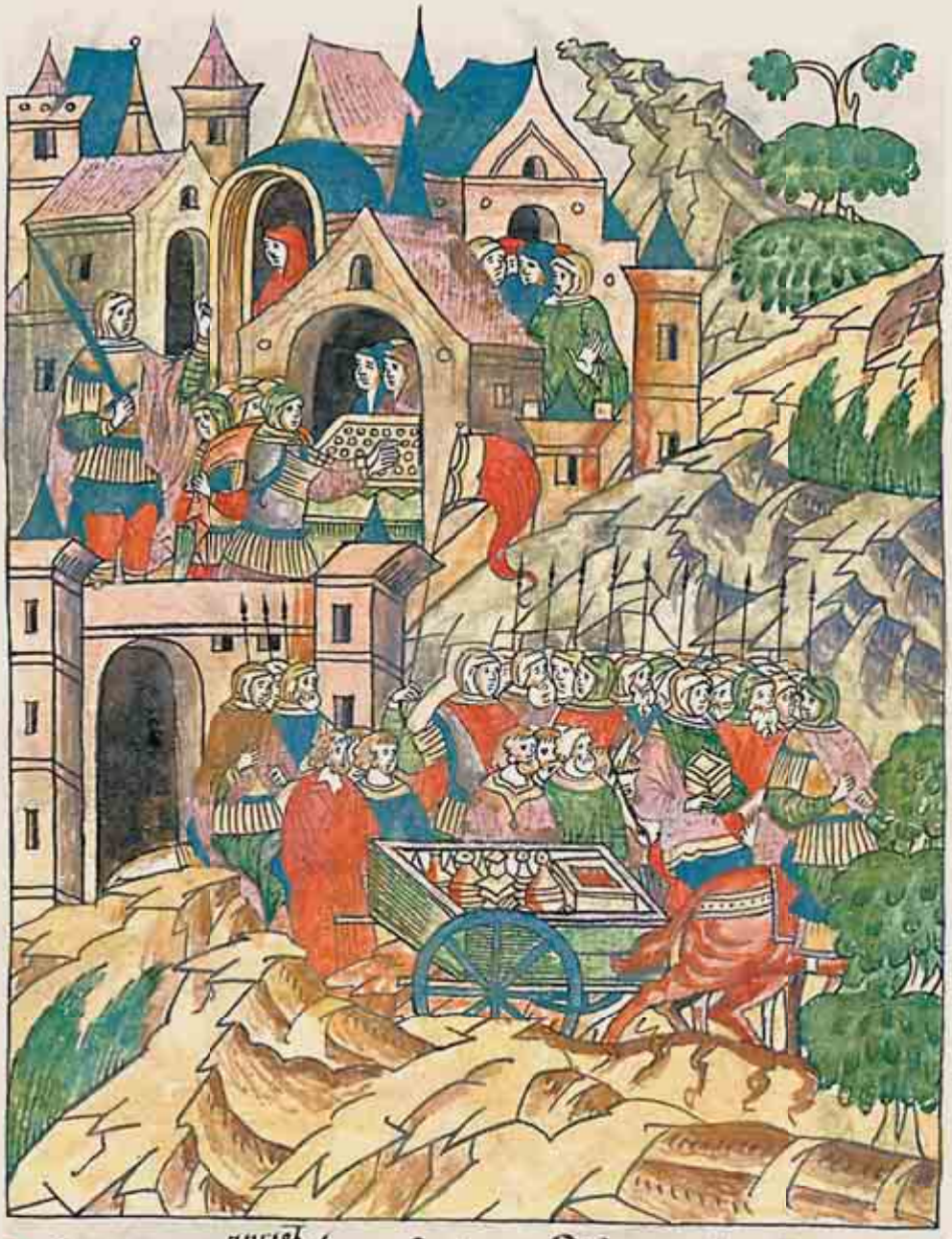
Ѝ съ҃бравъ̀ болшоую̀ силоу̀ симонъ̀ . поми
лѣ̀ дніѝ паісіѝ пріндѐна̀ . иѥ̀ вобщесѧ
замы̀слиша̀ послатѝ просо̀чникѝ насъ҃гла
да̀ніѐ по̀ е҃го̀ . и на̀ тоу̀ слоу̀ бо̀ оу҃ дасѧ
ѝ соѥдинѣ̀ шѧ̀ сѥ̀ со̀ . помы̀сла̀ преда
ніе . ѝ прищѣ̀ сѧ̀ симѡ̀нъ̀ ѹ҃ пнгр҃ѣ̀ писа̀нны̀мъ
да̀ сѧ҃ чтѡ̀ бо̀ оу҃ дѣтъ҃ вѡ̀ нѣ̀ го . ѝ дла̀ предасть
ѥ҃моу̀ сю̀ндоумею̀ , ѝ почтѝ дъ҃ ѥ҃го̀ да̀ро
симонъ̀ , ѝ ѡ҃ мо҃ лвѣ̀ ніѐ мъ҃ впоу̀ стѝ и .

Собрав еще больше войска, Симон вскоре снова пошел против идумеев. Они же боялись, и задумали послать разведчиков, чтобы посмотреть войско его. На это задание вызвался Иаков, один из военачальников идумейских. Замышлял же он предать идумеев. И пришел этот Иаков к Симону, и поклялись они, что Симон окажет Иакову почет у себя, а Иаков сдаст Симону всю Идумею. И почтил Симон Иакова подарком и с обещанием будущего почета отпустил.

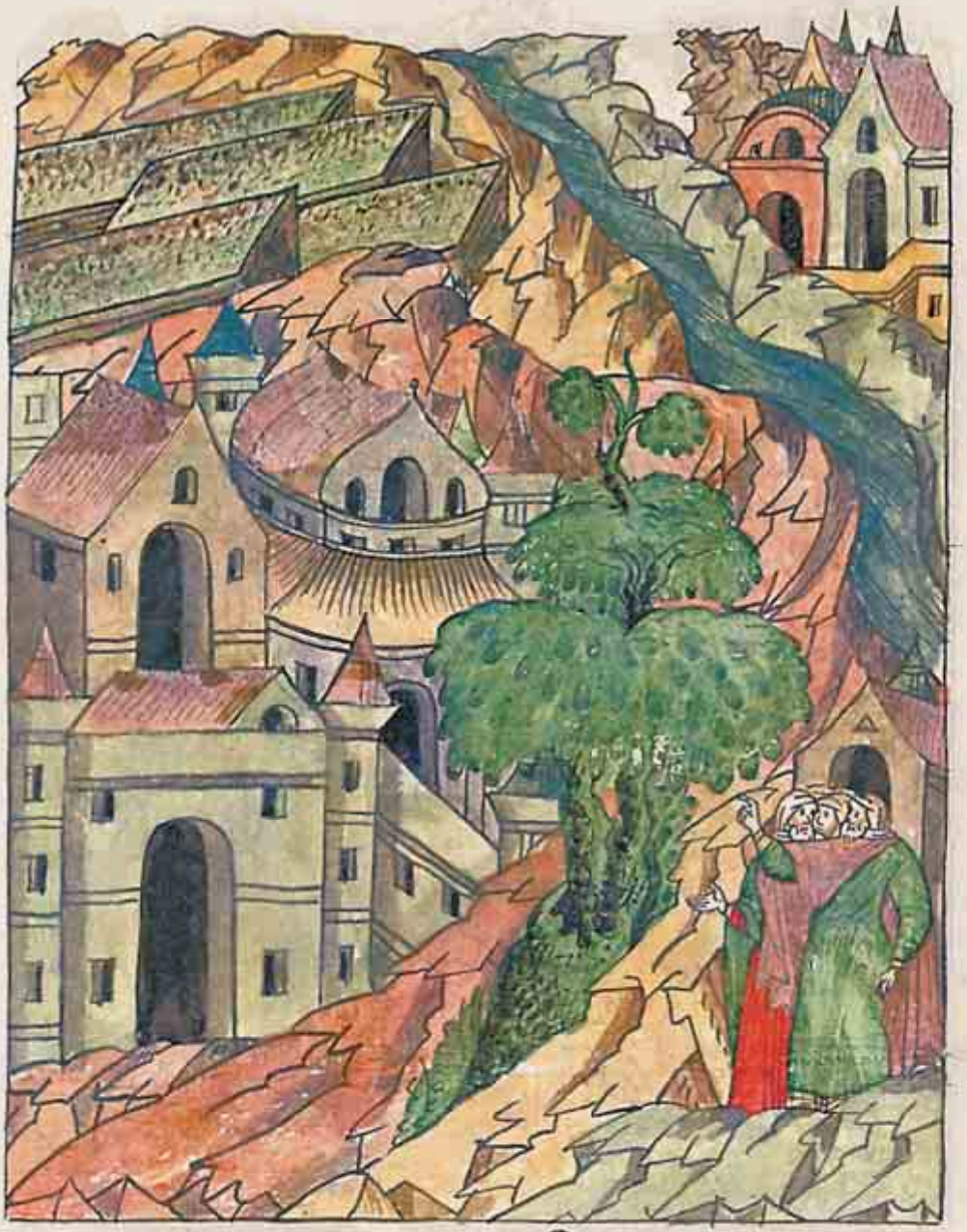


Наков же пришел к своим и стал их обманывать, и завысил число войска Симона в четыре раза, а затем подговаривал военачальников сдаться Симону без боя. И к Симону послал Наков, чтобы тот шел на идумеев, а немногим воинам приказал за собой гнать скотину с привязанными к ней ветками деревьев, чтобы пыль большая поднялась, и казалось, что это все воины идут.

Наков же стал ссориться с идумеями, и говорил: «Разве гробов у вас нет, что вы жаждете умереть здесь?» Идумеи же, увидев воинов Симона, а за ними пыль поднявшуюся, думали, что задних больше, чем передних, и разбежались.

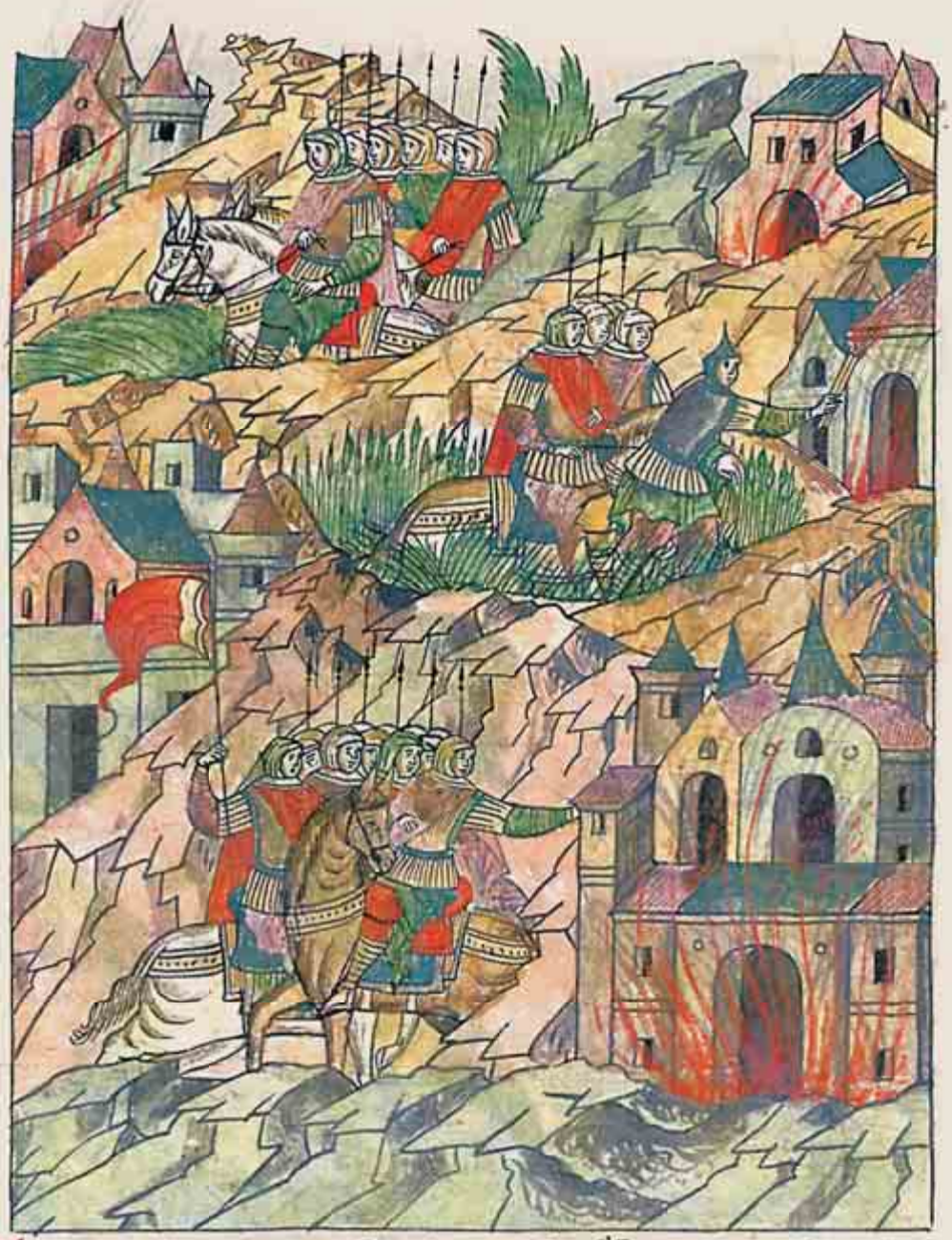


Симон же сначала взял город Хеврон и много добычи захватил в нем.

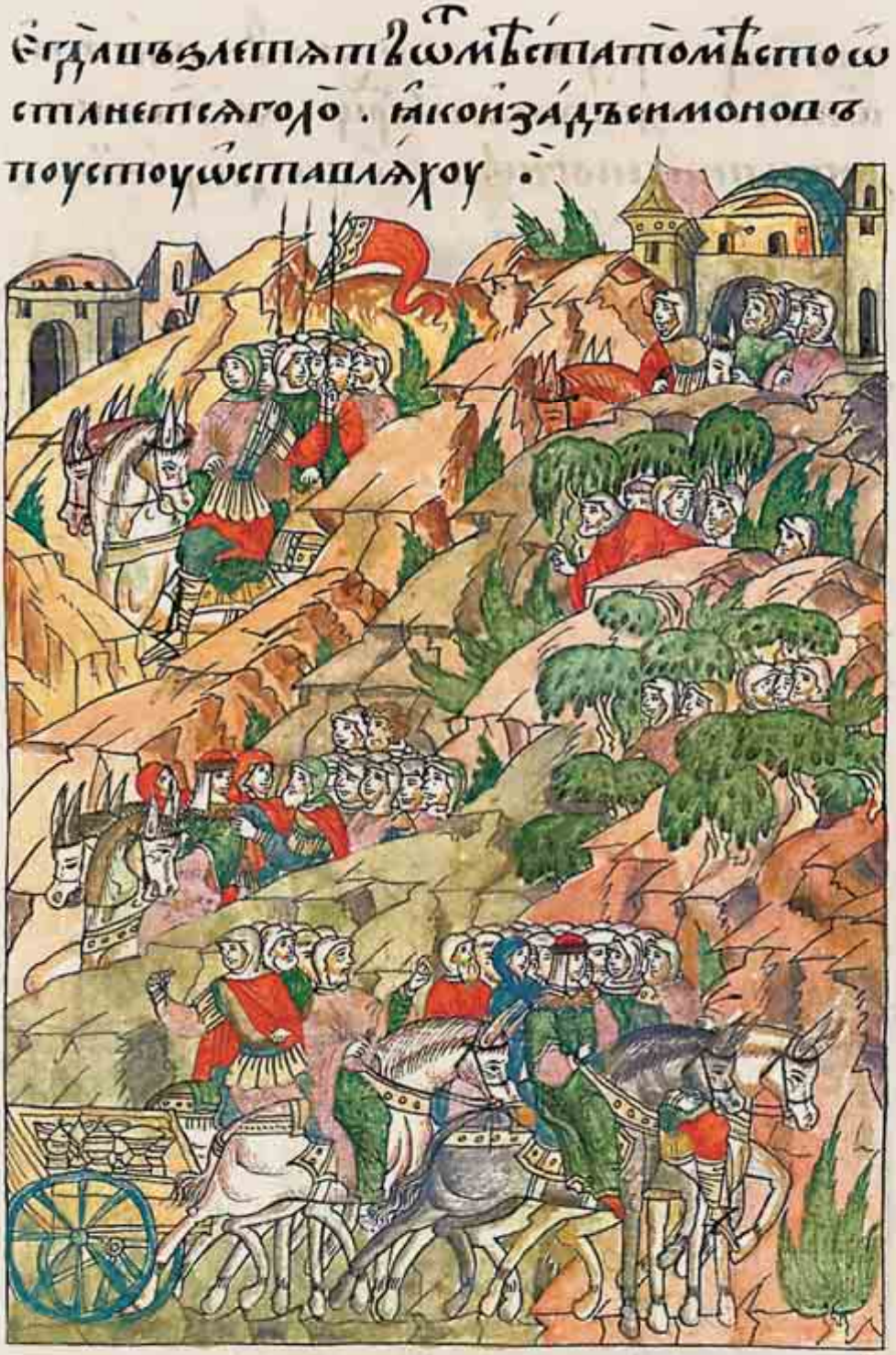


Глють же земцы яко сего ради хеврон ть жили
цѣ ѣ авраамово по прадѣ да е пр ѣ писа .
его да пресели ша мѣ жю ю рт ѣ чїа . ис ѣ шедее
ѿ то у до ви до ша в е гу пет ѣ . и гро бы
их ѣ и до сего вре ст о ят ѣ из ра сны ма ра мо ро м ѣ
хи тро из дѣ лани . то ужее сть и дре во
ве ли ко тво ри ф ѣ ст ои ѿ со зда ниа и до се
лѣ . ѕ . лѣт ь и . т . сь ко гра ст ар ѣ и шее сть
гра е гу пет ь ски хе вр ѣ ски .

Говорят же местные жители, что этот город Хеврон жилищем был Авраама, предка еврейского народа, когда тот переселился из Междуречья, и сыновья его оттуда пошли в Египет, и гробы их до сих пор стоят, из прекрасного мрамора искусно сделанные. Там же есть и дерево огромное теревинф, которое стоит от Сотворения мира и доселе. Городу Хеврону 2300 лет, этот город старше всех городов египетских и еврейских.



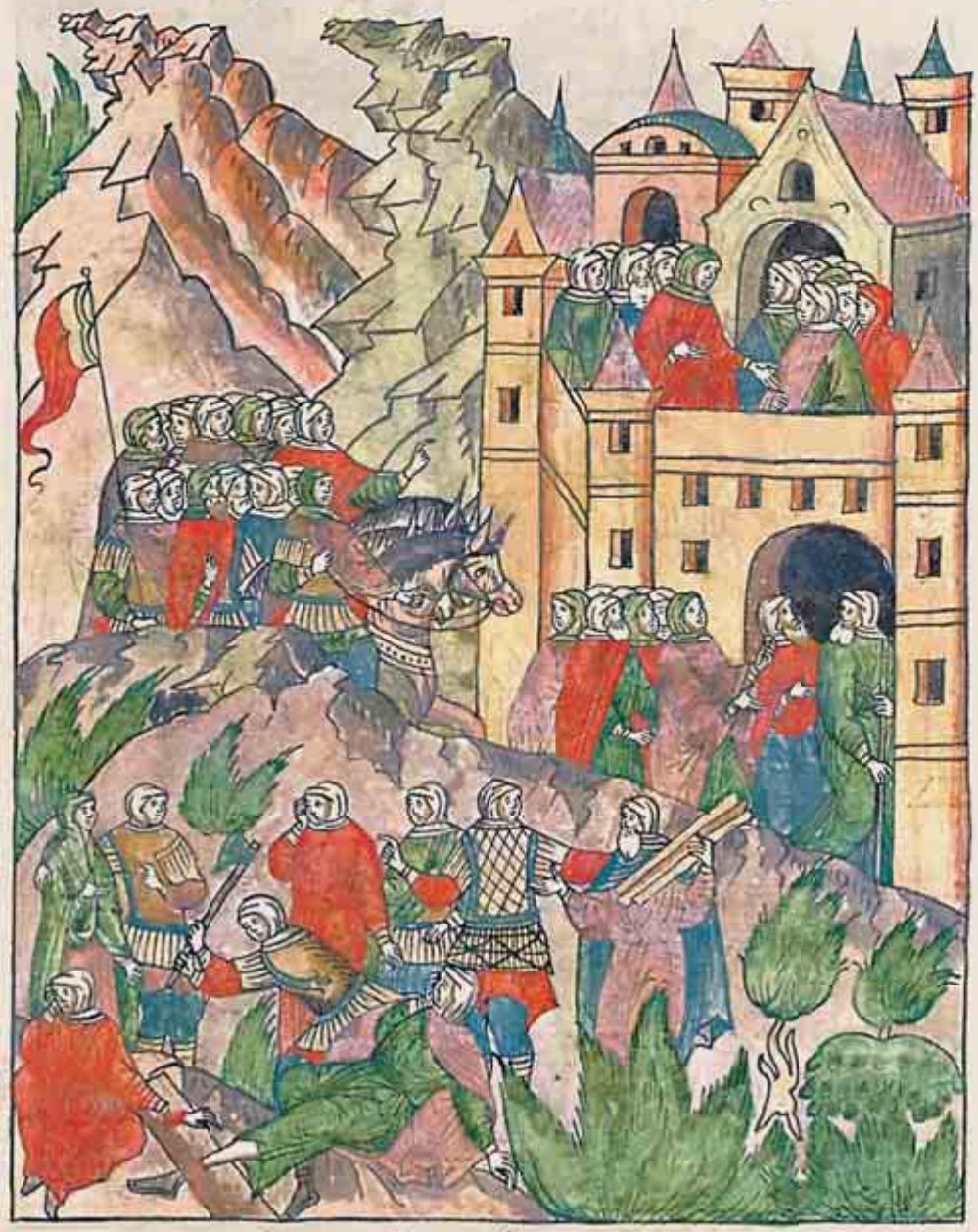
Из Хеврона же стал Симон города и села жечь. И так он опустошал землю, что не оставлял никакого признака того, что там раньше что-то было. Ибо шли с ним кроме вооруженных воинов еще 40 тысяч человек, и еды им не хватало. С жестокостью относился Симон и ненавистью к идумейскому народу. Потому и губил все подряд, и пашни, и травы вытаптывал, оставляя после себя землю такой, какой она бывает после саранчи.



Когда саранча улетает с места, то место остается голым. Так и после Симона пустыня оставалась.

Снова же ревнители пришли против Симона и не смели с войском биться, но попрятались по разным местам у перекрестков дорог, и похитили жену Симона, которая шла мимо, и слуг ее, и утварь, и с радостью вернулись, как будто самого Симона захватили. И думали ревнители,

что Симон скоро оружие сложит и станет о жене просить. Сердце же Симона исполнилось не жалостью к жене, но гневом на тех, кто ее похитил.



Н приступил Симон к стенам Иерусалима, как раненый зверь, и, поскольку не мог достать ранивших его, то на тех, кто попадался, вымещал свой гнев. Кто бы ни вышел, овощей ли собрать, или за дровами, старики, или женщины, или другие слабые, отсекал Симон руки у них и ноги

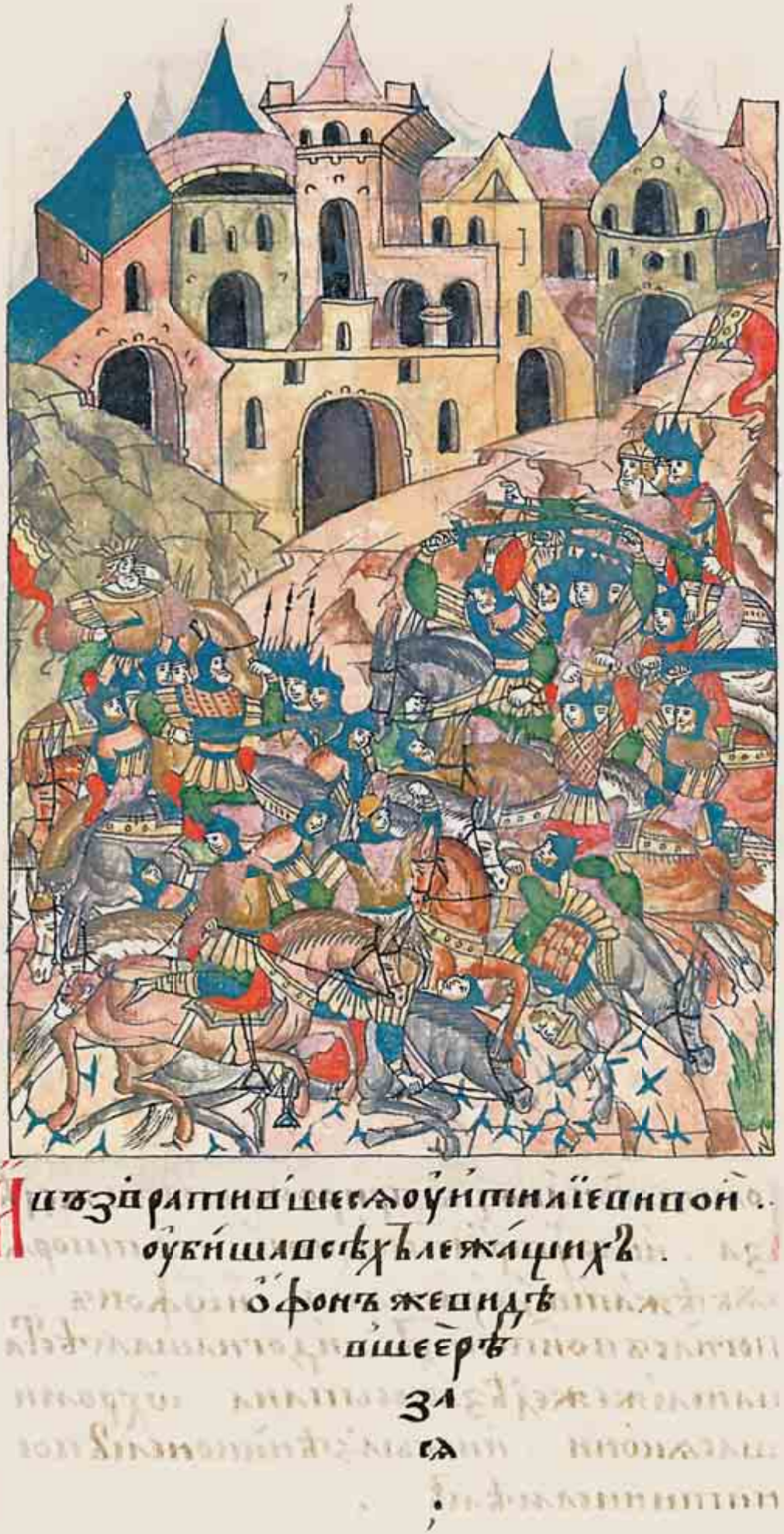
и отпускал в город, чтобы устрашились горожане. И велел Симон людям, которых он изувечил, говорить в городе: «Симон клянется Богом живым, Вседержителем, Всевидящим, что если скоро не вернете ему жену, то разрушит он стены и войдет, и также сделает всем горожанам, как нам сделал, и не пощадит никакого же возраста, и не будет разбирать, кто виноват, а кто невиновен».

Испугались же в Иерусалиме угроз Симона и выслали ему жену, и тогда он успокоился и какое-то время перестал убивать.

То же время не только в Иудее был мятеж и раздоры, но и в Италии. Убит же был посреди Рима император Гальба, и сделали императором Отона. Вителлий же с римскими воинами из Германии бился с Отоном. И в первый день одолел Отон, а во второй Вителлий.

Пометавъ онáноць трирожныя желѣзá . и наутріа исполнившеесѧ тщетá сбѣжáти Ѹителлію . и шѳдшю погнáтьсѧ зáними . и догнáвшимъ тѣмъ . нáполѣ желѣзá засыпáна . ѡхромѣли шлемѳны . и небылѣ ни коню ни человѣку нигдѣ выйти .

Набросал же Вителлий ночью особые орудия с тремя железными остриями, и, когда утро наступило, притворился Вителлий, что спасается бегством, а Отон погнался с воинами за ним, и гнался до места, где эти железные орудия были рассыпаны, и покалечились кони, и нельзя было ни коням выйти оттуда, ни самим воинам.



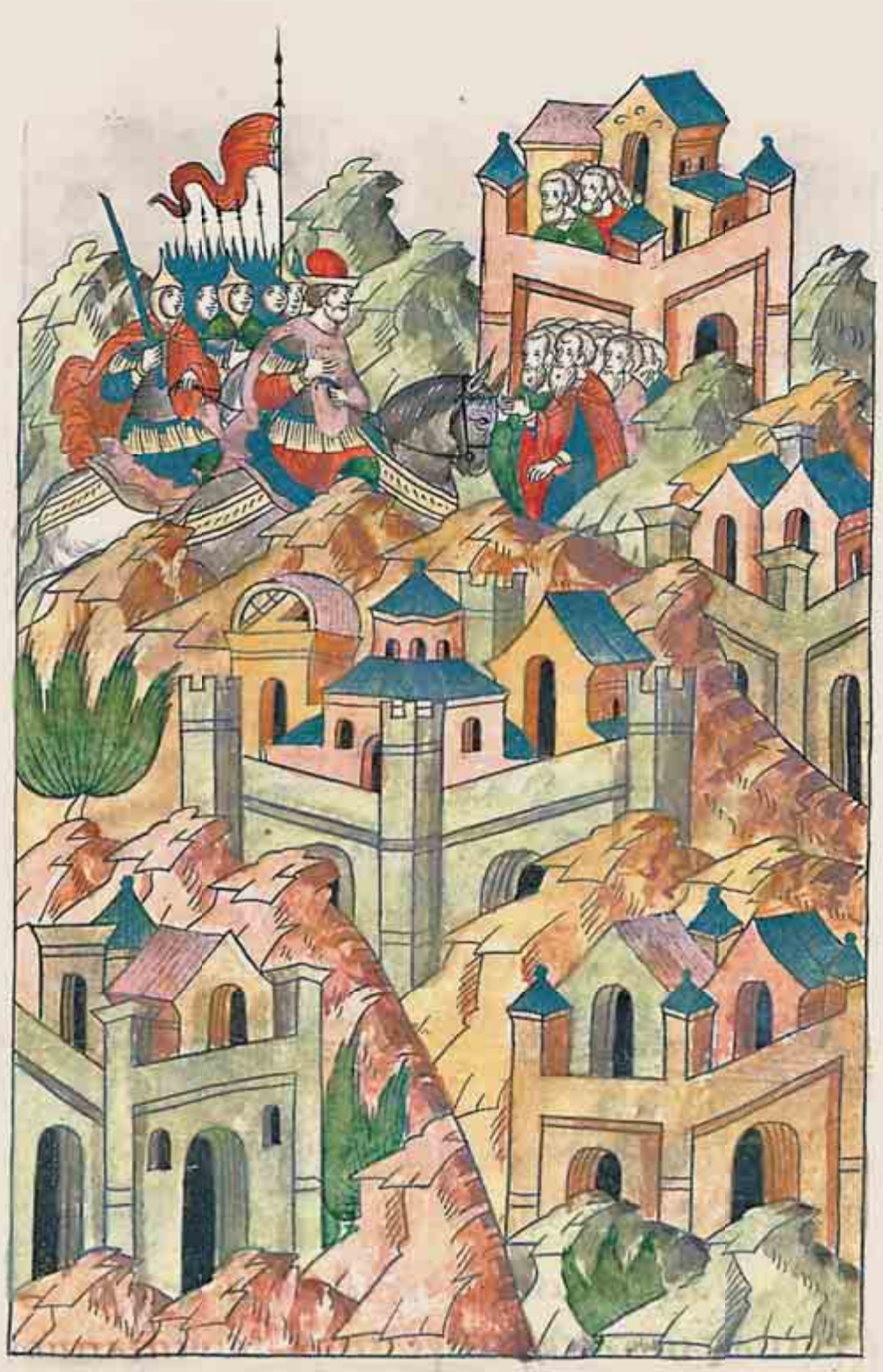
И возвратились воины Вителлия, и убили всех лежащих. Отон же увидел это и зарезал себя.

ѡбезаконіи іерусалимлянъ

Ѵ веспасіанъ же устремисѧ на ѡставшіѧсѧ градꙑ . иудейскіѧ ѡбладѣти . ѡбошелъ , и гофнитскую , и акрабатскую область . и ефремъ . и ѿтоудꙋ
тѣ
ѕѣ
ри
ма;

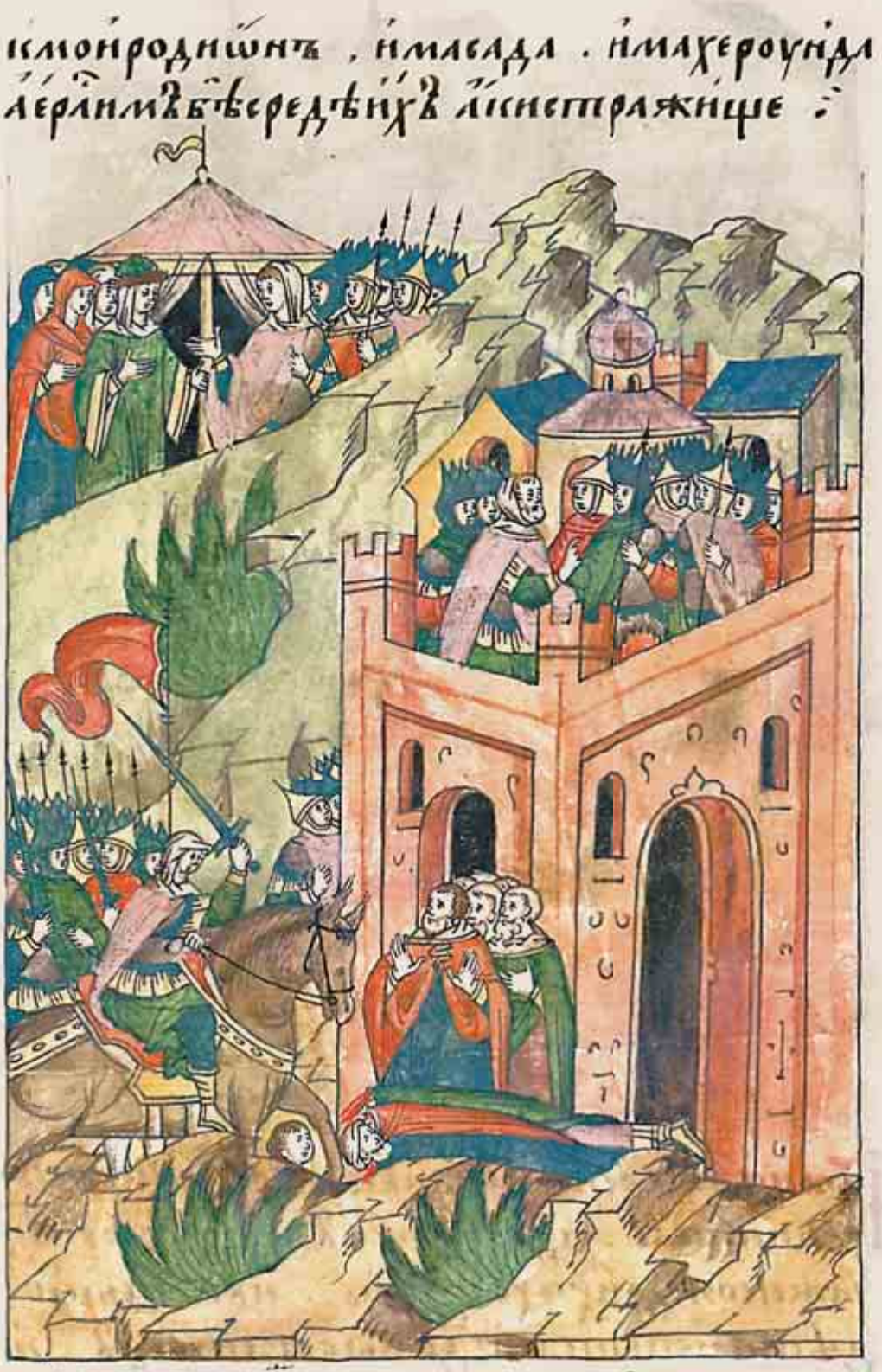
О беззаконии жителей Иерусалима

Веспасиан же устремился на оставшиеся незавоеванными города Иудеи, завоевал всю Гофнитскую и Акрабатскую области, и города Бефилу, и Эфраим, и оттуда поскакал к Иерусалиму.



Кереалїнъжеепластелїнъегопоѣдашаепрѣвнеюїдоумеюїпришѣнаградхарлїмъ. їпонудѣвстѣныегоотверды. івысоки. їхотящѣемоуприступыдѣлати. ноонезлїпоугражанепыниндошасмолбою їподашасѧ. їнеостасѧграннѣто

Цереал же, военачальник Веспасиана, разорял Верхнюю Идумею, и пришел к городу Кафарабин, и увидел стены его крепкие и высокие, и хотел насыпь делать. Вдруг горожане вышли и умоляли о пощаде, и сдались. И не осталось городов непокоренных, кроме



Иродиона, и Масады, и Махерона. Иерусалим же стоял среди них как самая главная твердыня.

Симонъ же еще изъ башни женоу · стоя
сь Іерлима · и сады выходящая
сѣчаше ;

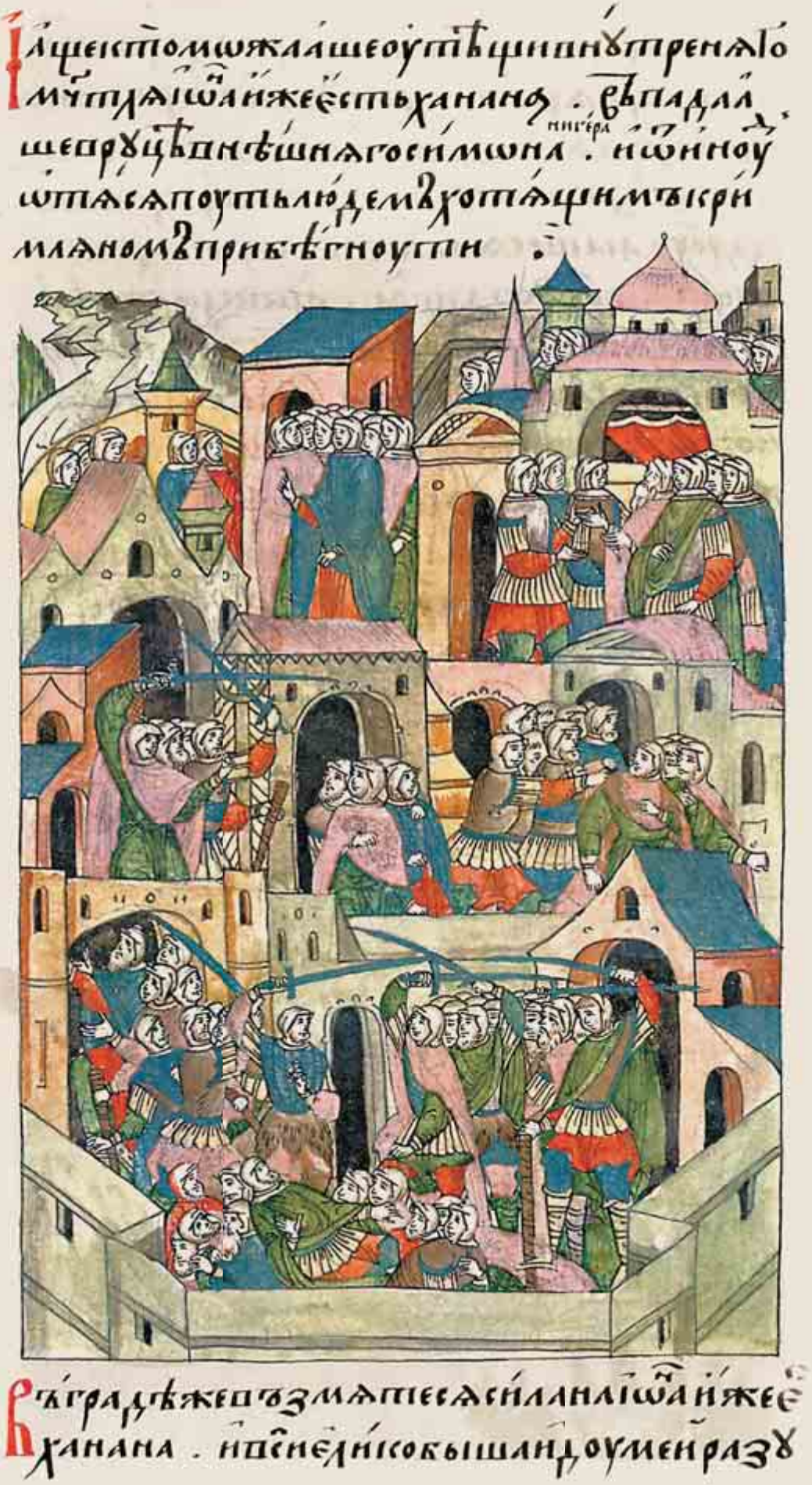
Симон же, предводитель разбойников, после того, как вызволил жену, стоял у Иерусалима, и снова стал всех выходящих из города рубить.

Иωаннъ же есть Іоаннъ предтеча Христовъ
ревнителе . да сътымъ волю творити
яже кождо ихъ хощетъ . и бысть ти
дѣти испытаніе домы богатыхъ , и
дъхновеніе конечно . и тѣченіемъ оу жь
и блоужені е же нъ . и яже грабяхоу сь сро
шю по жираху оу . и безъ страха жень
сѣ ласти рти и обычаю возрати шася .
и власы своа ваяхоу , и ри зы женскія

В Иерусалиме же другой предводитель разбойников, Иоанн, привлек на свою сторону ревнителей и дал им волю делать то, что они захотят. И можно было видеть, как обыскивали дома богатых и грабили все до конца, и убивали мужчин, и насиловали женщин, и то, что грабили, с кровью убитых пожирали. И без страха к порокам обращались, перенимая женский обычай, волосы свои завивали, и в одежды женские

одевались, и щеки румянили, и глаза подводили, и маслом пахучим обливались, и к множеству блуда, и к беззаконному наслаждению обращались, и друг с другом, как с женщинами, предавались похоти. Кружились эти разбойники по городу, как по дому для прелюбодейства, и осквернились всякими нечистыми делами. Женщин вид принимали, руки же в крови были у них. Походкой для смеха изображали женщин, внезапно же оказывались убийцами. Меч проверить вынимали и тех, кто попадался на пути, убивали.

Иесли кто
мог убежать
из Иерусалима
от внутреннего мучителя, Иоанна, тот попадал в руки внешнего мучителя, Симона, и совсем отрезан был путь для тех людей, кто желал к римлянам бежать.



В городе же восстало войско против Иоанна. Все идумеи, сколько их было в войске,

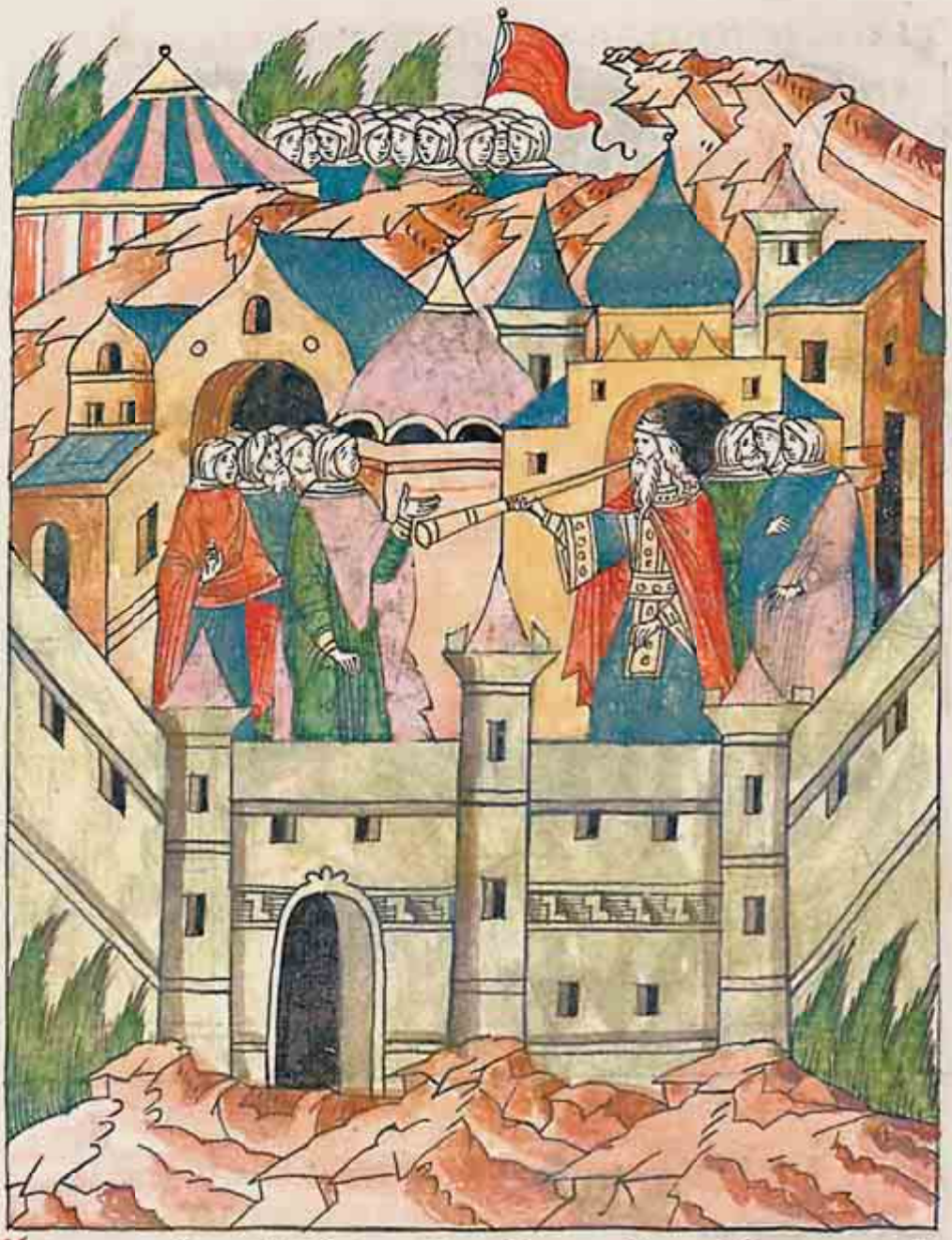
восстали на мучителя, ненавидя его за его жестокость. И сошлись идумеи с ревнителями и много их убили, а остальные бежали в царский дворец, и оттуда их выгнали, и бежали они в храм. Идумеи же разграбили богатство Иоанна, ибо в том доме было хранилище кровавых сокровищ его. И те ревнители, что были разбросаны по городу, тогда собрались и пришли к своим в храм.

И готовился Иоанн идти с ревнителями против народа и против идумеев. Народ же и идумеи боялись восстания ревнителей, и отчаяния их, и устроили совет с первосвященниками, на котором решали, как уберечься от ревнителей, чтобы не напали они внезапно, и не перебили народ, и город не подожгли. Бог же попустил, чтобы решение их было во зло, и чтобы то, в чем они искали спасения, обернулось погибелью. И, желая падения Иоанна, задумали жители Иерусалима к Симону послать с прошением, чтобы вошел в город и спас их. Не ведали они, что жестокого мучителя приглашали на свою погибель.

Не закончили жители Иерусалима совет свой, и послали Матфея первосвященника к тому, кого до этого боялись. Симон же с гордостью выслушал их и вошел как владыка, чтобы избавить город от ревнителей, и приветствовал его народ как спасителя и заступника. Симон же стал заботиться не о людях, но о себе, о том, как ему властвовать одному, и одинаково считал врагами и тех, кто его звал, и тех, против кого его звали.

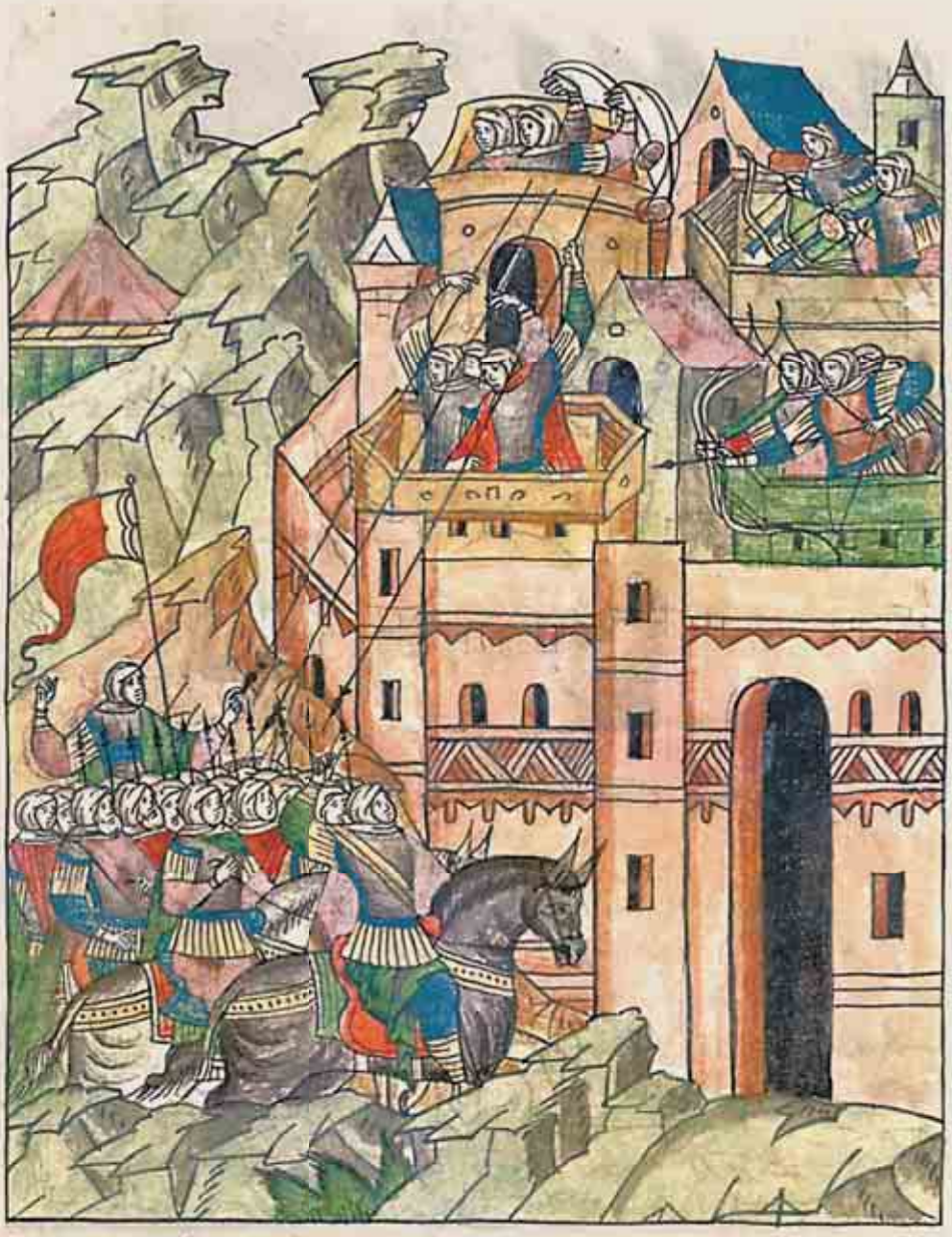
Иоанн же и ревнители, запертые отовсюду, так что не имели необходимого, отчаялись, и встали они на крытых переходах и стенах храма, и сражались с Симоном, и многих из народа убили, поскольку сверху били.

Построили ревнители еще 4 башни высокие, чтобы без опасения бить с них. Располагались башни над тем помещением храма,



Иже единъ шархиерей стоя по обычаю
трубяше с алтиниси ишедчера егда на
чинаше ся дѣла · егда кончяшеться ·
и тѣмъ заповѣмы сказяше людемъ ·
премадрѣлоуи
празно
па
ни
ю

В котором один из первосвященников стоял по обычаю, и трубил в трубу вечером, когда начинается день покоя, и на следующий вечер, когда день покоя кончается, этими знаками указывая людям, когда время работать, а когда праздновать.



Поставили ревнители на башнях метательные орудия, и стрельцов, и метателей копий. Симон же видел, что его бойцы сломлены бьющими с высоты и через силу продолжал сражение.

Дорогие любители древней письменности, не умеющие читать по-древнерусски!

Благодаря настоятельным требованиям господ: Н. П. Токарева, А. Б. Яновского и К. А. Бабкина начат выпуск Лицевого Летописного Свода на современном русском языке. Наслаждайтесь простым и быстрым чтением самого удивительного книжного памятника человечества.

Если что не понравится в переводе — перед вашими глазами оригинал рукописи.

С праздником вас, дорогие читатели, с праздником настоящих знаний!

Слава Христу!

Председатель правления
Общества Любителей Древней Письменности *Герман Стерлигов*

Книга распространяется благотворительно.

Лицевой летописный свод Царя Ивана Грозного

Иосиф Флавий

Иудейская война

Книга 1

Перевод на современный русский язык: А. А. Маточкин
Проверка перевода: В. Ф. Молчанов

© Благотворительный фонд содействия развитию культуры
«Общество любителей древней письменности»

ООО «Принтхаус». Зак. 411. Тираж 2000 экз.
Москва, в лѣто 2021 ѿ въплъщения Хва